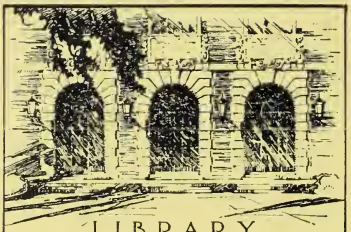


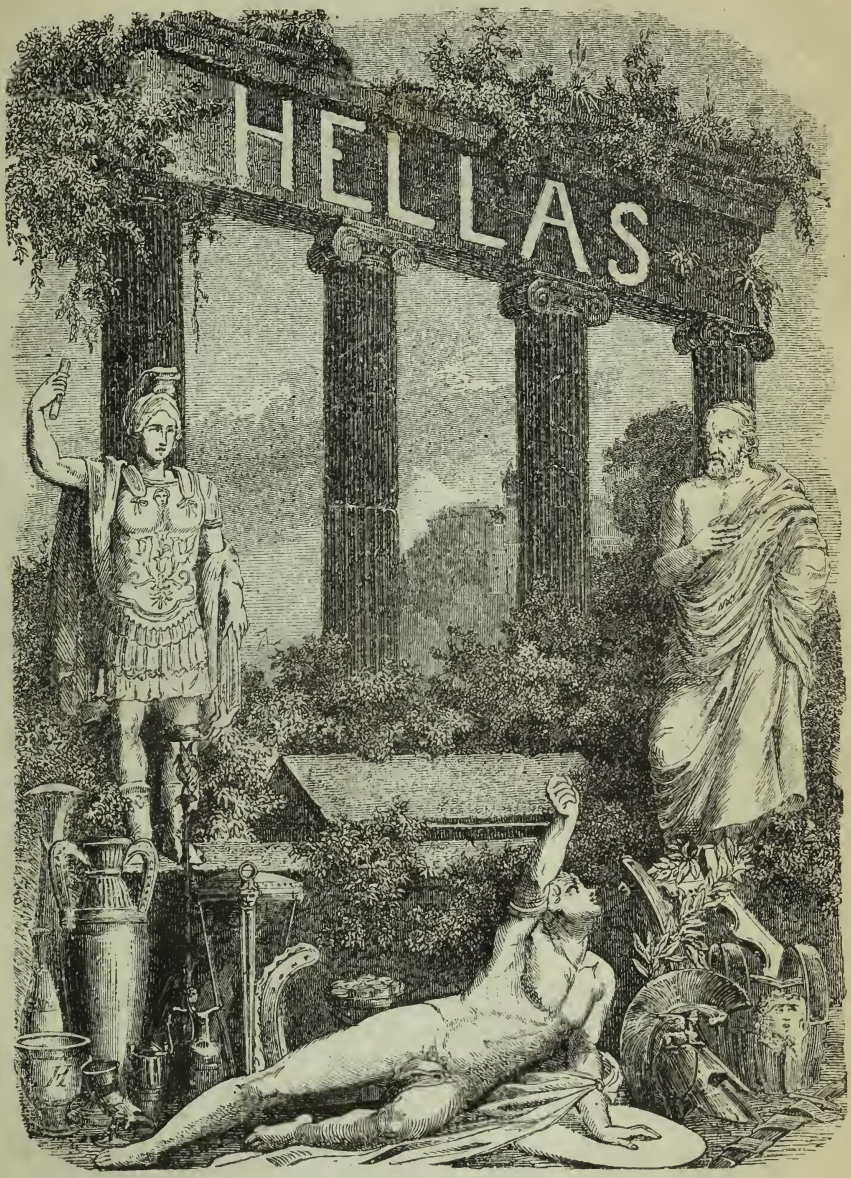
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

938
W125hRe
1878

Digitized by the Internet Archive
in 2016 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/elladakartinydre00wagn

С. Л.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1879.

ЭЛЛАДА.

КАРТИНЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ,

ЕЯ РЕЛИГІЯ, МОГУЩЕСТВО И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ПРОСВѢЩЕНІЯ ЮНОШЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

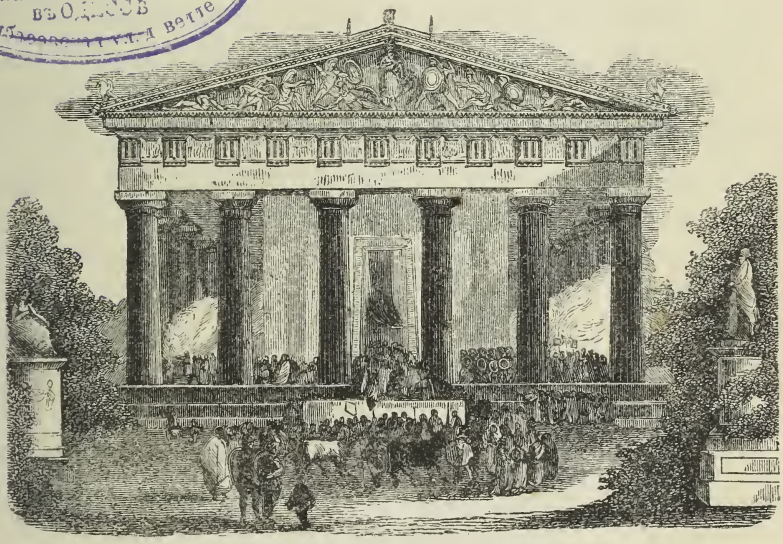
Д-РА ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО Н. ЕВСТАФІЕВЪ.

Книжный Магазинъ и Библіотека
Елисея Петровича
РАСПОПОВА
основаны въ 1862 году
въ Одессѣ

ТОМЪ I.

Изданіе третье.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостинный Дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, домъ Третьякова.

1878.

Дозволено цензурою. Спб., 28 октября 1876 г,

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Василіевскій Остр., 16 л., д. № 5).

938
W125h.Re
1878

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

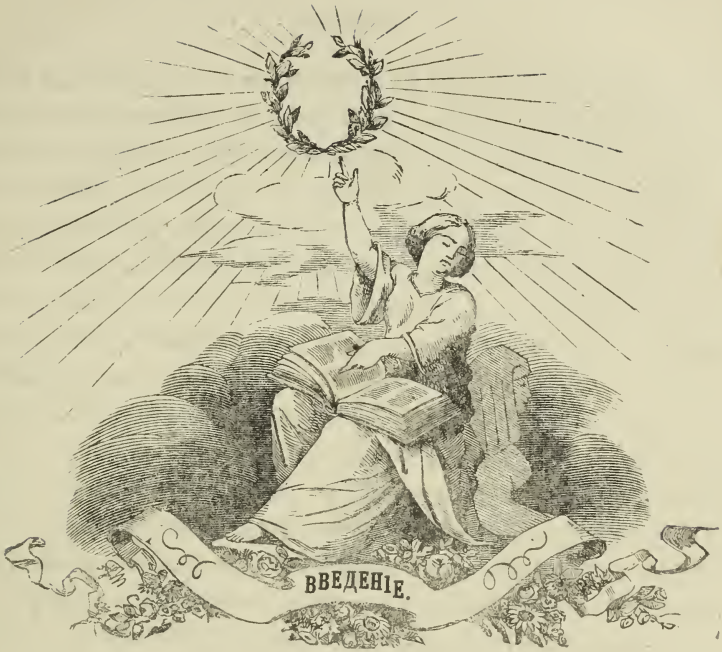
Предлагаемая «*Эллада*» есть плодъ труда долгаго, многосторонняго. Первоначально имѣлось въ виду издать въ свѣтъ только историческій очеркъ древней Греціи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; но по мѣрѣ исполненія труда раскрывались новыя стороны дѣла, — и сочинитель и издатель оба дошли до того убѣжденія, что только полная, разнообразная картина жизни и дѣятельности древнихъ эллиновъ можетъ отвѣчать той идеѣ, которая легла въ основаніе изданія. Для достиженія этой цѣли участники не пожалѣли труда: изъ области науки и искусства заимствованы всѣ необходимыя для того средства. Мы желали, чтобы вышла книга, достойная быть въ числѣ лучшихъ пособій для высшихъ учебныхъ заведеній и настольныхъ книгъ родителей, воспитателей и всѣхъ тѣхъ, кто произведеніямъ праздной фантазіи предпочитаетъ повѣствованіе о дѣйствительной жизни и дѣятельности великаго народа. Для нагляднаго представленія замѣчательныхъ мѣстностей, знаменитыхъ дѣяній, художественныхъ произведеній, жилищъ, одеждъ, орудій и т. п., мы помѣстили множество отчетливыхъ рисунковъ.

Виды мѣстностей, сцены дѣйствій, костюмы мы заимствовали изъ Евгенія Бурнуфа, Додвеля, Дуссо, Гопе и Краузе; рисунки вооруженій взяты изъ Тексье и Вейса; въ архитектурѣ совѣтовались мы съ Витрувіемъ, Шинкелемъ и Гайльгабаудомъ, а также съ превосходною «Школой архитектуры», изданной Отто Спамеромъ; чертежи составлены по Гроту; портреты, бюсты, статуи, барельефы — по антикамъ и другимъ надежнымъ источникамъ; историческія сцены — по рисункамъ Флаксмана, Жоано, Ватье, исполнены Лофлеромъ и особенно извѣстнымъ лейципгскимъ художникомъ, Лейтеманномъ. Рисунки мастерски рѣзаны на деревѣ въ заведеніи Аарланда и Пфнора, большею же частью въ артистическомъ заведеніи Отто Спамера въ Лейпцигѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Р. Ильнера.

Изъ миѳологіи греческой мы заимствовали только самый краткій очеркъ, необходимый для пониманія этого сочиненія, такъ какъ пространное изложеніе греческой миѳологіи читатели найдутъ въ изданномъ въ 1861 г., сочиненіи Петискуса «Олимпъ, миѳологія Грековъ, Римлянъ, Германовъ и Славянъ» (1 т. въ 8 д. л. съ 67 таблицами).

Наконецъ, приносимъ благодарность за содѣйствіе въ нашемъ трудѣ: гг. библіотекарямъ дармштадтской эрцъ-герцогской библіотеки, раскрывшимъ намъ сокровища, находящіяся въ ней; профессорамъ: д-ру К. Вагнеру и г. Кайзеру, въ Дармштадтѣ же, за дружеское содѣйствіе намъ совѣтомъ и рѣдкими письменными источниками.

ЭЛЛАДА.



Предъ вами, читатель, повѣсть о древнихъ эллинахъ, картины ихъ домашней и общественной жизни, ихъ мыслей и дѣлъ, побѣдъ и неудачъ, цвѣтущей поры ихъ существованія и періода нравственнаго и политическаго упадка, а больше всего картины созданій ихъ въ области искусствъ и наукъ. Такое обширное содержаніе не легко разрабатывается въ тѣсныхъ предѣлахъ небольшаго сочиненія, но мы разсчитывали съ одной стороны на подготовку читателя и снисходительность его, съ другой — на то, что внимательное изученіе источниковъ классической древности дастъ намъ возможность, хотя бы и въ сжатомъ видѣ, представить вѣрную картину древней Греціи. Въ описаніяхъ этой страны мы слѣдовали достовѣрнѣйшимъ и наблюдательнѣй-

шимъ географамъ и путешественникамъ; не упускали случая пользоваться матеріялами, скрытыми въ памятникахъ величія Греціи и отжившихъ ея великихъ мужей; наконецъ, вызвали къ совѣту историческія лѣтописи и преданія. Чѣмъ болѣе углублялись мы въ послѣднія, тѣмъ опредѣленнѣе выяснялись предъ нами образы того, что прежде казалось уже отжившимъ безвозвратно, и минувшее оживало не только въ собственной славѣ своей, но и со всѣмъ вліяніемъ, которое оно оказало на образованіе и совершенствованіе всего рода человѣческаго. Изъ мглы прошедшихъ столѣтій стали выступать предъ нами: прославленные герои, принесшіе все, что имѣли, и самую жизнь на алтарь отечества; великіе художники, въ мѣдь и мраморъ вдохнувшіе неувядаемую красу; мудрецы и философы, стремившіеся къ тому, что расширяетъ и возвышаетъ пытливый умъ, чѣмъ зиждется государство и духъ свободнаго гражданина; наконецъ, увѣнчанные пѣвцы, перелившіе въ мѣдныя струны лиры то, что радуетъ и облагораживаетъ сердце человѣка... А между тѣмъ надъ вершиной Акрополиса, изукрашеннаго сокровищами изящнаго и великаго, вознесся свѣтлый образъ музы со свиткомъ пергамента, и она разсказала, какъ и зачѣмъ на этомъ клочкѣ земли, изрѣзанномъ по окраинамъ и отвсюду охваченномъ моремъ, развилось, утвердилось и всему міру досталось въ наслѣдство столько дивной славы.

Вы, конечно, слышали о томъ странномъ явленіи, замѣчаемомъ у моря и называемомъ фата-моргана [1]), при которомъ, благодаря особенному преломленію лучей свѣта, изумленнымъ глазамъ вашимъ представляются причудливые образы далекаго взморья, безъ того недоступнаго вашему зрѣнію. Нѣчто подобное представляется умственному зрѣнію того, кто вникаетъ въ исторію знаменательнаго народа, хотя бы и сошедшаго со сцены дѣйствительнаго міра. Отжившіе, великіе дѣятели почтенной древности встаютъ изъ сѣдаго океана прошедшихъ вѣковъ, исчезаетъ разстояніе, отдѣляющее васъ отъ нихъ, и вотъ они снова чувствуютъ, желаютъ, дѣйствуютъ,

однимъ словомъ, живутъ. Такое сближеніе съ міромъ прошедшимъ и долгое, внимательное изученіе его раскрываютъ такъ много новаго, знаменательнаго, утѣшительнаго, что хочется подѣлиться своимъ пріобрѣтеніемъ съ другими. Вотъ отчего нынѣ съ любовью посвящаемъ плодъ трудовъ нашихъ какъ молодому поколѣнію, въ которомъ наиболѣе должно быть воспріимчивости ко всему умственному, истинному, прекрасному, такъ и всѣмъ тѣмъ, кому ни время, ни средства не позволяютъ собственнымъ долгимъ изученіемъ познакомиться съ народомъ и жизнью древней Греціи.

Итакъ, желающій да вооружится посохомъ путешественника и сопровождаетъ насъ мысленно въ Грецію. Путешествіе не будетъ утомительно, когда вспомнишь, что идешь повидаться съ передовыми бойцами за просвѣщеніе человѣчества. Пусть они отошли отъ насъ на столѣтія, на тысячелѣтія, въ темные предѣлы прошедшаго, но они тѣмъ не менѣе друзья намъ, близкіе друзья. Мы съ ними связаны неразрывной связью умственнаго достоянія человѣчества, достоянія, которое, съ незапамятныхъ временъ, переходитъ въ немъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, и къ которому каждый изъ наслѣдниковъ обязанъ внести свою долю, чтобъ не стыдно было передать родовое имущество послѣдующимъ поколѣніямъ. И послѣдующія поколѣнія, въ свою очередь, трудятся, чтобъ прибавить къ благопріобрѣтенному имуществу, завѣщанному намъ историческими предками нашими. Какъ ни разнообразны внѣшнія, случайныя стѣсненія, но умъ человѣческій стремится неутомимо къ истинѣ и, вооруженный наслѣдственнымъ сокровищемъ, изучаетъ таинственныя силы природы; безграничный звѣздный міръ подчиняетъ своимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ и путемъ открытій и изобрѣтеній, со дня на день, порабощаетъ своей власти видимую природу; наконецъ, слѣдуя за незримымъ, вѣчнотворящимъ Создателемъ вселенной, дерзаетъ проникать въ самыя сокровенныя мастерскія Его, все съ той же жаждой постигнуть, какъ Онъ,

Великій, ведетъ немощныхъ дѣтей своихъ то свѣтлыми, то мрачными путями жизни—къ совершенствованію.

Въ это духовное наслѣдіе внесены древними греками драгоцѣннѣйшіе матеріалы. Правда, не изъ ихъ среды возсіялъ невещественный свѣтъ Высочайшей Истины, раскрывающій глубину Неизмѣримаго и Вѣчнаго Начала существованія вселенной, ибо Провидѣніе оставило это на долю народа, который невысокимъ уваженіемъ пользовался въ мірѣ; но духъ изящнаго и возвышеннаго пробудился и въ изящныхъ образахъ выразился въ народѣ Эллады,—и эта заслуга остается и останется за нимъ на всѣ времена. Итакъ, взглянемъ-те, читатель, на эту страну, сохранившую намъ памятники неувядаемой красоты и величія прошедшихъ временъ. Они стоятъ нашего вниманія. Не забудемъ также развернуть страницы исторіи: въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, увидимъ достославныхъ мужей древней Греціи, увидимъ такъ ясно, какъ бы лицомъ къ лицу, какъ бы читая въ нихъ тѣ мысли и побужденія, ради которыхъ они жили и дѣйствовали. Мы увидимъ тогда, что преобладающимъ изъ побужленій ихъ было—служить отечеству своему всѣми силами ума и души, и что любовь къ нему одушевляла гражданина во всѣхъ родахъ призванія, на всѣхъ степеняхъ общественной дѣятельности. Прослѣдивши внимательно за тѣмъ, какъ изъ благороднаго единодушія и разумной дѣятельности народа выросло общественное благосостояніе, и какъ впослѣдствіи, на мѣсто умѣренности и самоотверженія, вкравшіяся роскошь и себялюбіе привели благословенную страну и общество въ упадокъ, мы и сами окрѣпнемъ въ томъ убѣжденіи, что священнѣйшая обязанность всякаго гражданина — добросовѣстнымъ служеніемъ своему избранному дѣлу содѣйствовать по мѣрѣ силъ благосостоянію общества. Мы увидимъ также, что для достиженія этой благородной цѣли нѣтъ надобности, чтобы непремѣнно дѣло гражданина было на виду у всѣхъ, или обставлено блестящими аттрибутами значительности и офиціальности: польза отъ него обществу не потеряна, лишь бы

оно служило на благо общественное и выполнено было честно и съ любовью. Пусть дѣло обнимаетъ широкую сферу международныхъ отношеній, или не выходитъ за предѣлы домашней среды; пусть его развиваетъ въ своей мирной мастерской художникъ, или совершенствуетъ на полезномъ поприщѣ земледѣлецъ; пусть, наконецъ, подъ звуки громовъ боевыхъ отстаиваетъ драгоцѣнное достояніе чести и справедливости воинъ,—все равно: совокупными усиліями, разнообразными средствами сложится и укрѣпится зданіе общественной славы и благополучія, и каждый вѣрный сынъ своей родины получитъ по своимъ заслугамъ. Но если и ни одно человѣческое око не увидитъ этихъ заслугъ, то все-таки не скрыты онѣ отъ Того, Кто изъ всякаго добраго сѣмени произраститъ и добрый плодъ, Кто всякое полезное дѣло человѣческое вложитъ въ основаніе благоденствія грядущихъ поколѣній.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на роды и племена, послѣдовательно съ древнѣйшихъ временъ населявшіе Элладу.

Вотъ на первомъ планѣ крѣпкіе, мощные герои, то въ львиныхъ шкурахъ и вооруженные ужасными палицами, то со щитомъ и дальнометнымъ копьемъ. Они вышли поразить исполиновъ и чудовищъ и твердой десницей покарать всякую неправду на землѣ. Всѣ они испытали суровую школу жизни и научились въ ней, противодѣйствуя злу, разсчитывать только на свои собственныя силы. Въ юношеской самонадѣянности, они, увлекаясь, нерѣдко идутъ противъ друзей своихъ и, съ желаніемъ блага, распространяютъ несчастія въ мірѣ, но сами они потомъ страдаютъ болѣе другихъ отъ своего увлеченія, страдаютъ долго, чтобы, очистившись страданіями, воспарить къ олимпійскимъ высотамъ.

Далѣе. Занимается заря возмужанія народа, заря законности и благоустройства. Вотъ законодатели, учреждающіе порядокъ общественный; за ними полководцы и воины. На знаменахъ послѣднихъ: «побѣдимъ, или умремъ за отечество!» Почтенные мужи засѣдаютъ въ совѣтахъ, свободные граждане творятъ судъ нелицепріятный; мудрецы окружены тол-

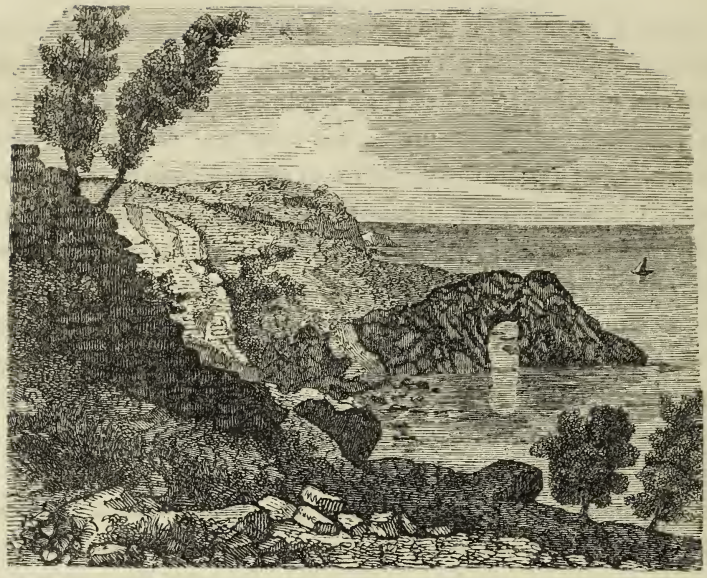
ною юношей, жаждущихъ истины; являются поэты, то создающіе величественные образы, то воспѣвающіе веселость жизни; художники, строящіе жилища самимъ богамъ и изъ безжизненнаго мрамора и мѣди производящіе живые, вѣчной красой облеченные образы. И далеко, и широко развертывается шествіе; но мало-по-малу стройный порядокъ его нарушается; только изрѣдка поднимется надъ уровнемъ массы избранная личность и пройдетъ съ поникшей головой, какъ бы предвидя, что близко время праздныхъ наслажденій, близокъ упадокъ народныхъ доблестей и величія.

И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, приближаются шумные рои юношей, мужей и разряженныхъ женъ, которыя спѣшатъ къ пирамъ и наслажденіямъ,—гражданъ, убивающихъ время среди общественныхъ сборищъ, въ процессіяхъ, или въ праздномъ пустословіи, — наемниковъ, несущихъ на торжища за деньги свое собственное тѣло.

Позади веселыхъ, надушенныхъ кутилъ, пересыпающихъ блестящими шутками свою легкомысленную бесѣду, позади бездомной толпы наемнаго воинства видны два мужа царственной, величавой осанки. Младшій изъ нихъ устремилъ орлиный взглядъ въ Азію: тамъ онъ хочетъ новый міръ завоевать греческому образованію. Вокругъ него стоятъ его приверженцы, отважные, гордые мужи, закованные въ сіяющіе доспѣхи, готовые съ предводителемъ своимъ идти въ ту чудную, невѣдомую страну, которую омываютъ священныя воды Инда. Но, какъ волна волною, смѣняется сцена иною сценой: предъ нами уже тѣнь героя, и надъ нимъ пылаетъ и клокочетъ разрушительнымъ пламенемъ раздоръ сподвижниковъ его. Они, бывшіе соратники, друзья его, теперь возстали на домъ царскій — и всѣ вмѣстѣ съ нимъ сошли въ могилу. Распалось могущественное царство великаго Александра, а изъ развалинъ его возникли новыя царства. Въ златѣ и пурпурѣ возсѣдаютъ на тронахъ цари ихъ эллинскаго корня; восточная пышность отовсюду нѣжитъ взоры; искусство, уничиженное, пресмыкается рабски у ногъ ихъ,

ища царской улыбки и милости. Геній греческій вступаетъ на новое поприще. Онъ быстро шагаетъ въ области знаній; изобрѣтенія и открытія слѣдуютъ одни за другими, украшая жизнь гражданина, обогащая умъ новыми, невѣдомыми богатствами. Впереди неутомимыхъ дѣятелей стоитъ почтенный старецъ. Съ книжнымъ сверткомъ и картинами въ рукѣ, быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ землю и небо, и въ себѣ одномъ совмѣстилъ всѣ современныя знанія. Онъ какъ бы хочетъ выше и выше вознести надъ прочими народами славу эллиновъ въ области наукъ, если ужь клонится къ упадку ихъ политическая слава.

Вотъ основанія того, что въ предстоящемъ сочиненіи изложено въ образѣ и словѣ. Предметъ изложенія стоитъ самаго теплаго участія читателя, ибо это не праздныя сказочки, пріятно шевелящія дѣтское воображеніе, а истина, почерпнутая изъ исторіи, истина, которая столько же свѣтла въ историческихъ событіяхъ, сколько неопредѣленна подъ туманнымъ покровомъ преданій баснословныхъ временъ.



Мысъ Аѳинскій.

ГЛАВА I.

ОБОЗРѢНІЕ СТРАНЫ И НАРОДОВЪ ЭЛЛАДЫ.

I. Страна эллиновъ.

Путь изъ Германіи въ классическую страну лежитъ на юго-востокъ. Пустимся по теченію Дуная. Онъ понесетъ насъ мимо Вѣны, мимо зеленыхъ, веселыхъ холмовъ и благоустроенныхъ, богатыхъ нивъ и въ нѣсколько часовъ примчитъ насъ къ предѣламъ Венгріи. Полюбуемся, какъ послѣ долгаго пути, насмотрѣвшись вволю на смѣющіеся берега и окрестности, старикъ Дунай спѣшитъ теперь на отдыхъ и, отбросивши прежнюю задумчивость, круто и быстро заворачиваетъ направо, налѣво, въ ожиданіи успокоенія въ Черномъ морѣ. Точно такъ и человѣкъ, не разставаясь съ

надеждой, все спѣшитъ, пока живетъ, отъ одной стоянки на жизненномъ пути до другой, пока не достигнетъ безбрежнаго моря вѣчнаго покоя. Быстро минуемъ царственный Пресбургъ, дружные Офенъ и Пестъ, и вотъ мы на обширныхъ равнинахъ Венгріи. Скоро границы ея: вотъ ужъ синѣютъ впереди горы, а вотъ и самъ Бѣлградъ, столица маленькаго сербскаго княжества. Теперь бы прямо на югъ, скоро достигли бы цѣли, но близкій путь труденъ и опасенъ: на каждомъ шагу поднимаются непріятныя горы, продолженіе снѣгомъ вѣнчанныхъ Альповъ. На востокъ тянется цѣпь, древній Гемусъ, а отъ ней отдѣлилась вѣтвь Родопповъ на юго-востокъ. Здѣсь, по преданію, отъ пѣнья *Орфея* смирялись дикари и трогались самые камни. Другая цѣпь, Скарда и Пинда, прямо на югъ. По ихъ ледянымъ верхушкамъ ближе всего было-бъ добраться до Греціи. Но дороги сбивчивы въ этой цѣпи, или, лучше сказать, ихъ вовсе нѣтъ; а полудикія племена, какъ встарину, сидятъ на вершинахъ, гнѣздятся по ущельямъ негостепріимной мѣстности. Ужъ въ сѣдую древность тѣшились здѣсь безпрерывными битвами и грабежемъ воинственные иллирійцы и вмѣстѣ съ хаонійцами, молоссами и ѳеспротіями вели нескончаемыя войны съ не менѣе хищными ѳракійцами. Теперешніе обитатели этихъ странъ не уступаютъ въ жаждѣ корысти и крови своимъ предкамъ. Правда, они слывутъ за подданныхъ блистательной Порты, но это не мѣшаетъ имъ промышлять на счетъ сосѣдей. Ихъ воины, страшные поликары [2]), отлично управляютъ ружьемъ, пистолетомъ и неизбѣжнымъ ятаганомъ. При безурядицѣ въ странѣ, долго еще придется ждать, пока уничтожится въ ней кулачное право и внутреннимъ междоусобіямъ и хищничествамъ положенъ будетъ предѣлъ.

Поэтому мы хорошо сдѣлаемъ, если будемъ держаться подальше отъ этихъ мѣстъ. Лучше тѣмъ же Дунаемъ спустимся до самаго моря. Черное море древніе называли Понтомъ Эвксинскимъ [3]), т. е. моремъ гостепріимнымъ, вѣроятно, за его плодоносные, счастливые берега. Конечно, они много

утратили красоты подъ владычествомъ османовъ, но все-таки, спускаясь вдоль западныхъ береговъ Черноморья, не разъ насладишься чудными видами, особенно когда достигнешь того мѣста, гдѣ берега Малой Азіи выдвинулись, какъ бы съ намѣреніемъ запереть обширный Понтъ. Бурныя пучины протѣснились, однако-жь, между надвинутыхъ высотъ и легли между ними живописнымъ Босфоромъ. Чудный путь! Синія волны Босфора ласково качаютъ ваше судно, Европа и Азія глядятъ на васъ справа и слѣва. Впереди засіяла въ солнечныхъ лучахъ золотая, серпообразная луна Ая-Софіи (Софійской мечети), а вотъ стали выдвигаться одни за другими: куполы, минареты, кіоски и дворцы, утонувшіе въ зелени фиговыхъ и фисташковыхъ садовъ; наконецъ развернулась и вся удивительная панорама Стамбула, въ былое время Константинополя.

Здѣсь мы впервые знакомимся съ эллинами. На этомъ мѣстѣ заложенъ былъ ими въ древности одинъ изъ замѣчательныхъ городовъ ихъ, Византія, многолюдная, цвѣтущая торговлей. Отважные корабли ея не боялись проникать до далекихъ предѣловъ Меотійскаго болота (Азовскаго моря).

Проливъ отсюда расширяется такъ, что на картѣ кажется порядочнымъ озеромъ. Эти воды греки называли Пропонтидой (теперь Мраморное море). По берегамъ здѣсь расположены были многочисленныя колоніи. Поспѣшимъ на всѣхъ парусахъ къ Геллеспонту (Дарданельскій проливъ), гдѣ Европа и Азія въ послѣдній разъ сближаются такъ, что только 12 миль раздѣляютъ ихъ. Удивительные города и городки пестрѣли здѣсь по берегамъ во время-оно. Они или основаны были греками, или прониклись духомъ греческой предпріимчивости и образованія. Теперь только развалины обозначаютъ мѣста ихъ. Миновавши Перинѳъ, пріѣзжаемъ на рейдъ Эгосъ-Патомоса (южнѣе нынѣшняго Галиполи) и видимъ на той сторонѣ, въ Малой Азіи, деревню Лампсаки, древній городъ Лампсакъ, далѣе — направо Цестосъ, налѣво Абидосъ, оба знаменитые любовью Леандра и Геры и мо-

стомъ Ксеркса. Вотъ и Херсонесъ Ѳракійскій, замыкающій проливъ съ европейской стороны. Море Эгейское (Архипелагъ) несетъ насъ на западъ, вдоль береговъ. При устьѣ Неста находился Абдера, городъ, знаменитый въ древности глупостью своихъ жителей. Недалеко отъ него высокій островъ Тазосъ, съ богатыми золотыми рудниками, бывшій поэтому

Поликары и горные обитатели нынѣшней Греціи.

предметомъ пламенныхъ желаній сначала грековъ, потомъ македонскихъ царей. Не доѣзжая Аѳона, видишь у устья Стримона городъ Амфиполисъ, воздвигнутый подъ покровомъ Аѳинъ. Не менѣе его достопамятны лежавшіе къ югу отъ него, на западномъ изъ полуострововъ, города Олинѳъ и Потидея. Чтобъ къ нимъ добраться, надо прежде обогнуть Аѳонъ и остальные два полуострова, лѣвѣе его.

Попутный вѣтеръ промчитъ насъ въ Термайскомъ заливѣ къ югу, вдоль изрѣзанныхъ высокими мысами береговъ. Только

одна низменность встрѣчается здѣсь: это знаменитая, столько разъ воспѣтая долина Темпейская. По ней, осѣненный лаврами, олеандрами, подъ ропотъ древнихъ, священныхъ рощъ, катитъ свои свѣтлыя воды Пеней.

Теперь мы въ Ѳессаліи, самой сѣверной изъ трехъ частей, на которыя обыкновенно дѣлятъ древнюю Грецію.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ повѣствованію самыхъ событій, посмотримъ на мѣста, гдѣ совершались они.

Греція прорѣзана по всѣмъ направленіямъ горами; море охватываетъ ее съ трехъ сторонъ, дробится въ безчисленныя бухты, глубокими заливами далеко врѣзывается въ землю, повсюду подавая пути промышленности и торговлѣ. Къ сѣверу отъ долины Темпейской уступами громоздятся горы, которыхъ вершины круглый годъ увѣнчаны снѣгомъ. На ихъ неприступныхъ, туманныхъ высотахъ любимые миѳы древнихъ грековъ помѣщали жилища блаженныхъ боговъ. Тамъ держали безсмертные совѣтъ надъ судьбиной людей; тамъ, наконецъ, услаждали они нектаромъ и амврозіей божественные пиры свои подъ пѣніе музъ и киѳареда Феба-Аполлона.

Отъ Термайскаго залива цѣпь Олимпа и къ ней примыкающія Камбунскія горы тянутся вплоть до горъ Пинда, присоединяясь къ послѣднимъ почти подъ прямымъ угломъ. Далѣе горнаго ихъ узла тянутся они на западъ, подъ именемъ Лингонскихъ и оканчиваются у самаго Іонійскаго моря мысомъ Акрокеранскимъ. Всѣ эти горы и къ югу идущая цѣпь Пинда, между Ѳессаліей съ востока и Эпиромъ съ запада, извѣстны болѣе или менѣе только вдоль главныхъ направленій своихъ: ничье наблюдательное око еще не заглянуло въ лабиринтъ ихъ побочныхъ развѣтвленій; никто еще не осмотрѣлъ и не измѣрилъ ихъ высотъ и отвѣсныхъ скалъ, не проникъ въ глубокія долины и тѣснины. А, конечно, онѣ не уступаютъ Альпамъ съ романтической стороны. Въ нихъ вѣрно нѣтъ недостатка и въ шумныхъ водопадахъ, и въ укрытыхъ озерахъ, и въ роскошныхъ коврахъ зелени, съ фіалками и анемонами, разбросанныхъ по горнымъ накло-

Гора Пиндъ.

намъ, и, наконецъ, въ альпійской розѣ, отрадно поражающей взглядъ путника среди снѣжныхъ горныхъ вершинъ; но всѣмъ этимъ наслаждаются только уединенные пастухи да угрюмые поликары. Остальному міру они ничего пока не сообщили ни изъ красотъ своей природы, ни изъ собственныхъ ощущеній.

Далѣе къ югу отъ Пинда отдѣляется цѣпь горъ Оѳрисскихъ и идетъ къ востоку, къ Эгейскому морю, замыкая Ѳесссалію съ юга. Такъ какъ область эта и со стороны моря замкнута горами, Оссой и Пеліономъ, то, конечно, вся она скоро обратилась бы въ озеро отъ нагорныхъ потоковъ, еслибъ какой нибудь физическій переворотъ — быть можетъ Девкаліоновъ потопъ—не прорвалъ имъ истока долиной Темпейской. Еще и при этомъ внутри области скопляется значительное озеро, Вэбисское, водамъ котораго нѣтъ истока.

Жители этихъ мѣстностей никогда въ исторіи эллинскаго народа не играли важной роли, хотя и были страшны сосѣдямъ своими набѣгами и часто, приставая къ одной или другой сторонѣ воюющихъ, давали перевѣсъ имъ въ битвахъ. Отличные луга пространныхъ здѣшнихъ долинъ и равнинъ благопріятствовали коневодству. Здѣсь преданія полагаютъ мѣстопребываніе центавровъ, существъ, которыя передней частью были люди, а задней—кони. Еще древнѣйшій здѣшній миѳъ повѣствуетъ о томъ, какъ могучія дѣти земли нагромоздили Оссу на Пеліонъ, чтобы завладѣть небеснымъ жилищемъ боговъ, и какъ, униженныя, съ трепетомъ разбѣжались они отъ молній тучегонителя Зевса. Уже въ историческія времена страна эта встрѣчается раздѣленной между многими племенами народовъ, но всѣ они, магнеты и ѳетійцы, малійцы, долопы и другіе, болѣе или менѣе зависятъ отъ ѳессалійцевъ. Послѣдніе пришли изъ Эпирской Ѳеспротіи. Древнихъ потомковъ пелазговъ, встрѣченныхъ ими въ Ѳессаліи, они частью вытѣснили, частію покорили своей власти и сами сѣли по плодоноснымъ полямъ, по обѣ стороны Пенея, который тогда назывался Эолисомъ.

Къ югу отъ горнаго узла съ Оѳрисскими горами Пиндъ направляется болѣе къ юго-востоку. Отъ него отдѣляется вѣтвь на востокъ—*Эта*. Эти горы, суровыя на видъ, на обнаженныхъ скатахъ своихъ не представляющія почти никакой растительности, идутъ до самаго моря, отъ котораго отдѣляются только узкимъ проходомъ. Это знаменитое ущелье Ѳермопильское. Рѣка Сперхій, протекающая вдоль сѣвернаго склона Эты, впадаетъ въ Малійскій заливъ. По нижнему теченію ея и на южныхъ склонахъ Оѳриса, богатыхъ, плодоносныхъ, жили малійцы и другія племена, всѣ происхожденія эллинскаго. Тѣ же нравы, тѣ же преобладающія занятія войной и набѣгомъ. Сосѣди ихъ съ запада, обитатели дикихъ мѣстностей Эты, были родственны или эпирцамъ, или этолянамъ.

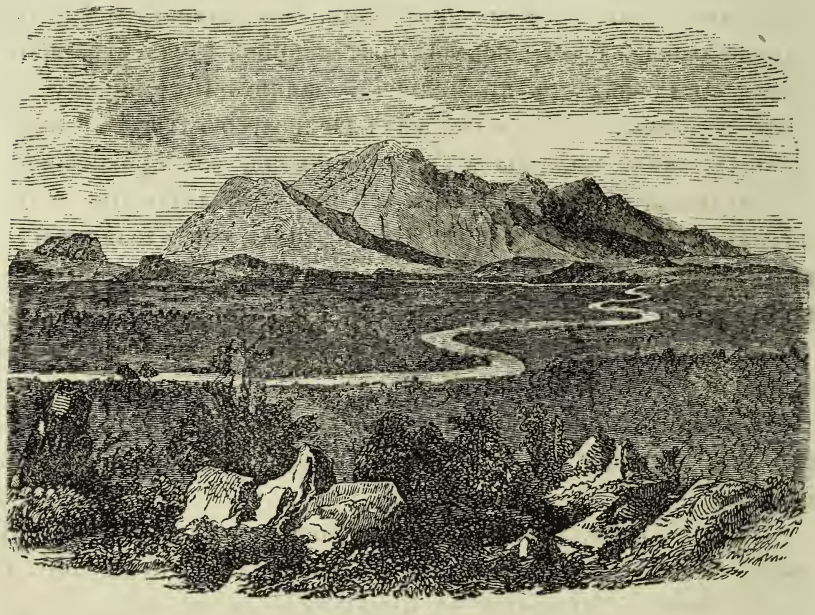
Вся долина по теченію Сперхія также принадлежитъ къ Элладѣ въ тѣсномъ смыслѣ.

Итакъ, вотъ она, Эллада, колыбель, изъ которой развилось для послѣдующихъ поколѣній народовъ все прекрасное и высокое.

Пройдя *Эту*, мощная цѣпь Пинда раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна, юго-западная, съ своими дикими Кораксомъ и Аракнитомъ, врѣзывается въ Коринѳскій заливъ мысомъ Антиріонъ; другая же аттическимъ мысомъ, Суніонъ, входитъ въ Эгейское море. Въ этой послѣдней вѣтви — знаменитые: Парнасъ, Геликонъ, Киѳеронъ и, кормилецъ пчелъ, Гиметъ. Третья, невысокая вѣтвь идетъ вдоль моря. Въ ней замѣчательны: Парнесъ и обильный мраморомъ Пентеликосъ.

Самая западная область, принадлежащая къ Элладѣ, была Акарнанія. Въ ней заключается пространство отъ Амбракскаго залива до Іонійскаго моря къ югу. По всей области проходятъ невысокія горы и чередуются съ довольно-пространными равнинами и низменностями. Отъ Этоліи, сосѣдней области на востокъ, Акарнанію отдѣляетъ рѣка Ахелой, вытекающая издалека, изъ ущелій Пинда; это самый длинный, многоводный потокъ Греціи. Акарнанцы въ образованіи не-

многимъ чѣмъ были выше своихъ грубыхъ сосѣдей, эпирцевъ, не отличались и прочнымъ устройствомъ гражданскаго своего быта, а потому и неудивительно, что въ исторіи Греціи они никогда не имѣли значенія



Гора Парнасъ.

О сосѣдкѣ Акарнаніи, Этоліи, можно сказать почти то же; только горы ея выше и суровѣе, да обитатели ея, разбитые на незначительныя поколѣнія, по городкамъ и селамъ, играли нѣсколько замѣтную роль во время переселенія дорянъ и еще въ ту эпоху, когда звѣзда Греціи стала склоняться къ закату.

Далѣе къ востоку были области: крошечная, съ сѣвера ограниченная Этой, Дорида, родина могучаго племени дорянъ; за нею Локрида, а далѣе—Ѳокида съ Парнасомъ, Кастальскимъ источникомъ, Дельфами, святилищами и Кризайскими полями. Тутъ также достигли высокаго развитія эллинская жизнь, эллинскіе нравы и учрежденія, хотя, впрочемъ,

народцы, обитавшіе въ этихъ областяхъ, никогда не имѣли такого политическаго значенія, чтобы отъ ихъ рѣшенія зависѣла судьба общаго отечества эллиновъ.

Аркадія.

Не таково было значеніе сосѣдней области, Віотіи: и въ первоначальныя, и въ позднѣйшія времена она пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла Греціи; главный же городъ ея, Ѳивы, стоялъ одно время впереди всѣхъ остальныхъ греческихъ городовъ. Віотія простиралась отъ пролива Эвбейскаго до Коринѳскаго залива, а отъ сосѣдки своей съ юга, Аттики, отдѣлялась Киѳерономъ и Парнесомъ. Вдоль этихъ горъ протекаетъ Азопъ, впадающій въ южную часть Эвбейскаго про-

лива. Воды сѣверной части области скопляются въ озеро Копаисъ: излиться имъ въ заливъ мѣшаютъ Птонскія возвышенности. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Греціи скопленныя воды изливаются естественнымъ отверстіемъ промытымъ водами въ глинистыхъ горныхъ породахъ. Было

Паденіе Стикса.

и искусственное пособіе водамъ; теперь оно испортилось. Первое же, называемое Катавоѳра, недостаточно для того, чтобы озеро могло совсѣмъ высохнуть; воды его стекаютъ понемногу, а накопляются вновь скорѣе, чѣмъ стекаютъ. Десять городовъ составляли благоустроенный, хотя по временамъ и шаткій, віотійскій союзъ. Во главѣ его стоялъ городъ Ѳивы, но, кромѣ его, и другіе здѣшніе города, какъ-то: Платея,

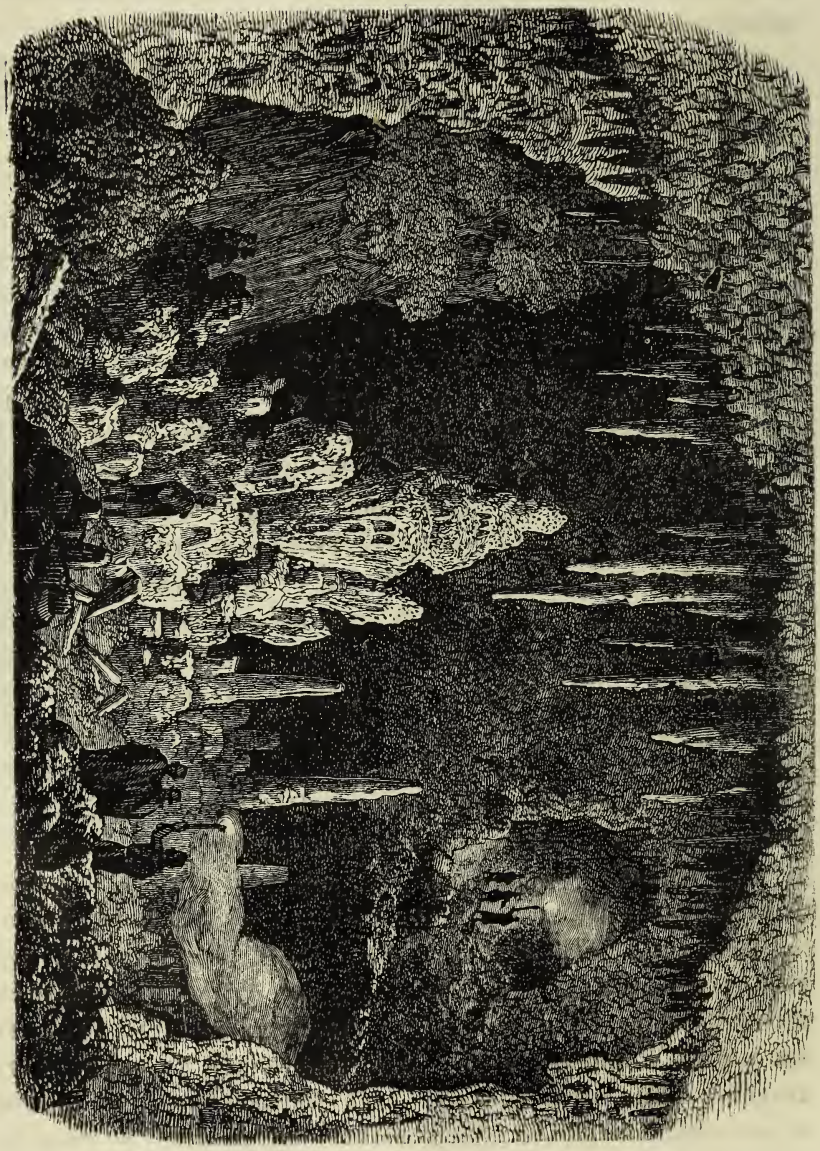
Ѳеспія, Коронея, Херонея, Левктра, знамениты въ исторіи блестящими дѣлами своихъ гражданъ или достопамятными событіями, съ ихъ именами.

Юго-восточная часть полуострова Эллады занята Аттикой. Съ запада и сѣвера ее ограничиваютъ Мегарида и Віотія, а съ прочихъ сторонъ — проливъ Эвбейскій, море Эгейское и Саронскій заливъ. Это мѣстность гористая, скудно орошаемая Кеѳисомъ и Илисомъ, въ естественномъ отношеніи богатая только фигами, маслиной и медомъ. За то города и села ея—изъ нихъ упоминаемъ только Элевзисъ на западѣ и Мараѳонъ на востокѣ у Эвбейскаго пролива — были связаны тѣснымъ, свободнымъ союзомъ гражданства со славой вѣнчанными Аѳинами. Въ этомъ союзѣ надо искать источниковъ той безграничной любви къ отечеству, геройской доблести и духа свободы, которые одушевляли каждаго сына Греціи, которые поставили во главѣ союза Аттику и всему небольшому, по пространству, союзу увѣковѣчили на страницахъ всемірной исторіи неувядаемую славу гражданскихъ подвиговъ и высокихъ произведеній изящныхъ искусствъ.

Сравнительно съ величавой, блистательной судьбой Аттики, сосѣдка ея, Мегарида, представляется въ высшей степени незначительной. Мегарида, охваченная съ запада Коринѳскимъ, а съ востока Саронскимъ заливомъ, примыкала къ самому перешейку Коринѳскому (Истму) и заключала въ себѣ обнаженныя крутизны Гераніи и Оніи.

Перешагнемъ черезъ высоты, перерѣзывающія Коринѳскій перешеекъ, утесы Гераніи съ сѣвера, горы Оніи съ юга.

Теперь мы въ Пелопонезѣ, южной части Греціи. Горы, сжатыя на перешейкѣ, расходятся отсюда по всѣмъ направленіямъ по полуострову. Цѣпь горъ Акрокоринѳскихъ, охвативши городъ Коринѳъ, идетъ прямо на западъ до моря и отдѣляетъ Ахаію отъ Аркадіи. Отъ Акрокоринѳскихъ горъ и отъ мощныхъ вершинъ Киленовыхъ переброшена по сушѣ и черезъ заливъ вѣтвь до Парнаса. Съ Акрокоринѳскими Эримантскія горы образуютъ горный узелъ, ибо къ нимъ еще съ сѣвера,



Антипаросская пещера.

черезъ заливъ, примыкаетъ горная вѣтвь. Еще до горнаго узла цѣпь, идущая съ сѣвера къ югу, достигаетъ у Панахаика замѣтной высоты, далѣе, подъ именемъ Ликайской, составляетъ границу между Элидой и Аркадіей и, наконецъ, самыми большими и крутыми вершинами, пройдя подъ именемъ Тайгета Лаконику; врѣзывается мысомъ Тенарскимъ въ море. Третья горная цѣпь идетъ отъ Коринѳскаго перешейка прямо на югъ. Извѣстнѣйшая часть этой цѣпи, Ѳорнаксъ, продолжается далеко въ море и оканчивается мысомъ Малеа, котораго такъ опасаются мореходцы.

Скажемъ нѣсколько словъ о государствахъ и городахъ Пелопонеза.

Богатый торговлей Коринѳъ владѣлъ всѣмъ перешейкомъ. Гавани его: Лехеонъ и Кенхреа подавали руку торговлѣ на двухъ, разграниченныхъ перешейкомъ, моряхъ. Сосѣдняя Коринѳу область, Сикіонъ, владѣла частью плодоносной равнины, простиравшейся почти до самаго г. Коринѳа.

Къ югу и къ востоку отъ Коринѳа расположена была въ то время могущественная область — Арголида. Городъ Аргосъ, находящійся недалеко отъ незначительной рѣчки, Инаха, былъ главою Аргивскаго союза, въ составѣ котораго были еще города: Микэна, Тиринѳъ, Эпидавръ, Трецэна и другіе. Во владѣніи его были частью плодоносныя, частью болотистыя площади и низменности, которыя тянутся вдоль извилистыхъ береговъ Аргивскаго морскаго залива.

Къ югу отъ Арголиды простиралась до самаго моря Лаконія, или Лаконика, подвластная всѣмъ своимъ пространствомъ, всѣми городами, селами и населеніемъ главному областному городу, могущественной Спартѣ. Власть этого города, состоявшаго собственно изъ четырехъ, пяти незатѣйливыхъ деревень, и не ограждавшаго себя отъ непріятелей никакими искусственными оградами и стѣнами, была неограниченна относительно всѣхъ подчиненныхъ ему. Обитатели юго-восточнаго побережья Пелопонеза, Ѳорнакса до мыса Малеа, богатыхъ, плодоносныхъ равнинъ нижняго теченія Эвротаса и

величественныхъ высотъ и дикихъ ущелій Тайгета, всѣ несли дань гордымъ своею воинственностью спартанцамъ. Да и не только эти всѣ, сами мессенцы, жители сосѣдней съ запада области, узнали на опытѣ силу этой воинственности. Спартанцы разрушили города ихъ, Анданію и Скениклеросъ, сокрушили ихъ крѣпости, Иѳому и Иру, и распространили власть свою до самаго Іонійскаго моря.

Теперь взглянемъ на мѣстности, находившіяся между горами Эримантскими и Ликайскими съ одной стороны и моремъ Іонійскимъ съ другой.

Прежде всего встрѣчаемъ области Триѳилію и Пизатиду. Обѣ онѣ зависѣли отъ сѣверной части Элиды. Алѳей, вытекавшій изъ Аркадіи, устьями своими находился въ Пизатидѣ и орошалъ здѣсь плодородныя, хорошо обработанныя равнины, между прочимъ и равнину Олимпійскую. Въ плодородіи имъ не уступали и поля элидскія, орошаемыя рѣчкой Пенеемъ. Къ сѣверу отъ Элиды и на востокъ, вдоль Коринѳскаго залива, лежала, прорѣзанная отрогами Акрокоринѳа, область Ахаія. Ея двѣнадцать городовъ составляли тѣсный гражданскій союзъ.

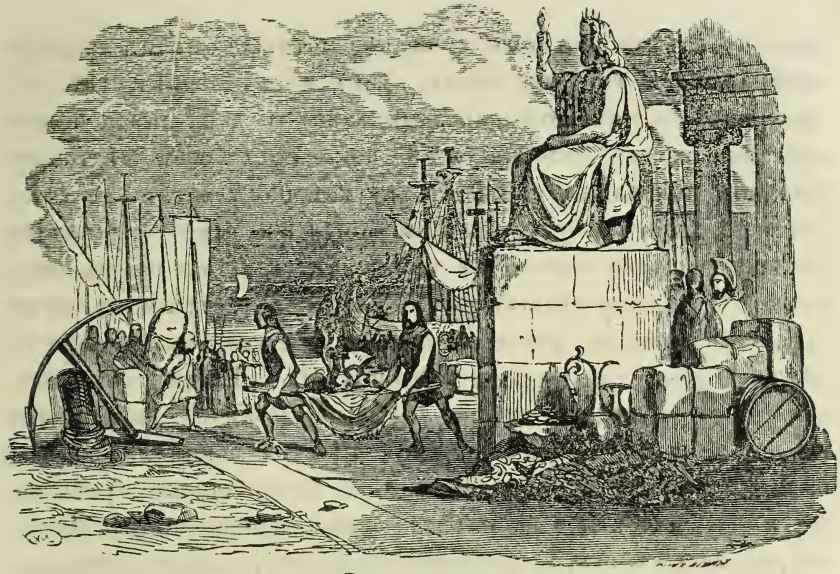
Гористая по преимуществу и живописно-дикая область Аркадія занимала средину Пелопонеза. Здѣсь воды или стремятся въ Эвротасъ и Алѳей, или собираются въ небольшія озера, или, наконецъ, низвергаются въ глубокіе овраги и пропасти, откуда сами промываютъ себѣ истокъ. Вблизи города Фенея, въ сѣверной части Аркадіи, шумно стремится знаменитый Стиксъ и прыгаетъ между утесовъ и скалъ. Вся мѣстность проникнута такимъ дикимъ и мрачнымъ величіемъ, что воображенію древнихъ здѣсь чудился не только путь въ царство Аида, но и самъ ворчливый Харонъ, перевозящій души усопшихъ, не прежде, впрочемъ, какъ получивъ отъ нихъ въ плату *оболъ* [4]). Стимѳальскія болота слыли у древнихъ пустынными, печальными мѣстами. Въ западной части Аркадіи господствовалъ однообразный пастушескій бытъ, въ восточной же преобладало городское устройство, а города Тегея и

Мантинея достигали по временамъ даже замѣчательнаго могущества.

Греція, въ описанномъ нами пространствѣ, не превосходила по величинѣ Португаліи; но ея вліяніе, языкъ, нравы, учрежденія и самое населеніе распространялись далеко за предѣлы государства. Колоніи ея населяли южную Италію и Сицилію, а города ея цвѣли по берегамъ Малой Азіи, Босфоровъ, Пропонтиды, Геллеспонта и даже по берегамъ Понта Эвксинскаго и Мэотійскаго болота. Цвѣтущіе острова на Эгейскомъ морѣ, Киклады, т. е. *вокругъ лежащіе*, составляли своимъ развитіемъ какъ бы продолженіе самой Эллады. Между ними замѣчательнѣйшіе по плодородію почвы, отличному состоянію земледѣлія или по морской торговлѣ были: Андросъ, Теносъ и изобильный винами и маслиной Паксосъ, колыбель Діонисса. По промышленности и торговлѣ первое мѣсто занималъ островъ Паросъ, но ни промышленностью, ни торговлей, ни ослѣпительной бѣлизны мраморомъ, разрабатываемымъ уже и въ древнія времена, не прославился Паросъ столько, сколько храбростью своихъ жителей и крѣпостью стѣнъ главнаго своего города. Возлѣ него безплодный и невоздѣланный Антипаросъ, знаменитый своей сталактитовою пещерой, о которой, впрочемъ, не упоминаетъ ни одинъ изъ греческихъ писателей: вѣроятно, трудность входа въ пещеру пугала наблюдателей, и они не заглядывали внутрь ея. Несомнѣнно, однако-жь, что во времена македонскаго владычества пещеру осматривали внимательно, ибо найдены въ пещерѣ различныя греческія надписи, намекающія на это. Есть еще и преданіе, конечно, лишенное основанія, будто бы часть пещеры названа по имени Антипатра Македонскаго потому, что послѣдній, обвиненный въ цареубійствѣ, спасся въ нее бѣгствомъ. Кто отважится при помощи лѣстницъ или по крутымъ сходамъ спуститься внутрь пещеры, тому откроется удивительный міръ, полный волшебной красы. Факелы проводниковъ освѣтили внутренніе своды въ 180 футовъ вышины. Предъ вами открылся тотъ волшебный Джинистанъ,

о которомъ вы читали въ восточныхъ сказкахъ: стѣны, столбы, пирамиды; карнизы сіяютъ яшмой, порфиромъ, алебастромъ и тысячами разнообразныхъ отблесковъ отражаютъ падающій на нихъ свѣтъ факеловъ. Посреди пещеры возвышается пирамида на 24 фута, на подобіе необъятнаго каменнаго куста. Ее называютъ жертвенникомъ.

Обратимся опять къ Кикладамъ. Всѣ они расположены вокругъ небольшаго островка, Делоса, который считался у грековъ священнымъ, ибо въ немъ полагали родину Аполлона и Артемиды. Въ честь этихъ божествъ стоялъ на Делосѣ храмъ, и отправлялись торжественныя празднества, тѣсно роднившія іонійскихъ грековъ съ остальными. Сюда же принадлежитъ и Критъ, величественно замыкающій собою эту группу острововъ. Спорады, т. е. *разсѣянные острова*, лежавшіе ближе къ берегамъ Малой Азіи, были въ тѣсныхъ связяхъ гражданскихъ и торговыхъ съ прославленной метрополіей своей по языку и учрежденіямъ. Самосъ, самый значительный изъ этой группы, былъ одно время знаменитъ морскимъ могуществомъ. Еще далѣе къ югу, между Критомъ и азіятскимъ берегомъ, встрѣчаемъ Родосъ. Цѣлыя столѣтія этотъ островокъ не имѣлъ никакого, ни политическаго, ни промышленнаго значенія, но когда уже Эллада подъ чужеземнымъ игомъ склонилась къ упадку, тогда развилось могущество Родоса. Подъ вліяніемъ духа греческаго возникли общества по всѣмъ островкамъ, разбросаннымъ въ водахъ сицилійскихъ, іонійскихъ, эгейскихъ. Слѣдомъ за кораблями греческими выростали цвѣтущіе города, образовывались государства съ прочнымъ гражданскимъ устройствомъ и строились неувядаемой славы храмы. Туземцы или должны были облекаться въ греческую броню предпріимчивости и умственной дѣятельности, или оставаться безъ значенія въ исторіи.



Видъ пристани.

II. Эллины.

Трудное дѣло — раскрыть, откуда произошелъ народъ, который, какъ напримѣръ греческій, образовался и распространился въ глубокой древности, о которой нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ.

Правда, что въ устномъ преданіи и пѣсняхъ народныхъ сохранились, на вѣчную передачу изъ рода въ родъ, воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни народа вообще и о знаменательнѣйшихъ подвигахъ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ и поколѣній въ особенности; но и въ преданіяхъ, и въ пѣсняхъ первоначальное содержаніе изукрашивалось болѣе и болѣе фантазіей повѣствователей и пѣвцовъ, такъ что, наконецъ, стало и вовсе невозможно отличить основное содержаніе отъ добавленнаго. Кажется, однако-жь, что первобытные обитатели Греціи были переселенцы съ сѣвера. Какъ въ мірѣ растительномъ съ весною растеньеце покидаетъ свою теплую почку и отважно развертывается въ новыя формы,

какъ въ мірѣ животномъ тучи перелетныхъ птицъ осенью собираются и тянутся вдаль; такъ и въ человѣчествѣ: по временамъ овладѣваетъ народами какое-то неодолимое безпокойство, массы колышатся и покидаютъ свои мѣстопребыванія, покидаютъ состояніе, въ которомъ жили до тѣхъ поръ. Народъ возбужденъ желаніемъ, или просто какимъ-то инстинктивнымъ чувствомъ улучшить свой бытъ и въ силу этого побужденія цѣлыми массами движется, странствуетъ на трудномъ пути къ дѣйствительному или воображаемому, но тѣмъ не менѣе желанному благополучію. Такимъ образомъ, полагаютъ, народы племени такъ называемаго кавказскаго въ незапамятныя, доисторическія времена покинули возвышенныя площади центральной Азіи, на которыхъ пребывали, и разошлись оттуда по различнымъ направленіямъ. Часть направилась къ югу, въ раскошно-надѣленную дарами природы Индію, другая—въ переднюю Азію; значительная вѣтвь облегла Черное море и распространилась къ западу, по всей Европѣ. Изъ послѣдней вѣтви образовались народы кельтическіе, проникшіе до Атлантическаго океана и занявшіе близкія къ нему въ Европѣ земли; народы германскіе, засѣвшіе въ срединѣ Европы, и, наконецъ, народы славянскіе, углубившіеся въ неизвѣстные тогда сѣверо-восточные предѣлы этого материка. Отъ того или другаго, или отъ всѣхъ безразлично отдѣлившіяся толпы двинулись къ югу и нѣкоторыя заняли высоты и долины направо и налѣво отъ цѣпи горъ Пинда, а нѣкоторыя спустились еще ниже и нашли себѣ отечество въ Греціи. Неопровержимые признаки первобытнаго родства языковъ индійскихъ браминовъ, персовъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ и самыхъ эллиновъ дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе о такомъ разселеніи народовъ. Изъ этого кореннаго разселенія вышли уже всѣ слѣдующія видоизмѣненія въ передвиженіи народовъ въ Европѣ.

Первобытныхъ жителей Греціи называютъ пелазгами и лелегами. Ихъ стѣснили и изгнали проникшіе къ нимъ съ сѣвера, изъ Ѳессаліи и Эпира, эллины. Изгнаніе и порабо-

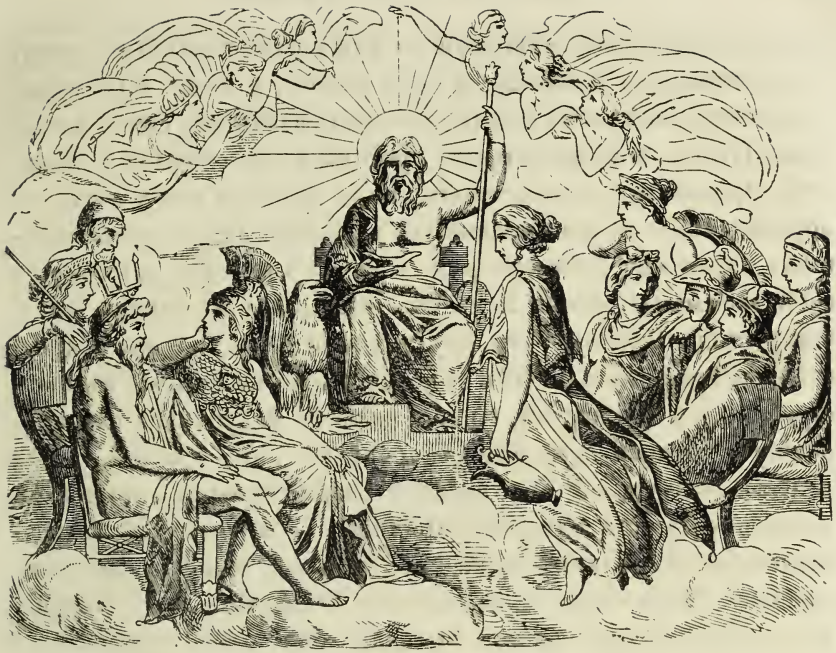
щеніе ихъ было несовершенное: многіе изъ пелазговъ и лелеговъ удержались въ Греціи, соединились съ своими побѣдителями, составили вмѣстѣ съ ними новый, благородный народъ—эллиновъ, которому, конечно, сообщили многое изъ своего собственнаго первобытнаго характера. Старинное, хотя, конечно, невѣрное, преданіе повѣствуетъ, что эллины вторглись изъ Эллопіи, одной изъ мѣстностей области Эпирской, расположенной у озера Ахерузскаго, у страшнаго Ахерона, по дикимъ крутизнамъ и ущельямъ Селленскимъ (Сули). Это преданіе объясняетъ собою то тѣсное отношеніе, въ которомъ греки непрерывно находились съ оракуломъ додонскимъ. Тамъ вѣковѣчныя дубовыя рощи шумѣли въ глубинѣ таинственныхъ долинъ, и изъ среди ихъ подавались вѣщанія оракула. Естественно, что, и покинувши родину, выселившіяся племена не забывали священныхъ своихъ рощъ и оракуловъ и къ нимъ издалека приходили за совѣтомъ до самыхъ тѣхъ поръ, когда въ новомъ отечествѣ ихъ, среди кедровъ Парнаса, возникъ храмъ Дельфійскій, и въ немъ открылся ихъ вѣрованію богатѣйшій источникъ пророческихъ, непреложныхъ вѣщаній.

Къ тому, что уже совершилось, съ моря внесенъ еще новый элементъ, прибавившійся къ смѣси народа и еще болѣе облагородившій его. Изъ Египта, Финикіи и Малой Азіи приплыли отважные искатели приключеній или торговыхъ выгодъ, пристали, гдѣ указали удобство и возможность, и завели тутъ свои поселенія (колоніи). Нѣкоторые остались на островахъ, разбросанныхъ у Греціи на Эгейскомъ морѣ; другіе достигли береговъ Греціи и проникли даже внутрь ея, повсюду, гдѣ это показалось имъ выгоднымъ. Поселенцы эти дѣйствовали незавоевательно: ихъ слишкомъ мало было для этого; но тѣмъ не менѣе, благодаря своей относительно грековъ бо́льшей умственной развитости, они получили скоро не только сильное вліяніе, но даже господство въ туземныхъ городахъ и мѣстностяхъ. Затѣмъ дѣятельные и прозорливые пришельцы внесли въ новое отечество свое свѣжіе элементы

просвѣщенія и гражданскаго устройства. Изъ этихъ предпріимчивыхъ переселенцевъ въ Элладу извѣстны особенно четверо. Первымъ считаютъ Кекропса. По преданію, онъ прибылъ около 1550 г. до Р. Х. изъ Саиса, города нижняго Египта, въ Аттику. Онъ насадилъ оливковое дерево, очистилъ и возвысилъ нравы полудикихъ туземцевъ тѣмъ, что ввелъ у нихъ супружество, и разсѣянныхъ, разрозненныхъ обитателей съумѣлъ сблизить, кромѣ супружества, узами религіи, построивши имъ храмы и жертвенники богамъ. Послѣ Кекропса упоминаются: Данай, прибывшій также изъ Египта и утвердившій свое господство въ Аргосѣ, и Кадмъ изъ Финикіи. Послѣднему приписываютъ построеніе города Ѳивъ въ Греціи, или, по крайней мѣрѣ, крѣпости Кадмеи въ этомъ городѣ. Спустя болѣе ста лѣтъ приплылъ со многими богатствами изъ Малой Азіи, изъ Лидіи, или же изъ Фригіи, Пелопсъ. Онъ поселился въ южной Греціи, которая и назвалась по немъ Пелопонезомъ. По другимъ свѣдѣніямъ выходитъ, что первые три изъ этихъ переселенцевъ были туземцы, эллины, и что уже послѣдующія преданія смѣшали ихъ съ другими пришельцами.

Теперь мы вступаемъ въ миѳическій періодъ существованія эллинскаго народа. Заглянемъ же въ ихъ удивительныя сказанія, не заботясь о томъ, чего больше въ содержаніи ихъ: дѣйствительности или фантазіи. Если бы и цѣликомъ сказанія ихъ были плодомъ фантазіи, то все-таки они—достояніе человѣческаго духа, не скованнаго ничѣмъ въ проявленіяхъ своей дѣятельности, олицетворяющаго свои представленія подъ вліяніемъ единой, общей своей наставницы—природы.

Въ путаницѣ предстоящихъ религіозныхъ вѣрованій человѣка повсюду ясно, какъ день, стремленіе духа его къ лучшему, чистѣйшему; а потому и среди самыхъ олицетвореній страстей своихъ, возводимыхъ на степень божественныхъ дѣйствій, человѣкъ все-таки является вѣрнымъ тому возвышенному значенію своему, которое выражено въ священномъ изреченіи. «И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его.» (*Быт.*, гл. I, ст. 27).



Собраніе олимпійскихъ боговъ.

ГЛАВА II.

ПРЕДАНІЯ ЭЛЛИНСКОЙ СТАРИНЫ.

I. Сказанія о богахъ.

Какъ только человѣкъ пробудился отъ дѣтства и сталъ сознавать себя самого и окружающій его міръ, сталъ онъ въ то же время сознавать, что есть нѣчто внѣ его въ мірѣ, возвышенное, божественное. И сталъ онъ пытаться выразить это неосязаемое нѣчто въ какомъ-нибудь вещественномъ образѣ. Глубокое разнообразіе природы поглотило его, смѣшало его усилія. Не успѣвши выяснить себѣ желаемое, человѣкъ боготворилъ незримыя силы природы или же видимыя про-

явленія этихъ силъ. Чувствуя въ душѣ благоговѣніе къ тому, что воображалъ превыше и себя самого, и всего міра видимаго, онъ естественно повергался предъ величіемъ самой идеи о немъ. Итакъ, первоначальныя представленія человѣка о божествѣ проявились множествомъ. Какъ ни были они у него неопредѣленны, но онъ стремился выразить ихъ въ вещественныхъ образахъ. Удовлетворяя этой потребности, онъ создалъ себѣ *видимыхъ* боговъ. Если онъ находился въ такихъ условіяхъ существованія, что ему внѣшній міръ не могъ представить исключительныхъ основаній для воплощенія въ нихъ своихъ идей о божествѣ, то онъ сильнѣе углублялся размышленіемъ въ существо обоготворенныхъ имъ явленій. Тогда явленія, казавшіяся ему вначалѣ разрозненными, приходили мало-по-малу къ единству причины, — и человѣкъ возвращался къ единичному божеству, въ немъ полагая причину причинъ. Такъ было съ браминами: оставивши долгое служеніе естественнымъ силамъ природы, они стали покланяться божеству, которое въ ихъ воззрѣніи представлялось слитнымъ и нераздѣльнымъ съ природой. Потомъ отъ этого единаго, всецѣлаго существа они повели, однако-жь, нѣсколько второстепенныхъ существъ, которымъ также стали воздавать божеское почитаніе. Такъ было и въ исторіи, и въ жизни одиночнаго, своеобразнымъ путемъ шедшаго въ мірѣ, народа еврейскаго: евреи сохранили свое вѣрованье въ Іегову, существо Высочайшее, Творца всей вселенной, и пронесли вѣрованіе въ чистотѣ во все время своего существованія и сквозь всѣ бури, разразившіяся надъ ними въ различныя историческія эпохи ихъ жизни.

Эллины не вдавались глубоко въ свои религіозныя представленія и не стремились сводить ихъ къ единству: они остались при *множествѣ* боговъ. Къ этому, съ одной стороны, приводило ихъ неглубокое вниканіе въ кажущееся разнообразіе и отдѣльность явленій міра внѣшняго; съ другой же въ этомъ самомъ разнообразіи они умѣли находить удовлетвореніе своему внутреннему чувству, давая допущенному

разнообразію силъ природы не менѣе разнообразныя, идеально-прекрасныя формы въ искусствѣ. Они начали съ олицетворенія естественныхъ явленій природы, а кончили воплощеніемъ въ видимые образы различныхъ умственныхъ представленій и нравственныхъ качествъ. Какъ браминамъ и евреямъ божество проявлялось въ идеѣ и словѣ, такъ эллинамъ видѣлось откровеніе божества въ идеальной красотѣ, создаваемой искусствомъ. Поэтому и вѣрованія послѣднихъ не слабѣли, пока не ослабѣлъ духъ изящнаго, оживотворявшій ихъ. Лишь только отлетѣлъ послѣдній, холодный разумъ вступилъ въ свои права, и онъ уже не находилъ себѣ удовлетворенія въ отжившихъ представленіяхъ. Тѣсный союзъ человѣка съ божествомъ распался, на мѣстѣ религіи явилась небывалая пустота. Въ такомъ безотрадномъ положеніи застало ихъ Божественное Откровеніе Христіанское, милосердымъ Отцомъ ниспосланное блуждающимъ дѣтямъ и переданное имъ самимъ Его Сыномъ.

Предоставляемъ миѳологіи пространно излагать сказанія о греческихъ богахъ; здѣсь мы просмотримъ ихъ какъ можно короче, только для того, чтобы связнѣе представился весь ходъ изложенія исторіи Греціи, и слѣдующія за этимъ сказанія о герояхъ яснѣе обрисовались въ воображеніи читателя.

Въ началѣ былъ Хаосъ, т. е. безпорядочная борьба смѣшанныхъ вмѣстѣ основныхъ началъ вещественнаго міра. Изъ Хаоса возникли: благодѣтельная Геа (земля), мрачный Тартаръ (подземный міръ) [5]) и всепроникающій, всесвязывающій Эросъ (любовь). Отъ Геи родился Уранъ (небо), а отъ союза ея же съ Ураномъ произошелъ Кроносъ (время) и могучіе титаны, потомъ циклопы и сторукіе великаны. Уранъ, боясь могущества собственныхъ дѣтей, ниспровергъ ихъ въ Тартаръ, но Геа хитростью спасла Кроноса и, вручивши ему ею самою сдѣланный серпъ, велѣла уничтожить имъ самого Урана. Изъ капель пролитой отцовской крови возникли змѣеногіе гиганты и ужасныя эриніи, богини мести и наказанія. Кроносъ, ставъ вмѣстѣ съ титанами владыкою міра, проглo-

тилъ собственныхъ дѣтей отъ брака съ Реей, которая есть не что иное, какъ видоизмѣненная Геа. Самый актъ Кроноса указываетъ, можетъ быть, неизвѣстность счета протекшихъ годовъ, а можетъ быть, — и это еще вѣрнѣе, — неопредѣленность состоянія душъ, такъ какъ объ этомъ состояніи ничего

Олимпійскій Зевсъ.

яснаго еще не выразилось въ первое время религіозныхъ вѣрованій эллиновъ. Младшій изъ сыновей Кроноса, Зевсъ, спасенъ былъ отъ общей судьбы своихъ братьевъ. Онъ, возмужавши, пошелъ войною на сообщниковъ отца своего, титановъ. Зевсу помогали циклопы, выковывая ему молніи, сто-

рукіе великаны и даже одинъ изъ титановъ, Прометей. Борьба была долгая и ужасная, но побѣда стала на сторону духа, пробудившагося къ самосознанію. То была побѣда въ пользу порядка и божественнаго устава, проявившагося въ обществѣ человѣческомъ. Титаны низвержены въ Тартаръ, ибо для міра миновало время владычества необузданныхъ, безпорядочныхъ силъ природы. Тщетно Геа, въ раздраженіи за судьбу дѣтей своихъ, подымаетъ гигантовъ на новыхъ боговъ; тщетно создаетъ она чудовище Тиѳона, наполняющаго собою пространство между небомъ и землей. Послѣдній одерживаетъ сначала нѣсколько побѣдъ надъ новою властью, но подъ конецъ и онъ побѣжденъ и низложенъ молніями Зевса въ глубочайшія подземелья, а надъ нимъ надвинутъ навѣки холмъ могильный—огнедышащая Этна. Боги порядка и благоустройства вступаютъ съ тѣхъ поръ во владѣніе небомъ и землей, въ подземномъ мірѣ и въ водныхъ пространствахъ.

Зевса почитали главнѣйшимъ изъ боговъ, и хотя не создателемъ вселенной, за то верховнымъ правителемъ ея. Въ лицѣ этого бога воплощена идея высочайшаго духовнаго существа въ мірѣ и въ то же время идея высочайшей мудрости и могущества. Въ силу такого значенія впервые стали воздавать ему глубокое почитаніе среди дикихъ нагорныхъ странъ Ѳеспротіи, что́ между Пиндомъ и моремъ Іонійскимъ. Тутъ же, близъ Додоны, стоялъ священный его дубъ. По шелесту его листьевъ и по звукамъ, которые издавали повѣшенные на вѣтвяхъ его священные сосуды, служители вѣры объясняли вопрошавшимъ глаголы Зевса, между тѣмъ какъ, облеченныя даромъ провѣщаній, Пеліады не переставали воспѣвать: „О! Зевсъ, всемогущій и вѣчный! Ты былъ, ты еси и будешь во вѣкъ! Ты ниспосылаешь намъ, великій, всѣ блага земли; затѣмъ мы и чтимъ ее, какъ нѣжную матерь!“

Геру, дочь Кроноса и Реи, Зевсъ избралъ себѣ супругой. Полагаютъ, судя по имени, что Гера была у грековъ олицетвореніемъ идеи небеснаго пространства, но вѣрнѣе, что въ

этой верховной богинѣ выражено представленіе всеобщей кормилицы людей—земли, почему Геру изображали въ звѣздномъ вѣнцѣ, какъ бы намекая на положеніе земли, увѣнчанной великолѣпною діадемой небесныхъ свѣтилъ.

Посейдонъ властвуетъ надъ морями и всякими водами, своимъ могущественнымъ трезубцемъ то воздымая ужасныя бури, то укрощая свирѣпыя волны. По достоинству онъ близокъ къ Зевсу, почему и называется Зевсомъ морей. Ему подвластны и среброногая Ѳетида, и нимфы морей, и тритоны, и прочія морскія чудовища.

Посейдонъ (античный стиль).

Богиня мудрости, Аѳина-Паллада, является посредницей между земными властями и духовными, небесными. По однимъ вѣрованіямъ древнихъ, она возникла изъ воды, по другимъ — изъ огня. Въ послѣдующее время значеніе ея распространилось въ вѣрованьѣ народномъ тѣмъ, что въ ней стали видѣть и покровительницу въ борьбѣ, встрѣчаемой не разъ на жизненномъ пути, и наставницу въ полезномъ ремеслѣ и искусствѣ, и, наконецъ, богиню свѣтлаго разумѣнья во время мира или войны, богиню, возникшую въ полномъ вооруженьѣ изъ главы міродержителя Зевса.

Какъ въ Аѳинѣ-Палладѣ олицетворена предстательница жизни общественной, такъ, напротивъ, въ дружелюбной, матерински-заботливой Гестіи вѣрованіе древнихъ видѣло покровительницу быта семейнаго. Ея присутствіе видѣлось повсюду, гдѣ тепло играетъ огонекъ на домашнемъ, радушномъ очагѣ. Въ Гефестѣ же олицетворено было представленіе невѣрнаго, шаткаго пламени, а съ тѣмъ вмѣстѣ и кузнечнаго дѣла, и

всякаго другаго ремесла, при которомъ огонь играетъ основную, первостепенную роль.

Афродита, богиня красоты и любви, возникшая изъ пѣны морской, одна изъ всѣхъ богинь украшенная неодолимымъ сердцеплѣняющимъ поясомъ прелести, была супругой кузнеца Гефеста. Конечно, этимъ союзомъ древніе выразили, какъ необходимо въ ремеслѣ и художествѣ сочетаніе красоты съ грубымъ веществомъ. Въ свиту Афродиты древніе помѣстили харитъ, или грацій, безъ которыхъ жизнь такъ суха и безцвѣтна. Харитъ звали: Аглая, Талія и Эфросина. Но прекрасная Афродита не чувствовала большой привязанности къ назначенному ей супругу: она склонялась болѣе къ статному богу войны, Арею, служеніе которому проникло въ Элладу изъ Ѳракіи и Скиѳіи. Греки, олицетворивши въ Ареѣ ненасытную, дикую жажду брани ради самой брани и всѣхъ ея ужасовъ, тутъ же не забыли дать первостепенное военное значеніе богинѣ Аѳинѣ-Палладѣ и тѣмъ выразили превосходство войны благоразумной, справедливой, руководимой искусствомъ, надъ войной хищнической, несправедливой, ищущей только удовлетворенія физической силѣ и кровожаднымъ инстинктамъ. Отъ союза Афродиты съ Ареемъ родился Эротъ, тотъ шаловливый плутишка, стрѣлы котораго вносятъ въ сердце смертнаго жажду и томленье любви. Его нужно отличать отъ первобытнаго бога любви, обнимающаго и устрояющаго вселенную, бога-смягчителя и добраго совѣтника безсмертныхъ и смертныхъ, называемаго Эросомъ.

Олицетворенія грековъ о нравственномъ порядкѣ, которому человѣкъ долженъ служить въ жизни, выражались двумя божествами, близнецами, рожденными отъ Зевса и Леты, или Латоны (что значитъ: сокрытая) на островѣ Делосѣ. Эти божества были: Фебъ-Аполлонъ и Артемида-Діана. Они оба своими дальнометкими стрѣлами поражаютъ нечестивцевъ, но и оба готовы не только сострадать раскаянію, но даже покровительствовать и защищать невинныхъ страдальцевъ на свѣтѣ. Кромѣ этого Фебъ златокудрый въ посвященномъ

ему храмѣ Дельфійскомъ приподнимаетъ для людей таинственную завѣсу будущей судьбы ихъ. Въ Аполлонѣ же источникъ вдохновенія и сердцеплѣнительной пѣсни и рѣчи. Музы, олицетворенія изящныхъ искусствъ, сопровождаютъ его. Музами увѣковѣчиваются въ воспоминаніи человѣческія дѣла и побужденія. Къ торжеству своего бракосочетанія самъ Зевсъ вызвалъ музъ къ бытію, чтобы онѣ на радость безсмертнымъ воспѣвали хвалу творенія. Обыкновенно считаютъ ихъ девять: *Кліо*, муза исторіи, со свиткомъ пергамента въ рукѣ; *Эвтерпа*, муза лирическаго восторга, съ флейтой; *Каліопа, прекраснорѣчивая*, муза эпической поэзіи, съ выразительнымъ жестомъ руки; *Талія*, муза комедіи, съ комической маской; *Мельпомена*, муза трагедіи, съ воинственной маской; *Эрато*, муза сладкихъ пѣсенъ любви, съ лирой въ рукѣ, *Терпсихора*, муза пляски, также съ лирой; *Полигимнія*, муза краснорѣчія, съ сокрытою въ одежду правой рукой; *Уранія*, муза астрономіи, съ глобусомъ.

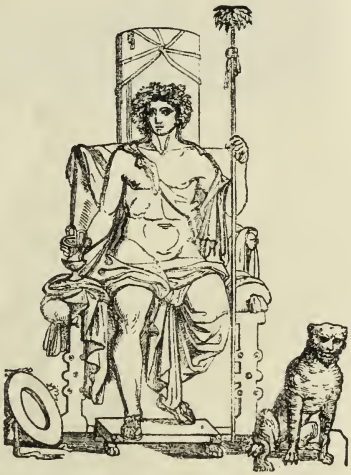
Артемиду изображали обыкновенно богиней охоты, среди любимаго ею уединенія и раздолья лѣсовъ, или же богиней свѣтила ночнаго, легко и свободно плывущею по тверди небесной. Ее особенно чтили въ Тавридѣ, среди скиѳовъ, гдѣ ей приносили въ жертву даже людей. Въ Малой Азіи, напротивъ, а именно въ Эфесѣ, гдѣ у ней былъ великолѣпный, знаменитый въ древности храмъ, въ ней олицетворили представленіе великой матери природы и изображали ее съ распростертыми объятіями, какъ бы желающею заключить весь міръ въ своей материнской любви.

Въ указанныхъ божествахъ древнихъ грековъ мы видимъ преобладаніе духовныхъ представленій человѣка, стоящихъ въ непосредственной связи съ идеей развитія въ душѣ человѣка божественныхъ, возвышенныхъ началъ. Теперь укажемъ и тѣ, которыя служатъ выраженіемъ преимущественно тѣхъ представленій человѣка, которыя имѣютъ соотношеніе съ его плотской природой и тѣсно связаны въ немъ съ идеей бытія и небытія, жизни и смерти.

Плутонъ и Персефона.

Въ царствѣ смерти господствуетъ Гадесъ, называемый также Аидоней или Плутонъ. Онъ возсѣдаетъ на мрачномъ престолѣ, покрывшись шлемомъ, дѣлающимъ его незримымъ для смертныхъ и безсмертныхъ. Ему подвластны эриніи, или фуріи, мстящія за убійство; кэры, разящія смертью, и мэры, или парки, свивающія и пересѣкающія нить жизни; на черныхъ коняхъ вознесся Аидоней къ свѣтлому міру и похитилъ оттуда, на свѣтлыхъ лучахъ Тринакріи (Сициліи), Персефону (или Кору), чтобы она раздѣлила съ нимъ владычество въ мірѣ подземномъ. Деметра, мать похищенной, та самая, которая научила людей земледѣлію, а нравы ихъ подчинила власти законовъ и смягчила введеніемъ у людей супружества, по цѣлому міру искала свое погибшее прекрасное дитя. Геката, дочь ночи, посовѣтовала ей спросить у Геліоса, бога Солнца. Отъ всевидящаго Геліоса Деметра узнала обо всемъ и въ гнѣвѣ на боговъ и людей лишила землю производительной силы до тѣхъ поръ, пока Зевсъ не опредѣлилъ Персефонѣ полгода жить вмѣстѣ съ супругомъ, а на полгода возвращаться въ чертоги безсмертныхъ боговъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними наслаждаться благодатнымъ сіяніемъ дня. Такъ возвращены въ темное лоно земли производительные соки ея, и она снова въ извѣстное время радуетъ міръ зеленью и плодами; такъ и человѣкъ, заключенный въ темную могилу, опять возникнетъ изъ нея для обновленной, вѣчно-юной жизни. Это прекрасное отрадное вѣрованіе древніе эллины обстанавливали различными утѣшительными миѳами, а во время отправленія самаго божественнаго служенія въ Элевзисѣ странствованія въ царствѣ смерти и возвращеніе снова къ свѣтлой жизни представляемы были въ соотвѣтствующихъ символическихъ дѣйствіяхъ. Съ этимъ стоялъ въ связи миѳъ о Діониссѣ, или Вакхѣ. Діониссъ былъ плодомъ союза Зевса съ Семелой, пожелавшей видѣть владыку боговъ во всей его славѣ, но, по смертной природѣ своей, не могшей выдержать представившагося ей необъятнаго божественнаго величія. Зевсъ призрѣлъ малютку, потерявшаго мать, и божественное

дитя стало быстро расти и развиваться. Въ Діониссѣ сочетались материнскія нѣжность и склонность къ наслажденіямъ и утѣхамъ съ отцовскими бодростью и чудною силой. Сопровождаемый тіадами, или менядами, силенами, фавнами и т. п., Діониссъ побѣдоносно шествовалъ по Азіи, насаждая повсюду виноградъ и смягчая дикость народовъ. Съ Діониссомъ смѣшивали Якха, имѣющаго приблизительно то же значеніе, т. е. значеніе жизни, возникающей изъ смерти. Къ нему-то, рожденному Персефоной и Адонеемъ и вскормленному Деметрой, взывали посвященные на элевзинскихъ служеніяхъ (таинствахъ) въ то время, какъ изъ пространствъ подземнаго жилища смерти готовились вознестись снова въ область свѣтлаго міра жизни.



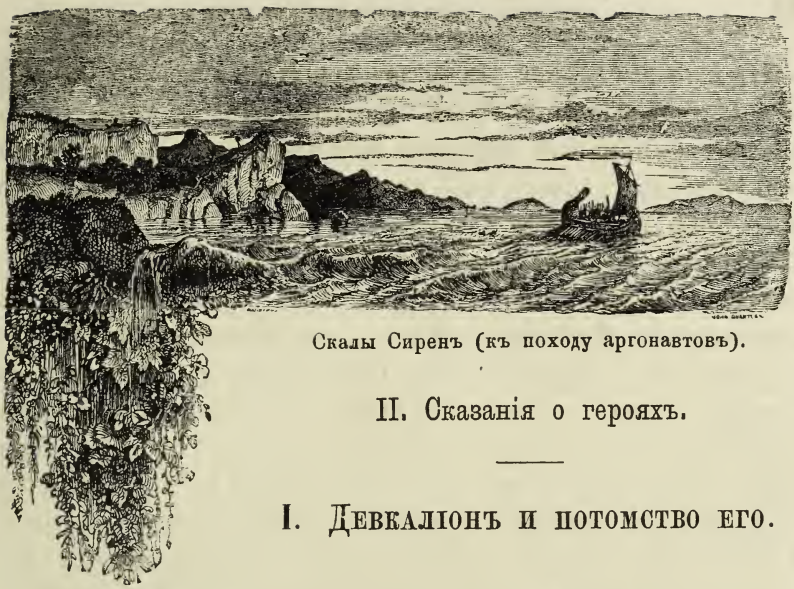
Вакхъ.

Гермесъ является руководителемъ душъ въ царствѣ смерти и людей, живущихъ еще въ мірѣ. Въ первоначальное время онъ вмѣстѣ съ Гекатой начерталъ законы вселенной и жизни; въ позднѣйшее же время онъ сталъ у эллиновъ споспѣшникомъ краснорѣчія, торговли и промышлености, а съ ними вмѣстѣ и хитрости и плутовства. Гермесъ же, какъ посланникъ боговъ, въ своемъ крылатомъ шлемѣ и такой же обуви, мчится въ пространствахъ вселенной, неся къ смертнымъ повелѣнія боговъ. Подобное значеніе имѣетъ и Ириса (радуга), служащая, впрочемъ, на посылкахъ преимущественно у державной богини Геры.

Вотъ главнѣйшія божества, которымъ строили въ Элладѣ жертвенники и храмы; но, кромѣ этихъ, было множество другихъ, второстепенныхъ божествъ, такъ что и земледѣлецъ на нивѣ, и пастухъ на пастбищѣ или у журчащаго ручья,

и странникъ въ горахъ и долинахъ, всѣ чувствовали близость божества и возносились къ нему набожной пѣснью и взывали къ нему о помощи въ теплой молитвѣ.

Гефестъ.



Скалы Сиренъ (къ походу аргонавтовъ).

II. Сказанія о герояхъ.

I. Девкаліонъ и потомство его.

По древнѣйшимъ эллинскимъ сказаніямъ люди произошли отъ земли. Они долго пребывали въ состояніи неразумія и неразвитости. Бѣдныя дѣти земли не знали даже огня, употребленіемъ котораго обусловливаются первѣйшія основанія быта мало-мальски развитаго человѣка. Сердце Прометея, одного изъ титановъ, уцѣлѣвшаго отъ всеобщей погибели ихъ, благодаря личной своей предусмотрительности, переполнилось состраданіемъ при видѣ жалкаго состоянія людей. Онъ похитилъ искру небеснаго огня и далъ ее людямъ, хотя впередъ зналъ, какой безпримѣрной казни подвергнетъ его за это всемогущій Зевсъ. Вотъ кто, по греческимъ миѳамъ, былъ первымъ благодѣтелемъ человѣка.

Но людямъ не въ пользу пошло благодѣяніе Прометея. Они въ ослѣпленіи гордости сочли себя не только владыками вселенной, но и выше всякаго права и закона. Они буйствовали противъ уставовъ самого Зевса и гордо отвергали владычество боговъ. Тогда опредѣлилъ Зевсъ въ пучинѣ водной поглотить кичливый родъ людской. По глаголу его раскрылись врата небесныя, и изъ нихъ полились потоки, не прерываясь ни днемъ, ни ночью; разверзлось лоно самой земли,

и изъ него выступили ключи неистощимые и наводнили землю, и вода поднялась на всемъ пространствѣ ея такъ высоко, какъ не поднимались вершины высочайшихъ горъ ея. Ничто живущее не спаслось отъ необъятнаго моря: звѣри и люди погребены въ немъ.

Задолго передъ этимъ всеобщимъ потопомъ, къ сѣверу отъ горъ Оѳрисскихъ, въ плодоносныхъ равнинахъ Ѳессаліи, называемыхъ Фѳійскими, жилъ сынъ Прометея, Девкаліонъ, съ супругой, Пиррой. Онъ переселился въ Ѳессалію изъ Локриды, жилъ честно и во время всеобщаго упадка почитанія боговъ не забывалъ должнаго уваженія къ нимъ. Люди уважали въ Девкаліонѣ отрасль Прометея и его личное благоразуміе, но совѣтовъ и предостереженій его не слушали. А Девкаліонъ зналъ отъ отца своего о предстоящемъ бѣдствіи всему роду человѣческому. Другіе не давали вѣры его словамъ; такъ онъ рѣшилъ спасти, по крайней мѣрѣ, себя, жену свою и имущество. Девкаліонъ построилъ обширное и крѣпкое судно, и въ наступившую годину бѣдствія нашелъ въ немъ спасеніе себѣ и семейству своему. Девять сутокъ носился онъ по безбрежному морю; но вотъ вода стала спадать, показались верхушки горъ, и судно его сѣло на одной изъ вершинъ Парнаса. Девкаліонъ и Пирра ступили на землю, и первымъ дѣломъ ихъ было—благодарность богамъ за дарованное спасеніе. Они построили жертвенникъ и принесли на немъ жертву Зевсу-Крониду. Съ высотъ Олимпа, взирая на это, Зевсъ возрадовался благочестію Девкаліона и тотчасъ же послалъ къ нему Гермеса сказать, что онъ исполнитъ всякое прошеніе спасенныхъ. Девкаліонъ и Пирра пожелали, чтобы имъ двоимъ не оставаться въ уединеніи, и чтобъ снова на землѣ были люди. Зевсъ повелѣлъ имъ бросить за себя камни и — о диво! — изъ камней, брошенныхъ Девкаліономъ, явились мальчики, а изъ камней, брошенныхъ Пиррой, — дѣвочки, — и тѣ, и другія выросли быстро. Отъ нихъ пошло новое поколѣніе людей, населившихъ всю землю въ прежнихъ ея предѣлахъ.

Не смотря на старость Девкаліона у него родились отъ Пирры два сына, Эленъ и Амфиктіонъ, и дочь Протогенея. У Протогенеи родился Эолій. У Элена родились сыновья: Доръ, Ксуѳъ и Эолъ. Между ними раздѣлилъ отецъ землю свою такъ, что первый правилъ въ Ѳессаліи, второй въ Пелопонезѣ, а послѣдній въ Элладѣ собственно, что́ къ сѣверу отъ Коринѳскаго залива. Ксуѳъ женился на Креузѣ, дочери аттическаго героя Эрехтея, и имѣлъ отъ этого брака сыновей Ахая и Іона. Отъ сказанныхъ потомковъ Девкаліона и народъ греческій цѣликомъ, и отдѣльныя племена его получили въ Греціи свои имена и учрежденія. Такъ, Эленъ родоначальникъ всего народа эллинскаго; отъ Дора повели свое происхожденіе могущественные впослѣдствіи доряне; отъ Ахая — ахейцы; отъ Іона — іоняне; отъ Эола — эоляне. Амфиктіонъ считается учредителемъ знаменитаго во время оно амфиктіонова союза, Эолій же — учредителемъ общественныхъ греческихъ игръ олимпійскихъ. Внукъ послѣдняго, Этолъ, изгнанный изъ Пелопонеза, подчинилъ своей власти назвавшихся по имени его этолянъ и женился на дочери Дора. Въ этомъ союзѣ искали объясненія близости между этолянами и дорянами. Первоначальное мѣсто эолянъ была Ѳессалія; доряне не ограничивались маленькой областью Доридой, у подовшы Эты, но завладѣли всею мѣстностью до самаго Коринѳскаго залива; іоняне же и ахейцы подѣлили между собою Пелопонезъ и съ жителями Аттики оставались въ родственныхъ отношеніяхъ.

2. Родъ Эола.

Въ миѳическихъ преданіяхъ семейства Дора и Ксуѳа почти неизвѣстны, за то знаменательнымъ является потомство Эола. Семеро сыновей и пятеро дочерей украшали его старость и наслаждались довольствомъ, которымъ щедро надѣляла ихъ всѣхъ плодоносная Ѳессалія, и которое они наслѣдовали по смерти почтеннаго патріарха, своего отца. Но

этимъ богатымъ потомкамъ Девкаліона чужды были правота и благочестіе ихъ предка. Они напоминали собою погибшее отъ потопа племя людей: также въ безграничной надменности своей неслись они высоко передъ людьми и даже забывались передъ богами.

Салмоней, одинъ изъ семи сыновей, царствовалъ въ Іолкѣ, въ плодоносныхъ долинахъ къ югу отъ Пеліона до самаго моря. Онъ считалъ себя равнымъ чуть не Зевсу. Въ мѣдной блистательной колесницѣ носясь по царству, онъ металъ въ небо огни, желая подражать грому и молніямъ. Не удивительно поэтому, что онъ пришелъ въ негодованіе, когда узналъ, что дочь его, Тиро, отъ брака съ богомъ морей, Посейдономъ, родила близнецовъ, Пеліаса и Нелея. Онъ позволилъ второй женѣ своей, Сидеро, обрѣзать кудрявые волосы Тиро, подвергнуть несчастную разнымъ истязаніямъ и, наконецъ, посадить ее въ сырое подземелье; внуковъ же своихъ обоихъ онъ велѣлъ умертвить. Какой-то сострадательный пастухъ укрылъ ихъ отъ смерти и принялъ къ себѣ. У него малютки, окруженные любовью и попеченіемъ, выросли крѣпкими и отважными юношами. Неожиданно для царя, своего дѣда, вторглись они въ домъ его, освободили свою мать изъ заключенія, жестокую же бабку преслѣдовали даже въ храмѣ Геры, гдѣ она искала спасенія, и на самомъ жертвенникѣ богини умертвили ее. Гнѣвъ олимпійскихъ божествъ обрушился тяжелой, хотя и поздней, казнью на семейство убійцъ. Самъ Салмоней, съ своими колесницами, свѣтильниками и молніями, былъ пораженъ на смерть молніей Зевса, но гордость и надменность его перешли къ его внукамъ и выказались уже во всей силѣ при раздѣлѣ отцовскаго достоянія. Ни тотъ, ни другой не хотѣлъ уступить части своему брату. Наконецъ, Пеліасъ, у котораго было болѣе приверженцевъ, заставилъ брата своего бѣжать и одинъ завладѣлъ Іолкомъ. Нелей, покинувши Ѳессалію, долго странствовалъ въ Пелопонезѣ и утвердилъ свое господство въ югозападной части его, въ Пилосѣ. У него было 12 сыновей и одна дочь. Много

беззаконныхъ дѣлъ совершилъ онъ, но казнью боги еще медлили. Но вотъ насталъ часъ ея. Къ Нелею прибылъ Гераклъ (о немъ, въ своемъ мѣстѣ, будетъ сказано подробно) и просилъ гостепріимства. Вмѣсто священнаго радушія, Нелей встрѣтилъ его грубо и велѣлъ ему немедленно покинуть городъ и владѣнія. Тутъ вспыхнулъ гнѣвомъ легко раздражаемый Гераклъ и умертвилъ царя и все семейство его, исключая одного изъ сыновей его, Нестора, который случайно былъ на то время въ отсутствіи.

Несторъ возстановилъ померкшій блескъ царственнаго дома отца своего, а въ старости, когда ужъ не могъ болѣе дѣйствовать оружіемъ, прославился мудростью на совѣтахъ и былъ въ необычайномъ уваженіи у греческихъ героевъ подъ Троей. Потомки его, во время завоеванія дорянамя Пелопонеза, бѣжали въ Аѳины, тамъ достигли почестей царскихъ и были впослѣдствіи знаменитѣйшими предводителями онійскихъ переселенцевъ.

Другой изъ сыновей Эола былъ Сизифъ, отъявленный плутъ, которому равнаго въ хитрости и коварствѣ не нашлось бы ни среди людей, ни среди самихъ безсмертныхъ. Собравши шайку отчаянныхъ юношей, онъ двинулся на югъ и расположился тамъ, гдѣ узкая полоса земли соединяетъ Элладу съ Пелопонезомъ. Тамъ, въ виду двухъ морей, онъ построилъ Коринѳъ и далъ полную волю своимъ хищническимъ побужденіямъ. Разбоямъ, убійствамъ, грабежамъ его не было счета. Даже мирнымъ путешественникамъ онъ не давалъ пощады: съ высотъ Геранійскихъ онъ низвергалъ на нихъ камни и потомъ обиралъ убитыхъ. Во все время земной жизни онъ не получалъ достойнаго наказанія, зато, въ Аидѣ, ему опредѣлено было вѣчно вскатывать на гору огромный камень и никогда не вскатить его совершенно.

Внукъ Сизифа, прекрасный Беллерофонтъ, за неумышленное убійство долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ изъ Коринѳа. Онъ нашелъ дружескій пріемъ у тиринѳскаго царя Прэта. Молодой, цвѣтущій здоровьемъ и красотой, герой

отличался здѣсь передъ всѣми силою и доблестью какъ въ битвахъ, такъ и на общественныхъ играхъ. Но благороднѣйшимъ украшеніемъ его былъ цѣломудренный, добродѣтельный его нравъ. Когда царица Антея вспыхнула къ юношѣ преступною страстью и хотѣла склонить его къ себѣ, то послѣдній ужаснулся при одной мысли заплатить Прэту коварной неблагодарностью за полученное гостепріимство. Любовь царицы обратилась въ ненависть, и Антея положила погубить непреклоннаго.

По внушенію ея царь Прэтъ отослалъ Беллерофонта къ зятю своему, царю Ликійскому, въ Малую Азію. Юноша долженъ былъ, по прибытіи туда, передать царю досчечку съ іероглифами, а въ нихъ заключалось повелѣніе умертвить подателя досчечки. Въ полномъ невѣдѣніи о приготовленномъ ему ковѣ, Беллерофонтъ прибылъ въ Ликію, при дворѣ царя принятъ былъ радушно и, по тогдашнему обычаю, не тотчасъ былъ спрошенъ о цѣли своего пріѣзда. Когда же царь прочелъ досчечку, то въ недоумѣніи не рѣшался убійствомъ осквернить священное гостепріимство, оказанное имъ пришельцу. Наконецъ, онъ придумалъ Беллерофонту разныя трудныя предпріятія, соединенныя съ такими опасностями, что при исполненіи ихъ Беллерофонтъ неминуемо долженъ былъ погибнуть. Самое опасное изъ нихъ было: борьба съ Химерой. Это чудовище опустошало плодоносныя поля Ликіи и пожирало людей и животныхъ. Беллерофонтъ двинулся на чудовище и, конечно, погибъ бы, еслибъ покровительница всѣхъ доблестныхъ героевъ, богиня Аѳина-Паллада, не явилась къ нему на помощь. Она послала юношѣ крылатаго коня, Пегаса, на которомъ герой смѣло помчался на Химеру. Напрасно чудовище кипѣло яростью, изрыгало пламя и порывалось растерзать юношу въ клочки, — Беллерофонтъ побѣдилъ чудовище, и слава о его подвигѣ быстро облетѣла всю Ликію.

Такъ же блистательно, и все на томъ же Пегасѣ, юноша одолѣлъ свирѣпыхъ солимовъ, гнѣздившихся въ горныхъ

ущельяхъ страны, и даже побѣдилъ страшныхъ всѣмъ амазонокъ. Такіе необычайные подвиги преклонили къ нему сердце царя ликійскаго. Онъ выдалъ за него собственную дочь и полцарства своего подарилъ ему. Внуки Беллерофонта, Сарпедонъ и Главкъ, доблестно сражались подъ Троей, въ рядахъ троянскихъ.

Битва Беллерофонта съ Химерой, въ присутствіи ликійскаго царя и Аѳины-Паллады (по антику).

Третья отрасль Эола, Атамасъ, былъ основателемъ Орхомена Віотійскаго, у озера Копаисскаго, недалеко отъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Кефисъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, имъ были переведены черезъ горы Эта и Оѳриса, племена воинственныхъ минійцевъ. Эти минійцы, встрѣчавшіеся на большомъ пространствѣ, отъ Іолка Ѳессалійскаго до Пилоса Пелопонезскаго, оставили по себѣ во многихъ мѣстахъ слѣды необыкновенной предпріимчивости и искусства. Они-то построили колоссальную Катовоѳру, т. е. проходъ въ Птонскихъ горахъ, черезъ который излишнія воды озера Копаисскаго могли стекать въ море. Остатки этого гигантскаго труда, показывающіе великость предпріимчивости и познанія

минійцевъ, сохранились и до сихъ поръ, на удивленіе нашимъ современникамъ.

Жена Атамаса, Нефела, божественнаго происхожденія, подарила ему двухъ дѣтей: Фрикса и Гелу. Вторая жена Атамаса, Ино, была жестокою мачихой для этихъ дѣтей. Особенно не любила она Фрикса; за то и онъ, выросши, находилъ удовольствіе себѣ въ томъ, чтобы раздражать злобствующую Ино. Послѣдняя приготовила погибель Фриксу; но мать ихъ незримо покровительствовала своимъ дѣтямъ: она прислала имъ златорунного барана и склонила ихъ къ бѣгству на немъ. Лишь только Фриксъ и Гела сѣли на него, баранъ легко помчалъ ихъ черезъ горы и долины. Весело пронеслись они по густымъ рощамъ и зеленымъ лугамъ; но когда баранъ, домчавшись до моря, не затрудняясь ни на минуту, прыгнулъ въ волны и также свободно продолжалъ путь въ кипучей средѣ, — Гелу взялъ страхъ. Въ морѣ Эгейскомъ она еще держалась на баранѣ, крѣпко ухватившись за брата; но когда достигла пролива, гдѣ волны, стѣсненныя на маломъ пространствѣ, вздымаются круче и бьются грознѣе, руки ея ослабѣли: Гела свалилась и погибла въ пучинѣ. Вотъ отчего эта часть моря и названа, по имени ея, Геллеспонтомъ. Но Фриксъ благополучно переплылъ море и прибылъ въ Колхиду. Здѣсь царствовалъ надъ суровыми, полудикими ордами царь Аэтъ. Онъ принялъ къ себѣ утомленнаго путника, золотое же руно принесеннаго въ благодарственную жертву барана повѣсилъ въ рощѣ бога брани Арея.

3. Аргосъ и его герои.

Въ сказаніяхъ греческихъ еще много повѣствуется чудесъ о потомкахъ Эола; но мы оставляемъ его и обращаемся къ Аргивскому полуострову, гдѣ миѳы представляютъ не менѣе разнообразія и знаменательности.

Древнѣйшимъ царемъ и основателемъ Аргоса миѳы называютъ Инаха, сына Океана и Теѳисы. По этимъ сказаніямъ онъ жилъ за 1900 лѣтъ до христіанской эры. О странствованіяхъ правнуки его, Іо, приключенія которой составляли для древнихъ одну изъ любимѣйшихъ темъ для повѣствованій, можно поразсказать еще болѣе удивительныя вещи, чѣмъ о Фриксѣ и Гелѣ. Іо была жрицей въ знаменитомъ храмѣ богини Геры, что между Микеной и Аргосомъ. Этотъ храмъ былъ мѣстомъ нѣжныхъ свиданій Іо съ самимъ Зевсомъ. Гера открыла ихъ и настойчиво преслѣдовала упреками супруга своего. Зевсъ нашелся вынужденнымъ скрыть передъ Герой связь свою съ Іо, обративши послѣднюю въ корову. Гера наслала на превращенную ядовитаго шершня, и бѣдная Іо спасаясь бѣжала изъ страны въ страну по горамъ и морямъ, пока не достигла Египта, гдѣ Зевсъ послалъ ей безопасность и возвратилъ прежній, прекрасный образъ. По другимъ сказаніямъ, Іо была похищена и продана въ Египетъ финикійскими купцами, прибывшими въ Аргивскую землю по торговымъ дѣламъ.

Египта и Даная считаютъ потомками Іо. У Египта было 50 сыновей, у Даная столько же дочерей. Сыновья Египта желали соединиться узами брачными съ дочерьми Даная, но не желалъ этого самъ Данай. Онъ нанялъ обширное судно и со всѣми дочерьми своими, со всѣмъ имуществомъ отплылъ въ Аргосъ. Настойчивый Египетъ преслѣдовалъ его и, благодаря содѣйствію мужественныхъ сыновей своихъ, успѣлъ совершенно достигнуть своей и ихъ цѣли. Но ужасное дѣло замыслилъ Данай: онъ раздулъ негодованіе дочерей своихъ на насильственный бракъ и успѣлъ внушить имъ страшное намѣреніе. По требованію отца, дочери обѣщали каждая убить навязаннаго ей мужа; и всѣ, исключая одной, сдержали свое обѣщаніе въ первую же ночь, послѣдовавшую за свадьбой.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

Персей на крылатомъ Пегасѣ.

Персей.

Только одна изъ дочерей Данаевыхъ, Гипермнестра, поступила не такъ, какъ сестры ея: она любила супруга своего, Линкея, и дала ему средство спастись бѣгствомъ. Сестры ея, Данаиды, за преступленіе свое осуждены были въ Аидѣ на безконечно-утомительный и напрасный трудъ: онѣ должны были безъ отдыха лить воду въ бездонныя бочки.

Вотъ этого-то Линкея потомкомъ былъ Персей. Исторія послѣдняго совершенно переноситъ читателя въ сказочный міръ восточныхъ повѣствованій. Пышная фантазія востока развернулась здѣсь на просторѣ въ такихъ образахъ и собы-

тіяхъ, что пытливому уму трудно услѣдить за причудливыми выраженіями ея. А между тѣмъ греки вели отъ Персея родъ своего народнаго героя, Геракла, котораго спартанскіе цари съ гордостью выдавали за своего предка. И потому отправимся и мы по безконечнымъ, извилистымъ путямъ этого лабиринта чудесныхъ миѳовъ.

Двое братьевъ, Акризій и Прэтъ раздѣлили между собой владычество надъ Аргивскимъ полуостровомъ. Съ исторіей послѣдняго, который избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Тиринѳъ, мы уже познакомились. Первый же поселился въ Аргосѣ. Ему оракулъ предрекъ смерть отъ руки своего внука. Чтобъ отвратить исполненіе этого ужаснаго предсказанія, онъ велѣлъ дочь свою, Данаю, засадить въ подземелье, въ мѣдный покой, откуда выхода не было. Теперь, думалъ Акризій, я обезпеченъ отъ потомства. Но Зевсъ проникся любовью къ несчастной затворницѣ, и какъ ни плотно было зданіе, а въ крышѣ его оставалось нѣсколько ничтожныхъ отверстій. Ихъ было довольно для того, чтобы державный владыка, подъ видомъ золотаго дождя, проникъ въ нецарственное жилище царевны. Прекрасный Персей былъ плодомъ этого нѣжнаго союза безсмертнаго бога съ Данаей. Но рожденіе внука не укрылось отъ бдительнаго ока Акризія. Въ страхѣ и негодованіи обрекъ онъ на смерть и дочь и внука. Онъ ихъ бросилъ въ корзину и отдалъ на произволъ бурному морю, увѣренный, что имъ не миновать погибели. Но волны морскія прониклись состраданіемъ, которому не нашлось мѣста въ сердцѣ отцовскомъ: онѣ вынесли корзину съ заключенными въ ней къ острову Серифу. Спасенныя мать и дитя нашли самый дружелюбный пріемъ у Диктиса, брата царя того острова. Добрый Диктисъ занялся съ малюткой съ такою любовью, какъ будто бы онъ былъ его собственный сынъ. Персей скоро вознаградилъ его за любовь и попеченія тѣмъ, что развернулся во всемъ цвѣтѣ юношеской красоты и доблести и отличался между всѣми молодыми людьми, окружавшими царя Полидекта. Разъ царю понадобилось добыть дорогое

приданое своей невѣстѣ. Онъ обратился къ окружавшимъ его придворнымъ за содѣйствіемъ, и тѣ наперерывъ другъ передъ другомъ принесли ему разныхъ драгоцѣнностей. Только Персей ничего не далъ. Надъ нимъ подсмѣивались; его осуждали. Тогда Персей, обратившись къ Полидекту, сказалъ: «Царь! у меня нѣтъ богатствъ и драгоцѣнностей, но вотъ тебѣ мужественное сердце юноши, повели только, — и, еслибъ то была голова Медузы, эти мощныя длани доставятъ ее тебѣ». — „Подарокъ не дуренъ", замѣтилъ царь. „Тотъ былъ бы мнѣ лучшимъ другомъ, того я счелъ бы величайшимъ изъ людей, кто мнѣ доставилъ бы голову Медузы." Персей зналъ всю неисполнимость такого предпріятія; онъ зналъ, что трое сестеръ, называемыхъ Горгонами, были дочерьми дракона Форкиса и змѣи Эхидны, и что Медуза, одна изъ нихъ, взглядомъ своимъ въ камень превращала всякаго дерзкаго смертнаго, который самъ осмѣлился бы взглянуть на нее. Но слово было сказано, и Персей рѣшился лучше испытать тысячу смертей, чѣмъ казаться хвастуномъ въ глазахъ царя и придворныхъ. Итакъ, онъ отправился въ путь. Прежде всего онъ не зналъ, какъ ему добраться до Горгонъ. Онъ воззвалъ о помощи къ покровительницѣ отважныхъ, Аѳинѣ-Палладѣ. Богиня сказала ему, черезъ Гермеса, чтобы онъ разспросилъ объ этомъ у Грей, и указала ему путь къ этимъ недружелюбнымъ богинямъ, также близкимъ родственницамъ Форкиса. Наружность Грей не могла располагать въ ихъ пользу: это были отъ самаго рожденія дряхлыя, злобныя старухи съ однимъ зубомъ и глазомъ на троихъ. Правда, что то былъ удивительный глазъ, ибо Греи видѣли имъ все, что дѣлалось въ самыхъ далекихъ и потаенныхъ углахъ міра. Путь къ Греямъ лежалъ пространный, къ западнымъ предѣламъ Океана; но все-таки Персею нужно было содѣйствіе Гермеса, чтобы благополучно добраться до нихъ и успѣть въ своемъ предпріятіи. Неоцѣненное же содѣйствіе Гермеса состояло въ томъ, что онъ похитилъ у Грей ихъ единственные глазъ и зубъ. Греи пришли въ ужасъ, обша-

ривъ повсюду вокругъ и не находя своихъ сокровищъ. А Персей требовалъ самыхъ подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Горгонахъ, грозя въ противномъ случаѣ съ собой унесть похищенное. Тогда Греи разсказали Персею, какъ ему отыскать сосѣдокъ ихъ, нимфъ, которыя знаютъ подробно о Горгонахъ; какъ ему потомъ нужно по Океану пробраться въ предѣлы Ночи и тамъ, наконецъ, онъ увидитъ Горгонъ. Персей возвратилъ Греямъ взятое у нихъ и отправился далѣе. Благодаря полученнымъ указаніямъ и, собственно, благодаря тому, что нимфы дали ему крылатыя сандаліи и такую же шапочку, дѣлавшую невидимымъ того, кто ее надѣвалъ, Персею все удавалось теперь скоро и благополучно. Достигши пещеры, въ которой засталъ онъ Горгонъ, почивающихъ послѣ обѣда, окруженныхъ шипящими змѣями и гадами, Персей, невидимый, задомъ подвигался къ страшнымъ богинямъ, дерзая только въ свѣтломъ щитѣ своемъ глядѣть на окаменяющую голову Медузы, и, когда подошелъ близко, то, не теряя времени и возвавши еще разъ къ богинѣ Аѳинѣ твердой рукой разомъ отсѣкъ желанную голову и, во мгновеніе ока, сунулъ ее въ мѣшокъ, припасенный ему на этотъ случай тѣми же нимфами. Свирѣпыя сестры проснулись тотчасъ же, но шапочка-невидимка спасла героя отъ роковыхъ объятій Горгонъ. Тутъ Персея поразило небывалое чудо. Въ то время, какъ онъ собирался въ обратный путь изъ материнскаго лона земли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще дымилась теплая кровь убитой Медузы, вдругъ вспорхнулъ крылатый конь, Пегасъ, и уже готовъ былъ, легкой птицей, взнестись къ поднебесью. Персей очень радъ былъ случаю замѣнить конемъ такую утомительно-долгую прогулку пѣшкомъ: онъ быстро вскочилъ на Пегаса и направилъ полетъ его по своему произволу. Прежде всего онъ возвратилъ нимфамъ шапку-невидимку и сандаліи-самолеты и съ безцѣннымъ мѣшкомъ и добычей своей понесся въ обратный путь. Вотъ миновалъ сердитыхъ Грей, далеко, внизу, глядѣвшихъ на героя поочередно въ свое единственное око; за ними миновались про-

странства Посейдоновыхъ широкихъ морей; вотъ, наконецъ, предѣлы знойной Ливіи. Персей видитъ: въ песчаной пустынѣ, у крѣпкой скалы прикована прекрасная женщина и напрасно взываетъ о помощи; пустыня не трогается ея воплями и стонами. То была прекрасная Андромеда, дочь царя Кефея. Жестокій отецъ обрекъ ее на жертву чудовищу морскому. Еще минута—и Андромеды не стало бы; но Персей мужественно ринулся на чудовище, въ то самое мгновеніе, когда оно поднималось изъ пучины морской за добычей. Бой завязался упорный, неравный. Уже готово было чудовище поглотить и всадника, и крылатаго коня его; но вотъ выхватываетъ Персей изъ мѣшка своего голову Горгоны и обращаетъ ликъ ея къ страшному непріятелю. Въ ту же минуту чудовище стало недвижимымъ камнемъ. Андромеду Персей тотчасъ освободилъ и въ награду за необычайную свою доблесть получилъ ея руку, а съ ней отъ отца ея несмѣтныя богатства. Съ женой и съ богатствами Персей весело помчался къ Серифу, все на томъ же Пегасѣ. Тутъ Персею представилось новое дѣло. Мать и покровитель его Диктисъ бѣжали, преслѣдуемые царемъ Полидектомъ, и искали спасенія отъ него въ храмѣ Аѳины-Паллады. И тутъ не пощадили ихъ приверженцы царскіе, возбуждаемые самимъ Полидектомъ. Но тутъ же и сами преслѣдующіе нашли неожиданный себѣ конецъ; стоя среди портика храма, Персей обратилъ къ нимъ ликъ Горгоны, и — какъ мраморные столбы, которые зодчій искусно разставилъ для поддержки красиваго зданія — стали окаменѣвши всѣ преслѣдователи. Здѣсь, впрочемъ, въ послѣдній разъ, Персей употребилъ силу своей добычи. Послѣ этого онъ передалъ и коня и голову Горгоны своей покровительницѣ, богинѣ Аѳинѣ; и съ тѣхъ поръ голова эта, водруженная среди щита богини, распространяетъ ужасъ на полѣ брани и трепетомъ сковываетъ члены тѣхъ, на кого ополчается Аѳина-Паллада.

Оставалось только исполниться предсказанію, данному царю Акризію предъ рожденіемъ Персея. Предсказаніе же

должно было исполниться: древній человѣкъ вѣровалъ, что не миновать смертному судьбы своей, нещадящихъ и самихъ блаженныхъ обитателей Олимпа въ предпріятіяхъ ихъ. Напрасно Акризій покинулъ родной городъ, чтобъ не встрѣчаться съ своимъ внукомъ: однажды, на общественныхъ играхъ въ Өессаліи, брошенный Персеемъ дискъ попалъ прямо въ голову далеко въ сторонѣ стоявшаго дѣда, и смертельно раненый Акризій послужилъ живымъ свидѣтельствомъ того, какъ непреложны оракулы въ своихъ предвѣщаніяхъ. Отъ скорби и горя Персей не нашелъ въ себѣ силъ воротиться въ Аргосъ, а основалъ городъ Микену, циклопическія стѣны которой и до сихъ поръ еще въ остаткахъ своихъ сохранили слѣды значенія знаменитаго города древности.

Голова Медузы (по антику, находящемуся въ Ватиканѣ).

Гераклъ, поражающій Гидру.

4. Гераклъ (Геркулесъ).

Отъ Персея произошелъ Гераклъ, народный герой всѣхъ грековъ, въ особенности дорическаго племени, которое гордилось тѣмъ, что вело родъ свой отъ этого героя. Въ Гераклѣ олицетворенъ идеалъ героя. Греческіе миѳы совмѣстили въ немъ одномъ рядъ чудныхъ дѣяній и событій множества героевъ. Гераклъ представляетъ собою полное, могучее развитіе духа человѣческаго, несдержаннаго на пути своемъ ни закономъ, ни обычаемъ,—духа, который рядомъ дѣяній, величественныхъ и благородныхъ, не смотря на сопровождавшія ихъ часто насиліе и кровопролитіе, устремился къ божеству и, послѣ многотруднаго земнаго поприща, прослуживши произволу недостойныхъ, но облеченныхъ властію людей, воспарилъ къ сонму олимпійскихъ владыкъ.

Судьба распорядилась такъ, что Гераклъ, сынъ Амфитріона и Алкмены (миѳы считаютъ чаще отцомъ его самого Зевса), слѣдовательно внукъ Персея, родился нѣсколькими днями позже Эврисѳея, также потомка Персеева. Не случись этой неудачи, Гераклъ долженъ бы быть обладателемъ Аргивскаго полуострова. Миѳъ подробно описываетъ, какъ Зевсъ, за чашей небеснаго нектара, въ уютномъ кружкѣ своихъ олимпійскихъ сожителей, похвалился имъ, что вотъ скоро родится у него сынъ, которому предопредѣлено владычество

надъ пространными землями, и какъ вслѣдъ затѣмъ ревнивая Гера спустилась на землю и ускорила нѣсколькими днями рожденіе Эврисѳея. Это былъ замѣчательно-тонкій поступокъ Геры, ибо отецъ безсмертныхъ и смертныхъ *долженъ былъ* даровать Эврисѳею владычество, предреченное имъ самимъ на Олимпѣ, такъ какъ и Эврисѳей, посредствомъ Персея, происходилъ также отъ Зевса. Гераклъ же родился въ Ѳивахъ, куда Амфитріонъ долженъ былъ удалиться, спасаясь отъ преслѣдованій за какое-то совершенное имъ убійство. Здѣсь-то Гераклъ-малютка схватилъ, какъ игрушки, двухъ змѣй, посланныхъ Герою, чтобы уничтожить ненавистнаго ей ребенка, и, играя, задушилъ ихъ обѣихъ. Когда Гераклъ выросъ, отецъ отдалъ его на попеченіе лучшимъ наставникамъ въ свободныхъ искусствахъ, и юноша успѣхами своими превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія, — только въ игрѣ на лирѣ подвигался туго впередъ. Онъ даже, въ минуту запальчивости своего необузданнаго нрава, убилъ своего учителя, Линоса, и за этотъ порывъ осужденъ былъ удалиться изъ города и пасти стада отцовы. Скоро Гераклъ оказалъ большія благодѣянія своей странѣ, осушивши въ ней много болотъ, очистивши ее отъ хищныхъ звѣрей и разбойниковъ и основавши много колоній.

Въ награду за его дѣла, царь Ѳивскій, Креонъ, отдалъ за него дочь свою, отъ которой Гераклъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Слава героя уже далеко распространилась по Греціи, когда Эврисѳей потребовалъ его къ себѣ въ Тиринѳъ. Тутъ царь, посовѣтовавшись прежде съ оракуломъ, назначилъ ему исполнить 12 приготовленныхъ ему службъ. Гераклъ пришелъ въ негодованіе отъ одной мысли, что онъ обязанъ служить недостойному человѣку. Имъ овладѣла тоска и раздумье, превратившіяся скоро въ такую ярость, что онъ умертвилъ собственную жену и дѣтей. Но здѣсь онъ одумался: онъ увидѣлъ всю бездну несчастія, въ которую вовлекла его вспыльчивость, и покорностью и смиреніемъ рѣшился загладить передъ богами свое неумышленное злодѣй-

ство. Онъ явился къ царю и принялся рабски исполнять его повелѣнія. Вотъ по порядку всѣ его службы:

1) Въ пустынѣ Немейской, Гераклъ своею палицею поразилъ чудовищнаго, неуязвимаго льва, а шкурою его, какъ трофеемъ, облекъ свои мощныя плечи. 2) Въ болотахъ Лернайскихъ онъ уничтожилъ семиглавую гидру, наводившую ужасъ на всю окрестность. Онъ отсѣкъ ей всѣ головы, а помощнику своему, Іолаю, приказалъ въ то же время прижигать отсѣченное мѣсто, чтобы не наросли новыя головы.

Битва Геракла съ Эримантскимъ вепремъ.

Битва Геракла съ Лернайскою гидрой.

Въ ядѣ чудовища, Гераклъ омочилъ свои стрѣлы, и послѣднія стали отъ этого неотразимо-смертельными. 3) Потомъ изловилъ онъ быстроногую лань Артемиды, увѣнчанную священною повязкою, за что и подвергся было гнѣву богини. 4) Въ неприступныхъ ущельяхъ Эримантскихъ горъ (въ Аркадіи) онъ поймалъ свирѣпаго вепря, опустошавшаго окрестности, и когда, взваливши добычу къ себѣ на плечи, явился къ Эврисѳею, то послѣдній отъ ужаса юркнулъ въ бочку. Гераклъ же созвалъ друзей и составилъ изъ вепря такое лакомое блюдо, что отъ него не осталось, кажется, ни косточки. За этими службами послѣдовала такая, которая надолго потребовала дѣятельности героя. 5) Эврисѳей велѣлъ ему вычистить скотный дворъ царя элидскаго, Аугіаса. Дворъ

этотъ, гдѣ было до 3,000 головъ всякаго скота, никогда еще не чистили. Алкидъ — такъ часто звали Геракла по имени дѣда его, Алкея,—выговоривши себѣ часть стада за услугу, принялся за дѣло. Но не такъ сталъ чистить герой, какъ другіе ожидали отъ него: онъ повернулъ теченіе Алѳея на дворъ къ Аугіасу и, меньше чѣмъ въ день, быстрыя волны размыли и унесли все, что накопилось отъ стада. Богатый владѣлецъ не хотѣлъ, однако-жь, заплатить по условію: онъ утверждалъ, что *такая* чистка скорѣе попортила его зданія, чѣмъ принесла ему выгоды. Аугіасъ надѣялся не столько на правоту своего притязанія, сколько на силу своихъ приверженцевъ, въ томъ случаѣ, если бы Гераклъ вздумалъ настоятельно потребовать удовлетворенія. У Аугіаса была пара близнецовъ, Моліонидовъ, которые хвалились, что самъ великій Посейдонъ отецъ имъ. И дѣйствительно, Моліониды были не только огромны и сильны, но еще и совершенно особеннаго устройства. Съ боку глядя, они казались однимъ человѣкомъ, сильнымъ, огромнымъ; съ лица же — представлялось два одинаково крѣпкихъ туловища. Эти близнецы съ товарищами встрѣтили нашествіе Геракла. На два щита своихъ они смѣло приняли удары героя; двумя же острожалыми копьями и двумя мѣдноострыми мечами такъ сильно поражали его, что герой долженъ былъ отступить. Но сами Моліониды лишили себя продолжительной славы. На истмійскихъ общественныхъ играхъ, они чрезъ мѣру величались своею побѣдою надъ Зевсовымъ сыномъ и тѣмъ приготовили себѣ неожиданную погибель: въ ущельѣ Акрокоринѳскомъ Гераклъ умертвилъ ихъ обоихъ. Вслѣдъ затѣмъ разразилась погибель и надъ всѣмъ домомъ Аугіаса.

Покончивши здѣсь, Гераклъ получилъ новыя повелѣнія и ихъ исполнилъ такъ же блистательно.

6) Въ Стимфальскихъ болотахъ, въ Аркадіи, онъ перестрѣлялъ тучи хищныхъ птицъ, наводившихъ ужасъ на животныхъ и людей своими желѣзными когтями. 7) Потомъ неукротимаго быка, съ острова Крита, принесъ онъ къ Эврисѳею,

который, на ужасъ жителей Аттики, снова выпустилъ его на поля Мараѳонскія. 8) Потомъ Гераклъ вмѣстѣ съ товарищами побѣдоносно вышелъ изъ борьбы съ Діомедомъ, царемъ ѳракійскимъ, и, отнявъ у него хищнаго коня, который пожиралъ людей, посадилъ его на сѣно и овесъ. 9) Также блистательно добылъ оружіемъ ожерелье царицы амазонокъ, Гипполиты; а послѣ этой службы, 10) привелъ съ далекаго запада быковъ трехглаваго Геріона: 11) Труднѣе было достать золотыя яблоки изъ вѣчно-зеленыхъ садовъ Гесперидъ: Гераклъ не зналъ мѣста.

Во время своихъ безконечныхъ странствованій, по приказаніямъ Эврисѳея, Гераклъ встрѣтилъ Прометея, во время

Гераклъ, освобождающій Прометея.

оно похитившаго съ неба огонь лучшаго разумѣнія и давшаго его людямъ. Несчастный исполинъ прикованъ былъ къ одной изъ вершинъ Кавказа, и орелъ, не переставая, терзалъ

его грудь. Гераклъ поразилъ этого орла и мощною десницею разорвалъ узы, приковывавшія титана къ скалѣ. Отъ Прометея узналъ герой, гдѣ находится садъ Гесперидъ и какъ добраться къ нему. По указанію титана, Гераклъ отправился чрезъ Ливійскія пустыни, въ тѣ далекіе предѣлы міра, гдѣ чудовищный Атлантъ подпиралъ собою небесный сводъ. Гераклъ обратился къ Атланту и получилъ отъ него дальнѣйшее указаніе, но за то Гераклъ обязался за него часика два подержать на себѣ небесный сводъ. Гераклу понравилось въ саду Гесперидъ, гдѣ не перестаетъ весна, куда не проникаютъ ни усталость, ни ссоры, ни звукъ бранной тревоги. Но дѣятельный человѣкъ не созданъ для невозмутимой тишины и отдыха. Его назначеніе: до самой смерти, рядомъ безконечной борьбы, стремиться къ побѣдѣ надъ зломъ, къ торжеству правды и блага на землѣ. Гераклъ взвалилъ къ себѣ на плечи мѣшокъ съ золотыми яблоками и отправился въ обратный путь

На пути, онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ скалы запирали Средиземное море отъ Атлантическаго. Божественною дланью разорвалъ онъ преграду, и бросилъ одну изъ скалъ на берегъ Европы, другую—на берегъ Африки, чтобы на вѣчныя времена оставить здѣсь видимые знаки своей дѣятельности. Кто сомнѣвается, пусть отправится на мѣсто, онъ и теперь увидитъ столбы Геркулеса, и на одномъ изъ нихъ Гибралтаръ, на другомъ Цеуту.

12) Двѣнадцая и послѣдняя служба Геракла состояла въ томъ, чтобы изъ Тартара привести къ Эврисѳею свирѣпаго Цербера, хранителя вратъ подземнаго міра. По родственнымъ отношеніямъ къ сыну Зевсову, — а Зевсъ былъ братъ Плутона, владыки въ подземномъ царствѣ, — Плутонъ позволилъ Гераклу увести Цербера, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы при этомъ не было употреблено оружія. Такъ и исполнено. Эврисѳей чуть не умеръ отъ страха, когда увидѣлъ ужаснаго треглаваго хранителя Тартара и услышалъ его мрачное ворчаніе.

Теперь рабство Геракла у Эврисѳея окончилось, но не окончились подвиги героя. Онъ продолжалъ искать приключеній, ради собственной славы: сражался съ центаврами и еще два раза сходилъ въ знакомый уже Тартаръ, спустившись съ Тенарскаго мыса, который составляетъ южную оконечность Пелопонеза. Во время этихъ произвольныхъ странствованій, Гераклъ встрѣтилъ Антея, исполинскаго сына земли. Антей не пропускалъ случая сразиться съ иноземцемъ. Увидя Геракла, онъ и на него бросился, но Гераклъ, искусный въ борьбѣ, грянулъ его оземь такъ сильно, что, конечно, ни у кого другаго не уцѣлѣло бы ни одного сустава на мѣстѣ. Къ величайшему удивленію Геракла, исполинъ поднялся и съ новою, большею силою схватился съ нимъ. Такъ повторялось до трехъ разъ. Тогда Гераклъ догадался, что, при каждомъ объятіи земли, сыну ея вливались новыя и новыя силы, и поэтому, схвативши Антея, онъ поднялъ его на воздухъ и, сильно напрягшись, стиснулъ такъ, что жизнь отлетѣла отъ исполина. Послѣ такого подвига Гераклъ глубоко заснулъ.

Въ странѣ этой жили крошечные люди, пигмеи, которые служили Антею, и которыхъ Антей, обратно за услугу, защищалъ отъ ихъ вѣковѣчныхъ враговъ, журавлей. Пигмеи толпами собрались, чтобы оплакать кончину своего защитника; потомъ рѣшили отмстить Гераклу убійство Антея. Одинъ изъ храбрѣйшихъ героевъ-пигмеевъ, уже не разъ поражавшій враговъ своихъ журавлей, думалъ, что ему и одному подъ силу будетъ одолѣть убійцу; однако-жъ, предусмотрительный совѣтъ великокняжескій рѣшилъ, лучше хлопчатой бумагой и паклей забить иноземцу ротъ и ноздри и тѣмъ заставить его задохнуться. — Тотчасъ дружно натаскали со всѣхъ сторонъ кипы этого матеріала. Но трудъ и усилія пропадали даромъ: герой такъ сильно храпѣлъ и сопѣлъ, что отъ дыханія его, какъ отъ порывистой бури, летѣли внизъ кубаремъ кипы и человѣчки. Оставили напрасное предпріятіе: рѣшили собрать вокругъ спящаго горючихъ

веществъ и сжечь его живьемъ. Пламя вспыхнуло весело, раскинулось вокругъ Геракла и ужь поднялось до волосъ его. Тутъ герой вскочилъ. Глазамъ его представились безчисленныя толпы миніатюрныхъ людей, кишѣвшихъ у ногъ его. Гераклъ схватилъ на удачу перваго изъ толпы, чтобъ разсмотрѣть вблизи замѣчательное существо. Какъ нарочно случилось, что этотъ первый былъ дѣйствительно первымъ по

Гераклъ и Пигмеи.

храбрости, тотъ самый, который вызывался испытать единоборство съ иноземцемъ. „Знай“, воскликнулъ онъ Гераклу, „что ты долженъ со мной биться на смерть, или же предъ всѣми признать себя побѣжденнымъ!“ Гераклъ пораженъ былъ, видя, какое мужественное сердце заключается въ такомъ, повидимому, слабомъ существѣ, и убѣдился поэтому, что доблесть зависитъ не отъ роста и размѣра членовъ, а

отъ силы духа, оживляющаго собою эти члены. Затѣмъ Гераклъ призналъ себя побѣжденнымъ, заключилъ съ пигмеями миръ и пріобрѣлъ въ нихъ прочныхъ, надежныхъ (!) друзей. Чтобъ доказать имъ свою дружбу, онъ напалъ на стада журавлей и уничтожилъ ихъ тысячи. Пигмеи угостили за это Геракла на славу: сотни народа трудились для того, чтобы натаскать различнаго мяса и лакомствъ и винъ, лишь бы насытить и отблагодарить героя.

Среди такихъ дѣлъ, Гераклъ ужь достигъ зрѣлаго возраста: онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ мужества, на верху силы и славы. Тамъ и сямъ у него были ужь наслѣдники его имени и славы, но ему хотѣлось теперь избрать себѣ постоянное жилище и устроить прочный семейный бытъ. Въ Тиринѳѣ дошла до него молва о необычайной красотѣ Діаниры, дочери этолійскаго царя Онея. Тотчасъ собрался онъ въ путь и прибылъ въ главный городъ Этоліи, Калидонъ. Тутъ онъ одолѣлъ соперника своего, рѣчнаго бога Ахелоя, и получилъ руку царевны. Свадьбу отпраздновали весело, и Гераклъ съ молодой женой отправился домой. Сначала дорога шла вдоль теченія рѣки Эноса, потомъ надо было переправляться черезъ нее. Центавръ Нессосъ взялся, за извѣстную плату, перевезти ихъ на своемъ утломъ паромѣ. Хотя Гераклу не нужно было этого удобства, но онъ съ радостью воспользовался предложеніемъ для своей жены; самъ же, заплативши по условію, стоялъ на берегу и слѣдилъ за переѣздомъ ея, чтобъ потомъ и самому переправиться къ ней вплавь. Уже подъѣзжала она къ другому берегу, какъ вдругъ Гераклъ увидѣлъ, что неуклюжій центавръ обижаетъ Діаниру. Гераклъ ему грозитъ, — напрасно; тогда, натянувши свой исполинскій лукъ, герой насквозь пронзаетъ злодѣя стрѣлой, омоченной въ ядѣ Лернайской гидры. Нессосъ зналъ роковую силу этого яда и умирая придумалъ Гераклу ужасную месть. Онъ посовѣтовалъ Діанирѣ собрать крови, которая обильно текла у него изъ раны, и сберечь эту кровь. „Ею,“ говорилъ онъ, „ты приворожишь себѣ супруга на-

вѣки и никогда тебѣ не будетъ соперницы въ сердцѣ его.“ Такъ и сдѣлала ревнивая жена, въ той вѣрѣ, что Нессосъ не могъ бы солгать ей въ виду смерти.

Послѣ этого событія Гераклу нужно было отправиться въ Трахисъ, на сѣверную сторону Эты. Тамъ онъ нѣсколько времени испыталъ мирную, пріятную жизнь. Его товарищъ по оружію, Ифигосъ, пригласилъ его оттуда въ Эхалію, на праздникъ, который отецъ его, Эвритосъ, давалъ ради состязаній за руку дочери его. Эвритосъ славился далеко вокругъ какъ отличнѣйшій стрѣлокъ изъ лука; вотъ отчего онъ опредѣлилъ, что тотъ только изъ жениховъ получитъ его прекрасную дочь, Іолу, кто превзойдетъ его самого въ стрѣльбѣ изъ лука. При первомъ свиданіи съ Іолой, пагубная страсть пламенемъ охватила все существо Геракла. Онъ далеко превзошелъ всѣхъ стрѣлковъ, соискателей Іолы, и требовалъ обѣщанной награды. Отецъ не исполнялъ условія. Тогда Гераклъ впалъ въ состояніе, которое онъ испытывалъ всегда при сильномъ потрясеніи. Имъ овладѣла глубокая тоска и скрытое помѣшательство. Онъ отправился въ Тиринѳъ. Ифигосъ, его старый другъ и товарищъ, былъ съ нимъ и утѣшалъ его. Но въ ослѣпленіи страсти, Гераклъ, видя въ другѣ своемъ только сына ненавистнаго Эвритоса, сбросилъ его со стѣны. Впрочемъ, тотчасъ же несчастный герой раскаялся и искалъ средствъ загладить свое преступленіе. Оракулъ присовѣтовалъ ему наложить на себя новое рабство. Гераклъ послушался. Онъ на годъ продалъ себя царицѣ лидійской Омфалѣ, и терпѣливо сидѣлъ за веретеномъ въ то время, какъ царица, надѣвъ на себя львиную шкуру героя, горделиво выступала, черезъ силу поворачивая дубиной Геракла. Прошелъ этотъ годъ, и Гераклъ думалъ, что расплатился съ правосудіемъ олимпійцевъ: онъ не подозрѣвалъ, что незримо, но неизмѣнно судьба слѣдитъ за дѣлами людей, и что ни единое зло не остается безъ наказанія, хотя бы человѣкъ и не сознавалъ, какими сложными путями событія жизни приводятъ его къ испытанію наказанія за совершенное

зло. Гераклъ вторгся въ Эхалію, разрушилъ ея крѣпкія стѣны, поразилъ Эвритоса и сыновей его, завладѣлъ Іолой и отправилъ ее къ женѣ своей, Діанирѣ, въ числѣ прочихъ военныхъ трофеевъ, въ Трахисъ. Діанира угадала побужденіе Геракла и рѣшилась прибѣгнуть къ роковому средству, оставленному ей умерщвленнымъ центавромъ. Гераклъ на Эвбеѣ

Смерть Геркулеса.

приготовлялся воздать Зевсу благодарственную жертву за дарованные ему успѣхи. Онъ хотѣлъ при этомъ случаѣ надѣть самую блистательную свою бѣлую одежду и послалъ за нею къ Діанирѣ. То была дѣйствительно великолѣпная одежда, сотканная Діанирой съ любовью и вкусомъ. Отправляя ее, ревнивая жена вспрыснула ее съ изнанки приворотною кровью коварнаго Нессоса и съ замираніемъ сердца

ожидала послѣдствій. Гераклъ получаетъ ее и, далекій отъ всякаго подозрѣнія, облекается ею; но лишь только одежда прониклась теплотою тѣла, какъ пристала плотно къ нему и стала жечь и терзать его. Гераклъ почувствовалъ, какъ будто бы тысячи струй раскаленной лавы разомъ прыснули на него. Въ нестерпимой боли, герой рветъ одежду вмѣстѣ съ кусками собственнаго тѣла, приставшаго къ ней, а ядъ проникаетъ все глубже и глубже и быстро разрушаетъ весь тѣлесный составъ его. Тутъ героя несутъ, по приказанію его, въ Трахисъ. Діанира съ отчаянія лишила себя жизни. Изъ Трахиса перенесли героя на туманами обвитую вершину горы Эта. Тамъ герой, собравшись съ послѣдними силами, воздвигъ себѣ величественный костеръ и, какъ будто забывши о своихъ страданіяхъ, съ божественнымъ спокойствіемъ возлегъ на него. Вокругъ стояли его друзья, товарищи по оружію, сынъ его, Гилосъ. Никто не трогался съ мѣста, чтобъ оказать ему послѣдній долгъ: приложить пламя къ костру; такъ имъ было тяжело при мысли разстаться съ героемъ. Наконецъ Филоктетъ, съ престарѣлымъ отцомъ своимъ, исполнили долгъ. Пламя взыграло и изъ среды его, скинувъ послѣднія земныя оковы страданій и страсти, воспарилъ духъ героя къ предѣламъ Олимпа. Тамъ, возлѣ вѣчно-юной небесной подруги своей, Гебы, возлѣ отца своего, Зевса, Гераклъ наслаждается, вмѣстѣ съ другими богами, радостями, знакомыми лишь блаженнымъ жителямъ неба.

Гераклъ въ борьбѣ со львомъ.

Побѣда Тезея надъ Минотавромъ.

5. Тезей.

Теперь намъ предстоитъ путь въ Аттику. Страна эта славилась въ древности гористою мѣстностью и мраморомъ, медомъ, масломъ и лавровыми рощами ,мудростью и ратными дѣлами сыновъ своихъ; но греческій миѳъ не такъ пышно и поэтически расцвѣлъ здѣсь, какъ въ сосѣднихъ Ѳивахъ или въ далекой Арголидѣ.

Первый, кто собралъ разсѣянныя въ пустынѣ племена въ общество и построилъ первые города, былъ Эрехтей. Чрезъ много десятковъ лѣтъ спустя, упоминается Кекропсъ, по большей части миѳовъ, туземецъ, притомъ же, получеловѣкъ, полудраконъ; по нѣкоторымъ же, пришелецъ изъ Египта. Онъ раздѣлилъ народъ на 12 колѣнъ. Одинъ изъ

потомковъ Эрехтея, Эгей, съ тремя своими братьями, завладѣлъ всей страной. Онъ однажды отправился къ старому своему другу, Пелопиду Питѳею, владѣвшему Аргивской Трэценой. У друга онъ нашелъ самый ласковый пріемъ и тайно женился на дочери его, Эѳрѣ. При прощаніи съ Питѳеемъ, онъ отвелъ Эѳру въ сосновый боръ и тамъ, сложивши въ углубленіе свои золотомъ украшенныя сандаліи и царственный мечъ и заваливши все это тяжелымъ камнемъ, сказалъ ей: „когда мальчикъ, котораго боги даруютъ тебѣ, выростетъ, дай ему сдвинуть этотъ камень; пусть онъ надѣнетъ отцовскія сандаліи и опояшется отцовскимъ мечемъ. Пришли его тогда въ Аѳины. По этимъ признакамъ я узнаю моего сына, наслѣдника моего.“ Пророческое слово не пропало даромъ: дитя выросло и возмужало, какъ отецъ. Легко отвалилъ юноша тяжелый камень и, облекшись въ отцовскіе доспѣхи, простился съ матерью и отправился къ отцу получить обѣщанное наслѣдство. Въ то время въ дикихъ мѣстностяхъ Геранійскихъ горъ гнѣздились свирѣпые разбойники, отъ которыхъ терпѣли какъ окрестные жители, такъ и случайно заходившіе путники. Если судьба избавляла несчастнаго отъ булавы Перифета, то онъ попадалъ въ руки Синниса, который привязывалъ его на сосновый, согнутый имъ, стволъ, и потомъ разомъ пускалъ стволъ разгибаться и разрывать привязанную къ нему жертву. Если и этой опасности избѣгалъ онъ, то ужь навѣрное не избѣгалъ Скирона, кидавшаго свои жертвы въ море, или Дамаста (также Прокруста), который заходившихъ къ нему сначала ласково принималъ, а потомъ укладывалъ на покой въ постель, и горе, если путникъ приходился не въ мѣру съ постелью: короткимъ онъ ноги вытягивалъ, а длиннымъ лишнее отсѣкалъ. Тезей раздѣлался со всѣми ими не мечемъ, а собственнымъ ихъ оружіемъ и очистилъ пути отъ опасностей. Онъ благополучно прибылъ въ Аѳины и, неузнанный, пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь въ домѣ Эгея. Только мачиха его, Медея, которая, послѣ прежнихъ своихъ злодѣйствъ, укрылась

теперь подъ защиту брачнаго союза съ царемъ, затаила въ сердцѣ ненависть къ пришельцу. Она искусно изготовила ему отраву, и уже Тезей держалъ въ рукѣ чашу погибели, какъ въ это время въ глаза отцу бросился мечъ Тезеевъ. Быстрѣе мысли кинулся старикъ къ сыну, выбилъ изъ рукъ его чашу и прижалъ его къ своему сердцу. Видя неудачу, Медея на драконѣ умчалась въ свое мрачное отечество, Колхиду, и ужь болѣе не тяготѣла своими беззаконіями надъ священной землею Эллады.

Въ это время свирѣпствовалъ на поляхъ мараѳонскихъ тотъ самый быкъ, котораго когда-то Гераклъ принесъ къ Эврисѳею и котораго послѣдній выпустилъ на волю. Тезей отправился розыскать и укротить его. Послѣ долгихъ, безплодныхъ поисковъ, онъ напалъ на слѣдъ чудовищнаго быка, и заслышавъ ужасное мычаніе, пошелъ прямо на него, разставляя крѣпкія, ничѣмъ неразрывныя петли, до тѣхъ поръ, пока увидѣлъ чудовище. То искусно нападая, то ловко увертываясь, Тезей завлекъ быка въ петлю и овладѣлъ имъ. Съ радостью и торжествомъ принялъ его народъ аѳинскій и тутъ же, въ присутствіи престарѣлаго отца своего, Тезей принесъ свою добычу въ жертву Фебу-Аполлону.

Между тѣмъ наступало для города печальное торжество, праздникъ Панатеней. Этотъ праздникъ, сопровождаемый жертвоприношеніями, играми и *хореигами* (плясками), былъ учрежденъ въ честь покровительницы города, богини Аѳины-Паллады. Ужь лѣтъ 18 не совершали этого празднованія и вотъ почему. Въ послѣдній разъ на нихъ отличился, изъ всѣхъ состязателей, сынъ моревладѣтельнаго царя критскаго, Миноса, юный Андрогей. Скоро послѣ того онъ погибъ жертвой мараѳонскаго быка. Миносъ, подозрѣвая умыселъ въ смерти его сына, приплылъ въ Аѳины съ страшнымъ флотомъ своимъ и наложилъ на городъ ужасную дань. Черезъ каждыя 9 лѣтъ, Аѳины обречены были семеро аѳинскихъ юношей и столько же благороднѣйшихъ дѣвъ, безукоризненной красоты, отправлять въ критскій городъ Кноссъ, на

съѣденіе чудовищу Минотавру (получеловѣку, полубыку), заключенному въ Лабиринтѣ. По другимъ преданіямъ, ихъ приносили тамъ въ жертву Молоху, которому покланялись финикіяне. Это-то время теперь настало въ Аѳинахъ. Весь городъ погруженъ былъ въ невообразимую печаль, а между тѣмъ надо было торопиться выбрать жертвы. Тогда выступилъ Тезей и потребовалъ, чтобы его также включили въ число жертвъ, „ибо," говорилъ онъ, „я слышалъ при жертвоприношеніи голосъ Феба-Аполлона, и голосъ этотъ внушилъ мнѣ, что, съ помощью царицы любви, Афродиты, я одолѣю чудовище, а родной городъ избавлю на вѣки отъ постыдной жестокой дани." Напрасно друзья и отецъ умоляли Тезея отказаться отъ своего намѣренія: онъ былъ непреклоненъ. Отъѣзжая съ товарищами несчастія, подъ чернымъ флагомъ и такими же парусами, онъ воскликнулъ своему печальному родителю: „если благополучно возвратятъ насъ боги домой, то помните, что, на мѣстѣ этихъ погребальныхъ парусовъ, вы увидите свѣтлые и тогда заранѣе радуйтесь нашей побѣдѣ." — До Кносса доѣхали безъ приключеній. Тутъ, въ ожиданіи жертвоприношенія, всѣ заняты были обширными приготовленіями къ нему, а между тѣмъ самыя жертвы пользовались на то время полной свободой. Тезей успѣлъ надивиться знаменательнымъ учрежденіямъ и распорядкамъ на Критѣ. Все это было плодомъ дѣятельности мудраго царя-законодателя, Миноса. Твердо увѣренный, что получитъ обѣщанную небесную помощь, Тезей размышлялъ, какъ онъ впослѣдствіи на родинѣ приложитъ къ дѣлу то, что видѣлъ новаго и хорошаго въ чужой сторонѣ. Небесная помощь, дѣйствительно, не замедлила. Дочь Миноса, Аріадна, увидя Тезея, какъ его, въ жертвенной одеждѣ, вмѣстѣ съ другими, ввели въ Лабиринтъ, почувствовала къ нему необыкновенное состраданіе; состраданіе скоро перешло въ сочувствіе и наконецъ вспыхнуло пламенемъ чистѣйшей любви въ сердцѣ невинной дѣвы. Она нашла средство спасти своего возлюбленнаго. Она дала ему мечъ, чтобъ поразить чудовище,

и клубокъ нитокъ, чтобъ не заблудиться въ безконечныхъ переходахъ по Лабиринту. Тезей отлично воспользовался этой помощью. Закрѣпивши нить у входа, незамѣтно ни для чьего посторонняго глаза, онъ съ товарищами добрался до Минотавра, умертвилъ его и тѣмъ же путемъ вышелъ съ ними изъ Лабиринта. Миносомъ и прежде объявлено было Аѳинамъ, что до тѣхъ поръ долженъ городъ доставлять ему ужасную дань, пока кто-либо изъ жертвъ не уничтожитъ чудовища и не выберется изъ путаницы Лабиринта. Итакъ, теперь насталъ конецъ этой дани. Радостно ступилъ Тезей съ товарищами на корабль свой и направилъ его на родину. Аріадна оставила и домъ и отца и послѣдовала за избранникомъ своего сердца, не вѣдая, какъ скоро судьбою назначено было этому сердцу испытать мучительныя страданія.

Все благопріятствовало путешественникамъ. Скоро пристали они къ цвѣтущему острову Наксосу. Тутъ остановились подольше, чтобъ имѣть время насладиться гуляньями въ апельсинныхъ, гранатовыхъ, фиговыхъ рощахъ, чтобъ отдохнуть среди цвѣтущихъ глубокихъ долинъ, чтобы отвѣдать не разъ сердцеусладнаго сока наксосской лозы на пирахъ радушныхъ жителей острова. Наконецъ, однажды, раннимъ утромъ, лишь только багряная Эосъ показалась на востокѣ, Тезей далъ знакъ къ отплытію. Всѣ товарищи были на кораблѣ, только одна Аріадна на островѣ покоилась въ объятіяхъ сна. Ужь свѣтлый Геліосъ совершилъ половину пути, когда проснулась несчастная Аріадна и, бросившись къ берегу, на горизонтѣ различила паруса удалявшагося корабля, а съ нимъ и всего ея счастія. Отчаяніе ея донеслось до неба, и самъ Діониссъ, вѣнчанный плющемъ и лозой виноградной, сошелъ къ ней, утѣшилъ, возвысилъ къ себѣ невинно-покинутую людьми жертву чистѣйшей любви, и съ нимъ Аріадна раздѣлила блаженство безсмертія и вѣчно неувядаемой юности и красоты. — Замѣчательно, какъ изъ области сказочнаго миѳа выступаетъ у грека сіяющая, утѣшительная истина, что божество не допускаетъ погибнуть невинной жертвѣ людскаго

ослѣпленія или несправедливости, но даетъ ей вѣрнѣйшій щитъ и награду.

Тезей между тѣмъ спокойно плылъ къ Делосу, священному средоточію Кикладскихъ островов, родинѣ Феба-Аполлона и Артемиды-Діаны. Здѣсь онъ принесъ Фебу торжественную жертву, а потомъ плясалъ съ товарищемъ своимъ, Гераномъ, пляску, въ которой, передвиженіями плясавшихъ, изображены были ходы и переходы по Лабиринту. Отсюда ужь прямо направились домой. Тамъ, на берегу, стоялъ и теперь, какъ и до сихъ поръ, каждый день, престарѣлый отецъ его, ожидая, не покажется ли на горизонтѣ знакомый корабль и не принесетъ ли ему обратно любимаго сына. Вотъ видитъ онъ Тезеево судно, но — Боже! — на немъ черные паруса (а ихъ, въ радости, забыли на кораблѣ перемѣнить по обѣщанію). И бѣдный отецъ, полагая, что потерялъ единственную свою радость, забылъ и о санѣ, и о богатствахъ и въ отчаяніи бросился съ крутаго берега прямо въ кипучія волны. Тезею достался только трупъ отцовскій. Много поколебало его радость это неожиданное несчастіе; однако-жъ пріемъ, сдѣланный ему гражданами, всеобщій восторгъ, чуть не обоготвореніе утѣшили героя. Теперь, получивши отцовскій скипетръ и при всеобщемъ содѣйствіи гражданъ, Тезей могъ привести въ исполненіе тѣ планы, которые составилъ на Критѣ, поучаясь тамъ мудрымъ учрежденіямъ Миносовымъ. Онъ прежде всего въ одинъ народъ собралъ разсѣянныхъ въ 12 различныхъ мѣстностяхъ жителей и раздѣлилъ его на аристократовъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ и далъ имъ равное участіе въ общественныхъ дѣлахъ и выгодахъ, такимъ образомъ однако-жъ, что первый классъ облекъ обязанностями судей и жрецовъ. До тѣхъ поръ благороднѣйшіе по званію изъ гражданъ пользовались совершенною независимостью и, не служа обществу, наслаждались только выгодами своего положенія. Что нововведенія Тезеевы вызвали много недовольныхъ, это очень понятно: тотъ, кто теряетъ свое, рѣдко утѣшается тѣмъ, что черезъ эту потерю все общество

пріобрѣтаетъ какое-либо благополучіе, котораго прежде не имѣло, а, напротивъ, ворчитъ втихомолку или, при случаѣ, и громко на виновника ущерба его личнаго благосостоянія. Неудовольствіе нѣкоторыхъ гражданъ было опасно Тезею, потому что онъ не имѣлъ возможности обратить на него пристальнаго вниманія: онъ предоставилъ на время народъ и страну самимъ себѣ и занялся другими дѣлами.

До Тезея дошла молва о прекрасной и храброй королевѣ амазонокъ, Антіопѣ, господствовавшей по южнымъ берегамъ Эвксинскаго моря. Тезей отправился на трудное дѣло: похитить ее изъ среды ея мужественныхъ подругъ. Предпріятіе удалось какъ нельзя дучше, и сама королева, кажется, не была недовольна за похищеніе: она осталась до смерти вѣрной супругой героя. Но не такъ думали воинственныя амазонки, подданныя Антіопы: онѣ собрали всѣ силы и пошли отомстить. Намѣреніе свое онѣ исполнили не такъ, какъ исполняютъ ихъ женщины слабодушныя, а съ мужествомъ, достойнымъ героевъ: по ледяному мосту онѣ перешли черезъ Босфоръ Кимерійскій, пробились сквозь толпы скиѳскихъ, ѳракійскихъ и ѳессалійскихъ племенъ, перешагнули горы и потоки и наконецъ проникли за стѣны самихъ Аѳинъ, въ самое сердце непріязненнаго города, Пниксъ, гдѣ было центральное собраніе гражданъ. Тутъ встрѣтилъ ихъ Тезей во главѣ отборнѣйшихъ своихъ воиновъ. Битва была жаркая; побѣда долго колебалась то на одну сторону, то на другую; наконецъ, Тезей одолѣлъ. Антіопа не много пережила пораженіе бывшей своей рати. Тезею пришлось еще разъ испытать одиночество. Тутъ прибылъ къ нему изъ Ѳессаліи старинный другъ его, Пириѳой, съ дружиной лапитовъ и разсказалъ ему, какъ умерла жена его, которую онъ въ день свадьбы своей, при помощи друзей, отбилъ у неуклюжихъ центавровъ, и какъ онъ обдумываетъ теперь новый бракъ. Такъ какъ оба друга сошлись въ намѣреніяхъ, то и рѣшились другъ другу содѣйствовать, чтобъ легче было имъ достигнуть своихъ цѣлей. „Знаю я,“ говорилъ Пириѳой, „на

Битва съ амазонками.

берегу Эвротаса, чудно-разцвѣтшую дѣву. Это божественная Елена. Правда, ее стерегутъ пуще глаза два Тиндарида, братья ея, Касторъ и Поллуксъ; но я берусь помочь тебѣ въ похищеніи, если ты обѣщаешь мнѣ послѣ помочь въ моемъ дѣлѣ.“ Тезей далъ слово, и оба немедленно снарядились въ Спарту. Прибывши на мѣсто, они воспользовались случаемъ, когда Елена занята была у жертвенника торжественной пляской въ честь Артемиды, похитили ее изъ среды ея подругъ и, довольные успѣхомъ, поспѣшили въ Аѳины. Отпраздновавъ свадьбу Тезея, Пириѳой сталъ готовиться къ исполненію своей затѣи. А затѣялъ онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ похитить у владыки подземнаго міра супругу его, Персефону. Друзья спустились съ мыса Тенарскаго въ область Аида, одолѣли всѣ ужасы Тартара и захватили желанную добычу; но, истомленные, предались они на мгновеніе отдыху и тѣмъ испортили все дѣло. Аидоней, незримо слѣдившій за ними, сковалъ ихъ алмазными узами, и никакія усилія героевъ не могли освободить ихъ изъ этихъ узъ. Долго ли оставались они въ этомъ заточеніи—миѳъ не говоритъ; извѣстно только изъ него же, что Гераклъ, вторично спустившійся въ Аидъ, освободилъ Тезея; Пириѳой же остался навѣки въ оковахъ.

Вотъ какимъ образомъ возвратился на землю аѳинскій герой. Въ отечествѣ своемъ онъ нашелъ большія перемѣны: Тиндариды въ его отсутствіе напали на Аѳины съ сильною ратью, и городъ и страну опустошили и оставили въ самомъ печальномъ положеніи. Захвативши Елену и богатую добычу, воротились они побѣдоносно въ Спарту. Эти событія еще болѣе, чѣмъ прежнія нововведенія Тезеевы, отвратили отъ него сердца аѳинянъ, и потому теперь Тезею не оставалось ничего болѣе, какъ бѣжать на островъ Скиро, лежащій къ востоку отъ Эвбеи. Здѣсь онъ искалъ у царя острова мира и дружбы, а нашелъ смерть: коварный царь велѣлъ сбросить героя со скалы въ море.

Соединеніе въ одно цѣлое народа аттическаго, возстановленіе Панатеней и обычай ежегодно отправлять священное

судно на островъ Делосъ, для празднованія учрежденныхъ тамъ Тезеемъ жертвоприношеній, кажется снимаютъ всякое сомнѣніе съ историческаго значенія этого героя, хотя нельзя не видѣть, что миѳы примѣшали много посторонняго къ значенію этой личности. Тезей запечатлѣнъ характеромъ истинно-народнаго аттическаго героя. Въ немъ видно то, что рѣдко встрѣчается въ другихъ греческихъ герояхъ, а именно: стремленіе къ развитію въ своемъ отечествѣ истинныхъ основаній права и забота о его славѣ и благосостояніи. Въ немъ выраженъ духъ доблести и самоотверженія, на благо родины. Съ другой же стороны, въ немъ ярко бросаются въ глаза его равнодушіе и беззаботность относительно слѣдствій, какихъ можно было заранѣе ожидать отъ многихъ его необдуманныхъ поступковъ, которые много бѣдствій навлекли на его отечество и, наконецъ, приготовили погибель ему самому. Кажется, какъ будто въ этомъ аѳинскомъ героѣ впередъ отразился характеръ позднѣйшей исторіи самихъ Аѳинъ.

6. Эакъ и его потомство.

Трое изъ справедливѣйшихъ въ жизни людей, Миносъ, Радамантъ и Эакъ, были назначены по смерти судьями въ царство тѣней. Два первые, сыновья Зевса и Европы, были могущественными царями Крита, какъ это отчасти и видно изъ исторіи Тезея; послѣдній же, также божественнаго происхожденія, долго жилъ въ уединеніи, на островѣ Эгинѣ, пока отецъ его не обратилъ многочисленныхъ муравьевъ въ людей, названныхъ поэтому мирмидонянами. Эакъ былъ благочестивъ и почиталъ боговъ. Сыновья его не пошли по его слѣдамъ. Старшіе, Пелей и Теламонъ, умертвили младшаго, Фоку, изъ зависти, что онъ всегда выходилъ побѣдителемъ изъ общественныхъ игръ. Отецъ рѣшился лучше страдать въ одиночествѣ, чѣмъ терпѣть при себѣ такихъ злыхъ дѣтей: онъ изгналъ ихъ изъ дому и изъ страны. Долго стран-

ствовали изгнанники, и наконецъ Теламонъ основалъ себѣ резиденцію и владычество на островѣ Саламинѣ; Пелей же, съ шайкой лихихъ мирмидонянъ — въ Өессалійской странѣ, во Фтіи. Послѣднему боги дали въ супружество жену необыкновенно высокаго рода, богиню морскую, Өетиду „среброногую“, какъ называетъ ее Гомеръ. По совѣту мудраго Хирона, онъ подстерегъ богиню на берегу моря, въ ту минуту, когда она почивала подъ сладкій плескъ водъ, и похитилъ ее, не давши времени богинѣ принять на себя какой-нибудь недоступный смертному образъ. Знатнѣйшіе боги Олимпа осчастливили своимъ присутствіемъ свадьбу Өетиды съ Пелеемъ и щедро надѣлили своими дарами молодую чету; только Эрису, богиню раздора, забылъ Пелей пригласить къ себѣ на свадьбу. За это Эриса бросила въ собраніе яблоко такого раздора, изъ котораго развилась ненависть и война со всѣми ея ужасами. Но объ этомъ скажется въ своемъ мѣстѣ.

Почти столько же, какъ и Ахиллесъ, знамениты были Теламоновы дѣти: огромный Аяксъ и искусный стрѣлокъ изъ лука Тевкръ. О нихъ Гомеръ въ Иліадѣ повѣствуетъ пространно, какъ они подъ Троей дрались въ первыхъ рядахъ эллиновъ и какъ старшій братъ прикрывалъ своимъ необъятнымъ щитомъ младшаго въ то время, какъ послѣдній стремилъ свои смертоносныя стрѣлы въ рати троянскія.

Всадники у призоваго столба.

7. Тиндариды (Діоскуры) въ Лаконіи.

И въ долинахъ Тайгета, и на берегахъ Эвротаса не было недостатка въ поэтическихъ миѳахъ, включившихъ въ себѣ повѣсть о мірѣ, отжившемъ для грядущихъ поколѣній человѣчества. Это—повѣсть о двухъ братьяхъ, которые и въ жизни, и въ самой смерти были связаны тѣсной, безграничной любовью.

Во время-оно жилъ въ Лаконіи Лелексъ, мужъ мудрый и справедливый. Внукъ его, Гіакинѳъ, прекрасный какъ Аполлонъ, былъ любимцемъ этого бога. Когда онъ былъ случайно убитъ на общественныхъ играхъ неловко-пущеннымъ дискомъ, Аполлонъ учредилъ въ воспоминаніе его игры, которыя праздновались и въ позднѣйшее время. Отъ Лелекса происходили также Тиндаръ и Икарій, сначала изгнанные изъ своей страны, а потомъ Геракломъ возстановленные въ своихъ правахъ. Цѣломудренная Пенелопа, благородная жена Одиссея, слыветъ за дочерь Икарія; Клитемнестра, жена Агамемнона, считается дочерью старшаго брата его. У Тиндара были еще дѣти: Касторъ, Поллуксъ и, столько страданій причинившая красотой своей, не знавшая соперницъ, Елена. Поллуксъ и Елена въ преданіяхъ греческихъ называются чаще дѣтьми Зевса, ибо владыка Олимпа, въ образѣ лебедя, проникъ въ царственный домъ Тиндара, къ царицѣ Ледѣ и, говорятъ, былъ отцомъ ихъ.

Братья Касторъ и Поллуксъ съ самаго ранняго дѣтства были ужь неразлучны; съ возрастомъ любовь ихъ другъ къ другу только усиливалась. Касторъ получалъ постоянно первый призъ въ ристаньѣ на колесницѣ и въ обуздываньѣ коней; Поллуксъ же славился какъ непобѣдимый кулачный боецъ. Вмѣстѣ они участвовали и въ охотѣ на Калидонскаго вепря; вмѣстѣ же отправились они и на Аѳины, какъ это разсказано въ исторіи Тезея. Послѣ многихъ приключеній и

доблестныхъ дѣлъ, они въ одно время полюбили двухъ сестеръ, на которыхъ и хотѣли жениться. Имъ помѣшало то, что у этихъ сестеръ уже были женихи: Касторъ и Поллуксъ похитили дѣвъ. Тогда мессеняне, Идасъ и Линкей, подстерегли братьевъ-друзей, когда они возвращались съ похищенными домой. Линкей надѣленъ былъ отъ боговъ удивительнымъ зрѣніемъ: онъ ясно видѣлъ и неизмѣримо далеко, и въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ окружающей мѣстности. Съ вершины Тайгета, откуда Линкей видѣлъ все, что дѣлалось въ Пелопонезѣ, онъ торопливо спустился съ товарищемъ своимъ и перегородилъ похитителямъ дорогу: завязался жаркій кулачный бой. Касторъ былъ убитъ Идасомъ, Линкей — Поллуксомъ. Оставшіеся побѣдители схватились съ яростью, желая отмстить за смерть братьевъ. Идасъ выхватилъ столбъ изъ ограды, окружавшей могилу отца его, на которой онъ стоялъ во время борьбы, и жестоко поразилъ противника: но Поллуксъ былъ безсмертенъ; самого же Идаса въ рѣшительную минуту поразила молнія Зевса, положившаго конецъ единоборству. Самъ владыка безсмертныхъ и смертныхъ сошелъ тогда на облакѣ съ тѣмъ, чтобы въ жилища блаженныхъ взять съ собой сына; но Поллуксъ, обнимая трупъ милаго брата, молилъ только о томъ, чтобы умереть ему вмѣстѣ съ тѣмъ, съ кѣмъ былъ не разлученъ въ жизни. Тронутый такой любовью, Зевсъ опредѣлилъ имъ обоимъ, когда наступитъ назначенное имъ время вкусить безсмертія, быть навѣки вмѣстѣ и въ царствѣ тѣней, какъ были они на землѣ. Съ тѣхъ поръ засіяли они свѣтлыми звѣздами на тверди небесной, и мореходцы, во время бури взывая къ нимъ, твердо вѣрятъ, что Діоскуры (это значитъ Зевсовы дѣти) не откажутъ имъ въ помощи и безопасно проведутъ ихъ въ желанную пристань.—Имущество и власть Діоскуровъ въ Лаконіи перешли къ Атриду Менелаю, супругу сестры ихъ, безсмертной Елены.

Почитаніе обоихъ героевъ сохранилось на берегахъ Эвротаса. Оно же удержалось и у дорянъ, которые, вторгшись въ Ахаію, частію поработили жителей ея своей власти, ча-

стію изгнали. Въ Спартѣ не переставали воспѣвать Діоскурамъ хвалебные, праздничные гимны. Выходя на битву, спартанцы взывали о содѣйствіи къ божественнымъ братьямъ, и часто среди боя,—казалось имъ,—дружная чета мчится на бурныхъ коняхъ, наводя ужасъ на враговъ, своимъ же даруя побѣду. Удивительно, что миѳъ о Діоскурахъ и почитаніе ихъ проникли очень рано въ Римъ. Въ миѳическій періодъ римскаго государства повѣствуется о томъ, какъ въ одной битвѣ Діоскуры возвысили упадающій духъ римскихъ воиновъ, какъ они склонили на сторону ихъ побѣду и какъ, наконецъ, бросились въ Римъ, чтобъ прежде всѣхъ возвѣстить гражданамъ радость успѣха.

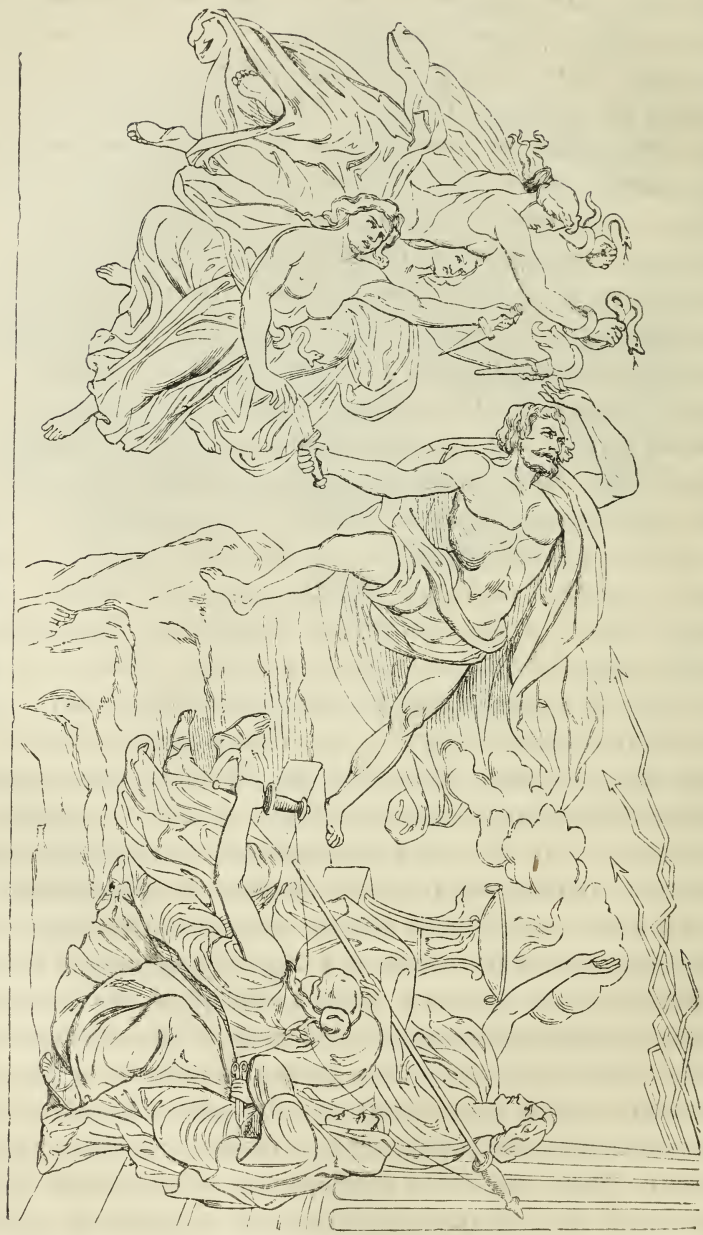
Благословенная Лидія.

8. Пелопсъ и родъ его.

Теперь мы снова возвращаемся на Аргивскій полуостровъ. Посмотримъ, что миѳы передаютъ намъ объ ужасахъ и злодѣяніяхъ, наполнившихъ домъ Пелопса.

Путешественники того времени съ восторгомъ разсказывали о Лидіи (область въ Малой Азіи), какъ щедро боги надѣлили ее всѣмъ, что радуетъ человѣка и даритъ его благополучіемъ. По ихъ словамъ, тутъ и стада круторогихъ быковъ были многочисленнѣе и тучнѣе; овцы давали шерсть шелковистѣе и гуще, а табуны длинногривыхъ коней весело рыскали по безконечнымъ и сочнымъ пастбищамъ. Пшеница сторицею вознаграждала за трудъ земледѣльца, роскошныя же маслины и виноградъ не имѣли подобныхъ себѣ въ мірѣ. Ничего не позабыла благодѣтельная природа для счастія человѣка. Между жителями страны, жившими въ полномъ до-

вольствѣ, отличался особенно Танталъ, сынъ Зевса. Богатствамъ его не было счета, благополучіе его еще ни на мгновеніе не было нарушаемо судьбою. Сами боги сходили съ Олимпа на пиръ къ Танталу и въ свою очередь открывали ему двери жилища блаженныхъ, чтобъ дать ему насладиться небесными амврозіей и нектаромъ. Но смертная природа Тантала не вынесла такой полноты счастія: сердце его наполнилось гордостью и высокомѣріемъ. Такъ часто бываетъ съ человѣкомъ и его земнымъ блаженствомъ. Танталъ дерзнулъ равняться съ божествомъ, дерзнулъ даже искать недостатковъ въ непогрѣшимыхъ по своей природѣ богахъ. Въ палатахъ своихъ, на Сипильской горѣ, онъ устроилъ необычайный пиръ. Онъ пригласилъ всѣхъ боговъ и тайно приготовилъ имъ такое угощеніе, которое, думалъ онъ, заставитъ ихъ забыть и амврозію, и нектаръ. Угощеніе же это состояло въ блюдѣ, приготовленномъ изъ нѣжныхъ членовъ малютки-сына, самимъ Танталомъ убитаго къ этому случаю. Блюдо подано. Боги тотчасъ же узнали злодѣйство, одна только Деметра, погруженная въ глубокую грусть оттого, что еще о сю пору не могла отыскать дитя свое, Персефону, въ разсѣянности съѣла частицу плеча. Тогда поднялся Зевсъ, и затрепетали небесные сожители его. Молніей ниспровергъ онъ злодѣя-дѣтоубійцу въ самый далекій предѣлъ Тартара и тамъ опредѣлилъ ему за его преступленіе—безконечную жажду и голодъ, ничѣмъ неутолимые, ничѣмъ не насытимые. Малюткѣ снова возвращена богами жизнь, а на мѣсто съѣденнаго Деметрой плеча дано ему искусственное изъ слоновьей кости. Малютка Пелопсъ выросъ, но душа его наполнялась ужасомъ невообразимымъ, лишь только онъ вспоминалъ событія своего дѣтства, лишь только взглядывалъ на разрушенный молніей блестящій дворецъ, нѣмой свидѣтель небесной кары, разразившейся надъ отцомъ его. Онъ не въ состояніи былъ оставаться долѣе въ отечествѣ своемъ. Собравъ богатства, онъ удалился искать себѣ счастья на чужбинѣ. Онъ высадился въ устьѣ Алфея и нашелъ дружескій пріемъ



Низверженіе Тантала.

у Эномая, владыки не только плодоноснаго побережья этой рѣки, но и дальше по ней до самыхъ равнинъ олимпійскихъ.

Пелопсъ женился на дочери Эномая и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: Атрея и Ѳіеста. Оба они отправились въ Микену, гдѣ за ихъ необыкновенное богатство народъ возвелъ ихъ въ царское достоинство. Пелопсъ остался въ одиночествѣ въ домѣ своемъ на берегу Алфея.

Сестра Пелопса, Ніоба, жившая сначала такъ счастливо въ супружествѣ съ царственнымъ пѣвцомъ, Амфіономъ въ Ѳивахъ, не избѣгла тяжелой участи, тяготѣвшей надъ домомъ Тантала. Конечно, духъ отцовскаго высокомѣрія погубилъ и ее. Ніоба величалась, что она, какъ мать, счастливѣе въ дѣтяхъ, чѣмъ Лето, божественная матерь Аполлона и Артемиды. Лето пожаловалась богамъ, и вотъ—семеро прекраснѣйшихъ сыновей Ніобы и семь несравненныхъ дочерей другъ за другомъ погибли отъ стрѣлъ Аполлона и Артемиды. Бѣдная мать, потерявши все свое счастье, скиталась по бѣлому свѣту, нигдѣ не находя покоя и отрады, до тѣхъ поръ, пока на пепелищѣ отцовскомъ въ смерти нашла конецъ своимъ страданіямъ.

Но еще не насталъ конецъ праведной мести, тяготѣвшей надъ домомъ Тантала. Теперь она разразилась въ нѣдрѣ царскаго семейства въ Микенѣ. Ѳіестъ жестоко оклеветалъ предъ братомъ жену его и потому долженъ былъ въ бѣгствѣ искать спасенія. Но онъ былъ хитеръ, какъ самъ Гермесъ: бѣжавши онъ захватилъ съ собой малютку-сына Атрея и въ изгнаніи воспиталъ въ немъ привязанность и любовь къ себѣ и ненависть къ Атрею. Когда малютка выросъ, злобный Ѳіестъ отправилъ его въ Микену, еще разъ напутствуя юношу внушеніемъ мести къ тому, въ комъ несчастный не подозрѣвалъ своего отца, а видѣлъ врага своего благодѣтеля. Юноша пораженъ былъ великолѣпіемъ города и благоденствіемъ жителей его. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на обиліе золота, слоновьей кости и янтаря; но его не столь занимала кипучая дѣятельность города, не столько трогала ласковость пріема,

которою пользовался всякій иноземецъ въ Микенѣ, сколько преслѣдовала мысль встрѣтить и погубить врага Θіестова. Онъ чуть не успѣлъ исполнить своего намѣренія, но его вовремя схватили и казнили смертью. Только послѣ казни Атрей узналъ въ немъ сына своего и затаилъ въ душѣ планъ жестокой, неумолимой мести брату.

Время шло, и съ нимъ какъ будто сглаживалось воспоминаніе о бѣдствіи, нанесенномъ Θіестомъ семейству своего брата. Бывавшіе въ Микенѣ сообщили потомъ Θіесту, что братъ его забылъ о пролитой сыновней крови и желалъ бы въ примиреніи съ нимъ воскресить воспоминаніе о миломъ сынѣ. Θіестъ принялъ приглашеніе и прибылъ въ Микену, взявши съ собою любимаго сына, который родился у него уже въ изгнаніи. А въ домѣ Атрея было все полно торжественной суеты; готовили пышный обѣдъ, затѣмъ, что хотѣли отпраздновать на славу возвращеніе брата и примиреніе съ нимъ. Предъ почетнымъ гостемъ пира стояло особое, лучшее блюдо. Всѣ пировали, и ни въ чью душу не входило предчувствіе, какъ горестно окончится праздникъ. Въ концѣ обѣда, Атрей поднявшись сказалъ: «Я счастливъ возвращеніемъ любезнаго брата. Давно ужь томился я нетерпѣніемъ воздать ему по заслугѣ за братскія чувства ко мнѣ. Позволь же, Θіестъ, на память нашего примиренія, подарить тебѣ этотъ драгоцѣнный сосудъ. Вотъ ключъ отъ него. Теперь встанемъ, друзья. Время и вамъ, и утомленному отъ дороги брату моему успокоиться отъ усталости и полноты радостныхъ чувствъ». Θіестъ удалился въ отведенные ему покои, но какъ передать его ужасъ, когда, открывши золотой сосудъ, онъ увидѣлъ окровавленную голову своего сына и остатки изъ членовъ его приготовленнаго и только-что съѣденнаго имъ блюда! Въ отчаяніи бѣжалъ несчастный, не зная куда, изъ дому, изъ города: самъ Геліосъ, который свѣтилъ для безсмертныхъ и смертныхъ, помрачилъ свой блестящій ликъ, и внезапная ночь охватила трепещущую отъ ужаса землю.

Ате, богиня злыхъ внушеній, не разлучалась съ бѣглецомъ, какъ не разлучаются съ злодѣемъ нечестивые помыслы, что шагъ, то подвигающіе его на нечестивыя дѣла. Единственный оставался у Ѳіеста сынъ, но и его научилъ отецъ не тому, какъ прославлять боговъ добрыми поступками, а тому, какъ настойчиво и хитро преслѣдовать врага своего и радоваться его погибели. И сынъ оправдалъ ожиданія отца. Выросши онъ пробрался тайно въ Микену и убилъ своего дядю на мягкомъ и пурпурномъ ложѣ.

Сыновья Атрея были такъ же богаты и могущественны, какъ ихъ отецъ. Пастырь народовъ, Агамемнонъ, остался на мѣстѣ отца владыкой въ Микенѣ, а чернокудрявый герой, Менелай, царствовалъ въ Спартѣ. Оба они принимали участіе въ общемъ предпріятіи грековъ противъ Трои. Послѣ 10-лѣтней осады, разрушивши наконецъ этотъ городъ и царство, они возвратились домой. Агамемнонъ не сдерживалъ своей радости при видѣ роднаго своего города, шумныхъ палатъ и полныхъ царскихъ казнохранилищъ; и жена его, Клитемнестра, казалось, непритворно счастлива была возвращеніемъ мужа. Но не долго радовался герой: за сладкимъ обѣдомъ сынъ Ѳіестовъ, Эгистъ, подосланный коварной Клитемнестрой, убилъ царя и друзей его. Тѣнь Агамемнона такъ говорила Одиссею о смерти своей:

„Тайно Эгистъ приготовилъ мнѣ смерть и плачевную участь:
„Съ гнусной женою моей за одно у себя на веселомъ
„Пирѣ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
„Такъ я погибъ, и товарищи вѣрные вмѣстѣ со мною
„Были зарѣзаны всѣ, какъ клычистые вепри, которыхъ
„Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства,
„Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный обѣдъ или свадьбу.
„Часто безъ страха видалъ ты, какъ гибли могучіе мужи
„Въ битвѣ, иной одиноко, иной въ многолюдствѣ сраженья,
„Здѣсь же пришелъ бы ты въ трепетъ, отъ страха бы обмеръ, увидя,
„Какъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столами, покрытыми брашномъ,
„Всѣ на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали“.

(См. Одиссею, пѣснь XI, ст. 409—420).

По другимъ писателямъ, Агамемнонъ убитъ былъ сѣкирой при выходѣ изъ ванны, въ тотъ самый мигъ, когда Клитемнестра накинула на мужа красивую, мягкую ткань. Эгистъ сталъ наслаждаться теперь плодами своего преступленія: обширной державой убитаго и коварной женою его. А между тѣмъ созрѣвалъ неумолимый ему мститель въ лицѣ послѣдняго сына Атреева, Ореста, котораго заботливая сестра его, Электра заблаговременно укрыла къ дядѣ, Строфію, въ Фокиду. Тутъ выросъ онъ въ тѣсной дружбѣ съ сыномъ своего воспитателя, Пиладомъ, и съ нимъ же выступилъ на дѣло мести. Но прежде онъ обратился къ оракулу Аполлонову. Оракулъ отвѣтилъ ему.

«Не назначенъ богами безсмертными другой мститель, кто бы изъ рукъ сыновнихъ могъ вырвать бренные останки его отца».

Незнакомцами вступили оба друга въ золотыя палаты въ Микенѣ. Они вручили Клитемнестрѣ похоронную урну, въ которой, говорили они, заключенъ прахъ умершаго сына ея Ореста. Клитемнестра, которой спокойствіе до тѣхъ поръ все еще смущалось мыслью, что вотъ явится мститель за убійство отца, немогла скрыть при этомъ извѣстіи неудержимой радости. Орестъ, возмущенный до глубины души такимъ злодѣйствомъ матери, все еще медлилъ исполненіемъ своего намѣренія. Электра, узнавшая его, ускорила его рѣшеніе, а Пиладъ напомнилъ волю боговъ. И Клитемнестра погибла подъ ударомъ собственнаго сына. Та же участь постигла и Эгиста. Но какъ ни заслуженно погибли злодѣи, а изъ мрачной бездны Аида все-таки поднялись Эринніи, богини-мстительницы, и какъ мученія совѣсти, неотвязно пошли слѣдомъ за сыномъ-убійцей своей матери. И несчастный блуждалъ по свѣту, не находя покоя душѣ своей, пока не достигъ Аполлонова храма въ Дельфахъ. Тутъ онъ получилъ повелѣніе идти въ Тавриду къ варварамъ и принесть оттуда въ Элладу изображеніе Артемиды (Діаны) Таврической. Этимъ подвигомъ, сказано ему, онъ могъ надѣяться умилостивить

боговъ. Тамъ Орестъ встрѣтился съ сестрой своей, Ифигеніей, той самой, которую богиня спасла отъ ужасной судьбы, тяготѣвшей надъ домомъ Тантала, и сдѣлала своею жрицей.

Усердіе и мольбы непорочной Ифигеніи склонили богиню въ пользу несчастнаго странника, ея брата. Оба они, вмѣстѣ съ желаннымъ изображеніемъ богини, возвратились вслѣдъ затѣмъ на родину. Имя Ифигеніи стало точнымъ именемъ самой богини.

Встрѣча Ифигеніи съ братомъ Орестомъ.

Можно бы аллегорически раскрыть смыслъ содержанія изложеннаго миѳа, но, какъ уже выше было замѣчено, смыслъ миѳовъ представляется намъ знаменательнѣе въ самой ихъ взаимной связи и внутреннемъ значеніи. Не смотря на кажущуюся неясность выраженія ихъ, насъ не можетъ не трогать свѣтлая истина, которая заключена въ нихъ, и нравственный исходъ, которымъ они разрѣшаются. Ибо это ис-

тина вѣковѣчная,—хотя бы самъ оракулъ боговъ присовѣтовалъ злое дѣло, Эринніи встанутъ изъ мрака и не дадутъ покоя душѣ, исполненной тревоги за сдѣланное преступленіе. Раскаяніемъ, только раскаяніемъ, должно быть смыто сдѣланное зло. Тогда только снизойдетъ миръ въ тревожную душу человѣка, и наступитъ часъ примиренія съ разгнѣваннымъ божествомъ. Эту мысль, какъ она олицетворена въ изложенномъ миѳѣ, величайшій поэтъ древности разработалъ въ своихъ сочиненіяхъ; но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Пораженіе калидонскаго вепря (по антику изъ Капитолія).

III. Общественныя предпріятія.

---

1. Калидонская охота.

Мы уже были однажды, вслѣдъ за Геракломъ, въ Этоліи, на плодоносныхъ равнинахъ Калидонскихъ, окаймленныхъ лѣсами и грядами синѣющихъ горъ. Теперь опять насъ зоветъ туда—на этотъ разъ громкій охотничій призывъ.

Вепрь, сильный, огромный, опустошалъ Калидонскую мѣстность, и далеко распространялся отъ него ужасъ среди окрестныхъ жителей. Его выслала, въ наказаніе людямъ, раздраженная царемъ Онеемъ, богиня Артемида. Правда, что царицыны дѣти, Мелеагръ и Тидей, отецъ Діомеда «смирителя коней», сильные и мужественные, не въ одномъ славномъ бою отличились уже передъ всѣми, на радость матери; но противъ свирѣпаго звѣря и ихъ усилія были напрасны. Созваны были со всей Эллады славнѣйшіе герои, и назначена была охота съ-обща. Сюда появились Касторъ и Поллуксъ, Тезей и Пириѳой, Несторъ, Пелей, Теламонъ, Язонъ, Амфіарасъ и другіе; особенно же многіе мужественные юноши

изъ самой Этоліи и изъ среды сосѣдей куретовъ. Къ нимъ присоединилась отважная охотница, Аталанта. Она покинула горы Аркадіи и явилась принять участіе въ общемъ, блистательномъ дѣлѣ. А ловкость въ стрѣльбѣ изъ лука и быстрота бѣга Аталанты далеко и давно разнесли славу о ней.

Съ пѣснями и кликами вступили охотники въ лѣсъ и обложили его. Звѣря подняли и гнали усердно и тѣснили неотступно. Но не разъ прорывался свирѣпый вепрь сквозь цѣпь охотниковъ, и то тотъ, то другой изъ нихъ платился за отважность. Уже Анкей и другіе герои сложили свои головы, но звѣря тѣснили все больше и больше, и побѣда начинала улыбаться охотникамъ. Аталанта, опередивши товарищей, первая поразила чудовище своей меткой стрѣлой и вслѣдъ за первой тотчасъ же послала вторую. Разсвирѣпѣвши отъ ранъ, вепрь ринулся съ неописанной яростью, но тутъ Мелеагровъ длинный дротъ вонзается ему въ бокъ, и самъ Мелеагръ встрѣчаетъ его ужаснымъ копьемъ. Охотники выходятъ изъ засады, несутся на помощь къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Настаетъ короткая, но отчаянная борьба; наконецъ, звѣря одолѣваютъ. Восторженные крики побѣды огласили лѣсъ. Тогда, насладившись успѣхомъ, стали совѣтоваться, кому достойнѣе присудить первые трофеи, щетинистую шкуру звѣря и свирѣпую голову. Рѣшено отдать ихъ Мелеагру. Молодой герой передалъ ихъ Аталантѣ, какъ первой поразившей звѣря. На слѣдующій день, когда охотники приготовлялись отправиться по домамъ, Мелеагръ съ прискорбіемъ узналъ, что братья его матери, позавидовавъ трофеямъ, похитили ихъ у Аталанты, чтобы самимъ украситься ими. Мелеагръ сначала упрашивалъ ихъ, но, видя, что просьбы безуспѣшны, сталъ настоятельно требовать и грозить. Возникла кровавая ссора, и неправедно-завладѣвшіе трофеями погибли подъ мечомъ Мелеагра, Но этимъ не кончилась ссора. Бѣжавшіе приверженцы похитителей возбудили куретовъ къ отмщенію, и тѣ скоро явились съ цѣлой дружиной. Пока Мелеагръ сражался во главѣ своего войска, дѣло шло хо-

рошо; но вдругъ онъ самъ палъ жертвой одного неожиданнаго и непредвидѣннаго случая. Различные миѳы разсказываютъ объ этомъ роковомъ случаѣ различно; мы же приведемъ здѣсь тотъ разсказъ, который былъ у грековъ наиболѣе распространенъ, хотя онъ и принадлежитъ сравнительно уже къ позднѣйшему времени. Дѣло было вотъ въ чемъ. При рожденіи Мелеагра, матери его явились Парки, свивающія и пересѣкающія нить жизни человѣка. Клоѳа и Лахезія предсказали, что изъ малютки выйдетъ великодушный герой, а Атропа, что онъ будетъ жить до тѣхъ поръ, пока не догоритъ головня, которая трещала въ ту минуту на домашнемъ очагѣ. Нечего и говорить, что мать при этомъ предсказаніи въ тотъ же мигъ схватила головню и запрятала какъ можно дальше отъ огня. Теперь, когда она узнала объ убійствѣ своего брата, то вспыхнула такимъ гнѣвомъ на собственнаго сына, что въ ослѣпленіи страсти швырнула головню въ огонь, и жизнь отлетѣла отъ юнаго героя въ пору самаго расцвѣта его силъ.

Аталанта, между тѣмъ, возвратилась съ добычей въ отечество свое, Аркадію. Полусъѣденная червями шкура вепря Калидонскаго и ужасная голова его, съ трехфутовыми клыками, были повѣшены въ Тегейскомъ храмѣ Аѳины-Паллады, и многія столѣтія висѣли они на удивленіе вѣрующимъ.

Объ Аталантѣ мы имѣемъ еще нѣкоторыя подробности. Она уклонялась отъ супружеской жизни: ей было отраднѣе наслаждаться раздольемъ лѣсовъ, нежели представлять себѣ тѣсную, хотя и уютную, семейную жизнь. А между тѣмъ не было у ней недостатка въ женихахъ; но они ей были невыносимы. Жениху она предлагала выиграть у нея призъ въ бѣгѣ, если хочетъ получить ея руку. Конечно, это была задача трудная, если же кому и удавалось набѣгу опережать Аталанту, то суровая дѣва пускала въ него копьемъ, и несчастный падалъ прежде, чѣмъ достигалъ цѣли. Многихъ поразила она такимъ образомъ, и ужь у жениховъ проходила охота добиваться ея руки. Наконецъ явился Мланіонъ. Ему

посчастливилось. Афродита подарила три золотыя яблока изъ сада Гесперидъ. Эти яблочки юноша нарочно разронялъ на бѣгу. Аталанта не могла преодолѣть въ себѣ желанія поднять ихъ, — да и кто бы могъ устоять при видѣ плодовъ Гесперидъ? а черезъ это опоздала къ цѣли. Юноша выигралъ. Поневолѣ надо было исполнить условіе. Только миѳъ не договариваетъ: забыла ли Аталанта свой звучный лукъ и смертоносныя стрѣлы, когда стала прижимать къ груди свое дитя и прислушиваться къ его первому нѣжному лепету?

По сказаніямъ нѣкоторыхъ поэтовъ, Аталанта такъ жарко любила своего мужа, что великая матерь боговъ, Кибела, обратила ихъ обоихъ къ чету львовъ. Другіе повѣствуютъ, какъ богиня Аѳина, любуясь ихъ супружескимъ счастьемъ, сама научила Аталанту домашнимъ искусствамъ, а больше всего пряденью и тканью. Эта богиня была не только представительницей ратнаго дѣла, но также и наставницей во всякомъ полезномъ ремеслѣ и художествѣ. Она-то научила, какъ построить корабль Арго и какъ управляться съ нимъ героямъ въ далекомъ путешествіи. Объ этомъ въ слѣдующемъ разсказѣ.

Хиронъ и Язонъ.

2. Походъ аргонавтовъ.

Пеліасъ, сынъ Посейдона и несчастной Тиро, вытѣснилъ брата своего изъ его владѣній, какъ это было разсказано выше. Онъ владѣлъ счастливыми равнинами Іолка, расположенными къ югу отъ Пемона и къ сѣверу отъ далеко-вдающагося въ землю залива моря Эгейскаго. У кого много, тотъ хочетъ еще. И вотъ Пеліасъ отнялъ владѣнія у своего сводного брата Эзона. Теперь Пеліасу подчиненъ былъ весь народъ минійцевъ въ Өессаліи.

Съ своимъ еще безсловеснымъ младенцемъ, Язономъ, ушелъ Эзонъ въ горы къ дикимъ центаврамъ. Одинъ изъ центавровъ, Хиронъ, принялъ къ себѣ и воспиталъ малютку Язона. Подъ его руководствомъ выросъ юноша и окрѣпъ въ силахъ готовый на всякое предпріятіе. На двадцатомъ году, получивъ отъ своего воспитателя наставленіе, богатую одежду, мечъ, юноша отправился въ путь добывать себѣ наслѣдіе своего дяди. На дорогѣ попался ему ручей, вздувшійся отъ обильныхъ дождевыхъ потоковъ. Какая-то старушка стояла у берега, недоумѣвая, какъ бы ей перебраться на ту сторону. Язонъ, не задумываясь долго, посадилъ старушку на могучія плечи и перенесъ ее, впрочемъ, не безъ труда: даже одна изъ сандалій его осталась въ тинистомъ днѣ. Язонъ не тужилъ о сандаліи: ему не разъ приходилось и вовсе безъ нихъ бѣгать по скалистымъ крутизнамъ. Онъ ужь собирался продолжать свой путь, не заботясь о благодарности старушки, но диво дивное:—образъ старушки свѣтлѣетъ, фигура ея принимаетъ возвышенное, божественное выраженіе, и Язону чудится, что онъ видитъ передъ собою точь-въ-точь ту особу, которую, по описаніямъ Хирона, онъ привыкъ себѣ представлять богинею Герой. Полный радости отъ этого видѣнія, которое предсказывало ему такъ много хорошаго, Язонъ весело и скоро достигъ Іолка. Придворный этикетъ былъ въ тѣ времена не такъ строгъ, какъ теперь: Язонъ, какъ былъ, безъ сандаліи, въ дорожномъ, запыленномъ платьѣ, вступилъ въ царскія палаты. Но едва Язонъ, окончательно пробившійся сквозь толпу придворныхъ, приблизился къ трону владыки минійцевъ и изложилъ ему причину своего прибытія, какъ самъ владыка, блѣдный и трепещущій, вперилъ въ него глаза, ибо вспомнилъ предвѣщаніе оракула, что къ нему явится мужъ въ одной только сандаліи, и этотъ мужъ будетъ для него источникомъ величайшихъ несчастій. Онъ выслушалъ, однако-жь, съ наружнымъ спокойствіемъ требованіе юноши и обнадежилъ его. Между тѣмъ, гостю предложено было, по тогдашнему обычаю, участіе въ царской

трапезѣ. Когда же послѣ учащенныхъ, настоятельныхъ требованій Язона возвратить ему достояніе его отца, ему отвѣчали нерѣшительно, онъ сталъ грозить волей боговъ и получилъ такой отвѣтъ: въ настоящее время царское казнохранилище не можетъ ему выдать требуемаго, а если Язонъ привезетъ изъ Колхиды золотое руно, барана, который свезъ туда Фрикса изъ минійскаго города Орхомена, и отдастъ это руно въ царскую казну, то онъ получитъ все, чего требуетъ. Язонъ принялъ условіе и, обратившись къ оракулу, узналъ, что боги устроятъ благополучный исходъ предпріятію. Язонъ заказалъ построить крѣпкое судно и сталъ вызывать отовсюду охотниковъ на трудное предпріятіе. И то, и другое совершенно удалось. Корабль былъ выстроенъ на славу, благодаря содѣйствію и наставленію самой богини Аѳины, и до 50 человѣкъ отважнѣйшихъ мужей изъявили желаніе сопутствовать Язону. Кромѣ героевъ, участвовавшихъ уже и въ прежнихъ предпріятіяхъ и, стало быть, извѣстныхъ читателю, здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, какъ о самыхъ замѣчательныхъ: ѳракійскомъ пѣвцѣ Орфеѣ и крылатыхъ дѣтяхъ Борея: Калаисѣ и Цетѣ.

Дружина отправилась по знакомымъ водамъ и прибыла на островъ Лемносъ, котораго жители были избиты своими женами. Осиротѣвшія вдовы рады были прибывшимъ и угощали ихъ радушно нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Геллеспонтѣ не случилось съ ними ничего замѣчательнаго. Затѣмъ путешественники нашли дружескій пріемъ у царя доліоновъ, на берегу Пропонтиды. Тутъ свирѣпая буря разразилась надъ ними ночью. Жители береговые, считая ихъ за разбойниковъ, напали на нихъ. Завязалась упорная борьба. Въ ней неумышленно убитъ былъ самъ дружелюбный царь доліоновъ. Только утромъ увидѣли оплошность. Убитаго царя оплакали съ той и другой стороны и предали торжественному погребенію, съ жертвоприношеніями и играми. На ночь отлетѣлъ сонъ отъ печальной дружины. Тогда Орфей ударилъ въ струны своей божественной арфы и воспѣлъ хвалу безсмертнымъ богамъ

и прославилъ смертныхъ героевъ. И отлетѣли заботы и тревоги, а по мѣрѣ того, какъ оживлялись струны подъ перстами божественнаго пѣвца, смолкала земля и стихало самое вѣчно-немолчное море, и на утомленные члены героевъ нисходилъ сладкій, успокоительный сонъ, духъ же лелѣяли свѣтлыя, отрадныя грезы. Далѣе на пути, на берегу Мизіи, Гераклъ оставилъ дружину: онъ не хотѣлъ ѣхать до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ юноши, своего оруженосца, котораго похитили нимфы источника. Аргонавты поплыли далѣе безъ него. На мѣстѣ слѣдующей стоянки Поллуксъ побѣдилъ сильнаго кулачнаго бойца, который, въ ослѣпленіи своей славы, горделиво вызывалъ аргонавтовъ на бой. Въ Виѳиніи ихъ принялъ съ сердечнымъ радушіемъ слѣпой царь Финей, ибо онъ узналъ въ прибывшихъ тѣхъ самыхъ людей, о которыхъ ему предсказано было, что они избавятъ его отъ жестокаго наказанія. А наказаніе состояло въ томъ, что каждый разъ, какъ Финей готовился вкусить пищи, тотчасъ налетали хищныя птицы съ человѣчьими головами (то были гарпіи), забрасывали различными нечистотами пищу осужденнаго и сами съѣдали ее. И не было средства избавиться отъ преслѣдованія гарпій. Такъ и теперь: лишь только онъ, сидя за общимъ обѣдомъ съ гостями, поднялъ руки къ пищѣ, какъ цѣлые рои гарпій налетѣли къ нему. Тутъ сыновья безсмертнаго Борея многихъ изъ нихъ застрѣлили, остальныхъ же прогнали. Съ тѣхъ поръ гарпіи оставили Финея въ покоѣ. Освобожденный не зналъ, какъ отблагодарить своихъ спасителей: онъ ихъ не только угощалъ отъ всего сердца, но и разсказалъ имъ о всѣхъ опасностяхъ, предстоящихъ имъ на пути, и о томъ, какъ ихъ избѣжать. Онъ особенно подробно разсказалъ о проходѣ Симплегадскомъ. Симплегады были подвижныя скалы, которыя имѣли способность сдвигаться и раздвигаться. Понятно, что, кто попадалъ въ ихъ тѣсныя объятія, тому не было спасенія. По совѣту Финея аргонавты сначала пустили между скалъ голубицу. Голубица пролетѣла благополучно. Сжавшіяся скалы успѣли отхватить только нѣсколько пер-

евъ изъ хвоста ея. Слѣдомъ за голубицей, съ напряженною силой всѣхъ гребцовъ, помчался и Арго.

Только нѣсколько досокъ съ кормы корабельной осталось стиснутыми промежду скалъ: Гера, а кто думаетъ—Аѳина, придержала скалы, и Арго проскользнулъ благополучно.

Плывя мимо Кавказа, аргонавты видѣли орловъ, которые терзали Прометея, и слышали самые стоны несчастнаго: онъ тогда еще не былъ освобожденъ Геракломъ. Наконецъ, аргонавты прибыли къ устью Фазиса (нынѣшній Ріонъ, въ Кутаиской губерніи) въ Колхиду, гдѣ имѣлъ свою резиденцію царь Аэтъ, владѣтель золотаго руна.

Язонъ объявилъ о цѣли своего прибытія и требовалъ отъ царя исполненія воли боговъ. Суровый повелитель варваровъ сперва грубо отвергъ его требованіе, а потомъ подумалъ: „а что, если отважный пришлецъ дѣйствительно посланникъ боговъ! Лучше я испытаю его и, если можно, то воспользуюсь его посольствомъ для себя.—Тутъ есть два быка, продолжалъ онъ, обращаясь къ Язону, подарокъ Гефеста, два чудные быка, но ихъ никто не можетъ одолѣть: они пышутъ огнемъ, а рогами разбиваютъ и мѣдь и желѣзо. Такому человѣку, какъ посланникъ боговъ, Язонъ, ничего не стоитъ обуздать ихъ, вспахать десятину, засѣять ее драконовыми зубами — у меня кстати есть въ запасѣ—и, когда изъ нихъ выростутъ (а выростутъ непремѣнно) вооруженные, сильные мужи, то съ ними можно достичь, чего только угодно“. Товарищи уговорили Язона принять вызовъ, и на слѣдующій день назначено было исполненіе. Самъ герой не скрывалъ, впрочемъ, отъ себя, что то было испытаніе на жизнь и смерть. Въ глубокой задумчивости онъ ходилъ по берегу моря. Вдругъ предстала предъ нимъ Медея, дочь Аэта. Она вѣдала тайныя силы природы и умѣла пользоваться ими. Она вручила Язону волшебную мазь, приготовленную, какъ она говорила, изъ растенія, которое расло на Кавказѣ лишь тамъ, куда падали капли Прометеевой крови. Натерши тѣло свое этою мазью, можно было не бояться ни огня, ни ударовъ.

Далѣе она предупредила Язона, что тѣ сильные мужи, которые выростутъ изъ посѣянныхъ зубовъ дракона, прежде всего бросятся на самого сѣятеля и горе ему, если онъ не броситъ въ среду ихъ огромнаго камня. Если же броситъ, то освирѣпѣвшіе воины изъ-за него разсорятся промежъ собою на смерть. Язонъ владѣлъ не только храбростью, но также мудростью и осмотрительностью. Онъ воспользовался помощью полюбившей его волшебницы. И дѣйствительно, какъ ни свирѣпствовали быки, но Язонъ ихъ обуздалъ, землю вспахалъ и засѣялъ. Выросли и мужи. Язонъ не забылъ швырнуть въ нихъ огромный камень, и затѣмъ, стоя съ товарищами, онъ пораженъ былъ, видя, съ какимъ озлобленіемъ мужи сначала придирались другъ къ другу, потомъ наполняли воздухъ ругательствами и проклятіями и наконецъ, какъ кровожадные звѣри, устремлялись одинъ на другаго, пока во всеобщемъ смятеніи и побоищѣ не покрыли своими трупами всего вспаханнаго пространства.

Есть мудрые, опытные люди, которые утверждаютъ, будто не только тогда, но и теперь еще случается, что и люди, и цѣлыя поколѣнія, рожденныя хотя не съ желѣзными доспѣхами, зато съ желѣзными сердцами, злобятся другъ на друга и, давъ просторъ взаимному ожесточенію, какъ звѣри упиваются взаимнымъ кровопролитіемъ, пока мать сыра-земля не приметъ ихъ всѣхъ на свое холодное лоно.

Царь Аэтъ, пораженный всѣмъ, что видѣлъ, понималъ, что не такъ Язонъ принялся за исполненіе своего дѣла, какъ царь того ожидалъ, но отъ этого еще болѣе устрашился и его, и товарищей его и рѣшилъ упоить ихъ на пирѣ, чтобы потомъ легче управиться со всѣми ими. Но царь упустилъ изъ виду, что ему предстояло дѣло съ людьми опытными и бывалыми. Случилось на пирѣ, что у гостей голова была еще очень свѣжа, а его царскому величеству уже нужно было удалиться на покой и въ тревожномъ снѣ ждать, пока отрезвятся его мысли. Гости дѣятельно занялись обдумываніемъ, какъ имъ достигнуть цѣли своего пріѣзда и поскорѣе

благополучно убраться изъ дома Аэта. Появленіе къ нимъ въ эту минуту Медеи было какъ нельзя больше кстати. Она помогла имъ и словомъ, и дѣломъ. Рѣшено было въ ночь же отправиться въ путь, завладѣвши прежде золотымъ руномъ. Вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ пошла Медея въ таинственную дубовую рощу, гдѣ свирѣпый драконъ охранялъ руно. Лишь только стали они подходить къ завѣтному дубу, раздались шипѣніе и грохотъ чешуй, покрывавшихъ дракона. Отъ пламени, которое извергалъ онъ изъ пасти, освѣтилась вся окрестность. Медея брызнула въ чудовище какимъ-то чарующимъ сокомъ и запѣла усыпляющую пѣснь Гекаты, таинственной богини ночи. Скоро чудовище, повинуясь неодолимой силѣ пѣсни, заснуло. Не теряя ни минуты, волшебница схватила съ дерева желанное руно, передала его своему спутнику и съ нимъ вмѣстѣ отправилась на корабль, захвативши съ собою заложникомъ своего маленькаго брата Абсирта, съ тѣмъ чтобы вовсе покинуть родину и домъ ради избранника сердца, Язона.

Рано утромъ на слѣдующій день узналъ царь о тройномъ похищеніи. Но у него былъ не одинъ крѣпкій, быстроходный корабль и не одинъ десятокъ надежныхъ, искусныхъ гребцовъ. Едва солнце стало склоняться къ закату, Аэтъ съ дружиной настигалъ уже аргонавтовъ. Онъ удвоилъ ходъ корабля, но тутъ ему бросился въ глаза ужасный предметъ: голова его возлюбленнаго Абсирта торчала на копьѣ среди пустыннаго берега, а члены его разбросаны были вокругъ. Отецъ позабылъ тутъ и объ обидѣ, и о мщеніи и, оставивъ преслѣдованіе, думалъ только, какъ бы достойнѣе предать погребенію оплаканные останки Абсирта. Но если не онъ, то боги приняли на себя отмщеніе за такое злое дѣло, отъ котораго даже душа дикаря содрогалась ужасомъ. Аргонавты поплатились за него продолжительнымъ, тяжелымъ обратнымъ плаваніемъ. По одному древнему сказанію, имъ пришлось проплыть вверхъ по всему Фазису, потомъ вступить въ океанъ, оттуда послѣ долгаго странствованія до-

браться до Нила, который привелъ ихъ, наконецъ, къ гостепріимному Средиземному морю. Другой миѳъ, позднѣйшаго происхожденія, повѣствуетъ, что аргонавты проплыли Истромъ (Дунаемъ), откуда вступили въ Эриданъ (Рейнъ) и ужь изъ него попали въ кругосвѣтный потокъ океана, который привелъ ихъ съ дальняго запада въ Средиземье. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ героямъ приходилось не разъ на могучихъ плечахъ своихъ переносить корабль черезъ горы и долины.

И въ Средиземномъ морѣ герои не миновали опасностей, особенно когда пришлось проѣзжать мимо острововъ Сиренъ. Сирены, какъ извѣстно, были волшебныя морскія дѣвы, своимъ неодолимо-очаровательнымъ пѣніемъ привлекавшія путниковъ въ пучины морскія, гдѣ неопытные и попадали въ неминуемую погибель. Почти такъ случилось и съ аргонавтами: каждому изъ нихъ послышался нѣжный, зовущій голосъ то жены, то дитяти, то возлюбленной невѣсты, и, очарованные, они ужь забывали о цѣли своего путешествія; уже кормчій, повинуясь невѣдомой силѣ, сталъ направлять судно къ коварнымъ утесамъ; но въ это время Орфей ударилъ въ золотыя струны, и божественный голосъ раздался. Онъ пѣлъ о свѣтлой, богами любимой, Элладѣ, о сладкой родинѣ и объятіяхъ женъ и дѣтей; онъ пѣлъ,—и сила чарующей пѣсни наполнила душу спутниковъ; и ободренный кормчій могучей рукой снова направилъ корабль на вѣрный путь, а гребцы, дружно и весело разсѣкая волны, скоро вывели его изъ опасныхъ предѣловъ. Въ Мессинскомъ проливѣ ихъ встрѣтила грозная, шестиглавая Скилла, по шести заразъ хватавшая изъ среды неосторожныхъ путниковъ, а за ней клокочущая Харибда. Но тутъ божественная помощь Ѳетиды спасла ихъ. Ѳетида давно ужь склонялася сердцемъ къ Пелею, одному изъ участниковъ въ походѣ аргонавтовъ.

Послѣ такихъ приключеній аргонавты, наконецъ, прибыли въ Пагазетскій заливъ, а потомъ и въ Іолкскую бухту. Радостнымъ праздникомъ встрѣчено было побѣдоносное возвращеніе аргонавтовъ. Жертвенный огонь ярко пылалъ у алта-

рей: вѣнчанные плясали возлѣ нихъ юноши, и радостью наполняли сердца всѣхъ пѣсни Орфея. Скоро, однако-жь, аргонавты получили неутѣшительныя вѣсти. Пеліасъ, въ отсутствіе Язона, велѣлъ умертвить отца его и мать, самъ же сталъ еще могущественнѣе, чѣмъ прежде. Въ недоумѣніи, что предпринять, дружина Язона оставалась на берегу; только Медея, принявши видъ старушки, пошла въ царскій дворецъ къ дочерямъ Пеліаса и у нихъ искала защиты будто бы отъ преслѣдованія аргонавтовъ. Ее приняли весьма дружелюбно. Словоохотливая старушка, въ благодарность за привѣтъ и ласку, сообщила имъ втайнѣ, что она владѣетъ необыкновеннымъ искусствомъ—возвращать старости юность, чѣмъ могла бы оказать неоцѣненныя услуги ихъ почтенному старцу-родителю. Въ то время было много охотниковъ, особенно охотницъ, увлекаться заманчивостію предложенія, не вдаваясь въ изслѣдованіе, на сколько оно сообразно съ здравымъ смысломъ. Такъ и тутъ случилось. Только, когда царевны услыхали, что средство старушки дѣйствительно лишь въ такомъ случаѣ, если желающаго юности сначала самого разрѣзать на кусочки и потомъ сварить въ какомъ-то особенномъ котлѣ вмѣстѣ съ какими-то дивными травами,—онѣ нѣсколько усомнились въ удобоприложимости такихъ опытовъ къ живымъ людямъ. Медея и тутъ нашлась. Она сдѣлала этотъ опытъ съ дряхлымъ козломъ, и каково же было удивленіе и, можно сказать, благоговѣйный ужасъ царевенъ, когда, послѣ нѣсколько таинственныхъ заклинаній и тѣлодвиженій, Медея вынула изъ котла мохнатаго козленка, игриваго и шаловливаго, какъ въ первую юность. Теперь не осталось въ сердцѣ царевенъ и тѣни сомнѣнія. Въ ту же ночь Медея распорядилась и съ царемъ, какъ съ козломъ; только еще усерднѣе искрошила его волшебница, еще болѣе намѣшала она въ котлѣ разныхъ травъ, а когда все хорошо уварилось, поднялась на чердакъ, чтобъ воззвать къ таинственной богинѣ Гекатѣ, но здѣсь она, вмѣсто ожидаемаго царевнами оживотворенія ихъ отца, подала огненный сигналъ

товарищамъ, ожидавшимъ на берегу. Весело взыграло пламя, и немедленно за нимъ ворвалась въ городъ отважная дружина. Послѣ короткой, но жаркой схватки во дворцѣ и въ городѣ, аргонавты завладѣли городомъ, потерявшимъ своего предводителя. Скоро,однако-жь, сынъ царскій, Адрастъ, воодушевилъ подданныхъ. Аргонавтамъ пришлось не по силамъ сопротивляться цѣлому народу; они сѣли на корабль и поспѣшно поплыли съ богатой добычей въ Коринѳъ, гдѣ Язонъ и Медея остались, а прочіе разошлись по домамъ.

Десять лѣтъ прожили молодые супруги въ невозмутимомъ счастіи. Тщеславіе и холодность Язона привели, наконецъ, на мѣсто счастія, горе и погибель. Язонъ очень сдружился съ престарѣлымъ коринѳскимъ царемъ, Креономъ. Послѣдній говорилъ, что онъ радъ былъ бы отдать Язону и царство свое, и руку единственной своей дочери, Главки (по другимъ сказаніямъ, Креузы), не будь онъ женатымъ. Тщеславіе наполнило душу Язона и вытѣснило другія, болѣе благородныя чувства, которыя принесли ему счастіе. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ положилъ оставить Медею. Покинутая приняла рѣшеніе своего мужа, повидимому, спокойнѣе, чѣмъ ожидали, даже сама подарила невѣстѣ блестящую діадему и великолѣпную брачную одежду, но въ этихъ подаркахъ заключалась ужасная сила: въ нихъ скрыла волшебница пламя Тартара, которое должно было вспыхнуть и уничтожить все вокругъ себя, лишь только прикоснется къ нему рука обреченной жертвы. Такъ и исполнилось. Въ роковую минуту, отецъ въ отчаяніи бросился къ дочери, и весь домъ, и весь городъ охватило неудержимое пламя: отъ богатой резиденціи царской осталась груда пепла. Въ то время, какъ виновница этой погибели города помчалась на драконѣ въ Колхиду, дѣтей ея, искавшихъ спасенія на алтарѣ богини Геры, коринѳяне схватили и предали мучительной смерти.

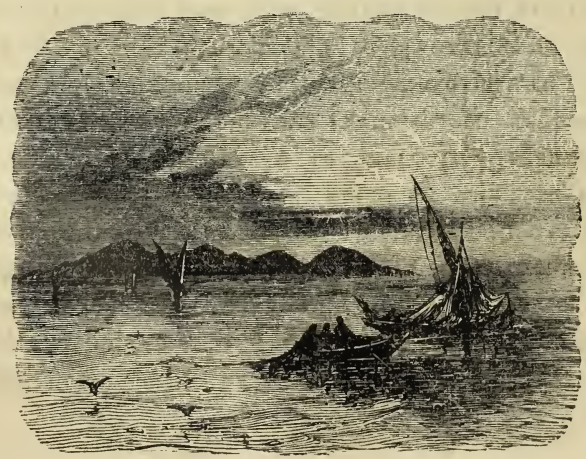
Позднѣйшія сказанія говорятъ, будто Медея сама умертвила своихъ дѣтей, а ужъ потомъ умчалась на драконѣ въ Колхиду. Язонъ же, заснувши однажды въ тѣни корабля

Арго, былъ убитъ бревномъ, свалившимся съ корабельной кормы. Такъ онъ окончилъ жизнь, запятнанную подъ конецъ преступленіемъ и лишенную всякихъ прочныхъ радостей. Волшебница же пустилась искать себѣ новыхъ радостей и подъ вліяніемъ необузданныхъ страстей еще часто бывала виновницей страшныхъ страданій для людей.

Мы уже разсказали о томъ, какъ Медея у царя Эгея нашла себѣ покровительство и о томъ какъ она искала погубить Тезея. Повѣствованіе объ этомъ не совпадаетъ съ другими событіями, ибо Тезей является участникомъ и въ охотѣ на Калидонскаго вепря, и въ походѣ аргонавтовъ. Здѣсь не мѣсто заниматься изслѣдованіемъ такихъ противорѣчій, да и въ самыхъ миѳахъ важны для насъ передаваемыя ими дѣйствія боговъ и героевъ, а не хронологія ихъ. Не заботясь о грядущемъ поколѣніи недовѣрчивыхъ людей, миѳъ о Медеѣ продолжаетъ повѣствовать о томъ, какъ она огненнымъ метеоромъ перелетала изъ города въ городъ, изъ одной мѣстности въ другую, по временамъ останавливаясь ради какого-либо избраннаго героя и всюду обозначая свой слѣдъ отравой, ножемъ и мрачнымъ волшебствомъ. Но свѣтлую, богами любимую, Элладу она избавила отъ своего посѣщенія. Возбуждая повсюду лишь ненависть, она, наконецъ, скрылась въ отечество свое Колхиду, гдѣ (какъ тогда представлялъ себѣ грекъ) солнце чуть проглядываетъ сквозь сѣрый покровъ облаковъ, и самые люди томятся во мракѣ невѣжества. Самъ же отецъ ея, Аэтъ, изгнанный братомъ своимъ, Персесомъ, изъ собственныхъ владѣній, съ небольшимъ числомъ приверженцевъ, блуждалъ въ пустынѣ. Дочь отыскала его, возбудила въ немъ упавшій духъ и подвинула его на похитителя его престола. Въ то время, какъ съ горстью своихъ приверженцевъ Аэтъ вышелъ противъ Персеса, Медея запѣла волшебную пѣсню, и изъ самаго поля возникли передъ непріятельскими воинами толпы страшилищъ. Непріятель бѣжалъ, и послѣ короткой схватки Аэтъ снова возвратилъ

себѣ престолъ и могущество и сталъ царствовать подъ волшебной охраной Медеи.

Конецъ Язона, убійство его дѣтей собственной рукой ихъ матери, пламя, охватившее платье невѣсты его, Главки (или Креузы), придаютъ сказанію необыкновенно трагическій колоритъ въ противоположность первой половинѣ жизни героя, ознаменованной побѣдоноснымъ возвращеніемъ его изъ Колхиды, пѣснями и жертвоприношеніями и божественной игрой Орфея на Іолкскомъ побережьѣ. У поэтовъ греческихъ, избиравшихъ преданія о Язонѣ предметомъ для своихъ произведеній, мы находимъ наклонность къ трагической сторонѣ событія. Среди самаго блестящаго достиженія героемъ своей цѣли, поэтъ не забываетъ выводить на сцену неотвратимую судьбу, тяготѣющую надъ исходомъ дѣла. Она свиваетъ неожиданныя случайности, невѣдомо для человѣка или противъ его воли, запутываетъ ткань его жизни, не забывая помѣщать въ нее всѣ его собственныя ошибки и преступленія, и, наконецъ, трагическимъ путемъ ведетъ все это сцѣпленіе къ той идеѣ, которая такъ присуща духу древняго грека, а именно, что назначеніе героя — бороться, побѣждать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страдать за всякое, вѣдомо или невѣдомо совершенное имъ зло.



Эдипъ въ рощѣ эвменидъ.

3. Кадмея и герои ея.

Изъ Коринѳа, гдѣ мы прослѣдили жизнь Язона, обильную доблестными дѣлами, но не свободную и отъ дѣлъ недостойныхъ героя, намъ предстоитъ путь на сѣверъ, черезъ перешеекъ Коринѳскій, въ Віотію. Предъ нами крѣпкостѣнныя Ѳивы съ Кадмеей, обширныя, богатыя пространства, но и надъ ними всѣми, какъ надъ Микеной, паритъ грозная, неотразимая судьба. И эта судьба тѣмъ ужаснѣе, что поражаетъ равно всѣхъ участниковъ здѣшнихъ событій, и заслужившихъ, и не заслужившихъ казнь. Всѣхъ ихъ безразлично увлекаетъ суровая, полновластная богиня въ свой таинственный кругъ и всѣхъ предаетъ неотвратимой погибели. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ болѣе современной, можно сказать, почти христіанской идеей, а именно, что сознатель-

ный преступникъ терпитъ по заслугамъ, невинный же страдалецъ или неумышленный преступникъ среди самыхъ страданій является иногда великимъ и достойнымъ участія, а въ смерти находитъ успокоеніе и желанный конецъ незаслуженному злополучію.

Мы уже говорили о Кадмѣ. Теперь послѣдовательно продолжимъ вышеизложенный миѳъ. Египетскій царь Агеноръ переправился въ Финикію. Зевсъ, принявшій на себя видъ быка, унесъ на хребтѣ своемъ дочь царскую, по морю, на островъ Критъ. Агеноръ приказалъ сыну своему, Кадму, отыскать сестру. Безплодны были розыски Кадма. Наконецъ, онъ прибылъ въ Дельфы и, по приказанію оракула, идя слѣдомъ за встрѣченной коровой, основалъ городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась. Этотъ городъ былъ Ѳивы и въ немъ крѣпость Кадмея. Изъ дочерей Кадма особенно замѣчательна Семелла, мать Діонисса. О ней въ миѳологіи сообщается подробно. Изъ дальнѣйшихъ потомковъ его слѣдуетъ указать Цетоса и Амфіона. Послѣдній — пѣвецъ и супругъ несчастной Ніобы. Цетосъ и Амфіонъ освободили мать свою отъ преслѣдованій Диркеи и наказали послѣднюю тѣмъ, что привязали ее къ рогамъ дикаго буйвола, котораго пустили съ жертвой на волю. Это событіе не разъ служило предметомъ рѣзца для древнихъ художниковъ. По смерти Диркеи, Лай, изгнанный ею, получилъ господство въ странѣ. Ему и супругѣ его, Іокастѣ, оракулъ предсказалъ, что сынъ ихъ будетъ убійцей своего отца и мужемъ своей матери. Какъ только родился у нихъ сынъ, то изъ опасенія, что пророчество исполнится, его велѣно отнести въ лѣсъ на гору Киѳеронъ и оставить въ добычу хищнымъ звѣрямъ. Его нашли, однако-жь, не звѣри, а пастухи коринѳскаго царя, Полибота. Они принесли плачущаго малютку къ царицѣ, Меропѣ, которая, не имѣя собственныхъ дѣтей, обрадовалась находкѣ и воспитала малютку, какъ сына. Эдипъ (такъ назвали его въ семействѣ Полибота) выросъ съ убѣжденіемъ, что Полиботъ отецъ ему, а Меропа мать. Однажды возникъ у него споръ

съ товарищами его юности, которые стали трунить надъ его двусмысленнымъ происхожденіемъ. Эдипъ сталъ разспрашивать тѣхъ, кого считалъ своими родителями, и узналъ отъ нихъ все, что они сами знали. Но этого Эдипу было недостаточно: за болѣе положительными свѣдѣніями онъ отправился въ Дельфы. И тутъ услышалъ онъ въ отвѣтъ, что онъ долженъ всячески избѣгать своихъ родителей, если не хочетъ, чтобы сбылось страшное пророчество. Ужаснувшись этого совѣта, онъ рѣшился никогда не возвращаться болѣе въ Коринѳскую землю, ибо все-таки былъ увѣренъ, что тамъ его настоящіе родители. Странствуя пришелъ онъ на то мѣсто, гдѣ перекрещиваются пути въ Фокиду и Віотію. Здѣсь встрѣтился ему Лай. Спутникъ царскій безъ церемоніи столкнулъ съ дороги невиднаго прохожаго, а этотъ послѣдній также безъ церемоніи схватился съ дерзкимъ придворнымъ и убилъ его и самого царя, который вздумалъ было въ жаркой схваткѣ отстаивать своего слугу. Такія продѣлки случались въ то время нерѣдко: двоихъ одолѣть одному считалось даже чѣмъ-то въ родѣ героизма. Еще нѣсколько времени пробылъ Эдипъ въ странѣ той, не имѣя опредѣленнаго занятія. Здѣсь онъ узналъ, что край и народъ терпѣли отъ ужаснаго бича, не щадившаго ни знатныхъ, ни богатыхъ. Судя по слухамъ, это было удивительное и свирѣпое чудовище: сверху точно женщина, внизу же львиное туловище и когти. Звали его *сфинксомъ*. Даже у воротъ городскихъ нельзя было считать себя въ безопасности. Чудовище останавливало путниковъ то тутъ, то тамъ, задавало имъ на разрѣшеніе неразрѣшимую задачу и, въ случаѣ неумѣнья (а умѣнья этого еще никому не случалось имѣть), пожирало несчастнаго. Вѣрные слухи дошли до Эдипа, что правительство опредѣлило тому, кто освободитъ край отъ чудовища, во-первыхъ царскій престолъ, никѣмъ еще послѣ смерти Лая незанятый, вдобавокъ руку вдовы царской, Іокасты. „Вотъ, думалъ бездомный юноша, потерявшій и родину, и родителей: боги посылаютъ мнѣ новое отечество, да еще

царство и царицу.“ И онъ, не колеблясь ни минуты, рискнулъ жизнью своей за такое благополучіе. Онъ отыскалъ сфинкса на горѣ Фикіонѣ, что возвышается къ сѣверу надъ озерами Копаисскимъ и Гиликскимъ, а къ югу господствуетъ надъ плодоносными холмами и долинами, которыя развернулись до самыхъ Ѳивъ. Эдипъ приготовился встрѣтить свирѣпость и дикость, а вмѣсто нихъ увидѣлъ задумчивый образъ дѣвы, едва лишь, казалось, перешагнувшей за черту первой, нѣжной молодости. Привѣтливо кивнувъ Эдипу, чудовище задало ему такой вопросъ: „Что это за существо, которое ходитъ утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ?“ Эдипъ подумавши отвѣчалъ: „Это—человѣкъ, ибо на утрѣ дѣтства ползаетъ на четвереньках; въ полдень жизни, въ цвѣтѣ силъ и тѣлесныхъ и духовныхъ, онъ твердо стоитъ на двухъ ногахъ, обративши чело къ небу; на закатѣ же дней, въ старости, онъ снова, какъ ребенокъ, нуждается въ чужой помощи и только лишь съ палкой въ рукѣ кое-какъ ковыляетъ, пока доберется до могилы.“ Не успѣлъ докончить Эдипъ, какъ чудовище ринулось съ высокаго уступа и исчезло въ безднѣ. Тутъ понялъ Эдипъ свое торжество и тотчасъ же побѣдоносно явился въ Ѳивы, требуя назначенной награды. Увѣрившись въ справедливости показаній пришельца, граждане исполнили условіе. Итакъ, Эдипъ возсѣлъ на престолѣ отца своего, ставши въ то же время супругомъ своей матери. Боги всевѣдущіе, не смотря на то, что охотно принимали участіе въ пирахъ у людей, на этотъ разъ не пожаловали на празднество ужасной свадьбы. Только люди радовались и тѣшились, какъ дѣти, которымъ весело покружиться возлѣ яркаго пламени, хотя бы это пламя черезъ нѣсколько часовъ превратило въ пепелъ жилище родителей ихъ.

Долго никому не извѣстны были пружины неумышленныхъ злодѣяній. Эдипа любили. Признательность къ нему гражданъ за спасеніе отъ ужаснаго бѣдствія, не уменьшалась въ сердцахъ ихъ, и они съ радостью глядѣли на дѣтей

Эдиповыхъ, подававшихъ имъ столько утѣшительныхъ надеждъ въ будущемъ. А у Эдипа въ это время было уже четверо дѣтей: Этеоклъ, Полиникъ, Антигона и Исмена. Тутъ распространилась въ его царствѣ небывалая заразительная болѣзнь, уничтожавшая людей тысячами, не разбирая ни пола, ни возраста. Народъ въ отчаяніи прибѣгаетъ къ оракулу и получаетъ отвѣтъ: «Пусть Ѳивы изгонятъ изъ стѣнъ своихъ того, кто неумышленнымъ злодѣйствомъ навлекъ на весь край проклятіе боговъ.» Народъ въ недоумѣніи обращается къ царю, надѣясь отъ него услышать рѣшеніе и узнать, кого недостойнаго отдать для примиренія разгнѣванныхъ боговъ? Эдипъ самъ не понимаетъ таинственнаго повелѣнія и обращается къ пророку Тирезію, чтобы онъ, всезнающій, всѣхъ ихъ вывелъ изъ страшнаго недоумѣнія. Тирезій молчитъ. Эдипъ, сначала мольбами, потомъ угрозами заставляетъ его говорить. Тогда открывается царю и царицѣ ихъ ужасное, хотя и неумышленное, преступленіе. Іокаста въ отчаяніи лишаетъ себя жизни, Эдипу же съ тѣхъ поръ немилъ сталъ бѣлый свѣтъ: онъ выкололъ себѣ глаза, покинулъ городъ и пошелъ въ пустыню одинъ съ своимъ горемъ да съ вѣрной, нѣжной Антигоной, которая захотѣла лучше страдать вмѣстѣ съ отцомъ, чѣмъ безъ него наслаждаться благами своего общественнаго положенія. Долго блуждая, достигъ старецъ мѣстечка Колонна, возлѣ котораго находилась роща, посвященная эринніямъ. Здѣсь могъ онъ отдохнуть. Цѣлымъ рядомъ вытерпѣнныхъ страданій онъ примирился съ страшными богинями мести. Здѣсь Тезей принялъ страдальца подъ свое покровительство. Эдипъ сопровождалъ героя по городамъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ успокоенія въ сладкой смерти. Вотъ какимъ образомъ исторія несчастнаго страдальца представляется въ лучшихъ произведеніяхъ драматическаго искусства, хотя миѳы позднѣйшаго происхожденія и не согласны съ приведеннымъ здѣсь сказаніемъ.

А между тѣмъ проклятіе все еще тяготѣло надъ домомъ Лая. Взаимная ненависть вспыхнула въ сердцахъ братьевъ:

Этеокла и Полиника. По древнѣйшему преданію, ненависть эта родилась при погребеніи отца ихъ; по позднѣйшему же—источникомъ ея было стремленіе каждаго изъ братьевъ къ полному обладанію городомъ. Полиникъ долженъ былъ покинуть и Кадмею, и страну. Онъ удалился въ Аргосъ къ Адрасту и у него нашелъ защиту. У Адраста Полиникъ встрѣтился съ Тидеемъ, изгнаннымъ изъ Этоліи и также искавшимъ союза у царя. Адрастъ обѣщалъ и готовился усердно помогать имъ, ибо въ обоихъ пришельцахъ онъ узналъ суженыхъ жениховъ для двухъ своихъ дочерей. Давно ему предсказано было оракуломъ, что онъ выдастъ дочерей своихъ за льва и кабана, а именно у этихъ-то пришельцевъ и были на щитахъ изображенія сказанныхъ звѣрей.

Царь созвалъ на совѣтъ князей аргивскихъ и краснорѣчиво представилъ имъ на видъ, что для нихъ должно быть дѣломъ чести—помочь будущему зятю Адраста силой возвратить себѣ владычество надъ Кадмеей. Всѣ убѣдились рѣчью Адраста; несогласенъ былъ только Амфіарасъ. Амфіарасъ, потомокъ пророка Мелампа, приподнялъ завѣсу, скрывавшую будущее отъ князей совѣта, и предвозвѣстилъ имъ бѣды и погибель многихъ изъ героевъ, если они вздумаютъ помогать Полинику разорять свой родной городъ. Князья аргивскіе, какъ ни гордились отвагой и военной славой, но безъ участія Амфіараса не рѣшались предпринять походъ. Тогда Полиникъ обратился къ Эврипилѣ, супругѣ Амфіараса, и предложилъ ей великолѣпное ожерелье, подаренное когда-то богами на свадьбѣ Кадма, если только она уговоритъ мужа принять участіе въ затѣваемомъ походѣ. Какъ было тщеславной Эврипилѣ устоять противъ обольстительнаго сіянія золота и драгоцѣнныхъ камней? Краснорѣчіе жены было такъ убѣдительно, что Амфіарасъ, устоявшій прежде предъ цѣлымъ сонмомъ героевъ, на этотъ разъ, наперекоръ собственному желанію, присталъ къ остальнымъ участникамъ въ походѣ.

И двинулись къ семивратнымъ Ѳивамъ соединенныя дружины и вожди ихъ: добродушный Адрастъ съ зятьями своими, мудрый Амфіарасъ, безстрашные Капаней и Гиппомедонъ и Парѳенопей, всѣ доблестные герои, слава которыхъ далеко гремѣла по всей Элладѣ. Тамъ, гдѣ воды Азона катятъ свои свѣтлыя волны, войско остановилось. Въ Ѳивы отправленъ посломъ Тидей, мужъ съ виду невзрачный, но надѣленный чудовищной силой. Вступивши въ собраніе царя и вождей, онъ безъ околичностей потребовалъ у нихъ: или добровольно принять на престолъ Полиника, или погибнуть подъ мечомъ дружины его. «Ты, другъ, сказалъ ему съ усмѣшкой одинъ изъ вождей: лучше бъ занялся откармливаніемъ нашихъ свиней, вмѣсто того, чтобъ грозить намъ мечемъ и огнемъ.» Эта выходка возбудила всеобщій смѣхъ въ свитѣ Этеокла. Посланный вызвалъ всѣхъ ихъ на бой. Тутъ мнѣніе общества о Тидеѣ перемѣнилось. Вызовъ принятъ. И вотъ, опоясавшись, полководцы царскіе другъ за другомъ стали выходить на единоборство съ Тидеемъ, но борьба для нихъ была такъ неудачна, что имъ едва удавалось спастись отъ погибели и то съ разбитыми головами или съ поврежденными членами. Пораженные, оскорбленные въ своемъ самолюбіи, они подговорили отрядъ воиновъ схватить Тидея на обратномъ пути и выместить на немъ побѣды его. Тутъ побѣдителю пришлось вынести жаркую схватку, но и изъ нея онъ вышелъ блистательно. Ни стрѣлы, ни дроты не коснулись его тѣла, защищеннаго желѣзной броней, изъ-подъ меча же его сыпались раны и смерть, и все пространство схватки усѣялось трупами воиновъ. Разгорѣвшись отъ битвы, облитый кровью, вернулся онъ въ лагерь, и немедленно устремились рати на городъ. Жители мужественно двинулись навстрѣчу осаждавшимъ, но, не смотря на подкрѣпленіе Фокіянъ и Флегіянъ, были разбиты и должны были искать спасенія за городскими стѣнами. Собрали совѣтъ, ибо недоумѣвали, что предпринять. Тирезій пророкъ вывелъ ихъ изъ недоумѣнія, объявивъ, что если Меникей, сынъ царственнаго

Креона, принесетъ себя въ жертву богу Арею, то обложенная Кадмея побѣдитъ всѣхъ своихъ враговъ. Великодушный юноша не колеблясь исполнилъ совѣтъ и тѣмъ влилъ въ сердца всѣхъ героевъ-защитниковъ такое неодолимое мужество, что они рѣшились или умереть, или побѣдить.

Аргивяне между тѣмъ стѣснили еще болѣе городъ и отовсюду пошли на приступъ. Уже отважный Капаней вскочилъ на гребень стѣны,—и близокъ былъ часъ всеобщаго торжества осаждающихъ, но неумѣстныя самохвальныя рѣчи Капанея и угрозы людямъ и богамъ спасли Ѳивы. Молнія Зевса поразила Капанея на самой зубчатой стѣнѣ, а знакъ неблаговоленія владыки Олимпійца сковалъ мужество его товарищей. Адрастъ отступилъ передъ напоромъ ѳиванцевъ, и, ободренные новымъ успѣхомъ, послѣдніе высыпали изъ всѣхъ семи воротъ и напали съ ожесточеніемъ на войско Адраста. Въ общемъ смятеніи, Полиникъ схватился съ Этеокломъ, и оба брата, кипя ненавистью, уничтожили другъ друга. Пали Тидей, Гиппомедонъ; только Амфіарасъ стоялъ еще твердо, какъ скала, о которую безплодно разбиваются волны морскія. Но сбило и его всеобщее бѣгство дружинъ Адрастовыхъ. Земля раскрылась и поглотила Амфіараса, послѣдняго изъ героевъ. Самъ же Адрастъ, только благодаря быстротѣ своей черногривой кобылицы, Аріоны, спасся изъ битвы. Одинъ, съ разбитымъ оружіемъ и съ разбитымъ сердцемъ, воротился онъ въ Аргосъ.

А въ Ѳивахъ вступилъ на престолъ старецъ Креонъ, братъ Іокасты. Сердцу этого мужа были доступны только казнь и месть, вмѣсто снисхожденія и милосердія. Онъ повелѣлъ, чтобы не смѣли хоронить трупы враговъ, которыми усѣяно было поле у города, оставить ихъ, особенно же трупъ Полиника на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Нѣжное, любящее сердце Антигоны содрогнулось при вѣсти о царскомъ повелѣніи. Она не могла допустить мысли, чтобы братъ ея лишенъ былъ послѣдняго долга — погребенія. Не смотря на строгость приказа, не смотря на упрашиванія сестры

Исмены, не губить себя, Антигона пошла на поиски трупа братнина. Одна, безъ всякой помощи, она отыскала его, своими руками вырыла могилу и отдала ему послѣднюю почесть. Но око предателей не дремало. Царю донесли о поступкѣ Антигоны. Царь произнесъ ей жестокій приговоръ: быть погребенной живою. Ужаснулись судьи, а Тирезій грозилъ даже гнѣвомъ боговъ, законы которыхъ милосерднѣе, чѣмъ законы человѣческіе; но Креонъ не измѣнилъ приговора. Приговоръ былъ исполненъ. Въ твердомъ сознаніи, что она совершила свой долгъ, Антигона кротко, безропотно ступила въ могилу. Гемонъ, сынъ царскій, обрученный съ Антигоной, не вынесъ жестокости отцовской и своего отчаянія: онъ лишилъ себя жизни на могилѣ невѣсты.

Лѣтъ черезъ 10 загорѣлась новая война. Въ Аргосѣ подросли юноши, дѣти погибшихъ подъ Ѳивами. Въ нихъ старый царь возбудилъ духъ мести и подвинулъ ихъ въ походъ противъ Ѳивъ. По зову царя собрались эпигоны (что значитъ: потомки героевъ) съ свѣжими дружинами своими. Тутъ были: Адрастовъ сынъ — Эгіалій, Полиниковъ — Ѳерсандръ, Амфіарасовы дѣти—Алкмеонъ и Амфилохъ, Тидеевъ сынъ— Діомедъ съ другомъ своимъ Соспеломъ, сыномъ Капанея, Промахъ, сынъ Парѳенопея, и множество другихъ вождей и воиновъ. Безпрепятственно достигли эпигоны до рѣки Глиза, въ Віотіи. Здѣсь произошла битва съ войскомъ кадмейцевъ. Имъ начальствовалъ сынъ Этеокловъ, Лаодамъ. Онъ храбро дрался. Отъ меча его погибъ уже сынъ Адрастовъ, и дружины Лаодама, ободряемыя успѣхомъ, готовились нанести аргивянамъ рѣшительный ударъ; но тутъ сынъ Амфіарасовъ, Алкмеонъ, храбростью въ битвѣ и мудростью на совѣтѣ достойный своего отца, ринулся въ самую средину битвы и послѣ ужаснаго кровопролитія обратилъ въ бѣгство тѣхъ, которые близки были къ побѣдѣ. Безнадежные, потерявшіе всякую вѣру въ помощь боговъ, пораженные кадмейцы рѣшили покинуть свой городъ. Съ женами и дѣтьми они удали-

лись въ пустыню Иллиріи, чтобъ тамъ основать себѣ новое отечество. Ѳерсандръ возсѣлъ въ Ѳивахъ на престолѣ отца своего. Дружины торжествовали. Одинъ только Адрастъ, потерявшій любимаго сына, не могъ утѣшиться плодами побѣды и скоро послѣдовалъ за нимъ въ могилу.

Герои троянской войны.

1. Діомедъ. 2. Одисей. 3. Несторъ. 4. Ахиллесъ. 5. Агамемнонъ. 6. Менелай. 7. Парисъ. 8 и 9. Мехаонъ и Подалиріосъ, врачи.

IV. Походъ троянскій.

Къ югу отъ Геллеспонта, на азіятскомъ берегу, синѣютъ разнообразныя очертанія горъ. Двѣ рѣчки, Скамандръ и Симоисъ, орошаютъ равнину, которая идетъ отъ подошвы горы Иды къ морю. Отъ главнѣйшихъ вершинъ тянутся цѣпью невысокіе холмы, живописно нарушая однообразіе мѣстности; роскошная растительность страны, развивающаяся подъ счастливымъ небомъ Малой Азіи, не знаетъ снѣга и льда. На этой-то прекрасной равнинѣ стоялъ во время-оно Иліонъ, чаще называемый Троей. Боги обвели этотъ городъ величественными стѣнами. Стѣны устояли даже тогда, когда, Гераклъ вторнулся въ городъ и разрушилъ его за то, что царь троянскій, Лаомедонъ, не выполнилъ принятаго на себя обязательства. Преемникъ Лаомедона, Пріамъ, еще болѣе расширилъ могущество и увеличилъ богатство Трои. Многочисленное потомство мужественныхъ сыновей и внуковъ, пре-

лестныхъ дочерей и внучекъ украшало старость Пріама, а сосѣдніе народы, дивясь силѣ и богатству его, искали его союза и дружбы. Изъ сыновей Пріама знаменитѣйшими были: мужественный Гекторъ, Деифобъ, Политъ, Троилъ и прекрасный Парисъ, а изъ дочерей—Креуза, Поликсена и пророчица Кассандра.—Въ тѣ патріархальныя времена было не въ диковину, если царскіе сыновья въ мирное время, когда не предстояло ни битвъ, ни геройскихъ приключеній, пасли стада своего отца. Этимъ занимался и Парисъ.

Однажды въ виду стада, отдыхавшаго по склонамъ Иды, лежалъ Парисъ подъ тѣнистымъ деревомъ и тихо наслаждался зрѣлищемъ роднаго города, который разстилался у ногъ его, и обильными пастбищами отцовскими, которыя зеленымъ цвѣтистымъ ковромъ спускались по скатамъ; онъ глядѣлъ въ даль, гдѣ серебромъ блистало на солнцѣ вѣчнопрекрасное море, нагоняя струю за струей на песчаный берегъ. Вдругъ, видитъ онъ, свѣтлое облачко несется все ближе и ближе, прямо къ нему. Онъ вглядывается и — что же? Въ немъ различаетъ онъ ясно сіяющую золотомъ колесницу и быстрыхъ, крылатыхъ, неземнаго происхожденія коней. Воздушная колесница спустилась, и изъ нея сошли три богини, хорошо знакомыя юношѣ, ибо онъ имъ не разъ приносилъ жертвы и не разъ усердно молился въ храмахъ троянскихъ. Предъ нимъ стояли: владычица Гера, въ вѣнцѣ изъ блистающихъ звѣздъ; богиня Аѳина-Паллада, въ шлемѣ, съ печатью мудрости на челѣ и воинственностью во взглядѣ и осанкѣ; наконецъ,—Афродита, во всемъ сіяніи красоты и любви, владычица смертныхъ и самыхъ боговъ. Предъ ними выступаетъ Гермесъ, посланникъ боговъ, и такъ объясняетъ Парису видѣніе: «Тамъ за моремъ, говоритъ онъ, въ Ѳессалійской странѣ, въ городѣ Фтіи, отпразднована свадьба Пелея, владыки мирмидонянъ, съ Ѳетидой, богиней морскою. Всѣ боги были на свадьбѣ, только Эрису, матерь раздора и горя, позабылъ Пелей пригласить на торжественный пиръ. И она бросила среди гостей роковое яблоко съ надписью: прекраснѣйшей.

Всѣ три богини, которыхъ видишь передъ собой, приняли надпись на свой счетъ, возникъ споръ, и владыка Олимпа прислалъ ихъ къ тебѣ, какъ знатоку въ дѣлѣ красоты, чтобы ты разрѣшилъ недоумѣніе богинь». Парисъ радовался, что судьба послала ему случай собственными глазами видѣть то, что было прекраснѣйшаго на землѣ и на небѣ. Мысль же о женскомъ тщеславіи, отъ котораго, какъ видно не свободны самые жители неба, и не входила неопытному юношѣ въ голову. А между тѣмъ богини окружаютъ его, торопятъ къ рѣшенію, и каждая сулитъ ему богатые дары: Гера — владычество надъ Азіей; Паллада—мудрость совѣтника и военную славу, которая затмитъ всѣхъ героевъ; Афродита же—прекраснѣйшую изъ женъ всей Греціи въ подруги. Царевичъ-пастухъ, который, вѣроятно, среди своей должности, богатой досугами, не разъ уже задумывался о сладости семейной жизни, придалъ послѣднему обѣщанію больше значенія, чѣмъ первымъ двумъ. Не заботясь о томъ, что выйдетъ изъ его рѣшенія, Парисъ отдалъ яблоко богинѣ любви и красоты. И во мгновеніе ока, тѣмъ же воздушнымъ путемъ, счастливая Афродита и раздраженныя Гера и Аѳина вознеслись къ предѣламъ Олимпа.

Проходили годы, а обѣщаніе богини не исполнялось. Но вотъ однажды, когда Парисъ по обычаю отдыхалъ подъ тѣмъ же тѣнистымъ деревомъ, является къ нему Афродита и велитъ ѣхать въ Элладу. «Тамъ, въ свѣтломъ чертогѣ Атрида Менелая, царя спартанскаго, найдешь ты, что ищешь», сказала богиня. Послушный велѣнью, Парисъ скоро собрался и отправился въ путь. Стихіи благопріятствовали его путешествію. Ступивши на берегъ Лаконіи, Парисъ, окруженный блестящей свитой и съ богатыми подарками, остановился у воротъ царскаго жилища. Тамъ подождалъ онъ приглашенія и затѣмъ вступилъ со свитою въ великолѣпные чертоги.

Мужи бесѣдовали другъ съ другомъ, послѣ обильнаго званнаго обѣда въ честь иноземнаго гостя, а Парисъ услаждалъ ихъ разсказомъ о богатствѣ и славѣ своего роднаго города.

Въ это время изъ внутреннихъ комнатъ дворца появилась, сопровождаемая свитой, супруга царя Менелая, божественная Елена, чтобъ, сидя за блистательнымъ веретеномъ, принять участіе въ бесѣдѣ гостей. Парисъ узналъ въ ней ту, которая отвѣчала образу, созданному имъ въ мечтаніяхъ о будущей женѣ. Красота Елены напоминала ему богиню Афродиту, а это обстоятельство окончательно убѣдило его въ томъ, что настало время исполненія обѣщаннаго богиней. Съ такими мыслями юноша не замѣчалъ, какъ дни шли за днями среди увеселеній двора. Не замѣчалъ этого и самъ царь, прямодушный, чуждый всякаго притворства и лукавства. Герой радовался, что гостю такъ пріятно наслаждаться его радушіемъ. Въ это время, по случаю одного торжества на островѣ Критѣ, Менелай долженъ былъ отправиться туда. Въ его отсутствіе исполнилось роковое обѣщаніе. Богиня раздула въ сердцѣ Елены пагубную страсть къ Парису. Оба они, позабывши обязанности, долгъ чести и благодарности, завладѣвши сокровищами царя, ушли на кораблѣ Парисовомъ въ Трою. Гнѣвная Гера тотчасъ послала Ирису извѣстить Менелая о случившемся. Сердце героя сжалось, когда онъ вступилъ въ свои опустѣлыя палаты, и онъ поклялся жестоко отмстить коварному иноземцу, похитившему его спокойствіе и счастіе. Онъ надѣялся на помощь брата своего, могущественнаго Агамемнона, царствовавшаго въ Микенѣ, и друга своего, Нестора, старца опытнаго и мудраго, обладателя Пилоса. И надежда не обманула его. Несторъ съ мудрымъ Паламедомъ краснорѣчиво и трогательно представлялъ оскорбленіе, нанесенное въ лицѣ Менелая всей Греціи, и, благодаря внушеніямъ Геры, съумѣлъ воспламенить во всѣхъ сердцахъ желаніе мести за оскорбленіе священнѣйшихъ правъ супружества и гостепріимства. Не всѣ охотно и скоро рѣшались идти въ походъ, ибо путь былъ дологъ, могущество Иліона велико; однако, краснорѣчіе и мудрость ораторовъ восторжествовали надъ всѣми препятствіями.

Еще оставалось склонить къ участію въ походѣ могучаго Ахиллеса, сына Пелея и Ѳетиды. Матери Ахиллеса извѣстно

было предсказаніе оракула, что сыну ея предстоитъ въ жизни или долгое, невозмутимое счастіе въ родной семьѣ, или поприще краткое, но полное необычайныхъ доблестныхъ дѣлъ и громкой славы. Матери отрадно было думать о прославленіи имени и сына, но еще отраднѣе было оградить его отъ всякихъ опасностей и тревогъ военной жизни. Поэтому мать помѣстила Ахиллеса ко двору царя Ликомеда, обладателя острова Скироса; тамъ юноша оставался среди дочерей царскихъ, не отличаясь отъ нихъ ни одеждой, ни образомъ жизни. Посланные не могли отличить Ахиллеса въ сонмѣ царевенъ и женъ. Тогда находчивый Одиссей показалъ собранію дорогое ожерелье, блистательныя одежды и въ то же время великолѣпные доспѣхи военные. Потомъ съ кликомъ воинскимъ онъ потрясъ оружіемъ, дѣлая движеніе, какъ будто готовъ схватиться съ непріятелемъ. Дѣвицы въ страхѣ метнулись по угламъ; Ахиллесъ же, откинувъ неудобныя одежды, вспыхнулъ воинскимъ жаромъ, накинулъ на себя высокій шлемъ и, схвативъ мечъ и копье, прыгнулъ, какъ левъ, готовый кинуться въ толпу враговъ. Такъ открыли Ахиллеса. Напрасно мать твердила ему о пророчествѣ: Ахиллесъ предпочелъ жизнь короткую, но полную громкихъ дѣлъ и славы.

Теперь собрались вожди и герои греческіе съ дружинами своими и многочисленнымъ флотомъ въ бухтѣ Авлидской, въ Віотіи, насупротивъ острова Эвбеи. „Пространнодержавный“ Агамемнонъ предъ всѣми отличался могуществомъ и богатствомъ: на ста корабляхъ прибыло храброе его воинство изъ Микены, а еще на пятидесяти — подвластная ему же дружина изъ Аркадіи. Тутъ были и 60 кораблей Менелая, брата его, и 90 Несторовыхъ, и по 80 кораблей Идоменея Критскаго и храбраго Діомеда Аргосскаго. Одиссей привелъ съ собой только 12 кораблей, и столько-жъ привелъ Теламонидъ Аяксъ, но зато съ Одиссеемъ безотлучно была опытность и мудрость въ совѣтѣ, а съ Аяксомъ—непомѣрная сила и крѣпость. Наконецъ, тутъ же блистали легкимъ вооруженіемъ локридцы подъ предводительствомъ Аякса Оилида, аѳиняне

подъ начальствомъ Менесѳея и 50 кораблей ломились подъ непобѣдимой дружиной мирмидонянъ, воиновъ Ахиллеса. Всего собралось до 1,200 кораблей, а на нихъ до 100,000 храбрыхъ воиновъ

Противные вѣтры, поднятые разгнѣванной Артемидой, помѣшали флоту двинуться немедленно. Верховный жрецъ, Калхасъ, возвѣстилъ, что оскорбленная богиня требуетъ, для примиренія, въ жертву чистую дѣву и именно дочь Агамемнона, Ифигенію. Отецъ покорился. Ифигенію отозвали отъ матери ея, Клитемнестры, изъ Микенъ. Уже жертвенный ножъ занесенъ былъ надъ нею, какъ неожиданно охватило ее облако. Артемида, смягченная послушаніемъ, смѣнила гнѣвъ свой на милость. Ифигенія исчезла въ глазахъ народа и была перенесена богиней въ Тавриду и поставлена тамъ жрицей въ храмѣ ея. Здѣсь впослѣдствіи она узнала своего брата и вмѣстѣ съ нимъ принесла въ Грецію благоволеніе боговъ. Послѣ пріятной богинѣ жертвы задулъ попутный вѣтеръ, и соединенные флоты приплыли благополучно къ острову Тенедосу, отдѣленному узкимъ проливомъ отъ троянской мѣстности. Одиссея и Менелая отрадили въ Трою потребовать выдачи Елены и похищенныхъ сокровищъ. Они воротились безуспѣшно назадъ. Флоты двинулись далѣе, къ высадкѣ.

Осада длилась долго, по преданіямъ десять лѣтъ. Крѣпкія стѣны города не позволяли и думать о взятіи его приступомъ, обложить же его со всѣхъ сторонъ и голодомъ заставить сдаться нельзя было, по причинѣ обширности города. Союзныя войска и военные припасы имѣли свободный доступъ въ городъ. Эллины вытащили свои корабли на берегъ и расположились возлѣ нихъ лагеремъ. Обширная поляна, раздѣлявшая лагерь и городъ, служила мѣстомъ стычекъ отдѣльныхъ отрядовъ троянскихъ и греческихъ. Конечно, стычки эти далеко не были похожи на правильныя, въ теперешнемъ смыслѣ, сраженія. Толпами сходились непріятели. Вожди отличались передъ прочими воинами лучшими доспѣхами военными и большей стремительностью и силой нападенія. Сра-

жались они или съ колесницъ, или, спрыгнувши наземь, впереди своихъ дружинъ. Главнымъ оружіемъ было копье, которое служило, большею частью, для метанья. За копьемъ слѣдовали пращи или просто каменья, а наконецъ, воины схватывались съ мѣдными, обоюдуострыми мечами въ рукахъ. Голову воина покрывалъ шлемъ съ развѣвающимся на немъ конскимъ хвостомъ; на лѣвой рукѣ — щитъ; на груди—панцырь. Всѣ эти доспѣхи дѣлались изъ буйволовой кожи, большею частью, покрытой снаружи желѣзомъ или мѣдью. Дрались въ одиночку, часто обращая другъ къ другу рѣчи среди боя и въ этихъ рѣчахъ обнаруживая чувства, управлявшія ими, и мужество, одушевлявшее ихъ. Все это необыкновенно привлекательно въ поэтическомъ повѣствованіи Гомера и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало похоже на позднѣйшій способъ сраженія греческихъ ратей, когда сомкнутыми строями, щитъ къ щиту и копье къ копью, дружины устремлялись, повинуясь одной мысли и одной волѣ, — и безчисленныя толпы варваровъ бѣжали отъ напора ихъ.

Въ лагерѣ осаждающихъ не было порядка относительно снабженія войска необходимыми припасами. Воины толпами выходили изъ лагеря на промыслъ, разсыпались по окрестностямъ, забирались и далеко, если находили удобную и легкую добычу. Особенно отличался Ахиллесъ съ своимъ отрядомъ: онъ разграбилъ 12 городовъ по берегамъ и 11 внутри страны, послѣ каждой экскурсіи возвращаясь къ своимъ съ богатой поживой. Онъ отличался, впрочемъ, и въ открытомъ бою съ непріятелемъ: отъ меча его палъ не одинъ изъ мужественныхъ сыновей Пріама. Изъ Трои вовсе не рѣшались, наконецъ, дѣлать вылазокъ, если знали, что Ахиллесъ въ лагерѣ. Но скоро возникло несогласіе между Ахиллесомъ и пастыремъ народовъ, Агамемнономъ. Послѣдній привелъ къ себѣ въ лагерь, въ числѣ прочей добычи, Хризеиду, дочь одного Аполлонова жреца. Аполлонъ прогнѣвался. Верховный жрецъ, Калхасъ, объявилъ, что богъ повелѣваетъ возвратить Хризеиду. Агамемнонъ повиновался, но зато отнялъ у Ахиллеса его

добычу, прекрасную Бризеиду. Вознегодовалъ герой на такую несправедливость и рѣшилъ не помогать болѣе землякамъ своимъ въ битвахъ. Такъ онъ и оставался празднымъ зрителемъ битвъ и не скрывалъ радости, когда греки сильно стали терпѣть отъ напора мужественныхъ троянскихъ ратей.

Трояне стали одолѣвать ужь въ открытомъ полѣ, ибо Зевсъ, исполняя мольбу Ѳетиды, послалъ имъ сильную помощь: изъ Паѳлагоніи, Ѳракіи, Мизіи прибыли свѣжія войска. Особенно ликійцы, предводимые храбрыми Сарпедономъ и Главкомъ, горѣли желаніемъ помѣряться съ греками.

Не таково было настроеніе духа въ лагерѣ греческомъ. Агамемнонъ созвалъ собраніе и, желая испытать мужество ратей, предложилъ возвращенье на родину. Не успѣлъ онъ выговорить предложенія, какъ воины толпами устремились къ кораблямъ. Много стоило труда Нестору и Одиссею удержать бѣглецовъ и заставить ихъ вернуться въ собраніе, чтобъ тамъ обсудить всю несообразность постыднаго бѣгства въ виду непріятеля. Ѳерситу пришлось даже отвѣдать при этомъ случаѣ на собственномъ хребтѣ своемъ, какъ упругъ суковатый скипетръ въ мощной рукѣ Одиссея. Эти рѣшительныя мѣры, вмѣстѣ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ Агамемнона, произвели желанное дѣйствіе: паническій ужасъ разсѣялся, и рати греческія приготовились къ бою.

(Съ этого мѣста мы позволяемъ себѣ, вмѣсто прозы подлинника, пользоваться, для передачи картины троянской осады, повѣствованіемъ Гомера, въ переводѣ Гнѣдича. Полагаемъ, что при этомъ пособіи удачнѣе напечатлѣются въ умѣ читателя, какъ описываемое событіе, какъ и характеры упоминаемыхъ главнѣйшихъ дѣятелей троянской войны.)

Когда уже сблизились къ битвѣ идущія рати,
Вышелъ впередъ отъ троянъ Александръ, небожителю равный,
Съ кожею парда на рамѣ, съ лукомъ кривымъ за плечами
И съ мечемъ на бедрѣ, а въ рукѣ два копья мѣдножалыхъ.
Гордо колебля, онъ всѣхъ вызывалъ изъ данаевъ храбрѣйшихъ
Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.

Но лишь увидѣлъ его Менелай, любимый Ареемъ,
Быстро впередъ изъ толпы выступающимъ поступью гордой,
Радостно вспыхнулъ, какъ левъ, на добычу нежданно набредшій,
Встрѣтивъ оленя рогатаго или пустынную серну;
Гладный, неистово онъ пожираетъ, хотя отовсюду
Самъ окруженъ и ловцами младыми, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнулъ такой Менелай, Александра героя
Близко узрѣвъ предъ собой; и отмстить похитителю мысля,
Быстро Атридъ съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю.
Но лишь увидѣлъ его Пріамидъ, Александръ боговидный,
Между переднихъ блеснувшаго: сердце его задрожало;
Быстро онъ къ сонму друзей отступилъ, избѣгающій смерти.
И, убѣжавши, въ толпу погрузился троянъ горделивыхъ
Образомъ красный Парисъ, устрашася Атреева сына.
Гекторъ увидѣлъ его, поносилъ укорительной рѣчью:
«Видомъ лишь храбрый, несчастный Парисъ, женолюбецъ, прельститель!
«Слышишь, смѣются ряды кудреглавыхъ данаевъ, считавшихъ
»Храбрымъ тебя первоборцемъ, судя по красивому виду.
«Видъ твой красивъ; но ни силы въ душѣ, ни отважности въ сердцѣ!
«Слишкомъ робокъ троянскій народъ; иль давно-бъ уже былъ ты
«Каменной ризой одѣтъ, злополучій толикихъ виновникъ!»
Гектору быстро въ отвѣтъ возразилъ Александръ боговидный.
«Гекторъ! ты въ правѣ хулить, и твоя мнѣ хула справедлива.
«Сердце въ груди у тебя, какъ сѣкира, всегда непреклонно.
«Нынѣ, когда ты желаешь, чтобъ я воевалъ и сражался,
«Всѣмъ повели успокоиться. Трои сынамъ и ахейцамъ;
«И посреди ихъ поставьте меня съ Менелаемъ героемъ;
«Мы за Елену Аргивскую съ нимъ передъ вами сразимся.
«Кто изъ двоихъ побѣдитъ и окажется явно сильнѣйшимъ,
«Въ домъ и Елену введетъ, и сокровища всѣ онъ получитъ.
«Вы-жъ, заключивши дружбу и клятвы святыя, владѣйте
«Троей холмистой; ахейцы же въ Аргосъ, конями богатый,
«Вспять отплывутъ и въ Ахаію, славную женъ красотою.»

Гекторъ, восхищенный рѣчью брата, остановилъ фаланги троянскія, Агамемнонъ же громогласно далъ повелѣніе ратямъ ахейскимъ выслушать слово Гектора. Тогда раздался мощный голосъ послѣдняго:

«Сонмы троянъ и ахеянъ, красиво-поножныхъ! внимайте,
«Что предлагаетъ Парисъ, отъ котораго брань воспылала.
«Онъ предлагаетъ троянамъ и всѣмъ мѣднолатнымъ ахейцамъ
«Ратныя сбруи свои положить на всеплодную землю;
«Самъ, посреди ополченій, съ воинственнымъ онъ Менелаемъ
«Битвой одинъ на одинъ, за Елену желаетъ сразиться.

«Кто изъ двоихъ побѣдитъ и окажется явно сильнѣйшимъ,
«Въ домъ и Елену введетъ, и сокровища всѣ онъ получитъ;
«Мы-жъ на взаимную дружбу священныя клятвы положимъ.»
Рекъ онъ; ахейцы, безмолвные, всѣ сохранили молчанье;
И межъ нихъ провѣщалъ Менелай, знаменитый воитель:
«Нынѣ внимайте и мнѣ; жесточайшая горесть пронзаетъ
«Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
«Трои сынамъ и ахейцамъ; довольно вы бѣдъ претерпѣли,
«Ради вражды между мной и Парисомъ, виновникомъ оной.
«Кто между нами двумя судьбой обреченъ на погибель,
«Тотъ да погибнетъ! А вы, о друзья, примиритесь не медля.»
Такъ говорилъ, и наполнились радостью оба народа,
Чая почить, наконецъ, отъ трудовъ изнурительной брани;
Коней становятъ въ ряды, съ колесницъ своихъ прядаютъ сами,
Быстро снимаютъ доспѣхи, на землю слагаютъ ихъ, близко
Другъ противъ друга. Межъ воинствъ осталося узкое поле.

Немедленно съ обѣихъ сторонъ сдѣланы приготовленія къ торжественнымъ жертвоприношеніямъ. Старецъ Пріамъ сошелъ съ колесницы передъ строемъ ахейскимъ, гдѣ должно было совершиться жертвоприношеніе. Предъ Пріамомъ стали властитель Агемемнонъ, мудрый Одиссей и другіе цари и герои. Тогда, отрѣзавши волну на головахъ избранныхъ для жертвы агнцевъ и раздѣливши ее между избранными изъ троянъ и ахеянъ, царь Агамемнонъ воззвалъ къ небу:

«Мощный Зевесъ! обладающій съ Иды, преславный, великій!
«Геліосъ, видящій все и слышащій все въ поднебесной!
«Рѣки, земля и вы, что въ подземной обители души
«Оныхъ караете смертныхъ, которые ложно клянутся!
«Будьте свидѣтели вы и храните намъ клятвы святыя:
«Если Парисъ Пріамидъ поразитъ Менелая Атрида,
«Онъ и Елену въ дому, и сокровища всѣ да удержитъ;
«Мы-жъ, отъ троянской земли отплывемъ на судахъ мореходныхъ.
«Если Париса въ бою поразитъ Менелай свѣтловласый,
«Граждане Трои должны возвратить и жену, и богатство;
«Пеню должны заплатить аргивянамъ, какую прилично;
«Память о ней пусть пройдетъ и до позднихъ племенъ человѣковъ.
«Если же мнѣ Пріамъ и Пріама сыны отрекутся
«Должную дань заплатить, по паденьѣ уже и Париса,
«Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
«Здѣсь я останусь, пока не увижу конца ратоборству.»

Вслѣдъ за тѣмъ, принесши въ жертву приведенныхъ агнцевъ, участники въ жертвоприношеніи, черпая вино изъ блестящей чаши, возливали и громко молились богамъ, призывая казнь и погибель на того, кто дерзнетъ нарушить священную клятву.

Гекторъ тогда Пріамидъ, и съ нимъ Одиссей благородный,
Прежде измѣрили мѣсто сраженія, послѣ, повергнувъ
Жребіи въ мѣдный шеломъ, сотрясали, да ими рѣшится,
Кто въ сопротивника первый копье мѣдяное пуститъ.
Рати-жъ всѣ вокругъ молились и длани къ богамъ воздѣвали;
Такъ не одинъ восклицалъ, межъ рядами троянъ и ахеянъ:
«Мощный Зевесъ, обладающій съ Иды, преславный, великій!
«Кто между ними погибельныхъ дѣлъ сихъ и распрей виновникъ,
«Дай ты ему, пораженному, въ домъ погрузиться Аида;
«Намъ же опять утвердить и священныя клятвы, и дружбу!
Такъ возглашаютъ; а Гекторъ великій два жребія въ шлемѣ,
Взоръ отвративъ, сотрясаетъ; и выпрянулъ жребій Париса.
Воины быстро усѣлись рядами, гдѣ каждый оставилъ
Коней своихъ звуконогихъ и пестрыя ратныя сбруи.
Тою порой, вкругъ раменъ покрывался оружіемъ пышнымъ
Юный герой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены.
И сперва наложилъ онъ на бѣлыя ноги поножи
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Перси кругомъ защищая, надѣлъ мѣдяныя латы,
Брата Ликаона славный доспѣхъ, и ему соразмѣрный;
Сверху на рамо набросилъ ремень и мечъ среброгвоздный,
Съ мѣдянымъ клинкомъ; и щитъ захватилъ, и огромный, и крѣпкій;
Шлемъ на могучую голову ярко блестящій надвинулъ,
Съ гривою конскою; гребень ужасный надъ нимъ волновался;
Тяжкое поднялъ копье, но которое было сподручно.
Такъ и Атридъ Менелай покрывался оружіемъ, храбрый.
И едва лишь каждый въ дружинѣ своей вооружился,
Оба они, аргивянъ и троянъ на средину выходятъ,
Съ грозно блестящими взорами; ужасъ смотрящихъ объемлетъ
Конниковъ храбрыхъ троянъ и красиво-поножныхъ данаевъ.
Близко герои сошлись и на мѣстѣ измѣренномъ стали,
Копья въ рукахъ потрясая, свирѣпствуя другъ противъ друга.
Первый герой Александръ послалъ длиннотѣнную пику
И ударилъ Атрида въ блистательный щитъ круговидный;
Но не проникнуло мѣди, согнулось копейное жало
Въ твердомъ щитѣ. И воздвигся второй, съ занесенною пикой,
Царь Менелай, умоляющій пламенно Зевса-владыку:
«Зевсъ! помоги покарать сотворившаго мнѣ оскорбленье!

«Въ прахъ мою рукой низложи Пріамида Париса,
«Пусть ужасается каждый и въ позднорожденныхъ потомкахъ
«Зломъ воздавать за пріязнь добродушному гостепріимству.»
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику
И ударилъ жестоко противника въ щитъ круговидный;
Щитъ свѣтозарный насквозь пробѣжала могучая пика,
Броню насквозь, украшеніемъ пышную, быстро пронзила
И на паху подреберномъ хитонъ у Париса разсѣкла
Бурная; онъ, лишь отпрянувъ, погибели черной избѣгнулъ.
Сынъ же Атреевъ, исторгнувъ стремительно мечъ среброгвоздный,
Грянулъ съ размаха по бляхѣ шелома; но мечъ надъ шеломомъ,
Въ три и четыре куска разгробившися, палъ изъ десницы.
Царь Менелай возопилъ, на пространное небо взирая:
«Зевсъ! ни одинъ изъ безсмертныхъ подобно тебѣ не злотворенъ!
«Я, наконецъ, уповалъ покарать Александра злодѣя;
«И въ рукахъ у меня сокрушается мечъ, и напрасно
«Вылетѣлъ дротъ изъ десницы моей: не могу поразить я!»
Рекъ и напалъ на него и, за шлемъ ухвативъ конвласый,
Быстро повлекъ, обратившися къ пышнопоножнымъ ахейцамъ,
Стиснулъ Парисову нѣжную выю ремень хитрошвейный,
Вплоть у него подъ брадой проходившая подвязь шелома.
Онъ и довлекъ бы его и покрылся бы славой великой,
Но любимца увидѣла Зевсова дочь, Афродита;
Кожу вола, пораженнаго силой, она разорвала:
Шлемъ послѣдовалъ праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атреіонъ, закруживши на воздухѣ, ринулъ
Къ пышнопоножнымъ данаямъ, и подняли вѣрные други.
Самъ же онъ бросился вновь, поразить Александра пылая,
Мѣднымъ копьемъ; но Киприда его отъ очей, какъ богиня,
Вдругъ похищаетъ и, облакомъ темнымъ покрывши, любимца
Въ ложницу вводитъ, въ чертогъ благовонія сладкаго полный.
Сынъ же Атреевъ по воинству рыскалъ, звѣрю подобный,
Взоры бросая кругомъ, не увидитъ ли гдѣ Александра.
Но ни единый изъ храбрыхъ троянъ и союзниковъ славныхъ
Мощному сыну Атрея не могъ указать Александра.
Вѣрно, изъ дружбы къ нему, не сокрылъ бы никто его зрѣвшій:
Всѣмъ онъ и имъ уже былъ ненавистенъ, какъ черная гибель.
Громко тогда возгласилъ повелитель мужей, Агамемнонъ:
«Слухъ преклоните, трояне, дардане и рати союзныхъ!
«Видимо всѣмъ торжество Менелая, любимца Арея.
«Вы аргивянку Елену, съ богатствомъ ея похищеннымъ,
«Выдайте намъ и немедленно должную дань заплатите,
«Память о ней да прейдетъ и до позднихъ племенъ человѣковъ.»
Такъ Агамемнонъ вѣщалъ, и въ хвалу восклицали ахейцы.

Трояне же хранили глубокое молчаніе и тѣмъ самымъ какъ бы признавали свое дѣло потеряннымъ. Но вдругъ изъ среды ихъ „воинственный сынъ Ликаона“ — Пандаръ, знаменитый стрѣлокъ изъ лука, подвинутый, конечно, богами, пускаетъ въ побѣдителя стрѣлу крылатую, „источникъ черныхъ страданій.“ Броню и повязь мѣдную пронзила стрѣла и разсѣкла верхнюю кожу героя. Быстро кровь заструилась изъ раны Менелая.

Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнонъ
Такъ между тѣмъ говорилъ, и кругомъ ихъ стенала дружина:
«Милый мой братъ! на погибель тебѣ договоръ заключилъ я,
«Выставивъ противъ троянъ одного за данаевъ сражаться:
«Ими пронзенъ ты; попрали трояне священную клятву!
«Но не будутъ ничтожными клятва, кровавая жертва,
«Винъ возліянье и рукъ сопряженье на вѣрность обѣта.
«Если теперь совершить олимпійскій Зевесъ не разсудитъ,
«Поздно, но онъ совершитъ; и трояне великою платой,
«Женами ихъ и дѣтьми, и своими глазами заплатятъ.
«Твердо увѣренъ я въ томъ, убѣждаяся духомъ и сердцемъ,
«Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ высокая Троя,
«Древній погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
«Зевсъ Эгіохъ, обитатель эѳира, высоко-парящій,
«Самъ надъ главами троянъ заколеблетъ ужаснымъ эгидомъ,
«Симъ вѣроломствомъ прогнѣванный: то неминуемо будетъ.»

Между тѣмъ дружины троянцевъ снова стали напирать на грековъ, но царь Агамемнонъ, полный негодованія на вѣроломство противниковъ, умѣлъ влить необычайное мужество даже и въ сердца тѣхъ изъ своихъ, которые стали было подаваться передъ натискомъ троянцевъ.

Въ оное время Аѳина Тидея великаго сыну
Крѣпость и смѣлость дала, да отличнѣйшимъ онъ между всѣми
Аргоса воями будетъ и громкую славу стяжаетъ.
Пламень ему отъ щита и шелома зажгла неугасный,
Блескомъ, подобный звѣздѣ той осенней, которая въ небѣ
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, омывшись въ волнахъ Океана:
Пламень подобный зажгла вкругъ главы и раменъ Діомеда
И устремила въ средину, въ ужасное брани волненье.

И, стоя въ колесницѣ, которою управлялъ сынъ Капанея, братъ ему по оружію, отважный Сѳенелъ, Діомедъ носился

по бранному полю, подобно рѣкѣ наводненной, когда, бурно выступивъ изъ береговъ своихъ, она съ яростью разливается

Аѳина-Паллада устремляетъ Діомеда въ битву.

по окрестностямъ, и ни мосты, ни преграды не могутъ устоять предъ сокрушительнымъ напоромъ потока.

Такъ отъ Тидида кругомъ волновались густыя фаланги
Троп сыновъ и стоять не могли, превосходныя силой.

Хотя и ранилъ его Пандаръ, но, благодаря другу его, Сѳенелу, стрѣла извлечена изъ раны; богиня-жъ Аѳина, по молитвѣ Діомеда:

Члены героя содѣлала легкими, ноги и руки,
И, приближась къ нему, провѣщала крылатыя рѣчи:
«Нынѣ дерзай, Діомедъ, и безъ страха съ троянами ратуй.
«Въ перси тебѣ я послала отеческій духъ сей безстрашный,
«Коимъ щита потрясатель, Тидей, обладалъ, конеборецъ.
«Шествуй, и если безсмертный, тебя искушая, предстанетъ.
«Ты на безсмертныхъ боговъ, Діомедъ, не дерзай ополчаться,
«Кто ни предстанетъ; но если Зевесова дочь, Афродита,
«Явится въ брани, рази Афродиту острою мѣдью.»

И какъ левъ, котораго ранили неудачно и тѣмъ только возбудили въ немъ большую силу и ярость, Діомедъ стремительно ринулся на враговъ, и никто не могъ устоять предъ его натискомъ.

Тутъ храбрый Эней, сынъ Анхизовъ, воззвалъ къ Пандару:

«Пандаръ! гдѣ у тебя и лукъ, и крылатыя стрѣлы?
«Гдѣ твоя слава, которой никто изъ троянъ не оспорилъ,
»И въ которой ликіецъ тебя превзойти не гордился?
«Длани къ Зевесу воздѣнь и пусти ты пернатую въ мужа,
«Кто бы онъ ни былъ, могучій: погибели много нанесъ онъ
«Ратямъ троянскимъ и многимъ, и сильнымъ сломилъ онъ колѣна.»
Быстро Энею отвѣтствовалъ славный сынъ Ликаоновъ:
«Храбрый Эней, благородный совѣтникъ троянъ мѣднолатныхъ!
«Сыну Тидея могучему, кажется, мужъ сей подобенъ:
«Щитъ я его узнаю и съ забраломъ шеломъ дыроокій:
«Вижу его и коней, но не богъ ли то, вѣрно не знаю.
«Я уже бросилъ стрѣлу и умѣтилъ Тидеева сына
«Въ рамо десное, пробивъ совершенно доспѣшную лату,
«И уже уповалъ, что его я повергнулъ въ Аиду;
«Нѣтъ, не повергнулъ! Есть, безъ сомнѣнія, богъ прогнѣвленный!
«Коней со мною здѣсь нѣтъ, для сраженія нѣтъ колесницы.»
Пандару быстро Эней, предводитель троянъ, возражаетъ:
«Шествуй ко мнѣ, взойди на мою колесницу, увидимъ,
«Троса кони каковы, несказанно искусные полемъ

«Быстро летать и туда, и сюда и въ погонѣ, и въ бѣгствѣ.
«Къ граду и насъ унесутъ они, бурные, еслибъ и снова
«Славу Зевесъ даровалъ Діомеду, Тидееву сыну.»
Такъ сговоряся, и оба, въ блистательный ставъ колесницѣ,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногихъ
Ихъ усмотрѣвши Сѳенелъ, знаменитый сынъ Капанеевъ,
Къ сыну Тидея не медля крылатую рѣчь устремляетъ.
«Храбрый Тидидъ Діомедъ, о другъ драгоцѣннѣйшій сердцу!
«Вижу могучихъ мужей, налетающихъ биться съ тобою.
«Мощь обоихъ неизмѣрима: первый — стрѣлецъ знаменитый,
«Пандаръ, гордящійся быть Ликаона ликійскаго сыномъ;
«Тотъ же троянецъ Эней, добродушнаго мужа Анхиза
«Сынъ, нарицающій матерью Зевсову дочь Афродиту.
«Стань въ колесницу и вспять мы уклонимся; такъ не свирѣпствуй,
«Между переднихъ бросаясь, да жизни своей не погубишь.»
Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Діомедъ нестрашимый:
«Смолкни, о бѣгствѣ ни слова! къ нему ты меня не преклонишь.
«Нѣтъ, не въ породѣ моей, чтобы вспять отступать изъ сраженій,
«Или робѣя скрываться: крѣпка у меня еще сила!
«Въ встрѣчу иду обоимъ; трепетать не велитъ мнѣ Аѳина.»

И ринулся безстрашный Діомедъ на подлетѣвшую колесницу. Мѣткой стрѣлою пробилъ Пандаръ щитъ Діомеду, но дальше не проникла пернатая; она замерла на мѣдной бронѣ Діомеда. Зато не напрасенъ былъ ударъ послѣдняго: копье, направленное Аѳиной, пролетѣло сквозь голову Пандара, и смѣлый стрѣлокъ рухнулся съ колесницы. Грозно сталъ надъ другомъ своимъ Эней, защищая его и щитомъ, и копьемъ, чтобъ не похитили трупа его ахейцы. И Энею пришлось бы погибнуть, ибо такъ сильно поразилъ его Діомедъ огромнымъ камнемъ, схваченнымъ съ поля, что ужь черная ночь осѣнила взоры Анхизова сына; но мать его, Зевесова дочь Афродита,

Около милаго сына обвивъ свои бѣлыя руки,
Ризы своей передъ нимъ распростерла блестящіе сгибы,
Кроя отъ вражескихъ стрѣлъ, чтобъ какой-либо конникъ данайскій
Мѣдью персей ему не пронзилъ и души не исторгнулъ.
Такъ уносила Киприда любезнаго сына изъ боя.

Но вспомнилъ Діомедъ слова Аѳины, вспомнилъ также, что Афродита не изъ числа тѣхъ суровыхъ богинь, которыя

устраиваютъ битвы и рѣшаютъ судьбу сраженій и городовъ, и погнался за Кипридой

И едва лишь догналъ, сквозь густыя толпы пролетая,
Прямо уставивъ копье, Діомедъ, воеватель безстрашный,
Острую мѣдь устремилъ и у кисти ранилъ ей руку
Нѣжную: быстро копье сквозь покровъ благовонный, богинѣ
Тканный самими харитами, кожу пронзило на длани
Возлѣ перстовъ: заструилась безсмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ.
Громко богиня вскричавъ, изъ объятій бросила сына;
На руки быстро его Аполлонъ и пріялъ, и избавилъ,
Облакомъ чернымъ покрывъ, чтобъ какой либо конникъ ахейскій
Мѣдью персей ему не пронзилъ и души не исторгнулъ.

Но и зная, кто покрываетъ собою Энея, безстрашный Діомедъ устремляется на свою жертву, пылая предать Энея смерти, и тогда лишь отступаетъ передъ богомъ далеко разящимъ, когда слышитъ грозный глаголъ Аполлона:

«Вспомни себя, отступи и не мысли равняться съ богами,
«Гордый Тидидъ! Никогда межъ собою не будетъ подобно
«Племя безсмертныхъ боговъ и по праху влачащихся смертныхъ!»

Между тѣмъ и Агамемнонъ, и Одиссей, и Аяксъ, сынъ Теламоновъ, и Аяксъ Оилидъ, также сильно ратовали противъ троянъ и усѣяли поле жертвами своей храбрости. Но и трояне подъ конецъ ободрились и стали тѣснить грековъ сильнѣе и сильнѣе: самъ Арей, негодуя на ахеянъ за рану Афродиты, вдохнулъ въ Гектора мужество непреодолимое и устремилъ его въ битву. Съ возвышеннаго Олимпа, увидѣвши пораженіе ахейцевъ, Гера и Аѳина-Паллада, на бурныхъ коняхъ, въ золотой колесницѣ спустились на поле брани и возбудили мужество въ сердцахъ отступавшихъ. Діомеда же богиня нашла у колесницы его. Герой, усталый отъ боя, рукою отиралъ кровавую рану, нанесенную мѣдью Пандара. Богиня упрекаетъ его въ праздности и, напоминая, сколько она охраняла его въ битвахъ, спрашиваетъ, неужели усталъ онъ, или робость вошла къ нему въ душу, и такъ ли слѣдуетъ дѣйствовать сыну героя Тидея? Діомедъ отвѣчаетъ:

«О! познаю я тебя, свѣтлоокая дочь громовержца!
«Искренно все передъ тобой изреку; ничего не сокрою:
«Нѣтъ, не усталость меня и не робость бездушная держитъ;
«Но завѣты я помню, какіе мнѣ ты завѣщала:
«Ты повелѣла не ратовать мнѣ ни съ однимъ изъ блаженныхъ
«Жителей неба; но если Кроніона дочь, Афродита,
«Явится въ брани, разить Афродиту острою мѣдью; —
«Вотъ для чего отступаю и самъ я, и прочимъ аргивцамъ
«Всѣмъ повелѣлъ, уклоняяся, здѣсь воедино собраться:
«Вижу Арея; гремящею битвою онъ управляетъ »
Вновь провѣщала къ нему свѣтлоокая дочь Эгіоха:
«Чадо Тидея, о воинъ, любезнѣйшій сердцу Аѳины.
«Нѣтъ, не страшися теперь ни Арея сего, ни другаго
«Сильнаго бога; сама за тебя я поборницей буду!
«Мужествуй, въ бой на Арея лети на коняхъ звуконогихъ;
«Смѣло сойдись и рази, не убойся свирѣпства Арея,
«Буйнаго бога сего, сотвореннаго къ злу, вѣроломца;
«Самъ онъ недавно обѣтъ произнесъ предо мной и предъ Герой
«Ратовать противъ троянъ и всегда поборать за ахеянъ;
«Нынѣ-жъ стоитъ за троянъ, вѣроломный, ахеянъ оставилъ!»
Такъ говоря, съ колесницы Сѳенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой, и покорный мгновенно онъ спрянулъ.
Быстро сама въ колесницу къ Тидиду всходитъ богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрѣйшаго мужа.
Разомъ и бичъ и бразды захвативши, Паллада-Аѳина,
Вдругъ на Арея на перваго бурныхъ коней устремила.
И тогда на Арея напалъ Діомедъ нестрашимый
Съ мѣднымъ копьемъ, и, усиливъ его, устремила Паллада
Въ нижнее чрево, гдѣ богъ опоясывалъ мѣдную повязь:
Тамъ Діомедъ поразилъ и, безсмертную плоть растерзавши,
Вырвалъ обратно копье; и взревѣлъ Арей мѣднобронный
Страшно, какъ будто бы девять или десять воскликнули тысячъ
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву.
Дрогнули всѣ, и дружины троянъ, и дружины ахеянъ
Съ ужаса; такъ заревѣлъ Арей, ненасытный войною.
Сколько черна и угрюма отъ облаковъ кажется мрачность,
Если неистово дышащій, знойный воздвигнется вѣтеръ,
Взору Тидида таковъ показался, кровью покрытый,
Мѣдный Арей, съ облаками идущій къ пространному небу.
Быстро безсмертный вознесся къ жилищу безсмертныхъ, Олимпу.
Тамъ, близъ Кронида владыки, возсѣлъ онъ, печальный и мрачный.

День ужь склонялся къ вечеру, когда Гекторъ, по совѣту прорицателя, отправился въ городъ, чтобы возбудить всѣхъ

къ общей молитвѣ богинѣ Аѳинѣ и принесенью ей жертвы. Жрица Ѳеано, положивши на колѣни богинѣ драгоцѣннѣйшую изъ одеждъ царицы троянской, Гекубы, такую, отъ лица присутствовавшихъ въ храмѣ, произнесла молитву:

«Мощная въ браняхъ, защитница града, Паллада-Аѳина!
«Дротъ сокруши Діомедовъ и дай, о богиня, да самъ онъ
«Нынѣ погибельный грянется ницъ предъ богинею скейской!
«Нынѣ-жъ двѣнадцать кравъ однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
«Въ храмѣ тебѣ мы пожертвуемъ, если, молитвы услыша,
«Градъ помилуешь Трою и женъ и младенцевъ невинныхъ!»
Такъ возглашала молясь, но Аѳина молитву отвергла.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ входитъ Гекторъ въ отцовскій дворецъ, находитъ Париса, который, среди радостей свиданія съ Еленой, казалось, забылъ о войнѣ, и укоряетъ его оскорбительной рѣчью:

«Гибнетъ троянскій народъ, предъ высокою града стѣною,
«Ратуя съ сильнымъ врагомъ; за тебя и война, и сраженья
«Вокругъ Иліона пылаютъ; ты самъ поругаешь другаго,
«Если увидишь кого оставляющимъ грозную битву.
«Шествуй, пока Иліонъ подъ огнемъ супостатовъ не вспыхнулъ.»

И подвинулось сердце Париса; быстро онъ ополчился военными доспѣхами и приготовился въ бой. Сама же Елена молила Гектора отдохнуть хоть минуту, говоря ему:

«Деверь! твою наиболѣе душу труды угнетаютъ,
«Ради меня, недостойной, и ради вины Александра.
«Злую намъ участь назначилъ Кроніонъ, что даже по смерти
«Мы оставаться должны на безславныя пѣсни потомкамъ!»
Ей не медля отвѣтствовалъ Гекторъ великій: «Елена!
«Сѣсть не упрашивай; какъ ни привѣтна ты, я не склонюся:
«Сильно меня увлекаетъ душа на защиту согражданъ,
«Кои на ратныхъ поляхъ моего возвращенія жаждутъ.»
Такъ говоря, удалился шеломомъ сверкающій Гекторъ.

Онъ ужь прошелъ всю Трою и приближался къ Скейскимъ воротамъ, откуда былъ выходъ въ поле. Здѣсь онъ встрѣтилъ жену свою, Андромаху, а при ней одна изъ

прислужницъ держала на рукахъ малютку сына его, Астіанакса. Сердце героя сжалось при мысли, что, можетъ быть, въ послѣдній разъ онъ видитъ милыхъ своихъ. Андромаха со слезами склонилась къ нему, руку пожала ему и сказала:

«Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
«Ты не жалѣешь, младенца, ни бѣдной матери; скоро
«Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
«Вмѣстѣ напавши, убьютъ, а тобою покинутой, Гекторъ,
«Лучше мнѣ въ землю сойти; никакой мнѣ не будетъ отрады,
«Если постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой —
«Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
«Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій;
«Матерь мою, при долинахъ дубровнаго Плака, царицу,
«Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами брани.
«Гекторъ! ты все мнѣ теперь — и отецъ, и любезная матерь,
«Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный,
«Сжалься же ты надо мною и съ нами останься на башнѣ,
«Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою!
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Все и меня-то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
«Стыдъ мнѣ предъ каждымъ троянцемъ и длиннооденной троянкой,
«Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
«Сердце мнѣ то запретитъ: научился быть я безстрашнымъ,
«Храбро всегда межъ троянцами первому биться на битвахъ,
«Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
«Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
«Будетъ нѣкогда день, — и погибнетъ священная Троя,
«Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
«Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
«Трои, Пріама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
«Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
«Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
«Сколько твое! Какъ тебя, аргивянинъ, мѣдью покрытый,
«Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
«И невольницей въ Аргосѣ будешь ты ткать, чужеземкѣ
«Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гипперея,
«Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
«Льющую слезы, тебя кто нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
«Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
«Всѣхъ конеборцевъ троянъ, какъ сражалися вкругъ Иліоне!
«Скажетъ, и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
«Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
»Но да погибну и буду засыпанъ я перстью земною

«Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу.»
Рекъ, и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ и гривой косматаго гребня,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшейся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
На земь кладетъ его пышно-блестящій и на руки взявши
Милаго сына цѣлуетъ, качаетъ его и поднявши
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса, и прочихъ безсмертныхъ:
«Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
«Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
«Также и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
«Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
«Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
«Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!»
Рекъ и супругѣ возлюбленной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; дитя къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее и рукою ласкающій такъ говорилъ ей:
«Добрая, сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
«Противъ судьбы человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу;
«Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный
«Мужъ, ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.
«Шествуй, любезная, въ домъ; озаботясь своими дѣлами,
«Тканьемъ и пряжей займися; приказывай женамъ домашнимъ
«Дѣло свое исправлять; а война — мужей озаботитъ
«Всѣхъ, наиболѣ-жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ.»
Рѣчь окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ, и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираясь, слезы ручьемъ проливая.

Гекторъ же пылалъ желаніемъ смыть на болѣ битвы то пятно, которое наложило на троянцевъ постыдное бѣгство Париса. Не теряя времени, онъ выступилъ съ братомъ и сталъ вызывать героевъ ахейскихъ съ собою на битву. Дрогнуло сердце ахейцевъ, ибо Гектора трепетали доблестнѣйшіе изъ героевъ. Всѣ ахейцы хранили глубокое молчаніе, стыдясь отвергнуть и ужасаясь принять вывозъ.

Вдругъ возсталъ Менелай и вѣщалъ между сонма ахеянъ,
Всѣхъ упрекая жестоко и горестно сердцемъ стеная:
«Горе мнѣ, о самохвалы! Ахеянки вы, не ахейцы!

«Срамъ для ахейскихъ мужей изъ ужасныхъ ужаснѣйшій будетъ,
«Если изъ нихъ ни одинъ не посмѣетъ на Гектора выйти!
«Но погибните всѣ вы, разсыпьтесь водою и прахомъ,
«Вы сидящіе здѣсь, какъ народъ безъ души и безъ чести!
«Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
«Жребій побѣды находится въ волѣ боговъ всемогущихъ.»
Такъ говоря, покрывался поспѣшно оружіемъ пышнымъ.

Но Агамемнонъ удержалъ брата. Тутъ поднялся старецъ Несторъ, герой Геренейскій. Его рѣчь устыдила данайцевъ. Быстро вызвались девять охотниковъ: Агамемнонъ, Діомедъ, оба Аякса, Идоменей, Меріонъ, Эврипилъ, Ѳоазъ, Одиссей. Каждая рать молила боговъ даровать побѣду герою, который взялъ на себя защиту народной чести; Аяксъ же огромный, твердыня данаевъ, съ щитомъ необъятнымъ,

Сталъ противъ Гектора близко и голосомъ грознымъ воскликнулъ:
«Гекторъ! теперь ты узнаешь, одинъ на одинъ подвизаясь,
«Въ рати ахейской земли каковы и другіе герои
«Есть, безъ Пелида, фалангъ разрывателя съ львиной душею;
«Онъ у своихъ кораблей, при дружинахъ своихъ мирмидонскихъ,
«Празденъ лежитъ, на царя Агамемнона злобу питая.
«Насъ же ахеянъ, которые выйти съ тобою готовы,
«Много такихъ! Начинай, Пріамидъ, поединокъ и битву!
Но ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа!
«Тщетно меня ты, какъ будто ребенка, испытывать хочешь,
«Или какъ дѣву, которая дѣлъ ратоборныхъ не знаетъ.
«Знаю довольно я брань и кровавое мужеубійство!
«Щитъ мой умѣю направо, умѣю налѣво метать я,
«Жесткую тяжесть, и съ нею могу неусталый сражаться;
«Пѣшій умѣю ходить я подъ грозные звуки Арея;
«Конный умѣю скача съ кобылицъ быстроногихъ сражаться.
«Но не хочу нападать на такого, какъ ты, ратоборца,
«Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умѣчу».
Рекъ онъ и мощно сотрясъ длиннотѣнную пику
И поразилъ Теламонида въ выпуклый щитъ семикожный,
Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала:
Шесть въ немъ полосъ пробѣжала разсѣкши бурная пика,
Въ кожѣ седьмой же увязла. Тогда Теламонидъ великій,
Мощный Аяксъ, размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику
И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
Броню насквозь украшеньемъ изящную, быстро пронзила

И на чревѣ подъ ребрами самый хитонъ растерзала
Бурная: Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
Оба исторгнули вновь длиннотѣнныя копья и разомъ
Сшиблись вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
Или какъ звѣри лѣсовъ, нелегко одолимые вепри.
Гекторъ копьемъ въ середину щита Теламонида грянулъ,
Но щита не порвалъ: на мѣди изогнулося жало.
Въ щитъ налетѣвши ударилъ Аяксъ, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшаго Гектора вспять отразило,
Вскользь пробѣжало по шеѣ, и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервалъ, шлемоблещущій, пламенный Гекторъ:
Но назадъ онъ подавшися. камень рукою могучей
Сорвалъ средь поля лежавшій, черный, жесткій, огромный.
Махомъ повергъ и въ Аяксовъ блистательный щитъ семикожный
Глыбой въ средину ударилъ; взревѣла вся мѣдь щитовая.
Быстро Аяксъ подхватилъ несравненно огромнѣйшій камень,
Ринулъ его, размахавъ и напрягши безмѣрную силу,
Въ щитъ угодилъ и насквозь проломилъ его камнемъ жерновнымъ,
Ранилъ колѣно врагу; на хребетъ опрокинулся Гекторъ,
Сверху натиснувъ щитомъ; но внезапно воздвигъ Пріамида
Фебъ; и тогда рукопашно мечами-бъ они изрубились,
Еслибъ къ героямъ глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ,
Вдругъ не предстали, одинъ отъ троянъ, а другой отъ ахеянъ,
Вѣстникъ Идей и Талфибій, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рекъ имъ
Вѣстникъ троянскій, Идей, исполненный мудрыхъ совѣтовъ:
«Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье:
«Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу,
«Оба—храбрѣйшіе воины: въ томъ убѣдилися всѣ мы.
«Но приближается ночь; покориться и ночи пріятно».
Быстро къ нему обратясь, отвѣчалъ Теламонидъ великій:
«Вѣстникъ! что ты произнесъ, повели произнесть Пріамиду:
«Онъ вызывалъ на сраженіе нашихъ храбрѣйшихъ героевъ,
«Онъ и начни; покориться готовъ я, коль онъ пожелаетъ!»
И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Такъ, Теламонидъ, тебѣ и великость, и силу, и разумъ
«Богъ даровалъ; межъ ахеями ты копьеборецъ славнѣйшій,
«Кончимъ на нынѣшній день и борьбу, и сраженіе наше;
«Послѣ сойдемся и будемъ сражаться, пока уже Демонъ
«Насъ не разлучитъ, изъ двухъ одному даровавши побѣду.
«Нынѣ приблизилась ночь; покориться и ночи пріятно.
«Шествуй передъ кораблями и всѣхъ аргивянъ ты обрадуй,
«Болѣе-жъ друговъ любезныхъ и ближнихъ, какихъ ты имѣешь;
«Я же, въ Пріамовомъ градѣ великомъ, обрадую въ Троѣ
«Сердце троянъ и длинныя ризы влачащихъ троянокъ,
«Кои молиться о мнѣ соберутся въ божественномъ храмѣ.

«Сынъ Теламоновъ! почтимъ мы другъ друга дарами на память.
«Нѣкогда пусть говорятъ и Троады сыны и Эллады:
«Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
«Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной.»
Гекторъ, слово окончивши, мечъ подаетъ сереброгвоздный,
Вмѣстѣ съ ножнами его и красивымъ ремнемъ перевѣснымъ.
Сынъ Теламона вручаетъ блистающій пурпуромъ поясъ.
Такъ разлучаясь, герои, одинъ къ ополченьямъ ахейскимъ
Шествовалъ; къ сонмамъ троянъ другой поспѣшалъ; и трояне,
Радуясь сердцемъ, смотрѣли, что шествуетъ здравъ и безвреденъ
Гекторъ, Аяксовой силы и рукъ необорныхъ избѣгшій;
Въ градъ повели Пріамида неждавшіе видѣть живаго.
Такъ и Аякса красивопоножные мужи Данаи
Къ сыну Атрея вели восхищеннаго славой побѣды.

Послѣ нѣсколькихъ дней перемирія, когда совершили обрядъ погребенія надъ павшими въ битвѣ, снова загорѣлся бой, и снова усѣялось жертвами поприще, на которомъ ристали колесницы и устремлялись копья изъ рукъ Агамемнона, Діомеда и Одиссея. Особенно первый безпощадно преслѣдовалъ рати троянскія, пылая негодованіемъ на коварное племя. Діомедъ не такъ былъ ожесточенъ противъ троянцевъ. Однажды онъ встрѣтился въ бою съ воиномъ, въ которомъ наружность и вооруженіе обличали не простаго ратника, а богатаго, доблестнаго героя (это былъ сынъ Гипполоховъ), и обратился къ нему съ такими словами:

«Кто ты, безтрепетный мужъ, отъ земныхъ обитателей смертныхъ?
«Прежде не зрѣлъ я тебя на бояхъ, прославляющихъ мужа:
«Но сегодня, какъ вижу, далеко ты мужествомъ дерзкимъ
«Всѣхъ превосходишь, когда моего ты копья нажидаешь.
«Дѣти однихъ злополучныхъ встрѣчаются съ силой моею!
«Если безсмертный ты богъ, отъ высокаго неба нисшедшій:
«Я никогда не дерзалъ съ божествами Олимпа сражаться.
«Если же смертный ты мужъ и воскормленъ плодами земными,
«Ближе предстань, да къ предѣлу ты смерти скорѣе достигнешь».
Быстро ему отвѣчалъ воинственный сынъ Гипполоховъ:
«Сынъ благородный Тидея! почто вопрошаешь о родѣ?
«Листьямъ въ дубравахъ древесныхъ подобны сыны человѣковъ:
«Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
«Вновь расцвѣтая, рождаетъ и съ новой весной возрастаютъ:
«Такъ человѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ.

«Если жъ ты хочешь, тебѣ и о томъ объявляю, чтобъ зналъ ты
«Нашихъ и предковъ, и родъ: человѣкамъ онъ многимъ извѣстенъ.
«Есть въ конеславномъ Аргосѣ градъ знаменитый Эфира;
«Въ ономъ Сизифъ обиталъ, препрославленный мудростью смертный,
«Тотъ Сизифъ Эолидъ, отъ котораго Главкъ народился.
«Главкъ даровалъ бытіе непорочному Беллерофонту.
«Трое родилось чадъ отъ премудраго Беллерофонта:
«Мужи Исандръ, Гипполохъ и прекрасная Лаодамія.
«Жилъ Гипполохъ, отъ него я рожденъ и гражуся симъ родомъ.
«Онъ послалъ меня въ Трою и мнѣ заповѣдовалъ крѣпко:
«Тщиться другихъ превзойти, непрестанно пылать отличиться,
«Рода отцовъ не безчестить, которые славой своею
«Были отличны въ Эфирѣ и въ царствѣ ликійскомъ пространномъ.
«Вотъ и порода, и кровь, каковыми тебѣ я хвалюся».
Рекъ, и наполнился радостью сынъ благородный Тидеевъ;
Мѣдную пику свою водрузилъ въ даровитую землю
И привѣтную рѣчь устремилъ къ предводителю Главку:
«Сынъ Гипполоховъ! ты гость мнѣ отеческій, гость стародавній!
«Нѣкогда дѣдъ мой, Иней, знаменитаго Беллерофонта
«Въ собственномъ домѣ двадцать дней угощалъ дружелюбно.
«Храбрый! отнынѣ тебѣ я средь Аргоса гость и пріятель,
«Ты же мнѣ въ Ликіи, если приду я къ народамъ ликійскимъ.
«Съ копьями-жъ нашими будемъ съ тобой и въ толпахъ расходиться.
«Множество здѣсь для меня и троянъ и союзниковъ славныхъ;
«Буду разить, кого богъ приведетъ, и кого я настигну.
«Множество здѣсь для тебя аргивянъ: поражай, кого можешь.
«Главкъ! обмѣняемся нашимъ оружіемъ; пусть и другіе
«Знаютъ, что дружбою мы со временъ праотцовскихъ гордимся».
Такъ говорили они и, съ своихъ колесницъ соскочивши,
За руку оба взялись и на дружбу взаимно клялися.
Въ оное время у Главка разсудокъ восхитилъ Кроніонъ:
Онъ Діомеду герою доспѣхъ золотой свой на мѣдный
Во сто цѣнимый тельцовъ обмѣнялъ на стоющій девять.

А между тѣмъ не напрасны были дружныя условія вождей данаевъ: уже побѣда склонялась на сторону послѣднихъ, ибо, подъ покровительствомъ Геры и Аѳины, рати ихъ болѣе и болѣе одолѣвали троянъ; уже Зевсъ, съ вершины Иды слѣдившій за битвами, видѣлъ какъ счастіе военное служитъ ахейцамъ, и сталъ опасаться, чтобъ не было поздно исполнить обѣщаніе, данное имъ богинѣ Ѳетидѣ. И бурно владыка вознесся къ Олимпу, трепетавшему отъ одного мановенія бровей его, и повелѣлъ всѣмъ небожителямъ собраться на совѣтъ.

Тамъ Зевсъ, возсѣдая на вершинѣ многохолмнаго Олимпа, вѣщалъ свою волю, а безсмертные, сидя вокругъ, безмолвно внимали его глаголамъ. Онъ запретилъ имъ принимать какое-либо участіе въ битвахъ троянцевъ съ данаями, желая самъ лично привести дѣло къ концу, какой найдетъ лучшимъ.

«Кто-жъ изъ безсмертныхъ мятежно захочетъ, и я то узнаю,
«Съ неба сойти, пособлять иліонянамъ или данаямъ,
«Тотъ, пораженный, позорно страдать на Олимпъ возвратится!
«Или восхищу его и низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
«Въ пропасть далекую, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна:
«Гдѣ и мѣдяный помостъ, и ворота желѣзныя, Тартаръ,
«Столько далекій отъ ада, какъ свѣтлое небо отъ дола!
«Тамъ онъ почувствуетъ, сколько могучѣе всѣхъ я безсмертныхъ!
Такъ онъ вѣщалъ, и молчанье глубокое боги хранили,
Всѣ пораженные рѣчью: ужасно грозенъ вѣщалъ онъ. —

Съ тѣхъ поръ трояне ободрились. Упорны были битвы. Діомедъ поразилъ возницу Гектора, пытался поразить и героя, но раскаты грома надъ дружиной данаевъ, ослѣпительныя молніи въ глазахъ Діомеда, не ясно ли говорили, за кого побораетъ державный владыка? Три раза устремлялся, но безполезно, герой Діомедъ, напослѣдокъ старецъ Несторъ преклонилъ его къ покорности очевидной волѣ небесной. Въ этотъ день трояне торжествовали побѣду. Только стѣны, построенныя вокругъ лагеря грековъ, спасли послѣдній отъ вторженія побѣдителей.

Тутъ увидѣли греки, какъ имъ нужно содѣйствіе Ахиллеса. Приготовивъ посольство, отправили его съ Бризеидой и съ богатыми дарами въ ставку оскорбленнаго героя, моля его забыть обиду и пособить имъ.

Ахиллесъ принялъ ласково посланныхъ, но дары и просьбу отвергнулъ. Ему не такъ было жаль отнятой у него добычи, но онъ не могъ позабыть возмутительной надменности поступка съ нимъ пастыря народовъ, Агамемнона.

И греки, еще разъ отвергнутые Ахиллесомъ, терпѣли болѣе и болѣе отъ перевѣса троянъ: уже Агамемнонъ, Одиссей, Діомедъ, раненые, не могли болѣе возбуждать духъ войска

своимъ присутствіемъ, а враги подошли ужь къ самымъ стѣнамъ, и храбрый Сарпедонъ сбилъ часть укрѣпленій и готовился пробить своимъ воинамъ путь въ самое сердце греческаго лагеря.

Гекторъ горѣлъ радостью успѣха. Схвативши камень, котораго люди позднѣйшаго времени вчетверомъ не сдвинули бы съ мѣста, онъ швырнулъ его въ ворота ограды лагерной, и крѣпкія ворота не вынесли удара: онѣ заколебались и рухнули, открывши героямъ свободный доступъ въ лагерь. Пламеннымъ потокомъ разлился Гекторъ съ своею дружиной въ лагерѣ греческомъ, поражая и уничтожая все на пути. Данаи бѣжали, искали спасенія у кораблей, и только здѣсь доблестный Аяксъ Теламонидъ успѣлъ соединить разсѣянныхъ воиновъ и съ ними дать сильный отпоръ налетѣвшимъ троянамъ.

Тутъ не могли долѣе терпѣть пораженія ахеянъ боги, покровительствовавшіе имъ. Гера, Паллада и моревладѣтельный Посейдонъ рѣшили подать имъ помощь. Державная Гера употребила хитрость: она выпросила у Афродиты ея поясъ, въ которомъ заключены были всѣ обаянія прелести, и съ свѣтлымъ взоромъ, съ ласковой рѣчью принеслася съ Олимпа на Иду. Зевсъ былъ пріятно изумленъ, видя ласку и нѣжность въ супругѣ, въ которой привыкъ всегда видѣть духъ строптивости и противоборства.

Въ сладкой бесѣдѣ владыка не замѣтилъ, какъ время летѣло и какъ упоительный сонъ оковалъ его члены. Пользуясь усыпленіемъ владыки, Гера съ Аѳиной помчались на поле брани. Тамъ же и Посейдонъ, принявшій видъ суроваго воина, зашагалъ исполинскими шагами по полю, вливая небывалое мужество въ оторопѣвшихъ отъ страха ахеянъ и подвигая ихъ на троянъ. Снова закипѣла битва, и теперь трояне, въ свою очередь, были отброшены за стѣны. Не устоялъ самъ Гекторъ блистательный: пораженный въ грудь камнемъ, онъ палъ, какъ «дубъ, подъ ударомъ крушительнымъ Зевса Кронида, падаетъ съ корня; изъ древа разбитаго вьется зловонный сѣрный дымъ; и стоитъ, какъ бездушный

зритель паденія, близкій прохожій.» Дротъ вылетѣлъ изъ руки, щитъ и шлемъ повалились на героя, и загремѣла его пышная, пестрая броня. Но не удалось налетѣвшимъ ахейцамъ ни схватить героя, ни язвы нанесть, ни ударить: его тотчасъ окружили храбрѣйшіе изъ троянскихъ мужей: «Полидамасъ, Эней, Агеноръ, Ликій царь, Сарпедонъ и воинственный непорочный Главкъ; каждый надъ павшимъ простеръ въ оборону выпуклый щитъ, а друзья, торопливо поднявъ на руки Пріамида, вынесли изъ борьбы, поспѣшая къ конямъ ретивымъ, которые стояли сзади сраженія и смуты, съ храбрымъ возницей и съ пышной его колесницей. Кони помчали въ Трою тяжко стенящаго героя.»

Вѣроятно побѣдные-то клики данаевъ и пробудили Зевса отъ сладкаго сна. Увидя бѣгство троянъ, громовержецъ такъ грозно взглянулъ на виновницу бѣдствій троянцевъ, что ужаснулась великая Гера богиня, и всколебался весь Олимпъ многохолмный. Вихремъ полетѣла Ириса вѣтроногая, съ повелѣніемъ Посейдону, немедленно удалиться въ свое влажное царство, а Аполлону—исцѣлить язвы Гектора и влить въ него новыя силы. И воздвигся герой въ небываломъ величіи и прянулъ въ битву съ неописанной стремительностью.

Словно Арей, сотрясатель копья, или огонь истребитель,
Если межъ горъ онъ свирѣпствуетъ, въ чащахъ глубокаго лѣса:
Пѣна клубилась изъ устъ, подъ бровями угрюмыми очи
Грознымъ свѣтились огнемъ; надъ главой, воздымаяся гребнемъ,
Страшно качался шеломъ у летавшаго бурей по битвѣ
Гектора! Самъ богъ герою былъ покровителемъ съ неба,
Зевсъ, и его одного возвышалъ надъ толпой человѣковъ.
. . . . . .
Сердца трепетали въ груди благородныхъ данаевъ.
Онъ же, какъ левъ истребитель, на юницъ рогатыхъ нашедшій,
Коихъ по влажному лугу, при блатѣ обширномъ, пасутся
Тысячи; пастырь при нихъ, но юный, еще не умѣетъ
Съ звѣремъ сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, возлѣ коровъ, то переднихъ, то заднихъ,
Мечется онъ безпрестанно; а хищникъ, въ средину ихъ бросясь,
Рѣжетъ быка, и всѣ разбѣгаются: такъ аргивяне,
Свыше смятенные, въ бѣгъ передъ Гектора и силой Зевса
Всѣ обратилися.

Аяксу Теламониду надоѣло оставаться позади другихъ, въ тѣснотѣ. Онъ, захвативши свой необъятный щитъ, а другою рукою шестъ корабельный, зашагалъ съ кормы на корму, «крикомъ ужаснымъ возбуждая данаевъ станъ и суда боронить.» Но и Гекторъ ужь прорвался до самыхъ кораблей.

Словно, какъ бурный орелъ на стада ударяетъ пернатыхъ
Птицъ перелетныхъ, пасущихся мирно по берегу рѣчному,
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйныхъ:
Такъ Пріамидъ нападалъ на данайскій корабль чернoносый,
Буренъ кидаясь; его позади устремлялъ громовержецъ
Мышцей высокой, и съ нимъ воеводою воинство двигалъ.
Снова у быстрыхъ судовъ запылала свирѣпая битва
Можно-бъ сказать, что еще неусталыя, свѣжія рати
Въ бой соступилися: такъ горячо ратоборцы сражались.
Гекторъ, корабль захвативъ, передъ кормою стоялъ неотступенъ;
Хвостъ кормовой онъ руками держалъ и кричалъ къ ополченьямъ:
«Свѣточей, свѣточей дайте! и, съ крикомъ сомкнувшися, гряньте!
«День, награждающій все, даровалъ намъ Зевесъ! присудилъ намъ
«Взять корабли, что, подъ Трою приплывъ противъ воли безсмертныхъ,
«Столько намъ бѣдъ сотворили по робости старцевъ совѣтныхъ:
«Старцы, когда я хотѣлъ воевать корабли сопостатовъ,
«Въ градѣ держали меня и троянскій народъ отвлекали
«Но если въ оные дни омрачалъ громовержецъ Кроніонъ
«Нашъ разсудокъ, то нынѣ онъ самъ и зоветъ и ведетъ насъ.»

И, увлеченные успѣхомъ и могущимъ словомъ Гектора, трояне напали на данаевъ еще съ большимъ свирѣпствомъ. Аяксъ отступилъ, засыпанный стрѣлами и копьями, но и отступивши онъ всѣхъ опрокидывалъ, кто кидался съ огнемъ на суда, и безпрестанно ужасно кричалъ, увѣждая данаевъ:

«Други, данаи герои, безсмертные слуги Арея!
«Будьте мужами, о други, и вспомните бранную доблесть!
«Нѣтъ никакого вблизи укрѣпленнаго башнями града.
«Гдѣ защитились бы мы, замѣненные свѣжею силой.
«Мы на троянскихъ поляхъ, передъ войскомъ троянъ твердобронныхъ,
«Къ морю прибиты стоимъ, далеко отъ отчизны любезной!
«Наше спасеніе въ нашихъ рукахъ, а не въ слабости духа!»

Но сколько ни возбуждалъ Аяксъ, пораженный, обезоруженный Гекторомъ, угадавъ по невольному трепету сердца, что всѣ его замыслы въ брани Зевесъ громоносный уничто-

жаетъ, даруя побѣду троянамъ, онъ отступилъ, — и мгновенно разлился, отъ перваго корабля вдоль по другимъ, разрушительный пламень, и донеслась по немъ вѣсть въ городѣ о торжествѣ надъ данаями.

Въ то время, какъ совершался этотъ крутой поворотъ военнаго счастія, корабли Ахиллеса стояли въ отдаленіи отъ прочихъ. Стоя на кормѣ одного изъ нихъ, Ахиллесъ увидѣлъ, какъ престарѣлый Несторъ заботливо велъ съ поля брани раненаго воина: ему показалось, что раненымъ былъ Махаонъ, знаменитый врачъ греческій. Ахиллесъ отправилъ своего друга соратника, Патрокла, узнать о событіяхъ. Патроклъ принесъ ему безотрадныя вѣсти, молилъ дозволить ему принять участіе въ битвѣ, чтобъ не дать вовсе погибнуть рати данаевъ и не подвергнуть опасности корабли Ахиллеса. Упрямый герой сталъ сговорчивѣе на этотъ разъ. Онъ возложилъ на друга свои собственные доспѣхи и отправилъ его съ дружиной мирмидонянъ отбить корабли греческіе и прогнать троянцевъ, требуя, однако, чтобы тотчасъ послѣ побѣды, не увлекаясь преслѣдованіемъ, Патроклъ воротился къ нему.

Патроклъ обѣщалъ и, во главѣ воиновъ, жаждавшихъ боя, устремился на помощь грекамъ. Неожиданность и стремительность нападенія разстроили успѣхъ побѣдителей. Трояне не устояли, не могли даже въ порядкѣ отступить и оправиться, а должны были въ бѣгствѣ искать спасенія отъ напора свѣжихъ силъ. Тутъ слѣдовало Патроклу остановиться, но, упоенный побѣдою, онъ забылъ приказаніе Ахиллеса; преслѣдуя бѣгущихъ и поражая храбрѣйшихъ героевъ (отъ его руки палъ и славный Сарпедонъ), онъ не замѣтилъ, что ужь два раза его ранили, и что дружина далеко отстала отъ него.... И погибъ юноша, жертвой своего боеваго увлеченія, погибъ подъ копьемъ Гектора. Блистательные доспѣхи Ахиллеса украсили побѣдителя, ибо чѣмъ ближе наступалъ конецъ Гектора, тѣмъ болѣе Зевсъ собиралъ на главу его побѣдъ и торжествъ.

Много легло воиновъ надъ трупомъ Патрокла, ибо сильно желали захватить его трояне, но еще сильнѣе отстаивали его данаи и успѣли, наконецъ, унесть его къ кораблямъ. Наступившія сумерки прекратили битву.

Какъ описать страшное негодованіе и гнѣвъ Ахиллеса, когда ему принесли вѣсть, что въ рукахъ Гектора его доблестные доспѣхи, и что имъ же убитъ его вѣрный, безцѣнный Патроклъ?

Быстро въ обѣ онъ руки схвативши нечистаго пепла,
Голову всю имъ осыпалъ, и ликъ осквернилъ свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернѣла подъ пепломъ.
Самъ онъ, великій, пространство покрывши великое, въ прахѣ
Молча простерся, и волосы рвалъ, безобразно терзая.
Жены младыя, которыхъ и онъ и Патроклъ полонили,
Въ грусти глубокой завопили громко, и быстро изъ сѣни
Всѣ къ Ахиллесу великому выбѣжавъ, руки ломали,
Билися въ перси, доколѣ у всѣхъ подломилися ноги.
Подлѣ младой Антилохъ тосковалъ, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенящаго горестно, руку держалъ онъ
Въ страхѣ, да выи желѣзомъ себѣ не пронзитъ, иступленный.

Вопль его, проникши сквозь бездны глубокаго моря, достигъ до сердца Ѳетиды. Она утѣшила сына обѣщаніемъ ему небывалой военной славы, упросила бога Гефеста сдѣлать сыну ея новые, божественные доспѣхи, достойные украшать главу и грудь Аѳины-Паллады. Она же успокоила его и на счетъ тѣла Патрокла, сказавши:

«Сынъ мой! Заботой о томъ не тревожь ты болѣе сердца.
«Я попскусь отгонять отъ него кровожадные сонмы
«Мухъ, которыя тѣло убитыхъ мужей пожираютъ;
«И хотя бы лежалъ онъ въ теченіе круглаго года,
«Тѣло его невредимо и даже прекраснѣе будетъ.
«Ты же, мой сынъ, на собранье созвавши героевъ ахейскихъ,
«Гнѣвъ прекрати на Атреева сына, владыку народовъ;
«Быстро на бой ополчись и могучестью вновь облекися.»

И передъ жаждою мести умолкли въ героѣ всѣ прочія чувства. Быстро пошелъ онъ по берегу, страшнымъ голо-

сомъ возбуждая ахеянъ къ новымъ битвамъ. Всѣ взволновались, увидя давно желаннаго героя. Всѣ поспѣшили въ собраніе; пришли, опираясь на копья, страдая отъ ранъ: Одиссей, Тидидъ Діомедъ и владыка мужей, Агамемнонъ. Ахиллесъ всталъ на собраніи и такъ говорилъ въ немъ:

«Царь Агамемнонъ! полезнѣе было бы, если бы прежде
«Такъ поступили мы оба, когда, въ огорченіи нашемъ,
«Гложущей душу враждой воспылали за плѣнную дѣву
«Долго, я думаю, будутъ данаи раздоръ нашъ погибельный помнить.
«Но совершившееся прежде оставимъ въ прискорбіи нашемъ;
«Гордое сердце въ груди укротимъ, какъ велитъ неизбѣжность.
«Нынѣ я гнѣвъ оставляю рѣшительно; я не намѣренъ
«Сердца крушить враждой безконечною. Царь Агамемнонъ,
«Въ битву подвигни скорѣе мѣдянодоспѣшныхъ данаевъ:
«Дай мнѣ скорѣе идти на троянъ и еще испытать ихъ.»
Такъ говорилъ; и наполнились радостью всѣ аргивяне,
Слыша, что гнѣвъ навсегда оставляетъ Пелидъ благородный.
Началъ тогда говорить повелитель мужей, Агамемнонъ:
«Други, данаи—герои, безстрашные слуги Ареа!
«Съ сыномъ Пелеевымъ я объясняюся; вы же, ахейцы,
«Слушайте всѣ со вниманьемъ и рѣчи мои вразумите.—
«Часто о дѣлѣ мнѣ семъ говорили ахейскіе мужи,
«Часто винили меня; но не я, о ахейцы, виновенъ:
«Зевсъ, Эгіохъ и Судьба, и бродящая въ мракахъ Эриннисъ.
«Боги мой умъ на совѣтѣ наполнили мрачною смутой,
«Въ день злополучный, какъ я у Пелида похитилъ награду.
«Что-жъ бы я сдѣлалъ? Богиня могучая все совершила,
«Дщерь громовержца, Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ.
«Страшная! нѣжны стопы у нея: не касается ими
«Праха земнаго. Она по глазамъ человѣческимъ ходитъ,
«Смертныхъ язвя; а иного и въ сѣти легко уловляетъ.
. . . . . .
«Въ день, какъ великій, шеломомъ сверкающій Гекторъ
«Рати ахейскихъ сыновъ истреблялъ при кормахъ корабельныхъ,
«Самъ не могъ позабыть я обиды, меня ослѣпившей.
«Но какъ уже погрѣшилъ я, и Зевсъ мой разумъ похитилъ;
«Самъ то загладить хочу и воздать многоцѣнною мздою.»

И Агамемнонъ предложилъ снова Ахиллесу драгоцѣнности и дары, которые и прежде были посланы ему черезъ Одиссея. Ахиллесъ отвѣчалъ:

«Славою свѣтлый Атридъ! повелитель мужей Агамемнонъ!
«Хочешь ли мнѣ дары примиренья, какъ должно, доставить,
«Иль удержать ихъ, ты властенъ; теперь же о битвѣ помыслимъ,
«Безъ отлагательствъ: и что въ разсужденіяхъ время намъ тратить?
«Что намъ здѣсь медлить? Еще не свершилось великое дѣло!
«Пусть, кто желаетъ, опять впереди Ахиллеса увидитъ,
«Мѣдною пикой фаланги крушащаго ратей троянскихъ,
«И подобно ему, пусть пылаетъ съ врагами сражаться!»

. . . . . .

Словно, какъ снѣжные клоки летятъ отъ Зевеса густые,
Быстро гонимые хладнымъ, эфиръ проясняющимъ, вѣтромъ!
Такъ отъ ахейскихъ судовъ неисчетные въ поле неслися
Шлемы, игравшіе блескомъ, щиты, воздымавшіе бляхи.
Крѣпко сплоченныя брони и ясеня твердаго копья.
Блескъ восходилъ до небесъ; подъ пышнымъ сіяніемъ мѣди
Окрестъ смѣялась земля, и весь берегъ гремѣлъ подъ стопами
Ратныхъ мужей. Посреди ихъ Пелидъ ополчался великій.
Зубы его скрежетали отъ гнѣва; быстрыя очи
Страшно, какъ пламень, свѣтились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Такъ на троянъ онъ, пышущій,
Бога дарами облекся, Гефесса созданіемъ дивнымъ.
Прежде всего положилъ онъ на быстрыя ноги поножи
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглазной.
Послѣ на мощную грудь надѣвалъ испещренныя латы;
Бросилъ мечъ на плечо, съ рукояткой серебряногвоздной,
Съ лезвеемъ мѣдянымъ; взялъ наконецъ и огромный и крѣпкій
Щитъ: далеко отъ него, какъ отъ мѣсяца, свѣтъ разливался,
Словно, какъ по морю свѣтъ мореходцамъ во мракѣ сіяетъ:
Свѣтъ отъ огня, далеко на вершинѣ горящаго горной,
Въ кущѣ пустынной; а ихъ противъ воли и волны и буря,
Мча по кипящему Понту, несутъ далеко отъ любезныхъ,
Такъ отъ щита Ахиллесова, пышнаго, дивнаго взорамъ,
Свѣтъ разливался по воздуху. Шлемъ многобляшный поднявши,
Крѣпкій надѣлъ на главу; засіялъ, какъ звѣзда надъ главою
Шлемъ коневласный, и грива на немъ волновалась златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Такъ Ахиллесъ, ополчася, испытывать началъ доспѣхи,
Въ пору ли стану, легки и свободны ли членамъ красивымъ:
И какъ крылья они подымали владыку народа.
Взялъ наконецъ изъ ковчега копье онъ отцовское, ясень
Крѣпкій, огромный, тяжелый: его изъ героевъ ахейскихъ
Двигать не могъ ни одинъ; но легко Ахиллесъ потрясалъ имъ.
Коней межъ тѣмъ Автомедонъ и сильный Алкимъ снаряжали;
Въ пышныхъ поперсьяхъ къ ярму припрягли ихъ, и удила въ морды
Втиснули имъ, и бразды натянувъ, къ колесницѣ прекрасной

Ихъ укрѣпили за кузовъ. Тогда, захвативши рукою
Гибкій, блистательный бичъ, въ колесницу вскочилъ Автомедонъ.
Сзади готовый къ сраженію, всталъ Ахиллесъ быстроногій,
Весь подъ доспѣхомъ сіяя, какъ Гиперіонъ лучезарный.
Крикнулъ онъ голосомъ грознымъ на быстрыхъ отеческихъ коней:
«Ксанѳъ мой и Балій, Подарги божественной славныя дѣти!
«Иначе вы постарайтеся вашего вынесть владыку
«Къ ратному сонму данаевъ; когда мы насытимся боемъ,
»Вы, какъ Патрокла, его на побоищѣ мертвымъ не бросьте!»
Рекъ и съ крикомъ впередъ устремилъ онъ коней звуконогихъ.

Троя не видѣла еще подъ стѣнами своими такихъ жаркихъ битвъ, какъ въ этотъ разъ. Энея и Гектора только боги спасли отъ сокрушительнаго меча Ахиллеса.

Словно какъ страшный пожаръ по глубокимъ свирѣпствуетъ дебрямъ,
Окрестъ сухой горы: и пылаетъ лѣсъ безпредѣльный;
Вѣтеръ, бушуя кругомъ, развѣваетъ погибельный пламень;—
Такъ онъ, свирѣпствуя пикой, кругомъ устремлялся, какъ демонъ,
Гналъ, поражалъ; заструилося черною кровію поле.

Трояне бѣжали толпами передъ Ахиллесомъ и наполнили собою потокъ глубокопучиннаго Ксанѳа. Не перечесть всѣхъ, кто погибъ отъ ударовъ Ахиллеса, жаждавшаго упиться кровью убійцъ его друга, Патрокла. Не перечесть всѣхъ, кого понесли съ собою воды потока. Счастливые, быстроногіе успѣли укрыться за стѣны, но Гектора стыдъ удержалъ отъ бѣгства съ другими. Полный томительныхъ мыслей, онъ стоялъ и глядѣлъ, какъ несется къ нему Ахиллесъ великій. Но, когда «будто огонь распылавшійся, будто всходящее солнце» Ахиллесъ засіялъ уже близко, Гектора взялъ страхъ: герой не устоялъ и бѣжалъ отъ Скейскихъ воротъ.

Словно соколъ на горахъ, изъ пернатыхъ быстрѣйшая птица,
Вдругъ съ быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
Въ стороны вьется она, а соколъ по-надъ нею; и часто
Разомъ онъ крикнетъ и кинется, жадный добычу похитить;
Ахиллесъ такъ за Гекторомъ, пламенный, гнался, а трепетный Гекторъ
Вдоль подъ стѣной убѣгалъ и быстро оборачивалъ ноги.

Гекторъ сталъ наконецъ и, выждавъ героя, сказалъ ему:

Битва Ахиллеса съ Гекторомъ,

«Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзая
«Встрѣтить тебя нападавшаго; нынѣ же сердце велитъ мнѣ
«Стать и сразиться съ тобою: убью или буду убитъ я!
«Прежде-жъ, боговъ мы возьмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
«Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій.
«Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда громовержецъ
«Даруетъ мнѣ устоять и оружіемъ духъ твой исторгнуть;
«Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я,
«Тѣло-жъ отдамъ мирмидонцамъ. И ты договоръ сей исполни.»
Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Гекторъ, врагъ ненавистный! не мнѣ предлагай договоры!
«Нѣтъ, и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
«Волки и овцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца;
«Вѣчно враждебны они и зломышленны другъ противъ друга;
«Такъ и межъ насъ не возможна любовь; никакихъ договоровъ
«Быть между нами не можетъ, поколѣ одинъ, распростертый,
«Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
«Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты долженъ
«Быть копьеборцемъ отличнымъ и воиномъ неустрашимымъ.
«Бѣгства тебѣ уже нѣтъ; подъ моимъ копьемъ Тритогена
«Скоро тебя укротитъ; и заплатишь ты разомъ за горе
«Друговъ моихъ, которыхъ избилъ ты, свирѣпствуя мѣдью!»

И вскипѣлъ бой жаркій, послѣдній для Гектора. Еще мужественнѣй, чѣмъ когда-либо, сражался Гекторъ, но судьба произнесла свое рѣшеніе, и герой палъ жертвой самоотверженія за благо роднаго города. Ахиллесъ совлекъ съ него доспѣхи, самое же тѣло, привязавъ къ побѣдной колесницѣ, повлекъ въ станъ ахейскій, замысливъ отдать его на позоръ и растерзаніе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ.

Старецъ Пріамъ, оплакавъ кончину сына, позабылъ свои лѣта и ночью, презирая тысячи опасностей, съ богатыми дарами отправился тайно въ станъ непріятельскій молить Ахиллеса выдать ему тѣло милаго Гектора.

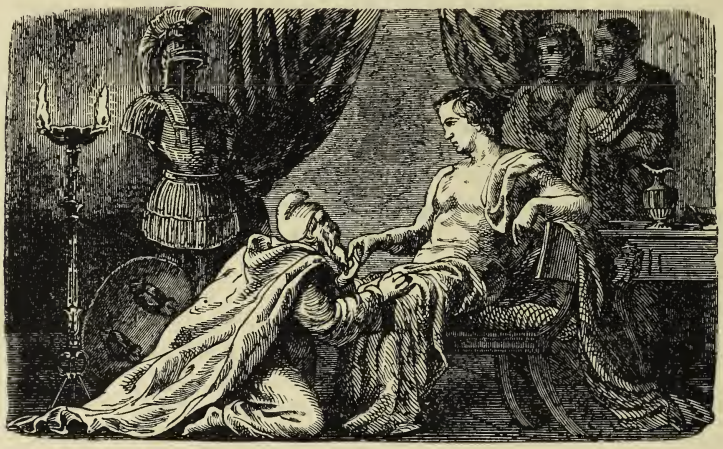
Уже совершивъ торжественный погребальный обрядъ надъ Патрокломъ, Ахиллесъ отпраздновалъ въ честь его игры и насыпалъ надъ прахомъ его высокій холмъ; но еще не утолилась скорбь героя: онъ, безъ сна и покоя, сидѣлъ въ своей ставкѣ, полный думъ о другѣ своемъ.

Вдругъ, никѣмъ не примѣченный, входитъ къ Пелиду старецъ Пріамъ и, припавши къ ногамъ его, цѣлуетъ ему руки и такъ умоляетъ героя:

«Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
«Старца такого-жъ, какъ я, на порогѣ старости скорбной!
«Можетъ быть, въ самый сей мигъ, и его, окруживши, сосѣди
«Ратью тѣснятъ и некому старца отъ горя избавить.
«Но по крайней мѣрѣ, что живъ ты и зная и слыша,
«Сердце тобой веселитъ и вседневною льстится надеждой
«Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ-подъ Трои.
«Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ брановоносныхъ,
«Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
«Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна;
«Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и гражданъ;
«Ты умертвилъ и его, за отчизну стражавшагось храбро:
«Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ мирмидонскимъ;
«Выкупить тѣло его приношу драгоцѣнный я выкупъ.
«Храбрый! Почти ты боговъ! Надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
«Вспомнивъ Пелея родителя! Я еще болѣе жалокъ,
«Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
«*Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!*»
Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взялъ, отъ себя отклонилъ его тихо.
Оба они, вспоминая: Пріамъ — знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакалъ, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но когда насладился Пелидъ благородный слезами,
И желаніе плакать отъ сердца его отступило,
Быстро возсталъ онъ и за руку старца простертаго поднялъ,
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой;
Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:
«Ахъ, злополучный! много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
«Но успокойся, возсядь, Дарданіонъ; и какъ мы ни грустны,
«Скроемъ въ сердца и заставимъ безмолвствовать горести наши.
«Сердцу крушительный плачъ ни къ чему человѣку не служитъ:
«Боги судили всесильные намъ человѣкамъ несчастнымъ
«Жить на землѣ въ огорченіяхъ: боги одни безпечальны.
«Будь терпѣливъ и печалью себя не круши безпрерывной:
«Ты ничего не успѣешь, о сынѣ печалясь; плачемъ
«Мертваго ты не поднимешь, но горе свое лишь умножишь.»

Вышедши изъ палатки, Ахиллесъ приказалъ — и покорныя рабыни омыли тѣло Гектора, умастили мастью души-

стой, одѣли въ новый хитонъ и покрыли прекрасною ризой. Самъ Ахиллесъ поднялъ его на одръ, а друзья потомъ положили убранный трупъ на возъ Пріамида. Ахиллесъ же воскликнулъ:



Пріамъ, умоляющій Ахиллеса отдать ему тѣло Гектора.

«Храбрый Патроклъ! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
«Въ мрачномъ Аидѣ, что я знаменитаго Гектора тѣло
«Выдалъ отцу: не презрѣнными онъ заплатилъ мнѣ дарами,
«Въ жертву тебѣ и отъ нихъ принесу я достойную долю.»
Такъ произнесъ и подъ сѣнь возвратился Пелидъ благородный,
Сѣлъ на изящно украшенныхъ креслахъ, оставленныхъ прежде,
Противъ Пріама стоявшихъ, и слово къ нему обратилъ онъ:
«Сынъ твой тебѣ возвращенъ, какъ желалъ ты, божественный старецъ;
«Убранъ лежитъ на одрѣ. Съ восходомъ зари возвращаясь,
«Самъ ты увидишь его; но теперь мы о пищѣ воспомнимъ.
«Пищи забыть не могла и несчастная матерь, Ніоба,
«Матерь, которая разомъ двѣнадцать дѣтей потеряла;
«Милыхъ шесть дочерей и шесть сыновей расцвѣтавшихъ.
«Время тебѣ остается оплакать любезнаго сына,
«Въ Трою привезши; тамъ для тебя многослезенъ онъ будетъ.»
Рекъ и стремительно вставъ, Ахиллесъ бѣлорунную овцу
Самъ закалаетъ; друзья, обнаживъ и опрятавъ, какъ должно,
Въ мелкія частя искусно дробятъ, прободаютъ рожнами,
Ловко пекутъ на огнѣ, и готовыя части снимаютъ.
Хлѣбъ между тѣмъ тутъ принесши, поставилъ на столъ Автомедонъ,
Въ пышныхъ корзинахъ, но брашна дѣлилъ Ахиллесъ благородный;

Оба къ предложеннымъ яствамъ питательнымъ руки простерли.
И когда питіемъ и пищей насытили сердце,
Долго Пріамъ Дарданидъ удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству; бога, казалось, онъ видитъ.
Царь Ахиллесъ удивлялся равно Дарданиду Пріаму,
Смотря на образъ почтенный и слушая старцевы рѣчи.
Оба они наслаждались, одинъ на другаго взирая;
Но наконецъ возгласилъ къ Ахиллесу божественный старецъ:
«Дай мнѣ теперь опочить, Зевесовъ любимецъ! позволь мнѣ
«Сномъ животворнымъ хоть нѣсколько въ домѣ твоемъ насладиться,
«Ибо еще ни на мигъ у меня не смыкалися очи,
«Съ дня, какъ несчастный мой сынъ подъ твоими руками погибнулъ.
«Нынѣ лишь пищи вкусилъ и вина пурпуроваго нынѣ
«Принялъ въ гортань; но до этой поры ничего не вкушалъ я.»

Ахиллесъ приказалъ приготовить старцу мягкую постель и бросить на нее ковровъ дорогихъ и шерстяныхъ плащей, затѣмъ спросилъ его, сколько дней намѣренъ онъ хоронить своего сына? Царь отвѣчалъ, что ему желалось бы девять дней оплакивать Гектора въ домѣ, на десятый предать его гробу и устроить пиръ похоронный, въ одиннадцатый мертвому въ память насыпать могилу, а въ двѣнадцатый снова на брань ополчиться, если ужъ такъ повелитъ неизбѣжность.

Старцу отвѣтствовалъ вновь быстроногій Пелидъ благородный:
«Будетъ и то свершено, какъ желаешь ты, старецъ почтенный.
«Брань прекращаю настолько я времени, сколько ты просишь.»
Такъ произнесъ Ахиллесъ и Пріамову правую руку
Ласково сжалъ, чтобы сердце его совершенно спокоить.
Въ ризѣ златистой Зара простиралась надъ всею землею;
Древній Пріамъ и стенящій и плачущій гналъ къ Иліону
Коней; а мужи везли мертвеца. И никто въ Иліонѣ
Ихъ не узналъ отъ мужей и отъ женъ благородныхъ троянскихъ,
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродитѣ подобной.
Рано на замокъ взошедъ, издали въ колесницѣ узнала
Образъ отца своего и глашатая громкаго Трои;
Тѣло узрѣла на мескахъ, на смертномъ простертое ложѣ.
Подняла горестный плачъ и вопила по цѣлому граду:
«Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора нынѣ
«Вы, что живаго, изъ битвъ приходящаго, прежде встрѣчали
«Съ радостью: радостью свѣтлой и граду онъ былъ, и народу!»
Такъ вопіяла; и вдругъ ни жены не осталось, ни мужа
Въ Троѣ великой; грусть несказанная всѣхъ поразила,

Всѣ предъ вратами столпилися въ встрѣчу возомаго тѣла,
Всѣхъ впереди молодая супруга и нѣжная матерь
Плакала, рвала власы и, на трупъ изступленная бросясь,
Съ воплемъ главу обнимала; столпившіесь плакали стоя.
Къ славному дому привезши, на пышно устроенномъ ложѣ
Тѣло они положили; пѣвцовъ, начинателей плача,
Подлѣ него помѣстили, которые голосомъ мрачнымъ
Пѣсни плачевныя пѣли, а жены имъ вторили стономъ.
Первая подняла плачъ Андромаха, младая супруга
Гектора, мужеубійцы руками главу обнимая:
«Рано ты гибнешь, супругъ мой цвѣтущій! рано вдовою
«Въ домѣ меня покидаешь! А сынъ, безсловесный младенецъ,
«Сынъ, которому жизнь, злополучные, мы даровали!
«Онъ не достигнетъ юности! Прежде во прахъ съ основаній
«Троя разсыплется: палъ ты, хранитель ея неусыпный,
«Ты, боронитель и града, защитникъ и женъ и младенцевъ!
«Плачъ, несказанную горесть нанесъ ты родителямъ бѣднымъ,
«Гекторъ! Но мнѣ ты оставилъ стократъ жесточайшія скорби!
«Съ смертнаго ложа, увы! не простеръ ты руки мнѣ любезной;
«Слова не молвилъ завѣтнаго, слова, которое-бъ вѣчно
«Я помнила ночи и дни, обливаясь слезами!»

За Андромахой подняла плачъ мать Гекуба и наконецъ третья, Елена Аргивская, громко рыдала по Гекторѣ, ибо не только не слыхала отъ него злаго, обиднаго слова, но если другой кто изъ домашнихъ укорялъ ее, Гекторъ всегда вразумлялъ ихъ совѣтомъ и каждаго дѣлалъ добрѣе кроткой своею душой и своею кроткою рѣчью.

Весь народъ оплакивалъ въ Гекторѣ защитника, друга или утѣшителя.

Но время было приняться за совершеніе печальнаго обряда. Девять дней возили въ Трою лѣсъ для костра, въ десятый Гектора вынесли съ горестнымъ плачемъ, взнесли на костеръ и «бросили въ пламень.»

Рано, едва розоперстая вѣстница утра явилась,
Къ срубу великаго Гектора началъ народъ собираться,
И лишь собралися всѣ—неисчетное множество было,—
Срубъ угасили, багрянымъ виномъ оросивши пространство
Все, гдѣ огонь разливался пылающій; послѣ на пеплѣ
Бѣлыя кости героя собрали братья и други,
Горько рыдая, обильныя слезы струя по ланитамъ;

Прахъ драгоцѣнный собравши, въ ковчегъ золотой положили.
Тонкимъ обвивши покровомъ, блистающимъ пурпуромъ свѣжимъ.
Такъ опустили въ могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
Послѣ курганъ насыпали; а около стражи сидѣли,
Смотря, дабы не ударила рать мѣднолатныхъ данаевъ.
Скоро насыпавъ могилу, они разошлись; напослѣдокъ
Всѣ собралися вновь и блистательный пиръ пировали
Въ домѣ великомъ Пріама, любезнаго Зевсу владыки.
Такъ погребли конеборнаго Гектора тѣло.

Похоронами Гектора заключается Иліада Гомера. Повѣствованіе о дальнѣйшей судьбѣ Троянской войны продолжали другіе, позднѣйшіе писатели. Изъ нихъ узнаемъ слѣдующее.

Ахиллесъ палъ подъ стѣнами Трои отъ руки Аполлона, пустившаго стрѣлу рукою Париса. Филоктетъ, остававшійся до тѣхъ поръ на уединенномъ островѣ, прибылъ подъ Трою съ стрѣлами Геракла, поразившими здѣсь многихъ изъ защитниковъ Трои, въ томъ числѣ и Париса, но городскія стѣны все еще не поддавались усиліямъ героевъ. Не могъ одолѣть ихъ и сынъ Ахиллесовъ, Неоптолемъ, призванный греками.

Наконецъ Одиссей придумалъ хитрость. Онъ велѣлъ построить огромнаго деревяннаго коня и засѣлъ въ него самъ съ горстью храбрѣйшихъ товарищей. Рати греческія, казалось, покинули долгое, безуспѣшное дѣло. Изъ Трои видѣли, какъ всѣ корабли ихъ отплыли по направленію къ Греціи. Но это только казалось: корабли зашли за островъ Тенедосъ и тамъ притаились, выжидая благопріятной минуты. Трояне между тѣмъ высыпали изъ города. На полѣ встрѣтили они избитаго грека, съ связанными руками, и отъ него узнали, что чудовищный конь построенъ его соотечественниками для умилостивленія разгнѣванныхъ боговъ, что сами они, потерявъ надежду взять городъ, бѣжали домой, а что отъ троянъ зависитъ обезпечить своему городу вѣчную безопасность и благополучіе,—стоитъ только ввезти приготовленный греками даръ къ себѣ въ городъ и посвятить его богамъ. Мнѣ-

нія народа были несогласны. Многіе говорили противъ коня, но еще больше за него.

Тогда жрецъ Посейдоновъ Лаокоонъ воскликнулъ, обращаясь къ народу: „Злополучные люди! какъ вы можете быть до того слѣпы, чтобъ не видѣть въ этомъ созданіи враговъ вашихъ чего либо таинственно-грознаго для вашей безопасности! О, если-бъ я могъ ихъ всѣхъ поразить такъ, какъ этого чудовищнаго коня!“ И съ этими словами Лаоконъ, мощнымъ ударомъ копья, пробилъ чрево чудовищу. И слышенъ былъ шорохъ оружія сидѣвшихъ въ немъ воиновъ и близки были трояне къ тому, чтобы узнать истину, но—въ это время появились отъ Тенедоса два ужасные змѣя. Они двигались прямо къ тому мѣсту, гдѣ собрался народъ, и пришедши, обвились вокругъ сыновей Лаокоона, потомъ и вокругъ ихъ отца, когда послѣдній бросился на помощь дѣтямъ, и всѣхъ ихъ задушили.

Народъ въ трепетѣ бѣжалъ отъ нихъ. Всѣ были увѣрены, что боги послали жестокую казнь за оскорбленіе коня, котораго они соизволили принять подъ свое благоволеніе. Въ религіозномъ восторгѣ, трояне повлекли чудовище въ городъ и для входа его проломили даже часть городской стѣны. Ночью весь городъ почивалъ въ сладкомъ покоѣ послѣ столькихъ испытанныхъ бѣдъ и тревогъ, а тотъ грекъ-перемётчикъ, которому уже удалось начало, подалъ знакъ флоту и вслѣдъ за тѣмъ отворили двери коня. Разомъ ринулись въ городъ воинства греческія и, подъ предводительствомъ сидѣвшихъ въ конѣ, огненнымъ потокомъ разлились по городу. Все предано мечу и пламени. Захваченные врасплохъ жители города не могли представить ни малѣйшаго сопротивленія, и всѣ погибли. Спаслись только Антеноръ, Эленъ и Эней. Преданіе говоритъ, что послѣдній, съ толпою приверженцевъ, прибылъ впослѣдствіи въ Лаціумъ (въ Италіи) и даже построилъ тамъ городъ, выходцы изъ котораго основали Римъ, ставшій современемъ владыкою и Эллады, и всего извѣстнаго тогда міра.

Многіе изъ героевъ греческихъ погибли на обратномъ пути въ отечество, кто въ морѣ, кто на негостепріимныхъ берегахъ; нѣкоторые же, какъ напримѣръ Агамемнонъ, въ родномъ своемъ домѣ. Были и такіе изъ нихъ, которымъ удалось достигнуть отечества только послѣ долгихъ странствованій по сушѣ и по морямъ, какъ напримѣръ Менелаю, а въ особенности Одиссею. О странствованіяхъ послѣдняго теперь намъ и предстоитъ разсказать.

Одиссей и Полифемъ.

V. Странствованія Одиссея.

«Муза! скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньѣ заботясь
Жизни своей и возратѣ въ отчизну сопутниковъ.»

(Одиссея. Пѣсня I.)

Этими словами начинается повѣствованіе о странствованіяхъ Одиссея (или Улисса), приписываемое также Гомеру, хотя это повѣствованіе во многомъ запечатлѣно инымъ духомъ изложенія. Впрочемъ, если даже и «Одиссея», такъ же, какъ «Иліада», принадлежала, по частямъ, многимъ отдѣльнымъ поэтамъ и пѣвцамъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что части эти искуснымъ мастеромъ слиты воедино и сосредоточены вокругъ общей, основной мысли изложенія. Предоставляемъ болѣе глубокія изслѣдованія объ этомъ предметѣ людямъ знающимъ, а сами переходимъ къ разсказу.

По разореніи Трои, Одиссей, вмѣстѣ съ товарищами, уцѣлѣвшими отъ ужасовъ войны, направилъ свои корабли на родину. Многихъ изъ спутниковъ его похитили бури или умертвили жители негостепріимныхъ береговъ, которые приходилось посѣщать на пути, но много и на корабли захвачено Одиссеемъ добычи тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятствовали ему. Въ землѣ лотофаговъ жители приняли мореходцевъ радушно и дали отвѣдать имъ *лотоса*. То было такое чудное растеніе, что отвѣдавшіе плодовъ его позабыли о родинѣ и о цѣли своего путешествія. Одиссей силой долженъ былъ заставить ихъ продолжать путь.

Въ землѣ циклоповъ путники пристали къ плодоноснымъ берегамъ острова и расположились такъ, чтобы вдоволь наловить жирныхъ козъ, которыя стадами паслись по зеленымъ лугамъ. Удача превзошла ожиданія охотниковъ: всѣ 12 кораблей получили запасъ на долгое время. Отдохнувъ, Одиссей созвалъ товарищей на совѣтъ и сказалъ имъ:

«Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;
«Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,
«Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ,
«Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій правды,
«Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?»

Островъ оказался дикимъ и пустыннымъ. Не волновались на солнцѣ золотистыя нивы, не колебались въ воздухѣ пурпурные грозды виноградной лозы; нигдѣ путники не открыли человѣческаго слѣда; однако-жь, послѣ долгихъ блужданій по острову, они замѣтили

Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ утесѣ, пещеру,
Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирался
Мелкій во множествѣ скотъ; тамъ, высокой стѣной изъ огромныхъ,
Густо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ и стояли
Частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны.
Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ той жилъ; одиноко
Пасъ онъ барановъ и козъ и ни съ кѣмъ изъ другихъ не водился,
Былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, никакого не вѣдалъ закона;
Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ

Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, а казался лѣсистой,
Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.»

Какова была наружность хозяина этой пещеры, циклопа Полифема, владѣтеля несчетныхъ стадъ козъ и барановъ, таковъ былъ и его нравъ. Одиссей не послушалъ совѣта товарищей, убѣждавшихъ его воспользоваться отсутствіемъ циклопа изъ пещеры, набрать вволю сыровъ, козлятъ и барановъ и съ запасомъ воротиться на корабль: герою хотѣлось дождаться хозяина и получить отъ него подарокъ, какой въ тѣ времена было въ обычаѣ давать зашедшему гостю. Но не на радость было отважнымъ путникамъ свиданіе съ циклопомъ. Одно появленіе его у входа пещеры, съ огромной вязанкою дровъ, одинъ его голосъ громовый и чудовищный образъ наполнили трепетомъ сердца героевъ. Но прежде другихъ ободрился самъ Одиссей и на свирѣпые вопросы: «Кто вы? Откуда? Зачѣмъ?» такъ отвѣчалъ Полифему:

«Всѣ мы ахейцы; плывемъ отъ далекія Трои: сюда же
«Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.
«Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ прямаго пути мы
«Сбились; такъ было, конечно, угодно могучему Зевсу.
«Служимъ мы въ войскѣ Атрида, царя Агамемнона; онъ же
«Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ несказанною славой,
«Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.
«Нынѣ, къ колѣнямъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ
«Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять и подарокъ
«Дать намъ, какимъ завсегда на прощанье гостей надѣляютъ.
«Ты же убойся боговъ: мы пришельцы, мы ищемъ покрова;
«Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный Кроніонъ,
«Богъ-гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ.»

Циклопъ же отвѣчалъ ему съ невообразимой грубостью:

«Видно, что ты издалека иль вовсе безуменъ, пришелецъ,
«Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
«Намъ, циклопамъ, нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
«Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
«Страхъ—громовержца-Зевеса разгнѣвать, меня не понудитъ
«Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.»

И въ подтвержденіе сказаннаго, онъ прянулъ, какъ бѣшеный звѣрь, и, вытянувъ огромныя руки, подхватилъ двоихъ изъ гостей, какъ щенятъ, разбилъ ихъ на части, съѣлъ ихъ до косточки, запилъ молокомъ и растянулся, между козловъ и барановъ, на голой землѣ. Одиссей хотѣлъ было воспользоваться удобной минутой и мечемъ поразить свирѣпаго циклопа; но, вспомнивъ объ ужасной скалѣ, которою циклопъ за собой завалилъ входъ въ пещеру, онъ перемѣнилъ это намѣреніе на другое. Насталъ день, полный для путниковъ трепетныхъ ожиданій: всякій изъ нихъ долженъ былъ ожидать очереди попасть на обѣдъ или на ужинъ циклопу. И дѣйствительно, еще двоихъ проглотивши, Полифемъ удалился съ стадами на пастбища, заваливши по-прежнему входъ въ пещеру огромнымъ камнемъ, котораго, по словамъ Одиссея, «и двадцать два воза четырколесныхъ съ мѣста-бъ не сдвинули». Тутъ, вдохновенный, конечно, Палладой, Одиссей возбудилъ товарищей къ дѣлу: отыскали кусокъ дубины циклоповой, обрѣзали ее, конецъ заострили, обожгли его на угольяхъ и спрятали въ кучу навоза. Циклопъ поужиналъ. Тогда, призвавши еще разъ въ помощь богиню, Одиссей, съ полной чашей дорогаго вина, подходитъ къ исполину и говоритъ ему:

«Выпей, циклопъ, золотаго вина, человѣчьимъ насытясь
«Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ
«Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
«Милость въ тебѣ обрѣсти; но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
«Кто же впередъ, безпощадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
«Многихъ людей, о твоихъ беззаконныхъ поступкахъ услышавъ?»

Осушивши чашу, циклопъ попросилъ другую и третью, похваливая и спрашивая объ имени Одиссея, чтобъ приготовить ему приличный за угощеніе подарокъ.

И радостно налилъ Одиссей и подалъ безумцу другую и третью чашу. Тутъ зашумѣло огневое вино въ головѣ людоѣда, а Одиссей, обращаясь къ циклопу съ обольстительно сладкою рѣчью, сказалъ ему:

«Славное имя мое ты, циклопъ, любопытствуешь свѣдать,
«Съ тѣмъ, чтобъ меня угостить и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?
«Я называюсь *Никто*; мнѣ такое называніе дали
«Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ.»
Съ злобной насмѣшкой ему отвѣчалъ людоѣдъ звѣронравный:
«Знай же, Никто мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
«Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ.»
Тутъ повалился онъ навзничь, совсѣмъ опьянѣлый, и на бокъ
Свисла могучая шея, и всепобѣждающей силою сонъ овладѣлъ имъ.

Тогда, не теряя ни минуты, достали товарищи колъ, разожгли конецъ его на огнѣ и, призвавши богиню, втиснули спящему въ глазъ.

И, обхвативши колъ съ двухъ боковъ, проворно стали вертѣть его въ пронзенномъ глазу, «какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель, толстую доску пронзая; другіе-жъ ему помогаютъ, ремнями острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.» Дико завылъ людоѣдъ; потряслась вся пещера, а недавніе храбрецы забились въ самый далекій уголъ. Циклопъ, съ неописанной свирѣпостью вырвавъ колъ изъ пронзеннаго глаза, въ изступленіи кричалъ, призывая на помощь циклоповъ, населявшихъ окрестныя пещеры и ласкаемыя вѣтромъ вершины горъ.

Громкіе вопли услышавъ, отвсюду сбѣжались циклопы;
Входъ обступили пещеры они и спросили: «Зачѣмъ ты
«Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? на что ты
«Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
«Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
«Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губитъ?»
Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
Ревомъ: «*Никто*! По своей я оплошности гибну; *Никто* бы
«Силой не могъ повредить мнѣ.» Въ сердцахъ закричали циклопы:
«Если *никто*, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
«Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
«Въ помощь отца своего призови, Посидона владыку.

И съ этимъ совѣтомъ циклопы удалились; у Одиссея же «сердце смѣялось», что вымысломъ имени ему удалось спасти и себя, и товарищей. Не безъ трепета выбрались отважные герои изъ пещеры, прицѣпившись къ баранамъ подъ

брюхо. Циклопъ, пропуская барановъ изъ пещеры, не догадался ощупывать ихъ кругомъ, а искалъ только, нѣтъ ли кого на спинѣ. Узнавъ о послѣдней, рѣшительной неудачѣ Полифемъ разсвирѣпѣлъ еще больше и на голосъ благополучно отплывшихъ отъ берега сталъ швырять такими обломками скалъ, что всколыхалось все море; а одинъ изъ обломковъ упалъ такъ близко, что чуть не расплюснулъ корабельной кормы. Счастливцы отъѣхали, а Одиссей закричалъ на прощанье:

Одиссей у Цирцеи.

«Слушай, циклопъ безпощадный! впередъ беззащитныхъ гостей ты
«Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь: святотатнымъ
«Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель.
«Если-жъ когда у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
«Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣтствуй:
«Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
«Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой.»

Покинувъ негостепріимныя мѣста, Одиссей приплылъ на островъ Эолію, гдѣ обиталъ благородный Эолъ, властитель вѣтровъ, богами любимый. Въ семействѣ его заслушались разсказовъ Одиссея о славныхъ подвигахъ героевъ подъ Троей и цѣлый мѣсяцъ радушно угощали путниковъ, а разставаясь Эолъ далъ Одиссею на дорогу мѣхъ съ завязанными въ немъ «буреносными вѣтрами», чтобъ ни одинъ изъ нихъ не могъ мѣшать на пути дорогимъ странникамъ. Зефиру же отдано повелѣніе провожать ихъ попутнымъ дыханіемъ. Этой необыкновенной лаской и вниманіемъ Одиссей не воспользовался, какъ слѣдуетъ. Уставши править кораблемъ, онъ прилегъ отдохнуть, а товарищи изъ зависти къ своему предводителю развязали мѣхъ, думая найти въ немъ кучу сокровищъ. Вѣтры вырвались, и буря снова умчала странниковъ далеко отъ отчизны, въ открытое море.

Въ землѣ лестригоновъ также не посчастливилось путникамъ. Исполинскіе обитатели островов поѣли почти всѣхъ товарищей Одиссея и съ горы камнями раздробили одиннадцать кораблей его.

Только самъ Одиссей, съ бывшими у него на кораблѣ, успѣлъ отрубить канатъ и вырваться въ открытое море.

Долго носился корабль по волѣ вѣтровъ, наконецъ, прибылъ къ острову Эи, гдѣ жила «сладкорѣчивая, свѣтлокудрявая дѣва Цирцея, богиня». И здѣсь судьба сначала не благопріятствовала прибывшимъ. Надежнѣйшихъ изъ товарищей Одиссей отправилъ на островъ, а самъ съ остальными ждалъ вѣсти. Но каковъ былъ ужасъ его, когда одинъ только изъ посланныхъ воротился и объявилъ, что другіе волшебной владѣтельницей острова обращены въ свиней и, хотя не лишены разсудка, однакожь, по приказанію богини, сидятъ теперь въ хлѣвѣ вмѣстѣ съ другими свиньями. Не медля вооружается Одиссей и, несмотря на мольбы товарищей, идетъ спасти своихъ несчастныхъ посланныхъ. Уже онъ былъ недалеко отъ дворца волшебницы, когда крылатый вѣстникъ

боговъ, Гермесъ, явился передъ нимъ и, ласково руку подавши, сказалъ:

«Стой, злополучный, куда по горамъ ты бредешь одиноко,
«Здѣшняго края не вѣдая? Люди твои у Цирцеи.
«Всѣхъ обратила въ свиней чародѣйка и въ хлѣвъ заперла свой.
«Ихъ ты избавить спѣшишь; но я самъ опасаюсь, оттуда
«Цѣлъ не уйдешь: и съ тобою случится, что съ ними случилось.
«Слушай, однако. Дамъ зелья тебѣ. Ты въ жилище Цирцеи
«Смѣло поди съ нимъ: оно охранитъ отъ ужаснаго часа.»

И вооруженный этимъ зельемъ, Одиссей безъ трепета вступилъ въ чертоги Цирцеи. Скоро увидѣлъ онъ, какую удивительную силу имѣли совѣты Гермеса надъ чарами богини. Когда, угощая Одиссея, волшебница прикоснулась къ нему своимъ жезломъ, то, вмѣсто того, чтобъ по этому движенію богини испытать судьбу своихъ товарищей, запертыхъ въ хлѣвѣ, Одиссей съ обнаженнымъ мечомъ кинулся на волшебницу. Въ мигъ поняла она, что видитъ передъ собой Одиссея, о которомъ Гермесъ уже давно возвѣстилъ ей. Повинуясь рѣшенію боговъ, Цирцея обласкала героя, и съ той поры для него и товарищей его настали мѣсяцы сладостной жизни, вознаградившіе ихъ за долгія тревоги и бѣдствія. Миновалъ цѣлый годъ наслажденій и радостей, и только лишь въ концѣ его снова заговорила въ герояхъ любовь къ родинѣ. Выбравъ удобную минуту, Одиссей преклонилъ вниманіе богини къ своей просьбѣ и сказалъ ей:

«О Цирцея! Исполни свое обѣщанье—въ отчизну
«Насъ возвратить; сокрушается сердце по ней, въ сокрушеньѣ
«Спутники всѣ приступаютъ ко мнѣ и мою раздираютъ
«Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобнымъ плачемъ.»

Богиня не безъ сожалѣнія отпустила отъ себя знаменитаго мужа. Повелѣвши ему заѣхать сначала въ Аидъ, разспросить о будущей судьбѣ своей души Тирезія Ѳивскаго, и давши ему по этому предмету полное наставленіе, Цирцея прибыла на берегъ, гдѣ товарищи весело суетились возлѣ кораблей, привела къ нимъ чернорунную овцу, такого-жъ барана и

потомъ прошла невидимая... ибо, говоритъ поэтъ: «смертнымъ увидѣть не можно бога, когда, приходя къ нимъ, онъ хочетъ остаться невидимъ».

Благодаря попутнымъ вѣтрамъ, посланнымъ «привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявою нимфой», корабль скоро прибылъ къ глубокимъ водамъ океана.

Гдѣ кимеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ, никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліоса, землю-ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба-ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.

Въ этомъ печальномъ преддверіи жилища усопшихъ путники остались съ кораблемъ; Одиссей же спустился въ самый Аидъ. Кругомъ его вѣяли рои безжизненныхъ тѣней знакомыхъ героевъ, товарищей и благородныхъ женъ. Онѣ не узнавали пришельца, какъ и вообще утратили всякое сознаніе былаго. Только, отвѣдавши крови животныхъ, принесенныхъ Одиссеемъ въ жертву, тѣни получили сознаніе и могли отвѣчать на вопросы Одиссея.

Отъ Тирезія получилъ Одиссей объясненіе о дальнѣйшей судьбѣ его странствованія и о томъ, какъ онъ, наконецъ, возвратится домой, но найдетъ тамъ источникъ новыхъ страданій, ибо увидитъ алчныхъ жениховъ своей супруги, поглощающихъ вмѣстѣ и спокойствіе семейства, и имущество благороднаго героя.

Тѣнь матери Одиссея, явившейся ему послѣ Тирезія, разсказала ему обо всемъ, что случилось важнаго въ семействѣ его съ тѣхъ поръ, какъ герой покинулъ свою Итаку ради Трои. Тутъ же мать сказала ему, что и сама она умерла, не вынесши глубокой скорби объ Одиссеѣ, о его миролюбномъ нравѣ и разумѣ свѣтломъ. При этомъ

«Увлеченный (*говоритъ Одиссей*)
«Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
«Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,

«Три раза между руками моими она проскользнула
«Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье.
«И я наконецъ, сокрушенный, бросилъ крылатое слово:
«Милая мать! для чего, изъ объятій моихъ убѣгая,
«Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Аида прижаться къ родному
«Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
«Иль Персефона могучая, вмѣсто тебя, мнѣ прислала
«Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?»
«Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
«Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми! Персифона,
«Дочь громовержца, тебя приводить въ заблужденье не мыслитъ.
«Но такова ужь судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ жизнью.
«Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
«Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь погребальный
«Все; лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ,
«Вовсе тогда улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.»

Изъ тѣней являвшихся женъ и героевъ, разсказывавшихъ Одиссею о особытіяхъ земной своей жизни или объ обстоятельствахъ своей смерти, ни одна такъ не поразила героя, какъ тѣнь Ахиллеса. Когда Одиссей удивлялся величію въ самомъ Аидѣ являвшагося царемъ надъ усопшими, то тѣнь послѣдняго съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала ему:

«О Одиссей! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
«Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденьщикъ, работая въ полѣ,
«Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
«Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый.»

Исполнивши все по желанію, Одиссей съ кораблемъ снова пріѣхалъ во владѣнія Цирцеи. Волшебница такими словами привѣтствовала знаменитыхъ путниковъ:

«Люди желѣзные, заживо зрѣвшіе область Аида,
«Дважды узнавшіе смерть, всѣмъ доступную только однажды!
«Бросьте печаль и безпечно ѣдой и питьемъ утѣшайтесь
«Нынѣ, во все продолженіе дня; съ наступленіемъ жъ утра
«Далѣе вы поплывете; я путь укажу и благое
«Дамъ наставленье, чтобъ снова какая, безуміемъ вашимъ,
«Васъ не постигла напасть ни на сушѣ, ни на морѣ темномъ.«

Счастливо отплыли странники съ острова Эи, провожаемые благопріятными вѣтрами; но впереди былъ еще цѣлый рядъ новыхъ испытаній.

Когда приблизились къ островамъ сиренъ, Одиссей залѣпилъ воскомъ уши своимъ товарищамъ, себя-жъ велѣлъ привязать къ мачтѣ корабельной. Орфея не было съ ними, некому было осилить игрою и пѣснью опасное пѣніе сиренъ, и потому

Одиссей въ пучинѣ Харибды.

такая осторожность была необходима. Одиссей велѣлъ даже, въ случаѣ если бы, прельщенный пѣніемъ, онъ сталъ рваться къ острову, то стянуть еще крѣпче веревки, привязывавшія его. И не напрасно: лишь только раздался плѣнительный голосъ сиренъ:

«Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,
«Къ намъ съ кораблемъ подойди, сладкопѣньемъ сиренъ насладися;
«Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
«Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
«Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
«Знаемъ мы все, что случилось въ троянской землѣ, и какая
«Участь, по волѣ безсмертныхъ, постигла троянъ и ахеянъ.
«Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится—»

увлекаемый сердцемъ ихъ слушать, Одиссей подалъ уже знакъ, чтобъ не медля его отвязали, но товарищи вдвое крѣпче стянули его.

Миновавши сиренъ, путники въѣхали въ узкій проливъ, гдѣ предстояли имъ новыя опасности: Сцилла и Харибда. Напрягши всѣ силы, гребцы налегли на весла и съ замираніемъ сердца неслись мимо Сциллы; Одиссей же, забывъ предостереженіе Цирцеи, набросилъ славныя латы, и, захвативши два мѣдно-острыя копья, сталъ на носу корабельномъ, ожидая чудовища. Онъ напрасно утомилъ зрѣніе, ища его въ глубокомъ ущельѣ утеса, а между тѣмъ съ другой стороны корабля шестеро изъ надежныхъ товарищей достались на жертву чудовищу.

Уже вечерѣло, когда, миновавъ Сциллу и Харибду, присталъ Одиссей къ острову Тринакріи, гдѣ паслись стада свѣтлаго Геліоса. Никто безнаказанно не могъ тронуть этихъ священныхъ стадъ. Одиссей строго-на-строго запретилъ товарищамъ посягать на нихъ, но имъ надоѣло питаться рыбой и старыми запасами мяса, и они наловили жирныхъ быковъ и барановъ Геліоса. Не долго медлило небесное наказаніе. Лишь только, пользуясь затихшими вѣтрами, корабль поднялъ паруса, буря налетѣла съ запада и изорвала ихъ въ клочки, молніи Зевеса раздробили судно; и несчастный кормчій, а за нимъ и остальные товарищи его, разсѣянные по морю, погибли въ волнахъ. Одиссей уцѣпился за обломокъ мачты и кормы корабельной. Девять дней носился онъ по произволу бури, и только на десятый, въ ночь, выброшенъ былъ на островъ Огигію, гдѣ царствовала „сладкорѣчивая нимфа Калипсо“.

Здѣсь небо было такъ свѣтло, природа сіяла такой свѣжестью и роскошью, что страдалецъ Одиссей могъ на-время позабыть все, что вынесъ въ послѣдніе годы.

Густо разросшись, отвсюду тѣснили пещеру богини
Тополи, ольхи и сладкій ліющіе духъ кипарисы;
Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздилися тамъ длиннокрылыя птицы:

Копчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
Стаей по возморью ходящія, пищи себѣ добывая!
Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,
Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли.
Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда извиваясь;
Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ, и злаковъ
Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто зашелъ безсмертный
Богъ, изумился-бъ, и радость въ его бы проникнула сердце.

Но еще привѣтнѣе природы была сама царица острова. Она окружила страдальца всѣми радостями, какими только богиня можетъ надѣлить любимаго смертнаго, и наконецъ обѣщала ему даровать безсмертіе, если онъ останется съ нею. Какъ ни сладко, однакожъ, было Одиссею пребываніе у нимфы, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе стремилась душа его въ родное семейство. Чаще и чаще богиня видѣла, какъ

Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ, и очи
Были въ слезахъ; утекла медлительно капля за каплей
Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по отчизнѣ.

До самаго Олимпа вознеслась молитва Одиссея. Гермесъ явился къ Калипсо и объявилъ ей волю боговъ: отпустить Одиссея изъ сладкаго плѣна на родину. Богиня повиновалась, хотя не безъ ропота, соорудила ему надежный плотъ и, повелѣвши держаться вправо отъ созвѣздія *Медвѣдицы*, въ людяхъ еще носящей имя *Колесницы*, отпустила своего любимца. Утвердивши мачту и парусъ, припрятавъ запасы, которыми снабдила его богиня, радостно поплылъ Одиссей, сопровождаемый попутнымъ вѣтромъ, который призвала ему Калипсо.

Семнадцать дней носился Одиссей по морямъ, на восемнадцатый увидѣлъ его Посидонъ, возвращавшійся изъ земли эѳіопянъ. Мстительный богъ, не забывшій страданій Полифема, трезубцемъ своимъ всколыхалъ море и въ куски раздробилъ плотъ Одиссеевъ. Опять очутился несчастный герой на волнахъ, предоставленный собственнымъ силамъ. Здѣсь навѣрно погибъ бы Одиссей, если-бъ не сжалилась надъ нимъ

Левкотея, дочь Кадмова, получившая даръ безсмертія въ морѣ. Ныркомъ легкокрылымъ она поднялась надъ моремъ и сказала:

«Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно
«Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ?
«Вовсе, однако, тебя не погубитъ онъ, сколько бъ ни тщился.
«Дамъ покрывало тебѣ чудотворное. Имъ ты одѣнешь
«Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ волнахъ потопленья,
«Но лишь окончишь свой путь и къ землѣ прикоснешься рукою,
«Снявъ покрывало, не медля его въ многоводное море
«Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ, удалися.»

Благодаря этому божественному покрывалу, Одиссей достигъ вплавь до земли Феакіянъ. Изнуренный борьбою, разбитый о камни, Одиссей былъ выброшенъ на берегъ незнакомой земли и тамъ, въ глубокой пещерѣ, недалеко отъ устья какой-то рѣки, зарывшись въ груду опавшихъ листьевъ, сладко, глубоко заснулъ.

Въ землѣ той царствовалъ Алкиной, властитель народа предпріимчиваго, „веселолюбиваго“. Сама богиня Аѳина внушила прекрасной дочери Алкиноя, Навзикаѣ, отправиться съ подругами помыть свое бѣлье и одежды въ водоемахъ, которые нарочно для этой цѣли были вырыты близъ устья той рѣки, гдѣ спалъ Одиссей. Веселой гурьбой отправились подруги съ царевной на берегъ. Тамъ дружно онѣ принялись за работу: мигомъ перемыли весь принесенный запасъ бѣлья и одеждъ, и уже собирались обратно домой: ни смѣховъ, ни звонкихъ рѣчей, ни игры въ мячъ затѣянныхъ царевной, не слыхалъ герой.

Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство,
Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись, царевна
Въ городъ людей Феакійскихъ ему указала дорогу.
Бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но, въ нихъ не попавши,
Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія прянулъ.
Громко онѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.

Не столько его испугалъ нечаянный крикъ, сколько испугалъ ихъ онъ самъ, когда вышелъ изъ пещеры, покрытый,

вмѣсто одежды, морскою засохшею тиной, съ разметанными волосами и кровавыми ранами на рукахъ и ногахъ, слѣдами испытанныхъ бѣдствій. Въ страхѣ всѣ разбѣжались, только Навзикаѣ богиня влила въ сердце рѣшимость. Царевна благодушно выслушала моленія страдальца, назвавши ему страну и себя, велѣла служанкамъ омыть иноземца, принесть ему платья и пищи; отъѣзжая же съ подругами, она разсказала ему, какъ дойти въ городъ и отыскать тамъ дворъ царскій.

Солнце садилось, когда Одиссей достигъ города. Но, не входя въ него, герой остановился близъ рощи Аѳины-Паллады и такъ помолился богинѣ:

«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада!
«Нынѣ вонми ты молитвѣ, тобою невнятой, когда я
«Гибнулъ въ волнахъ, сокрушенный земли колебателя гнѣвомъ;
«Дай мнѣ найти и покровъ, и пріязнь у людей ѳеакійскихъ!»
Такъ говорилъ онъ моляся и былъ онъ Палладой услышанъ;
Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь
Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

Укрѣпленный надеждою на помощь своей покровительницы, Одиссей быстро прошелъ по шумнымъ улицамъ города и смѣло ступилъ на мѣдный порогъ царскаго дома. Здѣсь онъ въ изумленіи остановился. И какъ было не изумиться?

Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазуревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;
Притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Двѣ—золотая съ серебряной—справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Гефеста, собаки,
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ.
Мужи знатнѣйшіе града садилися чиномъ на этихъ

Лавкахъ, питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани-жъ
Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь же отличны ихъ жены
Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
Всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный, богатый
Садъ, обведенный отсюду высокой оградой; расло тамъ
Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ
Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ, и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ
Круглый тамъ годъ, и въ холодную зиму, и въ знойное лѣто,
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, зараждая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздъ пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные
Были давимы въ чанахъ, а другіе цвѣли, иль, осыпавъ
Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь
Садъ, другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
Свѣтлой струею бѣжалъ, и граждане въ немъ черпали воду.
Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.

Насмотрѣвшись на всѣ чудеса царственной роскоши, Одиссей прошелъ множество залъ и достигнулъ покоя царицы. До сихъ поръ и въ городѣ, и въ палатахъ дворцовыхъ Аѳина скрывала Одиссея отъ взоровъ людей, покрывши его облакомъ „тмы неземной“. Теперь же тма разступилась, и взорамъ сидѣвшихъ предсталъ на изумленье дивный образъ могучаго мужа. Обращаясь къ царицѣ, странникъ сказалъ:

«Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета,
«Нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю, и къ пирующимъ съ вами
«Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ
«Свѣтлое счастье на долгіе дни, да наслѣдуютъ ваши
«Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ знаменитый.
«Мнѣ-жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ возвратиться
«Въ землю отцовъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими.»
Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ.

Всѣ молчали, пораженные благородствомъ вида чужеземца, достоинствомъ и властью его рѣчи. Недолго дали оставаться Одиссею на пеплѣ: царь посадилъ его рядомъ съ собою за столъ, велѣвши любимому сыну своему, Лаодаму, уступить кресло пришельцу.

Сладко лилася бесѣда. Еще слаще были для печальнаго странника радушіе и ласки всѣхъ членовъ семейства. Обвороженный своимъ гостемъ, царь воскликнулъ:

«Еслибъ, о Дій громовержецъ! О Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
«Еслибъ нашелся подобный тебѣ, въ помышленьяхъ со мною
«Сходный супругъ Навзикаѣ, возлюбленный зять мнѣ, и еслибъ
«Здѣсь поселился онъ. . домъ и богатства бы далъ, когда бы
«Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь иноземца
«Мы не задержимъ: то было бы Зевесу отцу неугодно.
«Завтра ты. сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
«Сонный въ спокойномъ безвѣтріи плыть и достигнешь
«Въ землю отцовъ иль въ иную какую желанную землю.»

Прежде, однако-жь, чѣмъ отправить Одиссея, благодушный царь сдѣлалъ пиръ ради гостя, а послѣ пира надѣлилъ его щедрыми подарками и велѣлъ показать ему въ играхъ и состязаніяхъ искусство Феакійцевъ въ бѣгѣ, метаніи въ цѣль, въ борьбѣ и кулачномъ бою. Игры дали случай и Одиссею выказать необычайную свою силу и ловкость. Вызванный насмѣшкой одного изъ участниковъ въ играхъ, онъ подхватилъ камень огромный, тяжелый, тяжелѣе всѣхъ, какіе были, и швырнулъ его такъ далеко, что всѣ преклонились отъ удивленія, и никто не отважился состязаться съ незнакомцемъ. Одиссей же, обращаясь къ собранію, сказалъ:

«При всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
«Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю.
«Съ каждымъ сразиться готовъ я—съ однимъ не могу Лаодамомъ...
«Гость я его, подниму ли на друга любящаго руку?
«Но межъ другими никто для меня не презрителенъ; съ каждымъ
«Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать съ нимъ »

Царь Алкиной не допустилъ опасныхъ состязаній, обратившись къ чужеземцу съ такою рѣчью:

«Странникъ! ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь: ты только
«Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
«Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ
«Дерзкой насмѣшкой. Зато ни одинъ, говорить здѣсь привыкшій
«Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслитъ тебя опорочить.
«Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны.
«Быстры ногами зато несказанно, и первые въ морѣ;
«Любимъ обѣды роскошные, музыку, пляску,
«Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.
«Но—пригласите сюда плясуновъ феакійскихъ; зову я
«Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратяся
«Въ домъ свой, тамъ всѣмъ разсказать, какъ другихъ мы людей превосходимъ
«Въ плаваньѣ по морю, въ бѣгѣ проворномъ, и въ пляскѣ, и въ пѣньѣ.
«Пусть принесутъ Демодоку его звонкогласную лиру;
«Гдѣ-нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ се онъ оставилъ.»

И дивился Одиссей легкости ногъ юношей въ пляскѣ, а еще болѣе дивился и наслаждался пѣніемъ Демодока: сначала о прекраснокудрявой Кипридѣ и о богѣ Ареѣ, а потомъ о конѣ деревянномъ. И слушая пѣснь о подвигахъ ахейцевъ подъ Троей, Одиссей тронутый не замѣчалъ, какъ обильныя слезы текли у него по щекамъ; но царь Алкиной замѣтилъ ихъ и прекратилъ пѣсню. Послѣ того, предложивши щедрые дары гостю, просилъ его сказать свое имя, назвать свою страну и разсказать обо всемъ, что испыталъ на пути, какія боги посылали ему радости и страданія.

Тутъ сталъ разсказывать имъ Одиссей подробно о своихъ приключеніяхъ. Сладкая рѣчь лилась изъ устъ героя, и ужь стемнѣло въ палатахъ царя, а присутствующіе жадно слушали его, очарованные.

На слѣдующій же день, снарядивши корабль и уложивши въ него всѣ драгоцѣнности, которыми щедро одарили Одиссея, царь и всѣ гости помолились Зевсу и прочимъ „безпредѣльнаго неба владыкамъ", совершили имъ возліяніе и съ благословеніемъ герою, плѣнившему ихъ сладко-разумною рѣчью, проводили его на корабль.

И вступилъ Одиссей на корабль быстроходный и молча
Легъ онъ на мягкоширокій коверъ. И на лавки порядкомъ
Сѣли гребцы и, канатъ отвязавъ отъ причальнаго камня,
Разомъ ударили въ весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетѣлъ Одиссею на вѣжды
Сонъ непробудный, усладный, съ безмолвною смертію сходный.
Быстро, какъ полемъ широкимъ коней четверня, безпрестанно
Сильнымъ гонимыхъ бичемъ, поражающимъ всѣхъ совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершаетъ
Путь свой, корабль, воздвигая корму, побѣжалъ, и пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало впередъ; безпрепятственно плылъ онъ, и соколъ, быстрѣйшій
Между пернатыми неба, его не догналъ бы въ полетѣ,—
Такъ онъ стремительно, зыбь разсѣкая, летѣлъ черезъ море,
Мужа неся богоравнаго, полнаго мыслей высокихъ,
Много встрѣчавшаго бѣдъ, сокрушающихъ сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великихъ видавшаго браней.—
Нынѣ-жъ спалъ онъ, забывъ претерпѣнное, сномъ беззаботнымъ.
Но поднялася звѣзда лучезарная, вѣстница свѣтлой,
Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эосъ; и, путь свой покончивъ,
Къ брегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море.
Сталъ неподвижно у брега могучій корабль. Мореходцы
Съ палубы, гладкой рукой, осторожной, царя Одиссея
Снявъ, съ простынею и съ мягкимъ ковромъ, на которомъ лежалъ онъ,
Спящій глубоко, его положили на брегѣ песчаномъ;
Послѣ, богатства собравъ, отъ разумныхъ людей Феакійскихъ
Имъ полученныя въ даръ, по внушенью великой Аѳины,
Бережно склали у корня оливы широкотѣнистой
Все отъ дороги поодаль, дабы никакой проходящій,
Пользуясь сномъ Одиссея глубокимъ, чего не похитилъ.

Утромъ проснулся Одиссей, но не узналъ своей родины; Аѳина туманною мглою покрыла всю страну, желая, чтобъ никто не узналъ Одиссея прежде, чѣмъ она поможетъ ему отмстить женихамъ. Уже скорбь овладѣла душею героя, и

онъ призвалъ наказаніе Зевса на голову Феакіанъ, которые, думалъ онъ, нарушили слово, бросивъ его въ чужой землѣ. Горько плакалъ онъ, глядя на шумное море и бродя по песчаному берегу въ тяжелой печали.

Къ нему подошла тутъ богиня Аѳина,
Образъ принявъ пастуха, за овечьимъ ходящаго стадомъ,
Юнаго, нѣжной красой подобнаго царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантія плечи,
Ноги сіяли въ сандаліяхъ, легкимъ копьемъ подпиралась.
Радуясь встрѣчѣ такой, Одиссей подошелъ къ свѣтлоокой
Дѣвѣ и, голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово:
«Другъ! ты въ землѣ незнакомой мнѣ страннику встрѣтился первый;
«Радуйся! сердце-жъ на милость свое отвори; сохрани мнѣ
«Это добро и меня самого защити; я, какъ бога,
«Другъ, умоляю тебя и колѣна твои обнимаю;
«Мнѣ отвѣчай откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
«Гдѣ я? въ какой сторонѣ? И какой здѣсь народъ обитаетъ?
«Островъ ли это гористый, иль въ море входящій, высокій
«Берегъ земли матерой, покровенной густыми горами?»
Дочь свѣтлоокая Зевса, Аѳина, ему отвѣчала:
«Видно, что ты издалека, пришелецъ, иль вовсе безсмысленъ,
«Если объ этомъ не вѣдаешь краѣ? Но онъ не безславенъ
«Между краями земными: народамъ земнымъ онъ извѣстенъ
«Всѣмъ, какъ живущимъ къ востоку, гдѣ Эосъ и Геліосъ всходятъ,
«Такъ и живущимъ на западъ, гдѣ область туманныя ночи.
«Правда, гористъ и суровъ онъ, конямъ неприволенъ, но вовсе-жъ
«Онъ и не дикъ, не безславенъ, хотя не широкъ и полями·
«Бѣденъ; онъ жатву сторицей даетъ, и на немъ винограда
«Много родится отъ частыхъ дождей и отъ росъ плодотворныхъ;
«Пажитей много на немъ для козъ и быковъ, и богатъ онъ
«Лѣсомъ и множествомъ рѣкъ, безущербно годъ цѣлый текущихъ.
«Странникъ! конечно, молва объ Итакѣ дошла и къ предѣламъ
«Трои, лежащей, какъ слышно, далеко отъ края ахеянъ.»
Кончила. Въ грудь Одиссея веселіе отъ словъ сихъ проникло:
Радъ былъ услышать онъ имя отчизны.

Скрывъ истинную цѣль своего прибытія въ Итаку, хитроумный Одиссей сочинилъ ловкій разсказъ о томъ, будто его привезли товарищи съ Крита, спасая отъ преслѣдованій за сдѣланный проступокъ. Тогда

Съ улыбкой Аѳина ему, свѣтлоокая, щеки
Нѣжной рукой потрепала, явившись прекрасною, съ станомъ
Стройно высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой.

Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
«Долженъ быть скрытенъ и хитръ несказанно, кто споритъ съ тобою
«Въ вымыслахъ разныхъ захочетъ: то было бы трудно и богу;
«Ты, кознодѣй, на коварныя выдумки дерзкій, не можешь,
«Даже и въ землю свою возвратясь, оторваться отъ темной
«Лжи и отъ словъ двоесмысленныхъ, смолоду къ нимъ пріучившись.
«Но объ этомъ теперь говорить безполезно: мы оба
«Любимъ хитрить; на землѣ ты межъ смертными разумомъ первый,
«Также и сладкою рѣчью; я первая между безсмертныхъ
«Мудрымъ умомъ и искусствомъ на хитрые вымыслы; какъ же
«Могъ не узнать ты Паллады-Аѳины, тебя неизмѣнно
«Въ тяжкихъ трудахъ подкрѣплявшей, хранившей въ напастяхъ и нынѣ
«Всѣмъ феакіянамъ сердце къ тебѣ на любовь преклонившей?
«Знай же, теперь я пришла, чтобъ съ тобой, все разумно обдумавъ,
«Къ мѣсту прибрать здѣсь все то, что отъ щедрыхъ людей феакійскихъ
«Ты получилъ, при отъѣздѣ, моимъ благосклоннымъ внушеньемъ;
«Также, чтобъ зналъ ты, какія судьба въ многославномъ жилищѣ
«Царскомъ бѣды для тебя приготовила; ты же мужайся,
«Но берегись, чтобъ никто тамъ, ни мужъ, ни жена, не провѣдали
«Тайны, что бѣдный скиталецъ ты самъ возвратившійся. Молча
«Всѣ оскорбленья сноси, наглецамъ уступая безъ гнѣва.
«Въ сердцѣ моемъ благосклонность къ тебѣ сохранилася та же.
«Мнѣ невозможно въ несчастьѣ покинуть тебя: ты пріемлешь
«Ласково каждый совѣтъ; ты понятливъ, ты смѣлъ въ исполненьѣ.
«Всякій, на чужѣ скитавшійся долго, достигнувъ отчизны—
«Домъ свой, жену и дѣтей пламенѣетъ желаньемъ увидѣть.
«Ты-жъ, Одиссей, не спѣши узнавать, воздержись отъ разспросовъ.»
Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила: окрестность явилась;
Въ грудь Одиссея, при видѣ такомъ, пролилося веселье;
Бросился онъ цѣловать плодородную землю отчизны
Оба тогда, подъ широкотѣнистою маслиной сѣвши,
Стали обдумывать, какъ погубить жениховъ многобуйныхъ.

Богиня ободрила его обѣщаніемъ содѣйствовать ему въ предпріятіи противъ многобуйныхъ жениховъ, опустошавшихъ домъ его, и въ то же время обѣщала извѣстить Телемака, который давно ужь былъ въ Спартѣ, собирая свѣдѣнія объ отцѣ своемъ. Давъ Одиссею полное наставленіе, какъ дѣйствовать, богиня объявила, что превратитъ его въ нищаго, чтобъ никто не узналъ его.

Съ сими словами богиня къ нему прикоснулася тростью.
Разомъ на членахъ его, вдругъ изсохшее, сморщилось тѣло,
Спали съ его головы златотемные кудри; сухою

Кожею дряхлаго старца дрожащія кости покрылись:
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпомъ;
Плечи одѣлись тряпицей, въ лохмотье разорваннымъ, старымъ
Рубищемъ грязнымъ, совсѣмъ почернѣвшимъ отъ смраднаго дыма;
Сверхъ же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе безъ шерсти. Давъ посохъ ему и котомку,
Всю въ заплатахъ, висящую, вмѣсто ремня, на веревкѣ,
Съ нимъ разлучилась богиня, что̀ дѣлать, его научивши.
Къ сыну его полетѣла она, въ Лакедемонъ священный.

По приказанію богини, Одиссей отправился прямо къ Эвмею, который былъ въ Итакѣ главнымъ пастухомъ царскихъ свиней. «Свинопасъ богоравный», какъ называетъ его Гомеръ, съ неописаннымъ радушіемъ и ласкою принялъ нищаго. На разспросы послѣдняго честный старикъ съ негодованіемъ разсказалъ о безстыдной толпѣ жениховъ, какъ они каждый день собираются въ домъ Одиссея, поглощаютъ имущество хозяина и принуждаютъ царицу ко вторичному, ненавистному ей браку.

Поздняя ночь видѣла ихъ обоихъ все еще за сладкой бесѣдой. И старикъ утѣшалъ печальнаго странника обѣщаніемъ что навѣрное Телемакъ благодарный, воротившись изъ Спарты, дастъ ему и одежду, и средствъ достигнуть желанной отчизны,

Кончивъ онъ всталъ и, пошедъ, близъ огня приготовилъ постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; легъ Одиссей на постель; на него онъ набросилъ
Теплую, толсто-сотканную мантію, ею-жъ, во время
Зимней бушующей дико мятели, онъ самъ одѣвался.
Скоро на ложе спокойно легъ Одиссей, и другіе
Всѣ пастухи улеглися кругомъ, но Эвмей, разлучиться
Со стадомъ свиней опасаясь, не легъ: онъ поспѣшно,
Взявши оружіе, въ поле идти изготовился. Видя,
Какъ онъ ему и далекому вѣренъ, въ душѣ веселился
Тѣмъ Одиссей; свинопасъ же, на плечи повѣсивъ
Мечъ свой, одѣлся косматой, отъ вѣтра защитной, широкой
Мантіей, голову шкурой козы длинношерстной окуталъ,
Послѣ копье на собакъ и навстрѣчу съ ночнымъ побродягой
Взялъ и въ то мѣсто пошелъ ночевать, гдѣ клычистыя свиньи
Спали подъ сводомъ скалы, недоступнымъ дыханью Борея.

На слѣдующій день, рано утромъ, лишь только нищій съ Эвмеемъ окончили завтракъ, послышалось у самой хижины

приближеніе чьихъ-то шаговъ. Собаки весело бросились вонъ, виляя хвостами; Эвмей не успѣлъ еще выглянуть, какъ у входа въ хижину стоялъ Телемакъ (онъ, возбужденный богиней, не теряя ни минуты, поплылъ домой).

Въ изумленьѣ вскочилъ свинопасъ; уронилъ изъ обѣихъ
Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеную смѣшивалъ воду
Съ свѣтло-пурпурнымъ виномъ; къ своему господину навстрѣчу
Бросаясь, онъ голову, свѣтлыя очи и милыя руки
Сталъ у него цѣловать, и изъ глазъ полилися ручьями
Слезы. Какъ нѣжный отецъ съ несказанной любовью ласкаетъ
Сына, который внезапно явился ему черезъ двадцать
Лѣтъ по разлукѣ, единственный, поздно-рожденный имъ, долго
Жданный въ печали,—съ такой свинопасъ Телемака любовью
Крѣпко обнявши, всего цѣловалъ, какъ воскресшаго. Плача
Навзрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово:
«Ты-ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился? Тебя я,
«Въ Пилосъ отплывшаго, видѣть уже не надѣялся болѣ.
«Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай мнѣ
«Очи тобой насладить, возвратившимся въ домъ свой!»

Что-жъ Одиссей? Вѣрный намѣренію, онъ сдерживалъ чувство и ждалъ, что́ внушитъ ему въ сердце богиня-покровительница. Но вотъ, насладившись бесѣдой и пищей, Телемакъ посылаетъ Эвмея въ домъ свой обрадовать дѣда Лаэрта вѣстью о пріѣздѣ своемъ. Тутъ, незримо для Телемака, предстала предъ Одиссеемъ богиня и, вызвавъ его изъ хижины, сказала ему:

«Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный!
«Можешь теперь ты открыться и все разсказать Телемаку;
«Оба, условяся, какъ женихамъ приготовить ихъ гибель,
«Вмѣстѣ подите не медля вы въ городъ; сама я за вами
«Скоро тамъ буду, и мстительный бой совершимъ совокупно.»
Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею:
Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто хитономъ покрылись
Плечи его; онъ возвышеннѣй сдѣлался станомъ, моложе
Свѣтлымъ лицомъ; посмуглѣвшія щеки стали полнѣе;
Черной густой бородою покрылся его подбородокъ.
Собственный образъ ему возвративши, богиня исчезла.
Въ хижину снова вступилъ Одиссей; Телемакъ изумленный
Очи потупилъ: онъ мыслилъ, что видитъ безсмертнаго бога.
Въ страхѣ къ отцу обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:

«Странникъ! не въ прежнемъ теперь предо мной ты являешься видѣ;
«Платье не то на тебѣ и совсѣмъ измѣнился твой образъ;
«Вѣрно одинъ изъ боговъ ты, владыкъ безпредѣльнаго неба;
«Будь же къ намъ благостенъ; золота много тебѣ принесемъ мы
«Здѣсь съ экатомбой великой, а ты насъ, могучій, помилуй.»
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
«Нѣтъ, я не богъ. Какъ дерзнулъ ты безсмертнымъ меня уподобить?
«Я—Одиссей, твой отецъ, за котораго съ тяжкимъ вздыханьемъ
«Столько обидъ ты терпѣлъ, притѣснителямъ злымъ уступая.»
Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ цѣловать, и съ рѣсницы
Пала на землю слеза—удержать ее былъ онъ не въ силахъ.
Но (что предъ нимъ былъ желанный отецъ, не повѣря)
Снова, ему возражая, сказалъ Телемакъ богоравный:
«Нѣтъ, не отецъ Одиссей ты, но демонъ, своимъ чародѣйствомъ
«Очи мои ослѣпившій, чтобъ послѣ я горестнѣй плакалъ;
«Смертному мужу подобныхъ чудесъ совершать невозможно
«Собственнымъ разумомъ: можетъ лишь богъ превращать во мгновенье
«Волей своей старика въ молодаго и юношу въ старца;
«Былъ ты сначала старикъ, неопрятно одѣтый, теперь же
«Вижу, что свой ты богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.»
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
«Нѣтъ, Телемакъ, не чуждайся отца, возвращеннаго въ домъ свой;
«Также и бывшему чуду со мною не слишкомъ дивися;
«Къ вамъ никакой ужь другой Одиссей, говорю я, не будетъ,
«Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ странствіяхъ много, и нынѣ,
«Волей боговъ, приведеннаго въ землю отцевъ черезъ двадцать
«Лѣтъ. А мое превращеніе было богини Аѳины,
«Мощной добычницы, дѣло; возможно ей все, превращенъ былъ
«Прежде я въ стараго нищаго ею, потомъ въ молодаго,
«Крѣпкаго мужа, носящаго чистое платье на тѣлѣ;
«Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, легко насъ,
«Смертныхъ людей, надѣлять и красой, и лицомъ безобразнымъ.»
Такъ онъ отвѣтствовавъ, сѣлъ; Телемакъ въ несказанномъ волненьѣ
Пламенно обнялъ отца благороднаго, съ громкимъ рыданьемъ.
Въ сердце тогда имъ обоимъ проникло желаніе: плача,
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья: какъ стонетъ
Соколъ иль крутокогтистый орелъ, у которыхъ охотникъ
Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ роднаго гнѣзда ихъ,
Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко: и въ плачѣ могло-бъ ихъ застать заходящее солнце.

Одиссей первый вспомнилъ о домѣ и женихахъ и сказалъ сыну:

«Присланъ сюда я богиней Аѳиной за тѣмъ, чтобъ съ тобою
«Вмѣстѣ враговъ истребленіе здѣсь на свободѣ устроить.»

Когда-жъ Телемакъ усомнился, чтобъ можно было двоимъ имъ одолѣть цѣлую толпу сильныхъ мужей, Одиссей, обратившись къ нему, сказалъ:

«Выслушай то, что скажу, и въ умѣ сохрани, что услышишь:
«Еслибъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были
«Наши помощники, стали-ль тогда бъ мы пріискивать новыхъ?»
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ богоравный:
«Подлинно, ты мнѣ надежныхъ помощниковъ назвалъ; высоко,
«Правда, они въ облакахъ обитаютъ; но оба не намъ лишь,
«Смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ богамъ всемогуществомъ страшны.»
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
«Оба они не останутся долго отъ насъ въ отдаленьѣ
«Въ часъ воздаянья, когда у меня съ женихами, въ жилищѣ
«Царскомъ, послѣдній Ареевъ разсчетъ смертоносный начнется.»
Тутъ, возражая отцу, отвѣчалъ Телемакъ многославный:
«Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро на самомъ
«Дѣлѣ узнаешь и духъ мой неслабымъ найдешь ты, конечно.»

Выслушавъ отъ отца полную и подробную инструкцію, какъ дѣйствовать, чтобъ уничтожить жениховъ, Телемакъ отправился въ домъ свой, гдѣ ужь отчаявались видѣть возвращеніе молодаго хозяина: такъ долго пробылъ онъ въ Спартѣ, собирая вѣсти объ отцѣ.

Онъ черезъ каменный двери порогъ перешелъ и увидѣлъ
Первую въ домѣ — усердную няню свою, Эвриклею:
Мягкія клала на стулья овчины старушка. Потокомъ
Слезъ облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро
Всѣ собрались Одиссеева дома рабыни и съ плачемъ
Голову, плечи и руки онѣ у него лобызали.
Вышла разумная тутъ, изъ покоевъ своихъ, Пенелопа,
Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ молодой Артемидой
Сходная; сына она обняла и съ любовію нѣжной
Свѣтлыя очи, и руки, и голову стала, рыдая
Громко, ему цѣловать и крылатое бросила слово:
«Ты-ль, ненаглядный мой, милый мой сынъ, возвратился? Тебя я
«Видѣть уже не надѣялась болѣ, отплывшаго въ Пилосъ
«Тайно, со мной не простясь, чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ;
«Все разскажи мнѣ теперь по порядку, что видѣлъ, что слышалъ!»
Ласково ей отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
«Милая мать! не печаль мнѣ души и тревоги напрасной
«Въ грудь не вливай мнѣ, спасенному чудно отъ гибели вѣрной;
«Но, сотворивъ омовенье и чистой облекшись одеждой,

«Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой поди и съ молитвой
«Тамъ обѣщаніе дай принести экатомбу безсмертнымъ,
«Если враговъ наказать намъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.»

Между тѣмъ, исполняя просьбу Одиссея, Эвмей повелъ его къ царскому дому. Они были уже недалеко отъ свѣтлаго ключа, протекавшаго вблизи дома, когда пришлось встрѣтиться съ козоводомъ Мелантіемъ, человѣкомъ пронырливымъ, дерзкимъ, потворствовавшимъ женихамъ. Увидя подходящихъ, онъ закричалъ:

«Ты, свинопасъ безтолковый, куда путешествуешь съ этимъ
«Нищимъ, столовъ обирателемъ, грязнымъ бродягой, который,
«Стоя въ дверяхъ, неопрятныя плечи о притолку чешетъ,
«Крохи однѣ, не мечи, не котлы получая въ подарокъ.
«Могъ бы у насъ онъ, когда бы его къ намъ прислалъ ты, закуты
«Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ подстилки готовить;
«Скоро бы онъ раздобрѣлъ, простоквашей у насъ обжираясь;
«Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
«Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
«По міру, хлѣбомъ чужимъ набивать ненасытный желудокъ.
«Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно;
«Если войти онъ отважится въ домъ Одиссея — скамеекъ
«Много изъ рукъ жениховъ на его полетитъ тамъ пустую
«Голову; ребра таская его, тамъ ему обломаютъ
«Объ полъ.»

А когда, обратившись къ нимфамъ потока, Эвмей сталъ молить ихъ о возвращеніи Одиссея, чтобъ разсѣялись прахомъ невѣрные его слуги, Мелантій воскликнулъ:

«Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслилъ?
«Дай срокъ, тебя какъ товаръ въ кораблѣ чернобокомъ, отсюда
«Я увезу и продамъ въ иноземье за добрыя деньги.»

Одолѣвши гнѣвъ, которымъ вспыхнула душа героя при видѣ наглаго слуги, продолжалъ Одиссей путь рядомъ съ Эвмеемъ, и ужъ доносились къ нимъ изъ дома веселыя пѣсни, и цитра, и шумный говоръ, и благовонный паръ мяса. Товарищи-путники продолжали бесѣдовать.

Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака
Аргусъ; она Одиссеева прежде была, и ее онъ

Выкормилъ самъ; но на ловъ съ ней ходить не успѣлъ, принужденный
Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ
Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою ее уводили.
Нынѣ-жъ забытый (его господинъ былъ далеко), онъ, бѣдный
Аргусъ, лежалъ, у воротъ, на навозѣ, который, отъ многихъ
Муловъ и многихъ коровъ, на запасъ тамъ копили, чтобъ послѣ
Имъ Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Тамъ, полумертвый, лежалъ неподвижно покинутый Аргусъ.
Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся,
Тронулъ хвостомъ и поджалъ, въ изъявленіе радости, уши;
Близко-жъ подползть къ господину и даже подняться онъ не былъ
Въ силахъ. И, вкось на него поглядѣвши, слезу отъ Эвмея
Скрытно обтеръ Одиссей и потомъ онъ сказалъ свинопасу:
«Странное дѣло, Эвмей; тамъ, на кучѣ навозной, собаку
«Вижу; прекрасной породы она, но сказать не умѣю,
«Сила и легкость ея на бѣгу таковы-ль, какъ наружность?
«Или она лишь такая, какихъ у господъ за столами
«Часто мы видимъ: для роскоши держатъ ихъ знатные люди.»
Такъ, отвѣчая, сказалъ Эвмей, свинопасъ, Одиссею:
«Это собака погибшаго въ дальнемъ краю Одиссея;
«Если-бъ она и понынѣ была такова же, какою,
«Плыть собираясь въ троянскую землю ее господинъ мой
«Дома оставилъ — ея быстротѣ и отважности вѣрно-бъ
«Ты подивился; въ лѣсу ни въ какомъ захолустьѣ укрыться
«Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное было.
«Нынѣ же бѣдная брошена; нѣтъ ужь ея господина:
«Вчужѣ погибъ онъ; служанки-жъ о ней и подумать лѣнятся;
«Рабъ нерадивъ; не принудь господинъ повелѣніемъ строгимъ
«Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой:
«Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ человѣку,
«Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.»
Кончилъ и, въ двери свѣтло-населеннаго дома вступивши,
Прямо вошелъ онъ въ столовую, гдѣ женихи пировали.
Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать
Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносныя Меры.

Нечего и говорить, какъ были встрѣчены женихами ненавистный имъ за правду Эвмей и оборванный нищій. Довольно сказать, что раздраженные тѣмъ, что имъ не удалось подстеречь и убить Телемака, на обратномъ пути изъ Спарты, они, особенно Антиной и Эвримахъ, готовы были на всѣхъ и каждомъ излить свою злобу. Когда Одиссей, прося

милостыни, обошелъ всѣхъ гостей и остановился передъ Антиноемъ, то услышалъ такой привѣтъ:

«Что за наглецъ неотступный! Какой побродяга безстыдный!
«Всѣхъ почередно ты здѣсь обошелъ; и тебѣ, что попалось
«Подъ руки каждому, подали всѣ, не изъ щедрости: здѣсь имъ
«Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся-жъ
«Прочь.» Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
«Горе! Какъ видно, съ лицомъ у тебя твой разсудокъ не сходенъ:
«Въ домѣ своемъ ты и соли щепотку мнѣ дать пожалѣлъ бы,
«Если ужь здѣсь, за обѣдомъ чужимъ прохлаждаясь, хлѣба
«Корку жалѣешь мнѣ бросить; а столъ вашъ, я вижу, обиленъ.»
Такъ онъ сказалъ. Антиной разсердясь на него изподлобья
Грозно очами сверкнулъ и бросилъ крылатое слово:
«Если еще грубіянить ты вздумалъ, бродяга, то даромъ
«Это тебѣ не пройдетъ, и добромъ ты не выйдешь отсюда.»
Тутъ онъ скамейкой швырнулъ, и жестоко ударила въ спину
Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утесъ не шатнувшись,
Онъ устоялъ на ногахъ; не сраженный ударомъ, онъ только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.

Съ наступленіемъ ночи удалилась буйная толпа, а Одиссей съ Телемакомъ перенесли изъ пировой залы въ верхніе покои оружіе и доспѣхи. И долго потомъ сидѣлъ, погрузившись въ думу, царь Одиссей, пока не позвала къ себѣ Пенелопа странника, обиженнаго въ домѣ ея. Видно, сердце ея чуяло что-то родное, что часы летѣли въ бесѣдѣ ихъ, и печальная супруга чувствовала потребность излить передъ незнакомымъ старцемъ свою душу. Наконецъ, она сказала ему:

«Скоро наступитъ пора насладиться покоемъ; и счастливъ
«Тотъ, на кого и печальнаго сонъ миротворный слетаетъ.
«Мнѣ-жь несказанное горе послалъ непріязненный демонъ;
«Днемъ, сокрушаясь и сѣтуя, душу свою подкрѣпляю
«Я рукодѣльемъ, хозяйствомъ, присмотромъ за дѣломъ служанокъ;
«Ночью-жь, когда все утихнетъ, и всѣ вкругъ меня, погрузившись
«Сладостно въ сонъ, отдыхаютъ безпечно, одна я, тревогой
«Мучась, въ безсонницѣ тяжкой сижу на постелѣ и плачу.
«Такъ сокрушенная плачу, не зная, что выбрать —
«Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря за хозяйствомъ, за свѣтлымъ
«Домомъ его, за работой служанокъ, за всѣмъ достояньемъ,
«Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
«Иль, наконецъ, предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй

«Брака желаетъ со мной и щедрѣе дары мнѣ приноситъ?
«Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ его растолкуй ты.
«Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей;
«Видѣть люблю, какъ они, на водѣ полоскаясь, играютъ
«Снилося мнѣ, что, съ горы прилетѣвшій, орелъ крутоносый,
«Шею свернулъ имъ, ихъ всѣхъ заклевалъ, что въ пространной столовой
«Мертвые были они на полу всѣ разбросаны; самъ же
«Въ небо умчался орелъ. И во снѣ я стонала и горько
«Плакала; вмѣстѣ со мною, и много прекрасныхъ ахейскихъ
«Женъ о гусяхъ, умерщвленныхъ могучимъ орломъ, сокрушалось.
«Онъ же, назадъ прилетѣвъ и пустясь на высокую кровлю
«Царскаго дома, сказалъ человѣческимъ голосомъ, внятно:
«Старца Икарія умная дочь, не крушись, Пенелопа!
«Видишь не сонъ мимолетный, событіе вѣрное видишь.
«Гуси — твои женихи, а орелъ, ихъ убить прилетѣвшій
«Грозною птицей, не птица, а я, — Одиссей твой, — богами
«Нынѣ тебѣ возвращенный, твоимъ женихамъ на погибель.
«Такъ онъ сказалъ мнѣ, и въ это мгновенье мой сонъ прекратился.
«Я осмотрѣлась кругомъ: на дворѣ, я увидѣла, гуси
«Всѣ на лицо и, толпяся къ корыту, клюютъ тамъ пшеницу.»
Умной супругѣ своей отвѣчалъ Одиссей богоравный:
«Сонъ, государыня, твой толковать безполезно: но ясенъ
«Самъ по себѣ; сокровеннаго нѣтъ въ немъ значенья, и если
«Самъ Одиссей предсказалъ женихамъ ихъ погибель, — погибнутъ
«Всѣ; ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.»
Такъ отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
«Странникъ! конечно, бываютъ и темные сны, изъ которыхъ
«Смысла нельзя намъ извлечь; и не всякій сбывается сонъ нашъ.
«Создано двое воротъ для вступленія снамъ безтѣлеснымъ
«Въ міръ нашъ: одни — роговыя, другія — изъ кости слоновьей.
«Сны, проходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновьей,
«Лживы, несбыточны; вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ;
«Тѣ же, которые въ міръ роговыми воротами входятъ,
«Вѣрны; сбываются всѣ приносимыя ими видѣнья.
«Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный, я думаю, вышелъ
«Сонъ, — какъ ни радостно было бы то для меня и для сына.
«Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
«Завтра наступитъ онъ, день ненавистный, въ который покинуть
«Домъ Одиссеевъ принудятъ меня. Предложить имъ стрѣлянье
«Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ Одиссей здѣсь двѣнадцать
«Съ кольцами ставилъ, бывало, жердей, и тѣ жерди не близко
«Ставилъ одну отъ другой и стрѣлой онъ пронизывалъ кольца
«Всѣ. Ту игру женихамъ предложить я теперь замышляю;
«Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
«Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать

«Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
«Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
«Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.»
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
«О! многоумная старца Икарія дочь, Пенелопа!
«Этой игры — мой совѣтъ — не должна ты откладывать. Вѣрь мнѣ,
«Въ домѣ своемъ Одиссей многохитрый явится прежде,
«Нежели кто между ними, рукою ощупавши гладкій
«Лукъ, тетивою натянетъ его и сквозь кольца прострѣлитъ.»
Такъ отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
«Еслибъ ты, странникъ, со мною всю ночь согласился въ палатѣ
«Этой сидѣть и меня веселить разговоромъ, на умъ бы
«Сонъ не пришелъ мнѣ: но вовсе безъ сна оставаться намъ слабымъ
«Смертнымъ не должно. Здѣсь всѣмъ намъ, землей многодарной кормимымъ,
«Боги безсмертные мѣру, особую каждому, дали.
«Время, однако, на верхъ мнѣ уйти, чтобъ лежать одиноко
«Тамъ на постелѣ, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
«Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой отсюда
«Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
«Тамъ отдохну я, а ты ночевать, иноземецъ, останься
«Здѣсь; и ложись на постелю иль на полъ, какъ самъ пожелаешь.»
Такъ Пенелопа сказавши, пошла по ступенямъ высокимъ
Вверхъ — не одна, всѣ рабыни за нею пошли; и, въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ,
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

Наступило утро. Явились снова толпою женихи Пенелопы. Въ этотъ день, послѣдній ихъ день, шумнѣе, чѣмъ когда-либо, пировали они въ домѣ Одиссея.

Веселъ, безпечно и живъ разговоромъ и хохотомъ шуменъ
Былъ ихъ обѣдъ, для котораго столько настряпали сами;
Но никогда, и нигдѣ, и никто не готовилъ такого
Ужина людямъ, какой приготовилъ, съ Палладою, грозный
Мужъ для незванныхъ гостей, беззаконныхъ ругателей правды.

Пенелопа, доставши Одиссеевъ лукъ и колчанъ, полный стрѣлъ, долго рыдала надъ нимъ, но любовь къ сыну пересилила въ ней ненавистное отвращеніе къ женихамъ, и, цѣной своей свободы, она рѣшилась купить ему спокойствіе.

Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ собранье,
Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся и великій

Тулъ, мѣдноострыми, быстросмертельными полный стрѣлами.
Слѣдомъ за ней принесенъ былъ рабынями ящикъ съ запасомъ
Мѣди, желѣза и съ разною утварью бранной. Царица,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки, и, слово
Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ, Пенелопа сказала:
«Слушайте всѣ вы, мои женихи благородные: домъ нашъ
«Вы разоряете, въ немъ на пиры истребляя богатство
«Мужа, давно разлученнаго съ милой отчизною; права
«Нѣтъ вамъ на то никакого, меня лишь хотите принудить
«Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь ненавистный, супруга.
«Можете сами теперь разрѣшить вы мой выборъ. Готова
«Быть я цѣною побѣды. Смотрите: вотъ лукъ Одиссеевъ;
«Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
«Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать
«Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
«Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
«Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.»
Съ сими словами велѣла она свинопасу Эвмею
Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать женихамъ благороднымъ.

Изумился Телемакъ рѣшимости, а можетъ быть, и отчаянію матери. Навзрыдъ заплакали вѣрные Эвмей и коровникъ Филотій, такъ долго усердно молившіе боговъ возвратить имъ Одиссея. Одиссей утѣшилъ ихъ тѣмъ, что, вызвавши ихъ изъ дома, онъ далъ имъ узнать себя и, когда успокоились первые восторги свиданія, обдумалъ, вмѣстѣ съ ними, какъ имъ приступить къ исполненію задуманнаго плана.

Издѣваясь надъ рыданіемъ вѣрныхъ слугъ, Антиной гордо схватился за лукъ и ужь заранѣе сулилъ себѣ побѣду.

Разставили цѣли. Но сколько ни напрягали усилій, ни одинъ изъ жениховъ не могъ сладить съ могучимъ лукомъ. Отложилъ его Антиной, измучился безполезно надъ нимъ Эвримахъ и, кипя досадой, воскликнулъ къ товарищамъ:

«Горе мнѣ! я за себя и за васъ сокрушенный стыжуся:
«Нѣтъ мнѣ печали о томъ, что отъ брака я долженъ отречься, —
«Много найдется прекрасныхъ ахейскихъ невѣстъ и въ Итакѣ,
«Моремъ объятой, и въ разныхъ другихъ областяхъ кефалонскихъ;

«Но столь ничтожными крѣпостью быть съ Одиссеемъ въ сравненьѣ,
«Такъ что изъ насъ ни одинъ и немного погнуть былъ не въ силахъ
«Лука его, стыдомъ насъ покроетъ и въ позднемъ потомствѣ.»

Рѣшено было отложить испытаніе до завтра, а умолить прежде лукосгибателя, Аполлона, помочь имъ въ ихъ горѣ. Тутъ выступилъ нищій и, обратившись къ женихамъ, сказалъ имъ:

«Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
«Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
«Ботъ вамъ — тебѣ, Эвримахъ, и тебѣ, Антиной богоравный,
«Столь разсудительно дѣло рѣшившій, — добрый совѣтъ мой:
«Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ предавъ остальное,
«Завтра рѣшитъ Аполлонъ, кто изъ васъ побѣдителемъ будетъ;
«Мнѣ же отвѣдать позвольте чудеснаго лука; узнать мнѣ
«Дайте, осталось ли въ мышцахъ моихъ изнуренныхъ хоть мало
«Силы, меня оживлявшей въ давнишнее младости время,
«Или я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ уничтоженъ.»

Тутъ всѣ напустились на нищаго, особенно возсталъ Эвримахъ, боясь, чтобъ въ случаѣ удачи нищаго не было срама женихамъ, несумѣвшимъ натянуть лука Одиссеева. Но Пенелопа сказала ему:

«Нѣтъ, Эвримахъ, на себя порицанье и стыдъ навлекаютъ
«Люди, которые домъ и богатства отсутственныхъ грабятъ,
«Правду забывши; а тутъ вамъ стыда никакого не будетъ:
«Этотъ же странникъ, и ростомъ высокій, и мышцами сильный,
«Родомъ не низокъ: рожденъ, говоритъ онъ, отцемъ знаменитымъ.
«Дайте же страннику лукъ Одиссеевъ — увидимъ, что будетъ.
«Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится вѣрно):
«Если натянетъ онъ лукъ, и его Аполлонъ тѣмъ прославитъ,
«Мантію дамъ я ему и красивый хитонъ и подошвы —
«Ноги обуть; дамъ копье на собакъ и на встрѣчу съ бродягой;
«Также и мечъ онъ получитъ, съ обѣихъ сторонъ заостренный;
«Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю.»

Подкрѣпилъ предложеніе матери и Телемакъ и вмѣстѣ съ Одиссеемъ тайно приказалъ Эвмею и Филотію запереть всѣ выходы, чтобъ не было женихамъ спасенія въ бѣгствѣ въ рѣшительный мигъ.

А межъ тѣмъ Одиссей, преисполненный страшныхъ
Мыслей, великій осматривалъ лукъ. Какъ пѣвецъ, пріобыкшій
Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣснопѣнья готовясь,
Строитъ ее, и упругія струны на ней, изъ овечьихъ
Свитыя тонкотягучихъ кишекъ, безъ труда напрягаетъ.
Такъ безъ труда во мгновеніе лукъ непокорный напрягъ онъ,
Крѣпкую, правой рукой, тетиву потянувши, онъ ею
Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ
Дрогнуло сердце въ груди жениховъ и въ лицѣ измѣнились
Всѣ; — тутъ ужасно Зевесъ загремѣлъ съ вышины, подавая
Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло:
Въ громѣ Зевесовомъ онъ предвѣщанье благое услышалъ.
Быструю взялъ онъ стрѣлу, на столѣ отъ него недалеко
Вольно лежавшую; прочія-жъ заперты въ тѣсномъ колчанѣ
Были, — но скоро ихъ шумъ женихамъ надлежало услышать
Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ, концемъ оперенным,
Сидя на мѣстѣ своемъ, натянувъ и прицѣлясь въ кольца,
Выстрѣлилъ, — быстро отъ перваго всѣ до послѣдняго кольца,
Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, заостренная мѣдью.
Тутъ, обратясь къ Телемаку, воскликнулъ стрѣлецъ богоравный:
«Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ, не нанесъ посрамленья.
«Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ немного
«Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я скитаясь утратилъ
«Силы, хотя женихи и ругаются мной безпощадно.
«Должно, однако, покуда свѣтло, угощенье иное
«Имъ приготовить; и пѣніе съ звонкою цитрой, душею
«Пира, на новый, теперь имъ приличнѣйшій ладъ, перестроить.»
Такъ онъ сказалъ и бровями повелъ. Телемакъ богоравный
Понялъ условленный знакъ; онъ не медля свой мечъ опоясалъ,
Въ руки схватилъ боевое копье и за стуломъ отцовымъ
Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ мѣднымъ блестящій.
Рубище сбросивъ поспѣшно съ себя, Одиссей хитроумный
Прянулъ, держа свой колчанъ со стрѣлами и лукъ, на высокій
Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя высыпалъ стрѣлы
На полъ у ногъ и потомъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ:
«Этотъ мнѣ опытъ, друзья женихи, удалося окончить;
«Новую цѣль я, въ какую никто не стрѣлялъ до сего дня,
«Выбралъ теперь; и въ нее угодить Аполлонъ мнѣ поможетъ.»
Такъ говоря, онъ прицѣлился горькой стрѣлой въ Антиноя
Взявъ со стола золотую съ двумя рукоятями чашу,
Пить изъ нея Антиной ужь готовъ былъ вино, беззаботно
Полную чашу къ устамъ подносилъ онъ, и мысли о смерти
Не было въ немъ. И никто изъ гостей многочисленныхъ пира
Вздумать не могъ, чтобъ одинъ человѣкъ на толпу ихъ замыслилъ
Дерзко ударить и разомъ предать ихъ губительной Керѣ.

Выстрѣлилъ, грудью подавшись впередъ, Одиссей, и пронзила
Горло стрѣла; остріе смертоносное вышло въ затылокъ;
На бокъ упалъ Антиной; покатилася по полу чаша.

Всѣ женихи съ проклятіями накинулись на нищаго, грозя ему гнѣвомъ небесъ: они думали, что нечаянно поразилъ онъ Антиноя.

Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
«А! вы, собаки! Вамъ чудилось всѣмъ, что домой ужъ изъ Трои
«Я не приду никогда, что вольны безпощадно терзать вы
«Душу моей благородной жены сватовствомъ ненавистнымъ,
«Правду святую боговъ позабывъ, не страшася ни гнѣва
«Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дѣла беззаконныя мести!
«Въ сѣть неизбѣжной погибели всѣ, наконецъ, вы попали.»

Ужасъ охватилъ за минуту веселыхъ собесѣдниковъ. Озираясь, искали они спасенія въ бѣгствѣ. Напрасно. Тогда Эвримахъ придумалъ другое спасеніе: онъ все свалилъ на убитаго Антиноя, назвавши его зачинщикомъ; самъ же сталъ молить Одиссея о пощадѣ, обѣщая заплатить, сколько самъ онъ назначитъ за все, что уничтожили они въ домѣ его.

Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный:
«Нѣтъ, Эвримахъ, — и хотя бы вы съ вашимъ сполна всѣ богатства
«Вашихъ отцевъ принесли мнѣ, прибавя къ нимъ много чужаго, —
«Руки мои васъ губить не уймутся до тѣхъ поръ, покуда
«Кровію вашей обиды моей дочиста не омою.»

Ужасное тогда совершилось въ палатахъ грознаго мстителя. Ни отчаянное мужество защищавшихся, ни коварное содѣйствіе имъ Мелантія, принесшаго имъ копья и мечи, ничто не спасло ихъ отъ ярости Одиссея и Телемака съ ихъ вѣрными слугами. Богиня Паллада распростерла надъ ними свой страшный эгидъ, и ужасъ разстроилъ ихъ чувства.

Начали бѣгать они, ошалѣвъ, какъ коровы, когда ихъ
Вешней порою (въ то время, какъ дни прибывать начинаютъ)
Густо осыпятъ на пажити слѣпни сердитые. Тѣ-жъ ихъ
Били, какъ соколы кривокогтистые, съ выгнутымъ клювомъ,
Съ горъ прилетѣвшіе, бьютъ испугавшихся птицъ, — и густыми
Стаями съ неба на землю спасаясь бросаются птицы;

Соколы-жъ гонятъ ихъ, ловятъ когтями, и нѣтъ имъ пощады;
Запертъ и путь для спасенья, и травлею тѣшатся люди;
Такъ жениховъ (разогнавъ ихъ по горницѣ), справа и слѣва,
Какъ ни попало, они убивали.

Всѣ погибли подъ ударами грознаго мужа, только вѣстника и пѣвца пощадила рука его.

Одиссей у жениховъ.

Призванныя служанки и слуги очистили пировую палату отъ загромождавшихъ ее труповъ. Старушка Эвриклея, вскормившая Одиссея, громко возрадовалась, изумленная дивной побѣдой, но Одиссей сказалъ ей:

«Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго крика;
«Радостный крикъ подымать неприлично при видѣ убитыхъ.

«Діевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ беззаконій погибли;
«Правда была имъ чужда; никакого изъ людей земнородныхъ,
«Знатный ли, низкій ли былъ онъ, уважить они не хотѣли.
«Страшная участь ихъ всѣхъ, наконецъ, злополучныхъ, постигла.»

Было все прибрано въ палатѣ, благовонный паръ куреній наполнялъ воздухъ, когда добрая старушка, вдругъ помолодѣвши отъ радости, бросилась наверхъ и, подкравшися къ спящей царицѣ, сказала ей:

«Встань Пенелопа, мое золотое дитя, чтобъ очами
«Все то увидѣть, о чемъ ты скорбѣла душею вседневно.
«Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все, наконецъ, онъ
«Съ нами и всѣхъ многобуйныхъ убилъ жениховъ, разорявшихъ
«Домъ нашъ и тратившихъ наши запасы на зло Телемаку.»
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
«Другъ, Эвриклея, знать, боги твой умъ помутили! ихъ волей
«Самый разумнѣйшій можетъ лишиться мгновенно разсудка,
«Можетъ и слабый умомъ пріобрѣсть несказанную мудрость;
«Ими и ты обезумлена; иначе въ здравомъ разсудкѣ
«Ты бы не стала теперь надъ моею печалью ругаться,
«Радостью ложной тревожа меня! И зачѣмъ прервала ты
«Сладкій мой сонъ, благодатно усталыя мнѣ затворившій
«Очи? Ни разу я такъ не спала съ той поры, какъ супругъ мой
«Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
«Нѣтъ, Эвриклея, поди, возвратися туда, гдѣ была ты.
«Еслибъ не ты а другая изъ нашихъ домашнихъ служанокъ
«Съ вѣстью такой сумасбродной пришла и меня разбудила, —
«Я бы не ласковымъ словомъ, а бранью насмѣшницу злую
«Встрѣтила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея.»
Такъ возражая, старушка своей госпожѣ отвѣчала:
«Нѣтъ, не смѣяться пришла, государыня, я надъ тобою;
«Здѣсь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
«Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ всѣ такъ здѣсь ругались, —
«Онъ — Одиссей; Телемакъ о его ужь давно возвращеньѣ
«Зналъ; но разумно молчалъ объ отцѣ онъ, который скрываясь
«Здѣсь женихамъ истребленіе вѣрное въ мысляхъ готовилъ.»
Такъ отвѣчала старушка. Съ постели вскочивъ, Пенелопа
Радостно кинулась нянѣ на шею, въ слезахъ несказанныхъ.
Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бросила слово:
«Если ты правду сказала, сердечный мой другъ, Эвриклея,
«Если онъ подлинно въ домъ свой, какъ ты говоришь, возвратился,
«Какъ же одинъ онъ съ такой жениховъ многочисленной шайкой
«Сладилъ? Они всей толпою всегда собиралися въ домѣ.»

Такъ отвѣчая, разумной царицѣ сказала старушка:
«Свѣдать о томъ не могла я: мнѣ только тамъ слышался тяжкій
«Вой убиваемыхъ; въ горницѣ нашей, забившися въ уголь,
«Всѣ мы сидѣли, на ключъ запершись и не смѣя промолвить
«Слова, покуда твой сынъ, Телемакъ, изъ столовой не вышелъ
«Кликнуть меня; онъ за мною самимъ Одиссеемъ былъ посланъ.»
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
«Другъ, Эвриклея! не радуйся слишкомъ до времени, всѣмъ намъ
«Было бы счастьемъ великимъ его возвращенье въ отчизну, —
«Мнѣ особливо и милому, нами рожденному сыну;
«Все я, однако, тому, что о немъ ты сказала, не вѣрю;
«Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, раздраженный
«Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ наказавшій злодѣйства.
«Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ,
«Знатный ли, низкій ли, къ намъ приходилъ, — уважать не хотѣли;
«Сами погибель они на себя навлекли; но супругъ мой...
«Намъ ужъ его не видать; въ отдаленьѣ плачевномъ погибъ онъ.»
Ей Эвриклея разумная, такъ возражая, сказала:
«Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
«Онъ, я твержу, возвратился, а ты утверждаешь, что вѣчно
«Онъ не воротится; если же такъ ты упорна разсудкомъ,
«Вѣрный онъ признакъ покажетъ: рубецъ на колѣнѣ; свирѣпымъ
«Вепремъ, ты вѣдаешь, нѣкогда былъ на охотѣ онъ раненъ;
«Ноги ему омывая, рубецъ я узнала; объ этомъ
«Тотчасъ хотѣла сказать и тебѣ; но зажавъ онъ рукою
«Ротъ у меня, осторожно-разумный, принудилъ къ молчанью.
»Время, однако, идти; головой отвѣчаю за правду;
«Если теперь солгала я, меня ты казни безпощадно.»
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
«Трудно тебѣ, Эвриклея, проникнуть, хотя и великій
«Умъ ты имѣешь, безсмертныхъ боговъ сокровенныя мысли.
«Къ сыну, однако, съ тобою готова идти я; увидѣть
«Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ всю толпу истребилъ ихъ.»
Съ сими словами она по ступенямъ пошла, размышляя,
Что ей приличнѣе; издали-ль съ нимъ говорить, иль приближась,
Голову, руки и плечи его цѣловать? Перешедши
Двери высокій порогъ и въ палату вступивъ, Пенелопа
Сѣла тамъ противъ супруга, въ сіяньѣ огня, у противной
Свѣтлой стѣны; на другомъ онъ концѣ у колонны, потупивъ
Очи, сидѣлъ, ожидая, какое разумное скажетъ
Слово супруга, его тамъ своими глазами увидя.
Долго въ мочаньѣ сидѣла она; въ ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убѣждалась, что вправду
Онъ передъ ней; то противное мыслила, въ рубищѣ жалкомъ
Видя его. Телемакъ напослѣдокъ воскликнулъ съ досадой:

«Милая мать! Что съ тобой? Ты въ своемъ ли умѣ? Для чего же
«Такъ въ отдаленьѣ угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
«Слова супругу сказать и его ни о чемъ не разспросишь?
«Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
«Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который, по многихъ
«Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
«Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцемъ безчувственнѣй камня.»
Сыну царица разумная, такъ отвѣчая, сказала:
«Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненьѣ; слова
«Я произнесть не могу, никакой мнѣ вопросъ не приходитъ
«Въ умъ, и въ лице поглядѣть я не смѣю ему; но когда онъ
«Подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы способъ
«Оба имѣемъ надежный другъ другу открыться: свои мы
«Тайные, людямъ другимъ неизвѣстные, знаки имѣемъ.»

Царь Одиссей улыбнулся, ибо онъ понялъ, какіе это были тайные знаки. И потому, все обдумавъ, онъ омылся въ купальнѣ, натерся благовоннымъ елеемъ и облекся въ богатыя одежды.

Дочь же великая Зевса его красотой озарила,
Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
Такъ Одиссея украсила дочь свѣтлоокая Зевса.

И явился онъ въ пировую палату лицемъ лучезарный какъ богъ, и, устремивъ глаза на супругу, сказалъ ей:

«Ты, непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ,
«Нѣжно-уступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили;
«Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
«Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который, по многихъ
«Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
«Слушай же, другъ Эвриклея, постель приготовь одному мнѣ,
«Лягу одинъ я, когда въ ней такое желѣзное сердце.»
Но Одиссею разумная такъ отвѣчала царица:
«Ты, непонятный! не думай, чтобъ я величалась, гордилась,
«Или въ чрезмѣрномъ была изумленіи. Живо я помню
«Образъ, какой ты имѣлъ, въ кораблѣ покидая Итаку.
«Если-жь того онъ желаетъ, ему, Эвриклея, постелю
«Ты приготовь; но не въ спальнѣ, построенной имъ, а въ другую
«Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
«Мягкихъ овчинъ, на овчины же полость съ широкимъ покровомъ.»

Такъ говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. Съ досадою онъ, обратясь къ Пенелопѣ, воскликнулъ.
«Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
«Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать? человѣку своею
«Силою сдѣлать того невозможно, безъ помощи свыше;
«Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
«Мѣсто, но между людьми и сильнѣйшій, хотя бъ и рычагъ онъ
«Взялъ, не шатнулъ бы ее; заключалась тайна въ устройствѣ
«Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
«Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилася маслина съ темной
«Сѣнію, пышногустая, съ большую колонну въ объемѣ;
«Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ тесаныхъ, плотно
«Сложенныхъ камней; и, сводъ на стѣнахъ утвердивши высокій,
«Двери двустворныя сбилъ изъ досокъ и на петли навѣсилъ;
«Послѣ у маслины вѣтви обсѣкъ и по близости къ корню
«Стволъ обрубилъ топоромъ, а отрубокъ у корня, отвсюду
«Острою мѣдью его по снуру обтесавъ, основаньемъ
«Сдѣлалъ кровати; его пробуравилъ и скобелью брусья
«Выгладилъ, въ раму связалъ и къ отрубку приладилъ, богато
«Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновьею костью украсивъ;
«Раму-жъ ремнями изъ кожи воловьей, обшивъ ихъ пурпурной
«Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты кровати. Цѣла ли
«Эта кровать и на прежнемъ ли мѣстѣ, не знаю; быть можетъ,
«Сняли ее, подпиливъ въ основаніи масличный корень.»
Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали колѣни и сердце.
Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ исчислилъ; заплакавъ
Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нѣжно цѣлуя, сказала:
«О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда былъ
«Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;
«Было богамъ неугодно, чтобъ, сладкую молодость нашу
«Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой
«Старости. Другъ! не сердись на меня и не дѣлай упрековъ
«Мнѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоемъ, я къ тебѣ приласкалась;
«Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій
«Трепетъ боязнь, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой иноземный
«Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ коварное сердце.
«Ты мнѣ подробно теперь, Одиссей, описалъ всѣ примѣты
«Нашей кровати, — о ней же никто изъ живущихъ не знаетъ,
«Кромѣ тебя и меня и рабыни одной приближенной,
«Дочери Актора, данной родителемъ мнѣ при замужествѣ;
«Дверь заповѣданной спальни она стерегла неусыпно.
«Ты же мою, Одиссей, убѣдилъ непреклонную душу.»
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача приникнулъ онъ къ сердцу испытанной, вѣрной супруги

Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури;
Мало изъ мутно-соленой пучины на твердую землю
Ихъ утомленныхъ, изъѣденныхъ острою влагой, выходитъ;
Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.
Такъ веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ,
Рукъ бѣлоснѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя
Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать златотронная Эосъ,
Еслибъ о томъ не подумала дочь свѣтлоокая Зевса:
Ночь на предѣлахъ небесъ удержала Аѳина; денницѣ-жъ
Златопрестольной изъ водъ океана коней легконогихъ,
Съ нею летающихъ, Лампа и брата его Фаэтона
(Ихъ въ колесницу свою заложивъ), выводить запретила.

Сладко текла бесѣда супруговъ. Пенелопа разсказала Одиссею все, что вытерпѣла въ его отсутствіе; Одиссей подробно разсказалъ обо всемъ, что видѣлъ, что испыталъ, и какія бѣдствія разразились надъ нимъ въ эти двадцать лѣтъ разлуки, и какимъ могучимъ содѣйствіемъ наградила его за долгое терпѣніе богиня Аѳина, когда внушила сердцамъ Феакійцевъ съ богатствами привезти его въ милую сторону.

Это послѣднее онъ разсказалъ ужъ въ дремотѣ, и скоро
Сонъ прилетѣлъ, чарователь тревогъ, успокоитель всѣхъ сладкій.
Добрая мысль родилась тутъ въ умѣ свѣтлоокой Паллады:
Въ сердцѣ своемъ убѣдившись, что сномъ безмятежнымъ на ложѣ
Подлѣ супруги довольно уже Одиссей насладился,
Выйти изъ водъ Океана велѣла она златотронной
Эосъ, чтобъ свѣтомъ людей озарить. Одиссей пробудился.

Давши наставленіе Пенелопѣ, что ей дѣлать въ случаѣ, когда вспыхнетъ въ городѣ мятежъ за убійство почетнѣйшихъ изъ гражданъ Итаки, Одиссей взялъ съ собою сына и вѣрныхъ своихъ пастуховъ и, накинувъ прекрасную броню, съ копьемъ и мечемъ вышелъ при тихомъ сіяніи Эосъ въ поле на свиданіе съ отцемъ.

Пока обнималъ старецъ Лаэртъ своего сына, главнѣйшіе изъ гражданъ Итаки, дѣйствительно, возстали на Одиссея. И суровую месть они задумали ему, такъ что сама Паллада въ

недоумѣніи вопросила верховнаго владыку, не думаетъ ли онъ возжечь „свирѣпокровавую гражданскую брань?“

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель, Кроніонъ.
«Странно мнѣ, милая дочь, что меня ты о томъ вопрошаешь:
«Ты не сама ли рѣшила разсудкомъ своимъ, что погубитъ
»Всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
«Сдѣлать теперь, то и дѣлай. Мои же тебѣ я открою
«Мысли: отмстилъ женихамъ Одиссей богоравный, — имѣлъ онъ
«Право на то; и царемъ онъ останется; клятвой великой
«Миръ утвердится; а горькую смерть сыновей ихъ и братьевъ
«Въ жертву забвенію мы предадимъ; и любовь совокупитъ
«Прежняя всѣхъ; и съ покосмъ обиліе здѣсь водворится.»
Кончивъ, велѣлъ онъ идти нетерпѣньемъ горѣвшей Аѳинѣ.

Бурно шагнула въ Итаку богиня. Трепетъ охватилъ сердца мужественныхъ предводителей мятежниковъ, когда Паллада крикнула:

«Стойте! Уймитесь отъ бѣдственной битвы, граждане Итаки!
«Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите.»

Въ бѣгство обратилися воины отъ громоваго крика богини, и еще разъ увѣнчала она побѣдой своего любимца. Но когда, какъ орелъ поднебесный, увлеченный преслѣдованіемъ, гналъ и поражалъ ихъ Одиссей, богиня воскликнула:

«О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный!
«Руку свою воздержи отъ пролитія крови, иль будетъ
«Въ гнѣвъ приведенъ потрясающій небо громами Кроніонъ.»
Такъ говорила богиня. Онъ радостно ей покорился.
Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ союзъ укрѣпила
Жертвой и клятвой великой, пріявшая Менторовъ образъ,
Свѣтлая дочь громовержца, богиня Аѳина-Паллада.

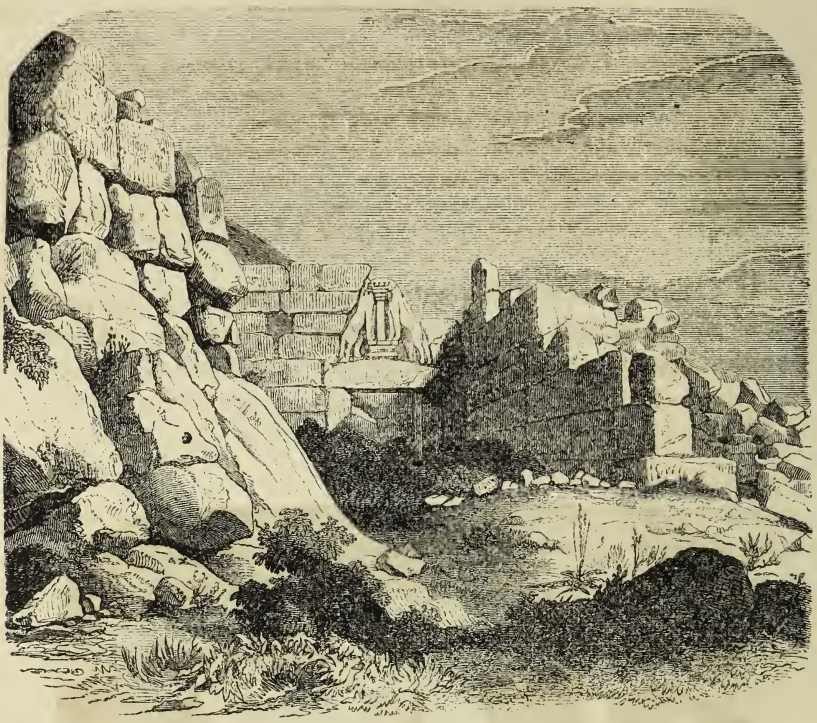
Такъ достигъ Одиссей возвращенія въ милую родину, въ объятія нѣжной супруги, въ которой поэтъ воплотилъ идеалъ всѣхъ домашнихъ и семейныхъ добродѣтелей женщины, по представленію древняго грека.

Изъ глубины аида тѣнь Агамемнона, услышавъ о событіяхъ въ домѣ царя Одиссея, восклицала:

«Счастливъ ты, другъ, многохитростный мужъ, Одиссей богоравный!
«Добрую, нравами чистую, выбралъ себѣ ты супругу;
«Розно съ тобою себя непорочно вела Пенелопа,
«Дочь многоумная старца Икарія; мужу, любящимъ
«Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила. И будетъ
«Слава за то ей въ потомствѣ; и въ пѣсняхъ камень сохранится
«Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.»

И дѣйствительно, камены избрали творца Одиссеи орудіемъ для передачи отдаленнѣйшимъ потомкамъ свѣтлаго и утѣшительнаго образа Пенелопы.

Одиссей у острововъ сиренъ.



Львиныя врата въ Микенѣ.

VI. Гражданское устройство, нравы и образованіе.

Гражданское устройство въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, было такъ же просто, какъ самый бытъ гражданъ. Каждый городъ съ прилежащей къ нему областью имѣлъ своего начальника владѣтеля, которому не совсѣмъ идетъ названіе царя въ нашемъ значеніи этого слова. Власть царя хотя и передавалась отъ отца къ сыну, однако, послѣдній долженъ былъ стараться поддерживать свое значеніе собственными заслугами и ими упрочить за собой общественное уваженіе. Въ противномъ случаѣ, онъ на мѣсто покорности встрѣчалъ въ своихъ подчиненныхъ противорѣчія. Только тогда онъ могъ пользоваться ихъ безусловнымъ послушаніемъ, когда съ богатствомъ и властью соединялъ въ себѣ опытность и благо-

разуміе въ дѣлахъ гражданскихъ, проницательный умъ и военное счастіе на полѣ брани. Зато вокругъ подобныхъ вождей и любили преимущественно группироваться отборные ратные мужи и передовые изъ гражданъ, составляя такимъ образомъ лучшее ручательство успѣха во всѣхъ его предпріятіяхъ. Царь предводительствовалъ войскомъ въ битвѣ, царь же былъ верховнымъ блюстителемъ права и, слѣдовательно, верховнымъ судьей въ мирное время. Въ совѣтѣ царскомъ участвовали благороднѣйшіе изъ гражданъ. Подобострастію не было мѣста въ этихъ совѣтахъ: совѣтники царскіе смѣло выражали свое мнѣніе и тогда, когда находили во мнѣніи царя что-либо достойное противорѣчія или даже порицанія. Впрочемъ, въ бо̀льшей части случаевъ, эти отдѣльныя мнѣнія служили царю матеріалами для выработки своего рѣшительнаго о дѣлѣ заключенія. Въ случаяхъ особенной важности сзывалось народное собраніе, но и тутъ разсуждали только вожди и начальники; народу не было времени заниматься преніями, а потому и въ собраніяхъ онъ только слушалъ и вникалъ въ разсужденія. Если-жъ случалось, что кто-либо изъ неопытныхъ въ рѣчи изъ среды народа поднималъ голосъ, то онъ рисковалъ вызвать насмѣшливое замѣчаніе, пожалуй, даже всеобщій смѣхъ или публичные толчки, какъ это случилось испытать, напр. Ѳерситу въ собраніи героевъ подъ стѣнами Трои.

Какъ плохо, однако-жъ, въ тѣ патріархальныя времена обезпечена была общественная безопасность и личное право, видно изъ предъидущихъ разсказовъ. Вспомнимъ только безстыдство жениховъ въ домѣ Одиссея. Не было власти, которая бы помѣшала такому явному нарушенію личнаго права и оградила бы Пенелопу отъ насилія гражданъ. Лучшими охранами служили сильныя руки и надежные родственники да друзья. Въ древнѣйшія времена было такъ, что эти послѣдніе, т. е. родственники и друзья, являлись, по мнѣнію общества, естественными законными мстителями за убійство или оскорбленіе кого-либо изъ близкихъ къ нимъ; позже—боговъ

стали почитать мстителями за сдѣланное зло, и потому виновный къ нимъ обращался съ мольбами и умилостивительными жертвами. Но, чтобы цѣлое общество считало всякое сдѣланное нарушеніе права оскорбленіемъ для себя, а поэтому и брало бы на себя обязанность наказывать нарушителя, — эти мысли еще не находили мѣста въ тогдашнихъ понятіяхъ о гражданскомъ благоустройствѣ. Было какое-то чувство права, чести, общественнаго благосостоянія, но оно еще не было приведено въ ясное сознаніе, и развѣ только особенныя, чрезвычайныя какія-либо обстоятельства вызывали его къ дѣятельности. Такъ проявилось оно во всеобщемъ ополченіи грековъ на Трою за похищеніе Елены и оскорбленіе, нанесенное, въ лицѣ Менелая, всей Греціи.

Власть царя ограничивалась не столько *совѣтомъ благороднѣйшихъ* βουλή и *собраніемъ народнымъ* ἀγορά сколько недостаткомъ въ его рукахъ дѣйствительныхъ средствъ, которыя можно было бы при случаѣ употребить противъ отдѣльныхъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Только въ позднѣйшее время, когда уже уяснились понятія о правѣ и законности, упомянутыя двѣ ограничивающія власти достигли до серьезнаго значенія въ обществѣ. Зато имъ часто приходилось тогда обходить или вытѣснять власть царя. Въ продолженіе же геройскаго періода существованія Греціи, между владыкой и народомъ видны отношенія патріархальныя: первый управляетъ событіями жизни своихъ подданныхъ, видя въ нихъ, хотя и совершеннолѣтнихъ, но все еще нравственно-несозрѣвшихъ дѣтей.

Какъ въ обществѣ, такъ было и въ нѣдрахъ семействъ. На жену смотрѣли въ греческой семьѣ вовсе не такъ, какъ на востокѣ, т. е. какъ на безгласную, безвольную рабыню мужа. Въ Греціи, напротивъ, она была мужу подругой, совѣтницей и часто источникомъ добрыхъ внушеній. Она стояла къ мужу въ такомъ подчиненіи, въ какомъ были благородные граждане въ отношеніи къ своему царю. Это — относительно управленія цѣлымъ домомъ; но относительно управ-

ленія женской прислугой, распоряженій и распредѣленій женскихъ работъ, она дѣйствовала почти самостоятельно. Домашнія занятія не мѣшали женѣ являться иногда и въ совѣтѣ мужей. И мужи охотно слушали ея разумную рѣчь и слѣдовали ея совѣту, если онъ служилъ къ цѣли. Въ отношеніяхъ жены къ мужу постоянно и ярко выражались не только общность интересовъ супруговъ, но и взаимная сердечная ихъ склонность. Въ такихъ благодатныхъ отношеніяхъ къ родителямъ выростали и дѣти. Сынъ видѣлъ священнѣйшее дѣло въ сохраненіи, возвышеніи и чести отцовскаго имени и дома, а дочь знала, что въ ея чистотѣ и непорочности семья видитъ залогъ своего благополучія и счастія. Всѣ члены семейства связаны были тѣсными узами любви, часто впослѣдствіи переходившей въ самоотверженіе на пользу отечеству. Утѣшительно, что въ тѣ времена насилія нѣжное чувство, материнской рукою природы насажденное въ душу человѣка, укрылось и сохранилось въ народѣ эллинскомъ, между тѣмъ какъ на востокѣ мы видимъ его попраннымъ и затеряннымъ для блага человѣчества подъ корою храбрости и неразлучной съ нею грубости нравовъ. Невольно напрашивается это сравненіе, лишь только вспомнишь исторію вавилонянъ, мидянъ, персовъ и даже Богомъ избранныхъ іудеевъ. Отъ продажи Іосифа въ Египетъ и до казни Адонія Соломономъ, повсюду видимъ, какъ и въ народѣ израильскомъ узы семейныя были слабы и даже готовы распасться при всякомъ удобномъ случаѣ. Если подобное явленіе случалось и въ Элладѣ, то на него смотрѣли всѣ не иначе, какъ на печальное исключеніе: и боги, и люди гнушались такимъ дѣломъ, которое никогда не оставалось безъ достойнаго наказанія.

Къ домашнимъ принадлежали и слуги, ибо и они сочувствовали какъ радости, такъ и скорби семейной. Хотя слуги были большею частью или, захваченные въ числѣ прочей военной добычи, плѣнные, или же выкупленные рабы, но, тѣмъ не менѣе съ ними обращались кротко и ласково, а на испытанныхъ въ вѣрности и привязанности смотрѣли не иначе,

какъ на членовъ семейства. И какъ же было смотрѣть иначе, напр. на пастуха, который со слезами радости привѣтствовалъ возвращеніе домой изъ долгаго отсутствія сына хозяина дома? Состояніе такихъ слугъ въ почтенныхъ домахъ было несравненно лучше, чѣмъ состояніе людей, хотя и свободныхъ, но по бѣдности обреченныхъ на тяжелую необходимость — за хлѣбъ и одежду наниматься въ работу у достаточныхъ собственниковъ-землевладѣльцевъ.

У многихъ писателей мы находимъ печальное изображеніе быта этихъ поденьщиковъ, хотя свободныхъ, но неимѣвшихъ собственнаго куска земли. Довольно представить себѣ, что у нихъ не было постояннаго жилища, а часто и опредѣленнаго отечества, что отъ произвола нанимателя зависѣло отпустить ихъ и слѣдовательно поставить ихъ въ необходимость терпѣть голодъ и бѣдствіе, если занятіе въ иномъ мѣстѣ не являлось къ нимъ во-время на помощь. Свобода мало приносила пользы этимъ несчастнымъ рабамъ нужды *).

Главнѣйшими занятіями эллиновъ какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ были скотоводство и земледѣліе. Одиссей славился искусствомъ направлять и вести плугъ. Гераклъ и Парисъ, сынъ троянскаго царя, сами отправляли обязанность пастуховъ. Въ скотоводствѣ и земледѣліи эти простые люди

---

*) Здѣсь, конечно, нужно разумѣть *нужду* въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. въ смыслѣ *голода*, *безпріютности* или т. п., потому что, по нашему мнѣнію, нужда въ обширномъ значеніи есть чуть ли не главнѣйшій рычагъ дѣятельности человѣческой; слѣдовательно, такое необходимое начало въ составѣ благоустроеннаго общества, которымъ условливается взаимное между людьми сближеніе и взаимная полезность, а съ этимъ вмѣстѣ и развитіе *общаго* благосостоянія вещественнаго, умственнаго и нравственнаго. Человѣкъ, черезчуръ благопріятной обстановкой существованія лишенный ближайшихъ поводовъ къ дѣятельности, естественно можетъ легче другаго сдѣлаться въ обществѣ только потребителемъ привилегіи своего счастливаго положенія, и понадобятся особенныя причины, чтобы онъ не провелъ свой вѣкъ въ числѣ недѣятельныхъ, слѣдовательно безполезныхъ, а стало быть, и вредныхъ членовъ общества. Поэтому бытъ раба, хотя бы и обезпеченнаго въ своихъ нуждахъ, хуже быта свободнаго человѣка, хотя бы и нуждающагося.

Прим. перев.

находили не только источники для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, но даже все то, что украшаетъ матеріяльный бытъ человѣка и дѣлаетъ ему легкимъ жизненный путь. Ихъ еще неистощенныя поля давали богатыя жатвы; роскошныя маслины клонились подъ обиліемъ плодовъ, которые употребляли то какъ пищу или приправу къ другимъ кушаньямъ, то на приготовленіе масла, приложеніе котораго въ бытѣ древнихъ эллиновъ было очень обширно и разнообразно. Пышно развивалась тамъ виноградная лоза, освѣжая сокомъ своихъ тучныхъ и сладкихъ гроздьевъ всякаго, отъ царя до раба. Подъ свѣтлымъ небомъ и благодатнымъ климатомъ Эллады рѣдко слышались стоны нищеты. Рогатый скотъ, козы и овцы доставляли молоко, мясо и одежду. Не пренебрегали и разведеніемъ свиней, ибо и на самыхъ праздничныхъ пирахъ жаренная свинина считалась лакомымъ блюдомъ. Изъ шкуръ звѣрей и домашнихъ животныхъ выдѣлывали одежду; онѣ же шли и на приготовленіе нѣкоторыхъ принадлежностей вооруженія, ибо косматая мантія, шлемъ, щитъ и броня (изъ бычачьей кожи и часто обитая мѣдью снаружи) были необходимы и въ военное, и въ мирное время. Обработкой шерсти занимались женщины. Онѣ пряли пряжу на веретено, а изъ нея ткали ткани, которыя употреблялись на всякую одежду, или изъ этого же матеріяла выдѣлывали ковры, испещряя ихъ хитрыми, изящными узорами. Льняной нити, хлопчатобумажной или шелковой, не знали или знали очень мало.

Обувь.

Вся одежда и обувь были до крайности просты и въ то же время покойны и удобны. Рубаха безъ рукавовъ, перехваченная у пояса, достигала до колѣнъ; поверхъ ея, на случай выхода, набрасывали длинный плащъ. Обувь состояла изъ подошвъ, ремнями привязанныхъ къ ногѣ (сандаліи). Вотъ всѣ главнѣйшія принадлежности тогдашняго наряда. Жен-

щины носили такія же одежды, только длиннѣе, нѣжнѣе, граціознѣе. Ежедневныя одежды были цвѣта естественной шерсти, для праздничныхъ же шерсть бѣлили на солнцѣ и нерѣдко украшали ткани болѣе или менѣе яркими узорами и полосами.

То, что мы разумѣемъ теперь подъ именемъ покроя и фасона со всѣми ихъ причудами и хитросплетеніями, было древнимъ вовсе неизвѣстно. Все, что нужно было въ домашнемъ обиходѣ: одежда, оружіе, всякаго рода утварь, посуда и т. п., хозяинъ дѣлалъ себѣ самъ, какъ умѣлъ. Одиссей, какъ мы видѣли, самъ себѣ выдѣлалъ и устроилъ комнату въ дуплѣ огромной маслины. Впрочемъ, были и въ то время художники, умѣвшіе выдѣлывать изъ металла и дерева оружіе, домашнюю утварь и разныя украшенія, напримѣръ: Смилисъ и Дэдалъ. Послѣдній—строитель критскаго лабиринта. Время и различные политическіе перевороты не пощадили тѣхъ богатыхъ, лучезарныхъ щитовъ, тѣхъ золотомъ и серебромъ выложенныхъ креселъ и треножниковъ, о которыхъ читаемъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ, но зато уцѣлѣли, хотя въ развалинахъ, остатки дворцовъ и другихъ памятниковъ зодчества. По нимъ мы теперь можемъ судить о состояніи архитектурнаго искусства у эллиновъ. Древнѣйшія постройки ихъ состоятъ обыкновенно изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Онѣ неотесаны, неправильной формы, а вмѣсто цементовой связи втиснуты другъ промежъ друга, чтобъ взаимной тяжестью могли образовать сплошную, хотя неровную стѣну. Промежутки и пустоты въ нихъ засыпаны мелкимъ камнемъ и мусоромъ. Такія постройки называли и называютъ *циклопическими* на томъ основаніи, будто бы исполинскій родъ циклоповъ нагромоздилъ эти неправильныя, но могучія зданія. Остатки такихъ построекъ находятъ преимущественно среди развалинъ древняго Тиринфа, на полуостровѣ Аргивскомъ, но, кромѣ того, и въ другихъ мѣстностяхъ Эллады и даже разсѣянными тамъ и сямъ по горамъ и равнинамъ Пинда и Олимпа, наконецъ,—въ Эпирѣ и Македоніи.

За этимъ первобытнымъ строительнымъ искусствомъ настала другая пора его. Здѣсь камни получаютъ ужъ правильную форму и приходятся такъ плотно другъ къ другу, что не нуждаются въ цементѣ. Слѣды этого искусства видны въ остаткахъ надгробныхъ памятниковъ съ крестообразнымъ каменнымъ основаніемъ и коническимъ верхомъ. Но гораздо удивительнѣе и знаменательнѣе находящіеся въ Аргосѣ и Микенѣ остатки царскихъ дворцовъ и казнохранилищъ. Среди развалинъ царскаго жилища въ Микенѣ хорошо уцѣлѣли врата. Зданіе пирамидальное. На косякахъ лежитъ притолкомъ огромный камень, служащій подножіемъ треугольнику темнозеленаго мрамора. На этомъ подножіи стоитъ рельефное изображеніе двухъ львовъ, возносящихся въ легкихъ линіяхъ. Внутренніе покои этого жилища были богато изукрашены металлами, слоновьей костью и янтаремъ.

Въ связи съ царскими жилищами были и царскія казнохранилища. Эти послѣднія зданія строились обыкновенно со сводами, очень часто подземными. Стѣны зданія, утверждаясь на крестообразномъ основаніи, сходились возвышаясь все ближе и ближе и, наконецъ, заканчивались площадкой, вымощенной надежными плитами. Изъ такихъ зданій порядочно сохранилось то, которое видимъ въ Микенѣ. Въ немъ еще уцѣлѣли слѣды внутренняго убранства и двѣ статуи на пирамидальномъ порталѣ.

Искусство украшаетъ жизнь.

Лишь только человѣкъ выступаетъ за тѣсные предѣлы борьбы, ради удовлетворенія первѣйшихъ своихъ потребностей, въ немъ проявляется стремленіе сдѣлать жизнь пріятною, и онъ ищетъ, сколько возможно, создать прекрасное и усвоить его своему существованію. Онъ облагороживаетъ печатью искусства тѣ предметы, которые ближе къ нему, которые окружаютъ его въ обиходной жизни, а именно свое жилище и всю обстановку своего домашняго быта. Затѣмъ онъ устремляется къ предметамъ, олицетворяющимъ для

него идеи божества, подъ вліяніемъ тѣхъ же побужденій. Въ этихъ первыхъ стремленіяхъ человѣка надо искать сначала зодчества, ваянія и живописи. Много нужно дарованія и труда для того, чтобы изъ камня, металла или краски создать стройныя, отчетливыя формы; но и отсюда еще далеко до того,

Входъ въ сокровищницу Атрея.

чтобы эти формы облеклись вѣчной красою художественности. Другія средства, для удовлетворенія проявившихся благородныхъ потребностей, человѣкъ находитъ въ словѣ, которое служитъ ему не только способомъ передавать другимъ факты ежедневной жизни, но и могущественнымъ, живымъ средствомъ выразить все, что волнуетъ его душу. Неудиви-

тельно, что это могучее средство часто вливаетъ въ сердце намѣреніе или даже двигаетъ его къ исполненію. Человѣкъ самъ не замѣчаетъ, какъ усвоиваетъ себѣ могущество этого средства и потомъ искусно пользуется имъ для жизненныхъ цѣлей. Какъ только цѣлью слова становится выраженіе наслажденія, которое чувствуетъ душа при созерцаніи прекраснаго,—выраженіе это облекается въ форму поэтическихъ произведеній.

У щедро надѣленныхъ дарами природы эллиновъ очень рано, въ періодѣ героическомъ, проявилась потребность выражать въ благородной, прекрасной формѣ то, что занимало ихъ умъ и сердце: событія и приключенія изъ жизни героевъ или мысли о происхожденіи боговъ, о происхожденіи міра и людей. Поэты, акомпанируя своему пѣнію на лирѣ, странствовали изъ города въ городъ, изъ области въ область, передавая людямъ плоды своихъ мечтаній и думъ. Они были повсюду желанными гостями: пиръ былъ не въ пиръ, праздникъ не въ праздникъ, если онъ не украшался сердцеусладительною пѣснью поэта. Въ этихъ пѣсняхъ поэтовъ, событія, мысли и дѣла являлись въ формѣ повѣтствованія или поученія. Вотъ почему этотъ родъ поэтическихъ произведеній извѣстенъ подъ именемъ *эпическаго*, т. е. повѣствовательнаго, или *дидактическаго*, т. е. поучительнаго. Музы, а слѣдомъ за ними и первые пѣвцы-поэты пришли въ Элладу изъ ѳракійской области Пиріи, лежавшей къ сѣверу отъ Олимпа. Быть можетъ, это сказаніе находится въ связи съ тѣмъ, что изъ среды ѳракіянъ, народа суроваго, обоготворявшаго таинственныя силы природы, выходили въ незапамятныя времена въ Элладу жрецы, съ загадочными, темными поэтическими произведеніями и даже учреждали въ этой послѣдней странѣ порядокъ богослуженія. — Древнѣйшимъ пѣвцемъ считался уже упомянутый выше Орфей. Отечествомъ его также полагали Ѳракію. Звѣри лѣсные, скалы и рощи приходили въ движеніе, какъ только раздавалась пѣснь Орфея. Поэтому легко себѣ представить, какъ глубоко проникали пѣсни его

въ сердца людей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе почерпали въ нихъ руководство къ истинному почитанію боговъ и къ вѣрнѣйшему пониманію гражданскаго порядка. Судя по этому утѣшительному сказанію, поэзія того времени была для общества тѣмъ, чѣмъ должна быть; т. е. источникомъ чистой, высокой нравственности. Когда умерла укушенная змѣей жена Орфея, Эвридика, онъ послѣдовалъ за нею въ аидъ. Страданія души его выразились въ его пѣсняхъ, и эти пѣсни потрясли безжизненныя тѣни усопшихъ, влили состраданіе въ сердце безпощадныхъ эвменидъ и разжалобили даже самаго мрачнаго Гадеса. Владыка подземнаго міра позволилъ Эвридикѣ возвратиться снова на землю съ мужемъ, лишь бы только послѣдній на пути изъ аида шелъ, не оглядываясь назадъ. И ужъ близокъ Орфей къ выходу изъ страшнаго міра, но, и вѣря и не вѣря своей радости, онъ оглянулся, чтобы убѣдиться, съ нимъ ли его сокровище, и тѣмъ отнялъ его у себя въ этотъ разъ ужъ навѣки. Въ нѣмомъ отчаяніи сидѣлъ онъ семь дней у кипучаго потока Гебросa, а потомъ блуждалъ по горамъ Гемусъ, оглашая окрестности своими жалобами, пока его не растерзали тамъ менады. На гробовомъ холмѣ, насыпанномъ на островѣ Лесбосѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ покоилась голова Орфея, соловьи пѣли тоскливѣе и прекраснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ пѣсняхъ Орфея встрѣчаются и свѣдѣнія о происхожденіи боговъ. Эти матеріялы для греческаго богопознанія уже позже попали въ пѣсни Орфея, хотя нельзя отрицать, что въ эти послѣднія, дѣйствительно, могли быть внесены самимъ Орфеемъ кое-какія первобытныя представленія о божествахъ, зароненныя въ народное вѣрованіе первыми жрецами Эллады въ рощахъ додонскихъ и подъ соснами парнасскими. Сюда впервые стали сходиться для жертвоприношеній и для слушанія божественныхъ глаголовъ, объясняемыхъ жрецами по ропоту вѣтра въ верхушкахъ деревъ, или по шелесту листьевъ. Послѣдняя мысль подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ незапамятное время уже существовало въ

Элладѣ такъ называемое *орфейское братство*, члены котораго связаны были общимъ таинственнымъ ученіемъ о почитаніи боговъ. Съ нимъ соображали они свои поступки и самый образъ жизни. Замѣчательно, что въ послѣднемъ попадается черта, общая у этого братства съ *браманизмомъ:* воздержаніе отъ мяса.

Подобную же, хотя гораздо простѣйшую *теогонію*, т. е. ученіе о происхожденіи боговъ, приписываютъ Гезіоду, віотійскому (изъ Аскры) поэту. Гезіодъ украшенъ побѣднымъ вѣнкомъ на поэтическомъ состязаніи, бывшемъ въ Халкидонѣ Эвбейскомъ. Поэтъ собственными глазами могъ еще видѣть и священный гротъ, въ который укрыли новорожденнаго Зевса отъ отца его, Кроноса, въ критскихъ горахъ, и тотъ камень, который проглоченъ былъ Кроносомъ, вмѣсто Зевса, а послѣ хранился въ Дельфахъ. Кромѣ того, что поэтъ могъ видѣть все это, онъ, конечно, слышалъ повѣствованія и пѣснопѣнія жрецовъ объ этихъ чудесахъ. Впрочемъ, и по формѣ, и по содержанію произведеній Гезіода можно заключить, что поэтъ жилъ не ранѣе 800 лѣтъ до Р. Хр. То же заключеніе напрашивается, когда читаешь другое, также ему приписываемое, произведеніе: „*Труды и дни*“, собраніе правилъ практической, житейской мудрости, правилъ, въ которыхъ отлично отпечатлѣвается духъ времени и народа. Извлекаемъ изъ нихъ слѣдующее: „Друга принимай ласково, угощай радушно, отличая его отъ недруга. Передъ посторонними оказывай вниманіе доброму сосѣду, потому что кому ближе сосѣда поспѣшить къ тебѣ на помощь въ дни твоей

Гезіодъ.

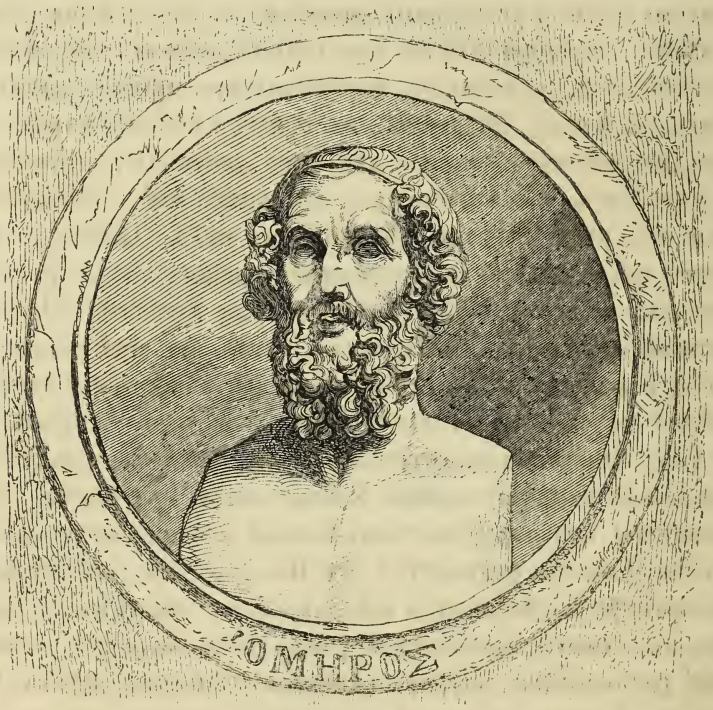
скорби и нужды? Но если много можно потерпѣть отъ сосѣда лукаваго, зато какое счастіе обладать добрымъ и вѣрнымъ! За услуги воздавай ему, сколько можешь, услугами же, чтобъ ты могъ обезпечить себѣ его дружбу и содѣйствіе на случай невзгоды. Другу не оказывай предпочтенія предъ кровнымъ твоимъ братомъ: это нанесло бы глубокую рану сердцу послѣдняго. Не обманывай друга лукавою рѣчью; если-жъ онъ первый броситъ слово раздора или самымъ дѣломъ обнаружитъ къ тебѣ непріязнь, то онъ вдвойнѣ заслужилъ твою месть. Но когда ты замѣтишь, что онъ желалъ бы изгладить слѣды бывшей размолвки, желалъ бы попрежнему быть съ тобою въ дружбѣ, — не отворачивайся отъ него и не заставляй его этимъ искать себѣ новаго друга Напротивъ, — ни словомъ, ни видомъ не показывай, что ты помнишь прежнюю его вину. — Да не услышитъ бѣднякъ отъ тебя упрека въ бѣдности: знай, что и бѣдность есть также даръ боговъ.“

Полнѣе и чище звучитъ собственно эпическая поэзія эллиновъ, т. е. повѣствованія о дѣяніяхъ боговъ и людей. Въ нихъ блистательно проявляются поэтическое настроеніе и та ясность взгляда, та разсудительность, которыя составляли отличительныя черты истиннаго эллина. Въ повѣствованіяхъ этихъ не видишь личности поэта, не слышишь его собственныхъ чувствованій и размышленій. Поэтъ отступаетъ и скрывается за своимъ произведеніемъ. Картины минувшихъ событій, воспроизведенныхъ въ представленіи поэта и просвѣтленныхъ волшебствомъ фантазіи его развертываются предъ читателемъ, и послѣдній, хотя не видитъ въ повѣствованіи личныхъ ощущеній и мыслей поэта, но тѣмъ не менѣе вполнѣ поддается обаятельному вліянію его и сердцемъ постигаетъ ту высокую правду и красоту, которыми повсюду запечатлѣны его произведенія. Вотъ что, конечно, ощущали слушавшіе древнихъ *рапсодистовъ* (поэтовъ-пѣвцевъ), случалось ли то въ палатахъ царскихъ, или въ собраніяхъ народныхъ. Никто не думалъ записывать этихъ поэтическихъ пѣснопѣ-

ній: животрепещущимъ словомъ передавались они изъ устъ въ уста, переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію. Что утрачивалось, а что прибавлялось и распространялось, смотря по поэтической воспріимчивости повторявшихъ преданіе. Конечно, бо̀льшая часть событій миѳическаго періода существованія эллиновъ была также облечена въ подобныя формы, хотя послѣднія и не сохранились до насъ: только прозаическія замѣтки позднѣйшихъ временъ остались о нихъ. Уцѣлѣли отъ всеразрушающаго времени и то частями только тѣ пѣсни, которыя имѣли предметомъ своимъ подробности, относившіяся къ великому народному предпріятію эллиновъ, троянской войнѣ. Вѣроятно, въ этихъ пѣсняхъ народъ видѣлъ драгоцѣннѣйшее свое духовное достояніе, доставшееся отъ предковъ, ибо позаботился сохранить ихъ, изустно передавая изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Поэтому и мы имѣемъ право видѣть въ этихъ произведеніяхъ все, что только эпическая поэзія древнихъ воспроизвела лучшаго. При этой изустной передачѣ, очень легко могли по временамъ случаться измѣненія въ формѣ и содержаніи передаваемаго. По крайней мѣрѣ, относительно *Иліады*, можно полагать, что она уже существовала готовой поэмой, когда въ нее внесены *Ахиллеида* и другія поэмы о знаменитыхъ герояхъ, существовавшія сначала самостоятельными поэтическими произведеніями. *Одиссея* отличается отъ Иліады тѣмъ, что въ первой пространнѣе повѣствуется о богахъ и о существѣ ихъ. Кромѣ того, въ Одиссеѣ сравненія гораздо блѣднѣе, и все повѣствованіе расположено вокругъ одного, основнаго предмета. Быть можетъ, Гомеръ, котораго считаютъ творцемъ обѣихъ этихъ эпопей, былъ однимъ изъ странствующихъ рапсодистовъ, но въ то время, какъ другіе повторяли лишь знакомыя пѣсни объ отдѣльныхъ событіяхъ,— онъ позаимствовалъ отъ нихъ эти послѣднія, усвоилъ своему поэтическому представленію и сблизилъ ихъ въ двѣ эпопеи.

Обыкновенно полагаютъ, что Гомеръ жилъ лѣтъ сто спустя послѣ троянской войны. Если послѣднюю считать

около 1200 л. до Р. Х., то пѣсни Гомера, значитъ, звучали около 1100 л. до Р. Х. Но, кажется, вѣрнѣе полагать, что поэтъ жилъ лѣтъ 200 позже, т е. около 900 л. до Р. Х., ибо около этой поры эллинскія колоніи въ Малой Азіи достигли самаго цвѣтущаго состоянія. Въ этихъ цвѣтущихъ городахъ должна была сильнѣе проявиться потребность эстетическихъ наслажденій, чѣмъ въ метрополіи ихъ, въ которой



Гомеръ.

въ это время наступилъ періодъ общественнаго броженія, періодъ государственнаго развитія, а такія обстоятельства менѣе благопріятны для появленія спокойнаго, безстрастнаго эпоса.

Нарѣчіе, господствующее въ произведеніяхъ Гомера, есть іонійское. Поэтому отечествомъ Гомера можно считать азі-

ятскую Іонію, гдѣ процвѣтали богатые города: Милетъ, Эфесъ и Колофонъ. Семь городовъ изъявили притязаніе на титулъ отечества Гомера. Они составляютъ слѣдующій стихъ:

«Смирна, Родосъ, Колофонъ, Саламинъ, Хіосъ, Аргосъ, Аѳины.»

Сказаніе о Гомерѣ замыкаетъ собою сказанія о героическомъ періодѣ существованія эллиновъ. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ, какою любовью и уваженіемъ окружали въ то время личность Гомера. Поэтъ своею пѣснію и игрою на лирѣ проливалъ радость въ сердца слушателей, были ли то счастливые избранники судьбы, или скромные простолюдины. Зато повсюду, гдѣ ни появлялся онъ, онъ былъ гостемъ почетнымъ и пріятнымъ. Онъ слѣпъ; пестрое настоящее ему недоступно; но зато, какъ оживало въ его входновенной рѣчи далекое, событіями богатое прошедшее — и осмысленное, прочувствованное поэтомъ являлось, полное жизни, предъ очами изумленнаго живаго поколѣнія? И слава поэта расла изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, повсюду, гдѣ только было кому откликнуться на родную рѣчь, на человѣческое чувство. Распространенію славы Гомера не мало способствовали искатели приключеній или люди, которые, по торговымъ и другимъ дѣламъ, часто странствовали по Греціи. Передвиженія эти совершались на пространствѣ гораздо большемъ, чѣмъ обыкновенно представляютъ себѣ. Въ греческихъ племенахъ замѣтны были большая подвижность и страсть къ путешествіямъ. То одиночно, накинувши на плечи дорожный плащъ и съ копьемъ въ рукѣ, отправлялся эллинъ, гонимый нуждою, искать себѣ новаго мѣста для осѣдлости, то собирались для подобныхъ же цѣлей цѣлыя племена и (какъ мы видѣли выше) совершали свои пересе-

Эллинъ по-дорожному.

ленія по сушѣ и по морямъ. Всѣ они знали и всѣ они разсказывали въ новыхъ земляхъ о томъ, какъ двигаетъ слѣпой поэтъ сердце людей своею благозвучною лирою и своими обворожительными повѣствованіями. Какъ Гераклъ является первообразомъ эллинскихъ героевъ, такъ въ Гомерѣ мы видимъ представителя эллинскихъ рапсодистовъ.

Видъ Тайгета съ развалинами театра въ Спартѣ. — Рисунокъ Дуссола.

ГЛАВА III.

ВРЕМЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО УСТРОЙСТВА.

1. Переселенія.

Событія, которыми теперь предстоитъ намъ заняться, заключаютъ въ себѣ уже больше вѣрныхъ и историческихъ основаній, чѣмъ предшествовавшій періодъ исторіи эллиновъ, но и здѣсь по временамъ встрѣчается еще сказочное. Правда древній народный эпосъ истощился, но въ устахъ отдѣльныхъ племенъ еще остаются преданія о главнѣйшихъ событіяхъ въ жизни ихъ предковъ, и эти преданія переходятъ отъ отцевъ къ дѣтямъ, сохраняя потомству кое-что отличительное, но многое вовсе утрачивая. Въ предстоящемъ изложеніи мы будемъ держаться болѣе такихъ данныхъ, которыя при своемъ дальнѣйшемъ развитіи поступаютъ въ об-

ласть собственно исторіи. Сказочнаго же въ этомъ періодѣ будемъ касаться только слегка, ибо послѣднее или уже является не подъ прежней обворожительной, поэтической формой, или не доставляетъ болѣе матеріяловъ для точнаго уразумѣнія жизни и стремленій народа.

Товарищи и потомки Геракла, изгнанные Эврисѳеемъ, по смерти послѣдняго снова возвратились въ Пелопонезъ, чтобы добиться владычества надъ страной, на которую предъявляли свои права. Предводитель ихъ, Гилъ, сынъ и наслѣдникъ Геракла, палъ въ единоборствѣ съ Эхемомъ Тегейскимъ. Оставшись безъ главы, товарищи, въ силу клятвой утвержденнаго условія съ противниками, должны были на сто лѣтъ отказаться не только отъ своего мнимаго права на Пелопонезъ, но и отъ всякаго притязанія на него. Они нашли покровительство и гостепріимство у сосѣдняго горскаго народа, жившаго къ сѣверу отъ Пелопонеза, дорянъ. Въ этой странѣ поселились пришельцы. Съ теченіемъ времени они совершенно слились съ могущественными горцами.

Около 1100 г. до Р. Хр. гераклиды вмѣстѣ съ дорянами и съ новыми союзниками своими, этолянами и локридцами, снова двинулись на Пелопонезъ. Ими предводительствовали трое братьевъ: Теменъ, Кресфонтъ и Аристодемъ, правнуки Гила. По какому-то пророчеству, нападеніе должно было совершиться съ моря, подъ предводительствомъ треглазаго мужа. И какъ будто для исполненія пророчества завоеватели выстроили множество кораблей въ Навпактѣ, въ Коринѳскомъ заливѣ, и воспользовались услугами этолійца Оксила, который отлично зналъ мѣстность и ознакомилъ съ нею новыхъ пришельцевъ. Замѣчательно, что Оксилъ былъ кривъ на одинъ глазъ, но, какъ отличный ѣздокъ, онъ конемъ своимъ владѣлъ въ совершенствѣ и потому самъ былъ какъ будто треглазымъ. Передъ самымъ походомъ Аристодемъ былъ убитъ молніей. Его мѣсто заступили сыновья его, близнецы Эврисѳенъ и Проклъ; поэтому дѣло не потерпѣло задержки. Походъ былъ удаченъ. Блестящей побѣдой гераклиды обез-

печили себѣ совокупное (вмѣстѣ съ дорянами и этолянами) владѣніе надъ бо̀льшею частью Пелопонеза. Новое пріобрѣтеніе раздѣлили между собою такимъ образомъ: Оксилу досталась плодоносная Элида на западномъ берегу Пелопонеза; Темену—Аргивскій полуостровъ; сыновьямъ Аристодема—Спарта и, наконецъ, Кресфонту—Мессенія.

Не беремся рѣшить, насколько истины въ этомъ разсказѣ. Несомнѣнно только то, что Пелопонезъ завоеванъ дорянами. Вѣроятно, дѣло было такъ: предпріимчивое племя дорянъ переправилось на лодкахъ (тогдашнихъ корабляхъ) въ Арголиду и завладѣло этою областью; отсюда же распространило власть свою и по всему восточному поморью полуострова; другая часть отважныхъ завоевателей высадилась въ Элидѣ, вверхъ по теченію Алфея, проникла внутрь полуострова, откуда частью спустилась теченіемъ Эвротаса въ Спарту, частью овладѣла сосѣдней на западъ Мессеніей, гдѣ и основала Стениклеросъ. Съ моря трудно было бы добраться до этихъ двухъ городовъ (Спарты и Стениклероса); притомъ же не подверженъ сомнѣнію тотъ историческій фактъ, что долина нижняго Эвротаса и поморье въ этомъ мѣстѣ только въ позднѣйшее время и то постепенно и не безъ большихъ усилій сдѣлались добычей Спарты. Населявшіе эту мѣстность ахейцы, не желая подчиняться власти суровыхъ завоевателей, переселились на сѣверъ, къ Коринѳскому заливу, и тамъ основали свои жилища. Мѣстность по имени ихъ назвалась Ахаіей; народъ же, жившій здѣсь, родственный ахейцамъ, іонійцы, вытѣсненный изъ своей области, подвинулся далѣе на востокъ, расположился на полуостровѣ Аѳинскомъ и сталъ пользоваться гостепріимствомъ Аѳинъ.

А между тѣмъ доряне не успокоились на новомъ мѣстѣ. Первая удача пріохотила ихъ къ новымъ переселеніямъ. Часть ихъ проникла до Коринѳа. Въ этотъ походъ отправились отборнѣйшіе изъ воиновъ. На высокомъ холмѣ, въ виду богатаго города, они расположились лагеремъ и такъ усердно и долго тѣснили городъ, что послѣдній вынужденъ былъ

отворить имъ ворота. Утвердивши господство свое въ Коринѳѣ, они двинулись дальше, черезъ перешеекъ, въ Мегару, а, завладѣвши и ею, проникли до самыхъ Аѳинъ. Но могущество Аѳинъ положило предѣлъ дальнѣйшимъ завоеваніямъ дорянъ. Послѣдніе перешли отсюда на островъ Эгину, гдѣ основали городъ, процвѣтавшій впослѣдствіи торговлей и образованіемъ.

Всѣ эти вторженія и передвиженія въ Элладѣ были въ связи съ тѣми переселеніями, которыя совершились нѣсколько раньше, къ сѣверу отъ этой страны. Изъ-за негостепріимнаго Пинда появились ѳессалійцы, которые гнѣздились дотолѣ въ горахъ эпиротскаго Ѳеспротія, и разсыпались по обширнымъ равнинамъ и плодоносной долинѣ Пенея. Народы, которые встрѣчались имъ на пути, должны были или покоряться пришельцамъ, или выселяться. Страна же, по имени побѣдителей, назвалась съ тѣхъ поръ Ѳессаліей. Въ числѣ выселившихся отсюда были віотійцы. Они проложили себѣ пути въ ущеліяхъ Оѳриса и Эты, и въ свою очередь оттѣснили тѣхъ, кого встрѣтили на своемъ невольномъ переходѣ. Кадмейцы должны были передъ ними бѣжать изъ Ѳивъ, а минійцы изъ Орхомена. Вся же мѣстность, занятая новыми пришельцами, назвалась по имени ихъ Віотіей.

Не всѣ ахейцы, вытѣсненные дорянами изъ Лаконики и Арголиды, поселились въ Ахаіи, у Коринѳскаго залива; значительная часть ихъ пошла далѣе, черезъ перешеекъ, проникла въ Віотію и Ѳессалію, соединилась тамъ съ изгнанными этолянами и, вмѣстѣ съ ними, перешагнула, наконецъ, за цѣпь горъ Лингонскихъ и Олимпійскихъ. Здѣсь они столкнулись съ кочующими ордами народа негостепріимнаго и суроваго. Послѣ долгаго и труднаго странствованія, они достигли Геллеспонта. Отсюда, на корабляхъ, перебрались они въ Малую Азію. Плодоносные, веселые берега Малой Азіи понравились имъ, и они здѣсь остановились. Построивши Киме и Смирну, они завладѣли Тенедосомъ, который лежалъ у троянской земли; но замѣчательнѣе всѣхъ ихъ поселеній было

то, которое они основали на островѣ Лезбосѣ: оно скоро прославилось искусствомъ и образованностью своихъ жителей.

Еще значительнѣе было послѣдовавшее за этими переселеніями выселеніе іонянъ. Въ Аѳинахъ собралось столько іонянъ и другихъ пришельцевъ, что, при всемъ радушіи аѳинянъ, трудно было содержать ихъ. А между тѣмъ изъ-за моря чаще и чаще доходили слухи о цвѣтущихъ островахъ мало-азіятскихъ, о роскошной природѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ маслина, виноградъ и хлѣбъ всякаго рода обильно награждаютъ человѣка даже за малый трудъ. Недолго собиралось подвижное населеніе. Изготовлены корабли, и тысячи предпріимчиваго народа, іоняне и ахейцы, кадмеяне, минійцы и эоляне, поплыли въ желанный край. Предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: отважные колонисты завладѣли Кикладскими островами, въ томъ числѣ, богатымъ Хіосомъ и такъ прекрасно помѣщеннымъ для торговли Самосомъ. За первыми переселенцами послѣдовали другіе, и скоро ими населилось все мало-азіятское поморье, къ югу отъ эолійскихъ колоній. Здѣсь процвѣли двѣнадцать городовъ, особенно же Фокея, Эфесъ и Милетъ; они образовали собою союзъ Іонійскихъ городовъ.

И въ дорическомъ племени еще не прекратилось движеніе. Какъ по морю начали доряне свои передвиженія, такъ и продолжали ихъ по морю тѣ изъ нихъ, которые разочаровались Пелопонесомъ. Они выселились отсюда и утвердились на островахъ Мелосѣ, Критѣ, Родосѣ, а отсюда завладѣли югозападнымъ угломъ Малой Азіи, гдѣ у нихъ впослѣдствіи явился цвѣтущій и могущественный городъ Галикарнасъ. Еще значительнѣе были колоніи дорянъ въ Сициліи. Здѣсь г. Сиракузы достигъ такого значенія, какимъ пользовались немногіе изъ городовъ и собственной Эллады.

Ликургъ показываетъ народу молодаго короля.

II. Законодательство въ Спартѣ.

Между новыми обществами, основанными дорянами въ Пелопонесѣ, прежде другихъ достигло значенія то, которое было основано на Аргивскомъ полуостровѣ. Новые владѣтели сдѣлали центромъ своего господства не царственную Микену, а городъ Аргосъ. Здѣсь утвердился владыка гераклидовъ, Теменъ; прочіе же герои и сподвижники его размѣстились по другимъ городамъ и стали въ нихъ царствовать, въ зависимости, впрочемъ, отъ Аргоса. Въ такой же зависимости отъ дорянъ находилось и все завоеванное ими восточное поморье полуострова до самаго мыса Малійскаго.

Извѣстнѣйшимъ изъ царей аргивскихъ былъ Фидонъ, жившій около 750 года до Р. Х. — Онъ снова придалъ значеніе царскому сану и сумѣлъ то хитростью, то силой побѣдить всѣ препятствія, которыя представлялись ему къ владычеству надъ всѣмъ Пелопонесомъ. Хотя, при преслѣ-

дованіи своей цѣли, онъ не всегда дѣйствовалъ безукоризненно, зато многими благоразумными мѣрами онъ сильно содѣйствовалъ къ возвышенію народнаго благосостоянія. Фидонъ, между прочимъ, первый сталъ чеканить монету и ввелъ въ государствѣ однообразныя мѣры и вѣсъ, извѣстные подъ именемъ *эгинскихъ*. Вѣроятно, система эта заимствована была отважными мореходцами, населявшими островъ Эгину, отъ вавилонянъ, ибо въ основаніяхъ своихъ она была сходна съ тою, которая была въ употребленіи въ Вавилоніи. Сближенія съ народами Востока послужили для Аргивскаго государства уже въ то отдаленное время поводомъ къ торговлѣ, вслѣдствіе которой дѣятельно сталъ производиться обмѣнъ не только произведеній страны, но и взаимныхъ мыслей, учрежденій, изобрѣтеній. Изъ дальнихъ, чуждыхъ странъ стали заимствовать полезное и примѣнять его у себя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывалась потребность въ немъ.

Фидонъ, стремясь къ преобладанію, присвоилъ себѣ и право распорядителя тѣми торжественными играми, которыя каждые 4 года праздновались на равнинахъ олимпійскихъ. Въ то время эти игры не имѣли еще такого общественнаго значенія для всей Эллады, какое получили впослѣдствіи: вначалѣ онѣ служили только средствомъ сближенія элидцевъ, мессенянъ и спартанцевъ. Изъ этихъ трехъ племенъ явились въ то время новые побѣдители. Не знаемъ навѣрно, соединились ли эти три народа противъ аргивскаго владыки, и потерялъ ли послѣдній свое могущество послѣ битвы съ ними, но извѣстно, что по смерти Фидона ослабѣли связи, скрѣплявшія съ Аргосомъ подчиненные города. Преемники Фидона и въ самомъ Аргосѣ уже чувствовали преобладаніе демократическихъ формъ правленія, развившееся въ остальныхъ городахъ полуострова, и могли только въ рѣдкихъ благопріятныхъ случаяхъ поддерживать свое положеніе относительно прочихъ.

Другому народу суждено было получить первенство на полуостровѣ и именно тому (также дорійскому), который

вначалѣ владѣлъ только Спартою и прилежащею къ ней областью. Мы ужь говорили, что братья-близнецы, Эврисѳенъ и Проклъ, привели дружину дорянъ на берега Эвротаса и покорили себѣ владѣнія потомковъ Менелая. Царское достоинство осталось въ домѣ Аристодема (отца близнецовъ), и впослѣдствіи всегда во главѣ немногочисленнаго народа являлись двое потомковъ его, одинъ изъ рода Эврисѳена, другой изъ рода Прокла. Это раздвоеніе верховной власти повело къ раздорамъ и къ ослабленію государства и имѣло вліяніе на порчу дотолѣ простыхъ нравовъ народа и на потерю значенія государства во мнѣніи сосѣдей. Выдавались изъ государей и такіе, которые прославили себя кое-какими завоеваніями въ Лаконикѣ, но эти пріобрѣтенія стояли одиночно, независимо отъ власти главнаго народа. Сама же Спарта не могла себѣ подчинить даже сосѣдственнаго города — Амиклэ.

Отсутствіе законовъ имѣло съ году на годъ болѣе и болѣе замѣтныя слѣдствія въ одичаніи народныхъ нравовъ. Городъ могъ бы сдѣлаться легкой добычей завоевателя, еслибъ онъ нашелся. Но изъ сосѣднихъ народовъ ни одинъ еще не пользовался такимъ государственнымъ устройствомъ, подъ вліяніемъ котораго окрѣпъ бы для обширныхъ внѣшнихъ предпріятій. Итакъ, для Спарты настояла крайняя нужда въ томъ, чѣмъ сознается въ государствѣ порядокъ и прочное единство, т. е. въ правильномъ законодательствѣ. Его получила она отъ Ликурга.

Ликургъ.

Болѣе 200 лѣтъ длился періодъ безсилія маленькаго государства, граждане котораго коснѣли въ развратѣ и невѣжествѣ. Наконецъ, около 880 г. до Р. Х. явился въ Спартѣ человѣкъ, который вызвалъ переворотъ въ обществѣ. Это былъ знаменитый законодатель Ликургъ. Какъ ни разнорѣ-

чивы свѣдѣнія о немъ самомъ и законахъ его, но всѣ согласны въ томъ, что Ликургъ былъ человѣкъ съ необыкновенными способностями, силою воли и безкорыстнымъ стремленіемъ къ славѣ своего отечества. Здѣсь мы представимъ свѣдѣнія о жизни Ликурга и его государственной дѣятельности такъ, какъ они представляются изъ сближенія и сравненія тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя имѣютъ наибольшую вѣроятность.

Древнихъ письменныхъ источниковъ объ обстоятельствахъ жизни Ликурга очень мало; поэтому мы должны слѣдовать позднѣйшимъ писателямъ.

Одинъ изъ потомковъ гераклидовъ, изъ рода Прокла, царь Эвномъ, былъ убитъ среди внутреннихъ смутъ и безпорядковъ. Ему наслѣдовалъ въ управленіи страной старшій сынъ его, Полидектъ. Послѣдній скоро умеръ. За неимѣніемъ прямаго наслѣдника, Ликургъ долженъ былъ принять власть. Вмѣстѣ съ властью, вдова Полидекта отдала ему и руку свою. Очень скоро послѣ этого союза у царицы родился сынъ. Ликургъ этому обрадовался, ибо въ малюткѣ, какъ сынѣ царя, видѣлъ истиннаго преемника власти. Съ нимъ явился онъ въ народное собраніе и объявляя законнаго преемника Полидекта, назвалъ его Харилаемъ (т. е. радостью народной). Но Ликургъ не избѣгъ клеветы. Сама же вдова Полидекта, его теперешняя жена, и младшій братъ его распространяли въ народѣ слухи, будто Ликургъ посягалъ на жизнь своего питомца, чтобы завладѣть потомъ его наслѣдственною властью и имуществомъ. Чтобъ прекратить клевету, Ликургъ покинулъ отечество. Прежде всего онъ посѣтилъ Критъ, потомъ мало-азіятскую Іонію, наконецъ, даже побывалъ въ Египтѣ и Индіи. Повсюду онъ наблюдалъ и изучалъ гражданскія учрежденія и пользовался бесѣдою мудрецовъ и ученыхъ. Особенно сблизился онъ съ критскимъ поэтомъ-философомъ, Ѳалетомъ, и любилъ читать его поэтическія сочиненія о гражданскомъ бытѣ и порядкѣ общественномъ. Ликургъ убѣдилъ Ѳалета переселиться въ

Спарту, съ тѣмъ, чтобы своею поэзіею онъ сдѣлалъ спартанцевъ воспріимчивѣе къ законности и гражданственности. Эта мѣра удалась какъ нельзя лучше. Спартанцамъ уже надоѣли ежедневныя ссоры и битвы; они томились желаніемъ снова увидѣть среди себя человѣка, который обѣщалъ имъ когда-то избавить ихъ отъ множества неурядицъ. Лишь только Ликургъ узналъ о желаніи народа, то отправился за совѣтомъ въ Дельфы. Жрица отозвалась о немъ, какъ о любимцѣ боговъ, и прибавила, что самъ Зевсъ вложилъ въ него свѣтлыя мысли и благія намѣренія *). Молва принесла въ Спарту это заключеніе всѣми уважаемаго оракула еще прежде, чѣмъ прибылъ Ликургъ. Скоро явился онъ самъ, облеченный знаками божественнаго посланника. Тридцать благороднѣйшихъ гражданъ спартанскихъ, въ полномъ вооруженіи, почтительно сопровождали его, когда онъ предсталъ въ народномъ собраніи. Юный царь Харилай былъ сначала предубѣжденъ противъ рѣшительнаго шага своего дяди, но скоро и онъ и другой царь, Архелай, и большинство народа съ благоговѣйнымъ страхомъ выслушали, что возвѣстилъ имъ божественный посланникъ. Впослѣдствіи, однакожъ, при введеніи новаго порядка вещей, не обошлось безъ сумятицы. Одинъ негодяй, по имени Алкандръ, ударилъ почтеннаго законодателя въ глазъ, но его тотчасъ схватили и представили Ликургу. Ликургъ, вмѣсто казни, оставилъ преступника у себя въ домѣ, на опытѣ показалъ ему, какъ смягчаетъ душу человѣка доброта и откровенный образъ дѣйствій, и достигъ того, что виновный, вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться закоренѣлымъ злодѣемъ, сталъ ему надежнымъ приверженцемъ и преданнымъ другомъ.

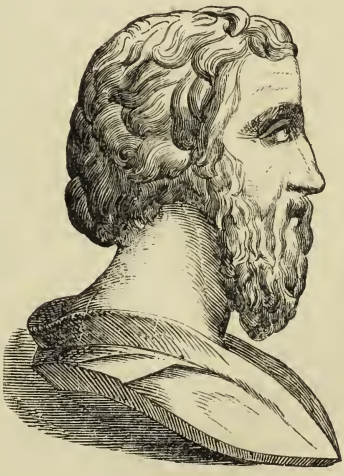
Закономъ ясно опредѣлилась форма государственнаго правленія и прочно обезпечено право общественное и част-

---

*) Геродотъ приводитъ изрѣченіе Пиѳіи, въ кн. 1, гл. 65: «О Ликургъ! ты пришелъ въ мой блестящій храмъ, любимый Зевсомъ и всѣми олимпійскими богами. Недоумѣваю, назвать ли тебя богомъ или смертнымъ; но лучше назову тебя богомъ, о Ликургъ!» *Пр. перев.*

ное. Потомкамъ царственныхъ фамилій, какъ первому элементу верховной власти въ республикѣ, присвоены высшія должности въ государствѣ: предсѣдательство въ сенатѣ, предводительство на войнѣ, принесеніе торжественныхъ жертвъ и поддержаніе постоянныхъ сношеній съ оракуломъ дельфійскимъ. Для внѣшняго сохраненія достоинства своего званія, эти высокіе сановники имѣли обширныя помѣстья и получали при различныхъ обстоятельствахъ богатые подарки. Что касается простора ихъ умственнымъ дарованіямъ, то правильными законами хотя и нанесенъ былъ большой уронъ ихъ прежнимъ личнымъ правамъ и въ особенности привилегіямъ, однакожь, они все еще могли оказывать большое вліяніе на государственныя дѣла, если могли заявить передъ обществомъ свои дарованія и энергію.

Сенатъ, учрежденный Ликургомъ, состоялъ изъ 28 членовъ, *геронтовъ*, переступившихъ 60-ти-лѣтній возрастъ. Сенатъ назывался *герусіей*, что значитъ: совѣтъ старѣйшинъ. Предсѣдательствовали въ сенатѣ цари. Обсужденію и рѣшенію его подлежали самыя важныя государственныя дѣла: объявленіе войны, заключеніе мира, союзы и договоры съ другими народами и прочія дипломатическія сношенія, распредѣленіе земель, сношенія гражданъ Спарты съ сельскимъ населеніемъ, разбирательство такихъ преступленій, по которымъ виновные наказывались смертью или изгнаніемъ изъ отечества. При рѣшеніяхъ цари также подавали свой голосъ, слѣдовательно, герусія состояла собственно изъ 30 членовъ. Всѣ они избирались изъ втораго дорическаго племени, *гом-*



Ликургъ.

меевъ (что значитъ благороднѣйшихъ) и должны были служить въ своемъ званіи безсрочно.

Третій основной элементъ управленія страной было *народное собраніе*. Всѣ заключенія герусіи по дѣламъ, касавшимся общественнаго благосостоянія, представлялись народному собранію и этой послѣдней инстанціей принимались или отвергались. Полагаютъ, что здѣсь запрещены были всякіе переговоры и словесныя пренія; но едва ли такое запрещеніе находилось въ *Ретрѣ*, т. е. въ книгѣ законовъ Ликурговыхъ. Достовѣрные историки повѣствуютъ, какъ въ народномъ спартанскомъ собраніи иноземные послы держали длинныя рѣчи, и какъ эти рѣчи, именно по причинѣ своей длины, не достигали цѣли. Спартанцы были скупы на слова, въ особенности же не любили они длинныхъ рѣчей, стараясь во всѣхъ случаяхъ держаться самаго дѣла и немногими словами выражать свою мысль. Здравомыслящіе граждане, составлявшіе народное собраніе, конечно, и сами избѣгали многословія, потому едва ли слѣдовало запрещать то, что и само собой не могло существовать.

Сравнивая основанія гражданскаго порядка, изложенныя въ Ликурговой Ретрѣ, съ обычаями временъ героическихъ, находимъ удивительное сходство. Верховный владыка, совѣтъ вождей и народное собраніе и въ героическія времена были (и въ Иліонѣ, и въ странѣ Феакійцевъ) озабочены народнымъ благосостояніемъ. То же видимъ и въ Итакѣ, только здѣсь недостаетъ, на все время троянской войны и послѣдовавшаго за ней десятилѣтія, верховнаго главы. Вотъ почему и проявляются въ Итакѣ насилія права и безпорядки всякаго рода. Сообразивъ все это, нетрудно видѣть, что Ликургъ не создалъ ничего новаго, необыкновеннаго (что именно и обличаетъ въ немъ мудраго законодателя), а только вызвалъ изъ забвенія прошедшаго основанія права, освященныя обычаемъ, облекъ ихъ въ форму законности и строго разграничилъ смутно до тѣхъ поръ понимаемые взаимные предѣлы различныхъ основныхъ началъ общественной власти. Вотъ

въ чемъ его великая, неотъемлемая заслуга. Если его учрежденія и все устройство государственнаго быта Спарты сохранились до позднѣйшихъ временъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, то объясненія этому надобно искать, конечно, въ ясности и опредѣлительности данныхъ имъ уставовъ.

Нѣсколько сотъ лѣтъ спустя, въ Ретрѣ были сдѣланы важныя прибавленія. Такъ было сенатомъ положено: не придавать никакого значенія такимъ заключеніямъ народныхъ собраній, которыя сенатомъ признаны будутъ противорѣчащими цѣли народнаго благостоянія. Этой мѣрой сенату удалось очень ограничить ту власть, которая въ формѣ народнаго собранія могла противодѣйствовать его власти. Народное собраніе исправило этотъ ущербъ въ своей власти введеніемъ въ нее новаго элемента. Этимъ элементомъ сдѣлалась корпорація 5 эфоровъ. Они избирались ежегодно изъ среды самаго же народнаго собранія. Они должны были происходить непремѣнно изъ дорическаго племени. Эфоры, какъ представители власти народной, были отвѣтственны только предъ лицемъ народнаго собранія. Сначала эфоры имѣли обязанностью слѣдить за тѣмъ, чтобы никакая изъ трехъ основныхъ государственныхъ властей не выступала за предѣлы, назначенные ей уставомъ; потомъ имъ было поручено блюсти за нравственностью не только чиновниковъ, но и отборнѣйшихъ гражданъ; наконецъ, вѣдѣнію ихъ подчинены низшія судебныя инстанціи. Какъ власть наблюдательная и исполнительная, эфоры имѣли даже полномочіе самихъ царей, какъ простыхъ гражданъ, подвергать денежнымъ пенямъ или тюремнымъ заключеніямъ. Отсюда понятно, что власть ихъ быстро расширялась и перешла за предѣлы, назначенные ей первоначально. Въ ихъ распоряженіи было ежеминутно 300 вооруженныхъ юношей, имѣвшихъ назначеніе служить, какъ полицейское орудіе, для сохраненія общественнаго порядка. Впослѣдствіи эфоры отбирали въ казну имущество или подвергали другимъ наказа-

ніямъ лицъ, которыя казались *имъ* подозрительными. Нерѣдко они созывали сенатъ и народное собраніе, для произнесенія своихъ рѣшеній по какимъ-либо дѣламъ особенной важности. Это случалось особенно при разрѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ. Эфоры же собирали и военную силу въ походъ, назначали ей предводителемъ одного изъ царей и приказывали ему слѣдовать даннымъ ими наставленіямъ. Эфоровъ часто называли *отцами царей*, хотя въ дѣйствительности они были скорѣе наблюдателями и руководителями ихъ.

Главнѣйшимъ зломъ, отъ котораго страдало государство Ликургово, было неравномѣрное распредѣленіе имущества между гражданами. Мудрый законодатель и не могъ, и не хотѣлъ существовавшій дотолѣ порядокъ владѣнія собственностью замѣнить введеніемъ равенства собственности, ибо зналъ, что на практикѣ такое нововведеніе едва ли привело бы къ утѣшительнымъ послѣдствіямъ. Онъ придумалъ другой путь для достиженія своей цѣли: онъ, сколько могъ, уменьшилъ цѣнность обширныхъ имѣній, а подъ конецъ ввелъ въ обычай у гражданъ Спарты *сисситіи*, т. е. общіе обѣды, къ которымъ каждый обязанъ былъ доставлять опредѣленное количество ячменной муки, винныхъ ягодъ, сыра и вина, а также и небольшую денежную сумму. Знаменитая спартанская черная похлебка, изъ крови на говяжьемъ наварѣ, съ уксусомъ и солью, была существенной принадлежностью этихъ обѣдовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ похлебки, невзыскательные спартанцы услаждались тутъ еще и мясомъ, въ особенности свининой и дичью. Всѣ граждане, безъ различія состояній пола и возраста, должны были сходиться къ общимъ обѣдамъ. Кто не въ состояніи былъ болѣе доставлять ежемѣсячныхъ приношеній въ общую кассу, того устраняли отъ участія въ этихъ обѣдахъ, но чрезъ это самое исключительный участникъ терялъ и соотвѣтствующую ему долю участія въ управленіи государствомъ. За общественными столами участники составляли товари-

щества или дружины. Такими же дружинами граждане неразлучно упражнялись и въ гимнастикѣ, и въ военномъ искусствѣ. Дружинами же, наконецъ, выходили въ походъ и бились съ непріятелями.

Ликургъ придумалъ еще одно средство заглушить въ спартанцахъ чувство корысти и отнять у богатства всякое значеніе. Средство это было — однообразное общественное воспитаніе. Дѣти, вскорѣ по рожденіи, были осматриваемы назначенными для этого опытными людьми. Ненадежныхъ здоровьемъ или рожденныхъ съ какими-нибудь физическими недостатками лишали жизни, чтобъ дѣти не выросли въ тягость обществу; здоровыхъ же и крѣпкихъ возвращали родителямъ. Но у родителей они оставались только до семи лѣтъ. Послѣ этого срока дѣти поступали въ вѣдѣніе государства. Здѣсь, размѣщенныя по классамъ и разрядамъ, они всѣ получали одинаковое содержаніе и воспитаніе. Смотрители ихъ назывались *эйренами*, а воспитатели-наставники — *педономенами*. Все воспитаніе имѣло главнѣйшею цѣлью приготовить обществу гражданина крѣпкаго, воинственнаго и безусловно покорнаго законамъ. Для этого дѣтей ежедневно занимали непрерывными тѣлесными упражненіями, передвиженіями и вообще всѣмъ, что относилось къ обязанностямъ воина. Не забывали и упражненій въ пляскѣ, чтобъ при жертвоприношеніяхъ юноши могли выказывать не одну только неутомимость движеній, но умѣли бы придавать имъ мягкость и развязность. Отъ такихъ ежедневныхъ физическихъ упражненій мало оставалось времени для духовнаго развитія; однако-жь, за столомъ или среди отдыха юноши со вниманіемъ вслушивались въ рѣчи своихъ наставниковъ или опытныхъ старцевъ, поучаясь отъ нихъ государственному быту и обязанностямъ гражданина. Спартанцы также учили наизусть гимны богамъ и пѣсни, восхвалявшія храбрость и презрѣніе къ смерти. Отъ старшихъ своихъ спартанцы учились краткости и мѣткости выраженія. Многія изъ такихъ выраженій перешли даже къ потомкамъ, въ

видѣ поговорокъ, напримѣръ, слова одной спартанки, которая сказала сыну, провожая его въ битву «иль на щитѣ, иль со щитомъ» (т. е. или доблестно погибни, или воротись побѣдителемъ).

Воспитаніе не оканчивалось съ возрастомъ дѣтства: юноши и взрослые мужи подвержены были такимъ же безпрерывнымъ, только еще болѣе труднымъ и сложнымъ упражненіямъ. Какъ дитя, по смыслу законодательства, не считалось принадлежностью отеческаго дома, такъ и взрослый гражданинъ принадлежалъ не семейству своему, а всему отечеству. Нѣжныя связи родственной любви были очень ослаблены, частью даже вовсе уничтожены, для того, чтобъ всѣ сердца исключительно закрѣпить за общимъ отцемъ — государствомъ. Тѣ-же чувства одушевляли и спартанокъ, ибо и ихъ воспитаніе направлено было къ тому, чтобъ всѣ ихъ помыслы и стремленія сосредоточить на единственномъ, величайшемъ благѣ—отечествѣ. «Только отъ мужественныхъ матерей могутъ произойти могучіе граждане», сказалъ законодатель. Съ этой цѣлью спартанскія дѣвочки ничего не знали, ни о пряжѣ, ни о тканьѣ, ни о прочихъ женскихъ рукодѣліяхъ, — все это было вмѣнено въ обязанность домашнимъ рабынямъ, — юныя же гражданки, вмѣстѣ съ мальчиками, одѣтыя въ такія же короткія, легкія туники, упражнялись на площадяхъ въ бѣганіи въ запуски, въ борьбѣ, въ игрѣ въ мячъ и пляскѣ. Мальчики, юноши и взрослые мужи присутствовали при упражненіяхъ и произносили свой судъ. Подобныя же упражненія продолжались и для взрослыхъ дѣвицъ и женъ, равно какъ для юношей и мужей. Вообще сближенія пóловъ были часты и просты, но эти сближенія нисколько не вредили чистотѣ нравственности, напротивъ: спартанки славились во всей Элладѣ красотою формъ, чистымъ нравомъ и безукоризненнымъ образомъ жизни. Важный строй мыслей спартанцевъ, единодушное и всеобщее стремленіе къ поддержанію и возвышенію славы отечества и страхъ общественнаго осужде-

нія — вотъ чувства, которыя были на стражѣ чистоты нравовъ. Что впослѣдствіи являлись исключенія, это само собой понятно. Притомъ же, вообще говоря, не оставалось и времени какъ, къ несчастію, для нѣжныхъ, благородныхъ проявленій любви материнской, сыновней, супружеской, такъ и для нечистыхъ помысловъ и желаній. Жена спартанка видѣла въ мужѣ своемъ и сыновьяхъ только защитниковъ отечества, назначенныхъ сражаться за него, побѣждать или умирать.

Такими и подобными распорядками законодатель старался, не ниспровергая права владѣнія собственностью, достигнуть того, чтобы богатство потеряло всякую приманку въ глазахъ спартанца. Впослѣдствіи Ликургъ ослабилъ и самое право владѣнія собственностью, какъ видно изъ позднѣйшихъ писателей. Онъ этого достигъ уравненіемъ количества самаго владѣнія, раздѣливъ городскія земли, по числу гражданъ, способныхъ носить оружіе, на 9,000 равныхъ участковъ; остальныя же земли раздѣлилъ, по числу свободныхъ землевладѣльцевъ, на 30,000 также равныхъ долей. Объ этой мѣрѣ законодателя говорится у позднѣйшихъ писателей; у писателей же, болѣе близкихъ ко времени Ликурга, о ней ничего не упоминается, а между тѣмъ исторія свидѣтельствуетъ, что въ Лаконіи не было равенства ни въ имуществѣ, ни въ поземельномъ владѣніи, и что въ самое Ликургово время завоеватели-доряне владѣли въ Лаконіи сначала лишь малѣйшею частью страны. Наконецъ, извѣстно, что число гражданъ, имѣвшихъ полное, неоспоримое право на недвижимое имущество, постепенно уменьшалось вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ устранялось ихъ участіе въ общественныхъ обѣдахъ (сисситіяхъ), за неимѣніемъ назначеннаго вклада, а для богатыхъ, свободныхъ землевладѣльцевъ пріобрѣтеніе полнаго права гражданства соединено было съ необычайными затрудненіями. Послѣднее обстоятельство, какъ коренное зло, немало способствовало къ ослабленію государства. Иначе поступалъ Римъ, устроившійся также по образцу воинственной Спарты: онъ принималъ въ свои

стѣны достойнѣйшихъ людей даже и изъ среды побѣжденныхъ народовъ и этимъ обезпечилъ себѣ на цѣлыя столѣтія постоянно возраставшую внутри государства умственную и нравственную силу.

Равномѣрное распредѣленіе въ государствѣ земель между гражданами приводитъ къ невыгоднымъ послѣдствіямъ. Странно допустить такую мѣру со стороны мудраго законодателя, но еще несовмѣстнѣе съ его мудростью мнѣніе многихъ, будто бы въ Ретрѣ заключался законъ, изгонявшій изъ употребленія золотую и серебряную монету и вообще владѣніе благородными металлами. Благородные металлы были въ то время чрезвычайно рѣдки: въ цѣлой Греціи не могли собрать достаточно золота, когда понадобилось позолотить голову Зевса въ Амиклэ. Монету же, какъ мы видѣли выше, ввелъ въ народное обращеніе царь Фидонъ; царь же этотъ жилъ позже Ликурга.

Исторія сохранила намъ указанія, какъ впослѣдствіи времени и въ Спартѣ выучились цѣнить обладаніе сокровищами, въ томъ числѣ, конечно, и деньгами, и какъ спартанцы не отставали въ этомъ отношеніи отъ своихъ соотечественниковъ. Въ ней содержатся свидѣтельства того, какимъ блескомъ окружали себя военачальники и намѣстники въ подвѣдомственныхъ имъ городахъ, и какъ они наслажденіями всякаго рода умѣли тамъ вознаграждать себя за суровый бытъ свой на родинѣ. Привыкнувъ же къ такому образу жизни внѣ роднаго города, они ужь не могли вовсе разстаться съ нимъ, а потому, возвратившись домой, умѣли придумывать средства, чтобы обходить суровость спартанскаго законоположенія. Да и само государство не могло не нуждаться въ деньгахъ для своихъ обширныхъ военныхъ предпріятій: гражданство и земство не могли доставить всѣхъ нужныхъ для этого средствъ, ибо надобно же было содержать постоянное войско и флотъ для охраненія уже расширившихся владѣній спартанскихъ. Прежніе законы отжили свое время: они стали точно устарѣлые боевые до-

спѣхи, только стѣсняющіе свободу движеній, а не защищающіе воина. Зато въ прежнія времена и нѣсколько столѣтій сряду они оказывали юному обществу необычайныя услуги. Вспомнимъ только, что, благодаря имъ, малочисленное дорійское племя, окруженное враждебными и завистливыми ахейцами и другими сосѣдями, слилось въ такое воинственное братство и образовало такое мощное цѣлое, что сокрушило всѣхъ своихъ враговъ и постепенно поставило всѣхъ ихъ въ зависимость отъ себя. По достиженіи этой цѣли, законы спартанскіе должны были бы подвергнуться новымъ, болѣе сообразнымъ съ временемъ и потребностями общества, измѣненіямъ; но, къ несчастію, для этого не нашлось въ средѣ самаго общества ни надлежащей власти, ни пониманія, ни отдѣльныхъ личностей, способныхъ содѣйствовать удовлетворенію потребности, ими самими еще неясно сознанной. Да и весь предшествовавшій періодъ умственнаго существованія Спарты не могъ приготовить въ ней такихъ личностей. Суровые граждане Спарты скорѣе были олицетвореніемъ противоборства всякому умственному и нравственному проявленію духа: имъ некогда было развиться для дѣятельности въ области мысли и въ наукѣ. Притомъ же и обстоятельства ихъ прежняго быта, какъ мы видѣли, не могли благопріятствовать этому.

Въ составѣ дорійскаго племени въ Спартѣ заключались слѣдующіе три элемента: 1) *гераклиды*, 2) *гоммеи* (то есть равные, перы) и 3) *гипоміоны* (простой народъ). Эти три основные его элемента сначала были строго разграничены между собою. Они одни имѣли участіе въ управленіи государствомъ. Военное дѣло было ихъ исключительнымъ занятіемъ: обрабатываніе земель возложено было на *гелотовъ* (крѣпостныхъ людей).

Жители остальныхъ областныхъ городовъ, покоренныхъ позже, смѣшивались съ побѣдителями, но сохраняли личную свободу и поземельную собственность. Этихъ жителей называли *періеками*. Въ военномъ дѣлѣ они стремились къ тому,

чтобы не отставать отъ воинственныхъ гражданъ самой Спарты; но, кромѣ этого, занятія они не забывали и земледѣлія, и ремеслъ, и торговли. Очень можетъ быть, что этотъ подчиненный народный элементъ не пользовался покровительствомъ власти наравнѣ съ побѣдителями, даже есть основаніе полагать, что эфоры имѣли право всякаго періека, по одному только подозрѣнію, подвергать наказанію, безъ всякихъ формальностей судопроизводства; но несомнѣнно, что періеки не чувствовали на себѣ того ненавистнаго гражданскаго ига, изъ-подъ котораго всякій угнетенный народъ стремится освободиться, въ чемъ раньше или позже и достигаетъ своей цѣли. Дѣти періековъ часто воспитывались вмѣстѣ съ дѣтьми спартанцевъ. Такіе періеки стояли, въ глазахъ общества, на ряду съ истинными гражданами Спарты и назывались *мовакамп*.

Но печальна была участь гелотовъ, составлявшихъ дворовую прислугу и населеніе дачъ и деревень. Вѣроятно, гелоты и до вторженія въ Пелопонесъ дорянъ, находились въ подчиненіи и даже въ крѣпостной зависимости у прежнихъ владѣтелей страны; суровые же завоеватели сдѣлали этотъ гнетъ еще чувствительнѣе. Правда, что содержаніе ихъ обезпечено было землями, но самыя эти земли, вмѣстѣ съ ними, составляли безусловную принадлежность государства, и послѣднее стремилось извлекать изъ нихъ какъ можно болѣе собственной выгоды. Такъ гелоты, кромѣ своихъ занятій, должны были обрабатывать поля гражданъ, исполнять, что нужно было по дому, въ качествѣ не наемныхъ, а обязанныхъ слугъ, а въ случаѣ войны должны были легковооруженными слѣдовать за ними въ походъ, не получая, впрочемъ, за это никакого значительнаго вознагражденія. За необыкновенно блестящіе ратные подвиги гелотовъ возводили иногда въ званіе свободныхъ гражданъ, и тогда они, сложивъ съ себя знаки своего рабства: кожаную шапочку и овчинную одежду, получали названіе *неодамадовъ*. Были случаи, что отважныхъ юношей гелотовъ вызывали на опасныя

предпріятія, съ обѣщаніемъ свободы. По исполненіи ими дѣла, ихъ вводили съ вѣнкомъ на головѣ въ храмъ, а потомъ спроваживали въ такое мѣсто, изъ котораго о нихъ не было болѣе слуха. По временамъ, для наблюденій за страной или ради воинскихъ упражненій, отряды вооруженныхъ юношей двигались по горамъ и долинамъ, скрывая свои движенія какъ можно лучше. Такія передвиженія извѣстны были подъ именемъ *криптій* (т. е. тайныхъ). Во время этихъ походовъ случалось, что тамъ и сямъ погибалъ несчастный гелотъ жертвой возбуждаемаго имъ презрѣнія или дерзкой надменности и подозрительности; но чтобъ на гелотовъ предпринимались открытыя преслѣдованія и охота *), этого не бывало. На стражѣ гелотовъ стояли, со стороны спартанцевъ, мечъ и копье; но и гелоты не дремали и при всякомъ удобномъ случаѣ потрясали свои цѣпи, пытаясь разорвать ихъ и свергнуть ненавистное рабство. Было, наконецъ, и то, что на приращеніе массы рабочаго класса—что въ хорошо устроенномъ государствѣ должно быть однозначащимъ съ приращеніемъ здоровья и силъ—смотрѣли въ Спартѣ съ недоброжелательствомъ и тревогой; но зато утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена не встрѣчается признаковъ той взаимной между классами общества ненависти, которой бывало свидѣтелемъ болѣе близкое къ намъ время **).

---

*) Какъ это было въ нѣкоторыхъ современныхъ намъ quasi-просвѣщенныхъ странахъ, напр. въ южныхъ штатахъ могущественнаго государства Сѣверной Америки. См. «*Хижина дяди Тома*», романъ американской писательницы *Бичеръ Стоу*.

Прим. перев.

**) Вѣроятно, авторъ намекаетъ на потрясеніе, вызванное въ сѣверныхъ провинціяхъ австрійской имперіи въ то время, когда, потерявъ терпѣніе, сельское крѣпостное населеніе вымѣстило на своихъ притѣснителяхъ ужасы, испытанные имъ самимъ. (См. стат. Гакстгаузена. *Объ отмѣненіи господствовавшихъ правъ въ Австріи.* Русскій Вѣстникъ).

Прим. перев.

Аристоменъ спасается изъ пещеры

III. Мессенскія войны.

Законодательство Ликургово до такой степени послужило къ усиленію небольшаго его государства, что мало-по-малу сосѣдніе города, дотолѣ свободные: Амиклэ, Фарисъ, Геронта и другіе, покорились власти Спарты. По смерти владыки аргивскаго, Фидона, особенно прославился завоеваніями царь Телеклъ. Онъ распространилъ владѣнія на восточномъ поморьѣ полуострова, бывшемъ до того времени въ союзѣ съ Аргосомъ. Въ этомъ періодѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершилось много доблестныхъ дѣлъ, одержано было много побѣдъ, но исторія не сохранила намъ подробностей о нихъ. Сами спартанцы не потрудились занести эти факты въ лѣтописи своего существованія: бытописаніе было не по нимъ. Вотъ отчего свѣдѣнія, дошедшія до потомковъ объ этомъ періодѣ

времени, бѣдны по содержанію. По нѣкоторымъ изъ нихъ оказывается даже, что спартанцы не всегда одерживали верхъ надъ сосѣдями, но этому съ трудомъ можно вѣрить, ибо результаты борьбы были въ пользу ихъ. Такъ, именно, говорится о войнѣ, которую спартанцы вели съ сосѣдями, мессенянами, до тѣхъ поръ, пока не покорили ихъ совершенно своей власти. Мессеняне были также дорическаго происхожденія. Они заняли горныя мѣстности, равнины и все прибрежье къ западу отъ Лаконики и, кажется, съ первобытными обитателями этихъ мѣстъ слились въ одинъ народъ. У нихъ не было главнаго средоточія власти и силы, ибо Стениклеросъ, который полагаютъ главнымъ городомъ Мессеніи, никогда не имѣлъ большаго значенія въ глазахъ народа. Долго они жили въ союзѣ съ своими восточными сосѣдями. Но съ тѣхъ поръ, какъ Спарта гордо подняла голову и, можетъ быть, дала это почувствовать и мессенянамъ, въ послѣднихъ также пробудилась національная гордость. Поводомъ къ вспышкѣ послужило одно празднество, которое съ давнихъ временъ оба народа отправляли стобща при храмѣ Артемиды. Храмъ находился недалеко отъ самой вершины Тайгета. Туда сходились съ обѣихъ сторонъ юноши и дѣвы, для приношенія богинѣ своихъ даровъ. Веселые мессеняне позволили себѣ однажды при этомъ кое-какія вольности съ спартанскими дѣвами; царь Телеклъ прибылъ на помощь обиженнымъ и былъ убитъ на мѣстѣ. По другимъ преданіямъ, самъ царь, съ толпою юношей, всѣ переодѣтые въ женскія одежды, затѣялъ ссору. Это случилось въ 743 г. до Р. Х. Послѣ долгихъ, но безполезныхъ переговоровъ, вспыхнула первая мессенская война.

Спартанцы, или *спартіаты* (такъ названы они въ греческихъ письменныхъ памятникахъ; и мы иногда такъ будемъ называть ихъ) вторглись въ Мессенію около 740 года. Они завоевали и разрушили Амфею и другіе города, которые, вѣроятно, по обычаю дорянъ, не имѣли укрѣпленій, но зато стояли на неприступныхъ мѣстахъ. Царь мессенскій, Евфай, собралъ войско и далъ спартанцамъ сильный отпоръ. Въ пятый

годъ войны, вслѣдствіе рѣшительной битвы мессеняне отступили на гору Иѳому и укрѣпились на ней. Здѣсь отпрыскъ царскаго рода Кресфонта, Аристодемъ, принесъ въ жертву богамъ собственныхъ дочерей, ибо оракулъ предвѣстилъ побѣду за такую жертву. Полные надеждой на содѣйствіе боговъ, мессеняне вышли изъ лагеря и дали новую битву, которая стоила, однакожъ, мессенянамъ жизни царя ихъ, Евфая. Заступивъ его мѣсто, Аристодемъ въ третій разъ сразился съ спартанцами, но, не смотря на успѣхъ, долженъ былъ отступить предъ неблагопріятными знаменіями боговъ и сильнымъ натискомъ непріятелей. Въ отчаяніи онъ кинулся на мечъ свой, на могилѣ напрасно убитыхъ дочерей. Еще долго и храбро защищались въ городахъ мессеняне, но въ двадцатый годъ войны, не видя ни откуда помощи, они бросили свои крѣпкія позиціи и искали спасенія въ Аркадіи и Элидѣ. Побѣдоносные спартіаты разрушили городъ Иѳомы и покорили себѣ всю область.

Этотъ слабый очеркъ мессенской войны мы заимствуемъ изъ мессенскихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ именно воспѣваются побѣды мессенянъ во многихъ битвахъ и вслѣдъ затѣмъ отступленіе въ горы. Трудно примирить такія противорѣчія. Цари спартанскіе, Полидоръ и Ѳеопомпъ, судя по исходу войны, были предводители мужественные и предпріимчивые; но объ этомъ обстоятельствѣ несчастные бѣглецы мессеняне умалчиваютъ, повѣствуя близкимъ и далекимъ народамъ о покореніи своего отечества.

Аристоменъ.

Изъ повинностей, наложенныхъ побѣдителями на побѣжденныхъ мессенянъ, самою тяжелою была—ежегодный вносъ цѣлой половины ихъ жатвы. Впрочемъ, было еще одно тяжкое нравственное иго: ежегодно, на торжественное поминовеніе одного спартанскаго царя, продолжавшееся 10 дней,

выборные изъ каждой деревушки, въ глубокомъ траурѣ, должны были являться въ главный городъ и принимать участіе въ торжествѣ, вмѣстѣ съ представителями городовъ и селъ собственной Лаконіи.

Въ нѣмомъ оцѣпенѣніи несъ покоренный народъ свое иго. Но подросло свѣжее поколѣніе. Ему чужды были страшныя воспоминанія первой войны. Вспыхнулъ въ немъ древній дорическій духъ, и въ юныхъ сердцахъ рѣшено было или вновь завоевать драгоцѣннѣйшее благо на свѣтѣ — свободу отечества, или погибнуть. Въ особенности воспламенилось населеніе Анданіи, лежавшей въ сѣверовосточной гористой части области. Эта мѣстность, какъ кажется, менѣе другихъ терпѣла тягость общаго ига. Изъ отважныхъ воиновъ Анданіи особенно отличался мужествомъ духа и физической силой Аристоменъ. Онъ не разъ выказалъ эти качества въ битвахъ съ горными разбойниками и въ борьбѣ съ дикими звѣрями. Вокругъ Аристомена скоро собралась ватага отважнѣйшихъ юношей. Избравъ благопріятную минуту, онъ развернулъ знамя свободы и, проходя по странѣ, всѣхъ призывалъ къ оружію, къ отомщенію. Это было въ 660 г. до Р. Х. Спартанцы не замедлили двинуться на нихъ, но первая битва у Доры не рѣшила дѣла. Юный герой, не безъ основанія, призналъ эту нерѣшенную битву почти за побѣду и, пробравшись глухими путями до самой Спарты, повѣсилъ во храмѣ Аѳины-Паллады свой щитъ съ слѣдующей надписью на немъ: „Аристоменъ посвящаетъ богинѣ этотъ знакъ побѣды своей надъ спартіатами“. Обстоятельство это увѣнчалось нежданнымъ успѣхомъ: аркадцы и аргивяне прислали мессенянамъ вспомогательное войско. Они ужь давно боялись могущества Спарты.

Пришла помощь и Спартѣ. Въ Лаконіи появился человѣкъ, который сумѣлъ возвысить духъ воиновъ и успокоить волненіе гражданъ, роптавшихъ на то, что безконечныя войны отнимаютъ у нихъ всякую возможность заниматься обрабатываніемъ своихъ полей. Человѣкъ этотъ былъ пѣвецъ

Тиртей изъ Афидны. По другимъ даннымъ надо думать, что онъ былъ присланъ изъ Аѳинъ. Какъ бы то ни было, но онъ своими пѣснями вдохнулъ небывалое мужество въ сердца недовольныхъ спартанцевъ*). Онъ сопровождалъ войско спартанское въ самое серце Мессеніи и проникъ съ нимъ на равнины, гдѣ находился разрушенный Стениклеросъ. Отдѣльные холмы возвышались надъ равниной. На одномъ изъ нихъ, называемомъ *Кабаньимъ пятномъ*, собрано было мессенское войско, въ срединѣ котораго Аристоменъ, съ отборнѣйшей ратью, распоряжался движеніями соотечественниковъ. Спартанское военное искусство и тогда уже стояло такъ высоко, что отчасти могло бы соперничать съ нынѣшнимъ. Воины вступали въ бой или развернутымъ строемъ, или сомкнутыми батальонами. Батальоны эти, называвшіеся у спартіатовъ *морами* и заключавшіе въ себѣ отъ 400 до 900 человѣкъ, подраздѣлялись еще на меньшія части. *Энномотіи*, самыя меньшія, были взводы отъ 24 до 35 человѣкъ. Каждый изъ воиновъ зналъ свое мѣсто и не сбивался съ него даже въ пылу схватки. Въ такомъ-то порядкѣ выстроились спартанскія рати и спокойно ждали, когда царь ихъ, Анаксандръ, двинетъ ихъ на непріятеля. Грозно глядѣли ополченія стоя, какъ одно огромное тѣло, въ кроваваго цвѣта военныхъ одеждахъ и съ почти одинаковымъ вооруженіемъ. Рѣзко-пронзительные звуки трубъ возбуждали воинственный пылъ. Но вотъ рати сошлись и закипѣлъ долгій, упорный бой. Крѣпко стояли и мужественно, какъ всегда, дрались спартанцы, но увлеченные духомъ вождя, съ отчаянной храбростью, стремились на нихъ мессеняне, какъ бурныя волны. Ряды ихъ съ каждымъ новымъ успѣхомъ росли болѣе, и

---

*) По показанію Страбона (кн. VIII), онъ былъ доріецъ изъ Эринеи и извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что Тиртей самъ, въ одной пѣснѣ, которую Страбонъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія, говоритъ:

Ο, δὶν ἅμα προλίποντες Ἐρίνεον ἠνεμόεντα
Εὐρεῖνα Πέλοπος νῆδον ἀφιπόμεσα.

(т. е. оставивъ Эриней, обуреваемый вѣтрами, мы прибыли съ ними на обширный островъ Пелопса).

Пр. Перевод.

болѣе отъ прибывавшихъ новыхъ дружинъ, и, тѣснимые отовсюду, спартанцы должны были податься назадъ. Сначала отступили гелоты, за ними періеки, а, наконецъ, и все войско, боясь быть окруженнымъ и отрѣзаннымъ. Вся Мессенія возстала. Со всѣхъ сторонъ спѣшили принять участіе въ побѣдѣ, но сколько ни старался Аристоменъ, кидаясь въ самыя жаркія мѣста, а не могъ разорвать рядовъ спартанскихъ, только потерялъ въ свалкѣ свой щитъ. Слѣдствія побѣды Аристоменовой были огромны: вся область снова стала свободной, и необычайный успѣхъ ввелъ въ сердца гражданъ необыкновенный духъ мужества, возбуждавшій ихъ къ новымъ подвигамъ. Жены и дѣвы встрѣтили побѣдителя, когда онъ возвратился въ родной свой городъ, Анданію, и пѣли ему навстрѣчу:

«Видѣлъ Стениклеросъ, какъ побѣжали, съ кровавыхъ полей,
Аристоменомъ гонимы, спартанскія рати къ высотамъ Тайгета.»

На слѣдующій годъ, возбужденныя пѣснями Тиртея, новыя дружины спартанскія вторглись въ Мессенію. Во главѣ своихъ воинствъ снова вышелъ къ нимъ навстрѣчу Аристоменъ. На этотъ разъ счастіе не благопріятствовало герою: предводитель аркадцевъ, Аристокритъ, оказался недостойнымъ своего званія: въ первой же сшибкѣ бѣжалъ, какъ малодушный, и стремительность непріятельскаго напора всей тяжестью пала на однѣ силы Аристоменовой дружины. Увлеченные примѣромъ труса-предводителя, бѣжали и многіе воины. Аристомену не безъ большихъ усилій удалось снова скрѣпить свои ряды и съ отборнѣйшими изъ воиновъ дать сильный отпоръ спартанцамъ. Но побѣды нельзя было ожидать на этотъ разъ, напротивъ Аристоменъ принужденъ былъ уклоняться далѣе и далѣе на западъ. Уже блеснуло синей полосой на горизонтѣ Іоническое море, когда Аристоменъ успѣлъ укрѣпиться на трудно-доступномъ склонѣ горы Иры. Сюда части мессенскаго войска укрылись отъ преслѣдованій непріятеля.

Изъ этого укрѣпленнаго лагеря Аристоменъ выходилъ на отважныя предпріятія, не только въ предѣлахъ Мессеніи,

но и далѣе, въ самую Лаконію, и всегда возвращался съ богатой добычей. Разъ онъ ворвался даже въ сосѣдній Спартѣ городъ Амиклэ, и успѣлъ съ богатой добычей уйти прежде, чѣмъ спартанцы пустились за нимъ въ погоню. Но въ другой разъ онъ самъ попался въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 50 своими отважными товарищами. Въ Спартѣ былъ жестокій обычай: военноплѣнныхъ бросать, вмѣстѣ съ оружіемъ, въ дикія, безвыходныя ущелья Тайгета. Всѣ товарищи Аристомена погибли, только самъ онъ уцѣлѣлъ, и то благодаря особенному благоволенію боговъ. Дѣло было такъ. Три дня оставался несчастный герой въ мрачной, сырой пещерѣ, среди разбитыхъ во время паденія или звѣрями растерзанныхъ въ пещерѣ труповъ своихъ друзей. Вдругъ слышитъ онъ въ сторонѣ хрустѣнье и чавканье, какъ будто звѣрь наслаждается своею добычей. Аристоменъ прислушивается, напрягаетъ зрѣніе и, при тускломъ свѣтѣ дня, проникнувшемъ сквозь трещину скалы, видитъ, какъ трудится лисица надъ однимъ изъ труповъ. Онъ ползкомъ добирается до этого мѣста, и слѣдуя за звѣремъ по всѣмъ закоулкамъ и извилинамъ, выбирается, наконецъ, на свободу. Послѣ долгаго, утомительнаго странствованія ему удается достигнуть Иры, на радость народа, уже потерявшаго было надежду видѣть его. На слѣдующій же день отбиты коринѳскіе воины, присланные Спартой для взятія лагеря. Снова засіялъ щитъ Аристоменовъ съ парящимъ на немъ орломъ, указывая путь къ побѣдѣ. Почти всѣ непріятельскія дружины разбиты или изгнаны изъ Мессеніи. Такъ свирѣпствовалъ освобожденный изъ рукъ самой смерти герой Аристоменъ.

Скоро, однако-жъ, снова постигло его несчастіе. Критскіе стрѣлки захватили его и прежде, чѣмъ герой могъ оказать сопротивленіе, повлекли его въ плѣнъ. Ночь опередила ихъ. Пришлось искать пріюта въ какой-то хижинѣ, гдѣ жила старушка мессенянка съ дочерью. Узнавши благороднаго плѣнника, она рѣшилась, во что бы то ни стало, освободить его. Она такъ радушно употчивала гостей, что всѣ они опьянѣв-

шіе не могли совладѣть съ тяжкой дремотой. Этого старушкѣ и нужно было. Она тотчасъ развязала узы героя и снабдила его оружіемъ.

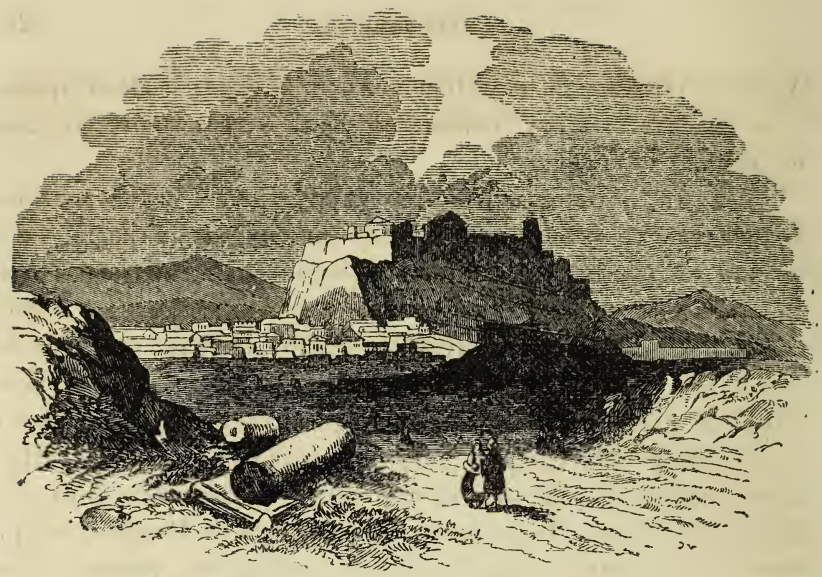
Среди такихъ событій насталъ семнадцатый годъ войны, а съ нимъ—и часъ паденія храбраго народа. Больно становится душѣ, когда видишь, что мужественный человѣкъ, послѣ долгой упорной борьбы съ желѣзной судьбой, погибаетъ подъ ударами ея, не достигши предположенной великой цѣли; но во сколько-жъ разъ сильнѣе потрясена душа, когда видишь, что дробится и погибаетъ цѣлый народъ, не отъ собственныхъ пороковъ и нравственнаго ничтожества, а въ силу сцѣпленія различныхъ непредвидѣнныхъ, пожалуй, случайныхъ, но тѣмъ не менѣе роковыхъ обстоятельствъ. Такъ случилось съ геройскими остатками мессенскаго племени, которое гордо отстаивало еще свою независимость, укрѣпившись на Ирѣ. Одинъ спартанецъ, бывшій въ непозволительной связи съ какою-то мессенянкой, былъ причиной всего несчастія. Была темная бурная ночь. Спартанецъ этотъ наслаждался покоемъ у своей любовницы. Вдругъ слышатъ они шаги. Это—мужъ мессенянки, покинувшій свой сторожевой постъ: онъ несчастный, думалъ, что въ такую ужасную непогоду ужъ никакъ нельзя ожидать покушеній на лагерь. Спартанецъ спасается прямо къ своимъ и, прежде чѣмъ совершенно оправилась отъ страха преступная жена, войско спартанское тихо, неслышно прокрадывалось по высотамъ. Ни буря, ни раскаты грома, ни дождь, ни опасности путей не останавливали его; его велъ тотъ самый лазутчикъ, который возвѣстилъ спартанцамъ удобную минуту для нападенія. Никто бы и не замѣтилъ, какъ ворвались спартанцы въ самый лагерь мессенянъ, еслибъ не залаяли собаки. Мессеняне какъ схватились со сна, такъ и бросились навстрѣчу врагамъ. По ущельямъ, чрезъ которыя пробирались спартанцы, завязалась у нихъ кровопролитная борьба съ неустрашимыми защитниками послѣдняго убѣжища свободы. Только молніи видѣли ужасный бой: факелы залиты были дождемъ. Съ разсвѣтомъ

дня битва не кончилась: мессеняне построились, ободрились отъ ночной нечаянности, и каждый шагъ отстаивали съ необычайнымъ геройствомъ. Три дня длился бой, только немногіе воины съ обѣихъ сторонъ могли быть въ дѣйствіи, такъ были тѣсны проходы. Усталыхъ или убитыхъ смѣняли свѣжія силы. Къ концу третьяго дня, Аристоменъ увидѣлъ, что его оттѣснили къ самой вершинѣ горы. Онъ собралъ вмѣстѣ стариковъ, женъ и дѣтей, а вокругъ нихъ расположилъ остатокъ своихъ военныхъ силъ: самъ же съ копьемъ и мечемъ пробилъ себѣ дорогу сквозь непріятельскія дружины въ Аркадію. Спартанцы не рѣшились преслѣдовать его. Въ Аркадіи онъ нашелъ дружескій пріемъ. Туда къ нему собрались всѣ, кому удалось спастись на Ирѣ, такъ что у Аристомена составилась довольно многочисленная дружина, усиленная еще охотниками изъ Аркадіи. Съ нею Аристоменъ приплылъ въ Сицилію и захватилъ тамъ городъ Цанклэ, расширилъ его и назвалъ Мессаной (нынѣшняя Мессина). Изъ Сициліи Аристоменъ отправился въ Родосъ, владѣтель котораго Дамагетъ, женился на его дочери. Въ Родосѣ Аристоменъ побылъ на пути въ Азію, куда онъ направилъ свои виды съ цѣлью въ ней отыскать средства къ освобожденію своего отечества. Смерть положила конецъ его благороднымъ намѣреніямъ и доблестнымъ подвигамъ. Мессеняне лишились самостоятельнаго существованія, но въ пѣсняхъ своихъ на удивленіе потомкамъ сохранили воспоминаніе о подвигахъ знаменитаго героя, умѣвшаго подарить отечеству, хотя краткую, но тѣмъ не менѣе сладостную свободу.

Во время мессенскихъ войнъ, а въ особенности послѣ нихъ спартанцы и въ другую сторону расширили свои завоеванія, а именно на счетъ владѣній аркадскаго города Тегеи и родственнаго племени аргивскаго. Съ послѣдними война была также продолжительна и упорна. Она кончилась поединкомъ 300 на 300, поединкомъ такимъ ожесточеннымъ, что только одинъ спартанецъ уцѣлѣлъ, сохранивши, впрочемъ, за собою поле побѣды, да двое аргивянъ, спасшихся бѣгствомъ въ

Аргосъ. Отважный царь Клеоменъ принудилъ войско аргивское спасаться отступленіемъ въ лѣсъ, а лѣсъ этотъ предалъ пламени.

Такимъ образомъ Спарта упрочила за собой военное первенство по всей Элладѣ: даже иноземные народы часто искали ея благоволенія и покровительства. А все еще граждане Спарты не покидали своего прежняго суроваго образа жизни; только пѣсни и музыку стали любить они больше прежняго. Тиртей, и даже одинъ лакедемонскій рабъ, Алкманъ, за свои воинственныя и торжественныя пѣсни, получили рѣдкую въ Спартѣ награду: право гражданства. Преданіе сохранило, на память потомству, разсказъ о томъ, что лезбоскій пѣвецъ Терпандръ, призванный въ Спарту по причинѣ возникшихъ среди гражданъ раздоровъ, умѣлъ своими пѣснями такъ смягчить сердца главныхъ зачинщиковъ ссоры, что вмѣсто междоусобія, они со слезами бросились другъ другу въ объятія и тѣмъ примирили обѣ противныя партіи.



Нынѣшнія Аѳины и развалины Акрополиса.

IV. Аѳины.

Простимся съ воинственными и суровыми спартанцами и отправимся въ Аѳины, средоточіе науки и искусства, просвѣщенія и нравственнаго развитія народа эллинскаго. Городъ Аѳины лежитъ въ разстояніи $^3/_4$ мили отъ моря. Въ гаваняхъ его толпятся торговыя суда и рыболовныя лодки. Военныхъ кораблей еще нѣтъ, они явятся позже. Надъ низенькими домиками, которыми пока довольствуются граждане, возносятся, съ востока, городская цитадель, Акрополисъ, а съ запада, Пникскій холмъ. Въ Акрополисѣ видны пока только циклопическія стѣны, простой храмъ Аѳины, съ деревяннымъ въ немъ изображеніемъ богини, а на Пниксѣ нѣтъ еще каменныхъ сидѣній, на которыхъ впослѣдствіи усаживались члены народнаго собранія держать совѣтъ о важнѣйшихъ событіяхъ и произносить приговоры надъ многочисленными согражданами и подданными.

Уже въ баснословный героическій періодъ, городъ Аѳины гражданскимъ устройствомъ своимъ представлялъ нераздѣльное цѣлое со всею Аттикою. Всѣ жители раздѣлялись на четыре сословія (*фили*): воиновъ, пастуховъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Каждое сословіе заключало въ себѣ три братства, въ каждомъ братствѣ было 30 родовъ, а въ каждомъ родѣ заключалось 30 семействъ. Какъ кажется, основанія этихъ подраздѣленій занесены изъ Египта, но еслибъ и положительно было такъ, то все-таки несомнѣнно, что въ Аѳинахъ обязательность египетскихъ кастъ потеряла значеніе. Въ Аѳинахъ не могло долго держаться принужденіе сына, во что бы то ни стало, продолжать занятіе отца. Въ числѣ этихъ четырехъ сословій, или филь, были семейства богатыя и пользовавшіяся въ народѣ большимъ уваженіемъ. Ихъ называли *Эвпатридами*. Имъ предоставлены были въ Аѳинахъ высшія государственныя должности. Напротивъ, многочисленный классъ ѳетовъ, или поденщиковъ, не имѣвшихъ никакого имущества, былъ вовсе лишенъ участія въ дѣлахъ управленія государствомъ.

Учрежденія Аѳинъ въ главнѣйшихъ чертахъ были тѣ-же, какія и во всѣхъ греческихъ государствахъ героическаго періода. Во главѣ народа стоялъ царь, а совѣтъ, составленный изъ почетныхъ старѣйшинъ и называвшійся *ареопагомъ*, былъ вмѣстѣ и высшей правительственной и судебной инстанціей. Совѣтъ собирался обыкновенно на холмъ Арея, отъ котораго получилъ и имя. Важнѣйшія государственныя дѣла повергались на разсужденіе народному собранію, но на томъ и оканчивалось вліяніе народнаго собранія на дальнѣйшій ходъ этихъ дѣлъ. Кажется, что эвпатриды въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли даже вліяніе на избраніе царей. Это вліяніе замѣтно, напр. въ то время, когда потомки изъ рода Тезея были тѣснимы потомками ахейскихъ царей, которые вторглись изъ Пилоса. Они же содѣйствовали и уничтоженію въ Аѳинахъ царскаго достоинства, къ чему, какъ обыкновенно повѣствуется, подало поводъ самоотверженіе послѣд-

няго аѳинскаго царя, Кодра. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. Когда доряне, завоевавъ Пелопонесъ, направили оружіе свое на Аѳины, Кодръ мужественно двинулся на враговъ. Оракулъ повѣстилъ побѣду тому изъ народовъ, чей царь не будетъ щадить себя въ битвѣ. Кодръ рѣшился принесть себя въ жертву отечеству. Въ одеждѣ простаго земледѣльца, онъ проникъ въ лагерь дорянъ, и тамъ, послѣ мужественнаго сопротивленія, палъ подъ рукой враговъ. Лишь только доряне узнали объ этомъ, тотчасъ отступили, боясь идти противъ воли боговъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ преданіе, никто уже въ Аѳинахъ не былъ достоинъ занимать мѣсто такого великодушнаго царя: сынъ Кодра управлялъ государствомъ только въ качествѣ архонта. Это достоинство оставалось наслѣдственнымъ въ потомствѣ Кодра. Двѣнадцать архонтовъ, слѣдовавшіе въ этомъ потомствѣ, облекались въ званіе архонтовъ на всю жизнь. Послѣ этого, именно съ 752 года до Р. Х., власть архонтамъ вручалась только на 10 лѣтъ. Наконецъ, около 700 г., снова воспослѣдовало измѣненіе: стали избирать ежегодно по 9 архонтовъ и притомъ не только въ потомствѣ Кодра, но и въ семьяхъ другихъ почетнѣйшихъ фамилій эвпатридовъ. Такимъ образомъ монархія (правленіе, сосредоточенное въ одномъ лицѣ) превратилась въ аристократію (правленіе знатнѣйшихъ въ государствѣ) и, наконецъ, въ олигархію (правленіе немногихъ и не всегда достойнѣйшихъ изъ знатнѣйшихъ фамилій въ государствѣ).

Народъ не выигралъ ничего въ этихъ перемѣнахъ, ибо эвпатриды руководствовались старинными, наслѣдственными постановленіями, которыя народъ даже не всегда хорошо и помнилъ, но которыя правители всегда хорошо умѣли примѣнять къ дѣлу для своихъ собственныхъ выгодъ. Поэтому неудивительно, что съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствовалась въ народѣ потребность въ обнародованіи ясныхъ и положительныхъ законовъ. Одному изъ архонтовъ, Дракону, поручено было составленіе ихъ. И составилъ онъ

законы, о которыхъ говорили, что они написаны были кровью, обозначая этимъ необычайную строгость ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи ихъ всякое преступленіе наказывалось смертью. Надо, впрочемъ, прибавить, что въ этомъ законодательствѣ главнѣйшимъ образомъ разобраны были только преступленія государственныя и уголовныя; притомъ же не надо забывать, что и время было такое, когда требовались отъ закона мѣры, рѣшительныя, крутыя, ибо такими только мѣрами могли быть обезпечены общественная безопасность и спокойствіе. Впослѣдствіи времени они не соотвѣтствовали болѣе степени гражданскаго развитія, котораго достигло общество, и изъ строгихъ стали безчеловѣчными. Такъ точно не соотвѣтствуютъ теперешнему состоянію европейскихъ государствъ тѣ законы, которые въ средневѣковыя времена въ тѣхъ же государствахъ были своевременны и умѣстны. Впрочемъ, законы этого архонта были съ теченіемъ времени смягчены, но вовсе отмѣнить ихъ не хотѣли, ибо основанія ихъ покоились на древнемъ, священномъ правѣ. Драконъ не затрогивалъ государственныхъ учрежденій, ибо народъ тогда еще мало безпокоился о нихъ. Зато съ особеннымъ жаромъ принялись за нихъ сами эвпатриды. Часто у нихъ отъ преній доходило до кровавыхъ ссоръ. Наконецъ, случилось, что одинъ изъ нихъ, несмѣтно богатый, честолюбивый и отважный человѣкъ, по имени Килонъ, дерзнулъ съ толпою своихъ приверженцевъ завладѣть Акрополисомъ. И онъ достигъ своей цѣли въ 612 г. до Р. Х. Глава могущественной фамиліи Алкмеонидовъ, архонтъ Мегаклъ, съ многочисленнымъ войскомъ осадилъ Акрополисъ, и хотя самъ Килонъ тайно бѣжалъ, однако жъ, приверженцы его не спаслись даже у алтаря Эвменидъ, куда они укрылись отъ преслѣдованій: въ самомъ святилищѣ они были перебиты. Эти событія повели за собою длинный рядъ общественныхъ безпокойствъ и неурядицъ. Проклятіе, тяготѣвшее, по мнѣнію народа, надъ Алкмеонидами, угнетало и все общество.

V. Солонъ.

Семнадцать лѣтъ спустя послѣ этихъ беззаконныхъ дѣлъ, изъ среды архонтовъ возникъ человѣкъ, вѣнчанный вѣковѣчною славою, по имени Солонъ (594 г.). Уже и во время смутъ, вызванныхъ Алкмеонидами, Солонъ своею мудростію и справедливостію обнаружилъ немало нравственнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Онъ убѣдилъ Алкмеонидовъ подчиниться суду избранныхъ 300 эвпатридовъ и безмолвно покориться рѣшенію его. Рѣшеніе же состояло въ изгнаніи. Вслѣдъ затѣмъ гнѣвъ боговъ обнаружился цѣлымъ рядомъ различныхъ бѣдствій въ городѣ и странѣ, какъ-то: неурожаями, повальными болѣзнями и т. п. Для умилостивленія разгнѣванныхъ божествъ, Солонъ предложилъ вызвать въ Аѳины изъ Крита Эпименида, члена одного изъ тѣхъ братствъ, которыя народное мнѣніе считало обладателями какихъ-то таинственныхъ ученій и особенно близкими къ самимъ богамъ. Эпименидъ прибылъ на зовъ и, очистивъ народъ различными жертвоприношеніями, молитвами и религіозными подвигами, разстался съ Аѳинами, не принявъ за свое посредничество между народомъ и богами ничего, кромѣ вѣтки съ той маслины, которая, по манію Аѳины Паллады, выросла на скалѣ Акрополиса.

Во все время пребыванія своего въ Аѳинахъ Эпименидъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Солону. Это еще болѣе возвысило послѣдняго во мнѣніи общества, и съ тѣхъ поръ, въ важныхъ случаяхъ, къ нему, а не къ другому обращались за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Происхожденіе Солона было вдвойнѣ знаменито: онъ велъ свой родъ отъ Нелея и Кодра. Отецъ его растратилъ попусту бо́льшую часть наслѣдственнаго имущества,—вотъ почему Солонъ вначалѣ дѣятельно занялся торговыми дѣлами, чтобы поправить разстроенное состояніе. По торговымъ дѣламъ, ему приходилось посѣщать разныя страны Греціи и Азіи и въ сбли-

женіяхъ съ различными народами, онъ еще болѣе расширилъ свои познанія и изощрилъ наблюдательный умъ. Плоды своихъ наблюденій надъ образомъ жизни различныхъ народовъ, свои понятія о государственномъ бытѣ, онъ изложилъ въ пространномъ сочиненіи, вышедшемъ въ стихахъ (проза въ тѣ времена была мало въ употребленіи). Скоро, по возвращеніи въ отечество, пришлось ему сдѣлать важное употребленіе изъ своего поэтическаго дарованія. Аѳиняне въ борьбѣ съ Мегарой потеряли островъ Саламинъ и, испытавъ нѣсколько пораженій, упали духомъ. Солонъ явился въ народное собраніе и въ пылу поэтическаго вдохновенія произнесъ предъ нимъ такую увлекательную рѣчь, что воспламенилъ ею сердца слушателей. Мужество снова проникло въ ихъ души, и положено было отнять островъ во что бы то ни стало. Солонъ былъ единодушно избранъ въ предводители ополченія, и предпріятіе, затѣянное при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, удалось какъ нельзя лучше.

Солонъ.

Еще гибельнѣе, чѣмъ эта война, были внутренніе раздоры между гражданами небольшаго государства. Педеи, жители равнинъ, составлявшіе классъ богатыхъ въ Аѳинахъ, Элевзисѣ и въ окрестностяхъ этихъ городовъ, враждовали съ діакріями, жителями сѣверныхъ горныхъ мѣстностей, соединившимися во враждебномъ чувствѣ противъ первыхъ съ бо́льшею частью остальныхъ обитателей государства, неимѣвшихъ собственности. Кромѣ этихъ двухъ партій была еще и третья, параліевъ, береговыхъ жителей южной части области. Ѳеты и мелкопомѣстные владѣльцы страдали отъ бѣдности. Нанимаясь обрабатывать земли богатыхъ владѣльцевъ, они часто попадали къ нимъ въ неоплатные долги, а это печальное положеніе обыкновенно оканчивалось еще

печальнѣйшимъ: несчастный должникъ, не имѣя чѣмъ уплатить долгъ, шелъ вмѣстѣ съ семействомъ своимъ въ кабалу къ заимодавцу. Вслѣдствіе такихъ явленій возникало и разрасталось въ обществѣ взаимное неудовольствіе, которое чаще и чаще стало проявляться въ горькихъ насиліяхъ и жестокостяхъ. Чтобы отвратить ужасы междоусобій, Солону поручено было составить законы, которые могли бы разрѣшить затруднительное положеніе всѣхъ классовъ общества.

Дѣло было трудное: облегчить тяжелое положеніе бѣдныхъ классовъ и въ то-же время не слишкомъ поколебать то, что богатые считали своимъ неотъемлемымъ правомъ. Солонъ взялъ за основаніе своихъ дѣйствій стремленіе облегчить тяжелое положеніе всѣхъ классовъ. Законодатель принялся за это такимъ образомъ: онъ объявилъ недѣйствительными всѣ контракты, по которымъ должники закабалили себя и семейства свои; проданнымъ же за долги онъ снова возвратилъ свободу. Затѣмъ послѣдовало такое измѣненіе монеты, которое дало бы возможность должникамъ выплатить долги своимъ заимодавцамъ. Законодатель выпустилъ новой монеты того же имени, но сравнительно низшаго достоинства, такъ что 100 драхмъ новой чеканки равнялись по внутреннему достоинству только 72 драхмамъ старой. Такимъ образомъ, должникамъ облегченъ былъ платежъ на 28%.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ мѣрахъ и преобразованіяхъ Солономъ единственно руководило чувство пламенной любви къ славѣ отечества. Это ясно выражается въ одномъ изъ его поэтическихъ произведеній. Мы передаемъ это мѣсто, держась какъ можно ближе мыслей удивительнаго подлинника:

Дай знаменіе, кормилица-земля, таинственная матерь,
Изъ всѣхъ божествъ великая, любвеобильная богиня,
Что вывелъ я сыновъ твоихъ изъ узъ презрительнаго рабства,
Въ Аѳины ихъ — родныхъ дѣтей — собралъ и пріютилъ:
Того, кто, проданный въ далекую неволю,
Страдалъ средь чуждыхъ лицъ, рѣчей;
Того, кто, алчности добыча, дома
Не узнавалъ родныхъ подъ плетью палачей, —

Твой сынъ не допустилъ погибнуть въ тяжкомъ плѣнѣ,
Возвышенный имъ духъ въ сердца вложилъ
И обновленными тебѣ, отечество, ихъ возвратилъ.

Что касается существовавшихъ государственныхъ учрежденій, то Солонъ, измѣняя ихъ сущность, старался повсюду, сколько возможно, сохранить ихъ формы. Онъ сохранилъ дѣленіе общества на четыре фили, только яснѣе разграничилъ ихъ. Въ первую филю или классъ, онъ включилъ гражданъ, ежегодный доходъ которыхъ простирался до 500 медимновъ и болѣе; во вторую—гражданъ, имѣвшихъ дохода до 300 медимновъ; въ третью—имѣвшихъ до 200 медимновъ и, наконецъ, въ четвертую филю — всѣхъ остальныхъ гражданъ, то есть малоземельныхъ и вовсе безземельныхъ. Сообразно съ этимъ распредѣленіемъ были разложены и военныя повинности гражданъ. Граждане перваго класса обязаны были на время войны не только доставить опредѣленное количество кораблей, но вооружить ихъ и на все время войны содержать экипажъ ихъ.

Граждане втораго класса, называвшіеся *гиппеями* (то есть всадниками), и граждане третьяго, называвшіеся *цейгитами* (то есть пѣхотинцами), должны были всегда имѣть къ войнѣ въ исправности: первые — коня, а послѣдніе — полное вооруженіе. Четвертый классъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ военныхъ повинностей, но во время войны граждане его выступали въ походъ легко-вооруженными ратниками. Чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе объ этомъ распредѣленіи гражданъ на классы и въ особенности о тогдашнемъ состояніи имущества, замѣтимъ, что одна медимна хлѣба имѣла стоимость одной драхмы (24 коп. сер.), что обыкновенно принято было считать такое количество хлѣба достаточнымъ для пропитанія одного человѣка въ теченіе 46—48 дней; на весьма же приличное дневное содержаніе одного человѣка достаточно было 3 оболовъ (12 коп. сер.); цѣлому семейству на весь годъ — 5 минъ (120 руб. 15 коп. сер.). Очевидно, что то были благодатныя времена,—деньги въ то

время имѣли цѣнность вшестеро или ввосьмеро болѣе противъ нынѣшняго.

Насколько граждане своимъ имуществомъ содѣйствовали къ удовлетворенію нуждъ государства, настолько же имѣли и сами отъ этого выгоды. Высшія, почетныя государственныя должности и именно должности архонтовъ и мѣста въ ареопагѣ, гдѣ обыкновенно архонты оканчивали свое служеніе государству, по выходѣ изъ своего званія, были предоставлены только гражданамъ первыхъ трехъ классовъ. Четвертый классъ не могъ имѣть на нихъ притязаній, хотя все-таки имѣлъ многія преимущества надъ многочисленными переселенцами въ Аттику изъ другихъ странъ, не включенными ни въ одинъ изъ упомянутыхъ классовъ: такъ онъ имѣлъ право избирать себѣ изъ среды своей чиновниковъ, и чиновники эти становились отвѣтственными въ отправленіи обязанностей своей службы не передъ ареопагомъ, а передъ народнымъ собраніемъ. Для того, чтобы отвѣтственность чиновниковъ не была только кажущейся, а дѣйствительною, Солонъ учредилъ совѣтъ четырехъ сотъ. Этотъ совѣтъ долженъ былъ предварительно разсматривать предметы, которые приготовлены были къ докладу въ народное собраніе; онъ, кромѣ того, въ самомъ этомъ собраніи, называвшемся *агора*, наблюдалъ за ходомъ дѣла и руководилъ преніями; наконецъ, онъ же приводилъ въ исполненіе рѣшенія агоры. Въ нѣкоторой мѣрѣ совѣтъ четырехъ сотъ былъ подчиненъ народному собранію; слѣдовательно, здѣсь видимъ совершенно обратное отношеніе тому, въ какомъ находились въ Спартѣ герузія (сенатъ) и народное собраніе. Совѣтъ четырехъ сотъ состоялъ изъ представителей всѣхъ четырехъ классовъ гражданъ, только четвертый классъ избиралъ своихъ сто представителей не изъ своей собственной среды (какъ это дѣлали первые три), а изъ среды старшихъ классовъ.

У ареопага Солонъ отнялъ право повѣрки архонтовъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, а вручилъ это право агорѣ; но онъ въ то-же время сумѣлъ придать еще болѣе значенія

этому почтенному древнему учрежденію тѣмъ, что къ его судебному характеру придалъ еще обязанности наблюденія, какъ за точнымъ исполненіемъ законовъ, такъ и вообще за нравственностью гражданъ и занятіями ихъ. Послѣднее представляло немалое поприще для дѣятельности ареопага, ибо въ Аѳинахъ воинскія упражненія не составляли, какъ въ Спартѣ, единственнаго важнаго занятія гражданина. Напротивъ, всякій отецъ обязанъ былъ научить своего сына какому-нибудь полезному ремеслу или художеству. Такимъ образомъ, по всѣмъ отраслямъ дѣятельности ремесленной умственной и художественной существовало здоровое соревнованіе, а съ нимъ успѣхи и слава государства.

Учрежденіемъ двухъ сенатовъ: ареопага и совѣта четырехъ сотъ, Солонъ былъ увѣренъ, что далъ государственному зданію желанную прочность устройства; онъ самъ говорилъ:

Два якоря закинулъ я, чтобъ закрѣпить,
На случай бурныхъ волнъ, мой государственный корабль.

Не смотря на то, мудрый законодатель предвидѣлъ, что не устранилъ безпокойствъ на будущее время. На случай возникновенія раздоровъ, онъ постановилъ всякому гражданину не оставаться празднымъ зрителемъ смутъ, а словомъ и дѣломъ служить той изъ партій, которую считалъ правою. Въ этомъ дѣятельномъ соучастіи гражданъ Солонъ видѣлъ надежнѣйшій исходъ дѣла, ибо полагалъ, что большинство рано или поздно станетъ на сторону правды. Но онъ упустилъ изъ виду, какое сильное и гибельное вліяніе могутъ оказывать на толпу внушенія корысти и страха, подкупа и насилія, а потому и не достигъ того, чего желалъ и надѣялся достигнуть своею мѣрой. Это обстоятельство было впослѣдствіи поводомъ къ введенію въ Аѳинахъ того удивительнаго суда, который назывался *остракизмомъ*. Во время смутъ сначала совѣтомъ, потомъ народнымъ собраніемъ рѣшалось по количеству голосовъ, приступить ли къ остракизму или нѣтъ. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія на-

родъ собирался къ суду. Каждый гражданинъ писалъ на раковинѣ или черепкѣ (отчего и названіе остракизма) имя того, кого подозрѣвалъ во вредномъ для общества, незаконномъ стремленіи къ чужой власти, и голосъ свой опускалъ въ назначенный для этого сосудъ. Шесть тысячъ голосовъ составляли приговоръ подозрѣваемому. Такой гражданинъ подвергался изгнанію изъ отечества на 10, а впослѣдствіи только на 5 лѣтъ. Онъ, впрочемъ, не терялъ права ни на званіе свое, ни даже на оставшуюся въ отечествѣ недвижимую собственность. Такимъ судомъ надѣялись отвратить отъ отечества ужасы междоусобій и кровопролитій и потому рѣшались мириться съ тѣмъ неудобствомъ его, что отдѣльный членъ общества могъ пострадать отъ злоумышленія партіи. Изъ остальныхъ законовъ Солона нельзя пройти молчаніемъ слѣдующихъ двухъ. По первому запрещены приданыя при выдачѣ невѣстъ, съ тѣмъ, чтобъ послѣднія не унижались на степень выгоднаго товара; по второму запрещено всякое злорѣчіе, особенно объ умершемъ. „Смертью, говоритъ законодатель, освящается память умершаго: тутъ нѣтъ болѣе мѣста ни злобѣ, ни порицанію.“

Изъ приведенныхъ основаній законодательства Солона видно, что онъ благопріятствовалъ демократическому вліянію на дѣла государственныя, то есть такому образу правленія, при которомъ всякій гражданинъ можетъ имѣть въ немъ большую или меньшую долю участія; но мудрый устроитель общественнаго порядка не давалъ демократіи возможности ясно выразиться со всѣми ея хорошими и дурными сторонами: по смыслу его учрежденій, республика аѳинская оставалась все-таки по преимуществу аристократическою, то есть управляемою избранными изъ гражданъ. Четвертый классъ, заключавшій въ составѣ своемъ гражданъ безземельныхъ и большею частью надѣленныхъ меньшими качествами умственными и нравственными сравнительно съ первыми тремя, былъ устраненъ отъ занятія должностей не только архонтовъ и членовъ совѣта четырехъ сотъ, но и вообще

отъ всякихъ государственныхъ должностей. Ему оставлено было только право голоса въ народномъ собраніи. О распредѣленіи власти въ различныхъ слояхъ общества законодатель такъ выразился въ одномъ изъ своихъ сочиненій, отрывки котораго дошли до насъ:

Великою властью облекъ я избранныхъ народа,
Разумно назначивъ объемъ ей, предѣлы;
Но я не забылъ и немногихъ высокорожденныхъ
Гражданъ богатыхъ, издавна отечеству бывшихъ столпами:
Съ щитомъ и копьемъ я сталъ между властями, ихъ путь направляя
ко благу отчизны;
И дружно пошли они стезей добродѣтели, чести,
Страны охраняя спокойствіе, сердецъ не терзая погибельной злобой.

Окончивъ великое дѣло гражданскаго устройства, Солонъ созвалъ совѣтъ и народъ, чтобъ они торжественной клятвой обязались свято соблюдать данные законы, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, хотя въ продолженіе не менѣе десяти лѣтъ. По новизнѣ дѣла, Солону пришлось быть осажденнымъ такимъ количествомъ вопросовъ, возникавшихъ при исполненіи его законовъ, и просьбъ сдѣлать различныя перемѣны въ нихъ, что онъ рѣшился лучше вовсе на нѣсколько лѣтъ удалиться изъ Аѳинъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Сначала Солонъ побывалъ въ странѣ чудесъ и мистерій, въ Египтѣ, и, говорятъ, получилъ отъ жрецовъ египетскихъ новыя для него свѣдѣнія объ Атландитѣ, великомъ островѣ, стоящемъ одиноко среди необъятнаго океана, и, кромѣ того, данныя касательно исторіи древней Греціи. Солонъ былъ принятъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ на островѣ Кипрѣ, а въ особенности въ Лидіи, при дворѣ царя Креза.

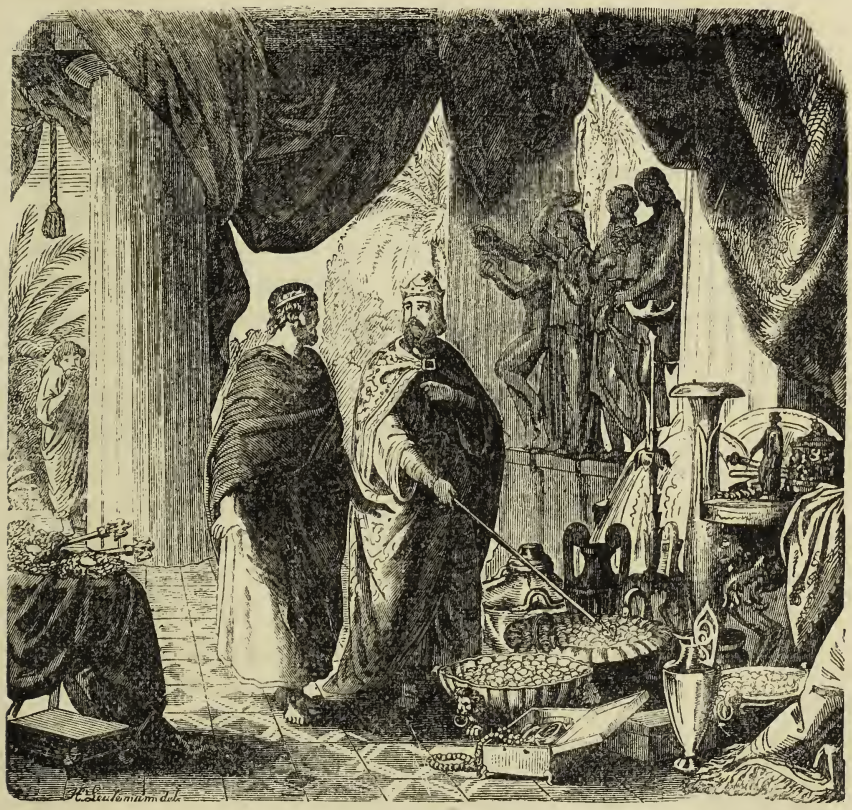
Крезъ побѣдами распространилъ свое господство надъ многими сосѣдними народами и даже подчинилъ своей власти греческія мало-азійскія колоніи. Упоенный славой побѣдъ и блескомъ сокровищъ, Крезъ въ своей великолѣпной столицѣ, Сардахъ, считалъ себя не иначе, какъ избранни-

комъ счастья. Послѣ роскошнаго обѣда онъ повелъ Солона по блестящимъ палатамъ своего дворца и показалъ ему массы сокровищъ и рѣдкія произведенія искусства. Удивленный тѣмъ, что мудрецъ, въ простотѣ своей, не выражалъ при этомъ особеннаго восторга, царь спросилъ, кого изъ извѣстныхъ ему смертныхъ онъ считаетъ самымъ счастливымъ на свѣтѣ? Солонъ назвалъ ему какого-то аѳинянина, Телоса, который въ своемъ скромномъ быту былъ совершенно счастливъ независимостью состоянія, въ особенности же не могъ нарадоваться на своихъ добрыхъ дѣтей и внучатъ, а, когда нагрянула опасность отечеству, храбро сражался за него и доблестно палъ въ ряду первыхъ его защитниковъ. „Ну, а послѣ него?“ спросилъ пораженный царь. — Въ Аргосѣ, продолжалъ мудрецъ, я зналъ двухъ юношей, Клеобиса и Битона. Имъ боги даровали величайшее счастіе, какое можетъ достаться въ удѣлъ смертному: всѣми добродѣтелями украшенную жизнь и тихую смерть. Мать ихъ, жрица въ храмѣ великой Геры, души не чаяла въ дѣтяхъ своихъ, и они не разъ радовали сердце матери блестящими побѣдами на общественныхъ играхъ. Однажды опоздали священные быки, которые обыкновенно отвозили жрицу въ храмъ къ жертвоприношеніямъ. Юноши сами впряглись въ колесницу и при содѣйствіи гражданъ отвезли на себѣ жрицу, чтобъ она во-время явилась предъ великой богиней. И народъ громко воздавалъ хвалу богамъ, даровавшимъ матери такихъ сыновей, а мать жарко молилась Герѣ, прося для нихъ у неба всѣхъ лучшихъ даровъ. Лишь только окончилось жертвоприношеніе, народъ свѣжими вѣнками, какъ поступаютъ съ побѣдителями, украсилъ юношамъ голову, а когда, упоенные радостью, они сладко уснули, ласковый геній тихо опрокинулъ свѣтильникъ ихъ жизни — и юноши проснулись въ сонмахъ героевъ, чтобъ вѣчно наслаждаться тамъ среди безсмертныхъ чистѣйшими радостями.

— Неужели же моей славы и моихъ сокровищъ ты не

считаешь великимъ счастіемъ? воскликнулъ царь съ неудовольствіемъ.

— О Крезъ! возразилъ мудрецъ: сокровища обманчивы, нынче они дарятъ счастіемъ, завтра могутъ измѣнить. Человѣкъ не можетъ считать себя прочно счастливымъ до тѣхъ



Солонъ, Крезъ и Эзопъ.

поръ, пока смерть не смежитъ ему очи. Тогда ужъ никакія превратности судьбы невластны надъ нимъ.

При блистательномъ же дворѣ Креза жилъ и знаменитый баснописецъ Эзопъ. По рожденію онъ былъ рабъ. По наиболѣе распространенному преданію, природа обидѣла его и

ростомъ, и красотой, зато щедро надѣлила его мудростію. Разъ владыка его собрался куда-то въ далекій путь. Рабы несли разныя вещи и съѣстные припасы. Эзопъ взвалилъ на себя огромную корзину, полную хлѣбовъ. Товарищи смѣялись надъ его неудачнымъ выборомъ ноши. Черезъ нѣсколько дней хлѣбы были всѣ разобраны, и Эзопъ весело попрыгивалъ съ пустой корзиной, смѣясь, въ свою очередь, надъ недальновидностью товарищей. Впослѣдствіи Крезъ даровалъ Эзопу свободу и съ тѣхъ поръ всячески показывалъ свое къ нему вниманіе и расположеніе. Эзопъ слышалъ бесѣду Креза съ Солономъ. Замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ царя, опытный въ рабскомъ подобострастіи, Эзопъ сталъ совѣтовать Солону услужливой рѣчью смягчить царя, если онъ желаетъ заслужить его расположеніе. Мудрецъ съ презрѣніемъ отвергнулъ и совѣтъ, и совѣтчика, и царское расположеніе, и, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, покинулъ и царскія палаты, и городъ.

А Крезу скоро пришлось на самомъ дѣлѣ убѣдиться, какъ много правды заключалось въ тѣхъ рѣчахъ Солона, которыя, во время бесѣды съ мудрецомъ, показались ему лишенными всякаго значенія. Киръ, царь персидскій, завоевавъ богатую Лидію, разрушилъ Сарды и самого Креза взялъ въ плѣнъ. Стоя съ четырнадцатью изъ знатнѣйшихъ лидійскихъ юношей на кострѣ и видя ужасныя приготовленія къ сожженію всѣхъ ихъ, Крезъ съ горестью воскликнулъ: „О Солонъ, Солонъ!“ Киръ спросилъ, что значитъ это восклицаніе, и когда несчастный царь разсказалъ ему, побѣдителемъ овладѣло глубокое раздумье. Онъ, въ свою очередь, пораженъ былъ непрочностью земнаго могущества и счастія, вслѣдствіе чего, освободивши плѣннаго царя, оставилъ его при себѣ въ качествѣ совѣтника и друга.

Много лѣтъ странствовалъ Солонъ по чужимъ странамъ, наконецъ, убѣленный сѣдинами, возвратился онъ въ 560 г. на родину. Еще никогда въ жизни мудрецъ не испытывалъ такихъ душевныхъ потрясеній, какъ въ тотъ разъ, когда

увидѣлъ при возвращеніи въ Аѳины смуты и междоусобія гражданъ. Съ одной стороны педеи, богатые землевладѣльцы спартанскіе, предводимые Ликургомъ, вмѣстѣ съ параліями, жителями береговыхъ мѣстностей, предводимыми Алкмеонидомъ Мегакломъ; съ другой же, діакріи, жители нагорныхъ странъ, соединившіеся съ безземельнымъ людомъ аѳинскимъ, подъ начальствомъ мудраго Пизистрата, свирѣпствовали другъ противъ друга. Безуспѣшны были усилія законодателя примирить партіи; безуспѣшно было и появленіе 80-ти лѣтняго старца въ собраніи агоры во всеоружіи величія и вдохновеннаго слова: трепетъ обуялъ гражданъ, ибо Пизистратъ съ своей партіей успѣлъ захватить въ свои руки дружину тѣлохранителей, вооруженныхъ булавами, и съ помощью ея завладѣлъ Акрополисомъ, а противниковъ своихъ, а также и Алкмеонидовъ обратилъ въ бѣгство. Но Солонъ не бѣжалъ. „Мои восемьдесятъ лѣтъ — мои хранители,“ говорилъ онъ. И онъ не ошибся: побѣдитель обошелся съ нимъ необыкновенно дружелюбно, а смерть, прекратившая дни его въ слѣдующемъ году, избавила старца отъ необходимости быть свидѣтелемъ, а, можетъ быть, и участникомъ гражданскихъ смутъ и междоусобій.

VI. Пизистратъ и сыновья его.

Пизистратъ недолго наслаждался единодержавіемъ: предводители двухъ остальныхъ партій, Ликургъ и Мегаклъ, соединились противъ него и заставили его бѣжать изъ Аттики. Но Ликургъ и Мегаклъ не поладили между собой: каждому хотѣлось забрать въ свои руки побольше власти. Тогда Мегаклъ сталъ заискивать расположенія у предпріимчиваго Пизистрата, а чтобъ совершенно пріобрѣсти его дружбу, выдалъ за него дочь свою. Пизистратъ такъ ловко распорядился для возвращенія себѣ утраченнаго вліянія въ Аѳинахъ, что объ этомъ стоитъ разсказать подробно. Выбравъ

сіяющій день, въ блистательной колесницѣ, хотя, впрочемъ, безъ многочисленной свиты и безъ наемнаго войска, вступилъ Пизистратъ въ городъ. Ни одинъ голосъ не возвысился противъ почтеннаго изгнанника, ибо всякій изъ гражданъ видѣлъ богиню Аѳину-Палладу, сопутствующую Пизистрату. Грозно сіяли доспѣхи богини, высоко блистало копье, а щитъ ея распростертъ былъ надъ головой Пизистрата. И молва о чудномъ видѣніи быстро облетѣла весь городъ и проникла въ отдаленнѣйшіе предѣлы Аттики. Кто же могъ подумать о сопротивленіи тому, кому такъ очевидно покровительствовала Паллада? Только много лѣтъ спустя, когда опять поссорились Пизистратъ и Мегаклъ, аѳиняне узнали, что то была не богиня, а прекрасная, величественная женщина, по имени Фія. Она-то такъ искусно разыграла въ пользу Пизистрата роль Аѳины-Паллады.

Снова Пизистратъ долженъ былъ удалиться, но, когда послѣ этого изгнанія онъ воротился въ Аѳины, то воротился съ сильнымъ войскомъ и прочно утвердилъ за собой государство. Онъ сохранилъ формы правленія, учрежденныя Солономъ. Онъ облегчилъ повинности гражданъ и возвысилъ значеніе наукъ и искусствъ тѣмъ, что ко двору своему призвалъ знаменитѣйшихъ поэтовъ и художниковъ. Богатства его позволяли ему такъ дѣйствовать. Пизистратъ былъ тиранъ въ эллинскомъ значеніи этого слова, тиранъ кроткій и благодушный.

Пизистрату наслѣдовали въ правленіи сыновья его: Гипархъ, Гиппій и (рѣдко упоминаемый) Ѳессалъ. Ихъ правленіе не уступало отцовскому ни въ славѣ, ни въ блескѣ. Послѣдній изъ гражданъ наслаждался спокойствіемъ и благополучіемъ подъ кроткимъ, но твердымъ правленіемъ. Расцвѣло благосостояніе цѣлой страны, а вмѣстѣ съ нимъ расширились промышленость и торговля. Солонъ ниспровергъ повсюду столбы, обозначавшіе угодья, заложенныя заимодавцамъ; Гиппархъ же велѣлъ разставлять по улицамъ и дорогамъ красивые *гермены* (то есть столбы съ изображеніями Гермеса) и помѣщать на нихъ краткія изреченія, заключавшія

въ себѣ какой-либо совѣтъ житейской мудрости, и прохожій читалъ на нихъ: „Никогда не коварствуй предъ другомъ“, или: „Ступай по дорогѣ, а живи по правдѣ“, или: „Знай всему мѣру“, и т. п. Такія изреченія врѣзывались ему въ мысль и нечувствительно, но постоянно направляли его на путь правды и чести. При дворѣ правителей не было недостатка и въ умственныхъ наслажденіяхъ, ибо тамъ не умолкали лиры знаменитыхъ поэтовъ и не засыпала мудрость достойнѣйшихъ ученыхъ и философовъ. Конечно, не было недостатка и въ чувственныхъ наслажденіяхъ: хотя исторія и умалчиваетъ объ этомъ, однако, спокойное обладаніе властью и роскошь средствъ всегда влекутъ за собой излишество этого рода наслажденій. Именно въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключался источникъ паденія Пизистратидовъ. Двое изъ приближенныхъ къ нимъ юношей, Гармодій и Аристогитонъ, за какую-то обиду поклялись жестоко отмстить Пизистратидамъ. Положено было тайно умертвить ихъ обоихъ: но они успѣли погубить только Гиппарха; Гиппій же не только спасся отъ смерти, но еще, благодаря своей рѣшимости, нашелъ средства восторжествовать надъ заговорщиками. Это случилось въ 514 г. Съ этихъ поръ онъ превратился въ деспота въ полномъ смыслѣ слова и тѣмъ возбудилъ противъ себя ненависть большей части народа. Правда, онъ еще 4 года могъ держаться во главѣ народа, благодаря наемному ѳракійскому и ѳессалійскому войску, но, наконецъ, изгнанные Алкмеониды, возобновившіе и великолѣпно украсившіе дельфійскій храмъ, достигли расположенія дельфійскаго оракула, а съ нимъ и могущественнаго содѣйствія Спарты. Спартанскій царь Клеоменъ, побѣдитель аргивянъ (какъ мы видѣли выше), вторгся въ самыя Аѳины, осадилъ Акрополисъ и принудилъ тирана искать спасенія въ бѣгствѣ изъ Аттики (510 г.). Гиппій бѣжалъ съ своими сокровищами на мысъ Сигеонъ, который находится въ прежней троянской землѣ, и тамъ поселился подъ покровительствомъ персидскаго царя Дарія, въ довольно

обширномъ помѣстьѣ, принадлежавшемъ ему. Отсюда онъ дѣлалъ попытки возвратить потерянную власть; и попытки были небезуспѣшны: онъ склонилъ на свою сторону честолюбиваго Клеомена и возбудилъ его двинуться съ значительными силами противъ освобожденныхъ имъ же Аѳинъ. Походъ, можетъ быть, и удался бы, но товарищи Клеомена, а именно Коринѳъ и другой царь спартанскій, Демаратъ, узнавъ настоящую цѣль его, не захотѣли быть игрушками чужаго честолюбія и оставили Клеомена. Тогда Гиппій обратился за помощью къ персидскому царю, надѣясь отъ него получить содѣйствіе противъ непокорнаго ему города. Скоро наступили такія обстоятельства, которыя, казалось, позволяли Гиппію думать, что дѣло его еще не вовсе потеряно.

VII. Клисѳенъ.

Послѣ всѣхъ описанныхъ переворотовъ, въ Аѳинахъ учрежденія Солоновы вошли въ полную силу со всѣми своими великими преимуществами, но въ то-же время и со всѣми недостатками. Теперь стало видно, что оба сената аѳинскіе вовсе не были такими надежными якорями, какими Солонъ надѣялся закрѣпить на время бури свой государственный корабль. Четыре класса, избиравшіе ихъ, испытывали потомъ на себѣ вліяніе богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ, а эти послѣдніе съ новыми средствами подымали старую борьбу за первенство власти въ государствѣ. Среди этихъ безпокойствъ и неурядицъ, одинъ изъ Алкмеонидовъ, Клисѳенъ, обратился къ массѣ самаго народа и сталъ стараться увеличить его значеніе и вліяніе въ государствѣ. При содѣйствіи Клисѳена, Солоновы учрежденія потеряли аристократическій характеръ, который имѣли до тѣхъ поръ, и сдѣлались чисто-демократическими. Первый рѣшительный шагъ къ этому измѣненію сдѣланъ былъ тѣмъ, что 4 іонійскія фили смѣнились новымъ раздѣленіемъ народа на 10 филей, изъ которыхъ каждая включила въ себя 10 *демовъ* или

общинъ. Главное въ этомъ раздѣленіи народа заключалось въ томъ, что за основаніе его принято было различіе гражданъ не по имуществу, а большею частью по различію мѣстностей. Теперь ужь не только въ каждой филѣ, или классѣ, но и въ каждомъ домѣ или общинѣ насчитывались естественно и богатые граждане, и средняго состоянія, и бѣдные. Населеніе Аттики, благодаря принятымъ въ разныя времена изгнанникамъ: іонійцамъ, ахейцамъ, мизійцамъ и др., чрезвычайно умножилось. Правда, что многіе изъ такихъ переселенцевъ отправлялись отсюда въ Малую-Азію, но многіе предпочитали оставаться въ Аттикѣ, хотя и не получали въ ней правъ гражданства. Клисѳенъ включилъ всѣхъ свободныхъ жителей Аттики въ новые классы и общины и распредѣлилъ между ними права и повинности равномѣрно. Впрочемъ, равномѣрность эта была только кажущаяся. Повинности военныя, общественныя, поземельныя между классами и общинами были распредѣлены поравну, это правда; но въ нѣдрахъ ихъ количество самаго вноса разложено было на гражданъ по состоянію ихъ, хотя никто изъ нихъ не владѣлъ уже болѣе прежними правами на государственныя должности и на участіе въ правленіи государствомъ. Совѣтъ четырехъ сотъ увеличенъ былъ еще сотней новыхъ членовъ. Каждый классъ получилъ право избирать ежегодно изъ среды своей 50 членовъ, мужей испытанной честности и высокаго благородства. Во избѣжаніе разныхъ злоупотребленій и вліянія со стороны такъ называемыхъ знатнѣйшихъ изъ гражданъ, избранныхъ въ члены управленія, положено было впередъ избраніе архонтовъ и членовъ совѣта предоставить рѣшенію жребія. Конечно, эти правительственныя лица должны были много потерять изъ своего непосредственнаго вліянія, ибо какъ законодательная власть народнаго собранія, такъ и судебная власть бывшаго учрежденія (геми) переданы были новому учрежденію, составленному изъ 6,000 членовъ, избранныхъ по жребію. Самый ареопагъ отчасти лишился прежняго значенія, хотя все-таки про-

должалъ являться въ народное собраніе, чтобъ отвергнуть несправедливое его рѣшеніе или потребовать къ суду какого-либо опаснаго преступника. Впрочемъ, права этого почтеннаго судилища все еще были очень велики; кромѣ того, оно пользовалось во мнѣніи народномъ высокимъ уваженіемъ. Въ члены его, по прежнему, избирались только достойнѣйшіе изъ прослуживших въ совѣтѣ. Ареопагъ стоялъ по-

Собраніе ареопага.

прежнему на стражѣ народной нравственности и смѣло каралъ лжесвидѣтельство, взяточничество и всякаго рода безчестные поступки. Подъ его же надзоромъ находились занятія и дѣятельность гражданъ, общественные обычаи и воспитаніе дѣтей. Вліяніе ареопага поэтому чувствовалось глубоко не только во всѣхъ явленіяхъ быта общественнаго, но и въ домашнемъ и семейномъ быту, — обстоятельство, которое, мимоходомъ сказать, въ наше время показалось

бы невыносимѣйшимъ деспотизмомъ вмѣшательства. Ареопагъ собирался подъ открытымъ небомъ на холмѣ Арея. Второй архонтъ, въ родѣ государственнаго стряпчаго, становился на камнѣ, такъ чтобъ всѣ его видѣли, и произносилъ свое обвиненіе, направленное противъ подсудимаго. Послѣдній также, стоя на камнѣ, излагалъ тутъ же свое оправданіе. Нечего прибавлять, что и тотъ и другой предварительно торжественною великою клятвой запечатлѣвали справедливость своихъ показаній. Судьи выражали свое мнѣніе черными и бѣлыми камешками. Большинство тѣхъ или другихъ рѣшало дѣло въ пользу подсудимаго или противъ него. Законы, на основаніи которыхъ составлялось рѣшеніе, были вырѣзаны въ скалѣ, чтобъ нельзя было ихъ ни забыть, ни измѣнить.

Вообще въ республикѣ, если случалось принимать мѣры къ уничтоженію старыхъ, испытанныхъ законовъ или къ введенію новыхъ, то это дѣлалось съ крайней осторожностью. Также важнѣйшіе государственные сановники, какъ напр. стратеги, то есть военачальники (ихъ было десять), никогда не замѣщались по жребію, а всегда по избранію. Государствомъ управляла собственно только десятая часть совѣта, которая и называлась въ этомъ случаѣ *пританіей*. Пятьдесятъ *притановъ* втеченіе 35 дней стояли во главѣ общественныхъ событій, созывали въ этотъ періодъ времени 4 раза народное собраніе, которому и представляли на разсмотрѣніе впередъ уже обдуманные ими предметы. Обѣдали пританы вмѣстѣ съ другими отборнѣйшими гражданами на общественный счетъ въ пританеонѣ. За этими пятидесятью слѣдовали слѣдующіе 50 членовъ совѣта и т. д. во весь годъ.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ государственныхъ учрежденій, было еще много и другихъ, меньшихъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій. Такъ напримѣръ, подъ предсѣдательствомъ перваго архонта *(эпонима)* состоялъ судъ, разбирательству котораго подлежали семейныя дѣла гражданъ; судъ втораго архонта *(василевса*, то есть *царя)* вѣдалъ религіозныя мистеріи и божественную службу; суду *поле-*

марха (военачальника) подлежали дѣла, относящіяся къ иноземцамъ и къ торговому сословію.

Благодаря тому, что всѣ достойные граждане были заинтересованы въ дѣлахъ правленія, что дѣла обсуживались и рѣшались гласно, всенародно, вѣрныя понятія объ истинныхъ потребностяхъ государства были распространены во всѣхъ слояхъ населенія и возбуждали въ немъ горячее соревнованіе къ службѣ отечеству. До тѣхъ поръ, пока господствующей цѣлью дѣятельности гражданина было стремленіе къ благосостоянію отечества, Аѳины стояли на верху могущества и славы, которыхъ едва ли когда-либо достигала другая страна подобнаго протяженія. Но когда на мѣстѣ чистой привязанности къ родинѣ явились себялюбіе и корысть, тогда весь народъ сталъ представлять собою не совокупность истинныхъ сыновъ отечества, а массу изворотливыхъ, подкупныхъ празднолюбцевъ, ищущихъ однихъ наслажденій и новизны.

Другія греческія республики были устроены или по образцу Спарты, то есть съ аристократическими учрежденіями, или же, какъ напр. острова, мало-азіятскіе и іонійскіе города, съ демократическими. Іонійскіе города скоро послѣ этого времени попали въ зависимость отъ Лидіи и, вмѣстѣ съ послѣдней, подпали владычеству Персіи и были подчинены персидскому *сатрапу* (то есть *начальнику области).*

Въ государствѣ Аѳинскомъ не только гражданскій бытъ получилъ правильное устройство, но вмѣстѣ съ нимъ и домашній, и семейный. Законодатель принялъ въ основаніе своихъ дѣйствій ту мысль, что гражданинъ долженъ стремиться не столько къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей, сколько къ достиженію общественнаго благосостоянія. А этого можно было достигнуть только постояннымъ порядкомъ и благоустройствомъ какъ въ отношеніи внѣшней дѣятельности, такъ и въ отношеніи домашняго быта гражданъ. Поэтому мы бросимъ взглядъ на домашній бытъ древняго грека и прослѣдимъ жизненный путь гражданина отъ самаго рожденія и до того дня, когда онъ получалъ отъ друзей своихъ послѣднюю почесть.

ГЛАВА IV

ЖИЗНЬ И ИСКУССТВА.

I. Нравы и обычаи.

Подъ вліяніемъ законодательства и государственныхъ учрежденій жизнь греческихъ республикъ выяснилась совершенно въ другихъ образахъ, чѣмъ во времена героическія. Каждый гражданинъ сталъ принадлежать прежде всего не дому и семейству, а государству и обществу. Такая перемѣна въ его положеніи имѣла для него ближайшимъ послѣдствіемъ отдаленіе его отъ жены и подробностей домашняго быта, а для жены — потерю того нравственнаго вліянія въ семействѣ, которое приписываетъ ей Гомеръ. Причиною этого послѣдняго обстоятельства было то, что жены остались на прежней ступени развитія въ то время, какъ мужья, благодаря участію въ общественной дѣятельности, торжественныхъ играхъ и празднествахъ, подвигались всесторонними путями впередъ по пути гражданскаго и умствен-

наго образованія. Только въ Спартѣ женщины не отстали отъ мужчинъ, ибо тамъ онѣ всегда участвовали вмѣстѣ съ послѣдними какъ въ общественныхъ играхъ, такъ и въ торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и празднествахъ. Зато, произнося судъ надъ поступками мужей и юношей, олицетворяя собою суровое цѣломудріе, желѣзную отвагу и рѣшимость, спартанки не могли имѣть никакого притязанія на тѣ трогательныя для сердца семьянина добродѣтели, выра-

Домашній бытъ женщинъ.

женіе которыхъ запечатлѣно въ образѣ Пенелопы. Въ большей части республикъ видимъ, что дѣятельности женщинъ назначено было не выходить за предѣлы домашняго быта — семейныхъ заботъ о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, надзора за рабынями. Впрочемъ, онѣ были не лишены участія въ нѣкоторыхъ общественныхъ празднествахъ, напр. въ Панатенеяхъ, а иногда родственницы и подруги составляли

сходку, на которой сообща разсуждали о своихъ дѣлахъ. Мужчины не допускались на эти сходки. Женщины жили на своей половинѣ въ домѣ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ жили взаперти. Напротивъ: онѣ большую часть дня любили проводить вмѣстѣ съ остальными членами семьи, а удалялись къ себѣ только въ случаѣ посѣщенія незнакомыхъ. Точно такъ же свободны были онѣ и внѣ дома, отправляясь для закупокъ, заказовъ и вообще по домашнимъ дѣламъ. Дочери воспитывались въ уединеніи. До замужества онѣ никакъ не должны были показываться внѣ дома безъ покрова. Отъ этого цѣломудренная стыдливость, а вмѣстѣ съ ней и робость и, какъ выше сказано, отсутствіе высокаго умственнаго образованія были отличительными чертами дѣвицъ. Отъ этого же онѣ не имѣли голоса при выборѣ имъ супруга. Женихъ вступалъ въ переговоры съ отцомъ или съ другимъ представителемъ дома, съ которымъ онъ искалъ родственнаго союза. Въ этихъ переговорахъ взвѣшивались обоюдное положеніе въ обществѣ, имущество той и другой стороны и опредѣлялось приданое. Тѣмъ и кончались переговоры, равносильные нашимъ сватовству, сговору и обрученію. Переговоры эти, конечно, не могли дать жениху возможности близко узнать свою невѣсту, и онъ не заботился услышать изъ устъ ея сладостное согласіе. За день до свадьбы приносили праздничное жертвоприношеніе Зевсу и Герѣ, а иногда и Артемидѣ. Въ самый день свадьбы жениху и невѣстѣ приготовляли купаніе, каждому изъ воды того священнаго источника, который протекалъ на мѣстѣ ихъ жительства. Подъ вечеръ женихъ, вмѣстѣ съ избраннымъ шаферомъ, пріѣзжалъ за невѣстой. На волахъ или мулахъ двигалась тогда процессія изъ дома невѣсты въ домъ жениха, украшенный вѣнками. Къ процессіи присоединялись, съ обѣихъ сторонъ отцы, матери, друзья съ свадебными факелами въ рукахъ. Встрѣчные выражали четѣ пожеланія счастія. Виновникъ торжества ласково отвѣчалъ на нихъ; подруга же его, подъ густымъ покровомъ, сидѣла безмолвно

съ нимъ рядомъ. Праздничный ужинъ ожидалъ гостей въ домѣ жениха. Брачный ужинъ былъ чуть ли не единственный случай, когда мужчины и женщины вмѣстѣ принимали участіе въ общемъ весельѣ. Что эти пиры оживлялись и блестящимъ говоромъ, и остроумною шуткой, въ этомъ ручается веселый нравъ грековъ. Съ приближеніемъ полуночнаго часа новобрачные оставляли шумное общество; гости въ честь имъ оглашали палаты веселою свадебной пѣснью, которою и заключался праздникъ. На слѣдующій день молодая получала подарки отъ мужа и близкихъ друзей, но только на третій день она являлась уже безъ покрова и, въ качествѣ хозяйки дома, принимала въ свое вѣдѣніе домашнія дѣла своего мужа, отнынѣ становившіяся ея собственными дѣлами.

Въ Спартѣ торжество это имѣло болѣе суровый характеръ. Обычай повелѣвалъ жениху похищать свою невѣсту, разумѣется, покончивши предварительно всѣ договоры съ родителями или попечителями ея. Впрочемъ, существенной частью этого дѣла и въ Спартѣ было согласіе невѣсты, полученное заранѣе.

При рожденіи ребенка, отецъ былъ воленъ признать его своимъ или нѣтъ. Правда, никакой положительный законъ не давалъ отцу въ послѣднемъ случаѣ власти удалять новорожденнаго изъ дома, какъ это было въ Римѣ; однакожь, не было положительныхъ законовъ, которыми опредѣлялось бы наказаніе отцу, въ случаѣ несправедливости его отреченія. Впрочемъ, это жестокое, обычаемъ утвердившееся право, рѣдко приходилось примѣнять къ дѣлу. Обыкновенно же, по признаніи новорожденнаго, на 5-й день семейство праздновало приращеніе. Повивальная бабка или другая женщина, обносила ребенка вокругъ жертвеннаго огня Гестіи (Весты), который не угасалъ въ посвященномъ для него мѣстѣ дома, а затѣмъ слѣдовалъ праздничный обѣдъ въ честь новорожденнаго. Но еще знаменательнѣе было торжество на 10 день по рожденіи. Тутъ отецъ, принесши жертву богамъ, назна-

чалъ малюткѣ имя. Домашніе, друзья, свободные и рабы, дарили новорожденнаго. Эти подарки береглись для новорожденнаго, ибо на нихъ смотрѣли, какъ на его собственность; самого же новорожденнаго считали съ этого дня какъ бы членомъ общества. Само собою разумѣется, что день заканчивался веселымъ пиромъ. Присмотръ за маленькимъ гражданиномъ, попеченіе о немъ и воспитаніе его въ первые годы лежали исключительно на матери. Убаюкивали малютку, нося и качая его въ корытцѣ или въ отцовскомъ щитѣ. Когда ребенокъ уже начиналъ кое-что понимать, то, въ случаѣ упрямой крикливости или безпокойнаго нрава, ему наговаривали разныя разности о чудовищахъ, привидѣніяхъ, ламіяхъ и эмпузахъ, которыя будто бы человѣческимъ тѣломъ питались, дѣтей крикливыхъ хватали, кровь ихъ сосали и т. п. вещи. Въ награду же и поощреніе толковали имъ пріятныя исторійки, въ особенности Эзоповы басни, давали имъ куклы, фигурки разныхъ солдатиковъ, мужичковъ, рыбаковъ и т. п., сдѣланныхъ изъ глины или мѣди; поощряли ихъ къ увеселительнымъ играмъ, вообще дѣйствовали такъ же, какъ и нынѣ. Такъ расли дѣти дома до тѣхъ поръ, пока мальчикамъ наставало время опредѣляться въ школы и гимназіи, а дѣвочкамъ, получившимъ отъ матери усвоенный имъ обычаемъ кругъ образованія, приходила пора дѣлаться помощницами и участницами въ домашнихъ занятіяхъ, хозяйствѣ и т. п. Достигши же зрѣлыхъ лѣтъ, юноши вступали въ народное собраніе или отличались на полѣ брани; дѣвицы же украшали уединеніе домашняго быта, становясь въ немъ средоточіемъ любви и семейнаго счастія. Итакъ жилось и дѣйствовалось, пока геній, опрокинувъ свѣтильникъ жизни, не полагалъ предѣла живымъ надеждамъ и стремленіямъ.

Какъ видно, древніе эллины такъ же мало видѣли вреда для ребенка въ нелѣпыхъ побасенкахъ, какъ и многіе современные родители, допускающіе, чтобы, чрезъ посредство кормилицъ и нянекъ, первыя понятія, которыя зароняются

въ чувство и сознаніе малютки, черпались изъ такого грязнаго источника, каковы вообще чудовищныя созданія грубой фантазіи, непросвѣтленной ни истинной религіею, ни яснымъ пониманіемъ самыхъ обыкновенныхъ явленій природы. Вообще говоря, греки были чужды ребяческаго страха смерти. Они шли бодро навстрѣчу событіямъ жизни, а когда наставало время, такъ же бодро отдавались во власть Мэры (рокъ, судьба), господствовавшей, по вѣрованію древнихъ, надъ міромъ безсмертныхъ и смертныхъ. Нерѣдко у греческихъ мудрецовъ приходится встрѣчать понятіе о смерти, какъ высшемъ счастіи, какого только добродѣтельный смертный можетъ пожелать, и какое боги могутъ послать ему въ награду за жизнь, исполненную добрыхъ, достойныхъ дѣлъ.

Къ обряду погребенія приступали домашніе съ особенно набожной заботливостью, ибо полагали, что отъ этого зависѣлъ благополучный пріемъ покойника въ царствѣ тѣней. Въ торжественномъ погребеніи эллинъ полагалъ самыя лучшія и успокоительныя надежды всей жизни, и наоборотъ, отказать въ этихъ послѣднихъ почестяхъ, хотя бы и врагу, считалось величайшимъ позоромъ и пятномъ на памяти умершаго. Закрывши глаза умершему, тотчасъ клали ему въ уста монету оболъ, чтобы было чѣмъ на р. Стиксѣ заплатить ворчливому Харону, перевозчику душъ въ обитель тѣней. Потомъ тѣло обмывали, натирали благовонными маслами и облекали въ чистыя, бѣлыя одежды. Цвѣтами и плющемъ украшали голову умершаго; осыпали вѣнками и грудь, и руки, и шею. На второй день тѣло, такимъ образомъ умащенное и изукрашенное, выставляли всенародно на возвышенномъ ложѣ — въ Аѳинахъ внутри дома, а въ другихъ мѣстахъ передъ входомъ въ домъ. Воздухъ наполнялся жалобнымъ плачемъ и причитаніемъ родственницъ. Иногда присоединяли къ нимъ и наемныхъ плакальщицъ. Послѣднія, смотря по степени усердія въ исполненіи своей должности, не ограничивались плачемъ и воемъ, но иногда еще били и терзали себѣ руки и грудь. Этотъ дикій обычай Солонъ

своимъ законодательствомъ если не совсѣмъ уничтожилъ, то весьма ослабилъ. На третій день, предшествуемые женщинами, игравшими на флейтахъ или затягивавшими жалобныя пѣсни и вопли, родственники выносили тѣло изъ дома. Родные и домашніе сопровождали шествіе въ опредѣленномъ порядкѣ. Что касается формы самаго погребенія, мнѣнія объ этомъ европейскихъ писателей долго расходились: одни говорили, что греки зарывали тѣло въ землю, другіе утверждали, что они его сожигали. Теперь согласились въ томъ, что въ обычаѣ у нихъ было и то, и другое. Не только въ Великой Греціи *), но и въ собственной Элладѣ открыто множество гробницъ, въ которыхъ находили то кости, то урны съ пепломъ.

Гробы дѣлались изъ дерева, по большей части изъ глины; урны — также изъ глины или, въ особенности у богатыхъ, изъ мѣди. Могилы располагали и устраивали различно. Ихъ или просто выкапывали въ землѣ, или же выкладывали внутри камнемъ, или, наконецъ, высѣкали въ камнѣ. Надъ ними ставили памятники, въ большей части случаевъ, каменные столбы, съ щитками наверху. На щиткахъ художникъ помѣщалъ какія-нибудь эмблематическія изображенія, въ особенности же надписи, въ которыхъ излагались свѣдѣнія объ усопшемъ. Надъ нѣкоторыми могилами находились простые четыреугольные стоячіе камни въ формѣ незатѣйливыхъ жертвенниковъ, или обыкновенныя каменныя плиты; надъ другими же воздымались цѣлыя зданія въ видѣ храмовъ. Эти послѣднія, конечно, отличались и богатствомъ матеріала, и красотою отдѣлки.

Отдавши послѣдній долгъ усопшему, родственники и друзья его собирались въ траурной залѣ къ общей трапезѣ. Ею заключались похороны. Впослѣдствіи приносили еще жертвы

---

*) Великой Греціей называли въ древности греческія колоніи, распространившіяся съ VIII вѣка, начиная съ Сициліи, по всей южной Италіи (Сиракузы, Кротонъ, Тарентъ, Локры, Сибарисъ и др.).

на самомъ кладбищѣ; могилы же осыпали цвѣтами, а иногда бросали на нихъ, вмѣстѣ съ вѣнками, отрѣзанныя кудри собственныхъ волосъ. Трауръ по усопшемъ продолжался до 30 дней. Во все это время носили верхнюю одежду черную. Она называлась: *гиматіонъ*. Но трауръ еще болѣе выражали тѣмъ, что отказывались на все время его отъ участія въ общественныхъ удовольствіяхъ и даже дома удерживались отъ всякихъ шумныхъ изъявленій радости.

Сожиганіе усопшаго.

Вѣнчаніе умершаго цвѣтами.

II. Образовательныя искусства.

Отъ послѣднихъ почестей умершимъ обратимся теперь къ кипучей дѣятельности живыхъ. Прежде всего заглянемъ въ Спарту, суровую, замкнутую въ себѣ самой Спарту. Мы ужь видѣли, что въ ней главнѣйшимъ, почетнѣйшимъ занятіемъ гражданина было дѣло военное. Всѣ проявленія общественной дѣятельности — игры, упражненія, общественныя состязанія, въ особенности же охота,— однимъ словомъ, все было направлено единственно къ тому, чтобы закалить тѣло и духъ гражданина и сдѣлать его какъ можно способнѣе къ ратному дѣлу. Но въ другихъ греческихъ республикахъ не презирали и мирныхъ, полезныхъ занятій: земледѣліе, ремесла и торговля процвѣтали въ нихъ, особенно въ Аѳинахъ. Здѣсь эти занятія указывались самыми гражданскими законами, и люди, посвятившіе себя имъ, пользовались особеннымъ общественнымъ уваженіемъ.

Благодаря врожденному въ грекѣ чувству къ прекрасному, ремесло у него недолго оставалось ремесломъ, а развивалось въ художничество. Оживленная торговая дѣятельность, матеріяльное благосостояніе, какъ плодъ ея, частыя и близкія сношенія съ колоніями мало-азіятскими, итальян-

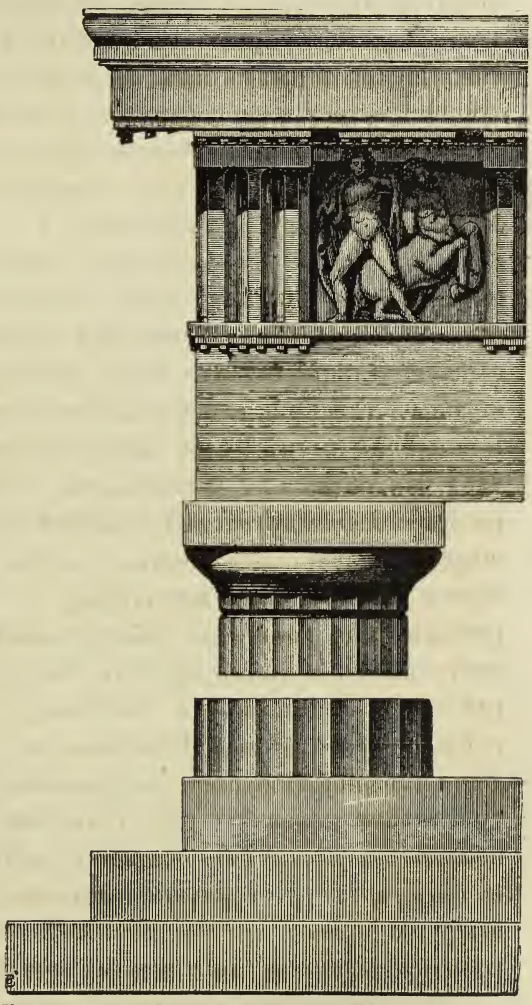
скими, — все это какъ нельзя лучше содѣйствовало къ расширенію круга понятій грека и къ возбужденію въ немъ стремленій къ изящному.

Особенно своеобразно развилось въ Греціи зодчество. Направленіе и характеръ ему сообщены тѣмъ свѣжимъ, могучимъ дорическимъ племенемъ, которое уже обезпечило себѣ дѣйствительное обладаніе большею частью Греціи. Народы этого племени, серьезно обратившись къ искусству, въ то-же время вполнѣ сознавали свойство той силы, благодаря которой они достигли такого значительнаго преобладанія въ Греціи. Хотя имъ не было нужды въ воинственныхъ передвиженіяхъ, ибо рядомъ непрерывныхъ побѣдъ они обезпечили себѣ прочныя мѣста жительства и громкой славой покрыли свое имя, но, не предаваясь празднымъ наслажденіямъ, они попрежнему стремились еще надежнѣе утвердить, еще шире и дальше распространить свое владычество. Они сознавали, что побѣдами и значеніемъ своимъ они обязаны не только собственному мужеству, но также твердому законодательству и содѣйствію боговъ, и потому старались эти основныя опоры своего могущества увѣковѣчить въ незыблемыхъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Прежде всего, чтобы заслужить благоволеніе боговъ, они старались воздвигнуть имъ достойные храмы. И на этихъ зданіяхъ въ такихъ рѣзкихъ чертахъ отпечатлѣлся свойственный этому племени характеръ, что и самый стиль архитектурный навсегда принялъ его имя *(дорическій стиль)*. Въ чемъ же выразились главнѣйшія черты этого стиля? Въ могучихъ размѣрахъ, сплошныхъ массахъ, въ совершенной симметріи и, наконецъ, въ величавомъ достоинствѣ, при отсутствіи всякихъ излишнихъ украшеній.

Мысль и фантазія были не безъ дѣла при этихъ созданіяхъ, но и онѣ должны были творить, подчиняясь строго-опредѣленной въ дорическомъ зодчествѣ правильности.

Положительно можно сказать, что дорическій стиль созданъ по образцу деревянныхъ построекъ. Стволы деревъ, стоя въ рядъ, вдоль четырехъ сторонъ совершенно правиль-

наго четыреугольника, служили основаніемъ для верхнихъ, главныхъ балокъ. На этихъ продольныхъ балкахъ утверждались поперечныя, на которыхъ уже настилали доски. Внутренность храма состояла изъ задней части или углубленія *(наосъ)*, въ которомъ помѣщалась статуя божества, и изъ открытаго преддверія *(пронаосъ)*, гдѣ собирались къ жертвоприношеніямъ. Иногда позади наоса было еще небольшое помѣщеніе, гдѣ хранились всякаго рода драгоцѣнные и особенно-священные предметы храма. Почти по всей Греціи храмы имѣли приблизительно одно и тоже устройство. Кровли въ деревянныхъ постройкахъ, естественно, были плоскія. Эта форма кровель осталась и тогда, когда стали употреблять камни вмѣсто дерева. Кажется, древніе эллины не умѣли дѣлать сводовъ.



Колонна дорическаго стиля изъ Парѳенона аѳинскаго.

Вотъ изъ какихъ грубыхъ началъ сталъ развиваться дорическій архитектурный стиль. При дальнѣйшемъ совершен-

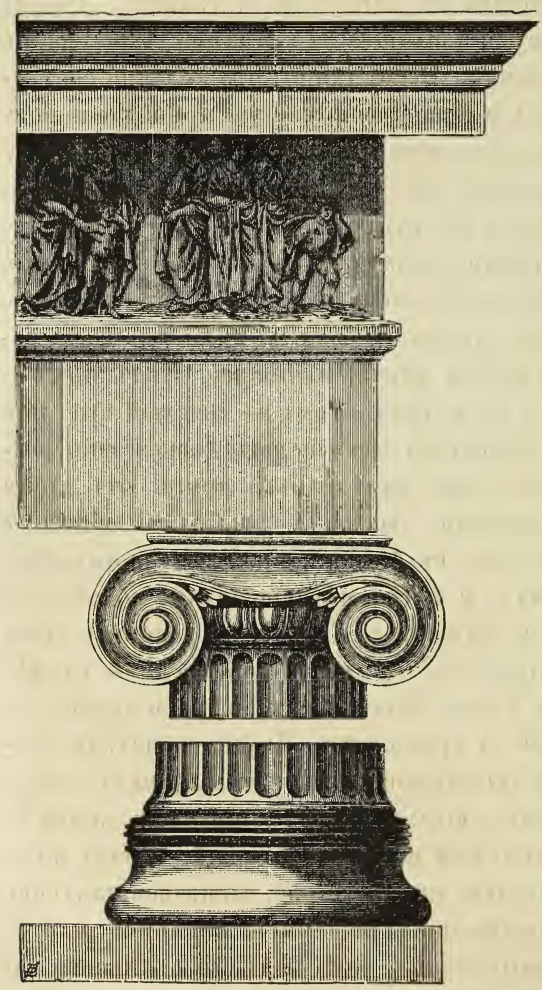
ствованіи его, деревянные стволы, служившіе опорами поперечинамъ и кровлѣ, смѣняются каменными колоннами. Колонны стоятъ близко одна возлѣ другой, прямо на основаніи зданія, къ которому ведетъ отъ земли нѣсколько ступеней. Вышина колоннъ сначала составляетъ не болѣе, какъ четыре раза взятый нижній поперечникъ ихъ. Впослѣдствіи измѣняется какъ это отношеніе, такъ и многія другія условія первоначальной строгости стиля. Колонны у средины чуть-чуть полнѣе, вверху же, на двухъ третяхъ высоты, слегка перехвачены, что придаетъ имъ болѣе возвышенный, легкій видъ. Съ тою же цѣлію дѣлаются вдоль колоннъ желобообразныя углубленія. Ихъ 30. Вознесшись такимъ образомъ легко и граціозно, колонны заканчиваются вѣнчикомъ съ круглой плитою, на которой помѣщается четыреугольная плита *(абакъ)*, прикасающаяся уже непосредственно къ самому зданію, которому и служитъ опорой. Ближайшій членъ этого зданія есть *архитравъ*, т. е. четыреугольная балка или перекладина, которая лежитъ на всемъ рядѣ колоннъ, и за которой слѣдуетъ перемычка. Далѣе—*фризъ*, широкая поперечная верхняя часть зданія. На немъ выступаютъ по сторонамъ *триглифы*, т. е. троерѣзы. Это—подражаніе или напоминаніе выступавшихъ въ первоначальныхъ постройкахъ концовъ бревенъ. На пространствѣ между триглифами располагаются богатыя, изящныя произведенія скульптурнаго рѣзца. Подобныя же скульптурныя произведенія украшаютъ и все поле *фронтона*. Небольшія связи подъ триглифами обозначаются зубчиками, а чтобы еще болѣе напоминать деревянную постройку, надъ триглифами, подъ карнизомъ, дѣлаютъ небольшіе выступы, какъ будто бы это были выступы краевъ досокъ, положенныхъ на балки. Вотъ образчикъ зданія въ дорическомъ стилѣ.

За дорическимъ архитектурнымъ стилемъ слѣдуетъ по значенію *іоническій*, достигшій развитія одновременно съ дорическимъ. Храмъ эфесскій, служащій вѣрнѣйшимъ представителемъ этого стиля, заставляетъ думать, что онъ развился подъ вліяніемъ стиля дорическаго, а, можетъ быть, отчасти и восточ-

наго; но каковы бы ни были чуждыя вліянія, въ эллинскомъ духѣ іоническій стиль получилъ свое ясное, самобытное органическое выраженіе. На всѣхъ произведеніяхъ его лёгла печать величія, соединеннаго съ мягкостью и граціею. Различіе между дорическимъ и іоническимъ стилями выступаетъ особенно рѣзко въ колоннѣ. Несомнѣнно, что колонна составляла важнѣйшую часть и существеннѣйшую принадлежность греческаго архитектурнаго искусства. Въ позднѣйшую пору колонна плохо прививалась къ зданіямъ, построеннымъ во вкусѣ римлянъ, и только въ готической или древне-германской архитектурѣ, колонна снова получила большое значеніе, но ужь въ совершенно измѣненной противъ прежняго формѣ.

Іоническая колонна стоитъ на *базисѣ*, нижнюю часть котораго составляетъ плоская плита, *плинтусъ*. Надъ нимъ— *голькель* (желобокъ), а ужь надъ этимъ — толстый круглый *валъ*, или *подушка*. Сочлененія аттическаго базиса еще роскошнѣе; тамъ два такіе вала, отдѣленные другъ отъ друга голькелями. Это сочлененіе базиса очевиднымъ образомъ показываетъ, что здѣсь-то, въ Аттикѣ, архитектурному дѣлу сообщенъ новый взмахъ, и масса матеріи начала облекаться выраженіемъ мысли и изящества. Стержень колонны здѣсь возносится легче и стройнѣе, чѣмъ въ дорическомъ стилѣ; верхній перехватъ не столь значителенъ, а расширеніе колонны посрединѣ мягче и граціознѣе. Двадцать четыре желобка, внизу и вверху дугообразно-закругленные, идутъ вдоль колонны. *Капитель* образуютъ: сначала граціознымъ жемчужнымъ ожерельемъ накинутый на колонну *штабъ*, а надъ нимъ верхній валъ, или подушка, края которой, завиваясь улиткою, поддерживаютъ листообразно-украшенную верхнюю плиту. Спирали подушки, свернувшись какъ будто отъ сильнаго нагнета зданія, придаютъ самымъ колоннамъ видъ какой-то стальной упругости. Лежащій на немъ верхній архитравъ зданія состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ. Отъ этого и отъ того еще, что вверху архитравъ законченъ легкимъ обводомъ, масса этой части зданія дробится между нѣсколькими его членами и

не столько подавляетъ своей громадностью. Фризъ свободенъ отъ триглифовъ. На всемъ пространствѣ его поэтому полный просторъ движенію скульптурной работы. Высота колоннъ въ девять разъ больше нижняго поперечника ихъ, и вся верхняя часть зданія составляетъ четвертую часть ихъ. Изъ этого внѣшняго отличія іоническаго отъ дорическаго стиля само собою явствуетъ, что и въ украшеніи кровли и внутренней части зданія іоническаго стиля повсюду блистало изящество формъ и чистота линій, въ особенности же, мягкость и грація преобладали надъ дорической массой и силой.



Колонна іоническаго ордена, изъ Иллисскаго храма, возлѣ Аѳинъ.

Изъ іоническаго архитектурнаго стиля развился впослѣдствіи роскошный *коринѳскій стиль*, но объ этомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что представленный нами рисунокъ іоническаго зданія заимствованъ изъ храма Иллисскаго, бывшаго въ свое время однимъ изъ чистѣй-

шихъ и прекраснѣйшихъ представителей этого архитектурнаго стиля. Еще въ прошедшемъ столѣтіи храмъ этотъ сохранялся довольно хорошо; теперь же отъ него уцѣлѣло лишь нѣсколько обломковъ.

Выше былъ упомянутъ храмъ Діаны (Артемиды) Эфесской. Громадность и красота этого зданія поставили его въ число семи чудесъ свѣта. (Другія чудеса свѣта были слѣдующія: Египетскія пирамиды, Вавилонскія стѣны, Вавилонскіе висячіе сады, статуя Юпитера Олимпійскаго, мавзолей Галикарнасскій и колоссъ Родосскій). Храмъ былъ *гипаефросъ*, т. е. *вверху открытый*. Колонны его имѣли въ вышину 60 футовъ. (Колонны главныхъ портиковъ Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ, занимающія послѣ колоннъ Александровской и Помпеевской, первое мѣсто въ мірѣ, имѣютъ въ вышину только 56 фут., а въ нижнемъ діаметрѣ почти сажень; колонны же другихъ знаменитыхъ зданій въ Европѣ, какъ напримѣръ церквей Св. Дѣвы Маріи Транстеверинской, Св. Петра aux Liens, ara Cœli и др. гораздо ниже исаакіевскихъ). Нѣкоторыя изъ нихъ были высѣчены изъ одного куска. Восемь колоннъ поддерживали фронтомъ; остальныя, двойнымъ рядомъ, шли по сторонамъ храма. Ширина этого великолѣпнаго бѣломраморнаго зданія была 220, а длина 425 футовъ. Говорятъ, что храмъ былъ сожженъ какимъ-то Геростратомъ, который хотѣлъ (и успѣлъ) такимъ поступкомъ обезсмертить свое имя.

Было еще одно знаменитое въ древности зданіе, также іоническаго стиля. Это — храмъ Кибелы, въ Сардахъ. Въ длину онъ имѣлъ 261 футъ, а въ ширину — 114 фут.

ХРАМЪ ДЕЛЬФІЙСКІЙ И ДРУГІЯ ЗДАНІЯ ЭТОГО ПЕРІОДА.

Изъ зданій, въ строгомъ дорическомъ стилѣ, ни одно не пользовалось въ древности такою знаменитостью, какъ храмъ Феба-Аполлона, находившійся въ Дельфахъ. Остановимся нѣсколько долѣе на этомъ удивительномъ храмѣ, изъ нѣдръ

котораго разносились пророческіе глаголы по всей Греціи и имѣли часто самое рѣшительное вліяніе, не только въ предѣлахъ этой страны, но даже и у сосѣднихъ народовъ. Сколько мѣсто позволитъ, мы будемъ слѣдовать здѣсь монографіи «Дельфы», которая издана въ Дармштадтѣ, въ 1855 г., и въ которой авторъ, г. Юлій Кайзеръ, такъ прекрасно разработалъ этотъ предметъ съ научной и художественной его стороны.

Преданіе гласитъ, что Аполлонъ, источникъ свѣта, побѣдивши дракона Пиѳона — иначе сказать: побѣдивши горный потокъ, наводнявшій всю долину и превращавшій ее въ болото, — водрузилъ лавровую вѣтвь на мѣстѣ своей побѣды. Здѣсь находилась глубокая пещера, изъ которой день и ночь поднимались удушливыя испаренія. Кому только случалось приближаться къ этой пещерѣ, тотъ тотчасъ чувствовалъ необыкновенное вдохновеніе и начиналъ пророчествовать. Не долго оставалось безъ вѣдома это рѣдкое качество пещеры. Нашлись люди, которые сумѣли изъ таинственныхъ свойствъ ея сдѣлать выгодное примѣненіе къ мірскимъ цѣлямъ. Трофеній и Агамедъ возвели надъ этой пещерой циклопическія постройки. Постройки утверждались на пяти основныхъ огромныхъ камняхъ. По мѣрѣ того, какъ мѣстный оракулъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе славы, на мѣстѣ циклопической постройки явился величественный храмъ. Въ 548 до Р. Х. онъ сгорѣлъ. Въ это время родъ Алкмеонидовъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ. Изгнанники не пожалѣли денегъ и взялись отстроить на славу сгорѣвшій храмъ, разсчитывая за то на нравственное въ народѣ вліяніе дельфійскаго божества и надѣясь, съ помощью этого вліянія, снова утвердиться на родинѣ. Работы были поручены Спинтару Коринѳскому, знаменитому въ свое время архитектору, и онъ исполнилъ свое дѣло на удивленіе всей Греціи.

Взглянемъ теперь на мѣстность, въ которой находилось это святилище, бывшее предметомъ поклоненія для всей Эллады. Къ храму вели два пути. Одинъ съ востока, отъ Аѳинъ

черезъ гору Киѳеронъ и Віотію, путь крутой и трудный, другой съ юга, отъ Крисайскаго залива, слегка въ гору, къ Парнасу, путь удобный и потому наиболѣе людный. Послѣдуемъ за пилигримами въ Дельфы. Они сходятъ на берегъ въ просторной бухтѣ, у которой начинается глубокая пространная долина. На востокѣ развалины бывшаго здѣсь нѣкогда приморскаго города Кирры. Окрестность въ запустѣніи: на ней тяготѣетъ проклятіе дельфійскаго божества; но за этими холмами, возвышающимися направо и налѣво, развертывается плодоносная Крисайская равнина. Эту равнину звали счастливою, золотой луговиной. Взоръ путника отдыхаетъ на сладострастно-волнуемыхъ по вѣтру нивахъ; ему отрадно въ тѣни оливковыхъ рощъ, при веселомъ журчаньѣ свѣтлыхъ, прохладныхъ ручьевъ, и плоды роскошныхъ обширныхъ садовъ, одни другихъ лучше, манятъ его пурпуромъ и янтаромъ. Усталости его какъ не бывало, и не разставаясь съ теченіемъ Плеиста, онъ весело подвигается впередъ въ гору, по отклонамъ Парнасса, въ виду многовершинной горы Кирфисы, справа замыкающей горизонтъ. Тутъ и тамъ грубые остатки циклопическихъ стѣнъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то городъ Крисса. Круче и труднѣе становится тропа, но съ каждымъ шагомъ чувствуетъ путникъ свое приближеніе къ завѣтной цѣли. Вотъ и возвышенная равнина. Еще нѣсколько шаговъ, и ему откроется глубокая, сумрачная долина Дельфійская, во всей естественной, обворожительной прелести, со всѣми чудесами, которыми украсило ее художество, со всей таинственностію, которую навѣяла на нее народная вѣра. Направо, въ глубинѣ, по роскошнымъ пажитямъ Кирфисса, серебристой змѣей, извивается Плеистосъ. Теперь не узнать въ его свѣтлыхъ водахъ того свирѣпаго горнаго потока, который зимою скачетъ по крутому руслу и пѣнитъ и брызжетъ мутною водой. Вдоль по дорогѣ путникъ по сторонамъ встрѣчаетъ ущелья и гроты, высѣченные въ скалахъ, украшенные драгоцѣнными произведеніями искусства. Сады, лавровыя рощи, группы

сосенъ живописно перемѣшиваются и высятся по склонамъ холмовъ, замыкающихъ долину. И изъ этого моря зелени, то тутъ, то тамъ выглядываютъ зданія города Дельфъ. Вотъ храмы, колоннады, тамъ портики, великолѣпная ратуша и гимназія; но всѣ они исчезаютъ предъ величіемъ храма свѣтоподателя— Феба, и изумленный путникъ повергается въ прахъ предъ мощной красотой зданія, вознесшаго главу надъ городомъ, занявшаго всю глубину пышной котловины. Бѣломраморныя статуи и фронтонъ храма сіяютъ еще ярче отъ противоположности съ тѣми сѣрыми известняками, которые почти отвѣсными утесами возвышаются на 900 футовъ непосредственно за храмомъ. Изъ-за нихъ выглядываютъ зубчатыя вершины Парнасса, и вся эта обстановка точно влечетъ очарованнаго путника туда, въ эти сумрачныя лавровыя рощи, въ эти ущелья, гдѣ ласкаетъ слухъ ропотъ потоковъ; туда, къ этимъ могучимъ соснамъ, прилѣпившимся къ утеситымъ высямъ, гдѣ робкое сердце смертнаго чуетъ присутствіе горнаго, чарующаго бога Пана и таинственнаго Діонисса; гдѣ нимфы и фавны ведутъ хороводы, а шаловливыя менады, легкими роями, пляшутъ и мчатся въ лазурной дали. Но вниманіе путника больше и больше приковывается видомъ города и храма, и по мѣрѣ того, какъ развертываются передъ нимъ подробности чудной панорамы, ему кажется, что онъ глазами видитъ исполненіе таинственнаго пророчества, которое слышалъ изъ устъ вдохновеннаго пѣвца.

Богъ пиѳійскій—такъ повѣствуетъ преданіе — въ образѣ дельфина примчался къ предѣламъ Крисайскаго взморья и встрѣтилъ тутъ отважныхъ критскихъ мореходцевъ. Изъ дельфина обратившись въ блестящій метеоръ, богъ пронесся надъ счастливой луговиной Крисаи и плавно, искрясь лучезарно, воспарилъ надъ уединенной, тогда еще необитаемой, долиной Дельфійской. Здѣсь предсталъ онъ очамъ изумленныхъ мореходцевъ во всей божественной красѣ, съ *китарой* (родъ лиры) въ одной рукѣ и съ лукомъ въ другой. И вмѣстѣ съ отважными моряками шествовалъ богъ по тихой

долинѣ. Сладко лилась въ сердце смертныхъ пророческая рѣчь бога о томъ, какъ изъ пустынной долины разольется свѣтъ истиннаго божественнаго ученія, распространятся добрые нравы, и слава озаритъ всю Элладу. Очарованные божественной пѣснью, путники забыли о своей странѣ и поселились близъ свѣтлоструйнаго Кастальскаго источника. Отсюда распространили они между полудикими горными пастухами начала образованія, смягчили ихъ нравы и положили основаніе многославному городу Дельфамъ. Туда устремляются наши путники. Трудно-проходимыя тропинки не ослабляютъ ихъ желанія. Подъ тѣнью вѣчнозеленыхъ кустовъ и деревъ, мимо многихъ жертвенниковъ и святилищъ, они наконецъ достигаютъ города и идутъ все дальше, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ долина заворачиваетъ на востокъ, и гдѣ, по крутымъ склонамъ и обрывистымъ утесамъ, пролегаетъ путь въ Віотію. Вотъ и храмъ Аѳины-Паллады: она такъ же, какъ и Фебъ-Аполлонъ, принесла людямъ свѣтъ ученія и полезныхъ, облагораживающихъ искусствъ. Къ сѣверо-востоку развертывается прекрасное предмѣстье—Пилей. Недалеко оттуда, въ ущельѣ утесовъ, въ тѣни древнихъ оливъ и шелковицъ, скачетъ и пѣнится шумный Кастальскій потокъ, спѣша слить свои воды съ Плеистомъ. Прежде чѣмъ ступить на порогъ завѣтнаго храма, путникамъ нужно омыться въ священномъ источникѣ. Тогда, какъ чужое бремя, спадетъ съ нихъ вся ноша проступковъ и даже нечистыхъ дѣлъ. Путники твердо вѣрили въ эту чудную силу кастальскаго омовенія и съ благовѣніемъ повторяли вдохновенное слово жрицы пиѳійской:

«Съ сердцемъ чистымъ предстанешь во храмъ свѣтоноснаго бога,
«Струей дѣвственно-чистой ключа оросивши усталые члены.
«Смертный! помни, что капли одной его *добрымъ* довольно,
«Но и цѣлымъ ключемъ не омыть души *злой* и порочной дерзанья.»

Теперь путники вступаютъ въ самую мѣстность, гдѣ расположенъ и храмъ Аполлоновъ, и примыкающія къ нему зданія театра и картинной галлереи, куда граждане Дельфъ

любили собираться послѣ дневныхъ трудовъ, освѣжаясь отдыхомъ на лонѣ великолѣпной природы и почерпая новыя силы во взаимной бесѣдѣ. Легкія террасы ведутъ къ самому храму. На каждомъ шагу попадаются приношенія отъ городовъ, царей, государственныхъ мужей, полководцевъ. Число этихъ приношеній съ каждымъ годомъ расло въ невѣроятномъ размѣрѣ, ибо набожное вѣрованіе эллина обязывало его именно въ приношеніяхъ выражать богамъ признательность свою за побѣду или за всякій вообще благопріятный исходъ какого бы ни было предпріятія. Въ живописномъ безпорядкѣ, въ тѣни платановъ и маслинъ, окоймленныя лаврами и миртами, глядятъ статуи боговъ и героевъ, царей, полководцевъ, ораторовъ и поэтовъ. Иныя статуи изъ мрамора, другія изъ бронзы, нѣкоторыя изукрашены золотомъ и серебромъ. И промежъ этихъ произведеній благороднаго искусства, промежъ этихъ приношеній, выражающихъ набожную вѣру, вьется тропинка къ верхней террасѣ. Путникъ восходитъ по нѣсколькимъ ступенямъ и—вотъ онъ предъ храмомъ.

Мощно и величаво вознеслося жилище пиѳійскаго бога. Однимъ изъ фронтоновъ храмъ обращенъ на дорогу, ведущую изъ Аттики и Віотіи, одной же стороной смотритъ вдоль Дельфійской долины навстрѣчу странникамъ, идущимъ по той тропѣ отъ крисайскаго взморья, о которой мы только-что говорили. Западный фронтонъ и другая боковая сторона зданія обращены къ утесистымъ заднимъ стѣнамъ и потому не такъ изящно украшены, какъ передовыя части храма. Непосредственно на самой верхней, изъ скалы высѣченной, террасѣ, взлетѣлъ рядъ колоннъ, имѣющихъ по 6 футовъ въ поперечникѣ. Онѣ совершенно одѣты въ бѣлый мраморъ. Вызолоченные щиты украшаютъ архитравъ; надъ нимъ сіяетъ бѣломраморный фризъ; *прорѣзы* (т. е. пространства между триглифами) покрыты великолѣпной скульптурной работой, изображающей битвы боговъ и героевъ. Кровлю съ двойнымъ фронтономъ пѣвецъ Пиндаръ сравнилъ съ фантастической парой орловъ, распустившихъ могучія надъ про-

Видъ дельфійской долины и храма.

сторнымъ гнѣздомъ крылья. Скульптурныя произведенія, сіявшія золотомъ, на полѣ фронтона, начаты были (впрочемъ, уже лѣтъ 100 спустя послѣ построенія самаго зданія храма) Праксіасомъ Аѳинскимъ, а окончены по смерти его Андростеномъ. На одной стороне передняго фронтона изображена была восходящая луна, на другой—заходящее солнце. Можетъ быть, въ этомъ заключался намекъ на таинственное рожденіе Аполлона и Діонисса. Въ срединѣ фронтона фигура Леты, въ образѣ матери Ночи, распростирающей свой звѣздный покровъ надъ Аполлономъ, Артемидой и Діониссомъ. Аполлона сопровождаютъ музы, Діонисса—менады. Поле фронтона было треугольное.

Самое зданіе храма, какъ и бо́льшая часть храмовъ, построенныхъ въ этомъ періодѣ, состояло изъ трехъ частей: первая—*пронаосъ (преддверіе)*, *наосъ (святилище)* и *адитонъ (святая святыхъ)*. Обведенный рѣшеткой, пронаосъ образовалъ правильный четыреугольникъ, каждая сторона котораго составляла 100 футовъ. Поэтому и ширина фронтона и всего зданія должна была имѣть никакъ не менѣе 100 футовъ; въ длину же храмъ имѣлъ гораздо болѣе. Въ пронаосѣ помѣщалась бронзовая статуя Гомера; въ углахъ пронаоса стояли двѣ, изъ золота и серебра, необъятной величины храмовыя кружки. Ихъ поставилъ здѣсь царь Крезъ. Кромѣ этихъ предметовъ, здѣсь же находилась мѣдная мачта съ тремя золотыми звѣздами, подарокъ Эгины послѣ побѣды при Саламинѣ. На внутренней сторонѣ колоннъ золотыми буквами начертаны были слѣдующія изреченія семи греческихъ мудрецовъ; Клеобула, Періандра, Питтака, Біаса, Ѳалеса, Хилона и Солона (полагаемъ, что будетъ болѣе соотвѣтствовать сущности дѣла, если мы, за неимѣніемъ подъ рукою греческаго подлинника, вмѣсто буквальнаго перевода этихъ изреченій съ нѣмецкаго, передадимъ ихъ основныя мысли въ формѣ сжатыхъ выраженій или даже подходящихъ русскихъ пословицъ):

Клеоб. „Благо тому, кто держитъ мѣру всему“
Періан. „Прежде чѣмъ дѣлать, обдумай и взвѣсь.“
Пит. „Самъ смекай, времени не теряй.“

Віасъ. „Упустишь время — не воротишь.“
Ѳал. „Кто поручится, тотъ и мучится.“
Хил. „Знай себя — и будетъ съ тебя.“
Сол. „Ни много, ни мало: держись середины.“

Наосъ составлялъ собственно храмъ. Онъ былъ безъ кровли, и солнце и дождь свободно проникали въ это отдѣленіе, за то подымавшійся отсюда жертвенный дымъ и жирныя испаренія имѣли свободный выходъ. Средину наоса занималъ главный жертвенникъ. На немъ день и ночь поддерживали священный огонь. Преданіе гласило, что къ этому жертвенному камню слетѣлись орлы, когда ихъ Зевсъ выслалъ въ разныя стороны, повелѣвши имъ отыскать средоточіе міра. Поэтому и камень называли *пупомъ* земли. Открытое пространство наоса было окружено крытыми колоннадами, въ которыхъ сіяли статуи Зевса, Аполлона и Меръ (олицетворявшихъ неумолимость судьбы). Здѣсь же было устроено и мѣдное сѣдалище Пиндара. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ греки выразили всю безграничность уваженія своего къ знаменитому поэту.

Адитонъ считался святѣйшимъ отдѣленіемъ храма, не потому, что въ немъ помѣщались всѣ храмовыя драгоцѣнности и статуя бога, сдѣланная изъ чистаго золота, а въ особенности потому, что здѣсь-то находилась та таинственная пещера, о которой упоминалось выше, и золотой надъ нею треножникъ, назначенный для Пиѳіи. Вѣроятно, надъ отверстіемъ пещеры оставались еще тѣ циклопическія постройки, о которыхъ мы уже упоминали. Сюда вступала жрица Аполлонова и съ знаменитаго треножника своего вѣщала вдохновенные глаголы. Пары ли удушливые, подымавшіеся изъ пещеры, вдохновляли ее, какъ обыкновенно думаютъ; свѣжесть ли амвросіальнаго источника Кассотиса, журчавшаго гдѣ-то въ глубинѣ пещеры, сообщала жрицѣ божественную ясность мыслей и прозорливость духа, какъ полагаютъ другіе — этихъ вопросовъ мы разрѣшать не беремся. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что вѣщанія Пиѳіи служили только краегольными камнями

для соображеній жрецовъ Аполлоновыхъ, и лишь послѣ долгаго и внимательнаго разсужденія послѣдними, облекались въ форму пророчества, которое и сообщалось вопрошавшимъ. Оно и понятно, когда вспомнишь, что на отвѣты дельфійскаго оракула глядѣли не какъ на обыкновенныя гаданія, а видѣли въ нихъ откровенія, касавшіяся общечеловѣческихъ интересовъ. Темнота и загадочность выраженій въ этомъ случаѣ не ослабляли вѣры вопрошавшихъ. Въ отвѣтахъ дельфійскаго оракула и отдѣльныя личности, и цѣлые народы черпали правила мудрости, основанныя, впрочемъ, на близкомъ знакомствѣ съ обстоятельствами міра дѣйствительнаго и слѣдовательно удобопримѣнимыя въ этомъ мірѣ. Поэтому, во время великихъ общественныхъ игръ при храмѣ, весной, оракуломъ преподавались мудрые совѣты и поученія, какъ для руководства цѣлому народу, такъ и отдѣльнымъ личностямъ. Но и кромѣ этого случая, къ оракулу обращались и отъ него получали наставленія во всѣхъ обстоятельствахъ особенной важности, когда, напримѣръ, дѣло касалось благосостоянія или тяжелаго испытанія для городовъ и народовъ. Никакого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, чтобы при этихъ особенныхъ случаяхъ не имѣли сильнаго вліянія на дѣятельность оракула какъ значеніе вопрошавшихъ лицъ, такъ и въ особенности полновѣсность приношеній, съ которыми они являлись къ источнику вдохновенныхъ вѣщаній.

Изъ благороднѣйшихъ древнѣйшихъ родовъ избирались въ Дельфахъ по жребію пять священниковъ, или жрецовъ. Главнаго изъ нихъ называли *оракуломъ*, т. е. пророкомъ. Въ Пиѳіи избиралась чистѣйшая дѣва. Такъ было до тѣхъ поръ, пока не похитилъ Пиѳію какой-то отважный юноша. Послѣ этого случая назначено было облекать въ это высокое знаніе непорочнѣйшую изъ женъ не моложе 50 лѣтъ. И такой порядокъ сохранялся до позднѣйшихъ временъ. Впрочемъ, въ воспоминаніе прежняго обычая, матрона носила дѣвическое украшеніе, а именно: лавровый вѣнокъ, золотую повязку поверхъ распущенныхъ кудрей и длинныя одежды. Съ происхожде-

ніемъ самаго вышеупомянутаго золотаго треножника также связано было затѣйливое преданіе. Милетскіе рыбаки въ сѣтяхъ вытащили его со дна морскаго и никакъ не могли рѣшить, кому изъ нихъ обладать этимъ сокровищемъ. Обратились къ оракулу и получили въ отвѣтъ, что драгоцѣнность принадлежитъ мудрѣйшему. Тогда рыбаки отнесли его своему мудрому соотечественнику Ѳалесу, и когда онъ изъ скромности отклонилъ отъ себя этотъ подарокъ, отнесли его тѣмъ же порядкомъ къ другому изъ семи мудрецовъ. Здѣсь тотъ же отвѣтъ, и такъ носили треножникъ по всѣмъ мудрецамъ, пока, наконецъ, Солонъ рѣшилъ, что треножникъ подобаетъ посвятить мудрѣйшему изъ мудрѣйшихъ — Пиѳійскому божеству.

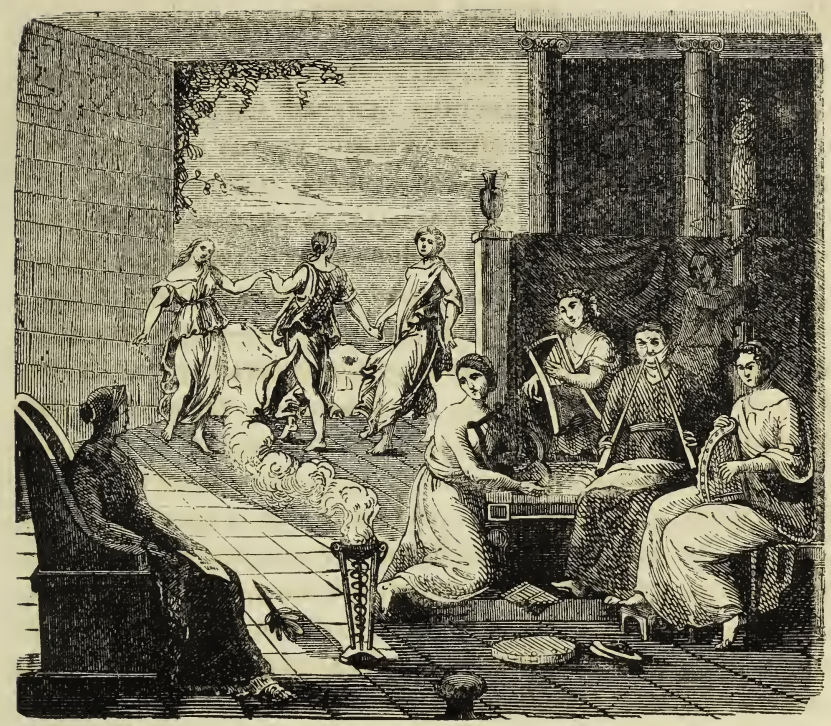
Не менѣе Дельфійскаго храма, знаменитъ былъ и храмъ олимпійскаго Зевса, выстроенный на холмѣ равнины олимпійской въ Пелопоннесѣ. Сюда со всѣхъ сторонъ собирались эллины къ торжественнымъ играмъ, которыя отправлялись на обширной полянѣ, окоймленной оливковыми рощами. Въ зеркальную поверхность Алфея гладѣлся величественный храмъ владыки боговъ, обратясь лицомъ къ скалистымъ вершинамъ Аркадской цѣпи горъ.

Возлѣ главнаго храма Зевса впослѣдствіи пристроились многіе другіе; а наконецъ и главный храмъ былъ весь перестроенъ заново, чтобы быть достойнѣе великолѣпной статуи верховнаго божества. Въ своемъ мѣстѣ поговоримъ объ этомъ подробнѣе.

Въ большой славѣ былъ и храмъ Артемиды (Діаны) Эфесской, въ Малой-Азіи. Онъ былъ пространствомъ не меньше Дельфійскаго, но построенъ въ іоническомъ вкусѣ, а не въ дорическомъ, т. е. въ архитектурѣ его мягкость и грація преобладали надъ силой и грандіозностью.

Скульптура.

Вмѣстѣ съ архитектурой двинулась впередъ и скульптура. Впрочемъ, вначалѣ это искусство служило только для украшенія различныхъ построекъ и инструментовъ. Изъ всѣхъ скульптурныхъ произведеній этого времени наиболѣе прославились: 1) ткацкій станокъ, сдѣланный изъ кипариса, богато украшенный золотомъ, посвященный богинѣ Герѣ въ Олимпіи и однажды въ минуту какой-то опасности спасшій жизнь коринѳскому владыкѣ Кипселу; 2) престолъ Аполлоновъ въ Амиклѣ Каконской, утвержденный на колоннахъ и украшенный многими изящными скульптурными произведеніями; дошли свѣдѣнія и о статуяхъ, изваянныхъ въ этотъ періодъ, но, не смотря на то, что многія изъ нихъ были, какъ говорятъ, колоссальнаго размѣра (какъ, напримѣръ, 45-ти футовая статуя Аполлона въ Амиклѣ), онѣ не имѣли художественнаго достоинства. Правда, что на цвѣтущемъ островѣ Эгинѣ, въ Аргосѣ, въ особенности въ Аѳинахъ, художество стремилось выработать для проявленія своего болѣе благородныя формы, и уже завелись школы для развитія художниковъ, но стремленіямъ этимъ суждено было осуществиться лишь въ позднѣйшемъ періодѣ греческаго искусства.



Музыка и пляска.

III. Поэзія и философія.

Въ поэзіи греческій геній проявился еще свободнѣе и ярче, чѣмъ въ зодчествѣ и ваяніи. Подъ возраставшимъ преобладаніемъ дорическаго племени, эпическая поэзія умолкла, замкнувши собою первоначальный періодъ существованія древней Греціи, періодъ преданій и миѳовъ. На мѣстѣ эпоса развилась лирика. Этотъ родъ поэзіи, получившій названіе отъ музыкальнаго инструмента *(лиры)*, на которомъ обыкновенно сопровождали пѣніе лирическихъ произведеній, былъ противоположенъ эпосу: въ послѣднемъ поэтъ преимущественно повѣствуетъ о явленіяхъ и событіяхъ, умалчивая о собственныхъ чувствованіяхъ, возбуждаемыхъ ими, тогда какъ въ лирикѣ главная цѣль поэта — выразить тѣ ощущенія и чув-

ствованія, которыя возбуждены въ немъ явленіями міра видимаго и невидимаго, предметами природы одушевленной или неодушевленной. Лира сопровождалась иногда нѣжными звуками фригійской флейты, иногда пляской, состоявшей въ мѣрныхъ тѣлодвиженіяхъ, сообразныхъ съ ритмомъ пѣнія и музыки. Въ Спартѣ и другихъ дорическихъ городахъ народъ присоединялся къ пѣнію и музыкѣ, импровизировалъ хоры и славилъ боговъ у ихъ алтарей. Въ Аѳинахъ — впрочемъ не въ однѣхъ Аѳинахъ — употребляли въ подобныхъ случаяхъ хоры, заранѣе искусно обученные. Впослѣдствіи, такіе хоры участвовали и въ драматическихъ представленіяхъ

Ранѣе и прекраснѣе, чѣмъ у остальныхъ грековъ, развилась лирика у эолянъ, въ особенности на островѣ Лесбосѣ. Еще до 700 года лирика процвѣла тамъ въ поэзіи Терпандра, того самаго, который силою своихъ пѣсенъ успокоилъ волненіе Спарты. Нѣсколько позже раздались пѣсни Архилоха Паросскаго, блестящія остроуміемъ и веселостью и въ то же время полныя мысли и глубины. Сынъ рабыни, незнакомый съ удобствами жизни, онъ не унывалъ, встрѣчаясь въ жизни съ заботами и непріятностями; въ безпечномъ странствованіи изъ края въ край онъ находилъ для себя отдыхъ, а для своей поэзіи — пищу. Его упрекали въ томъ, что онъ потерялъ свой щитъ въ какомъ-то сраженіи. „Что-жъ? возразилъ онъ, ужели щитъ дороже человѣческой жизни?“ Противники Архилоха приходили въ отчаяніе отъ острыхъ и мѣткихъ насмѣшекъ его; зато и его не щадили, гдѣ только могли, и преслѣдовали, если не остроуміемъ, такъ происками. Поэтъ долженъ былъ покинуть Спарту, куда, нѣсколько впрочемъ позже Архилоха, явился, уже извѣстный намъ, воинственный Тиртей.

Алкманъ, по преданію уроженецъ Лидіи, рабъ по происхожденію, прославился тѣмъ, что особенно выработалъ хоровое пѣніе и придалъ ему въ Спартѣ высокое значеніе. Въ воинственной пляскѣ, въ торжественныхъ процессіяхъ, на игрищахъ и въ состязаніяхъ, пѣсни Алкмана, обыкновенно раздѣленныя на строфы и антистрофы, были необходимою

принадлежностью. — Аріонъ Лесбосскій былъ, какъ говорятъ, ученикомъ Алкмана. Съ именемъ Аріона соединяется граціозное преданіе о томъ, какъ дельфинъ на хребтѣ своемъ вынесъ его на берегъ морской изъ пучины, въ которую поэта бросилъ какой-то морской разбойникъ. Преданіе же увѣковѣчило память и другаго поэта, Ивика. На пути къ истмійскимъ играмъ онъ былъ застигнутъ разбойниками. Предъ смертью поэтъ воззвалъ о мести къ мимо летѣвшимъ въ тотъ мигъ журавлямъ, и — чудное дѣло! — на истмійскихъ же играхъ журавли эти явились обличителями разбойниковъ. Завидя ихъ въ небѣ и слыша отвсюду соболѣзнованія при извѣстіи о смерти Ивика, оторопѣлые разбойники, гонимые эринніями, сами обнаружили себя народу невольнымъ признаніемъ: «вотъ, вотъ они, журавли Ивика!» Злодѣи были схвачены и наказаны.

Игривая, привлекательная лира Анакреона, родомъ изъ Малой-Азіи, избирала предметомъ своимъ все, что украшаетъ жизнь и придаетъ ей прелесть. Поэтъ жилъ сначала при блистательномъ дворѣ Поликрата Самосскаго, а потомъ у Гиппарха въ Аѳинахъ. Онъ болѣе всего прославился *эротическими пѣснями.* Отсюда получила начало *анакреонтическая ода.*

Изъ поэтовъ Лесбоса никто не пользовался такою славой какъ Алкей. Съ лирою въ одной рукѣ и мечемъ въ другой онъ крѣпко стоялъ за родину свою и, когда ему не удалось освободить отъ тираніи свое отечество, сердце поэта не выдержало: онъ подвергъ себя добровольному изгнанію и въ далекомъ краю нашелъ желанную смерть.

Городъ Мителене Лесбосскій былъ родиною другаго знаменитаго поэта — прославленной Сафо, современницы Алкея. Лира Сафо звучитъ тоскою и страстью. Тревожно и жадно ищетъ душа удовлетворенія; но міръ видимый слишкомъ тѣсенъ для нея; къ предѣламъ Олимпа устремляется она:

„Къ тебѣ, златотронная
„На высяхъ лазурныхъ,

„Дарами обильная,
„Зевсова дочь, Афродита,
„Я страстной душою взываю!“ и проч.

Но, не находя желаннаго отклика ни въ природѣ Греціи и Сициліи, ни въ эѳирныхъ небесныхъ пространствахъ, Сафо возвращаетъ богамъ непрошеный даръ — и волны Іонійскаго моря разступаются и снова навѣки смыкаются надъ нею.

Пѣсни Сафо пользовались необыкновенной извѣстностью: ихъ повсюду читали и пѣли.

Знаменитѣйшимъ изъ лирическихъ поэтовъ былъ, конечно, Пиндаръ; но такъ какъ онъ жилъ позже и поэзія его принадлежитъ слѣдующему періоду, то мы и скажемъ о немъ въ своемъ мѣстѣ. Въ заключеніе же объ этомъ періодѣ скажемъ нѣсколько словъ о знаменитомъ баснописцѣ *Эзопѣ*. Онъ былъ родомъ изъ Фригіи. Когда ему даровано было право свободы (онъ по происхожденію былъ рабъ), то онъ вступилъ въ службу къ царю Крезу въ Сардахъ. О свиданіи его здѣсь съ Солономъ уже было упомянуто выше. Крезъ давалъ ему не разъ различныя порученія, и такъ какъ Эзопъ всегда исполнялъ ихъ съ большимъ умѣньемъ и тактомъ, то царь однажды отправилъ его посломъ къ дельфійскому оракулу. Здѣсь мудрецу не посчастливилось. Недостаточность ли его благоговѣнія къ продѣлкамъ жрецовъ или что другое, но только сонмъ жрецовъ дельфійскихъ принялъ его далеко не ласково. Эзопа обвинили здѣсь даже въ оскорбленіи божества, — и несчастный поэтъ былъ низверженъ со скалы Гіампейской въ пропасть. Такъ жрецы удовлетворили свой религіозный фанатизмъ, а можетъ быть и свои личныя выгоды. Впрочемъ имъ это злодѣйство не обошлось даромъ: они впослѣдствіи должны были внести за Эзопа значительный денежный штрафъ, собрать его бренные останки и предать ихъ честному погребенію.

Къ концу этого періода философія нашла себѣ много ревностныхъ поклонниковъ. Теогонія (ученіе о божествахъ) Гези-

ода и Орфея перестала уже удовлетворять всѣхъ и каждаго: стали стремиться къ тому, чтобы изслѣдованіемъ природы путемъ разума, уяснить себѣ основную причину вещей, ихъ происхожденіе, существованіе и послѣдовательную, безконечную смѣну однѣхъ другими. Направленіе изслѣдованій знаменитыхъ въ древности 7 мудрецовъ, изъ которыхъ мы имѣли уже случай довольно близко познакомиться съ Солономъ, было болѣе практично: хорошо устроить жизнь и государство — въ этомъ они полагали конечную цѣль своихъ размышленій и стремленій. Многія изъ ихъ изреченій и теперь остаются полными значенія, напримѣръ, Ѳалесово: «познай самого себя,» или Віасово: «несчастливъ тотъ, кто не умѣетъ перенесть несчастіе,» или Питтаково: «прощеніе врага лучше мщенія,» и др. Но изъ этихъ 7 мудрецовъ, одинъ Ѳалесъ углублялся въ изслѣдованіе свойствъ вещей. Онъ воду принималъ за основное вещество, изъ котораго созданъ цѣлый міръ во всемъ его разнообразіи. Далѣе, онъ училъ, что всякій предметъ имѣетъ жизнь и проникнутъ божествомъ. Анаксимандръ же допускалъ первоначальное *нѣчто* и хотя не опредѣлилъ качествъ и свойствъ этого *нѣчто*, однако тѣмъ не менѣе полагалъ его въ основаніе всѣхъ проявленій безконечно разнообразной природы. «Въ немъ, говорилъ онъ, совмѣщаются и всѣ единичные предметы, и цѣлый міръ въ совокупности. Это *нѣчто* — начало, вѣчно пребывающее въ мірѣ, хотя и безконечно измѣняющееся въ проявленіяхъ этого міра.» Ксенофонъ, основатель элейской философской школы (въ Элеа, въ Великой Греціи, т. е. въ Италіи), училъ, что природа есть неизмѣнное цѣлое, живое, одухотворенное, равнозначащее съ божествомъ, а что такъ называемые измѣняющіеся и преходящіе предметы и явленія не что иное, какъ обманчивыя представленія человѣческаго воображенія: въ дѣйствительности же ничего этого въ природѣ нѣтъ.

Всѣ эти ученія совмѣстилъ въ себѣ Пиѳагоръ. Изучивши критскія мистеріи, египетскія таинства и даже ученіе индійскихъ браминовъ, онъ создалъ собственную религіозную сис-

тему. По этой системѣ вся вселенная проникнута божествомъ, имъ живетъ и управляется. Идея вѣчности становится тѣмъ болѣе присущею человѣку, чѣмъ болѣе послѣдній посредствомъ воздержанія отъ грубыхъ матеріальныхъ наслажденій и посредствомъ музыки становится воспріимчивымъ къ этой идеѣ. По мнѣнію Пиѳагора, душа по смерти, для очищенія и самосовершенствованія, проходитъ чрезъ различныя тѣла и лишь послѣ долгаго въ нихъ странствованія, снова возвращается къ божеству, своему первоначальному источнику. Пиѳагоръ поставилъ себѣ задачею — совершенствованіе человѣчества и орудіемъ для достиженія этого избралъ братство чистѣйшаго, ничѣмъ неиспорченнаго юношества. Съ этою цѣлью философъ отправился въ Великую Грецію. Тамъ процвѣтали въ то время эллинскія колоніи, Сибарисъ и Кротонъ. Не было равныхъ имъ въ богатствѣ и могуществѣ. Пиѳагоръ поселился въ Кротонѣ. Его почтенная наружность, безукоризненный образъ жизни и неотразимая сила ума и краснорѣчія скоро привлекли къ нему многочисленныхъ слушателей, которые вполнѣ подчинились руководству наставника. Ученіе его, противорѣчившее народной религіи, хранилось втайнѣ. Ученикамъ Пиѳагора предстояли годы испытанія, пока дозволялось имъ вступить въ завѣтный кругъ посвященныхъ. Для посвященія недостаточно было долгаго, внимательнаго ученія, но весь образъ жизни долженъ былъ сообразоваться съ основною мыслью Пиѳагора. Ученики съ женами и дѣтьми жили вмѣстѣ съ наставникомъ; вставали рано при первыхъ лучахъ солнца, съ торжественными пѣснями и музы-

Пиѳагоръ.

кой, отправлялись навстрѣчу великолѣпному свѣтилу. Послѣ того философъ сообщалъ имъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ предметахъ человѣческаго знанія, особенно же часто занималъ ихъ математикой, въ области которой Пиѳагору принадлежатъ многія весьма важныя теоремы. Простой завтракъ, состоявшій изъ хлѣба съ медомъ и водою, слѣдовалъ за утренними тѣлесными упражненіями и играми; дружескій разговоръ, бесѣда о государственномъ устройствѣ наполняли остальные часы дня. Вечеръ посвящался купанью, ужину, пѣнію и музыкѣ. Такой образъ жизни располагалъ сердца приверженцевъ Пиѳагора къ добру, исполнялъ ихъ невозмутимымъ спокойствіемъ, и — великій наставникъ чаялъ вліяніемъ своей школы преобразовать постепенно весь народъ по своей идеѣ. Случилось иначе. Именно это-то вліяніе, притомъ и отдаленіе, на которомъ держалъ себя избранный кругъ отъ массы народа, самое ученіе, основанія котораго были недоступны народу, все это вмѣстѣ подготовило постепенно въ народѣ чувство непріязни къ сектѣ и озлобленія. Когда, по одержаніи Сибарисомъ рѣшительной побѣды, завоеванныя области не были раздѣлены между гражданами, спокойствіе Кротона было возмущено междоусобными бранями, въ которыхъ непріязненно встрѣтились господствующая аристократическая партія съ одной стороны и народъ съ другой (504 г.). Слѣдствіемъ этихъ усобицъ былъ государственный переворотъ. Пиѳагорейцы склонялись на сторону аристократической партіи. Народъ приступилъ къ ихъ жилищамъ и зажегъ ихъ. Кто не погибъ въ пламени, тотъ не спасся отъ меча. Очень немногіе, въ томъ числѣ и знаменитый силою Милонъ, успѣли ускользнуть отъ ярости народной, но должны были навсегда покинуть родной городъ. Подобнымъ же преслѣдованіямъ подверглись пиѳагорейцы и въ другихъ городахъ. Впрочемъ братство не погибло, но втайнѣ, а впослѣдствіи и явно, пріобрѣтало приверженцевъ, и хотя никогда уже не достигало такого значительнаго вліянія надъ обществомъ, какъ вначалѣ, тѣмъ не менѣе идеи великаго основателя

пиѳагореизма не погибли: онѣ отразились въ ученіяхъ послѣдующихъ временъ. Пиѳагоръ умеръ вскорѣ послѣ того, какъ разсѣялся его союзъ. Въ Метапонтѣ показывали его гробницу.

Сафо.

Развалины храма Афины на мысѣ Суніонъ.

ГЛАВА V.

ПЕРІОДЪ РАЗВИТІЯ ГРЕЧЕСКАГО МОГУЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНІЯ.

I. Союзъ эллинскихъ государствъ.

Какъ ни различны были греческія племена, какъ ни разнообразны особенности ихъ государственнаго быта, тѣмъ не менѣе мы видимъ у нихъ такія точки соприкосновенія, которыя для всѣхъ этихъ племенъ служили прочными узами, связывавшими ихъ въ одинъ могучій народъ и при случаѣ дѣлавшими его страшнымъ и неодолимымъ для внѣшнихъ нашествій. Эти узы были: религія и — какъ дополненія ея — оракулы, празднества, общественныя игры и учрежденія.

Религія, состоявшая въ обоготвореніи естественныхъ силъ природы, скоро облекла свои неясныя представленія въ осязательныя формы и въ такомъ видѣ преподана была народу, проникла въ самую жизнь и искусство. Идеальная сторона

религіи, конечно, ускользала отъ пониманія большинства, но за то это большинство пользовалось удобствомъ — при посредствѣ жрецовъ бесѣдовать въ избранныхъ мѣстахъ съ бога-

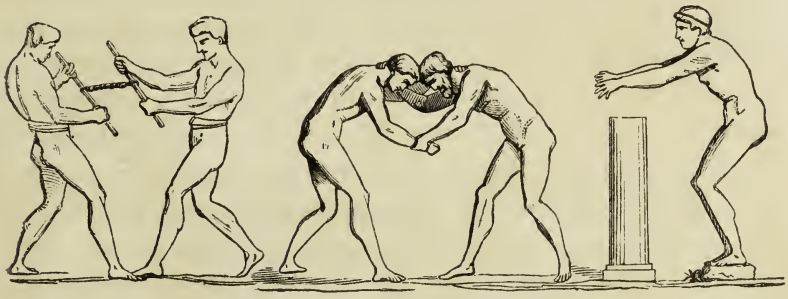
Конное ристалище на олимпійскомъ полѣ.

ми своими. Такими мѣстами преимущественно были: храмы Додонскій и Дельфійскій, кромѣ того, осѣненный оливами

Трофоніонскій гротъ, гдѣ протекали Мнемозина (воспоминаніе) и Лета (забвеніе), стремясь въ Копаисское озеро. Оракулы принимали жертвы и возвѣщали смертнымъ непреложные глаголы богов.

Общественныя игры также подавали поводъ къ сближенію разныхъ греческихъ племенъ. Древнѣйшія игрища были установлены въ честь Аполлона и Артемиды и праздновались на островѣ Делосѣ. Кромѣ упражненій въ бѣганьѣ, борьбѣ и т. п. тѣлесныхъ играхъ, здѣсь же происходили состязанія въ пѣніи и музыкѣ. Побѣдители въ послѣдняго рода состязаніяхъ справедливо гордились полученною на игрищахъ наградою. Эти игры утратили свой блескъ послѣ порабощенія іоническихъ колоній персами.

Игры олимпійскія, на равнинѣ рѣки Алфея, гдѣ находился знаменитый храмъ Зевса олимпійскаго, были сначала мѣ-



Гимнастическія упражненія (борьба).

стомъ только для сосѣдственныхъ народовъ. Но мало-помалу въ нихъ стали принимать участіе всѣ эллинскія племена. Сначала игры праздновались только одинъ день, но впослѣдствіи постепенно онѣ сдѣлались продолжительнѣе и стали длиться до двухъ дней; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ сдѣлались разнообразнѣе: къ бѣганью присоединились ристанія въ колесницахъ, борьба, кулачный бой, метанье въ дискъ и проч. Послѣ славнаго изгнанія персовъ, поле олимпійское покрылось жертвенниками, великолѣпными статуями боговъ и другими произве-

деніями изящныхъ искусствъ. Въ это время игры олимпійскія достигли величайшаго блеска. Поэты, ораторы и философы отовсюду стекались въ Олимпію, читали здѣсь свои произведенія и, если не всегда получали награды, то во всякомъ случаѣ слава о нихъ разносилась отовсюду по всей Греціи. Наградою служилъ оливковой вѣнокъ, — и какъ дорожили побѣдители этимъ славнымъ вѣнкомъ! Игры олимпійскія праздновались черезъ каждые 4 года. Этотъ промежутокъ времени, отъ игръ до игръ, носилъ имя олимпіады; по олимпіадамъ считали время; напримѣръ говорили: такое-то событіе случилось во 2-й годъ 3-й олимпіады. Начало же счета вели съ 776 года.

Немалымъ уваженіемъ пользовались въ народѣ пиѳійскія игры, которыя съ давнихъ временъ праздновались при храмѣ Аполлона въ Дельфахъ. Игры немейскія и истмійскія въ главныхъ чертахъ представляли то же, что и описанныя нами; поэтому мы не станемъ распространяться о нихъ. Повторимъ здѣсь только, что какъ олимпійскія, такъ и другія общественныя игры служили для грековъ ощутительнымъ напоминаніемъ *единства* ихъ происхожденія, вѣрованій и общности нуждъ. Это очевидно изъ того, что на время игръ смолкали частныя распри и мѣстныя войны, и со всѣхъ сторонъ Греціи стремились единоплеменники освѣжиться взаимнымъ сближеніемъ, блеснуть предъ другими умомъ или тѣлесною силою и ловкостью, или же насладиться проявленіями этихъ качествъ въ землякахъ, воспитывая такимъ образомъ въ себѣ убѣжденіе въ превосходствѣ греческаго образованія надъ грубостью окрестныхъ народовъ*).

Общественныя же игры служили поводомъ къ скрѣпленію между греками политическихъ и гражданскихъ узъ именно въ томъ отношеніи, что онѣ же вызвали образованіе особен-

---

*) См. „*Олимпъ*“ *Петискуса*, перев. *Евстафіева*, стр. 65. Спб. 1861 г. *Примѣч. перев.*

наго рода союзовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Амфиктіоновыхъ*, т. е. *союзовъ окрестныхъ народовъ*. Цѣль составленія такихъ союзовъ заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать къ взаимному сближенію народовъ и, въ случаѣ нужды, къ разрѣшенію и соглашенію миролюбивымъ путемъ всѣхъ могущихъ возникнуть международныхъ несогласій и распрей въ предупрежденіе развитія ихъ до степени разрыва и войны. Знаменитѣйшимъ изъ такихъ союзовъ былъ тотъ, который имѣлъ наблюденіе надъ пиѳійскими играми. Его образовали двѣнадцать народовъ ѳессалійскихъ, дорійскихъ и іоническихъ. Представители этихъ народовъ собирались въ амфиктіонѣ, весною въ Дельѳахъ, осенью въ Ѳермопилахъ, и тамъ у жертвенника, посвященнаго Гераклу, разсуждали о дѣлахъ мира. Союзъ этотъ пользовался у грековъ необыкновеннымъ уваженіемъ: вліяніе его часто отзывалось въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ Эллады. Съ особенной строгостью наказывали амфиктіоны преступленія противъ религіи и нарушенія народнаго права.

Наконецъ — самый языкъ, искусство и образованіе служили надежнѣйшими и удобнѣйшими средствами соединенія въ одно цѣлое всѣхъ политически разрозненныхъ греческихъ народовъ. Какъ ни разнообразны были господствующія нарѣчія, но всѣмъ племенамъ греческимъ они были понятны. Пѣвцы-поэты, а впослѣдствіи ораторы и философы могли, не стѣсняясь этимъ условіемъ, дѣлиться съ своими соотечественниками плодами фантазіи и мысли, не опасаясь быть непонятыми. Въ школѣ общественной жизни юноша рано научался ясному пониманію того, въ чемъ заключаются основанія правильнаго гражданскаго быта, какими заслугами пріобрѣтается чистая слава и честь; произведенія поэтовъ и всякаго рода художниковъ, всѣмъ доступныя, заранѣе воспитывали и облагораживали въ немъ мысль и чувство; и юноша сердцемъ стремился къ прекрасному и возвышен-

ному,—и высшею наградою дѣлъ своихъ ставилъ торжественное признаніе и одобреніе ихъ всѣмъ эллинскимъ народомъ. Эллинъ жилъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ благородной гордости, имѣвшей источникомъ своимъ сознаніе превосходства эллинскаго гражданства, эллинскаго языка, науки, искусства и всего быта надъ бытомъ другихъ народовъ. Въ этомъ же сознаніи нужно искать источникъ тѣхъ необычайныхъ нравственныхъ качествъ, тѣхъ доблестей, которыя дѣлали изъ Греціи неодолимый оплотъ противъ чудовищныхъ ордъ, уже въ это время готовившихся хлынуть изъ Азіи на Элладу.

Кулачные бойцы.

Собраніе вельможъ при дворѣ персидскаго царя.

2. Персидское могущество. Возстаніе іонійскихъ грековъ. Начало борьбы Греціи съ Персіей.

Колыбель человѣческаго рода, Азія, была въ то же время колыбелью и древнѣйшаго образованія. Колоссальные индійскіе дворцы и *пагоды* (храмы) построены были прежде египетскихъ пирамидъ и обелисковъ; браминскія *веды* (религіозныя книги) древнѣе самыхъ древнѣйшихъ книгъ, унаслѣдованныхъ христіанствомъ. Дворцы, храмы и статуи и. т п. архитектурныя произведенія, находимыя на мѣстѣ Вавилона и Ниневіи, самыми развалинами своими краснорѣчиво говорятъ въ пользу древняго зодчества, а *виссонъ* (тонкое полотно) и искусныя произведенія изъ металла, стекла, янтаря и т. п. свидѣтельствуетъ о томъ, на какой значительной степени развитія стояла промышленость въ древней Вавилоніи, въ

особенности же въ Финикіи. Тѣмъ не менѣе, въ развитіи государственнаго быта азіатскихъ народовъ мы не видимъ того подвижнаго и движущаго элемента, который постепенно велъ впередъ грековъ по пути совершенствованія. Въ Азіи, напротивъ, общественный бытъ былъ стѣсненъ подъ деспотическимъ управленіемъ. Правда, этотъ деспотизмъ, какъ нельзя лучше, обезпечивалъ за правителемъ единство власти: онъ направлялъ массы народовъ, подвластныхъ ему, совершенно согласно желанію деспота; онъ служилъ послѣднему вѣрнѣйшимъ средствомъ къ утвержденію своего могущества и къ распространенію предѣловъ государства путемъ завоеваній.

До тѣхъ поръ, пока продолжались войны между государствами передней Азіи, Европа была спокойна и не опасалась нашествій: Ассирія, Вавилонія и Мидія слишкомъ были заняты спорами за преобладаніе надъ обширными пространствами земель, разстилавшихся отъ плодоносныхъ равнинъ Тигра и Евфрата до предѣловъ скиѳскихъ степей, нынѣ населенныхъ татарскими и монгольскими племенами. Но около 560 г. до Р. Х. положеніе дѣлъ измѣняется: воинственный владыка персовъ — Аградатъ, или, какъ обыкновенно называютъ его, Киръ, — подчиняетъ своей власти всѣ соперничавшія до тѣхъ поръ съ Персіею государства. Постепенно входятъ въ составъ его монархіи: Мидія, за нею Лидійское царство, потомъ Вавилонъ, съ зависѣвшею отъ него въ то время Ассиріею, а наконецъ, и прибрежныя мало-азіятскія греческія колоніи, въ томъ числѣ — и великолѣпный, богатый Милетъ. Сынъ и преемникъ Кира, жестокій Камбизъ завоевалъ Египетъ. Преемникъ Камбиза, Дарій Истаспъ, еще болѣе расширилъ предѣлы государства: все пространство, вмѣщающее нынѣшніе Авганистанъ, Белуджистанъ и западныя части Тибета, подпало его власти и было обложено тяжелою данью, а отважный мореходецъ Даріевъ, Скилаксъ, пока царь былъ занятъ на Индѣ, успѣлъ счастливо пробраться Индійскимъ и Краснымъ морями до самаго Суэсскаго перешейка и воротился оттуда съ богатой добычей. Въ этотъ періодъ могуще-

ства Персіи, въ особенности при новомъ внутреннемъ устройствѣ, которое далъ ей Истаспъ, раздѣливши все государство на 20 сатрапій, или провинцій, Греція, конечно, не въ состояніи была бы защитить себя отъ послѣдствій нашествія. Это обстоятельство представили на видъ царю Гиппій Аѳинскій и царь Демаратъ Спартанскій, изгнанные изъ отечества и получившіе убѣжище и покровительство въ блистательной столицѣ Дарія, Сузахъ. Дарій, увѣренный въ томъ, что завоеваніе Греціи не составитъ для него особеннаго труда, съ огромными силами—какъ говорятъ, 700-тысячнымъ войскомъ и 600 кораблей — двинулся къ малоизвѣстнымъ предѣламъ Истра (Дуная), съ цѣлью поработить скиѳовъ, дикихъ обитателей степей, разстилавшихся къ сѣверу отъ этой рѣки. Хотя походъ этотъ стоилъ Дарію чрезвычайныхъ лишеній и бѣдствій и не совершенно увѣнчался желаннымъ успѣхомъ, однакожъ, владычество Персіи упрочено было надъ Ѳракіею, Македоніею и сопредѣльными мѣстностями. Самъ Дарій, уставши отъ трудностей похода, возвратился въ Персію. Но и здѣсь ему не предстояло отдыха. Правда, возстаніе мало-азіятскихъ греческихъ колоній, чаявшихъ воспользоваться обстоятельствами, сопровождавшими походы Дарія, и возвратить утраченную независимость, не привело грековъ къ желанной цѣли: они были усмирены и только великодушію Дарія обязаны были сохраненіемъ остатка своей народности; но царю персидскому предстояло немаловажное дѣло въ собственной Греціи. Негодуя на аѳинянъ за то, что они оказали важное содѣйствіе своимъ соотечественникамъ въ возстаніи ихъ, и, подстрекаемый Гиппіемъ и Демаратомъ, Дарій повелѣлъ воинственному зятю своему, Мардонію, двинуться въ Грецію. Многочисленное войско на 600 корабляхъ, переправилось черезъ Геллеспонтъ; но, начавшись блистательно, походъ Мардонія окончился неудачно: много силъ растрачено на стычки съ дикими горцами во Ѳракіи, а еще болѣе погибло ихъ въ ужасную бурю, которая разразилась близъ Аѳинскаго мыса, въ то время, когда весь флотъ персидскій ждалъ здѣсь дальнѣйшихъ

распоряженій военачальника. Около 300 кораблей и 20 тысячъ воиновъ погибло или въ морѣ или на негостепріимныхъ берегахъ, куда выбросила ихъ буря; самъ Мардоній, раненый въ ночной схваткѣ съ ѳракійцами, поспѣшилъ съ остаткомъ войска и флота отплыть къ берегамъ Малой-Азіи.

По всему государству персидскому закипѣла тогда, по повелѣнію царскому, тревожная дѣятельность: пополняли войско, строили новые корабли, готовились къ рѣшительному нападенію на Грецію. Послы Дарія явились туда еще прежде похода, требуя земли и воды, въ знакъ безусловной покорности персидскому царю. Многіе изъ городовъ греческихъ, въ особенности же острова, въ трепетѣ исполнили унизи-

Скиѳскіе воины.

тельное притязаніе, но въ Спартѣ долго не могли понять смысла требованія посланниковъ: такъ привыкла воинственная республика къ побѣдамъ и подчиненію *себѣ* другихъ городовъ и народовъ. Оттого негодованіе спартанцевъ не знало предѣловъ, когда они узнали, въ чемъ дѣло. Насмѣшки надъ долгополыми, широкорукавными посланниками вскорѣ перешли въ гнѣвъ и ярость. Забывъ все уваженіе къ особѣ пословъ, народъ схватилъ ихъ и низвергнулъ въ колодезь. «Вотъ вамъ земля и вода,» кричала имъ разъренная толпа. Послѣ уже спохватились спартанцы, догадавшись, какъ преступно нарушили народное право. Для отвращенія гнѣва боговъ многіе юноши знатнѣйшихъ семействъ добровольно обрекли

себя въ жертву за убитыхъ пословъ. Для умилостивленія боговъ они отправились въ Персію и отдали себя въ безграничное распоряженіе Ксеркса (Дарій тогда уже умеръ). Царь, пораженный такимъ самоотверженіемъ, отпустилъ ихъ на родину, не сдѣлавъ имъ никакого зла.

Не посчастливилось посламъ персидскимъ и въ Аѳинахъ. Требованіе ихъ признано было за оскорбленіе величества народа; самихъ же пословъ чернь сбросила въ пропасть.

Мильтіадъ. Битва Мараѳонская.

Дарій ускорилъ приготовленія къ походу — и вотъ новыя полчища, подъ начальствомъ опытнаго Датиса и племянника его Артаферна (обоихъ руководилъ совѣтами Гиппій, находившійся также при войскѣ), отправились, во избѣжаніе бурь, къ киликійскимъ берегамъ, миновали Самосъ, опустошили Наксосъ и другіе острова изъ группы Кикладскихъ (исключая священнаго Делоса) и приблизились къ Эвбеѣ.

Послѣ шестидневной осады, персы взяли городъ Эретрію, жители которой должны были въ цѣпяхъ ожидать, когда имъ велятъ влачиться за побѣдными колесницами завоевателей. Все возвѣщало персамъ длинный рядъ побѣдъ, и уже Гиппій предвкушалъ сладость мщенія, но онъ забылъ, какія чудеса творитъ чистая любовь гражданина къ своему отечеству; онъ не могъ представить себѣ, какимъ возвышеннымъ энтузіазмомъ пылали сердца аѳинянъ, готовыхъ все принести на жертву за сладость независимости и общественное благо!

Никто не пришелъ на помощь Аѳинамъ въ эти тяжелыя минуты. Спартанцы прислали сказать, что они явятся на выручку, но лишь съ наступленіемъ полнолунія. Хотя причиною замедленія была представлена ими религіозная необходимость, однако можно догадываться, что холодная, себялюбивая Герузія была не прочь сначала увидѣть крайность положенія аѳинянъ для того, чтобы послѣ, явясь на помощь, потребовать себѣ участія въ нѣкоторыхъ правахъ надъ городомъ. Остальные города были или непріязненны Аѳинамъ, или не смѣли идти противъ персовъ. Десять *стратеговъ* (военачальниковъ) выбрано было по закону на этотъ годъ (490) въ Аѳинахъ. Изъ нихъ особенно ярко выдавались личности безукоризненнаго, неподкупнаго Аристида, способнаго и честолюбиваго Мильтіада. Недавніе подвиги его, во время возстанія мало-азіятскихъ греческихъ колоній, его необыкновенная проницательность и опытность въ военномъ дѣлѣ, быстрота и рѣшительность служили для всѣхъ самою надежною порукою. Онъ хорошо зналъ свой народъ, быстрый въ рѣшеніи, отважный и блистательный въ исполненіи, но не вполнѣ способный къ тяжелому напряженію и продолжительной настойчивости, которыя, не смотря

Мильтіадъ.

удачи, часто путемъ долгихъ колебаній судьбы, приводятъ однакожъ къ прочнымъ результатамъ. Четверо стратеговъ были одного съ Мильтіадомъ мнѣнія — дать немедленное сраженіе; пятеро были противъ этого. Рѣшеніе зависѣло отъ того, къ какой сторонѣ пристанетъ архонтъ Полемархъ. Мильтіадъ обратился къ нему съ такою рѣчью: «теперь у тебя во власти или погибель нашего города, или побѣда и вѣчная слава. Избирай! Если мы не разстроимъ неожиданно непріятеля, то, быть можетъ, Гиппію удастся льстивыми словами склонитъ согражданъ нашихъ въ пользу персовъ. Итакъ нападемъ,

Гоплиты.

не теряя ни минуты! Судьба битвы въ рукѣ боговъ. Они намъ даруютъ побѣду.» И рѣшено было немедленно ринуться на врага. Войско греческое состояло лишь изъ 10 тысячъ гоплитовъ (тяжеловооруженныхъ панцырниковъ, со щитами и длинными копьями), да еще тысячу прислали на помощь платейцы изъ Киѳерона и Парнасса. Друзья поспѣшили пособить аѳинянамъ, какъ аѳиняне часто прежде помогали имъ въ войнѣ противъ Ѳивъ. Какъ ни малы казались силы грековъ передъ 100-тысячною непріятельскою арміею, развернув-

шеюся на обширной равнинѣ Мараѳонской, но исходъ битвы извѣстенъ: послѣ долгой, упорной борьбы, враги побѣжали. Тысячи погибли въ болотахъ, куда загнали ихъ торжествующіе эллины, другіе спѣшили укрыться на корабляхъ, у которыхъ они принуждены были выдержать еще отчаянную битву. Шесть кораблей взято было греками съ боя; 6,500 персовъ легло на Мараѳонѣ; грековъ пало, говорятъ, только 192.

Поле Мараѳонской битвы (по Дуссо).

Всю Грецію облетѣла радостная вѣсть о совершенномъ пораженіи и бѣгствѣ персовъ. Слава непобѣдимости персовъ исчезла, какъ сонъ. Только въ это время прибыли въ Аѳины 2,000 спартанцевъ, пройдя въ трое сутокъ большое разстояніе въ 210 верстъ. Они снова воротились домой, и, конечно,

мараѳонская побѣда, какъ нельзя лучше, показала имъ, на сколько выросло могущество Аѳинской республики и на сколько теперь сдѣлалось труднѣе Спартѣ оспаривать у нея первенство въ ряду греческихъ республикъ.

Справедливо замѣчаніе мудрецовъ, что люди умѣютъ съ бо́льшимъ достоинствомъ переноситъ бѣдствія, чѣмъ пользоваться необычайнымъ счастіемъ. Это оправдалось и на Мильтіадѣ. Народъ прославилъ его своею признательностью; поэты воспѣли, художники увѣковѣчили его изображеніе въ многочисленныхъ статуяхъ, изъ которыхъ одна долго вѣнчала вершину холма, насыпаннаго, на полѣ Мараѳонскомъ, въ честь побѣдителя. (И теперь еще показываютъ на этомъ полѣ три холма: большой — Мильтіадъ, два меньшіе, по обѣ его стороны, насыпанные въ память убитыхъ аѳинянъ и союзниковъ ихъ, платеянъ.) Безпредѣльно было всеобщее уваженіе къ спасителю отечества, а ему хотѣлось еще большаго почета. Подъ предлогомъ наказанія острова Пароса за какія-то оскорбленія, но съ цѣлію присвоить себѣ независимую власть, Мильтіадъ отплылъ къ Паросу съ многочисленнымъ войскомъ и флотомъ. Аѳины не имѣли духа отказать Мильтіаду ни въ томъ, ни въ другомъ, не смотря на неумѣстность предпріятія. Дѣло ему совершенно не удалось: не одолѣли его 100 тысячъ враговъ, а одолѣла горсть храбрецовъ, защищавшихъ свои родныя скалы. Побѣжденный, больной отъ ранъ, герой возвратился въ Аѳины. Совѣтъ геліе (судъ присяжныхъ) позвалъ его къ отчету въ напрасной растратѣ государственныхъ силъ. Съ трудомъ друзья Мильтіада выхлопотали, чтобы смертная казнь была замѣнена денежнымъ штрафомъ, но собрать огромную сумму этого штрафа (въ 20 талантовъ, т. е. 20 тыс. руб. сереб.) не могли. Имъ помогъ сынъ героя, Кимонъ; но Мильтіадъ не дождался этого: онъ умеръ въ темницѣ, не вынесши такой неожиданной превратности счастія. *)

---

*) Впрочемъ, у Геродота въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о судьбѣ Мильтіада, вовсе не упоминается о его бѣдности и о заключеніи его за долги въ темницу. (См. кн. VI, гл. 136.) *Пр. перев.*

Когда миновали для аѳинянъ времена тяжелыхъ испытаній, народъ, отпраздновавши свои побѣды, безотчетно предался спокойствію и радости, а тамъ занялся обычными дѣлами, не заботясь принимать мѣры на будущее время. Одинъ изъ проницательнѣйшихъ гражданъ аѳинскихъ не раздѣлялъ спокойствія своихъ соотечественниковъ; тревожно устремлялъ онъ вниманіе на горизонтъ Азіи, гдѣ уже собирались тучи, готовыя разразиться бурей надъ всей Греціей. Этотъ гражданинъ былъ Ѳемистоклъ. Отецъ его былъ далеко не знаменитый гражданинъ аѳинскій, по имени Неоклъ, мать — иностранка; слѣдовательно, Ѳемистоклъ, ни по рожденію, ни по ограниченности состоянія, не могъ оказывать вліянія на дѣла общественныя. Но природа надѣлила его необыкновенными способностями и жаждой отличиться на поприщѣ служенія отечеству. Еще въ школѣ учители говорили о Ѳемистоклѣ: «изъ него долженъ выйти необыкновенный человѣкъ — или на славу или на посрамленіе своему отечеству.» Какъ въ дѣтствѣ Ѳемистокла всегда видѣли во главѣ сверстниковъ, лишь только приходилось совершить какое-нибудь предпріятіе, для котораго требовались настойчивость, умъ и рѣшимость, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ Ѳемистоклъ скоро пріобрѣлъ первое мѣсто среди согражданъ. На это давали ему право не только отличныя способности, но еще и разнообразныя, основательныя свѣдѣнія въ такихъ предметахъ, которые необходимы человѣку, желающему съ пользою служить отечеству. Государственное устройство Аѳинъ было таково, что всякій талантъ имѣлъ полный просторъ для своего проявленія. Въ собраніи народномъ не спраши-

Ѳемистоклъ.

валось рода и званія, но мѣсто въ немъ упрочивалось за разумною рѣчью, за мудрымъ совѣтомъ, — и почетъ и значеніе становились удѣломъ гражданина, обладающаго такою рѣчью, такимъ совѣтомъ, все равно — былъ ли онъ потомкомъ Алкмеона, или сыномъ простаго ремесленника. Послѣ битвы Мараѳонской, въ которой, какъ мы видѣли, принималъ участіе и Ѳемистоклъ, послѣдній постоянно казался задумчивымъ и сосредоточеннымъ въ себѣ. — «Что съ тобою?» спрашивали его друзья. — «Слава Мильтіада,» отвѣчалъ онъ, «лишила меня покоя.» Но въ предстоявшей новой борьбѣ Греціи съ Персіей, Ѳемистоклъ нашелъ средство просіять еще большею славой. Убѣдивши аѳинянъ въ неминуемости новаго нашествія персовъ, онъ сталъ дѣятельно готовить средства государства къ встрѣчѣ съ врагами. Вести войну на сухомъ пути, послѣ недавнихъ потерь (ибо побѣды достались аѳинянамъ недешево), ему казалось невозможнымъ; море представляло ему больше ручательствъ за успѣхъ. Ѳемистоклъ употребилъ все свое вліяніе на то, чтобы подвигнуть согражданъ къ увеличенію флота. При этомъ онъ встрѣтилъ сильное препятствіе своимъ цѣлямъ со стороны не менѣе знаменитаго Аристида, сдѣлавшагося соперникомъ Ѳемистоклу, хотя изъ другихъ побужденій. Аристидъ былъ происхожденія высокаго, въ народѣ же слылъ *справедливѣйшимъ въ дружбѣ и въ враждѣ*. Онъ былъ одаренъ счастливыми умственными способностями и мужествомъ, и если уступалъ Ѳемистоклу въ проницательности и быстротѣ соображенія, то далеко превосходилъ его въ краснорѣчіи и самоотверженіи. Благо отечества и согражданъ постоянно было у него въ виду, и единственно къ нему устремлялся онъ въ своей дѣятельности, по прямому пути обязанности и чести, не разсчитывая — будетъ ли для него самого изъ этого выигрышъ или убытокъ. Въ душѣ его, казалось, вовсе не было мѣста ни себялюбію, ни корысти. Не заботясь о внѣшности, Аристидъ возвышалъ голосъ всякій разъ, когда приходилось отстаивать право, которое защищалъ краснорѣчиво и увлекательно, призывая

мщеніе за несправедливость, причемъ не принималъ во вниманіе — кто совершилъ ее — друзья или противники его. Совершенно преданный служенію правдѣ, Аристидъ стоялъ незыблемой скалою, о которую сокрушались волны народнаго, легко измѣнчиваго расположенія. Это оправдалъ онъ и въ послѣднемъ случаѣ, прямо высказавшись противъ согражданъ-правителей. Завѣдывая финансами государственными, онъ не одобрялъ предпріятія Ѳемистоклова и возсталъ на него всѣмъ своимъ значеніемъ. Ѳемистоклъ повелъ дѣло такимъ образомъ, что сенатъ и народъ, въ предупрежденіе дальнѣйшаго раздора между двумя знатнѣйшими своими правителями, положили конецъ неопредѣленному положенію, въ которомъ онъ находился. Рѣшено — посредствомъ *остракизма* (общая подача голосовъ, написанныхъ внутри раковины) удалить отъ дѣлъ правленія одного изъ соперниковъ. Ѳемистоклъ, посредствомъ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, дѣятельно привлекалъ народъ на свою сторону; Аристидъ же, съ полнымъ довѣріемъ къ правотѣ своихъ дѣйствій, спокойно ожидалъ рѣшенія суда. Со всѣхъ концовъ тысячи народа стеклись въ собраніе, въ которомъ должна была рѣшиться участь одного изъ двухъ величайшихъ государственныхъ дѣятелей, хотя весьма многимъ изъ импровизированныхъ судей свойство этой дѣятельности было мало извѣстно, если не вовсе безъизвѣстно. Во время самаго собранія, какой-то поселянинъ подходитъ къ Аристиду и проситъ написать на его раковинѣ имя *Аристида*. Исполнивши его желаніе, послѣдній спрашиваетъ поселянина: «Скажи мнѣ, другъ, за что ты считаешь этого человѣка опаснымъ для государственнаго спокойствія и блага?» — Я его вовсе не знаю, отвѣчалъ поселянинъ: но мнѣ очень досадно, что всѣ его называютъ *справедливѣйшимъ* изъ людей.

Легко можно предвидѣть исходъ рѣшенія тамъ, гдѣ судьи руководятся такими побужденіями, какъ этотъ поселянинъ. Болѣе 6,000 голосовъ присудили справедливому человѣку ссылку. Безропотно покинулъ Аристидъ родной городъ, моля

боговъ, отвратить отъ родины печальныя послѣдствія несправедливости ея сыновъ.

Вслѣдъ затѣмъ, Ѳемистоклъ устремилъ всѣ силы на достиженіе предположенной цѣли. Ему помогла, между прочимъ, давнишняя вражда эгинетянъ (жителей острова Эгины) къ аѳинянамъ, за владычество на морѣ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Ѳемистоклъ, чтобы еще рѣшительнѣе заняться расширеніемъ флота. Лавріонъ, южная вѣтвь Гиметскихъ горъ, находящихся къ юго-востоку отъ Аѳинъ и изобилующихъ еще и теперь тучными пастбищами и драгоцѣннымъ медомъ, богатъ былъ серебряной рудой. Ѳемистоклъ убѣдилъ согражданъ отказаться отъ доходовъ съ лавріонскихъ рудниковъ, которые дотолѣ дѣлились между ними, и употребить ихъ на постройку кораблей. Вскорѣ было изготовлено 100 кораблей, экипажъ обученъ, и новый флотъ въ войнѣ съ эгинетянами пріобрѣлъ такую опытность, что могъ отважиться на борьбу съ персидскимъ флотомъ. А борьба предстояла — на славу или смерть — и близко.

Саламинъ.

3. Походъ Ксеркса.

По смерти Дарія, послѣ многихъ споровъ за наслѣдство престола, на него вступилъ Ксерксъ. Подстрекаемый матерью своею, Атоссою, и воинственнымъ Мардоніемъ, склоняясь на просьбы греческихъ изгнанниковъ, находившихся при дворѣ его, Ксерксъ рѣшился самъ отправиться въ походъ противъ грековъ. За нимъ должно было слѣдовать ополченіе всего царства. Четыре года происходилъ наборъ войска по всей обширной монархіи Ксерксовой, наконецъ, въ 480 г., отъ Инда до Архипелага, отъ Египта до Каспійскаго моря, пространства покрылись самыми разнородными полчищами людей самаго разнообразнаго вида и вооруженія: ассирійцы и саки, индійцы и саранги, арабы и эѳіопы, ливійцы и ѳракійцы, пѣшіе, конные, на верблюдахъ, въ колесницахъ, съ копьями и булавами, луками и ятаганами, — все это, какъ лавина, которая, по мѣрѣ того, какъ движется, все увеличивается въ объемѣ, расширялось и расло вмѣстѣ съ при-

ближеніемъ къ берегамъ Архипелага. Въ сопровожденіи сонма рабовъ и рабынь, съ безчисленными обозами и съѣстными запасами, вся эта ватага миновала уже Фригію, Каппадокію и остановилась на роскошныхъ пространствахъ благословенной Лидіи. Здѣсь богатый лидіецъ Пиѳіосъ, владѣлецъ окрестной мѣстности, угостилъ армію и явился къ царю съ предложеніемъ богатыхъ даровъ золотомъ и серебромъ. Ксерксъ узналъ при этомъ, что этотъ Пиѳіосъ былъ тотъ самый, который Дарію поднесъ въ даръ на военныя потребности виноградную лозу и цѣлое дерево платана, сдѣланныя изъ чистаго золота.

«Какъ велики твои богатства?» спросилъ его Ксерксъ.

«Государь! все, что я имѣю въ наличности, 2,000 талантовъ серебра и 40, безъ семи, тысячъ статеровъ золота, позволь мнѣ повергнуть къ стопамъ твоимъ. Затѣмъ у меня еще много остается земель и рабовъ.»

«Ты первый встрѣчаешь меня такъ дружелюбно и первый даришь мнѣ охотно столько сокровищъ, сказалъ Ксерксъ. Будь же мнѣ другомъ; а чтобы округлить твои 40 тысячъ статеровъ золота, дарю тебѣ недостающія до 40 тысячъ 7 тысячъ.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, армія достигла Геллеспонта у Абидоса. Тутъ уже собранъ былъ флотъ, прибывшій отъ береговъ Египта, Финикіи, Каріи, Іоніи и острововъ Средиземнаго и Эгейскаго морей. До 700 кораблей употреблено на постройку двухъ пловучихъ мостовъ черезъ Геллеспонтъ.

Возсѣдая на бѣломраморномъ тронѣ, на такомъ мѣстѣ, откуда видно было все его войско, царь любовался безчисленными кораблями и полками, наполнявшими весь заливъ и прибрежье; но вскорѣ улыбка гордости и счастія смѣнилась на лицѣ его задумчивой грустью, и со слезами на глазахъ онъ замѣтилъ дядѣ своему, Артабану: «моя радость смущается, когда подумаю, что отъ этихъ блистательныхъ полчищъ лѣтъ черезъ сто не останется и слѣда.» — «А еще грустнѣе та

мысль,» возразилъ Артабанъ «что и въ нашъ короткій вѣкъ случаются такія минуты, въ которыя не разъ и не два пожелалъ бы лучше умереть, чѣмъ жить.» Ксерксъ, конечно, не подозрѣвалъ, чтобы такъ скоро настали для него подобныя минуты.

Ксерксъ перевелъ свое огромное войско черезъ Геллеспонтъ

Ущелье Термопилы.

и безъ сопротивленія дошелъ до прохода, открывающаго путь изъ Ѳессаліи въ средину самой Греціи. Ѳиванцы и аргивяне стали думать о подчиненіи персамъ; другія государства, напротивъ, прислали своихъ представителей въ Коринѳъ обдумать, что предпринять? Отправили пословъ просить содѣйствія у островов, лежащихъ къ западу отъ Греціи,

потомъ у Крита и у Сициліи; затѣмъ ждали отвѣта. Только Сицилія предложила содѣйствіе, но на условіяхъ, которыхъ не могли съ честію принять Аѳины, а тѣмъ менѣе Спарта. Сицилійскій правитель, Гелонъ, требовалъ верховнаго начальства надъ войскомъ. «Какъ же вздрогнетъ тѣнь Агамемнона въ Аидѣ, если мы доживемъ до такого позора!» Вотъ что отвѣчали спартанцы. Итакъ, послы греческіе возвратились домой безъ успѣха.

Греки сначала рѣшили защищать Ѳессалію и, въ самомъ дѣлѣ, послали туда 10,000 гоплитовъ вспомогательнаго войска. Они заняли проходъ между Оссою и Олимпомъ, но, по совѣту

Мегистіасъ объявляетъ Леониду и дружинѣ опредѣленіе боговъ.

македонскаго царя Александра, который увѣдомилъ ихъ, что Ксерксъ намѣренъ пройти по другой дорогѣ, оставили этотъ постъ. Итакъ, сухопутное войско вышло изъ Өессаліи подъ предводительствомъ спартанскаго царя Леонида и заняло ущелье Термопилы (*Теплыя ворота:* такъ названо ущелье отъ теплыхъ ключей, которые были въ передней части ущелья). Недалеко оттуда, въ проливѣ между Эвбеею и Өессаліею, расположенъ былъ греческій флотъ, около 300 кораблей, въ ожиданіи враговъ. Ополченія, присланныя изъ Аркадіи, Микены, Коринөа и въ особенности изъ віотійскаго города Өеспіи, состояли изъ надежнѣйшихъ людей; только 400 человѣкъ въ Өивахъ были втайнѣ готовы благопріятствовать персамъ. Вся Греція въ это время праздновала олимпійскія игры, съ полной религіозной довѣренностью къ тому, что горсти храбрыхъ съ Леонидомъ достаточно будетъ для задержанія враговъ, пока окончится торжественное празднество.

Флотъ персидскій (болѣе 3,000 судовъ) покрылъ все пространство къ сѣверу отъ Эвбеи и мыса Артемизія; но обстоятельства съ самаго начала ему не благопріятствовали: три дня и три ночи свирѣпствовала буря, и, незнакомые съ мѣстностью, непріятели не знали, какъ и куда укрыться отъ нея. Болѣе 600 кораблей ихъ погибли на прибрежныхъ скалахъ или увлечены и разбиты въ открытомъ морѣ. Өемистоклъ воспользовался удобнымъ случаемъ и въ кровопролитной битвѣ при Артемизіи еще болѣе ослабилъ персовъ. Успѣхъ обошелся, впрочемъ, и грекамъ недешево: почти половина ихъ флота съ трудомъ могла держаться въ морѣ. Это обстоятельство и вѣсти, полученныя изъ Термопилъ, заставили грековъ отступить.

А въ Термопилахъ произошли между тѣмъ неслыханныя дѣла. Когда персы увидѣли, что горсть людей намѣрена препятствовать имъ пройти чрезъ ущелье, то Ксерксъ, считая ихъ безумными, послалъ требовать безусловной сдачи оружія. «Пусть придетъ и возьметъ,» отвѣчалъ послу Леонидъ съ обычнымъ лаконизмомъ. — «Но вѣдь вы не знаете, что пер-

сидскія стрѣлы и копья затмятъ солнце»... — «Тѣмъ лучше: мы будемъ драться въ тѣни,» замѣтилъ кто-то изъ спартанцевъ.

И закипѣлъ достопамятный, безпримѣрный бой термопильскій (іюль, 480 г.). Три дня отбивали враговъ, уничтожая ихъ сотнями; дружины греческія смѣняли одна другую, но всѣ дрались съ спартанскимъ мужествомъ. Три дня напирали враги, наконецъ потеряли всякую надежду одолѣть желѣзныхъ мужей. Вдругъ, при восходѣ солнца въ четвертый день, храбрые спартанцы увидѣли у себя въ тылу цѣлыя толпы враговъ. Это измѣнникъ маліецъ, Эѳіальтъ, провелъ ночью, лѣсами и скалами, 10 тысячъ отборнаго персидскаго войска. «Боги нынѣ опредѣляютъ намъ всѣмъ смерть и безсмертную славу,» сказалъ верховный жрецъ, Мегистіасъ, внимательно разсмотрѣвши внутренности жертвенныхъ животныхъ. И обреченные смерти спартанцы и съ ними ѳеспійцы и самъ Мегистіасъ (всѣ они предпочли славную смерть со спартанцами; другія дружины отступили заблаговременно), покинувъ свое ущелье, вышли лицомъ къ лицу къ смерти. Не зачѣмъ прибавлять, какихъ усилій стоила персамъ Термопильская битва, въ которой каждый спартанецъ стоялъ, какъ скала. И всѣ до единаго погибли за отечество и законъ.

Персы болѣе не встрѣчали препятствій: сухопутное войско ихъ потокомъ прорвалось и разлилось по Элладѣ. Занявши Дориду, Локриду, Віотію, Ксерксъ направилъ путь прямо къ Аѳинамъ, и между тѣмъ часть войска послалъ въ Фокиду съ повелѣніемъ ограбить богатый храмъ дельфійскій. Геродотъ, основываясь на храмовыхъ легендахъ, повѣствуетъ о томъ, какъ сами боги защищали свое жилище, какъ жестокая буря поднялась въ горахъ на святотатныхъ пришельцевъ, скалы разверзлись и поглотили нечестивцевъ, молніи же истребили бѣглецовъ. Быть можетъ, персы, изъ желанія прикрыть стыдъ пораженія своего фокейцами, засѣвшими въ горахъ, увѣряли, что сверхчеловѣческія силы воспрепятствовали исполненію ихъ предпріятія. Между тѣмъ Ксерксъ явился предъ Аѳинами. Городъ былъ покинутъ. Ѳемистоклъ, пользуясь

изреченіемъ оракула, что «только за деревянными стѣнами несокрушимое спасеніе,» убѣдилъ аѳинянъ, что подъ деревянными стѣнами боги разумѣли не иное что, какъ корабли. Поэтому всѣ способные носить оружіе сѣли на корабли; женъ, дѣтей и имущество перевезли въ Пелопоннесъ или на острова. Персы завладѣли Аѳинами и Акрополисомъ. Въ немъ засѣли тѣ немногіе, которымъ деревянныя стѣны цитадели казались надежнѣе кораблей. И городъ и цитадель были преданы пламени. Аѳиняне, изъ глубины залива увидѣвъ пожаръ роднаго города, окончательно возложили всю надежду на собственное мужество и прославляли боговъ, помогшихъ имъ — спасти свою личную свободу и независимость. Не всѣ греки, впрочемъ, раздѣляли мужество аѳинянъ: пелопоннесцы пришли отъ сожженія Аѳинъ въ такое уныніе, что положили — отступить и защищать только укрѣпленный Истмъ. Всѣ убѣжденія Ѳемистокла остаться и дѣйствовать соединенными силами, были безуспѣшны.

«На васъ напалъ трепетъ,» заключилъ Ѳемистоклъ свою рѣчь въ совѣтѣ вождей: «но вы забываете, что успѣхъ и побѣда всегда на той сторонѣ, на которой разумный совѣтъ и мужество; вамъ же, малодушнымъ, конечно, и боги-отка жутъ въ содѣйствіи.»

— Но ты уже потерялъ свое отечество, замѣтилъ язвительно одинъ изъ членовъ, Адеимантесъ. Теперь *намъ* предстоитъ забота о спасеніи Греціи.

«Взгляни на эти 200 кораблей, воскликнулъ Ѳемистоклъ: это отечество больше и славнѣе Коринѳа. Въ нихъ вся надежда и честь нашей родины. Откиньте же трепетъ и дайте мѣсто чести, о мужи собранія, или — погибните жертвою вашего малодушія. Я соберу сподвижниковъ Артемизія и Саламина. Я не дамъ имени аѳинянъ покрыться позоромъ навѣки. Другая страна приметъ насъ. На счастливомъ прибрежьѣ Великой Греціи расцвѣтутъ новыя, независимыя Аѳины. Боги, свидѣтели моей клятвы, благословятъ мое дѣло.»

Угроза подѣйствовала. Вожди рѣшились дать сраженіе;

но неудачи при первыхъ попыткахъ и приготовленіяхъ совершенно уничтожили ихъ мужество. Тогда Ѳемистоклъ употребилъ хитрость: увѣдомилъ Ксеркса о рѣшеніи союзниковъ и, какъ тайный другъ царя, совѣтовалъ окружить ихъ, чтобы однимъ ударомъ поразить всѣхъ. Ксерксъ послѣдовалъ совѣту неизвѣстнаго друга и въ то время, какъ вожди спорили въ военномъ совѣтѣ объ окончательномъ рѣшеніи, персидскіе корабли преградили имъ путь къ отступленію. Вожди были всѣ у главнаго военачальника, Эврибіада, когда Ѳемистокла вызвали изъ совѣта. При входѣ стоялъ тотъ самый, *справедливѣйшій* изъ мужей, которому въ былое время Ѳемистоклъ нанесъ горькую обиду. Изгнанникъ изъ Аѳинъ, Аристидъ изъ мѣста ссылки своей слѣдилъ за движеніями персидскаго флота и видя, какъ ему казалось, гибель аѳинянъ, забывъ прошлое, на эгинетскомъ кораблѣ сквозь тысячи опасностей, пробрался въ Саламинъ, чтобы сказать бывшему своему сопернику: «Ѳемистоклъ! теперь время откинуть всякую мысль о себѣ и послужить одному отечеству. Я спѣшилъ принесть тебѣ вѣсть о врагахъ. Они окружаютъ весь флотъ нашъ, и пеллопонесцамъ нѣтъ средствъ къ отступленію. Лишь мужественнымъ духомъ и съ оружіемъ въ рукахъ можно пробиться сквозь тучи враговъ и спасти свою славу.»

— Сами боги вложили въ тебя эти мысли, возразилъ Ѳемистоклъ. Свершается то, чего такъ желалъ я. Войди, возвѣсти и убѣди Эврибіада и вождей.

Теперь ничего болѣе не оставалось, какъ сражаться всѣмъ и до послѣднихъ силъ. Іюля 23 того же года (480) при Саламинѣ произошла битва, которая для грековъ увѣнчалась самымъ полнымъ, рѣшительнымъ успѣхомъ. Большая часть персидскаго флота погибла, и Ксерксъ, видѣвшій все съ высоты мыса Эгалея, потерялъ всякую вѣру въ себя и въ могущество свое. Онъ положилъ тотчасъ же возвратиться въ Азію. Какъ безгранична была его увѣренность въ побѣдѣ при вступленіи въ Грецію, такъ же безгранично было его уныніе при отступленіи или, вѣрнѣе, бѣгствѣ. Къ довершенію несчастія,

Саламинская битва.

мостъ, наведенный имъ на Геллеспонтѣ, былъ разбитъ бурею, и Ксерксъ принужденъ былъ искать корабля для достиженія безопасныхъ береговъ своего царства.

Греки между тѣмъ совершали благодарственныя жертвы богамъ, даровавшимъ побѣду, и на общемъ собраніи въ Истмѣ роздали достойнѣйшимъ награды. Первую, конечно, получилъ Ѳемистоклъ. Даже спартанцы были къ нему справедливы, хотя за нѣкоторыя прежнія дѣла его имѣли поводъ быть имъ недовольны. Когда онъ, вскорѣ послѣ сраженія, прибылъ въ Спарту, то былъ почтенъ блистательнымъ пріемомъ. На него возложили масличный вѣнокъ и, осыпавъ богатыми дарами, отпустили. Сверхъ того, онъ удостоился такой почести, какой, по замѣчанію Геродота, не получилъ никто, ни прежде, ни послѣ него: 300 благородныхъ спартанскихъ юношей сопровождали его до самой границы. Но лучшая награда ожидала его на олимпійскихъ играхъ: при его появленіи вся Греція, соединившаяся тамъ, рукоплескала ему съ громкими криками одобренія.

Но — война съ персами еще не кончилась. Въ Греціи остался Мардоній, и, конечно, легче было управиться съ безпорядочными милліонами Ксеркса, чѣмъ съ отборнымъ, 300 тысячнымъ войскомъ Мардонія, расположившимся на зиму въ Віотіи и Ѳессаліи. Но судьба до конца благопріятствовала Греціи.

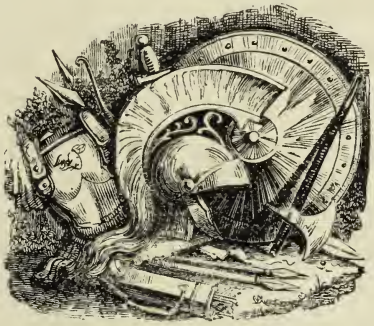
Весною 479 года, Мардоній выступилъ въ походъ. Локрида, Віотія, Фокида волей-неволей должны были содѣйствовать ему. Мардоній надѣялся и Аѳины пріобрѣсти на свою сторону и тогда уже дѣйствовать на остальную Грецію. Но онъ ошибся. На предложеніе союза и награды, или же, въ случаѣ отказа, новаго разоренія, аѳиняне отвѣчали посламъ персидскимъ: «Пока солнце совершаетъ свой блистательный путь, не бывать у насъ съ Ксерксомъ союзу. Боги, всевидящіе и мстящіе, да помогутъ намъ выместить на врагахъ оскорбленіе храмовъ и святилищъ.» И снова аѳиняне покинули свой городъ. Персы заняли его во второй разъ и теперь все, что

еще оставалось въ цѣлости, было выжжено окончательно. Сначала спартанцы отказались сражаться внѣ Пелопоннеса, но убѣждаемые Павзаніемъ, правившимъ вмѣсто Плистарха, сына Леонидова, рѣшились подать помощь аѳинянамъ. Въ числѣ 45 тысячъ выступили они изъ Пелопоннеса, подъ предводительствомъ самого царя. Къ этому войску присоединились 8 тысячъ гоплитовъ аѳинскихъ и 6 тысячъ изъ Платеи, подъ предводительствомъ Аристида, за храбрость при Саламинѣ возвращен-

Битва при Платеѣ.

наго изъ ссылки. Коринѳъ прислалъ 5,000 воиновъ; Тегея, Мегара, Аркадія и другія страны присоединили къ нимъ свои дружины. Составилось войско болѣе чѣмъ во 100 тысячъ. Хотя армія Мардонія все еще была втрое многочисленнѣе и притомъ обладала кавалеріей, которой у грековъ вовсе недоставало, зато главное войско грековъ состояло изъ спартанцевъ, которыми управляло сознаніе величія недавнихъ побѣдъ и непоколебимое мужество. Въ кровопролитной битвѣ при Пла-

теѣ, на равнинахъ, орошаемыхъ теченіемъ Азопа, персы были поражены; самъ Мардоній палъ на полѣ сраженія. Все войско было разсѣяно; только второй военачальникъ, Артабазъ, съ 40 тысячами войска, неуспѣвшій принять участія въ роковомъ сраженіи и видѣвшій бѣгство главныхъ силъ, осторожно отступилъ въ Ѳессалію и далѣе черезъ Македонію и Ѳракію въ Византію, откуда благополучно перевелъ въ Азію войско, уцѣлѣвшее отъ Ксерксова величія. Въ томъ же году, аѳиняне и на морѣ покрыли себя новою славою. Греческій флотъ, подъ начальствомъ спартанца Леотихида и Ксантиппа, нагнавъ флотъ персидскій, отступавшій къ берегамъ Малой Азіи, при Микале разбилъ непріятеля и захватилъ корабли и весь лагерь десантнаго войска. Вслѣдствіе этой побѣды, іонійскія греческія колоніи во второй разъ отложились отъ персовъ.



4. Слѣдствія побѣдъ эллиновъ.

Покрытые славою, обремененные добычею, возвратились побѣдители домой.

Разоренные персами города стали отстраиваться прочнѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ они были до войны. Аѳины воскресли изъ развалинъ въ такомъ блескѣ, до какого не достигалъ ни одинъ городъ, ни внутри, ни внѣ Греціи. Ясно понимая выгоды своего отечества и предвидя блестящую его будущность и величіе, Ѳемистоклъ составилъ планъ построить вокругъ города новыя стѣны, непосредственно соединить ихъ съ обширною пирейскою гаванью и такимъ образомъ сдѣлать Аѳины приморскимъ городомъ. Спартанцы старались помѣшать въ этомъ аѳинянамъ, подъ предлогомъ, что варвары, въ случаѣ новаго нашествія, найдутъ для себя за этими стѣнами твердый пунктъ, съ котораго грекамъ трудно будетъ сбить ихъ. Такъ какъ спартанцы требовали этого во имя всей Греціи, то аѳиняне должны были поступить съ большою осторожностью. Ѳемистоклъ обманулъ спартанцевъ. Онъ отправился посланникомъ въ Спарту и пока увѣрялъ герузію въ неосновательности ея опасеній, въ Аѳинахъ, день и ночь, всѣ, кто только имѣлъ руки, трудились надъ окончаніемъ стѣнъ. Когда объ этомъ отовсюду стали доходить въ Спарту извѣстія, Ѳемистоклъ убѣдилъ

спартанцевъ отправить въ Аѳины пословъ для того, чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ. Послы были задержаны въ Аѳинахъ, въ качествѣ заложниковъ за безопасность Ѳемистокла. Теперь Ѳемистоклъ смѣло объявилъ, что аѳиняне окружили свой городъ стѣнами, считая это полезнымъ для себя и для всей Греціи. Герузіи ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ, скрывши неудовольствіе, отпустить Ѳемистокла съ ласкою, изъ опасенія, въ противномъ случаѣ, подвергнуть непріятностямъ своихъ собственныхъ пословъ. Затаенная ненависть спартанцевъ къ Ѳемистоклу накликала впослѣдствіи на голову послѣдняго много бѣдствій. Между тѣмъ недоброжелательство Спарты къ Аѳинамъ развилось еще болѣе, по поводу войны аѳинянъ съ персами, войны, которая, послѣ Микале, продолжалась со стороны аѳинянъ наступательно. Спартанцы сначала сражались вмѣстѣ съ аѳинянами, но вскорѣ замѣтили, что аѳиняне, захвативъ въ свои руки *гегемонію* (первенство) надъ союзниками, извлекаютъ изъ войны для себя гораздо значительнѣйшія выгоды, нежели достававшіяся на долю спартанцевъ. Ужь и безъ того всѣ острова и большая часть городовъ отпали отъ персовъ и присоединились къ греческому союзу, и аѳиняне всѣми силами содѣйствовали іонійцамъ для покоренія Геллеспонта; а тутъ еще случись, что Павзаній, присланный спартанцами вождемъ на союзный флотъ, завоевалъ Кипръ, и взявши приступомъ Византію, суровымъ и гордымъ обхожденіемъ вооружилъ противъ себя новыхъ союзниковъ, между тѣмъ какъ вожди аѳинскіе, Аристидъ и Кимонъ, поступали съ ними кротко и справедливо. Не удивительно, что и іонійцы присоединились къ аѳинянамъ и поручили имъ гегемонію. Спартанцы, въ одно и то же время, отозвали Павзанія и отказались отъ участія въ персидской войнѣ. Естественно, что аѳинянамъ безпрекословно досталось начальство надъ всѣми союзными силами.

Странны судьбы человѣческаго величія! Эта мысль невольно тѣснится въ головѣ при воспоминаніи о печальной кончинѣ Павзанія, покрытаго славою недавнихъ побѣдъ, осыпаннаго

сокровищами недавнихъ добычъ. Отозванный отъ войска, недовольный своимъ положеніемъ въ Спартѣ, Павзаній вступилъ въ сношеніе съ персами, изъ видовъ личныхъ выгодъ, обѣщая царю покорить ему всю Грецію. Царь послалъ на письмо Павзанія самый лестный отвѣтъ и уполномочилъ Артабаза вести съ нимъ переговоры. Необычайная надменность, странный образъ жизни Павзанія, принявшаго нравы персидскіе и окружившаго себя восточною пышностью, обратили на себя всеобщее вниманіе. Живя въ троадскомъ городѣ Колонѣ, откуда онъ сносился съ Артабазомъ, Павзаній далъ Спартѣ сильный поводъ къ подозрѣнію его въ измѣнѣ. Эфоры послали ему строгое повелѣніе — немедленно возвратиться въ Спарту и явиться на судъ, грозя, въ противномъ случаѣ, объявить его врагомъ отечества. Желая, ради счастливаго окончанія своего предпріятія, отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Павзаній повиновался. Въ судѣ, по недостаточности доказательствъ его вины, онъ скоро былъ оправданъ, но оставленъ подъ строгимъ надзоромъ. Наконецъ переписка его съ Артабазомъ — изъ самой Спарты — была перехвачена. Эфоры рѣшились взять Павзанія подъ стражу. Онъ бѣжалъ въ храмъ Аѳины. Храмъ окружили и заложили всѣ входы. Герой умеръ въ немъ голодной смертью, въ 469 году.

Не потому ли древніе такъ часто твердили: «боги завидуютъ невозмутимому счастію людей. Не ищи его, смертный, но бѣги гнѣва боговъ!»

Неизвѣстно, участвовалъ ли Ѳемистоклъ въ планахъ Павзанія, но спартанцы объявили, что въ письмахъ нашли доказательства и его измѣны, и потому требовали отъ аѳинянъ, чтобы и Ѳемистоклъ подвергся такой же участи, какой подвергся его соумышленникъ. Ѳемистоклъ въ это время, уже съ 471 года, жилъ въ изгнаніи въ городѣ Аргосѣ. Узнавъ, что аѳиняне взвели на него обвиненіе въ измѣнѣ, и что народъ въ ослѣпленіи ярости осудилъ его на смерть, Ѳемистоклъ бѣжалъ къ своимъ друзьямъ, въ Корциру, надѣясь, что они вспомнятъ тѣ многочисленныи услуги, которыя онъ оказалъ имъ

во время своего значенія и славы, но — здѣсь онъ встрѣтилъ отказъ. Тогда изгнанникъ бѣжалъ къ личному врагу, Адмету, царю молосскому, прося у него покровительства. Адметъ былъ тронутъ такимъ рѣдкимъ вниманіемъ знаменитаго мужа и доставилъ ему средства къ бѣгству въ Азію. Здѣсь онъ прожилъ спокойно остатокъ жизни, благодаря тому, что царь обезпечилъ его существованіе тремя городами — Магнезіей, Міосомъ и Лампсакомъ, доставивши ему въ изобиліи хлѣбъ, вино и все, что нужно для существованія. Конецъ жизни Ѳемистокла искаженъ баснями. Такъ, напр., есть сказаніе, будто онъ принялъ ядъ, не желая вести персовъ на Грецію. А достовѣрно неизвѣстно даже время прибытія его въ Персію. По словамъ Ѳукидида, онъ пріѣхалъ туда уже по смерти Ксеркса, при преемникѣ его, но большая часть другихъ источниковъ утверждаетъ, что онъ засталъ Ксеркса еще въ живыхъ.

Послѣ печальной кончины Павзанія и Ѳемистокла, подобная же кончина постигла и микальскаго побѣдителя, царя Леотихида. Обвиненный и обличенный въ принятіи подкупа, онъ былъ осужденъ на изгнаніе. Дѣло Павзанія и Леотихида показало, что порча нравовъ начала вкрадываться и въ Спарту, не смотря на всѣ строгости и суровость воспитанія. Аѳиняне пока были все-таки счастливѣе въ этомъ отношеніи: у нихъ дѣла правленія находились въ рукахъ людей достойныхъ. Послѣ Ѳемистокла главами государства сдѣлались Аристидъ и Кимонъ. Аристидъ, по прежнему, полный самоотверженія на пользу отечества, выхлопоталъ всѣмъ сословіямъ народа одинаковыя общественныя права, на томъ основаніи, что всѣ сословія народа одинаково отличились въ войнѣ противъ персовъ. Съ этого времени люди и изъ низшихъ классовъ, движимые соревнованіемъ, начали стремиться къ образованію, общественной и государственной дѣятельности. Этому соревнованію аѳиняне обязаны своими блистательными подвигами, лучшими произведеніями изящныхъ искусствъ, величайшими ораторами и государственными людьми, но это же соревнованіе повлекло за собою и распространеніе въ народѣ нравственной порчи.

Могущество Аѳинъ окончательно упрочилось тѣмъ, что они постепенно привели союзниковъ въ полную отъ себя зависимость и распоряжались ихъ силами, какъ собственными своими. Это обстоятельство много упростилось для Аѳинъ еще и тѣмъ, что союзники, утомленные безпрерывными походами, согласились, вмѣсто кораблей и солдатъ, ежегодно вносить на военныя издержки деньги. Мѣстомъ храненія союзнической кассы назначенъ былъ храмъ Латоны, на островѣ Делосѣ. Блюстителемъ этой кассы (въ которой хранилось до 460 талантовъ, или около полумилліона рублей) три года былъ безукоризненный Аристидъ, который умеръ такимъ же бѣднякомъ, какимъ жилъ весь вѣкъ. Благодарное государство приняло на себя издержки погребенія рѣдкаго мужа и озаботилось устройствомъ судьбы его обѣихъ дочерей.

Кимонъ.

Съ тѣхъ поръ какъ (въ 461 году) союзническая касса перенесена съ Делоса въ Аѳины, союзники превратились въ настоящихъ подданныхъ аѳинскихъ, ибо уже должны были вносить назначенную подать въ общую кассу, даже и не въ военное время. На эти деньги аѳиняне усилили свой флотъ и, слѣдовательно, тѣмъ удобнѣе могли задавить всякое покушеніе кого-либо изъ союзниковъ сбросить съ себя возраставшее вліяніе гегемоніи. Въ эту эпоху полнаго развитія аѳинскаго могущества, вмѣстѣ съ мыслью о первенствѣ надъ союзниками, въ Аѳинахъ естественно могла зародиться мысль о первенствѣ и надъ всею Греціею. Въ самую лучшую пору

могущества Спарты, вліяніе ея не простиралось далѣе предѣловъ Пелопоннеса.

Въ первые годы по учрежденіи делосскаго союза, война съ варварами была еще на первомъ планѣ дѣйствій Аѳинъ. Доблестный сынъ Мильтіадовъ, Кимонъ, распоряжался союзными силами. Одно за другимъ онъ завоевалъ персидскія владѣнія во Ѳракіи. Одинъ Доркосъ (или Дорискосъ), при истокѣ Гербоса (Марицы), защищаемый храбрымъ Маскамомъ, еще держался; остальныя же крѣпости были всѣ взяты. Въ 465 и 464 годахъ, во главѣ 309 кораблей, Кимонъ опустошилъ персидскія владѣнія по южному побережью Малой Азіи, да при Эвримедонѣ, въ Памфиліи, одержалъ блистательную надъ персами побѣду на сушѣ и на морѣ, отнявъ при этомъ у непріятеля до 200 кораблей. Это было послѣднимъ громкимъ дѣломъ аѳинянъ въ персидскую войну. Эвримедонъ вѣнчалъ Кимона почти такою же неувядаемою славой, какъ, во время-оно, Мараѳонъ вѣнчалъ его несчастнаго отца. Послѣ этой побѣды, военныя дѣйствія прекратились, потому что персы не смѣли больше показаться на морѣ, а греки еще не отваживались сдѣлать высадку и напасть на нихъ внутри Азіи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

стр.
Введеніе 3

ГЛАВА I.

ОБОЗРѢНІЕ СТРАНЫ И НАРОДОВЪ ЭЛЛАДЫ.

I. Страна элливовъ. 10
II. Эллины. 27

ГЛАВА II.

ПРЕДАНІЯ ЭЛЛИНСКОЙ СТАРИНЫ.

I. Сказанія о богахъ 34
II. Сказанія о герояхъ. 42
1. Девкаліонъ и потомство его . . . . . —
2. Родъ Эола. 45
3. Аргосъ и его герои 50
Персей 52
4. Гераклъ (Геркулесъ) 58
5. Тезей. 70
6. Эакъ и его потомство. 78
7. Тиндариды (Діоскуры) въ Лаконіи 81
8. Пелопсъ и родъ его 84
III. Общественныя предпріятія 93
1. Калидонская охота . . . . . —
2. Походъ аргонавтовъ. 99
3. Кадмея и герои ея 109
IV. Походъ троянскій 119
V. Странствованія Одиссея 161
VI. Гражданское устройство, нравы и образованіе. 204

стр.

ГЛАВА III.

ВРЕМЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО УСТРОЙСТВА.

I. Переселенія 221
II. Законодательство въ Спартѣ 226
Ликургъ 228
III. Мессенскія войны 242
Аристоменъ 244
IV. Аѳины 252
V. Солонъ. 256
VI. Пизистратъ и сыновья его 267
VII. Клисѳенъ 270

ГЛАВА IV.

ЖИЗНЬ И ИСКУССТВА.

I. Нравы и обычаи. 275
II. Образовательныя искусства 283
Храмъ дельфійскій и другія зданія того періода. 289
Скульптура. 300
III. Поэзія и философія 301

ГЛАВА V.

ПЕРІОДЪ РАЗВИТІЯ ГРЕЧЕСКАГО МОГУЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНІЯ.

I. Союзъ эллинскихъ государствъ 309
II. Персидское могущество. Возстаніе іонійскихъ грековъ. Начало борьбы Греціи съ Персіей. 315
III. Походъ Ксеркса. 330
IV. Слѣдствія побѣдъ эллиновъ. 340

ЭЛЛАДА.

КАРТИНЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ,

ЕЯ РЕЛИГІЯ, МОГУЩЕСТВО И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ПРОСВѢЩЕНІЯ ЮНОШЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

Д-РА ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО **П. ЕВСТАФІЕВЪ.**

ТОМЪ II.

Изданіе третье.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, домъ Третьякова.

1878.

Дозволено цензурою. Спб., 18 апрѣля 1878 г.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Васильевскій Остр., 16 л., д. № 5).

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

ГЛАВА VI.

ЦВѢТУЩІЙ ПЕРІОДЪ АѲИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

стр.

I. Окончательное развитіе могущества Аѳинъ 3
II. Внутреннее состояніе и средства Аѳинской республики. 16
III. Жизнь и образованіе, искусства и литература. 20
1. Жизнь и образованіе . . . . . —
Одежда 23
Оружіе. Военное устройство 26
Домашняя жизнь 31
Воспитаніе дѣтей. Гимназіи 34
2. Зодчество, ваяніе, живопись 41
Акрополисъ аѳинскій и другія зданія въ столицѣ и внѣ ея . . —
Театры 55
Образовательное искусство. Живопись. 57
2. Поэзія. 61
Начало трагедіи. Эсхинъ, Софоклъ, Эврипидъ 62
Аристофанъ 64
4. Исторія. Краснорѣчіе. 68

ГЛАВА VII.

УПАДОКЪ АѲИНСКАГО МОГУЩЕСТВА.

I. Пелопонесская война. 78
Алкивіадъ 92
II. Походъ въ Сицилію. 101
III. Возвращеніе Алкивіада 108
IV. Жизнь и образованіе въ этомъ періодѣ 117
Софисты. 119

стр.
Сократъ 123
Ученики Сократа 136
Ксенофонтъ. Платонъ. 138

ГЛАВА VIII.

ПОПЕРЕМѢННОЕ ПРЕОБЛАДАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ РЕСПУБЛИКЪ.

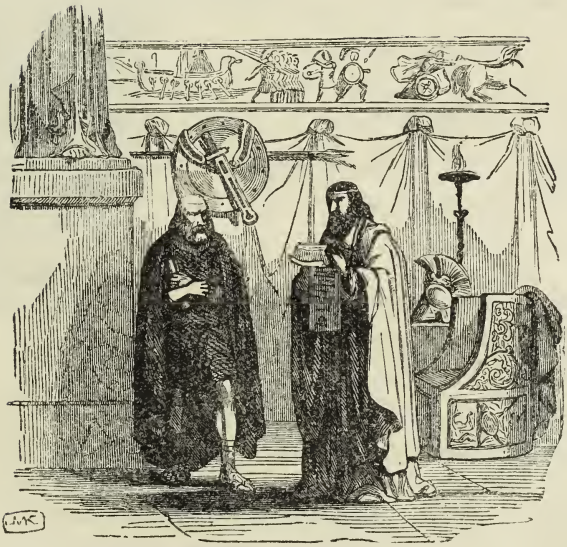
I. Преобладаніе Спарты. 144
Отступленіе 10,000 грековъ. 145
Агезилай. 147
II. Преобладаніе Ѳивъ 155
Пелопидъ. . . . . —
Эпаминондъ 160
III. Равновѣсіе греческихъ государствъ 167
IV. Тимолеонъ. Положеніе дѣлъ въ Сициліи. Діонисій. Агаѳоклъ . . . 171
V. Жизнь, образованіе и искусства въ этомъ періодѣ 185
Искусства 189
Краснорѣчіе. Демосѳенъ 196

ГЛАВА IX.

ПЕРІОДЪ МАКЕДОНСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

I. Паденіе греческой самостоятельности 201
Филиппъ Македонскій. . . . . —
II. Александръ Македонскій 210
III. Діадохи, или пріемники Александра 232
Пердика. Антипатръ. Эвменъ. . . . . —
Птоломей. Кассандръ. Лизимахъ. Селевкъ и Димитрій-Поліоркетъ. 246
Египетскіе стрѣлки. 255
IV. Города и государства. 261
V. Искусства и наука 271
Литература 282
Философія 287
Заключеніе. 296
Объяснительный текстъ къ приложеннымъ таблицамъ, изображающимъ входъ Александра въ Вавилонъ 301

ЭЛЛАДА.



Акрополисъ при Периклѣ.

ГЛАВА I.

ЦВѢТУЩІЙ ПЕРІОДЪ АѲИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

I. Окончательное развитіе могущества Аѳинъ.

Если нельзя не чувствовать уваженія къ дѣятельности отдѣльнаго члена общества, когда онъ, избравши себѣ опредѣленную благородную цѣль, всю жизнь стремится къ ней, то понятно благоговѣніе, съ которымъ читается исторія народа, когда послѣдній, выйдя побѣдоносно изъ борьбы съ варварами за свое святѣйшее право, не останавливается на полупути, а продолжаетъ блистательно шествовать къ совершенствованію—послѣдней цѣли и отдѣльнаго человѣка, и цѣлыхъ государствъ! Таковъ народъ эллинскій, и въ средѣ его преимущественно — аѳиняне. Правда. и спартанцы отлича-

лись въ послѣдней суровой борьбѣ съ персами и покрыли себя неувядаемою славою Термопилъ и Платеи; но послѣ войны они снова возвратились къ прежнему быту и, довольствуясь имъ, мало заботились о томъ, что происходитъ далѣе Коринѳа. Гдѣ искать объясненія этого какъ бы равнодушія къ общественному прогресу? Въ привычкѣ ли, ослабившей въ народѣ подвижность и стремленіе къ лучшему, или въ самомъ воспитаніи спартанскомъ? Вѣроятнѣе — въ послѣднемъ. На берегахъ Эврота не было недостатка въ доблестныхъ мужахъ, готовыхъ, при первой опасности, сложить голову за отечество, но при спартанскихъ условіяхъ воспитанія и общественнаго быта, едва ли удобно было развиться и созрѣть великому политику или администратору, не говоря уже объ ученомъ или художникѣ.

Если Спарту можно уподобить обширному озеру, на которомъ, правда, по временамъ высоко вздымаются суровыя волны, но эти волны скоро снова приходятъ въ равновѣсіе въ полномъ сознаніи своей силы, то Аѳины, конечно, вѣрнѣе всего сравнить съ вѣчно волнующимся моремъ, по которому широкій путь повсюду, куда только предпріимчивый духъ человѣка направитъ бѣгъ корабля. Какъ послѣ свирѣпой бури, которая взбуравила морскую поверхность, особенно сладостна тишь, особенно ярко, кажется, сіяетъ дневное свѣтило въ зеркальной пучинѣ,— тысячи видовъ, одинъ другаго прекраснѣе, одинъ другаго фантастичнѣе, смѣняются на безпредѣльной водной равнинѣ, и глазъ оторваться не можетъ отъ чудной картины, — такъ послѣ бури персидской, просіяла аѳинская жизнь и закипѣла такою чудною дѣятельностью, заблистала такимъ небывалымъ, невиданнымъ блескомъ славы и величія въ политикѣ, наукахъ и художествахъ, предъ которыми блѣднѣетъ побѣдная слава суровыхъ сыновъ Лакедемона, и единодушное признаніе надъ собою гегемоніи аѳинской сосѣдними и отдаленными областями Эллады и островами Архипелага, Эгейскаго и Іонійскаго морей становится понятною данью величію Аѳинъ.

Во главѣ республики аѳинской въ этомъ періодѣ видимъ

трехъ знаменитыхъ мужей: Эфіальта, Перикла и Кимона. первый, представитель домократической партіи, такъ же какъ и Периклъ, былъ человѣкъ невысокаго рожденія; но огромное вліяніе свое на общество умѣлъ обезпечить за собою неутомимою дѣятельностью на пользу народа и силою краснорѣчія. Другой, Периклъ, съ именемъ котораго соединяется воспоминаніе о самомъ цвѣтущемъ періодѣ греческаго могущества, науки и искусства, происходилъ отъ Алкмеонида Ксантиппа, побѣдителя Микальсааго, и благородной Агаристы, племянницы знаменитаго Клисѳена. Говорятъ, еще до рожденія Перикла, матери его снилось, что она родила льва. Разумѣется, толкованія этого сна были какъ нельзя болѣе благопріятны для новорожденнаго. Воспитаніемъ Перикла занимались со всевозможною заботливостью: къ нему приглашены были лучшіе въ то время наставники въ Аѳинахъ, между которыми былъ и знаменитый Пиѳоклидъ.

Периклъ.

И много обѣщавшій юноша, благодаря необыкновеннымъ своимъ способностямъ и счастливому положенію, рано созрѣлъ и сталъ доблестнымъ мужемъ, исполненнымъ прекрасныхъ качествъ. Одаренный быстрымъ взглядомъ и просвѣщеннымъ умомъ, онъ скоро постигъ тайны той науки, которая нужна человѣку, чувствующему въ себѣ призваніе возвеличить

и прославить народъ свой. Онъ рано научился внимательно изучать событія и обстоятельства, пользоваться ими для своихъ великихъ замысловъ, управлять событіями, а въ случаѣ неожиданнаго, неблагопріятнаго оборота въ нихъ — не теряться, а имѣть въ запасѣ иной исходъ для достиженія предположенной цѣли. Периклъ упрочилъ за собою народное уваженіе, не прибѣгая ни къ публичному разлагольствованію или лести народу, ни къ заискивающему сближенію съ нимъ, а тѣмъ менѣе къ какимъ-либо еще болѣе предосудительнымъ средствамъ. Ласковый и пріятный въ обращеніи со всѣми, Периклъ удостоивалъ своей дружбы только людей высокаго образованія или съ отличными талантами. Досугъ отъ государственныхъ дѣлъ онъ дѣлилъ между такими близкими, каковы были: Фидій, философъ Анаксагоръ и равно прекрасная тѣломъ и душею, очаровательная іонянка, Аспазія. Праздничныхъ собраній и пировъ Периклъ не любилъ: его встрѣчали на улицѣ лишь тогда, когда онъ отправлялся въ агору или въ совѣтъ. Безграничное уваженіе общества и безмѣрное вліяніе Перикла на это общество объясняются единственно неизмѣнной искренностью его намѣреній, твердостью правилъ, величіемъ цѣли, постоянствомъ стремленія къ ней и сверхъ всего этого неотразимой увлекательностью его краснорѣчія. Когда онъ говорилъ, — казалось, что громы Зевса Олимпійскаго раскатываются надъ головами слушателей, и молніи его пронизываютъ сердца ихъ. Зато Перикла и звали Олимпійцемъ. Его осмотрительность и осторожность, при исполненіи какого-нибудь предпріятія, вслѣдствіе чего онъ впередъ готовилъ средства на всѣ возможные случаи, дѣлали Перикла надежнѣйшимъ политикомъ и государственнымъ человѣкомъ, хотя при этихъ качествахъ онъ, конечно, не всегда могъ бы съ одинаковымъ успѣхомъ дѣйствовать на полѣ сраженія, гдѣ часто надо пользоваться минутой, чтобы взвѣсить всѣ обстоятельства и обезпечить вѣрный успѣхъ дѣлу.

Что Периклъ не отвратилъ обстоятельствъ, приготовившихъ роковую для Греціи войну пелопоннесскую, это, какъ нельзя

болѣе, убѣждаетъ насъ въ томъ, что и самые прозорливые политики и самые опытные государственные люди могутъ по временамъ впадать въ заблужденія, — слабость, общая всему человѣчеству. Можетъ статься, Периклъ сознавалъ необходимость прибѣгнуть къ войнѣ, какъ къ крайнему средству, которымъ онъ надѣялся поддержать положеніе, присвоенное его отечествомъ.

Что касается наружности этого государственнаго мужа, то она вполнѣ соотвѣтствовала прекраснымъ нравственнымъ побужденіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Периклъ. Если строгій взглядъ искусства и могъ бы найти въ фигурѣ Перикла какой-либо недостатокъ, то это развѣ только нѣкоторое удлиненіе головы, — обстоятельство, подавшее поводъ художникамъ его времени говорить о Периклѣ: «у него на головѣ Партенонъ.»

Таковъ былъ человѣкъ, который въ это время такъ осмотрительно дѣйствовалъ на гражданскомъ поприщѣ съ цѣлью достигнуть равноправія народа относительно участія въ государственномъ управленіи и согласить общую волю на предоставленіе ему верховныхъ распоряженій.

Во главѣ аристократической партіи стоялъ въ это время достойный противникъ Перикла — уже извѣстный намъ Кимонъ. Стремленіемъ его было — сохранить прежнія формы государственнаго быта и направить силы отечества на пораженіе варваровъ. Личность Кимона во многихъ отношеніяхъ противоположна личности Перикловой. Глубокія свѣдѣнія въ наукахъ, основательное образованіе и ему были не чужды, но въ особенности практическая сторона жизни, повидимому, благопріятствовала ему для проявленія способностей и знаній для служенія отечеству. Не вдаваясь въ глубокія и тонкія изслѣдованія предстоявшихъ политическихъ обстоятельствъ, не теряя времени на продолжительныя и сложныя соображенія, онъ предпочиталъ дѣйствовать, немедленно извлекать для государства пользу изъ того, что представляло настоящее. Не смотря на то, что онъ былъ представителемъ

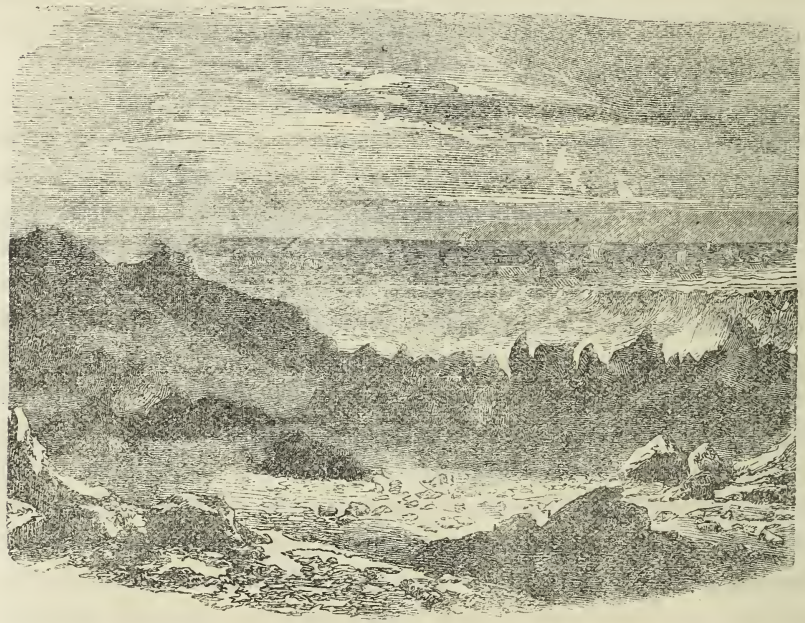
аристократіи, онъ любилъ повсюду сближаться съ гражданами, узнавать ихъ нужды, принимать участіе въ ихъ пирахъ. За нимъ всегда слѣдовала толпа рабовъ съ полными корзинами и, не обращая вниманія на различіе истинныхъ бѣдняковъ отъ лѣнивыхъ тунеядцевъ, всѣмъ раздавала щедрой рукою подаяніе; нерѣдко также, возвращаясь домой, Кимонъ вводилъ за собою, къ столу своему, цѣлую толпу голодныхъ бѣдняковъ. Прекрасные сады у дачи его были открыты для всѣхъ и каждаго. Этого мало: часто помогалъ онъ и деньгами, а если кому не было счастія на родинѣ, давалъ ему средства въ другомъ мѣстѣ поправить свое состояніе,—отсылая такого горемыку въ основанныя имъ колоніи. Такое прекрасное употребленіе богатствъ пріобрѣло Кимону всеобщую любовь народа. Эта любовь, и притомъ благородный образъ мыслей Кимона и привязанность его къ отечеству помогли ему, при содѣйствіи ареопага и другихъ древнихъ аристократическихъ учрежденій, воспрепятствовать Эфіальту и Периклу въ рѣшительномъ достиженіи предположенныхъ ими цѣлей. Но когда впослѣдствіи нарушились добрыя отношенія Аѳинъ къ Спартѣ, то и Кимонъ, благопріятствовавшій Спартѣ, подвергся изгнанію. Демократическая партія тогда получила полную свободу дѣйствій. Постепенно, послѣдовательно, Периклъ отнялъ все значеніе у противной партіи, а установленіемъ новыхъ учрежденій, болѣе сообразныхъ съ потребностями времени, подорвалъ въ самомъ основаніи значеніе ареопага, уже отжившаго свое время. Нелегко было разстаться ареопагу съ безграничною судебною, законодательною, административною и даже цензорскою властью надъ частной жизнью гражданъ; но онъ ничего не могъ противопоставить тѣмъ учрежденіямъ, которыя создалъ Периклъ. Эти учрежденія были слѣдующія три: 1) установленіе семи законодательныхъ цензоровъ, которымъ вмѣнено въ обязанность—наблюдать за точнымъ исполненіемъ смысла законовъ служебными лицами; 2) учрежденіе такъ называемаго Собранія номотетовъ (хранителей законовъ), обязанностью котораго было — просматривать законы прежнихъ

лѣтъ и обветшавшіе уничтожать, а годные принимать въ основаніе дѣйствій для настоящаго времени. Это собраніе состояло изъ выборныхъ изъ геліе, въ числѣ отъ 200 до 1,000 членовъ. Всѣ они, какъ присяжные, дѣйствовали энергичнѣе и въ то же время добросовѣстнѣе, нежели члены легко-подвижной агора. Наконецъ, 3) *Графе параномонъ* (т. е. жалоба на незаконность) имѣло обязанностью принимать и разбирать всякую жалобу, принесенную на того, кто руководствовался въ дѣйствіяхъ законами, противорѣчащими новому государственному устройству.

Аристократическая партія всѣмъ своимъ вліяніемъ возстала было на нововведенія. Унизительный подрывъ власти ареопага объявленъ равносильнымъ нечестивому оскорбленію боговъ; но, въ увлеченіи страсти, аристократія сдѣлала такой неосторожный шагъ, что дѣло ея было потеряно безвозвратно. Этотъ шагъ былъ — тайное убіеніе Эфіальта подосланнымъ віотійцемъ Андокидомъ. Кимонъ, впрочемъ, былъ совершенно чуждъ этому злодѣянію.

Съ этой минуты Периклъ одинъ сталъ во главѣ всего государства, ибо вліяніе Кимона, послѣ паденія его партіи, отошло на второй планъ. Периклъ и одинъ, безъ помощника, былъ въ состояніи привести въ исполненіе свои великія предначертанія. Къ тому же, не прибѣгая къ тѣмъ средствамъ и хитростямъ, которыми обыкновенно пользуются въ демократическихъ государствахъ для пріобрѣтенія народной любви, Периклъ внушилъ къ себѣ такое уваженіе, что почти самодержавно властвовалъ въ Аѳинахъ. Болѣе всего прославляетъ и дѣлаетъ достойнымъ удивленія правленіе его—неутомимая его заботливость въ одно и то же время и о дѣлахъ военныхъ, и о блескѣ и славѣ государства. Ни одной вѣтви на свѣжемъ деревѣ народнаго аѳинскаго благосостоянія не оставилъ онъ безъ вниманія: всѣмъ имъ далъ надлежащее направленіе, ростъ и развитіе. Аѳинское государство кипѣло дѣятельностью, которая имѣла слѣдствіемъ широкое развитіе военной и гражданской славы.— Продолжаемъ прерванную на время нить повѣствованія.

Послѣ побѣды Эвримедонской (въ 465 г.), Аѳины нашли удобный случай утвердиться къ сѣверу, на берегахъ Ѳракіи. Тамъ, при истокахъ Стримона, изгнавши варваровъ изъ послѣднихъ ихъ убѣжищъ—Эіона и др., аѳинскіе купцы построили колоніи и стали стараться извлекать выгоды изъ богатыхъ золотыхъ рудниковъ, которыми давно уже пользовались туземцы, и которые находились въ Пангейскихъ горахъ. Не безъ



Берега Ѳракіи.

препятствій достигли аѳиняне желаемаго. Ѳракійцы и сосѣди ихъ, жители острова Тазоса, также пользовавшіеся рудниками (тазосцы до сихъ поръ были вѣрными членами Делосскаго Аѳинскаго союза), положили изгнать пришельцевъ; но прибытіе 10,000 союзнаго аѳинскаго войска и Кимона съ флотомъ дало другой оборотъ дѣлу. Послѣ двухлѣтней, довольно упорной войны, аѳиняне завоевали все, чего добивались. Тазосцы просили-было помощи у Спарты и навѣрное получили бы ее,—ибо

Спарта, во главѣ городовъ дорійскаго происхожденія, часъ-отъ часа смотрѣла непріязненнѣе на быстро возраставшее могущество Аѳинъ; но въ этомъ году ужасное землетрясеніе разрушило и опустошило Спарту. Событіе это находится въ тѣсной связи съ тѣми непріятностями между Аѳинами и Спартою, которыя впослѣдствіи разразились войной, и потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Землятрясеніе и послѣдствія его послужили въ Спартѣ вызовомъ къ возстанію всѣхъ *илотовъ* (или *гелотовъ*, рабовъ), которые, подъ гнетомъ притѣсненій и жестокости, съ злобою и ненавистью въ сердцѣ, выжидали только удобнаго случая къ возмущенію. Въ числѣ возставшихъ илотовъ было больше всего месенцевъ, почему и война спартанцевъ съ илотами, продолжавшаяся 10 лѣтъ (465—455 г. до Р. Х), названа *третьею мессенскою войной.* Не отваживаясь въ открытомъ полѣ встрѣчать страшныя фаланги спартанцевъ, илоты засѣли въ горахъ. Сначала спартанцы, подъ начальствомъ храбраго Аимнеста, побѣдителя Мардонія при Платеѣ, вели войну успѣшно, но когда илоты укрѣпились въ Итомѣ (Иѳомѣ), прославленной въ первую мессенскую войну подвигами Аристодема, и спартанцамъ пришлось осаждать ихъ, то неискусные въ этомъ дѣлѣ спартанцы ничего не успѣли, даже съ помощью призванныхъ ими эгинетянъ и платеянъ. Волей-неволей пришлось имъ просить содѣйствія аѳинянъ, которые славились искусствомъ брать крѣпости. Аѳиняне хорошо понимали, что только возстаніе илотовъ помѣшало спартанцамъ вторгнуться въ Аттику. Совѣтъ сильно колебался въ подачѣ помощи. Тутъ выступилъ Кимонъ. «На двухъ столбахъ утверждены величіе и слава Эллады,» сказалъ онъ: «какъ здоровый человѣкъ ходитъ на двухъ здоровыхъ ногахъ. Одинъ изъ этихъ столбовъ — здѣсь, въ нашей благословенной Аттикѣ, другой — тамъ, на берегахъ воинственнаго Эврота. Граждане! не забывайте въ нуждѣ поддержать этотъ послѣдній столбъ; иначе пошатнемся и мы, и Греція съ нами!» Это воззваніе прекратило недоумѣніе: 4 тысячи воиновъ, и самъ Кимонъ, во главѣ ихъ,

быстро двинулись въ Лаконію. Это было послѣднимъ подвигомъ Кимона, передъ изгнаніемъ его, послѣдовавшимъ по причинамъ, которыя мы сейчасъ объяснимъ. Противъ такого мѣста, какова была Итома, укрѣпленная самою природою, ничего не могло сдѣлать и аѳинское искусство. Спартанцы роптали, герузія дала скрытому неудовольствію выраженіе — и скорбленные аѳиняне возвратились домой. Въ Аѳинахъ всю вину возложили на Кимона. Судъ остракизмомъ произнесъ ему изгнаніе. Государство поступило несправедливо относительно человѣка, котораго всѣ помыслы и дѣятельность всей жизни стремились къ тому, чтобы подъ знаменами Аѳинъ и Спарты видѣть славу соединенной Греціи, состоявшую въ уничтоженіи варваровъ. Затѣмъ-то Кимонъ былъ постоянно на стражѣ всякаго внутренняго безпорядка въ своемъ отечествѣ, всякаго внѣшняго разногласія между двумя первоклассными государствами Греціи; затѣмъ-то, наконецъ, онъ и въ самую ссылку унесъ съ собою пламень чистѣйшей любви къ родинѣ. Аѳины забыли, что два одинакія государства, стремящіяся къ преобладанію, только вслѣдствіе крайней нужды соглашаются дѣйствовать за-одно; миновалась нужда—и они снова становятся соперниками; такъ продолжаютъ они до тѣхъ поръ, пока одно одолѣетъ другое, или пока обаб удутъ порабощены владычествомъ третьяго, сильнѣйшаго.

Давно уже ослабѣли узы союза Аѳинъ со Спартою; теперь онъ и вовсе былъ разорванъ. Аѳиняне заключили союзъ съ Аргосомъ и Ѳессаліею. Ненависть между двумя главнѣйшими государствами Греціи принимала все рѣшительнѣйшій характеръ: когда спартанцы заключили съ осажденными въ Итомѣ договоръ, по которому предоставили имъ свободный выходъ изъ Пелопоннеса, только подъ условіемъ никогда туда не возвращаться, аѳиняне приняли храбрыхъ мессенцевъ подъ свое покровительство, дали имъ для поселенія городъ Навпактъ: и такимъ образомъ пріобрѣли воинственную и совершенно преданную имъ колонію, насупротивъ самаго Пелопоннеса.

Другія событія этого времени также какъ-будто служили

приготовленіемъ къ приближающейся пелопоннесской войнѣ. Между Мегарою и Коринѳомъ зашелъ споръ о границахъ. Спартанцы рѣшили споръ въ пользу послѣдняго. Мегарцы, недовольные этимъ рѣшеніемъ, обратились къ аѳинянамъ, позволили имъ ввести у нихъ демократическій образъ правленія и построить стѣны вокругъ города и гавани Низеи. Въ это же время Аѳины начали войну съ Эгиною, которую поддер-

Возвращеніе Кимона.

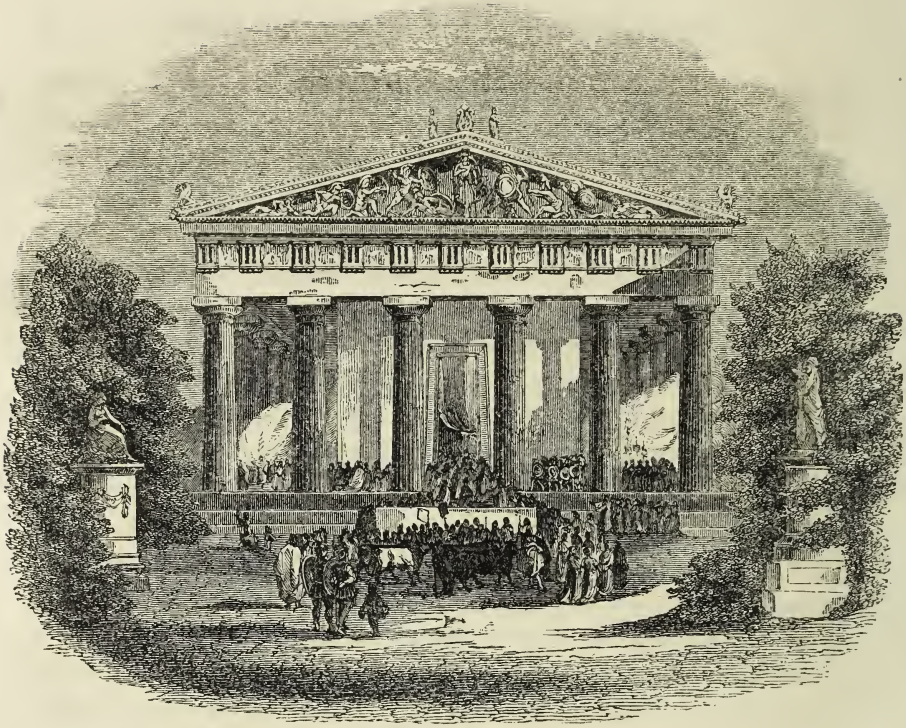
живали всѣ морскія государства Дорійскаго союза, какъ-то: Коринѳъ, Эпидавръ и др. Въ трехъ морскихъ битвахъ аѳиняне остались побѣдителями и принудили Эгину отстать отъ Дорійскаго союза. Между тѣмъ какъ всѣ аѳинскія войска частью стояли подъ Эгиною, частью отправились въ Египетъ, коринѳяне вторгнулись въ Мегару; но на помощь Мегарѣ явились изъ Аѳинъ вооруженные старцы и дѣти и—отразили корин-

ѳянъ. Такое посрамленіе союзниковъ Спарты еще болѣе усилило ненависть послѣдней къ Аѳинамъ. Вскорѣ обстоятельства подали поводъ и къ открытой войнѣ между ними. Приверженцы демократіи, фокеяне, завладѣли однимъ небольшимъ городкомъ въ Доридѣ; спартанцы тотчасъ двинулись на помощь своему отечеству, встрѣтили при Танагрѣ, въ Віотіи, аѳинянъ, которые хотѣли задержать ихъ, вступили въ кровопролитную битву и, не смотря на необычайное мужество аѳинянъ, одержали надъ ними побѣду (457 г. до Р. Х.). Самъ Периклъ сражался въ первыхъ рядахъ аѳинянъ. Важныхъ послѣдствій для спартанцевъ эта побѣда не имѣла: воздвигши трофеи, они удалились домой, а въ Геранійскія горы, въ которыхъ засѣли отступившіе аѳиняне, идти не отважились. Не то видимъ въ Аѳинахъ. Тамъ, стоя среди народнаго собранія и припоминая слушателямъ судьбы величія и славы Аѳинъ, Периклъ произнесъ имя человѣка, который и при Танагрѣ, конечно, не далъ бы посрамить аѳинское оружіе. Съ жаромъ было встрѣчено воззваніе благороднаго правителя, и тутъ же единодушно рѣшено возвратить Кимона изъ ссылки.

Возстановленное такимъ образомъ равновѣсіе обѣихъ партій привело къ самымъ счастливымъ результатамъ. Черезъ 2 мѣсяца послѣ танагрскаго дѣла, аѳинское войско, одержавъ двѣ блистательныя побѣды въ Віотіи, уничтожило бывшую здѣсь олигархію и во всѣхъ городахъ этой области, даже въ Ѳивахъ, ввело демократическій образъ правленія. Фокида добровольно, а Локрида послѣ тщетнаго сопротивленія, были присоединены къ Аѳинскому союзу. Наконецъ, къ довершенію славы Аѳинъ, въ 455 году окончены постройкою знаменитыя стѣны, соединившія Аѳины съ Пиреемъ.

Не такъ счастливо шли дѣла аѳинянъ въ Египтѣ. Несмотря на мужество ихъ, сатрапъ, начальствовавшій надъ персидскимъ войскомъ, осадилъ аѳинянъ на какомъ-то островкѣ на Нилѣ и уничтожилъ флотъ ихъ. Кимонъ успѣлъ заключить съ Спартою 5-ти лѣтнее перемиріе, и съ 200 *три-*

ремъ (т. е. трехъярусныхъ кораблей, въ которыхъ устроивалось три яруса веселъ, одинъ надъ другимъ) двинулся къ Кипру. Обложивши городъ Китіонъ, онъ немедленно отрядилъ къ берегамъ Египта 60 кораблей. При этой осадѣ Китіона, Кимонъ умеръ отъ болѣзни или отъ ранъ, но флотъ, покрывши себя славою, воротился въ Аѳины, съ богатою добычею. Послы аѳинскіе отправились въ Сузу, для переговоровъ о выгодномъ для себя мирѣ. Этотъ миръ и дѣйствительно былъ заключенъ, уже, впрочемъ, по смерти Кимона, хотя и называется по его имени. Кимоновымъ миромъ узаконилось современное положеніе воевавшихъ сторонъ. Аѳины дали обязательство не нападать на персидскіе берега; царь персидскій призналъ независимость отъ него азіятскихъ греческихъ колоній и обѣщалъ не имѣть военныхъ судовъ ни въ сѣверныхъ частяхъ Босфора, ни въ частяхъ Эгейскаго моря.



Праздничное шествіе къ храму Зевса, на Эгинѣ.

II. Внутреннее состояніе и средства Аѳинской республики.

Чтобы понять, какимъ образомъ Периклъ совершилъ всѣ свои предначертанія, прославившія какъ его самого, такъ и его отечество, необходимо знать внутреннее состояніе и средства Аѳинской республики.

Въ тогдашнихъ Аѳинахъ было до 10 тысячъ домовъ и около 180 тысячъ жителей, въ томъ числѣ 20 тысячъ гражданъ. Подати взимались какъ съ этого населенія, такъ и съ 300 тысячъ гражданъ, имѣвшихъ помѣстья, часто въ отдаленнѣйшихъ владѣніяхъ республики; съ колонистовъ, населявшихъ береговыя страны и острова; съ населенія рудниковъ, гдѣ, полагаютъ, было еще тысячъ около 20 народа; наконецъ—съ

союзниковъ. Общая цифра податей, въ началѣ пелопоннесской войны, была, среднимъ числомъ, 1,000 талантовъ ежегодно. Такъ какъ одинъ эвбейскій талантъ цѣнился въ 5,400 р. сер., то, переведя ихъ на наши деньги и принявъ во вниманіе то обстоятельство, что тогдашній курсъ былъ въ 6 или 8 разъ дешевле нынѣшняго, получимъ значительную сумму ежегоднаго прямаго сбора—около 45 милліон. руб. сер.—Если присоединить сюда еще косвенные доходы государства: пошлинные, портовые, отъ конфискаціи имѣній, денежныя пени и другіе, то увидимъ, что Аѳины могли располагать огромными суммами. При этомъ не надо упускать изъ виду, что издержки управленія государствомъ въ то время были, вообще говоря, несравнено менѣе значительны, нежели въ наше время. Большая часть государственныхъ должностей занимались безъ всякаго денежнаго за то вознагражденія. Впрочемъ, для многихъ изъ нихъ Периклъ установилъ опредѣленно ежалованье и даже назначилъ выдавать ежедневно по три обола (около 40 копѣекъ) всякому, кто только бываетъ въ народномъ собраніи, чтобы вознаграждать промышленный классъ аѳинянъ за удѣляемое отъ работы время. Онъ же положилъ постоянное жалованье и войску. Аѳинскій всадникъ получалъ ежедневно около 30 коп. сер., капитанъ вдвое больше, лохагъ, —вчетверо. Пѣхотинецъ получалъ вдвое меньше кавалериста. При дешевизнѣ жизненныхъ потребностей, во время похода и особенно въ землѣ непріятельской, солдатъ возвращался домой съ деньгами, хотя бы и не имѣлъ случая обогатиться добычею при взятіи какого-нибудь города.

Если вспомнить, что Аѳины служили средоточіемъ по крайней мѣрѣ 15 милліоновъ подданныхъ и вели чрезвычайно обширную торговлю, то понятно, что многіе изъ гражданъ владѣли несмѣтными богатствами, какъ въ земляхъ, такъ и въ движимыхъ имуществахъ. Впрочемъ, на богатыхъ лежали и большія повинности. Этимъ объясняется, почему въ демократическомъ государствѣ, которое, по природѣ своей, стремится къ равенству, богатые жили спокойно, не возбуждая

въ бѣднѣйшихъ ни зависти, ни желанія преслѣдовать ихъ. Важнѣйшія изъ повинностей, лежавшихъ на богатыхъ, были слѣдующія три: 1) *хорагія*. Она состояла въ томъ, что богатые должны были, по очереди, принимать на себя содержаніе хора при трагическихъ, политическихъ и сатирическихъ играхъ. Хорагъ платилъ учителю хора, давалъ хористамъ платье, вѣнки, украшенія и содержалъ ихъ во все время ихъ занятій и представленій. 2) Служить извѣстный срокъ всадникомъ или гоплитомъ и въ это время содержать на свой счетъ коня и имѣть необходимое вооруженіе. Наконецъ 3) въ продолженіе года заботиться о вооруженіи и снабженіи войска военной триремой, принадлежащей государству. Эта повинность называлась *тріерархіей*. По истеченіи этого года, гражданинъ на три года былъ свободенъ отъ тріерархіи. Благодаря разумному распредѣленію второй изъ названныхъ повинностей, государство, безъ большихъ издержекъ, имѣло въ распоряженіи значительный флотъ и многочисленное сухопутное войско, именно 13,000 тяжело вооруженныхъ гоплитовъ (притомъ греческій гоплитъ былъ почти то же, что рыцарь среднихъ вѣковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что сражался пѣшій; съ нимъ было всегда немало служителей, которые въ легкомъ вооруженіи слѣдовали за нимъ на войну и назывались *псилами* или *пелтастами)*, обязанныхъ полевою службой, и 16,000 гарнизона по городамъ; далѣе—1,200 всадниковъ и конныхъ стрѣлковъ, 11,600 пѣшихъ стрѣлковъ и 60,000 морскаго войска. (Войско дорійскаго союза было не менѣе значительно).

Периклъ заботился не объ одномъ только военномъ могуществѣ своего государства: онъ стремился къ тому, чтобы сдѣлать его въ то же время и образованнѣйшимъ въ Греціи—школою Эллады. Аѳины были при немъ средоточіемъ не только политики, правленія и торговли, но и всего, что проявлялось возвышеннаго и прекраснаго въ области науки, искусства, краснорѣчія, поэзіи. Самымъ ремесламъ онъ назначалъ значительное участіе въ общественномъ благосостояніи, изыскивая, для занятія гражданъ, обширныя постройки, служившія

на пользу или на украшеніе Аѳинъ. Средствами для этихъ построекъ служила союзная касса, перенесенная изъ Делоса въ Аѳины. Периклъ такъ возвысилъ этимъ государство, что смѣло могъ торжественно сказать аѳинянамъ, что они не обязаны давать отчета союзникамъ въ употребленіи ихъ денегъ, потому что эти деньги принадлежатъ не тѣмъ, которые даютъ, а тѣмъ, которые получаютъ. Онъ такъ умѣлъ привлечь къ участію въ дѣлахъ правленія и бѣднѣйшихъ гражданъ и возбудить во всѣхъ сословіяхъ равную любовь къ наукамъ и искус-

Сцена при жертвоприношеніи.

ствамъ, что каждый аѳинянинъ, изъ самаго простаго состоянія, исполненъ былъ увѣренности, что лучше можетъ судить о дѣлахъ государственныхъ и объ изящныхъ произведеніяхъ, нежели кто-либо другой изъ грековъ.

Заканчивая этотъ слабый очеркъ величія Периклова періода, переходимъ къ подробностямъ внутренняго быта аѳинскаго общества.

---

3. Жизнь и образованіе, искусства и литература.

1. Жизнь и образованіе.

Жизнь въ Аѳинахъ, общественная и частная, представляется въ этомъ періодѣ исполненною чуднаго разнообразія. Блескъ славы, отрадное сознаніе повсюду разлитаго благосостоянія, наконецъ личный характеръ обитателей—нѣсколько объясняли чувство несравненнаго наслажденія, удерживавшее въ этомъ городѣ всякаго, кто пріѣзжалъ въ него. Въ Аѳинахъ жилось быстро и безконечно разнообразно. Ежедневно во всеуслышаніе раздавались рѣчи и разсужденія ораторовъ и государственныхъ людей; на величественныхъ портикахъ слушатели группировались вокругъ любимыхъ философовъ, или въ театрахъ лились вдохновенныя строфы Эсхила, Софокла, Эврипида. Повсюду глазъ покоился на художественныхъ произведеніяхъ архитектуры, живописи и въ особенности ваянія. Пирей, этотъ всемірный рынокъ, кипѣлъ разноголосною дѣятельностью. Гостепріимныя двери общительныхъ гражданъ дружески распахивались передъ всякимъ, маня къ любезной и умной бесѣдѣ,

къ радушному и изящному столу. Не въ рѣдкость было и образованіе женщинъ, и если часто собственныя аѳинянки, занятыя исключительно домашнимъ хозяйствомъ, представлялись ограниченными и однообразными, то, съ другой стороны, Аѳины славились знаменитыми иноземками, *гетерами* (что значитъ *благосклонными*), сіявшими красотой и умомъ. Многія изъ нихъ, какъ напр. извѣстная уже намъ Аспазія, служили центрами, вокругъ которыхъ тѣснилось все, что въ какомъ бы ни было отношеніи было самаго изящнаго и блистательнаго въ аѳинскомъ обществѣ. Многія знаменитыя аѳинскія школы изящныхъ искусствъ были обязаны этимъ гетерамъ своимъ происхожденіемъ. Въ многочисленныхъ гимназіяхъ и юношество, и зрѣлый возрастъ находили средства къ развитію ум-

Ѣзда съ факелами.

ственныхъ способностей и физической силы и ловкости. Въ тѣ времена, отставать отъ другихъ въ бѣганіи, въ ловкой борьбѣ, или плохо владѣть оружіемъ, плохо ѣздить верхомъ или плавать—значило то же, какъ бы теперь не умѣть читать и писать. Прибавьте къ сказанному величіе частыхъ торжественныхъ шествій и жертвоприношеній, многочисленные купеческіе и военные корабли, толпившіеся въ гавани, раскинутые на рейдѣ, или на всѣхъ парусахъ несущіе въ столицу произведенія острововъ и колоній — и вотъ вамъ приблизительная картина кипучей аттической жизни, одухотворенной возвышенной мыслью, просвѣтленной идеальнымъ изяществомъ.

Ни одинъ изъ остальныхъ богатыхъ городовъ Эллады не

могъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Аѳинами. Коринѳъ, торговый, богатый Коринѳъ, превосходилъ Аѳины азіатскою пышностью и невоздержностью; Ѳивы еще не выбились изъ первоначальной грубости нравовъ; жизнь въ Аргосѣ текла однообразно и безцвѣтно: недоставало ей сознанія великихъ дѣлъ и политическаго значенія, какое было, напримѣръ, въ Спартѣ. Это сознаніе служило для воинствен-

Хороводы.

ныхъ обитателей Эврота неисчерпаемымъ источникомъ бодрости, съ которою они переносили тягость своего однообразнаго, суроваго быта, и наполняло сердца ихъ уваженіемъ и привязанностію къ учрежденіямъ и обычаямъ, обезпечившимъ Спартѣ владычество надъ сотнями городовъ и возвысившимъ военное значеніе ея въ Элладѣ. Но какъ ни бѣдна была жизнь въ Спартѣ тѣми ощущеніями, тою прелестью, которыми дышали Аѳины—безпрерывныя воинскія упражне-

нія, общественные обѣды, свободное, хотя цѣломудренно суровое сближеніе обоихъ половъ, придавали ей немало чего-то оригинальнаго, невиданнаго въ другихъ мѣстахъ. И праздники, нарушавшіе монотонность ежедневнаго быта, производили свое живое, освѣжающее впечатлѣніе, словно яркіе цвѣточки, разбросанные на обнаженной нивѣ. Изъ такихъ праздниковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ посвященные Аполлону *карнеи и гіакинтіи*. Послѣднія, согласно преданію, установлены самимъ Аполлономъ, послѣ того, какъ однажды богъ поразилъ неосторожно дискомъ прекраснаго Гіакинта. Можетъ статься, гіакинтіи имѣли въ основаніи своемъ олицетвореніе опустошительныхъ дѣйствій зноя, такъ какъ и самое празднество совершалось въ іюлѣ. Первые три дня праздника имѣли поэтому характеръ печальный; затѣмъ слѣдовали театральныя представленія, праздничныя шествія, въ которыхъ участвовали и юноши, и дѣвицы, общіе обѣды, къ которымъ допускались даже рабы, и т. п. удовольствія. Послѣдніе дни, вѣроятно, имѣли значеніе воспоминанія о прежнемъ лагерномъ образѣ жизни. Участники въ праздникѣ располагались въ тѣнистыхъ рощахъ, съ семействами и друзьями; тутъ обѣдали, тутъ же приносили жертвы богамъ, и въ воздухѣ звучало пѣніе праздничныхъ хоровъ. — Третій праздникъ, *гимнопедіи*, кажется, вовсе не имѣлъ никакого религіознаго значенія, а былъ посвященъ просто отрадному чувству сознанія жизни. Дни наполнялись веселыми играми, живою пляской, гимнастическими забавами. Праздникъ заканчивался шумною общей трапезой, къ которой приглашали даже (разъ въ году) и пріѣзжихъ иноземцевъ.

Одежда.

Для дополненія картины эллинскаго быта, взглянемъ на отношенія аѳинянъ: домашнія, семейныя и общественныя; посмотримъ, какъ они одѣвались, жили, обѣдали, выступали въ походъ, воспитывали дѣтей.

Одежда аѳинянина отличалась простотою и удобствомъ; нигдѣ не стѣсняла она движеній тѣла, повсюду естественно и граціозно драпируясь на немъ. Ближайшій къ тѣлу шерстяной *хитонъ* похожъ былъ на нынѣшнюю рубашку. Старинный дорійскій хитонъ, безъ рукавовъ, доходилъ только до колѣнъ и по обѣимъ сторонамъ, на бедрахъ, былъ съ разрѣзами. До Перикла въ Аѳинахъ былъ въ употребленіи длинный, съ богатыми складками, полотняный хитонъ, такой, какъ носили іонійцы въ Азіи; но съ этихъ поръ онъ вытѣсненъ короткимъ дорійскимъ. Схваченный на поясѣ, хитонъ всегда въ красивыхъ складкахъ располагался на груди и спускался отъ пояса. Но верхняя одежда, *гиматіонъ*, представляла еще большій просторъ фантазіи и изящному вкусу. Этотъ гиматіонъ состоялъ изъ широкаго, четыреугольнаго куска шерстяной ткани, которая пристегивалась на лѣвомъ плечѣ и оттуда, черезъ спину, пропускалась снова напередъ, подъ правой рукою, или же по правому плечу проводилась на лѣвое и оттуда забрасывалась назадъ. Отъ произвола и вкуса каждаго зависѣло отбросить ее далѣе назадъ, пустить ее короче или длиннѣе подъ правой рукою. Спартанцы находили гиматіонъ неудобнымъ и вмѣсто него употребляли покойный, короткій, хотя и грубый плащъ—*трибонъ*. У воиновъ и самый хитонъ, ради удобства, конечно, былъ гораздо короче. Юноши-всадники, больше, впрочемъ, изъ щегольства, набрасывали еще на себя *хламиду*, которая пристегивалась пряжкой на правомъ плечѣ и съ него длинными концами спускалась по бедрамъ. Богатые украшали хламиду золотомъ и пурпуромъ. Въ Аѳины и другіе сосѣдственные города хламида проникла изъ Македоніи и Ѳессаліи, гдѣ она издавна была во всеобщемъ употребленіи.

И женщины носили дорійскій хитонъ. Два куска, составлявшіе его, сшивались до самой груди, а потомъ, собранными кончиками, смыкались на плечахъ красивыми пряжками. Кромѣ этого хитона былъ въ употребленіи и длинный, бѣлый іонійскій. Рукава у него были или, какъ наши нынѣшніе,

длинные, широкіе, или же отъ самаго плеча, разрѣзанные и схваченные въ нѣсколькихъ мѣстахъ застежками. Такимъ образомъ, рукавъ не утаивалъ прекрасной формы плеча и руки. Этотъ хитонъ дѣлали обыкновенно длиннѣе роста и потому женщины, подобравши его на поясѣ, остальное пускали черезъ поясъ, наружу, вокругъ всего стана. Иногда подъ хитонъ надѣвали *хитоніонъ* — тонкую полупрозрачную рубашку. Гиматіонъ женскій мало чѣмъ отличался отъ мужскаго; напротивъ того, *пеплосъ* издавна носили, какъ верхнее платье, однѣ женщины. Мѣстами жители, особенно поселяне, носили платье изъ кожи: оно было некрасиво, но прочно. Изъ такого же матеріала шили платье кузнецы, слесари и вообще рабочій, ремесленный людъ. И бога Гефеста изображаютъ въ кузнечной, кожаной рубахѣ, которую вообще называли *экзомисъ*. Ежедневное рабочее платье было обыкновенно или темное, или просто бѣлое. На праздникахъ же, пирахъ и т. п. случаяхъ являлись и въ синемъ, и въ зеленомъ, а богатые люди—даже въ пурпурѣ.—Ходили обыкновенно съ непокрытою головою: шляпу (сначала изъ козьей шкуры, впослѣдствіи стали дѣлать и войлочныя) надѣвали или въ дальній путь, или въ томъ случаѣ, когда нужно было долго работать на солнцѣ. И шляпы были довольно разнообразной формы: въ Віотіи употреблялись похожія на еловую шишку, въ Ѳессаліи — низкія, съ навѣсомъ, въ видѣ козырька; въ Аркадіи—широкополыя. Женщины, въ подобныхъ случаяхъ, подымали на голову гиматіонъ, а иногда употребляли покрывало или красивыя сѣтки, или, наконецъ, особенныя, часто золотомъ и серебромъ вышитыя, повязки, которыя назывались *митрами* и повязывались спереди назадъ. Нечего и говорить, что женщины умѣли придавать, какъ этимъ митрамъ, такъ и другимъ своимъ украшеніямъ—серьгамъ, ожерельямъ, браслетамъ — изысканное изящество.

Что касается обуви, то кажется, что здѣсь тогдашней модѣ было наиболѣе простора. Кромѣ обыкновенныхъ *сандалій*, т. е. просто куска крѣпкой кожи, подвязанной крѣпкими

ремнями къ голой ногѣ, носили и башмаки и сапоги разнообразной формы и цвѣта. *Соккусъ*, нѣчто въ родѣ нашихъ туфлей, носили въ низшемъ классѣ, на босую ногу. Оттуда соккусъ перешелъ на сцену: его стали употреблять при представленіяхъ комедій. Дѣлали изъ мягкой, узорчатой кожи башмаки, которые плотно охватывали ногу, но въ носкахъ были обрѣзаны, чтобы не стѣснять пальцевъ. Сапоги обыкновенно дѣлались такъ, чтобы ихъ можно было зашнуровать ремнемъ спереди или прямо, или разными затѣйливыми извилинами. Извѣстнѣйшая обувь того времени, *котурны*, была не что иное, какъ довольно высокіе сапоги (до самыхъ икръ), большею частью пурпуровые или инаго какого-нибудь яркаго цвѣта, или пестрые, и узорчатые. Котурны на сценѣ употреблялись преимущественно въ трагедіи, когда роль требовала величаваго роста. Эта величавость достигалась посредствомъ высокихъ пробковыхъ подставокъ, которыя вкладывались въ котурны.

Обувь.

Обувь.

Оружіе. Военное устройство.

Военные доспѣхи и оружіе этого времени въ главныхъ чертахъ были такими же, какъ и во времена Гомера: копье, мечъ, шлемъ, панцырь, поножи и щитъ; разница состояла въ лучшей выработкѣ металла.

Общеупотребительное дорійское копье было длиною футовъ въ 8; конецъ ближайшій къ рукѣ былъ съ короткимъ желѣзнымъ остріемъ; конецъ же, обращенный къ непріятелю, былъ вооруженъ длиннымъ, листообразнымъ и отточеннымъ съ обѣихъ сторонъ остріемъ. Такое копье употребляли для ударовъ, а не для метанія, какъ дротики. Упражненіе копьемъ составляло одно изъ важнѣйшихъ занятій воина.

Мечъ дѣлали острымъ съ обѣихъ сторонъ; клинокъ изъ кованой мѣди, дюймовъ 15 длиною, но вѣсилъ онъ, вмѣстѣ съ эфесомъ, фунта 2. Ножны были кожаныя. Мечъ носили обыкновенно на лѣвомъ боку; случалось, впрочемъ—и на правомъ.

Шлемъ отдѣлывали съ особенной заботливостью. Онъ закрывалъ виски и всю голову отъ затылка; передняя же часть его нерѣдко удлинялась или, въ видѣ наличника, на носъ или въ видѣ цѣлаго забрала. Шишакъ и конскій хвостъ, бывшіе неизбѣжной принадлежностью шлема, придавали всему воинственную законченность.

Поверхъ хитона гоплитъ надѣвалъ свой тяжеловѣсный мѣдный панцырь, состоявшій изъ двухъ половинъ, передней и задней, схваченный вверху и на плечахъ желѣзными застежками, а внизу—желѣзнымъ же поясомъ. Панцырь былъ не длиненъ. Верхнія части ногъ защищались поэтому металлической уступчивой чешуей и кожанымъ, доходившимъ до колѣнъ и часто усѣянымъ металическими бляхами, передникомъ.

Нижнія части ногъ, отъ колѣна, покрывались спереди мѣдными или оловянными поножами, которыя стягивались сзади ремнями. Такіе же налокотники, только полегче поножей, защищали руки, особенно у кавалеристовъ, которымъ неудобно было закрываться щитомъ.

Самою надежною защитою гоплита былъ щитъ—большой, овальный. Онъ закрывалъ воина отъ глазъ до колѣнъ и ниже. Щиту давали вупуклую кнаружи форму, и дѣлали изъ нѣсколькихъ, другъ на друга наложенныхъ, толстыхъ кожъ, въ перемежку съ металлическими пластинками. На наружной плоскости щита, въ центрѣ, изображались различные блестящіе отличительные знаки (гербы): у спартанцевъ на немъ сіяло греческое Σ, у оиванцевъ—сфинксъ, у аѳинянъ—сова, и т. п. Прежній небольшой круглый щитъ былъ оставленъ, но послѣ нѣсколькихъ колебаній снова введенъ въ употреб-

леніе въ легко вооруженной пѣхотѣ. Именно *пелтасты*, о которыхъ мы выше упоминали, носили такіе щиты, толстыя кожаныя каски и переднюю половину панцыря.

Всѣ вмѣстѣ доспѣхи гоплита вѣсили нѣсколько болѣе полутора пудовъ, такъ что, если сообразить, что на походѣ и щитъ и прочее оружіе несли гоплиту оруженосцы, то не удивительно, что пѣхотинецъ легко совершалъ значительные переходы.

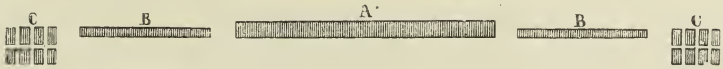
Сражались издали, употребляли лукъ и стрѣлы. Въ героическія времена, для лука выбирали пару самыхъ длинныхъ буйловыхъ роговъ, и толстые концы ихъ скрѣпляли въ срединѣ лука надежною поперечиной. Въ этотъ же періодъ самый лукъ дѣлали уже не изъ рога, а изъ упругаго дерева, но форму все-таки давали, по воспоминанію, искривленную, наподобіе первоначальныхъ луковъ. Стрѣлы дѣлали изъ тростника, но наконечникъ наставляли металлическій. Употреблялись и пращи. Славились пращники ѳессалійскіе и родосскіе, а стрѣлки изъ лука — критскіе.

Ѳессалійцы лучше всѣхъ умѣли пользоваться легкою кавалеріею, но віотійцы и аѳиняне также употребляли въ дѣло этотъ родъ войска, хотя аѳинская кавалерія была вооружена столь же тяжело, какъ и гоплиты, только безъ щитовъ. Лошадь служила, кажется, лишь средствомъ для болѣе удобнаго и скораго переѣзда; стремительности кавалерійской аттаки цѣлымъ фронтомъ, имѣющей въ настоящее время такое значеніе, тогда не знали. Сражались кавалеристы больше поодиночкѣ. Судьбу сраженія рѣшали колонны гоплитовъ. Тутъ былъ цвѣтъ войска, не рабы, а граждане, не новички, а созрѣвшіе во всевозможныхъ воинскихъ упражненіяхъ бойцы, однимъ словомъ, тутъ соединялись и опытность, и ловкость, и сила.

Въ разсужденіи стройности, силы и искусства движеній, первое мѣсто принадлежало спартанскимъ фалангамъ. Одѣтыя всѣ въ короткіе пурпурные хитоны, снабженныя блестящимъ оружіемъ, фаланги двигались ровно, сомкнуто, какъ одинъ

человѣкъ, подъ пѣсню *пэана* и съ музыкой. Зато, съ другой стороны, фаланги, неспособныя сражаться разсыпнымъ строемъ, никогда почти не пускались преслѣдовать разбитаго непріятеля. Вообще надо сказать, что эллины мало извлекали ближайшихъ выгодъ изъ побѣды, такъ какъ, во первыхъ, собственно одни гоплиты составляли центръ битвы; кавалерія же и легко вооруженная пѣхота дрались отдѣльно, на флангахъ; во-вторыхъ же, къ преслѣдованію врага прибѣгали рѣдко, а большею частію, выставивъ побѣдный знакъ *(тропеонъ)*, побѣдители, довольные славою, уходили домой.

Войско Спарты состояло изъ шести *моръ* (каждая мора въ 1,000 человѣкъ), раздѣленныхъ каждая на два *лоха*. Послѣ опустошительнаго землетрясенія и Третьей мессенской войны нужда заставила пополнить убыль въ морахъ *періеками* и *неодамодами*. Это спартанское войско, состоявшее изъ рабовъ, сражалось до той поры обыкновенно отдѣльно отъ моръ. Служба въ легкой пѣхотѣ спартанцу казалась неудобною. Впрочемъ, *скириты*, особенный народецъ въ Лаконіи, были вооружены легче гоплитовъ, но сражались, какъ и настоящіе спартанцы, стройными фалангами. Гелоты, послѣ мессенскаго возстанія, вовсе были лишены чести сраженія, а должны были только слѣдовать за своими господами, въ качествѣ холоповъ. Ни моры, ни даже лохи не вступали въ битву въ полномъ своемъ составѣ, а обыкновенно частями.

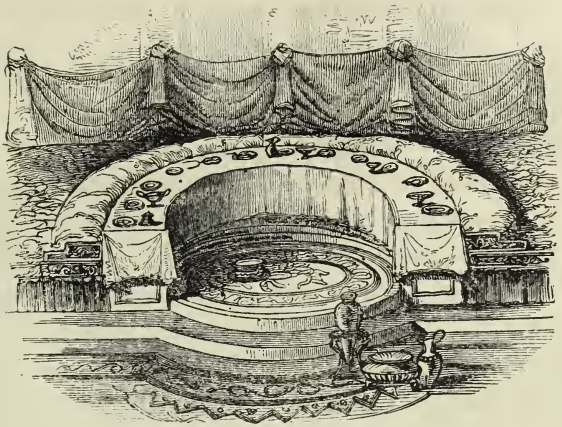


Боевой порядокъ.

Въ боевомъ порядкѣ гоплиты занимали центръ; къ нимъ съ обоихъ фланговъ, примыкали легковооруженные, а по краямъ кавалерія, какъ это видно на рисункѣ. Въ союзномъ войскѣ правое крыло составляло почетное мѣсто. Нечего и говорить, кѣмъ оно занималось, когда спартанцы находились въ составѣ войска. Кажется, въ большихъ сраженіяхъ лег-

кая пѣхота, вскорѣ послѣ начала, отодвигалась на задній планъ, уступая свое мѣсто гоплитамъ.

Все аѳинское войско состояло также изъ нѣсколькихъ ополченій, по числу 10 *филь*, составлявшихъ общее населеніе республики.



Приготовленіе къ обѣду.

Домашняя жизнь.

Выше мы упомянули, что во многихъ мѣстахъ Греціи пышность и роскошь стали, въ этомъ періодѣ, являться на мѣстѣ древней простоты и умѣренности. Веселые и общительные по природѣ, аѳиняне любили вкусные обѣды и сладкое вино,—но лишь при условіи, чтобы такіе обѣды были оживлены остроумной и изящной бесѣдой; въ противномъ случаѣ, аѳиняне избѣгали ихъ, какъ избѣгали всего, что оскорбляло облагороженный вкусъ и могло доставить одно лишь матеріальное наслажденіе. Притомъ же, богатый и бѣдный въ теченіе дня были слишкомъ заняты дѣлами для того, чтобъ долго останавливать вниманіе на ѣдѣ и питьѣ. Обыкновенно утренній завтракъ состоялъ изъ хлѣба, вина и меда, иногда—изъ оливокъ, въ обѣденное время подавалось наскоро почти то же самое, собственно же обѣдъ былъ только вечеромъ. Къ нему приглашали друзей и знакомыхъ, особенно въ торжественные дни побѣдъ, счастливыхъ воспоминаній, празднествъ и т. п. Главнѣйшими блюдами были: необыкновенно-вкусный лукъ, разнообразно приготовленное мясо, кровяныя колбасы, дичина, домашняя птица, рыба, изъ породъ которой первое мѣсто занимали черноморскіе угри и скомбрія, а послѣ обѣда—печенія, сыръ съ медомъ и свѣжими, маринованными или солеными оливками. За столомъ

возлежали, а не сидѣли: лѣвая рука опиралась на подушку, правою брали кушанье и притомъ безъ помощи ножей и вилокъ; вотъ почему и передъ обѣдомъ, и послѣ него мыли руки. Затѣмъ совершали благодарственное возліяніе богамъ, а наконецъ слуги убирали со стола, подметали полъ и удалялись, подавши гостямъ вино, разбавленное водою и смѣшанное съ различными пряностями. Тогда собесѣдники, увѣнчанные миртами, розами и фіалками, наслаждались дарами Діонисса. На праздничныхъ обѣдахъ являлись искусныя плясуньи, подъ звуки флейтъ, или же кто-либо изъ гостей пѣлъ, аккомпанируя себѣ на лирѣ, потомъ передавалъ инструментъ товарищу—сосѣду и т. д. Особенно въ ходу была пѣснь о Гармодіѣ, въ воспоминаніе избавленія Аѳинъ отъ тирановъ — Пизистратидовъ. Иногда не пѣснь, а стихъ — другой, звучавшій мыслью и чувствомъ, — раздавался речитативомъ подъ струны лиры. Таково, напримѣръ, слѣдующее воззваніе къ другу:

«Вмѣстѣ со мною ты вспѣнь свою чашу,
«Вмѣстѣ со мною люби;
«Миртомъ и розой главу увѣнчай —
«Вмѣстѣ со мною!»

Вообще — остроумный разговоръ, искрящаяся шутка, игры и загадки, музыка и пѣніе составляли необходимую принадлежность греческаго обѣда.

Необходимо замѣтить, что тогдашній гражданинъ отечество и жилище свое видѣлъ въ своемъ государствѣ, и потому, относя къ послѣднему свои лучшія помышленія и дѣйствія, объ устройствѣ своего помѣщенія заботился немного, обширности и пышности въ немъ не искалъ; лишь бы хорошо было его семейству, лишь бы друзья находили у него радушный пріемъ. Между частными домами рѣдко попадались даже двухэтажные. Въ Спартѣ запрещено было архитектору, при постройкѣ кровли и дверей, употреблять какія либо орудія, кромѣ топора и пилы. Поэтому самыя Аѳины, относительно частныхъ построекъ, не могли представлять ничего замѣчательнаго.

Греческій пиръ.

Внутреннее расположеніе домовъ въ Аѳинахъ много отличалось отъ нашихъ нынѣшнихъ. Въ домъ зажиточнаго гражданина вела съ улицы дверь. Привратникъ отворялъ и затворялъ ее. Изъ просторной передней вступали въ довольно обширную, квадратную залу, которую называли *аула*. Потолкомъ у нея былъ голубой сводъ неба, со всѣхъ же сторонъ шелъ открытый корридоръ, съ двумя рядами колоннъ. Направо отъ передней расположены были помѣщенія домашнихъ животныхъ: стойла, конюшни и т. п.; налѣво—помѣщеніе привратника; вокругъ первой аулы шли: столовая, жилыя комнаты, а иногда и каморки для помѣщенія рабовъ. Далѣе слѣдовала другая передняя. Она вела въ женское отдѣленіе. Тутъ опять аула, съ трехъ сторонъ замкнутая колоннами. Направо, налѣво и прямо—женскіе покои, спальни рабынь, кладовыя и т. п. На противоположной сторонѣ этой аулы видѣнъ былъ еще корридоръ, по обѣ стороны котораго двѣ общія спальни хозяина и хозяйки дома, а въ самомъ концѣ дома—рабочія комнаты, гдѣ рабыни занимались днемъ пряжею, тканьемъ и др. домашними работами. Въ маленькихъ домахъ, вмѣсто второй аулы, съ ея помѣщеніями, придѣлывали второй этажъ. Стѣны были голыя, обмазанныя глиной или просто оштукатуренныя; полъ гипсовый. Гораздо позже являются фрески, стѣнная живопись и мозаика на полу. Столы, стулья, зеркала дѣлались изъ бронзы или благородныхъ металловъ; посуда, лампы, канделябры — изъ обожженной глины или бронзы изящныхъ формъ.

Воспитаніе дѣтей. Гимназіи.

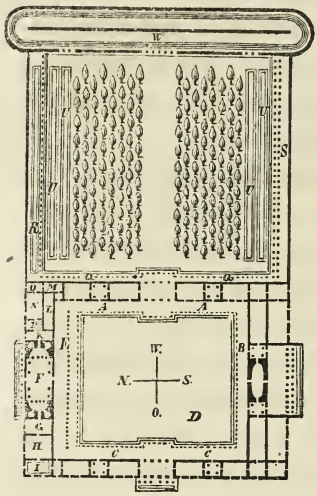
Какъ отцы, такъ и дѣти-мальчики большую часть дня проводили внѣ дома, тѣ — по дѣламъ или въ *агорѣ*, а эти— въ школахъ и гимназіяхъ. Въ Спартѣ государство на себя принимало заботу о воспитаніи дѣтей, въ Аѳинахъ же это было предоставлено самимъ родителямъ, при извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ, условіяхъ.

Предметы занятій въ школахъ были: чтеніе, письмо, счетъ, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ — знакомство съ поэтами, въ особенности же пристальное чтеніе Гомера. Мѣста изъ него заучивались и потомъ читались наизусть, съ должною выразительностью. Далѣе слѣдовали — математика и естествознаніе. Часто дѣтей уже понемногу начинали учить пѣнію и музыкѣ, но обыкновенно эти серьезныя занятія откладывались до тринадцатаго или четырнадцатаго года.

Изъ школы мальчикъ вступалъ въ гимназію, гдѣ былъ полный просторъ самымъ разнообразнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ и умственному развитію. Въ Аѳинахъ были 4 знаменитыя гимназія: *Ликаіонъ* (лицей) и на Илиссѣ расположенный *Кинозаргъ* суть древнѣйшія изъ заведеній этого рода; потомъ *Академія*, основанная Гиппархомъ, и наконецъ, еще позднѣйшаго происхожденія—*Стадіонъ*. Сначала гимназіи устраивались въ простыхъ жилищахъ или въ тѣни платановъ, на открытыхъ мѣстахъ; впослѣдствіи для нихъ воздвигались великолѣпныя, обширныя зданія, приноровленныя къ цѣли воспитанія. Отъ этихъ зданій еще понынѣ видны развалины.

Витрувій, жившій, конечно, позже, во времена первыхъ римскихъ императоровъ, въ своемъ сочиненіи объ архитектурѣ, описываетъ подробно устройство гимназій и даетъ рисунокъ ихъ. По Витрувію, первую часть гимназій составлялъ обширный (2 *стадіи*, или 1,200 футовъ) вокругъ четыреугольникъ пространства, обозначенный на прилагаемомъ чертежѣ буквою *D*. Это открытое пространство окружено было съ трехъ сторонъ однимъ рядомъ колоннъ съ сидѣньями (*A*, *B*, *C*), а съ четвертой—двойнымъ рядомъ *(E)*. Противъ средины послѣдняго портика находилось *Эѳебеумъ*, мѣсто, назначенное для упражненій юношей *(эѳебовъ)*. На планѣ онъ означенъ буквой *F*. Рядомъ съ этимъ мѣстомъ, направо *(G)*, былъ *корицеумъ*. Здѣсь упражнялись раскачиваніемъ висячаго мѣшка, наполненнаго пескомъ. Такой мѣшокъ назывался: *корикосъ*. Можетъ быть, въ этомъ же отдѣленіи находились *сферистеумъ* (т. е. комната для игры въ мячъ) и *аподитеріумъ* (комната,

гдѣ оставляли платье). Корицей непосредственно сообщался съ *конистеріумомъ (H)*, гдѣ очищались отъ пыли, а оттуда, далѣе, въ углу,—*лутронъ (J)*, т. е. купальня. Направо же отъ эѳебея шли слѣдующія отдѣленія: *эѳеотезій*, комната, гдѣ, приготовляясь къ борьбѣ, смазывали тѣло масломъ (элеонъ); это подъ буквой *k;* далѣе *фригидарій (L)* т. е. холодильникъ; *пропнигей (M)* т. е. передбанникъ. Не вѣроятнѣе ли, что здѣсь, а не въ корицеѣ, оставляли платье? Еще далѣе — *судаторій (N)*, комната для потѣнія, и *лаконикумъ (O)*, гдѣ также потѣли, но въ сухомъ жарѣ; наконецъ, *калидаріумъ (P)*, баня. Одинъ изъ простыхъ портиковъ, т. е. въ одинъ рядъ колоннъ, на приложенномъ планѣ означенъ у насъ буквою *(Q)*. И въ немъ также были мѣста для сидѣнія и довольно простора для слушанія лекцій философіи и краснорѣчія. Пространство *(NSOW)*, замкнутое со всѣхъ сторонъ портиками, служило для всевозможныхъ физическихъ упражненій, и нѣтъ сомнѣнія, что, при хорошей погодѣ, это открытое пространство предпочитали портикамъ. Слѣдующее отдѣленіе гимназіи, граничившее съ первымъ, имѣло также квадратную форму и было окружено тремя колоннадами, изъ которыхъ 2 простыя, т. е. въ одинъ рядъ *(R)*, а одна двойная *(S)*. На свободномъ пространствѣ между портиками шли аллеи платановъ. Мѣсто это называлось *ксистумъ* и служило для гулянья и отдыха, а отчасти и для упражненій. Въ концѣ этого втораго отдѣленія видѣнъ обширный *стадіумъ (W)*, гдѣ было довольно мѣста, чтобъ помѣститься и зрителямъ, и состязающимся въ борьбѣ, бѣганіи и т. п.



Планъ греческой гимназіи.

Само собою разумѣется, что не всѣ греческія гимназіи

устраивались по этому плану: условія, мѣстность, время и т. п. имѣли вліяніе на расположеніе ихъ; однакожь многія изъ показанныхъ здѣсь отдѣленій упоминаются подъ тѣми же именами уже у Платона, и потому, кажется, не будетъ ошибки, если гимназіи представлять себѣ построенными по плану, сообщенному намъ Витрувіемъ. Гимнастика составляла самую существенную часть древне-греческаго образованія; поэтому неудивительно, что не только въ Аѳинахъ, но и во всѣхъ другихъ городахъ были гимназіи. Знаменитѣйшія же изъ нихъ находились въ Аѳинахъ, Дельфахъ, Олимпіи и Аргосѣ.

Непрерывное, систематическое занятіе гимнастикой составляетъ отличительную черту греческаго народа, черту, сопровождающую его отъ древнѣйшаго времени до той эпохи, когда народъ утратилъ самостоятельное существованіе. Правда, что чѣмъ ближе народъ къ естественному быту, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ охоты и привязанности къ различнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ; но замѣчательно, что съ устройствомъ правильнаго, спокойнаго, гражданскаго быта, другіе народы постепенно ограничиваютъ кругъ своей дѣятельности занятіями, требующими болѣе усидчиваго и умственнаго труда. У эллиновъ, напротивъ, и въ самый цвѣтущій періодъ гражданскаго и умственнаго развитія, гимнастика остается любимѣйшимъ занятіемъ. Эллинъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что только при условіи гармоническаго развитія тѣла и духа можно обезпечить за человѣкомъ то высокое положеніе въ мірѣ, которое опредѣлила ему природа. И эта неопровержимая истина по всей Элладѣ имѣла силу нравственнаго и юридическаго закона: школы и гимназіи проводили ее въ самую жизнь. Вѣнки, которые раздавались на общественныхъ играхъ въ Олимпіи и Дельфахъ, украшали голову не за одни геніальныя произведенія въ области наукъ и художествъ, но и за подвиги физической силы и ловкости. И эллинскій міръ расцвѣлъ такъ пышно, въ такомъ величіи, въ такой красотѣ, какихъ не встрѣчаемъ ни въ какія времена у другихъ народовъ.

Главнѣйшія цѣли гимнастики были: развить тѣлесную силу и ловкость, внушить и образовать въ человѣкѣ чувство прекраснаго и наконецъ—дать этому человѣку запасъ здоровья на весь вѣкъ. Всѣ подробности занятій гимназіи были разумно приноровлены къ достиженію этихъ цѣлей. Съ ранняго возраста уже обращали вниманіе на самыя игры дѣтей и старались сдѣлать изъ этихъ игръ подготовленіе къ гимнастическимъ упражненіямъ. И въ этомъ отношеніи наши воспитатели многому полезному могли бы научиться у древнихъ, еслибъ только сами часто не считали себя всезнающими и непогрѣшимыми.

Многія тогдашнія дѣтскія игры похожи на нынѣшнія; можно подумать, что онѣ перешли къ намъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, но дѣло въ томъ, что въ Греціи на такія игры смотрѣли серьезно, не только какъ на простую забаву: никто и не вздумалъ бы удивиться, если-бъ увидѣлъ, что такими вещами занимаются по временамъ люди степенные и важные. Нынѣ, не понимая пользы такихъ занятій, многіе стали бы на подобныхъ степенныхъ людей указывать пальцами.

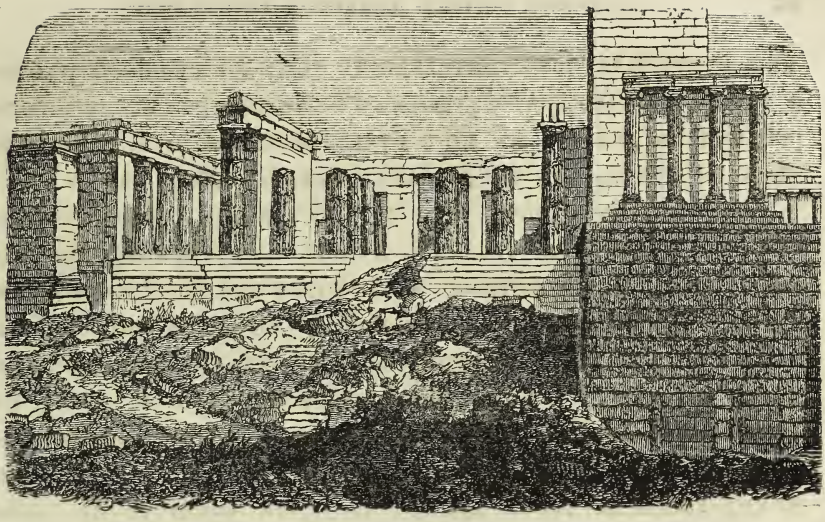
Любимѣйшими играми, и дѣтей, и взрослыхъ были: 1) *крикосъ*, 2) волчекъ, 3) *остракинда* и 4) мячъ. Крикосъ былъ не что иное, какъ большое кольцо, съ привѣшенными къ нему вокругъ небольшими колокольчиками, однимъ словомъ — кольцо въ родѣ тѣхъ, которыми и теперь дѣти забавляются въ саду, подгоняя ихъ прямою или кривою палочкой. Остракиндою называлась игра въ раковину, внутреннюю сторону которой покрывали черною краскою; раковину бросали на воздухъ, восклицая: *день и ночь!* Игроки дѣлились на двѣ стороны, одни избирали своимъ девизомъ день, другіе— ночь. Если раковина падала свѣтлою стороною вверхъ, тогда представители ночи спасались бѣгствомъ, а противная партія преслѣдовала ихъ врассыпную. Кто поймается, тотъ, получивши почтенное прозваніе осла, долженъ былъ, на собственной спинѣ довести побѣдителя на мѣсто игры. Волчекъ-гудокъ и въ описываемыя нами времена уже былъ въ ходу,

съ тою разницею, что не одни уличные мальчишки подхлестывали его и толпились къ нему веселой гурьбой. Но наибольшимъ разнообразіемъ и прелестью отличались игры въ мячъ. Играли и въ одиночку, и попарно, и цѣлымъ обществомъ. На эти игры всѣ смотрѣли, какъ на самое вѣрное средство развить въ человѣкѣ ловкость, граціозность движеній, сообщить вѣрность глазу и укрѣпить здоровье. Съ игрою соединяли пѣсни и даже мѣрную пляску. Нѣкто, Аристоникосъ, за рѣдкое искусство и прелесть въ этой игрѣ, получилъ въ Аѳинахъ право гражданства. Конечно, это было въ такое время, когда стали въ рѣдкость люди, бывшіе свидѣтелями цвѣтущей славы и благосостоянія отечества.

Впрочемъ, повсемѣстное распространеніе гимназій имѣло и темныя стороны. Какъ же и не быть темнымъ сторонамъ въ самыхъ лучшихъ человѣческихъ учрежденіяхъ! Къ числу недостатковъ гимназій отнесемъ, между прочимъ, образованіе значительнаго количества, такъ сказать, гимнастиковъ-ремесленниковъ, т. е. людей, которые стали смотрѣть на занятія въ гимназіяхъ, не какъ на средство къ всестороннему развитію своихъ силъ, а какъ на конечную цѣль жизни. Такіе люди, шатаясь весь вѣкъ по школамъ и гимназіямъ, были безполезны для общества именно потому, что не избирали себѣ въ немъ никакой опредѣленной, полезной дѣятельности. Однимъ словомъ, это были не болѣе какъ акробаты и штукари нашихъ временъ.—Школы и гимназіи служили также пріютомъ для празднолюбцевъ и сплетниковъ. Въ тѣни портиковъ и платановъ не мало бродило такого народа, проводившаго дни не въ слушаніи философовъ и ораторовъ, а въ собираніи вѣстей и пустословіи. Но гдѣ же человѣчество совершенно избавлено отъ подобныхъ личностей?

Не смотря, однако-жъ, на эти недостатки, не смотря даже на то, что при условіи гимназическихъ занятій, въ особенности физическихъ, такъ рѣшительно и быстро развивавшихъ въ душѣ чувство изящнаго, могли въ то же время ранѣе срока заговорить въ человѣкѣ нѣкоторыя есте-

ственныя наклонности, зародиться и развиться нѣкоторые даже противоестественные пороки, — не смотря на все это, вліяніе гимназическаго воспитанія на эллинское общество было огромное; въ гимназіяхъ эллинъ почерпалъ все, чѣмъ онъ такъ рѣшительно отличался отъ иноземца, что давало ему такое сознательное, всестороннее превосходство надъ нимъ; все, что наполняло его сердце справедливою гордостью обладанія такою родиною и безпредѣльной любовью къ ней.



Пропилеи. (Изъ мемуаровъ Эмиля Бернуфа.)

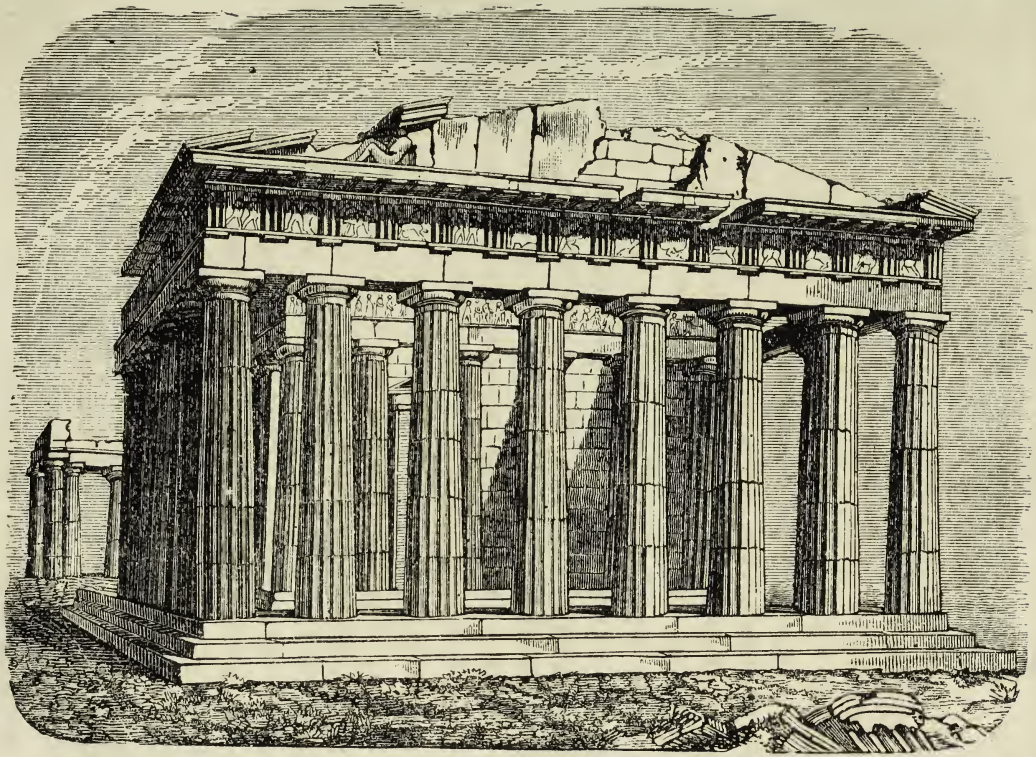
2. Зодчество, ваяніе, живопись.

Акрополисъ аѳинскій и другія зданія въ столицѣ и внѣ ея.

Нерѣдко, съ вершины Акрополиса, великій Периклъ обозрѣвалъ далекое пространство, любовался кипучею дѣятельностью Пирея, отдыхалъ взглядомъ на раскинутомъ у ногъ его родномъ городѣ или устремлялъ взоры къ Саламину, Эгинѣ, къ оливковымъ рощамъ Кефисса на западѣ, или къ мягкимъ линіямъ пелопоннезскихъ высотъ, замыкавшихъ горизонтъ съ юга, и погружался въ глубокую думу о судьбахъ своего отечества. Здѣсь, возлѣ, на возвышенностяхъ Акрополиса еще свѣжи развалины персами разрушеннаго храма Ники (богини побѣды), а между тѣмъ, вокругъ—свидѣтельства недавней греческой славы, необычайнаго величія, которымъ боги вѣнчали возлюбленный народъ свой, послѣ тяжкихъ испытаній и военныхъ бурь. Быть можетъ, однако-жъ, что въ думахъ своихъ государственный мужъ, воспитанный на ученіи Анаксагора и другихъ философовъ, отчасти

уже провидѣлъ несостоятельность господствовавшей религіи и предугадывалъ другое, высшее божественное начало, которое будетъ двигать въ мірѣ судьбами людей и народовъ; но тѣмъ не менѣе, онъ не дерзалъ измѣнить вѣру своего народа, уже потому одному, что не чувствовалъ себя въ силахъ дать, въ замѣнъ ея, что либо лучшее. Онъ примирялся и съ тою формою богопочитанія, въ которой его соотечественники удовлетворяли своей врожденной религіозной потребности, находя, что и въ этой формѣ для народа его представлялось много готовыхъ залоговъ для совершенствованія своего религіознаго воззрѣнія, для умственнаго и нравственнаго развитія. И Периклъ рѣшилъ воздвигнуть въ Акрополисѣ храмъ Аѳинѣ-Палладѣ, такой храмъ, который богатствомъ, величіемъ и изяществомъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы славѣ народа и признательности его къ богинѣ покровительницѣ города.

Въ бесѣдѣ съ близкими своими друзьями—Анаксагоромъ, Фидіемъ, уже и тогда знаменитымъ ваятелемъ, и Аспазіей, душа которой такъ богата была сочувствіемъ ко всему прекрасному,—мысли Перикла о постройкѣ храма выяснялись все въ болѣе и болѣе опредѣленныхъ очертаніяхъ. Фидій призвалъ къ совѣту знаменитыхъ зодчихъ—Иктина, Каликрата, Мнезикла. Соображенія и планы совѣщавшихся принимали все обширнѣйшіе и величественнѣйшіе размѣры,—и вотъ положено было, кромѣ храма Аѳинѣ-Палладѣ, воздвигнуть статую богини, ворота въ Акрополисъ, Эрехтеонъ (святилище въ честь греческаго героя Эрехтея) и другіе храмы и статуи для увѣнчанія высочайшихъ точекъ Акрополиса. Художники раздѣлили между собою исполненіе всѣхъ этихъ громадныхъ предпріятій. Мнезиклъ взялъ на себя постройку *пропилеевъ* (колоннада, которая должна была служить преддверіемъ къ Акрополису), Истинъ, Каликратъ и другіе архитекторы посвятили свою дѣятельность *Партенону*, (что значитъ — *храмъ дѣвственной Аѳины*); на Фидія же съ помощниками—Алкаменомъ и Агоракритомъ—возложено было исполненіе всѣхъ статуй и вообще скульптурныхъ работъ.



Пантеонъ въ его нынѣшнемъ состояніи.

Къ исполненію такихъ обширныхъ, величавыхъ предпріятій, какія затѣялъ Периклъ съ друзьями своими, конечно, нельзя было приступить безъ предварительнаго испрошенія согласія у народа. Правитель возвѣстилъ собраніе гражданъ, но не въ обыкновенной *агорѣ*, а на холмѣ Пниксѣ, откуда видны были: на западѣ—Акрополисъ, на югѣ—Пирей. Здѣсь краснорѣчиво говорилъ Периклъ о богатствѣ и могуществѣ республики, о славѣ Аѳинъ, наконецъ, о томъ, сколько прекраснаго осуществилось бы, если-бъ народъ аѳинскій воздвигъ предложенные памятники, въ знакъ почтенія и признательности богамъ, ниспославшимъ народу столь обильные дары величія и благосостоянія, и какою безконечною, завидною славою покрыло бы себя такимъ образомъ всѣмъ имъ любезное отечество. Когда собраніе представило Периклу громадность капиталовъ, необходимыхъ для выполненія этихъ благородныхъ замысловъ, Периклъ объяснилъ ему, что онъ готовъ доставить капиталы изъ своихъ собственныхъ средствъ, но въ такомъ случаѣ выставитъ и свое имя на всѣхъ воздвигнутыхъ произведеніяхъ. Во всѣхъ сердцахъ тогда заговорило чувство народной гордости и благоговѣнія къ славѣ республики и роднаго города. Предложеніе оратора было принято безъ всякихъ дальнѣйшихъ возраженій и колебаній. Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, Фидій представилъ собранію возможность сберечь значительную сумму на матеріалахъ, изъ которыхъ предполагалось произвести статую богини Аѳины, и указалъ на мраморъ, вмѣсто желанныхъ слоновьей кости и золота, то и его предложеніе, возбудивши въ собраніи ропотъ, было большинствомъ отвергнуто, какъ несообразное съ достоинствомъ богини и народа аѳинскаго.

Такимъ образомъ Периклу и его сотрудникамъ-художникамъ предоставленъ гражданами полный просторъ дѣйствія. И замѣчательно, что при этомъ случаѣ обнаружилось самымъ яснымъ образомъ, насколько великіе правители тогдашняго времени были достойны великаго народа, избиравшаго ихъ; не смотря на чрезвычайныя издержки на затѣянныя пред-

пріятія — Пропилеи стоили около 6 милліоновъ рублей сер., статуя же богини 40 талантовъ золотомъ, — въ послѣдовавшіе затѣмъ годы мира все еще отложено въ государственную казну около 60 милл. рублей на наши деньги.

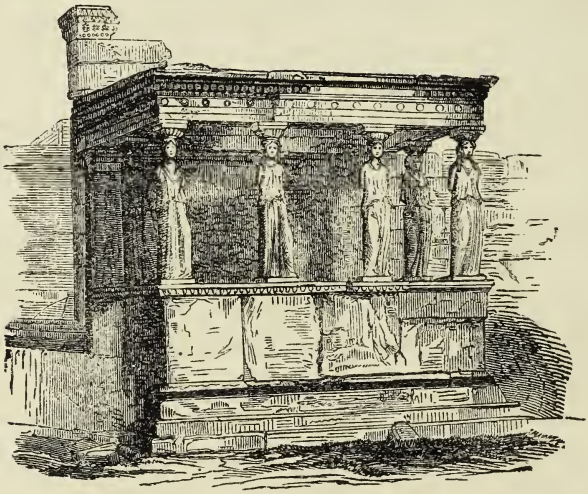
Прежде всего исполнили постройку Партенона, потомъ статую богини, Пропилеи, колоссальныя бронзовыя изображенія и остальныя произведенія, до окончанія которыхъ Фидій не дожилъ. Взойдемте, читатель, на Акрополисъ и взглянемъ каковъ онъ былъ въ эту блестящую пору греческой славы и цивилизаціи.

Со всѣхъ сторонъ Акрополисъ представлялъ крутыя террасы, дѣлавшія доступъ на гору неудобнымъ; только съ запада мѣстность была удобнѣе. Отсюда и путь на гору. Путь этотъ, у подошвы горы защищенный тройными вратами, на случай нападенія, восходилъ далѣе широкою улицей, посрединѣ приспособленной для колесницъ, по сторонамъ — для пѣшеходовъ. Тротуары состояли изъ мраморныхъ лѣстницъ и площадокъ.

Теперь мы приблизились къ собственному входу въ Акрополисъ, т. е. Пропилеямъ, которыхъ нынѣшнее состояніе изображено на заглавной виньеткѣ этого сочиненія. Во всю ширину здѣсь, 168 футовъ, гора украшена зданіями благороднѣйшаго стиля. На выступѣ, направо, возвышается изящный холмъ богини побѣды, *Ники аптеросъ (безъ крыльевъ)*. Четыре колонны іонійскаго ордена несутъ портикъ съ фронтономъ. На фризѣ — битва эллиновъ съ персами. Въ полусвѣтѣ внутренняго святилища — статуя Аѳины; въ лѣвой рукѣ у богини шлемъ, а въ правой плодъ граната, какъ символъ благословенія, ниспосылаемаго миромъ, добытымъ побѣдой. Вокругъ статуи мраморный балюстрадъ, на которомъ крылатые геніи готовятъ тельцовъ въ жертвоприношенію.

Возвращаемся къ Пропилеямъ. Фасадъ ихъ образуютъ: срединное зданіе, длиною въ 58 футовъ, и два меньшія, выступающія по сторонамъ. Впереди послѣднихъ, направо и налѣво, на высокихъ постаментахъ, колоссальныя изображе-

нія героевъ, укрощающихъ коней. Три широкія мраморныя ступени ведутъ отсюда въ первую крытую мраморную колоннаду, раздѣленную внутри на три части, посредствомъ шести легкихъ іонійскихъ колоннъ, трехъ направо и трехъ налѣво. Отсюда можно перейти въ боковыя зданія, расположенныя съ правой и лѣвой сторонъ отъ главнаго входа. Изъ этихъ зданій особенно замѣчательна налѣво мраморная открытая зала или галлерея знаменитѣйшихъ аѳинскихъ живописцевъ. Это — *пинакотека*. Тутъ взору зрителя представляются геніальныя изображенія Ореста и Пилада, Одиссея и Навзикаи и богини Аѳины, какъ она лелѣетъ дѣтство родоначальника Аѳинъ, Эрехтея.



Видъ южной паперти Эрехтеона, по послѣдней ея реставраціи.

Далѣе мы вступаемъ въ открытое пространство, наполненное безчисленнымъ множествомъ бронзовыхъ и мраморныхъ статуй, колесницъ и треножниковъ, жертвенниковъ и храмовъ, сіяющихъ дивной работой рѣзца и чеканки. Повсюду порядокъ и гармонія. Изъ всей массы этихъ превосходныхъ произведеній искусства и труда три геніальныя созданія, величіемъ и художественной отдѣлкой, приковываютъ вниманіе зрителя. Это: 1) исполинская статуя

Аѳины-Промахосъ (воительницы), 2) храмъ Эрехтея, посвященный также Аѳинѣ-Поліасъ (градохранительницѣ) и, наконецъ, 3) Партенонъ, направо. На шесть часовъ пути золотые шлемъ и копье богини-Промахосъ сіяли мореходцу и указывали ему путь въ Аѳины, царицу морей.

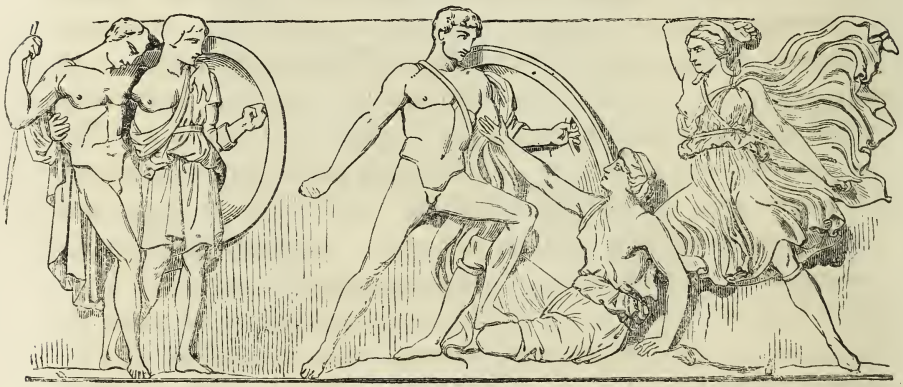
Храмъ Эрехтея полонъ былъ свидѣтельствъ того, съ какимъ искусствомъ геній древней Греціи сумѣлъ одолѣть необыкновенныя трудности мѣстности и приспособить послѣднюю къ желаннымъ цѣлямъ. Храмъ воздвигнутъ на мѣстѣ гробницы Эрехтея, считавшейся охраннымъ талисманомъ для всего города. Тутъ же зеленѣло масличное дерево, которое, по преданію, богиня Аѳина въ спорѣ съ владыкой морей воззвала къ жизни на голой скалѣ. Рядомъ съ деревомъ журчалъ и источникъ, съ тѣхъ поръ, какъ Посейдонъ повелѣлъ ему пробиться изъ камня, вслѣдствіе того же спора.

Отсюда, южною улицей, мы приближаемся къ совершеннѣйшему созданію искусства временъ Перикла, созданію, возникшему, по тогдашнему вѣрованію грековъ, вслѣдствіе участія самихъ боговъ, однимъ словомъ—къ Партенону. Ибо не одно только величіе и громадность размѣровъ поражаютъ въ немъ зрителя, но гораздо болѣе поэзія мысли, лежавшей въ основаніи храма, чудная ясность и простота формъ и божественное искусство въ исполненіи цѣлаго и частей. Простой портикъ дорійскихъ колоннъ вокругъ зданія и такія же колонны внутри, фронтоны, возвышавшіеся лишь на 65 фут. надъ поверхностью земли; но безукоризненно-чистый пентеликійскій мраморъ, простое, благородное величественное исполненіе частей и главное — геній Фидія, вотъ чѣмъ объясняется глубокое значеніе, которое имѣлъ Партенонъ въ мнѣніи греческаго народа. Взглянемъ же на это чудное жилище дѣвственной богини.

Восточный фронтонъ храма—это была сторона главнаго входа—сіялъ рѣдкимъ сочетаніемъ величія и граціи. Фигуры рельефа выступали точно живыя. Въ срединѣ поля державный владыка боговъ на престолѣ, предъ нимъ богиня-дѣв-

ственница, другія божества по обѣ стороны престола. Взоры и движенія всѣхъ направлены туда, гдѣ впервые явилась среди нихъ богиня мудрости. Между тѣмъ, на крайнемъ предѣлѣ фронтона видна восходящая на небо колесница Геліоса; на противоположномъ ему предѣлѣ колесница, свершивши свой путь, снова спускается въ океанъ. Такъ художникъ изобразилъ первый день жизни богини.

На западномъ фронтонѣ храма споръ Аѳины съ Посейдономъ. Божества занимаютъ средину. Возлѣ богини масличное дерево; она показываетъ юношѣ Эрехтею, какъ обуздать созданнаго Посейдономъ коня. По обѣ стороны богини стоятъ божества и герои Аттики, представители народа аѳинскаго. Это—свидѣтели первой побѣды своей владычицы-покровительницы.



Битва амазонокъ (барельефъ на Партенонѣ).

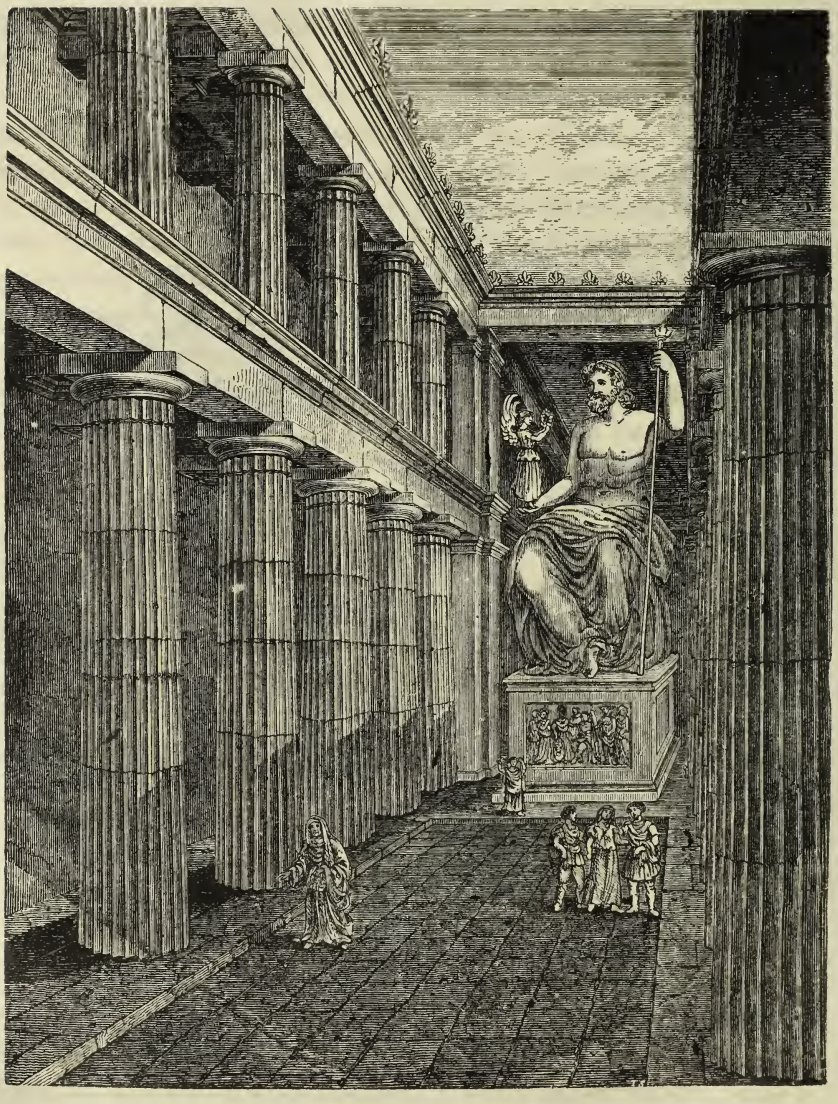
Фризъ зданія полонъ былъ живой повѣсти о подвигахъ богини тѣмъ болѣе, что и тутъ фигуры выдавались рельефно на 10 дюймовъ впередъ. Тутъ борьба богини съ гигантами, тамъ битва амазонокъ. На западной и южной сторонахъ, Тезей, Эрехтей и другіе герои побѣждаютъ амазонокъ, центавровъ и въ особенности варваровъ. Это—символъ побѣды мудрости надъ грубой силой.

Внутренній фризъ храма, если не былъ рельефенъ,

какъ наружной, зато сіялъ всею роскошью живописи. Живая картина праздничнаго шествія въ честь богини (Панатенеи) развертывалась здѣсь во всемъ разнообразіи и изяществѣ.

Главнѣйшая же драгоцѣнность храма—статуя богини—находилась противъ восточнаго входа, внутри храма. Сорока футовъ вышины, въ золотомъ шлемѣ и съ такимъ же копьемъ, вся изъ слоновьей кости и золота, статуя роскошно облита была сіяніемъ дня сквозь отверстіе въ кровлѣ храма. Важность и величіе, свойственныя богинѣ, не исключали однако-жъ и кротости, которою дышали черты благороднаго лица. Богиню окружали аттрибуты мудрости, славы, побѣды: змѣй у ногъ, Ника, эгидъ съ горгоной и щитъ, испещренный изображеніемъ побѣдъ.

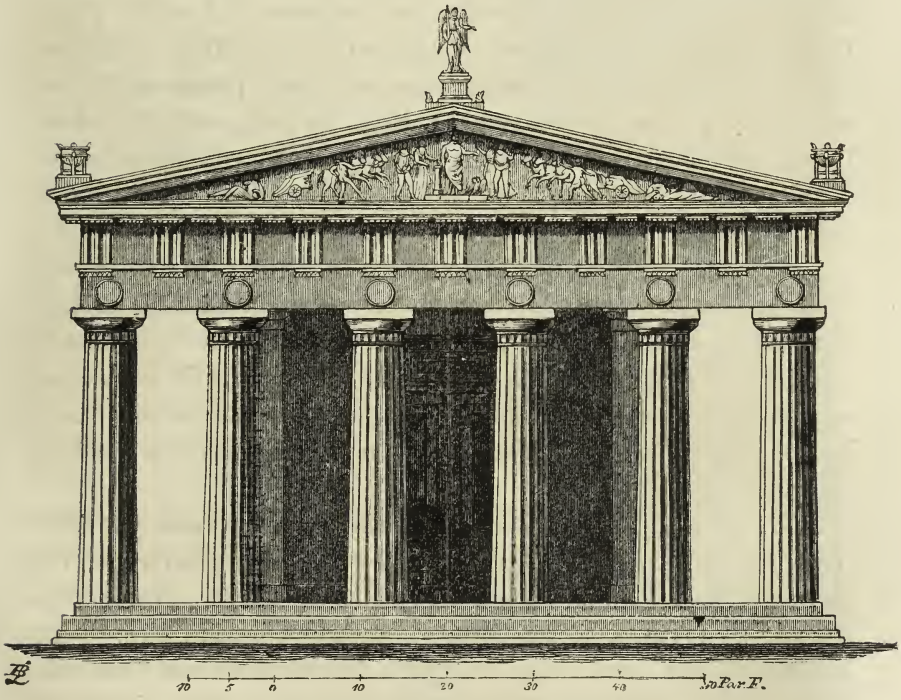
Паллада-Аѳина, по Фидію.



Внутренность храма Зевса.

Такъ олицетворилъ великій художникъ свою мысль о божествѣ, покровительствовавшемъ Аѳинамъ, и такъ, въ формѣ изъ бездушныхъ матеріаловъ, въ каждой подробности храма передалъ отдаленнѣйшимъ потомкамъ живую, поэтичную повѣсть о божествѣ, во всѣхъ главнѣйшихъ проявленіяхъ его величія и любви къ избранному городу и народу.

Послѣ описанія Партенона не станемъ уже распространяться о множествѣ другихъ храмовъ и святилищъ, которыми наполнено было остальное пространство Акрополиса. Между прочими прекрасными произведеніями искусства, въ другихъ



Фасадъ храма Зевса олимпійскаго.

частяхъ города, упомянемъ: 1) *Тезейонъ*, храмъ народнаго героя греческаго, Тезея; онъ былъ похожъ на Партенонъ, только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ; 2) храмъ Олимпійскаго Зевса, который много превосходилъ Партенонъ размѣрами,

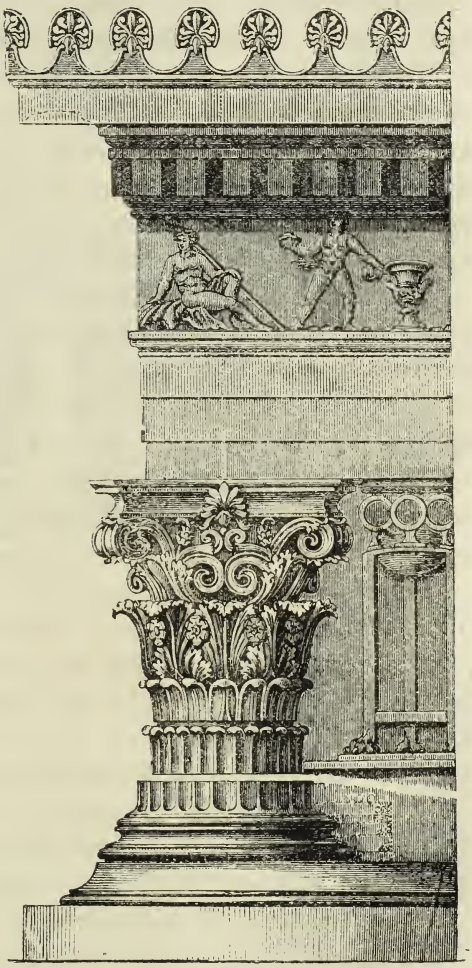
и принадлежалъ уже къ позднѣйшей порѣ греческаго искусства; 3) портикъ *Поикиле*, гдѣ праздновали побѣды надъ персами; 4) пропилеи къ новому зданію агоры и многія другія.

Внѣ Аѳинъ было также немало художественныхъ произведеній архитектуры. Такъ Иктинъ, Метагенъ и Ксеноклесъ на мѣстѣ персами разрушеннаго храма Деметры, построили въ Элевзисѣ новый, обширнѣйшій, съ подземными пространствами, назначенными для празднованія мистерій (элевзинскихъ). Когда, призванный въ Аркадію, Иктинъ построилъ въ Бассѣ знаменитый храмъ Аполлону (въ 430 г.), тогда-то жилище Олимпійскаго Зевса, на берегахъ Алфея, куда, бывало, вся Эллада часто собиралась на народныя празднества, не могло уже болѣе удовлетворять развившейся въ народѣ потребности прекраснаго. Подъ руководствомъ Либона былъ построенъ здѣсь новый храмъ, почти одновременно съ Партенономъ и похожій на него. Этотъ новый храмъ Зевса имѣлъ въ вышину 90 и въ длину 217 футовъ. Средняя часть храма была безъ кровли. Находившаяся здѣсь великолѣпная статуя божества была защищена отъ внѣшнихъ вліяній выступомъ кровли зданія. Не смотря на все богатство и изящество украшеній, храмъ этотъ имѣлъ одинъ капитальный недостатокъ: размѣры его не соотвѣтствовали колоссальности статуи Зевса. Казалось, божество подымется и унесетъ съ собой кровлю зданія.

Въ послѣднія 8 лѣтъ своей жизни Фидій сталъ употреблять для исполненія своихъ статуй—внутри дерево и простой металлъ, а снаружи—золото и слоновую кость. Въ особенности, въ двухъ головахъ, своихъ лучшихъ созданіяхъ, Фидій сосредоточилъ сокровища мысли и художественной отдѣлки. Какъ въ Аѳинѣ-Палладѣ великій мастеръ выразилъ божественную мудрость, ниспосылающую людямъ побѣды и благословенія мира, такъ въ своемъ Олимпійскомъ Зевсѣ олицетворилъ онъ, какъ самъ себѣ представлялъ, понятіе о всемогуществѣ и величіи владыки безсмертныхъ и смертныхъ, отъ котораго, по словамъ Гомера, „дрожали предѣлы Олимпа“,

а, по преданію древнихъ грековъ, исходила благодать, исцѣлявшая, при одномъ взглядѣ на него, всѣ печали и горе.

Изъ прекраснѣйшихъ произведеній зодчества въ Пелопоннесѣ, первое мѣсто принадлежало храму Аѳины-Алеа, построенному въ Тегеѣ Аркадскомъ. Его построилъ Скопасъ около 400 г. или нѣсколько позже. Іонійская колоннада окружала зданіе; внутри, надъ галлереей, составленной изъ дорическихъ колоннъ, шелъ рядъ колоннъ коринѳскаго стиля. Эти послѣднія поддерживали кровлю храма. Кстати два слова о происхожденіи коринѳскихъ колоннъ. Говорятъ, архитектура обязана происхожденіемъ типа пышной коринѳской капители архитектору Каллимаху; послѣдняго же навела на эту мысль корзина съ цвѣтами и листьями аканта (роженца, медвѣжьей лапы). Вначалѣ колонны этого ордена употреблялись изрѣдка, а впослѣдствіи онѣ являются цѣлыми колоннадами. Прилагаемый



Коринѳскій орденъ. Съ монумента Лизикрата въ Аѳинахъ.

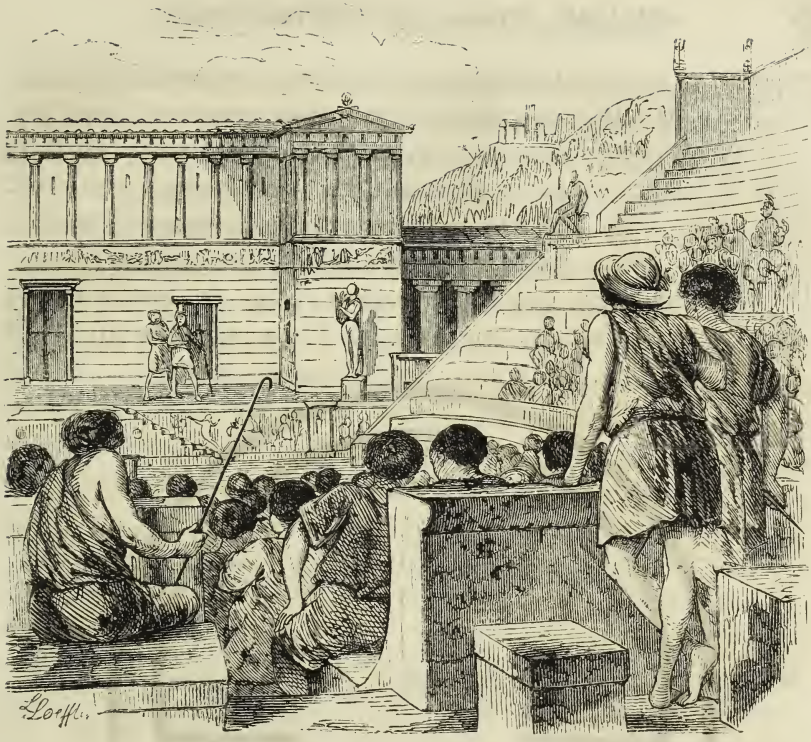
здѣсь рисунокъ коринѳской капители заимствуемъ изъ построеннаго въ Аѳинахъ (въ 334 г.) монумента, въ честь Лизикрата. Этотъ монументъ поставленъ въ воспоминаніе о необыкновенномъ искусствѣ, съ которымъ Лизикратъ управлялъ хорами на празднествахъ Діонисса.

Было и въ Спартѣ великолѣпное зданіе зодчества, именно—портикъ Персике, построенный на счетъ трофеевъ Саламина и Платеи. Кровлю зданія несли не колонны, а *каріатиды*, или *атланты*, въ длинныхъ персидскихъ одеждахъ. По примѣру Аѳинъ, явились болѣе или менѣе богатые и изящные храмы въ Коринѳѣ, Сикіонѣ и другихъ городахъ.

Знаменитъ былъ въ пышномъ Коринѳѣ храмъ Аѳины-Халинитисы (коней укротительницы). Еще и теперь цѣлы сохранившіяся отъ него шесть дорійскихъ колоннъ. Кажется, на него похожъ былъ и храмъ Посейдона, на Истмѣ, гдѣ праздновали истмійскія общественныя игры. Отъ того мѣста, гдѣ о сю пору сохранились развалины этого храма, раскрывается глубокая пустынная долина. Тутъ, вѣроятно, въ то время шумѣлъ Посейдоновъ священный боръ.

Акрокоринѳъ былъ украшенъ великолѣпнымъ храмомъ Аѳродиты. Съ террасы храма удобно было обозрѣвать весь Коринѳскій перешеекъ, съ садами и рощами, горами и долинами; глазъ зрителя отдыхалъ то на томъ, то на другомъ морѣ, и отъ скалами иззубренныхъ береговъ Эгины любилъ переходить къ мягкимъ очертаніямъ Аттики.

Такимъ образомъ художникъ не только стремился къ строгому и совершенному исполненію формъ, но и старался найти для своего произведенія такое положеніе, въ которомъ эти формы могли бы проявиться во всемъ величіи и красотѣ. Вслѣдствіе того, превосходнѣйшія творенія скульптуры и зодчества сливались съ живописными формами поэтической страны, и издали приближавшійся къ ней мореплаватель дивился чудному воплощенію духа въ народахъ счастливой Эллады.

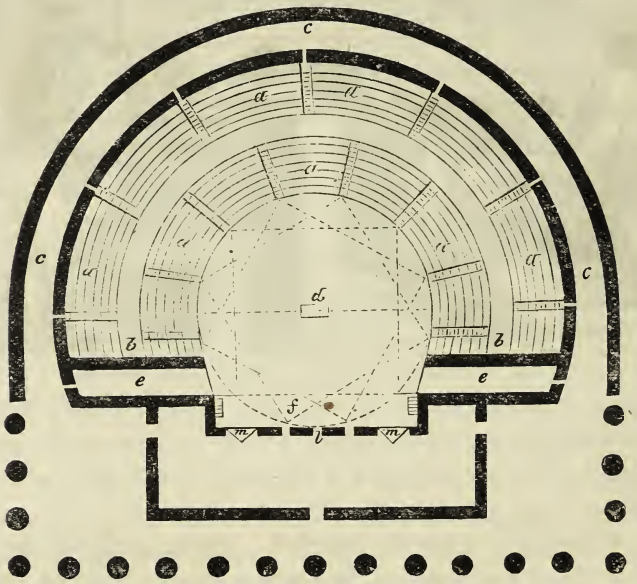


Греческій театръ.

Театры.

Съ развитіемъ драматической поэзіи потребовались и изящно устроенные театры. Первоначальные театры представляли просто двое подмостковъ — одни для сцены, другіе для зрителей. Такъ было, напримѣръ, въ Аѳинахъ, на площади Ленеонъ, посвященной Діониссу. Впослѣдствіи театры стали устраивать на скатахъ горъ. Въ такомъ случаѣ мѣста для зрителей устраивались полукругомъ, амфитеатромъ, въ самой скалѣ. Задней стороной сцены служила декорація, изображавшая какой-нибудь дворецъ или парадную пріемную, а иногда. вмѣсто этой декораціи, сцена была окоймлена природнымъ ландшафтомъ. Боковыя декораціи расписывались сообразно съ назначеніемъ. Заднія декораціи могли мѣняться. Не было

недостатка и въ механическихъ пособіяхъ—громъ ли произвести, похитить ли кого слѣдовало изъ дѣйствующихъ лицъ и т. п. Впрочемъ, при живомъ интересѣ, который возбуждало въ зрителѣ развитіе самаго дѣйствія, несовершенство механической части мало вредило достоинству представленія, обманъ же зрѣнія рѣдко удавался, тѣмъ болѣе, что играли днемъ. На прилагаемомъ здѣсь чертежѣ *a*, *a*, *a*, *a*... обозначаютъ амфитеатръ и сидѣнья зрителей; *b*, *b*, *b*—входы и проходы:



Планъ греческаго театра.

c, *c*... крытые портики и стѣны, которые, окружая театръ, способствовали такимъ образомъ лучшему распредѣленію звука; *d*—*тимеле*, т. е. жертвенникъ Діонисса среди оркестра; *e*,*e*—проходы между боковыми отдѣленіями собственно театра и сидѣньями зрителей; *f*—*просценій*, или *логіонъ*, т. е. мѣсто, гдѣ играли дѣйствующія лица (хоры и второстепенные персонажи держались позади ихъ, въ глубинѣ сцены); *l*—царскій входъ, въ задней стѣнѣ; *m*, *m*—машины, установленныя по обѣимъ сторонамъ сцены: ими производи-

лась перемѣна декорацій. Все зданіе было открыто; кровлей ему служилъ сводъ небесный. Колоннада обхватывала зданіе съ трехъ сторонъ. Сюда собиралось общество въ антрактахъ дѣйствія. При такомъ расположеніи театра, публики могло помѣщаться въ немъ гораздо больше, чѣмъ въ нашихъ театрахъ. Театръ, находившійся на юго-восточномъ скатѣ Акрополиса, вмѣщалъ въ себѣ до 36,000 зрителей. Периклъ построилъ *одеонъ*. Этотъ театръ былъ гораздо меньшихъ размѣровъ противъ сейчасъ упомянутаго, и былъ преимущественно назначенъ для музыки и пѣнія. Для лучшаго резонанса, зала одеона была крытая. Потолокъ своей вогнутой формой, какъ нельзя лучше способствовалъ этой цѣли.

Образовательное искусство. Живопись.

Развитіе искусствъ въ Греціи шло объ руку съ политическимъ развитіемъ страны. Мы уже говорили о томъ, какъ мало древнія изображенія греческихъ боговъ отличались по изяществу отъ пней и камней. Въ эпоху персидскихъ войнъ въ произведеніяхъ скульптуры является болѣе свободы и развязности. Отъ этого времени уцѣлѣло нѣсколько египетскихъ статуй (въ Мюнхенѣ), изображающихъ эллинскихъ воиновъ, находящихся подъ покровительствомъ Паллады Аѳины, въ битвѣ съ троянцами, и др. Но тутъ напрасно было бы еще искать не только истины и изящества стиля, а даже строгаго изученія формъ. Правда, что суставы и мускулы рѣзко обозначены, но голова непріятно откинута, лобъ впалъ, уши заброшены далеко наверхъ, глаза вытянуты, станъ, и въ особенности поступь, всегда въ одномъ и томъ же положеніи и направленіи.

Фидій, создавшій два благородные типа, Аѳины и Зевса, внесъ въ греческую скульптуру возвышенное и прекрасное. Его созданія сдѣлались идеаломъ, къ которому стали стремиться художники.

Поликлетъ, изъ Сикіона, создалъ изъ слоновой кости и золота колоссальную статую Геры, для храма этой богини въ Аргосѣ (440 г.) Особенно хороши были его статуи атлетовъ и юношей. Его *Дорифоросъ* (копьеносецъ), *Діадуменосъ* и для Эфеса назначавшаяся статуя *Амазонки* считались образцами совершенства въ своемъ родѣ.

Миронъ, изъ Элевтеры въ Аттикѣ (на границѣ съ Віотіей), стремился уже къ тому, чтобы придать своимъ статуямъ жизни и движенія. Его *Геркулесъ* (для Гереона въ Самосѣ) пользовался большою славой. Извѣстны были также его *Ладасъ*, статуя, изображавшая юношу, бѣгущаго къ цѣли на общественныхъ играхъ, и другая, изображавшая метателя въ дискъ; наконецъ, бронзовое изображеніе коровы, воспѣтое даже поэтами. Странно, что такой художникъ, какъ Миронъ, умеръ, по преданію, въ бѣдности въ такомъ государствѣ, гдѣ художники пользовались большимъ уваженіемъ и щедро вознаграждались за трудъ.

Гера (Юнона) по Поликлету.

О произведеніяхъ греческой живописи мы знаемъ лишь по описаніямъ: время и политическія событія не пощадили самыхъ произведеній. Кажется, и эти произведенія были запечатлѣны тѣмъ свѣтлымъ духомъ, который вообще такъ свойственъ греческому народу; но что касается глубины значенія, которое досталось на долю живописи только вмѣстѣ съ христіанствомъ, то едва ли греческая живопись могла когда-нибудь до него возвыситься.

О древнѣйшихъ произведеніяхъ греческой кисти не станемъ говорить; иначе пришлось бы повторить приблизительно то же, что мы сказали о древнѣйшихъ скульптурныхъ работахъ: однообразно, безжизненно, манерно. Натура и жизнь начинаютъ проявляться въ греческой живописи со временъ персидскихъ войнъ. Миконъ, а въ особенности Полигнотъ

Тазосскій украшаютъ своими произведеніями портики Поикиле въ Аѳинахъ, Пропилеи, храмъ дельфійскій. Аполлодоръ Аѳинскій впервые вводитъ перспективу и правильнѣе распредѣляетъ свѣтъ и тѣни. Его *Аяксъ Оилидъ*, пораженный молніей, пользовался большою славой.

Зевксисъ, изъ итальянскаго города Гераклеи, далъ кисти большій просторъ. Извѣстна его картина: *Семейство центавровъ*, на которой въ дикой, взъерошенной природѣ этихъ существъ уже выдѣляется нѣжное чувство матери, кормящей грудью своихъ дѣтенышей.

Метатель въ дискъ.

Знаменитѣйшимъ мастеромъ въ перспективѣ считался Паргазій Эфесскій. У него съ Зевксисомъ былъ споръ о первенствѣ въ колоритѣ и перспективѣ. Послѣдній такъ хорошо написалъ кисть винограда, что птицы, обманутыя сходствомъ, слетѣлись и стали клевать картину; когда же, желая получше разсмотрѣть картину Паргазія, Зевксисъ просилъ откинуть полотно, которое было наброшено сверху и мѣшало видѣть картину вполнѣ, то оказалось, что самъ художникъ выразилъ этимъ свое пораженіе: полотно было *изображено на картинѣ*. Зато Паргазій уступилъ первенство, когда на конкурсъ пришлось ему написать вмѣстѣ съ Тимантомъ: *споръ Аякса съ Одиссеемъ за оружіе Ахиллеса*. Кромѣ этого произведенія Тиманта, другое, а именно: *Жер-*

твоприношеніе Ифигеніи въ присутствіи Калхаса и Одиссея, Аякса и Менелая, полныхъ печали, и Агамемнона, скрывшаго лицо свое въ безмолвномъ отчаяніи, пользовалось также большою славой.

Изъ другихъ замѣчательныхъ произведеній греческой живописи по истинѣ достойно вниманія, по идеѣ, произведеніе Аристида Ѳиванскаго. Оно относится къ той порѣ, когда отлетѣла свобода Греціи и его роднаго города. Онъ изобразилъ разоренный городъ, а на первомъ планѣ мать, укрывающую дѣтей своихъ: она забываетъ о собственныхъ ранахъ, прижимая милыхъ къ груди своей, которая питаетъ ихъ не обычною пищей, а кровью.

Великіе художники древней Греціи наслаждались за произведенія свои не только большою славой и уваженіемъ, но и значительными матеріальными выгодами. Полигнотъ получилъ право гражданства въ Аѳинахъ, а во всѣхъ городахъ, принадлежавшихъ къ Амфиктіонову союзу—почетный пріемъ.

Зевксисъ показывалъ свои произведенія за деньги, а потомъ дарилъ труды свои, потому что они считались безцѣнными. Паргазій жилъ пышно, какъ персидскій сатрапъ, не носилъ другаго платья, кромѣ пурпурнаго, голову украшалъ золотымъ вѣнкомъ и наконецъ — выдавалъ себя за прямаго потомка Аполлонова.

Софоклъ послѣ побѣды при Саламинѣ.

3. Поэзія.

Еще не смолкла лирика и въ этомъ періодѣ; напротивъ, благодаря лирѣ Пиндара, звуки ея раздавались возвышеннѣе и полнѣе, чѣмъ когда-либо. Этотъ знаменитый поэтъ родился въ Ѳивахъ въ 521 году, жилъ преимущественно въ Аѳинахъ и Дельфахъ, часто бывалъ при дворѣ Гіерона Сиракузскаго, и умеръ 80 лѣтъ въ Аргосѣ. Предъ смертью, говорятъ, Персефона, явившись поэту въ сновидѣніи, возбудила въ немъ необыкновенный поэтическій жаръ, и, вдохновенный ею, Пиндаръ излилъ свою душу въ торжественномъ гимнѣ богинѣ. По волѣ богини, поэтъ окончилъ его, уже переселившись въ царство тѣней, и оттуда передалъ его смертнымъ черезъ посредство таинственной богини Ночи.

Своими чудными пѣснями Пиндаръ прославлялъ побѣдителей на играхъ олимпійскихъ, пиѳійскихъ, истмійскихъ и другихъ. Впрочемъ, въ этихъ возвышенныхъ одахъ поэтъ не только превозносилъ подвиги побѣдителей, но еще болѣе

воспѣвалъ славу ихъ отечества и доблестныхъ мужей, служившихъ имъ добрымъ примѣромъ, а заключалъ свои оды воззваніемъ къ богамъ, покровителямъ роднаго города и всей благословенной Эллады. Надгробныя пѣсни Пиндара и элегіи его проникнуты живою, непоколебимою вѣрою въ безсмертіе души. Во многихъ мѣстахъ его одъ, напримѣръ въ пиѳійской одѣ, гдѣ онъ восхваляетъ милость боговъ, прославившую гражданъ Эгины, находимъ ясное свидѣтельство свѣтлаго взгляда на отношенія божества къ людямъ. „Все наше существованіе, восклицаетъ поэтъ, ненадежно, непрочно; мы сами проходимъ какъ тѣни, смѣняемъ другъ друга, словно неясные образы смѣняются среди нежданныхъ сновидѣній; лишь лучами божественной благости освѣщается невѣрный путь нашей жизни; лишь въ нихъ однихъ свѣтъ жизни и радости нашей.“

Пиндаръ.

Начало трагедіи. Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ.

По нѣкоторымъ даннымъ, основателемъ трагедіи почитаютъ Ѳесписа, который во времена Солона ѣздилъ съ товарищами изъ города въ городъ и изъ своего экипажа (нѣчто среднее между колесницей и тачкой) дѣлалъ что-то въ родѣ сцены, на которой и разыгрывалъ разныя трагическія представленія. Фринихъ, говорятъ, продолжалъ развивать дѣло своего учителя. Но гораздо основательнѣе отцомъ трагедіи считать Эсхила. Эсхилъ родился въ Элевзисѣ, въ 525 г., храбро сражался въ рядахъ марафонскихъ героевъ, отличался при Саламинѣ и Платеѣ. Съ пламенной любовью къ славѣ Аѳинъ и отечества, всю жизнь стремился Эсхилъ къ тому, чтобы своими дѣлами и произведеніями содѣйствовать величію

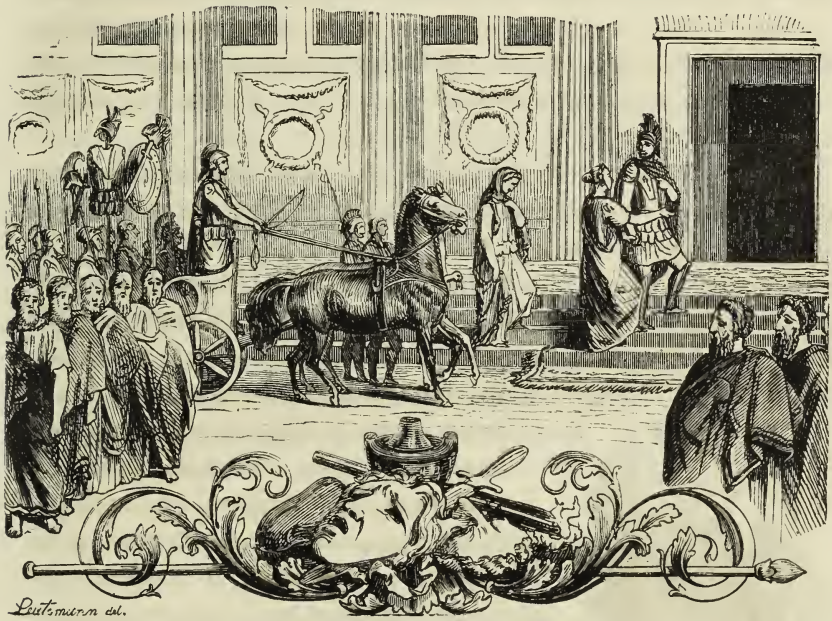
Эллады и возвышенію духа своихъ соотечественниковъ. Благородство характера и возвышенность идей и стремленій ставятъ эту личность на ряду съ Перикломъ и Фидіемъ. Каковъ Эсхилъ былъ въ жизни, таковъ и въ произведеніяхъ своихъ: возвышенная мысль служитъ имъ основаніемъ, развитіе и выраженіе дѣйствія величаво и трогательно, языкъ исполненъ обаятельной силы. Тринадцать разъ заслужилъ Эсхилъ побѣдный вѣнокъ на общественныхъ состязаніяхъ съ другими поэтами; только однажды первенство досталось Софоклу. Жизнь Эсхила не обошлась безъ потрясеній: обвиненный въ оскорбленіи святости мистерій, онъ вынужденъ былъ покинуть отечество. Онъ умеръ при дворѣ Гіерона сицилійскаго.

Въ трагедіяхъ Эсхила раскрывается взглядъ поэта на порядокъ міра. Судьба у него составляетъ верховное начало, все обнимающее, всѣмъ управляющее. О ея могущество разбиваются титаническія стремленія человѣка; но, сокрушая дерзкія усилія человѣка, судьба не преклоняетъ его возвышеннаго духа; напротивъ, она сама примиряетъ его съ жизнью и сглаживаетъ для него все, что представлялось ему въ послѣдней суроваго и невыносимаго. Эти идеи проводитъ Эсхилъ во всѣхъ своихъ трагедіяхъ и, если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы не находимъ этого сладкаго умиротворенія и примиренія, такъ это только потому, что самыя произведенія дошли до насъ лишь въ отрывкахъ. Въ цѣломъ составѣ дошла до насъ только его: *„Орестія“*. Въ ней поэтъ вдохновляется славой эллиновъ, предвѣщаетъ побѣду надъ Троей и торжество въ Азіи. Въ ней же стремится онъ возвысить уваженіе къ ареопагу, который считаетъ созданіемъ самихъ боговъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе этой трагедіи. Торжество

Эсхилъ.

микенцевъ при извѣстіи о паденіи Трои напоминаетъ аѳинянамъ о ихъ собственномъ торжествѣ; но несчастная участь, постигшая Агамемнона, показываетъ имъ, какъ опасно въ счастіи предаваться высокомѣрію, ибо кара боговъ немедленно настигаетъ виновныхъ. Это—первая часть трагедіи, «*Агамемнонъ*». Во второй части — «*Хоефоры*» — развиваются слѣдствія убійства Агамемнона женою его. Дѣти убитаго, Орестъ и Электра, ищутъ мщенія и успокоиваются только по умерщвленіи преступницы (т. е. матери своей) и обольстителя ея, Эгиста. Итакъ, за одно противоестественное злодѣяніе отмщено другимъ, не менѣе противоестественнымъ. Вина, тяготѣвшая надъ домомъ Атрида, увеличивается. Только содѣйствіе боговъ можетъ загладить ее. Третья и послѣдняя часть «Орестіи», «*Эвмениды*», полна потрясающихъ сценъ; но—близко умиротвореніе тревожной совѣсти. Убійца матери, преслѣдуемый эвменидами (олицетворенія терзаній совѣсти), молитъ защиты у богини Аѳины. Она учреждаетъ въ любимомъ своемъ городѣ, Аѳинахъ, ареопагъ и ему отдаетъ на рѣшеніе дѣло Ореста. До открытія засѣданія, богиня объявляетъ народу, что это судилище, несоблазнимое корыстью, строгое, бодрствующее за спящихъ, она ставитъ стражемъ земли. Когда голоса судей раздѣлились поравну, Аѳина рѣшила дѣло, подавъ голосъ въ пользу обвиненнаго. Этотъ голосъ богини (фифосъ Аѳинисъ) навсегда сохранилъ силу свою въ ареопагѣ. Третій актъ трагедіи оканчивается страшными проклятіями эвменидъ, въ оправданіи Ореста увидѣвшихъ оскорбленіе древняго права, проклятіями, которыя богиня Аѳина, содѣйствіемъ своимъ и обѣщаніемъ храма и всенародныхъ жертвоприношеній, успѣваетъ обратить въ благословенія городу и странѣ.—За представленіемъ «Орестіи» обыкновенно слѣдовало представленіе другой пьесы того же поэта—«*Протея*», —изображавшей приключенія Менелая на обратномъ пути изъ-подъ Трои, когда судьба принесла его къ берегамъ, населеннымъ шаловливыми сатирами и Протеемъ съ товарищами его, дельфинами, т. е. тюленями. Эта пьеска оканчивалась

торжествомъ Менелая надъ продѣлками Протея, принимавшаго на себя самые прихотливые образы, то—широковѣтвистаго дерева, то — игриваго пламени, или — шумящаго потока.



Сцены изъ Агамемнона.

Изъ другой трагедіи Эсхила «*Прометей*», въ которой поэтъ съ такою силою представилъ торжество души надъ всѣми физическими препятствіями, сохранилась, къ несчастію, только одна средняя часть (актъ): «*Скованный Прометей*»; первая же и послѣдняя части, въ которыхъ поэтъ изобразилъ событія, предшествовавшія казни Прометея, т. е. похищеніе послѣднимъ небеснаго огня для человѣчества, и событія, послѣдовавшія за казнью, а именно примиреніе Зевса съ Титаномъ и освобожденіе страдальца посредствомъ Геракла, эти части дошли только въ отрывкахъ. Но и въ такомъ видѣ, въ какомъ

сохранился «*Прометей*» Эсхиловъ, онъ все еще достаточно сіяетъ величіемъ мысли поэта. Прометей, сострадающій печальному, невѣжественному состоянію людей; Прометей, приносящій имъ съ неба огонь искусства и науки, безъ которыхъ жизнь не въ жизнь; наконецъ, Прометей, искупающій тысячелѣтними годами страданій свое сочувствіе къ людямъ и свою дерзость предъ небомъ, ясно олицетворяетъ собою идеалъ свободнаго грека, величіемъ духа и просвѣщеніемъ торжествовавшаго надъ грубою силой окрестныхъ и дальнихъ народовъ.

Другой знаменитый драматическій поэтъ Греціи, Софоклъ, принадлежитъ уже слѣдующему поколѣнію: онъ родился въ 495 году, а умеръ въ 404 г. Хотя, какъ видно, онъ былъ моложе Эсхила только одною генераціею, однако образованіе Греціи настолько уже ушло впередъ, что на трагедіяхъ Софокла видимъ совершенно другой отпечатокъ: кротко-пріятное, идеально-прекрасное преобладаютъ здѣсь точно такъ, какъ у Эсхила преобладаетъ величественное, ужасное, грандіозное. Особенно замѣтно это въ обрисовкѣ женскихъ характеровъ и въ понятіяхъ о религіи. У Эсхила женщина является въ страшномъ величіи, безъ всякаго чувства, свойственнаго ей; у Софокла характеры женскихъ лицъ сообразны съ общественной жизнью аѳинянъ того времени. Таковы: Текмесса въ «*Аяксѣ*», Хризоѳемида въ «*Электрѣ*», Іокаста въ «*Эдипѣ-тиранѣ*», Исмена въ «*Эдипѣ Колонейскомъ* и *Антигонѣ*», Діанира въ «*Трихинянкахъ*». У Эсхила религія является окруженная ужасомъ; его эвмениды заставляютъ трепетать; у Софокла слѣпецъ-Эдипъ въ рощѣ эвменидъ находитъ тихое пристанище, конецъ своимъ страданіямъ. Изъ этого ясно, что въ ту пору ужасное перестало

Софоклъ.

уже нравиться аѳинскому народу; публика искала въ трагедіяхъ умиленія, впрочемъ далекаго отъ сантиментальности. Въ заключеніе скажемъ, что въ планѣ Софокловыхъ пьесъ видно больше искусства и обработки, нежели у Эсхила; поэтъ такъ располагалъ дѣйствіе, что души зрителей находились въ постоянномъ напряженіи; развязка удовлетворяла и успокоивала ихъ.

Трагедіи Эврипида во многомъ уступаютъ Эсхиловымъ и Софокловымъ, можетъ быть, именно потому, что онѣ также носятъ на себѣ отпечатокъ времени, того времени, когда господствующей страстью народа стали софистическія разсужденія и судебные споры. А между тѣмъ и Эврипидъ имѣлъ случай пользоваться наставленіями знаменитыхъ учителей, въ особенности Периклова друга, Анаксагора, рано началъ свою литературную дѣятельность и не имѣлъ недостатка въ поэтическомъ дарованіи. Въ трагедіяхъ Эврипида хоры не составляютъ, какъ у первыхъ двухъ поэтовъ, существенной принадлежности трагедіи, хотя и хороши сами по себѣ. Самое дѣйствіе въ его трагедіяхъ слабо; въ прологѣ, непремѣнно предшествующемъ самой піесѣ, дѣйствующее лицо, выходя на сцену, объявляетъ, кто оно таково и что намѣрено дѣлать. Наконецъ, религіозное чувство совершенно исчезаетъ передъ скептицизмомъ. Въ одномъ мѣстѣ поэтъ восклицаетъ: «О земледержецъ, непостижимый Зевесъ! кто-бъ ни былъ ты, необходимость природы или разумъ смертныхъ, молюся тебѣ!» Возвышенное у Эсхила, трогательное у Софокла замѣняется у Эврипида плаксивнымъ и лестью народу. За это послѣднее особенно и подвергся Эврипидъ колкостямъ Аристофана. Судьба, которой непреоборимое вліяніе Эсхилъ ставилъ выше всего въ мірѣ, которую Софоклъ видѣлъ болѣе въ проявленіи

Эврипидъ.

духа человѣческаго, у Эврипида является слѣпой, безразличной случайностью. Съ Эврипида исчезаетъ оригинальность греческой трагедіи.

Аристофанъ.

Древняя комедія возникла такъ же, какъ и трагедія, изъ діониссовыхъ празднествъ. Среди шествій въ честь подателя винограднаго сока и свѣтлыхъ радостей, предводитель хора импровизировалъ шутки и каламбуры. Это возвышало игру и веселіе. Впослѣдствіи, на мѣстѣ импровизаціи явились заранѣе и остроумно подготовленные монологи. За товарищемъ и участникомъ въ подобномъ дѣлѣ не было недостатка: вскорѣ монологи смѣнились діалогами и сценами. Прежде всего комедія вступила на путь художественнаго развитія въ Сициліи, у грековъ-дорійцевъ. Оттуда комедія распространилась въ Мегару и Аѳины. Въ Аѳинахъ, въ особенности, быстрымъ успѣхамъ ея содѣйствовалъ неистощимымъ запасомъ остроумія и веселости нѣкто Кратиносъ, переходившій изъ одной мѣстности въ другую съ труппой мимическихъ актеровъ. Время не сохранило произведеній этого перваго комика древней Греціи, зато вполнѣ дошли до насъ комедіи даровитаго Аристофана. Съ Аристофаномъ комедія получила въ Греціи серьезное значеніе. Никто не давалъ такъ чистосердечно уроковъ аѳинскому народу, какъ Аристофанъ. Какъ человѣкъ мыслящій, Аристофанъ видѣлъ превосходство многаго стараго, хорошаго надъ новымъ, худымъ и равно осмѣивалъ ложный вкусъ въ искусствѣ, неправильныя понятія о воспитаніи и общественномъ устройствѣ, крайности демократіи

Аристофанъ.

(охлократію), въ которыя впала Аѳинская республика, когда по смерти великаго государственнаго мужа правленіе попало въ руки грубаго демагога, Клеона. Въ комедіи «*Всадники*» Аристофанъ осмѣялъ правленіе Клеона, который умѣлъ навесть такой трепетъ на гражданъ аѳинскихъ, что никто изъ актеровъ не рѣшился взять на себя исполненіе роли правителя, и потому Аристофанъ самъ выступилъ въ ней передъ народомъ. Въ «*Облакахъ*» выведено на сцену старинное, печальное искусство многихъ и многихъ судебныхъ инстанцій, палатъ и кабинетовъ, а именно искусство посредствомъ различныхъ софистическихъ и діалектическихъ хитросплетеній, справедливое представлять несправедливымъ и наоборотъ. «*Осы*» направлены на самый народъ аѳинскій, на страстишку его за нѣсколько оболовъ присутствовать при судебныхъ преніяхъ и имѣть удовольствіе подать свой голосъ. «*Птицы*», комедія, въ которой особенно пышно развернулась фантазія художника, обнаруживаетъ глупость многихъ аѳинянъ, въ годину несчастій государства проводившихъ время въ пустѣйшихъ забавахъ или въ постройкѣ воздушныхъ замковъ. Въ «*Ахарнеяхъ*» Аристофанъ старается доказать, какъ пагубна пелопоннезская война, и что самое лучшее—заключить миръ. «*Лягушки-квакушки*» направлены на Эврипида. Діониссъ и Силенъ преважно отправляются въ преисподнюю искать трагическаго поэта, потому-де, что на землѣ хорошіе повывелись. Однимъ словомъ, всѣ произведенія Аристофана проникнуты одною цѣлью—указать аѳинянамъ ихъ настоящія выгоды и предостеречь отъ ослѣпленія, въ которое ихъ увлекали демагоги. Со стороны искусства, въ нихъ много творческой фантазіи, образованнаго вкуса; упорная же оппозиція его противъ охлократіи ставитъ его на ряду съ достойнѣйшими гражданами лучшихъ временъ, истинными сынами славнаго отечества.

4. Исторія. Краснорѣчіе.

Древняя греческая литература раздѣлялась на двѣ главныя вѣтви — лирику и эпосъ. Лирическая поэзія, какъ мы видѣли, развилась въ драму и комедію, эпическая же постепенно перешла въ исторію. Древнѣйшіе памятники исторіи, существовавшіе въ Аргосѣ, Элидѣ, Спартѣ, на островахъ и въ Малой Азіи, для насъ большею частью потеряны; но ими, конечно, воспользовался Геродотъ, при составленіи исторіи древнихъ странъ и народовъ. Сочиненіе это, заслужившее Геродоту названіе отца исторіи, все еще, впрочемъ напоминаетъ скорѣе эпопею, чѣмъ исторію. Геродотъ по происхожденію былъ собственно доріецъ, потому что родился (въ 484 г.) въ дорійскомъ городѣ Галикарнасѣ, въ Каріи; по языку и духу онъ былъ іонянинъ, а по сочувствію къ демократическимъ началамъ принадлежалъ къ питомцамъ аѳинскаго образованія. Желая обозрѣть и изучить нравы народовъ, онъ много лѣтъ провелъ въ путешествіи по Египту, Ливіи, по сѣверному поморью Африки, въ странѣ Тигра и Вавилона; видѣлъ земли скиѳовъ, посѣтилъ греческія колоніи по берегамъ Чернаго моря и черезъ Ѳракію, Македонію и Грецію возвратился въ свой родной городъ. Здѣсь, на мѣстѣ прежней свободы, онъ нашелъ гражданъ, порабощенныхъ властію деспотизма. Онъ удалился на Самосъ, гдѣ въ тишинѣ уединенія и началъ свою исторію. Вскорѣ обстоятельства помѣшали его занятію: онъ увидѣлъ возможность пристать къ партіи, образовавшейся въ Галикарнасѣ, для низверженія тираніи. Дѣло удалось, но Геродотъ, вмѣсто благодарности со стороны своихъ соотечественниковъ, былъ преслѣдуемъ ими, какъ врагъ общественнаго спокойствія. Причиною было то, что, по избавленіи отъ деспотизма, правленіемъ овладѣла партія аристократовъ, еще сильнѣе поработившихъ общество; Геродотъ же старался ослабить и уничтожить вліяніе ея.

Преслѣдуемый ненавистью аристократіи, Геродотъ удалился въ Грецію. Здѣсь на праздникѣ олимпійскомъ онъ въ

первый разъ прочелъ предъ многочисленнымъ собраніемъ отрывки изъ своего сочиненія, и вдохновенная повѣсть о торжествѣ генія и свободы надъ дикою силой варваровъ привела въ восторгъ собраніе. Пятнадцатилѣтній въ то время Ѳукидидъ проливалъ слезы умиленія и удивленія. Тутъ-то Геродотъ предсказалъ мальчику блестящую будущность. Послѣ торжества на олимпійскихъ играхъ, историкъ съ удвоенною ревностью принялся за окончаніе своего творенія. Въ этомъ занятіи провелъ онъ въ Греціи 12 лѣтъ. На праздникѣ

Карта земнаго диска по Гомеру.

Панатей, гдѣ Геродотъ читалъ лучшія мѣста своего труда, вся Греція рукоплескала ему. Удостоенный небывалыхъ почестей, онъ въ то же время получилъ отъ народа подарокъ въ 10 талантовъ. Немного лѣтъ спустя, онъ съ одною аѳинскою колоніей переселился въ городъ Ѳурій, въ южную Италію, гдѣ и прожилъ до самой смерти.

Исторія его, какъ мы выше сказали, есть скорѣе на дѣйствительныхъ событіяхъ построенная прекрасная эпопея.

Шествіе на праздникѣ Панатеней.

Какъ ни сильно бросается въ глаза читателю почти ребяческая наивность изложенія событій, но повсюду выступаетъ изъ него торжество духа, оживлявшаго возрастаніе греческой и особенно аѳинской жизни послѣ персидской войны. Этотъ духъ проявляется во встрѣчающемся повсюду сознаніи превосходства грековъ надъ варварами, въ строгой нравственности и религіозномъ убѣжденіи, по которому грекъ во всемъ признаетъ и съ вѣрою обожаетъ проявленіе силы боговъ, и наконецъ въ привязанности къ демократическому образу прав-

Карта земнаго круга по Геродоту.

ленія. Геродотъ достовѣренъ вездѣ, гдѣ онъ повѣствуетъ о странахъ, въ которыхъ самъ жилъ, о народахъ, которые видѣлъ и изучалъ; нельзя сказать того же о тѣхъ мѣстахъ исторіи, гдѣ дѣло касается оракуловъ, видѣній и т. п. вещей, принимаемыхъ простодушнымъ историкомъ за чистую монету. Говоря вообще, исторія его имѣетъ прелесть для всякаго возраста и состоянія, повѣствуетъ ли онъ о похищеніи Европы, Медеи, Елены, описываетъ ли могущество и блескъ древнихъ монархій — ассирійской, вавилонской, мидійской и

лидійской, или изображаетъ владычество эллиновъ, разлившееся по всему тогдашнему міру.

Вмѣстѣ съ исторіей, Геродотъ расширилъ и уяснилъ тѣсно связанныя съ нею географическія понятія того времени. По представленію Гомера, земля имѣла видъ выпуклаго щита, отовсюду охваченнаго водами океана, а по причинѣ пышной растительности жаркихъ странъ, наклоненнаго нѣсколько къ югу. По окраинамъ этого щита фантазія древнихъ размѣстила всѣ чудеса тогдашнихъ вѣрованій — Элизій и острова блаженныхъ гиперборeевъ и правдолюбивыхъ (!) эѳіоповъ: тутъ же были: и Солонова Атландита, и Плутарховъ Сатурнинъ-материкъ, гдѣ Бріарій стережетъ дремлющаго Сатурна, и входъ въ подземное царство Гадеса. Вообще, по этимъ окраинамъ древніе представляли себѣ и земли плодоноснѣе, и климатъ теплѣе, и большую физическую силу, и большую чистоту нравомъ жителей. Геродотъ расширилъ свѣдѣнія объ Африкѣ. У него на картѣ видимъ и Аравійскій заливъ, и Индію, и теченіе Нила. Послѣдній течетъ, впрочемъ, отъ Атласа черезъ всю Сахару. И страны къ сѣверу отъ Греціи представляются яснѣе, чѣмъ у Гомера.

Геродотъ.

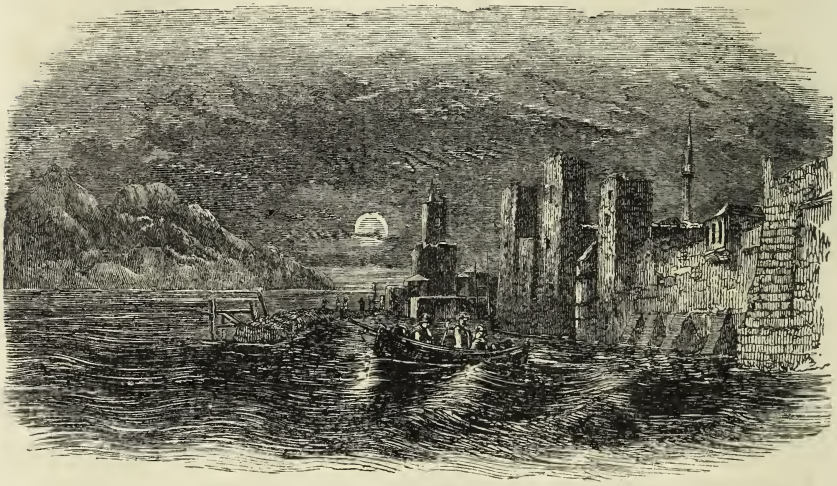
Въ твореніяхъ Ѳукидида (род. въ 470 г.) ясно видимъ, что народъ аѳинскій въ короткое время вступилъ уже на высшую сравнительно, степень образованія. Практическія занятія дѣлами государства или философскія науки провели въ общество лучшій взглядъ на вещи и образовали въ этомъ обществѣ болѣе многочисленный классъ людей, просвѣщенныхъ и мыслящихъ. Ихъ-то и имѣлъ въ виду Ѳукидидъ для оцѣнки своей исторіи, которую самъ онъ въ одномъ мѣстѣ называетъ «болѣе сокровищемъ для вѣчности, нежели пустымъ разсказомъ для мимолетнаго слуха» (кн. 1, гл. 22). И духъ изложенія у Ѳукидида совсѣмъ не тотъ, какъ у его предшественника и учителя: Ѳукидидъ видѣлъ превращеніе

демократіи во владычество черни (охлократію), поэтому не раздѣляль Геродотова энтузіазма къ этому образу правленія; впрочемъ, не вдавался и въ другую крайность—наклонность къ олигархіи. У Ѳукидида совсѣмъ исчезло чувство, преобладавшее у Геродота: вмѣсто непосредственнаго вмѣшательства боговъ является естественная связь причинъ и слѣдствій. У Ѳукидида преобладаетъ воззрѣніе политическое, и его-то историкъ излагаетъ преимущественно въ рѣчахъ, для собиранія которыхъ онъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ. Въ его изложеніи, величавомъ, сжатомъ, иногда не совсѣмъ ясномъ, раскрывается уму цѣлый міръ нравственной жизни: въ ходѣ развитія самыхъ событій, среди которыхъ человѣкъ представляется свободно дѣйствующимъ, боги стоятъ за него или противъ него, смотря по тому, какъ направляетъ онъ свои силы и съ какимъ искусствомъ пользуется обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей.

Ѳукидидъ.

Въ Аѳинахъ, какъ въ центрѣ демократіи, краснорѣчіе было на самой благопріятной для его развитія почвѣ. Ему Эфіальтъ и Периклъ были отчасти обязаны своимъ вліяніемъ на общество. Краснорѣчіе этихъ государственныхъ людей, имѣя въ основаніи истину, а цѣлью—блескъ и славу роднаго города, не нуждалось ни въ одной изъ тѣхъ неблагонамѣренныхъ утонченностей слова, которыми поддерживается слабость побужденія, прикрывается мелочность намѣреній или эгоизмъ воспламеняется до степени самоотверженія. Въ эту пору единственными вдохновителями въ краснорѣчіи служили людямъ: высокое образованіе, гражданская опытность, пламенное усердіе ко благу отечества; достойные же и недо-

стойные учители краснорѣчія (учители въ тѣсномъ смыслѣ слова) составляютъ принадлежность того времени, когда аѳинскій народъ вырождается, а во главѣ его являются мелскіе правители, проникнутые себялюбіемъ и ограниченностью. Это относится, впрочемъ, къ слѣдующему періоду существованія Греціи. Теперь же, пока страна эта, а во главѣ ея Аѳины, стояла на верху политическаго и гражданскаго величія, Аѳины съ одной стороны и Спарта съ своимъ остальнымъ законодательствомъ съ другой представляли два край-



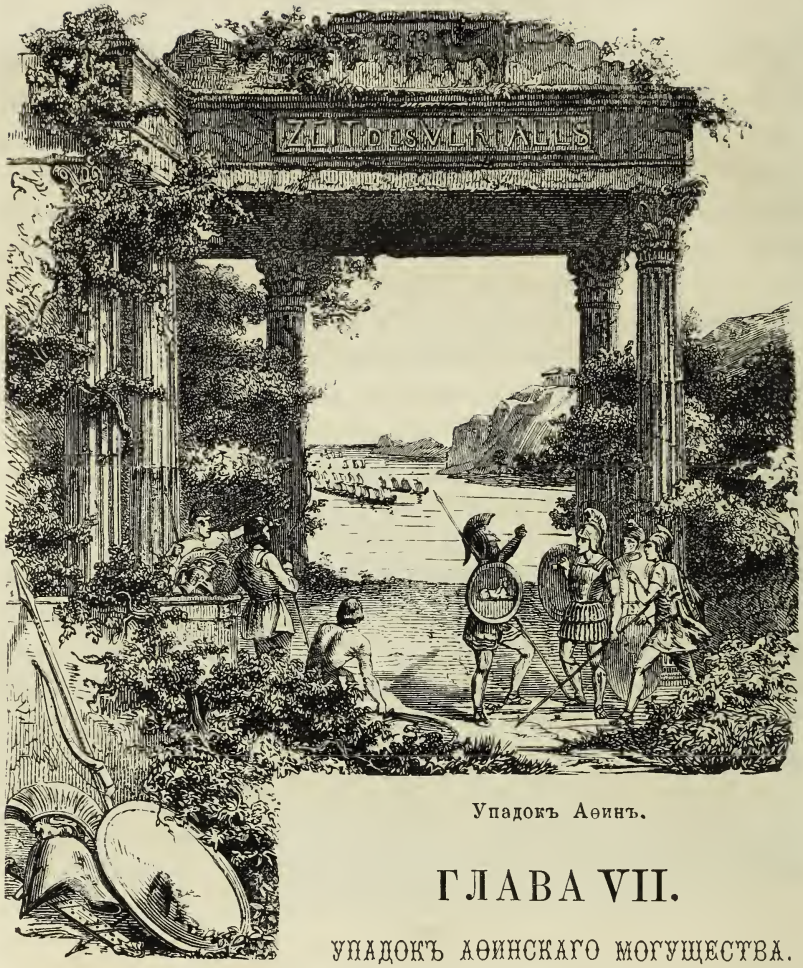
Нынѣшній Модонъ, древняя Метона.

ніе предѣла государственнаго и умственнаго развитія греческихъ республикъ; остальныя же части, Ѳивы, Аркадія, Коринѳъ и проч., располагались между ними: ближе ли къ Аѳинамъ или къ Спартѣ, это уже смотря по тому, на сколько благопріятствовали тому происхожденіе, устройство, положеніе и другія обстоятельства.

Различная степень умственной дѣятельности различныхъ тогдашнихъ республикъ обнаруживалась и въ самой, такъ сказать, физіономіи странъ и городовъ. Берега Аттики, даже

и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ природа бѣдна, носили на себѣ свидѣтельства любви Аѳинъ къ художественнымъ произведеніямъ зодчества: тутъ сіяли столбы Элевзиса, тамъ—храмъ Аѳины-Сунійской, а за Пиреемъ выставлялся Акрополисъ моревладычнаго города, со всѣми его чудными, благородными созданіями искусства. По берегамъ Лаконіи также немало было городовъ и деревень: Тирея, Празія, торговый Гитіонъ и др.,—но храмы и театры ихъ далеко не производили того обаятельнаго впечатлѣнія, которое составляетъ принадлежность только художественныхъ созданій искусства. Еще бѣднѣе и безразличнѣе глядѣли зданія въ сосѣдней, порабощенной Мессеніи. Города: Корона и среди живописной природы находившаяся Метона, похожи были больше на бѣдныя рыбачьи деревушки, чѣмъ на города.

Поэтому естественно остановиться подолѣе на томъ, что прямо касается Аѳинъ; всякому понятно сочувствіе къ стремленіямъ великаго народа и къ развитію его могущества; еще понятнѣе участіе къ извращенію и паденію его. Обозрѣніемъ этого втораго періода существованія древней Греціи мы теперь и займемся.



Упадокъ Аѳинъ.

ГЛАВА VII.

УПАДОКЪ АѲИНСКАГО МОГУЩЕСТВА.

1. Пелопоннезская война.

Въ началѣ этого періода мы видимъ Аѳины на верху славы и значенія среди греческихъ республикъ. Могущество, богатство, владычество на моряхъ, многочисленный купеческій флотъ, доставлявшій въ Аѳины избытокъ отдаленнѣйшихъ странъ и народовъ; многочисленныя произведенія искусства, налагавшія на городъ неописанный отпечатокъ блеска и изящества, — все это давно уже упрочило за Аѳинами

первенство въ Греціи и тысячами влекло иноземцевъ, желавшихъ подивиться чудному городу и его правителю. Ибо еще жилъ и дѣйствовалъ великій любимецъ народа, Периклъ; ибо еще живъ былъ возвышенный духъ Аспазіи и Анаксагора, друзей и помощниковъ его; ибо подъ сѣнію благотворнаго мира, въ цвѣтѣ силы и славы, еще трудились для возвеличенія своего отечества Фидій и другіе художники. Но десять лѣтъ счастливаго мира миновали—и настали событія, взволновавшія страсти народовъ, вызвавшія раздоры и войны, подготовившія коренной переворотъ въ значеніи греческихъ государствъ. Мы говоримъ о событіяхъ, предшествовавшихъ пелопоннезской войнѣ.

Дорійскій союзъ, и во главѣ его Спарта, давно съ затаенною завистью и недоброжелательствомъ слѣдилъ за быстрымъ развитіемъ преобладанія Аѳинъ, стоявшихъ во главѣ іонійскаго союза государствъ; въ особенности тревожило Спарту распространеніе Перикломъ аѳинскихъ колоній (во ѳракійскомъ Херсонесѣ, на островѣ Наксосѣ, въ греческой Италіи — на мѣстѣ разрушеннаго Сибариса, и въ другимъ мѣстахъ) и введеніе, какъ въ нихъ, такъ и во всѣхъ союзныхъ городахъ, демократическаго образа правленія, въ ущербъ аристократіи или съ совершеннымъ уничтоженіемъ ея. Спарта видѣла, что народъ аѳинскій, упоенный славою, мечталъ уже о завоеваніи Сициліи и Египта, объ уничтоженіи карѳагенскихъ и этрусскихъ морскихъ силъ, о владычествѣ надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Аѳины, управляемыя прозорливымъ Перикломъ, зная враждебное расположеніе Спарты, съ радостью пользовались всякимъ случаемъ для ослабленія, чѣмъ бы ни было, дорійскихъ силъ. Такія обстоятельства, конечно, приближали поводъ къ выраженію международнаго недоброжелательства. Теперь явились два повода къ тому: отпаденіе Корциры отъ дорійцевъ и поступокъ аѳинянъ съ Потидеею и Мегарою.

Въ Эпидамнѣ, корцирской колоніи, на иллирійскомъ берегу (впослѣдствіи этотъ городъ назывался Диррахіумъ, а теперь Дураццо), произошелъ споръ между народомъ и аристократіей.

Аристократы были изгнаны. Изгнанники, при помощи иллирійцевъ, осадили городъ. Эпидамійцы просили помощи у Корциры, но, получивъ отказъ, обратились къ Коринѳу. Коринѳъ былъ метрополіей Корциры, но торговое между ними соперничество было причиною того, что, вмѣсто прежней дружбы, теперь возникла между обоими городами непримиримая ненависть; они пользовались всякимъ случаемъ вредить другъ другу. Итакъ, Коринѳъ принялъ сторону Эпидамна. Въ то же время корцiряне стали за изгнанныхъ аристократовъ и успѣли одержать надъ противниками нѣсколько побѣдъ. Тогда Коринѳъ поднялъ всѣ свои силы: Амбракія, Элида, Левкадія и другіе участники союза доставили войско и флотъ. Корцирѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ обратиться за покровительствомъ и содѣйствіемъ къ сильнѣйшей морской державѣ—Аѳинамъ. Аѳиняне не отважились, въ виду Спарты, тотчасъ принять Корциру въ свой союзъ, но заключили съ нею *епимахію* (оборонительный трактатъ); по этому трактату оба государства обязались защищать другъ друга противъ чужеземныхъ непріятелей. Коринѳяне старались убѣдить спартанцевъ въ томъ, что эта эпимахія есть явное, со стороны аѳинянъ, нарушеніе мира съ дорійскимъ союзомъ; не смотря, однако, на эти внушенія, не смотря даже на то, что 30 аѳинскихъ триремъ, въ морской битвѣ у острова Корциры, явились на помощь корцирцевъ, спартанцы взялись за оружіе лишь въ 432 году, когда Аѳины торжественно приняли Корциру въ свой союзъ, и когда поступокъ Аѳинъ съ Потидеей и Мегарою сильно оскорбилъ дорійскій союзъ. Поступокъ этотъ заключался въ слѣдующемъ.

Между Термайскимъ и Стримонскимъ заливами, далеко въ море выдается Халкидскій полуостровъ съ тремя мысами —Аѳонскимъ, на востокѣ, Сиѳонскимъ, въ срединѣ, и Паллене, на западѣ. На перешейкѣ, соединяющемъ Паллене съ полуостровомъ, находилась цвѣтущая коринѳская, но теперь зависѣвшая отъ Аѳинъ колонія Потидея. Поддаваясь внушеніямъ македонскаго царя Пердикки, извѣстнаго нерѣшительностью

и коварствомъ, Потидея вздумала освободиться изъ-подъ владычества Аѳинъ; но сильный флотъ аѳинскій, и вслѣдъ за нимъ другой, приплыли къ берегамъ Македоніи, наказали царя ея разрушеніемъ городовъ Пидны и Термы и неожиданно явились подъ Потидеей. Подъ стѣнами города произошло не мало жаркихъ схватокъ съ коринѳскимъ войскомъ, пришедшимъ на помощь городу, подъ предводительствомъ храбраго Аристея, но подъ конецъ, стѣсненные многочисленнымъ войскомъ аѳинянъ, защитники должны были искать спасенія за крѣпкими стѣнами. Потидея, обложенная отовсюду, уже предчувствовала неизбѣжность сдачи. Въ это-то время, послы отъ Коринѳа дѣятельно возбуждали Спарту къ отмщенію за честь союзниковъ. Были въ Спартѣ и представители Аѳинъ, и они краснорѣчиво излагали величіе своего государства и сильно настаивали на признательности, которою, по ихъ мнѣнію, обязана была Аѳинамъ вся Греція за заслуги въ персидскія войны и за умѣніе, съ которымъ Аѳины держали въ связи части іонійскаго союза. Царь спартанскій, Архидамъ, былъ согласенъ съ мнѣніемъ аѳинскихъ представителей, но тутъ, въ собраніи, всталъ одинъ изъ эѳоровъ, Сѳенелаидъ. „Я вижу, сказалъ онъ, изъ длинныхъ аѳинскихъ рѣчей, что аѳиняне, много распространяясь о своей славѣ и благодѣяніяхъ, ничего не сказали въ оправданіе несправедливаго поступка своего съ нашими союзниками. Въ персидскія войны мы ихъ видѣли благодѣтелями Греціи, теперь видимъ въ нихъ оскорбителей нашего права. За такія оскорбленія платятъ не словами, а дѣломъ. Граждане Спарты! покидать союзниковъ нашихъ мы не должны. Рѣшите миръ или войну, и если войну, то безсмертные боги, свидѣтели нашихъ побужденій, будутъ намъ помощниками и руководителями.“ И герузія, рѣшивши войну, послала въ Аѳины требованіе—снять осаду Потидеи, объявить Эгину свободною и уничтожить изданное противъ мегарцевъ запрещеніе посѣщать аѳинскія гавани и являться на рынки. Къ этому еще прибавили требованіе—изгнать Алкмеонидовъ. Послѣднее направлено было противъ самого Перикла, который

также происходилъ изъ этого рода. Уже поднялась было въ Аѳинахъ партія, противная Периклу, но въ эти рѣшительныя минуты великій государственный мужъ явилъ всю силу своего вліянія на аѳинянъ. „Не объ этомъ теперь рѣчь, аѳиняне, воскликнулъ Периклъ въ собраніи агора: но о томъ, желаете ли вы остаться гражданами свободнаго и могущественнаго государства, или нѣтъ? Если мы исполнимъ требованія Спарты, то алчное властолюбіе ея на этомъ не остановится. Если останемся тверды, то, быть можетъ, пелопоннесцы опустошатъ наши, покрытыя жатвой, поля. Но, граждане! намъ остается этотъ прекрасный, неодолимый городъ; за нами твердыня—Акрополисъ, охраняемая самою богинею; земель у насъ много и безъ этихъ полей, а славою нашихъ флотовъ давно гремятъ отдаленныя моря и берега враждебныхъ намъ народовъ. Не будемъ жалѣть полей и жилищъ; пожалѣемъ лучше тѣхъ доблестныхъ воиновъ, которыхъ застигнетъ смерть при защитѣ родины. Если-бъ я думалъ, что могу уговорить васъ, то предложилъ бы вамъ—самимъ выступить и опустошить наши земли и тѣмъ доказать лакедемонянамъ, что вы изъ-за этого не уступите имъ. Безъ трепета станемъ лицомъ къ лицу съ врагомъ! тѣни славныхъ предковъ нашихъ порадуются на насъ; потомки, подъ сѣнью богатой, свободной республики, восхвалятъ нашъ подвигъ.“

Аѳиняне отвергли всѣ требованія спартанцевъ. Итакъ, въ 431 году до Р. Х., т. е. въ первомъ году 87-й олимпіады, вспыхнула пелопоннесская война. Судя по силамъ и средствамъ воюющихъ сторонъ (Спарта съ союзниками разсчитывала на свое могущество и искусство въ сухопутной войнѣ, Аѳины—на свой городъ, союзниковъ, славные флоты и особенно на 6 тысячъ талантовъ, т. е. ококо 50 милл. руб. сер., за всѣми издержками сбереженныхъ Перикломъ въ государственной казнѣ), по искусству военному и политическому, оказанному ими во время войны, полопоннесская война едва ли не самая важная и интересная изъ всѣхъ, какія только когда-либо были ведены. Въ превосходномъ описаніи Ѳукидида можно

прослѣдить и изучить всѣ подробности этой войны; въ тѣсныхъ же предѣлахъ нашего сочиненія мы ограничимся однимъ обзоромъ главнѣйшихъ событій ея.

Война открылась нападеніемъ ѳиванцевъ на Платею, вѣрную союзницу Аѳинъ. Въ ѳиванцахъ давно уже закипѣла ненависть къ этому единственному віотійскому городу, не бывшему въ дорійскомъ союзѣ. Осада Платеи не увѣнчалась для ѳиванцевъ успѣхомъ, и только въ пятый годъ осады города уже спартанцами (въ 429 г.) Платея вынуждена была сдаться на милость ожесточеннымъ непріятелямъ.

Первый походъ для обѣихъ непріятельскихъ сторонъ не привелъ ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ: хотя спартан-

Бразидъ защищаетъ Метону.

ское войско, подъ начальствомъ царя Архидама, и проникло въ самую Аттику, опустошило элевзинскую мѣстность и заставило сельскихъ жителей покинуть дома и имущество и спасаться въ городъ; однако, рѣшительнаго сраженія не послѣдовало: Периклъ, вѣрный принятому плану дѣйствій, избѣгнулъ этого сраженія, а послалъ флотъ къ разнымъ мѣстамъ Пелопоннеса. Впрочемъ и аѳинянамъ мало было удачи; имъ не удалось даже взять плохо укрѣпленной Метоны (нынѣшній Модонъ, на югозападной оконечности Мореи):

городъ защищалъ храбрый юноша, вскорѣ знаменитый военачальникъ, Бразидъ. Зато аѳиняне взяли островъ Эгину, безпощадно изгнали жителей (они получили у спартанцевъ пріютъ въ городѣ Тиреѣ, въ Лаконіи), а островъ заселили своими согражданами.

Во 2-й годъ войны, весною, 60 тысячъ пелопоннесскихъ гоплитовъ снова вторглись въ Аттику и опустошили все, что еще оставалось послѣ перваго похода. Владѣльцы аѳинскихъ полей принуждены были съ остаткомъ имущества бѣжать въ Аѳины, и въ городѣ скопилось такое множество народа, что даже храмы обращены были въ жилища. Естественно, что народъ, въ особенности разоренные земледѣльцы, наполняли городъ воплями и жалобами на войну и на Перикла; но все-таки дѣла правленія находились у него въ рукахъ: онъ одинъ свободно, по своей волѣ, могъ теперь располагать возбужденными имъ нравственными силами народа. Теперь же болѣе, чѣмъ когда-либо, нуженъ былъ Аѳинамъ такой прозорливый и твердый правитель, ибо къ бѣдствіямъ войны присоединился такой всеобщій бичъ, противъ котораго безсильны были всѣ человѣческія средства. Этотъ бичъ былъ— чума. Изъ Эѳіопіи и Египта, по сѣверному побережью Африки проникла она въ Сицилію и Римъ, оттуда же въ Грецію и въ особенности въ Аѳины, гдѣ, среди множества народа, скопившагося на тѣсномъ пространствѣ отъ Аѳинъ до Пирея, она ежедневно похищала тысячи жертвъ. Ни медицина, ни заклинанія, ни жертвоприношенія жрецовъ, ничто не смягчало суроваго ангела смерти, и вокругъ Перикла, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе рѣдѣлъ кругъ родныхъ, друзей и помощниковъ. Смерть послѣдняго любимаго сына его, Паралоса, сломила, наконецъ, и Периклово желѣзное мужество. Онъ не вынесъ столькихъ потрясеній и, ослабѣвши духомъ, скоро самъ сдѣлался добычей язвы. „Я счастливъ тѣмъ, говорилъ онъ на смертномъ одрѣ: что всю жизнь былъ на стражѣ отечества и не причинилъ Аѳинамъ печали.“ И дѣйствительно, сами обстоятельства показали, что не онъ,

а неизбѣжная необходимость приготовила и вызвала пелопоннесскую войну со всѣми ея гибельными для Аѳинъ послѣдствіями, ибо аѳинское могущество не могло добровольно отречься отъ своего высокаго положенія въ Греціи и уступить преобладаніе Спартѣ. Какъ бы то ни было, но смерть Перикла, въ 429 г., была для Аѳинъ величайшимъ несчастіемъ. Тотчасъ открылось свободное поприще себялюбивымъ демагогамъ, которыхъ Периклъ умѣлъ обуздывать, и черни (охлосъ), которую умѣлъ направлять къ своимъ возвышеннымъ цѣлямъ

А непріязненныя дѣйствія продолжались непрерывно. Потидея, послѣ долгой осады, вынужденная голодомъ, сдалась Аѳинамъ. Жители ея, съ союзниками-коринѳянами, получили за храбрость право войти въ другіе халкидскіе города. Потидею заселила аѳинская колонія. Еще рѣшительнѣе были успѣхи (въ этомъ же 429 году) аѳинскаго оружія на западѣ. Побѣды при Навпактѣ и въ др. мѣстахъ, гдѣ знаменитый адмиралъ аѳинскій, Форміонъ, разбилъ втрое сильнѣйшій флотъ дорійскихъ союзниковъ, показали въ такой высокой степени превосходство аѳинянъ на морѣ, что противникамъ ихъ и въ голову теперь не приходило исполнить отважный планъ Бразида—напасть на Аѳины съ моря и разрушить Пирей.

Въ четвертый годъ войны (428) опять повторились вторженія полопоннесцевъ въ Аттику и неизбѣжныя съ этимъ опустошенія страны. Въ это же время взбунтовался и городъ Митилене, на островѣ Лесбосѣ. Уже казна аѳинская истощалась. Правительство возвысило налогъ на жителей столицы и на союзниковъ. Выстроено новыхъ 100 триремъ, и часть флота отправлена противъ непокорнаго Лесбоса. Осада города была довольно продолжительна, но все-таки Митилене долженъ былъ сдаться прежде, нежели дорійскіе союзники явились на помощь. Возмущеніе Митилене было вызвано партіей аристократовъ, которымъ владычество аѳинянъ показалось, наконецъ, невыносимимъ. Народъ принималъ мало участія въ

намѣреніи аристократовъ. А между тѣмъ, по жестокому военному праву, бывшему въ то время въ силѣ въ Элладѣ, всѣ граждане возмутившагося города подлежали смерти. Аѳинскій стратегъ, отославши въ Аѳины въ цѣпяхъ 1,000 плѣнныхъ аристократовъ, ждалъ приказаній, какъ поступить съ остальнымъ населеніемъ города. Прежде, чѣмъ скажемъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, сдѣлаемъ небольшое отступленіе.

По смерти Перикла, изъ массы людей низкаго состоянія, обогатившихся ремеслами и торговлею, чаще и чаще стали выставляться личности, которыя, опираясь на свой золотой мѣшокъ и обольщенные подобострастною лестью своихъ собратій по ремеслу, понемногу и сами увѣрялись въ своихъ необыкновенныхъ умственныхъ способностяхъ. Законъ республики не оказывалъ ни малѣйшаго предпочтенія никому изъ гражданъ; тѣмъ не менѣе, члены древнихъ, почтенныхъ фамилій имѣли на общественныя дѣла не малое вліяніе самымъ положеніемъ своимъ, богатствомъ, именемъ и высокимъ образованіемъ. Такія явленія были не по нутру выскочкамъ изъ ремесленнаго и торговаго классовъ, хотя, впрочемъ, нисколько не служили къ ограниченію ихъ безмѣрнаго самолюбія и стремленія стать во главѣ государственнаго правленія. Если случалось имъ испытывать въ агорѣ насмѣшки, то, въ безграничномъ самообольщеніи своемъ, они и самыя насмѣшки объясняли въ свою пользу. „Толпа часто не понимаетъ великихъ людей," говорили они. Изъ числа такихъ-то великихъ людей, предъ которыми въ ничто обратились и Солоны и Периклы, выше всѣхъ теперь поднялся кожевникъ Клеонъ, одаренный замѣчательно дерзкою рѣчью и колоссальнымъ голосомъ. Эти качества, въ связи съ безграничнымъ ослѣпленіемъ на счетъ своихъ достоинствъ и съ крайней неразборчивостью въ выраженіяхъ, часто ставили втупикъ противниковъ Клеона.

Клеонъ, скоро сумѣвшій сдѣлаться любимцемъ охлоса (черни), гремѣлъ теперь противъ возмутившихся митиленцевъ и настаивалъ, чтобы государство примѣрно наказало ихъ, съ тѣмъ, чтобы и другимъ подданнымъ Аѳинъ на умъ не приходило

показывать строптивость и непокорность. Требованіе Клеона многими было поддержано и вотъ, рѣшено собраніемъ: непокорныхъ гражданъ предать смерти, женъ и дѣтей ихъ продать въ рабство. Уже отправленъ былъ къ стратегу въ Митилене корабль съ народнымъ рѣшеніемъ; но нашлись люди, которые сумѣли воскресить въ Аѳинахъ воспоминаніе о прежнихъ хорошихъ отношеніяхъ съ митиленцами, нашлись ораторы, которыхъ краснорѣчіе возбудило въ членахъ собранія участіе

Мѣстность въ Коринѳѣ.

къ судьбѣ несчастнаго города, не разъ оказывавшаго аѳинянамъ гостепріимство. Новое рѣшеніе народное, назначавшее казнь однимъ лишь плѣннымъ аристократамъ, успѣло предупредить первое и устранить напрасное кровопролитіе. На этотъ разъ, всѣ упреки Клеона народу въ слабости и неполитичности мѣры, всѣ громы кожевника-администратора остались безъ послѣдствій.

Но не всегда Клеонъ терпѣлъ неудачи въ народномъ собраніи; напротивъ, какъ мы уже выше сказали, онъ овладѣлъ вниманіемъ и довѣріемъ черни и искусно употреблялъ противъ противниковъ своихъ такое средство, которое не могло не привязать къ нему охлоса. Для ослабленія своихъ противниковъ, онъ старался сдѣлать ихъ подозрительными въ склонности къ аристократіи; оговаривалъ ихъ предъ народомъ, утверждая, что они съ измѣнническимъ намѣреніемъ длятъ войну, чтобы, при помощи спартанцевъ, ввести въ Аѳинахъ аристократическій образъ правленія. Таковъ былъ человѣкъ, стоявшій теперь на пути къ первенству въ республикѣ.

Изъ другихъ значительныхъ мужей аиѳнскихъ въ это время, мужей принадлежавшихъ къ просвѣщенной и умѣренной партіи, никто не былъ въ состояніи явиться соперникомъ Клеона. Правда, Никій и Демосѳенъ оказывали не мало вліянія на народъ, но первый, хорошій полководецъ и благородный патріотъ, былъ слишкомъ робокъ и скроменъ и неспособенъ къ управленію развращенною аѳинскою демократіей; послѣдній же былъ исключительно отличный воинъ, зато безъ всякихъ познаній о дѣлахъ управленія.

Въ то время, какъ Клеонъ готовился заступить мѣсто Перикла, военныя дѣйствія сосредоточились въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ въ древнія времена владычествовалъ маститый Несторъ, а въ новѣйшее время герои Наварина дрались за освобожденіе Греціи отъ ига турокъ, однимъ словомъ—сосредоточились у Пилоса (425 г.).

Къ югу отъ Пилоса, на голомъ, утесистомъ берегу, аѳиняне заложили крѣпостцу. Она въ короткое время сдѣлалась весьма важнымъ для нихъ опорнымъ пунктомъ военныхъ дѣйствій. Въ нее же отвсюду стекались бѣглые рабы (илоты, гелоты), находя здѣсь пріютъ и защиту. Спартанцы ничего такъ не страшились, какъ возстанія илотовъ; притомъ же они не могли стерпѣть, чтобы враги утвердились въ самомъ Пелопоннесѣ. Царь Агисъ двинулся къ форту изъ Аттики; союзному флоту велѣно было подступить съ моря, но друж-

ная атака новаго укрѣпленія аѳинскаго не удалась спартанцамъ. Послѣдніе отправили тогда отборную дружину гоплитовъ, 420 человѣкъ, и въ ней 120 собственныхъ спартанцевъ, занять островокъ Сфактерію (нынѣшній Сфагія), лежащій въ Пилосскомъ заливѣ. Такимъ образомъ спартанцы надѣялись совершенно отрѣзать аѳинянъ отъ моря; но вышло иначе: побѣдоносный флотъ, подъ предводительствомъ храбрыхъ адмираловъ аѳинскихъ, окружилъ Сфактерію и готовилъ себѣ торжество неслыханное, ибо въ числѣ спартанцевъ, оставленныхъ въ Сфактеріи, были представители знаменитѣйшихъ лакедомонскихъ родовъ. Сами эѳоры, посѣдѣвшіе въ государственной мудрости, не знали, что придумать въ такомъ затруднительномъ случаѣ, и рѣшили—предложить миръ на выгодныхъ для аѳинянъ условіяхъ, а въ залогъ искренности предложенія отдали имъ свои триремы, находившіяся въ водахъ Пилосскаго залива. Народъ ликовалъ въ Аѳинахъ, но Клеонъ заставилъ отвергнуть предложеніе спартанцевъ, выставивши невозможныя условія мира. Между тѣмъ флотъ аѳинскій сталъ и самъ нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ и воинахъ. Демосѳенъ послалъ въ Аѳины за подкрѣпленіями.

Требованіе Демосѳена озадачило аѳинское правленіе: всѣ здѣсь ожидали побѣды легкой и скорой. Клеонъ, по обыкновенію, не стѣсняясь, выражалъ свое неудовольствіе. „Вотъ они,—кричалъ онъ въ народномъ собраніи:—вотъ ваши знаменитые, доблестные мужи въ перьяхъ и украшеніяхъ! Много обѣщаютъ, но мало исполняютъ. Нѣтъ! если-бъ то былъ нашъ братъ, мы живо покончили бы съ врагами!“ Подхваченный на словѣ, Клеонъ, сколько ни упорствовалъ принять на себя начальство надъ войскомъ, ибо самъ былъ озадаченъ своею дерзкою рѣчью, но по настоятельному требованію народа долженъ былъ согласиться. У Ѳукидида подробно описано это бурное народное собраніе, въ которомъ Клеонъ неожиданно былъ сдѣланъ стратегомъ, ибо стратегъ Никій добровольно уступилъ ему свое званіе. Изъ описанія Ѳукидидова видно, съ какимъ негодованіемъ историкъ смотрѣлъ на

тогдашнее состояніе государства, въ которомъ какой-нибудь самохвалъ-демагогъ безъ всякаго достоинства, волновалъ народъ, и важнѣйшія дѣла государственныя рѣшались между смѣхомъ и шутками. Когда отъ упорства вновь избранный стратегъ перешелъ вдругъ къ дерзости и самохвальству и, при громкомъ смѣхѣ народа, обѣщалъ, въ продолженіе 20 дней, взять спартанцевъ живыми или мертвыми, то благоразумные люди не безъ удовольствія смотрѣли на эту сцену, надѣясь, что Клеонъ наконецъ посрамитъ себя и такимъ образомъ потеряетъ вліяніе на народъ. Но что же? противъ ожиданія всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ и вѣроятно, противъ собственнаго ожиданія, Клеонъ сдержалъ слово. Конечно, Демосѳеномъ подготовленныя распоряженія, положеніе осажденныхъ на островѣ, превосходство свѣжихъ силъ, прибывшихъ изъ Аѳинъ, и прихоть слѣпаго счастія объясняютъ этотъ успѣхъ, но дѣло въ томъ, что Клеонъ, который до сихъ поръ считалъ себя только отличнымъ государственнымъ человѣкомъ, теперь вообразилъ себя и великимъ полководцемъ.

Молва о неслыханномъ торжествѣ надъ спартанцами, считавшимися до сихъ поръ непобѣдимыми, облетѣла всю Элладу. Аѳины перешли теперь къ наступательной войнѣ. Свѣжіе полки, подъ предводительствомъ Никія, Демосѳена, Гипократа и другихъ сратеговъ, вторглись въ Пелопоннесъ и опустошили коринѳскую область, проникли въ самую Лаконію, гдѣ захватили островъ Киѳеру (нынѣшній Чериго), опустошили Локриду, Акарнанію и другія области; даже Низея, гавань Мегары, попала въ руки счастливыхъ побѣдителей. Казалось настаетъ время исполненія отважнѣйшихъ Перикловыхъ надеждъ и стремленій (424 г.) Аѳиняне владѣли двумя пунктами, Пилосомъ и Киѳерою, изъ которыхъ прямо могли дѣлать вторженія въ средину Пелопоннеса и возбуждать гелотовъ къ возстанію. Ослѣпленные счастіемъ, гордясь своимъ могуществомъ и управляемые хвастливымъ Клеономъ, аѳиняне отвергли всѣ предложенія о мирѣ. Но въ это время предводителемъ спартанскихъ войскъ снова явился

оправившійся отъ ранъ, упомянутый выше, Бразидъ. Какъ ни кратковременна была и на этотъ разъ карьера Бразида, одареннаго необыкновенными талантами, однако имѣла рѣшительное вліяніе на ходъ войны. Во первыхъ, Бразидъ возвратилъ дорійскому союзу Мегару, ниспровергнувши тамъ введенную аѳинянами демократію и учредивши олигархію. Но самый чувствительный ударъ могуществу аѳинянъ онъ предпринялъ нанести завоеваніемъ ихъ колоній на ѳракійскомъ и македонскомъ берегахъ. Такимъ образомъ онъ разсчитывалъ отнять у аѳинянъ богатый источникъ доходовъ. Для этого Бразидъ заключилъ союзъ съ македонскимъ царемъ Пердиккою. Съ небольшимъ войскомъ, изъ 1,700 гоплитовъ, Бразидъ устремился изъ Коринѳа такъ неожиданно и быстро, что ѳессалійцы не успѣли преградить ему путь. За тѣснинами Олимпа ожидалъ его Пердикка съ войскомъ. Соединившись съ нимъ, Бразидъ взялъ сначала Аканѳъ, потомъ подступилъ къ главной колоніи аѳинской въ Ѳракіи—Амѳиполису. Застигнутые врасплохъ, граждане укрылись за стѣнами и съ своимъ военачальникомъ, Эвкломъ, обдумывали что дѣлать, а между тѣмъ отправили гонца на островъ Тазосъ просить помощи у стратега Ѳукидида. Этотъ знаменитый человѣкъ, съ которымъ мы уже знакомы, какъ съ историкомъ, получивши непріятную вѣсть, немедленно покинулъ свое тазосское помѣстье и съ 7 триремами и кое-какими, наскоро набранными, воинами, двинулся къ Амфиполису. Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ бросилъ якорь въ устьѣ Стримона, но Амѳиполисъ уже сдался. Въ то же время военное счастіе и въ предѣлахъ Аттики перешло на сторону спартанцевъ. Эти неудачи и потеря Ѳракіи, съ одной стороны, а зависть нѣкоторыхъ спартанцевъ къ славѣ Бразида, съ другой, были причиной того, что умѣренная партія въ Аѳинахъ получила перевѣсъ и успѣла устроить перемиріе на одинъ годъ. Клеонъ былъ недоволенъ и не переставалъ кричать противъ перемирія до тѣхъ поръ, пока аѳиняне снова не возвысили его и не послали съ войскомъ противъ Бразида. Въ 422 г (олимпіады

89, годъ 3), въ сраженіи съ спартанцами при Амѳиполисѣ, Клеонъ былъ побѣжденъ и убитъ, но и Бразидъ, душа всѣхъ предпріятій, любимецъ воиновъ и гражданъ, получилъ здѣсь смертельную рану и прожилъ только до тѣхъ поръ, когда увидѣлъ счастливое окончаніе битвы.

Теперь, по смерти обоихъ главныхъ противниковъ мира, Никій съ своею партіей въ Аѳинахъ, и царь Плейстонаксъ въ Спартѣ, стали усердно работать для прекращенія войны. Всю зиму шли переговоры; весною между Аѳинами и Спартою заключенъ былъ такъ называемый Никіевъ миръ. Положено завоеванія обѣихъ сторонъ въ Аттикѣ и Лаконіи возвратить по принадлежности, плѣнныхъ размѣнять, Амфиполисъ оставить за Аѳинами, халкидскимъ городамъ, по очищеніи ихъ пелопоннесцами, возвратить прежнее положеніе. Постановлено также: каждый годъ возобновлять этотъ миръ клятвою и во всѣхъ священныхъ мѣстахъ Греціи поставить столбы съ начертаніемъ на нихъ условій мира. Въ слѣдующемъ году, примирившіяся стороны заключили оборонительный и *усмирительный* союзъ, потому что нѣкоторые союзники, именно віотійцы, мегарцы и особенно коринѳяне, сначала не хотѣли и слышать о мирѣ; но вражда прекратилась сама собою, когда аѳиняне и спартанцы объявили, что въ мирный договоръ включенъ и Коринѳъ. Съ Віотіею и Мегарою аѳиняне заключили особый договоръ.

Алкивіадъ.

Затруднительное положеніе и истощеніе средствъ, заставившія главныя враждовавшія государства помириться, не изгладили въ сердцахъ гражданъ ихъ затаеннаго недоброжелательства за испытанныя пораженія. Мало того: кромѣ главныхъ государствъ, вся Греція была въ напряженномъ состояніи; интересы были перепутаны; между нѣкоторыми городами существовала какъ бы наслѣдственная ненависть,

между другими — наслѣдственная дружба. Война только усилила ту и другую. Можно было предвидѣть, что всеобщая война неизбѣжно должна была возобновиться и кончиться только съ совершеннымъ паденіемъ одного изъ главныхъ соперничествовавшихъ государствъ Греціи. Нужно было только явиться какому-нибудь отважному демагогу, захватить въ свои руки власть надъ подвижными умами народа аѳинскаго и—сдержанная на время международная ненависть вспыхнула бы всею силой. Такимъ демагогомъ явился въ Аѳинахъ Алкивіадъ, сынъ Клинія. Въ судьбѣ отечества своего онъ имѣетъ чрезвычайное значеніе, и потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Пятилѣтнимъ мальчикомъ остался Алкивіадъ по смерти отца своего въ битвѣ коронейской и съ тѣхъ поръ жилъ въ домѣ ближайшаго своего родственника, Перикла, подъ руководствомъ Зопира, приставленнаго къ мальчику въ дядьки. Блестящія способности рѣзко отличали его отъ сверстниковъ, но проявленія въ немъ въ высшей степени своенравной, неукротимой природы прямо указывали, на сколько необходимо было ему воспитаніе правильное, послѣдовательное, проникнутое разумомъ, согрѣтое любовью. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ руководствомъ своего строгаго, разсудительнаго отца Алкивіадъ выросъ бы на гордость и радость своему отечеству; но въ домѣ знаменитаго родственника своего, изнѣженный, избалованный всеобщею угодливостью, онъ не усвоилъ никакого понятія объ уваженіи законовъ, о порядкѣ и повиновеніи. Окруженный подобострастіемъ и поклоненіемъ— ибо не только люди простаго званія, но и мужи, высоко стоявшіе въ обществѣ, дивились, какъ щедро природа надѣлила Алкивіада физическими и умственными преимуществами, юноша безсознательно давалъ полный просторъ своимъ инстинктамъ. Что же вышло? природная смѣлость обратилась у него въ заносчивость, честолюбіе, столь свойственное юношѣ, измельчало до степени пустаго тщеславія, а огромные таланты, вмѣсто того, чтобъ послужить славѣ отече-

ства и гражданъ, растратились на безнравственныя удовольствія и постыдную, ничѣмъ не вознаградимую, потерю времени. При такихъ данныхъ воспитанія, Алкивіадъ сталъ человѣкомъ, для котораго ничто въ жизни не казалось святымъ и неприкосновеннымъ—ни гражданское, ни естественное право, ни законъ, ни обычай, ни состояніе, ни возрастъ, ни полъ.

Таковъ былъ человѣкъ, который теперь выступилъ въ Аѳинахъ на политическое поприще. Блистательными способностями, истинно аѳинскимъ характеромъ, прекрасною наружностью и необыкновенною щедростью онъ скоро пріобрѣлъ у народа такое расположеніе, что въ самыхъ разнообразныхъ и затруднительныхъ общественныхъ вопросахъ, хотя и не безъ тайнаго недовѣрія, къ нему обращались взоры согражданъ. Алкивіадъ легко могъ бы сдѣлаться вторымъ Перикломъ, если-бъ, подобно ему, руководился въ управленіи твердыми правилами. Но тѣ времена доблестнаго служенія закону и безусловнаго самоотверженія на пользу отечества уже миновались. Изъ множества странностей, которыя любятъ приводить объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, разскажемъ одну; онъ бросаетъ яркій свѣтъ, какъ на характеръ личности, такъ и, въ особенности, на товременное состояніе народа и государства аѳинскаго, въ которомъ люди высокаго происхожденія, съ блистательными талантами и богатствомъ, осмѣливались при случаѣ явно идти наперекоръ законамъ и обычаямъ или обращать ихъ въ шутку. Однажды, еще юношей, Алкивіадъ держалъ съ товарищами пари, что онъ, при всѣхъ, на улицѣ, дастъ пощечину первому, кто съ нимъ встрѣтится. По несчастію, попался ему на встрѣчу одинъ очень почтенный и всѣми уважаемый въ городѣ старикъ, по имени Гиппоникосъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано; но посторонніе свидѣтели такой дерзости подняли страшную тревогу. Что же Алкивіадъ? Онъ слѣдуетъ за оскорбленнымъ старцемъ въ домъ, скидаетъ свое платье и предлагаетъ себя обиженному въ полное распоряженіе, утверждая, что перенесетъ самымъ покорнымъ образомъ всякое наказаніе,

какое тому угодно будетъ придумать. Старцу понравилось такое простодушіе юноши; онъ его простилъ, даже привязался къ нему, а впослѣдствіи выдалъ за него дочь свою, Ипарету. Бракъ этотъ, впрочемъ, не былъ счастливъ. При жизни тестя, все еще шло хорошо, но постоянство привязанности и супружеская вѣрность были далеко не въ воспитаніи Алкивіада. По смерти Гиппоникоса, дочь его не могла болѣе сносить безсовѣстныхъ оскорбленій своего права, а главное невозмутимаго равнодушія къ себѣ мужа, и предъ судомъ предъявила требованіе развода. Алкивіадъ былъ призванъ къ отвѣту, но вмѣсто того, чтобы оправдываться или признать свою вину, онъ охватилъ жену и со смѣхомъ и шуткой отнесъ ее домой. Тѣмъ и кончилось судебное изслѣдованіе, Ипарета не обращалась болѣе къ закону; она не долго прожила послѣ этого случая: печаль и ревность взяли свое.

На двадцатомъ году Алкивіадъ храбро сражался подъ стѣнами Потидеи, гдѣ, тяжело раненый, спасенъ былъ изъ пыла битвы своимъ наставникомъ Сократомъ. Потомъ онъ отличился при Деліонѣ; наконецъ очень добивался чести командовать отдѣльнымъ отрядомъ въ Пелопоннесѣ, но на этотъ разъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что ему поручено было служить представителемъ Греціи на играхъ олимпійскихъ. Онъ съ небывалымъ блескомъ и пышностью исполнилъ это почетное порученіе и получилъ на играхъ первый, второй и четвертый призы.

Въ началѣ своего политическаго поприща, Алкивіадъ держался умѣренной аѳинской партіи, благопріятствовавшей спартанцамъ, но вслѣдствіе невниманія и равнодушія, которыя Спарта обнаружила къ нему однажды, по случаю принятія спартанскихъ пословъ въ Аѳинахъ, онъ сдѣлался заклятымъ врагомъ Спарты и много надѣлалъ ей вреда. Онъ сумѣлъ ослабить ее тѣмъ, что вовлекъ (въ 420 г.) Аргосъ въ союзъ съ Аѳинами, а потомъ убѣдилъ Мантинею (въ Аркадіи) и Элиду также отстать отъ дорійскаго союза. Всѣмъ этимъ отпавшимъ городамъ Алкивіадъ умѣлъ въ заманчивомъ

Священная роща въ Актэ, въ Олимпіи.

свѣтѣ прадставить возможное въ будущемъ преобладаніе ихъ въ Пелопоннесѣ. Особенно легко Аргосъ дался на эту приманку, потому что давно уже мечталъ о возвращеніи себѣ древняго своего значенія. Союзъ Аргоса съ Аѳинами, хотя не былъ прямымъ нарушеніемъ общаго мира, но велъ къ разрыву, потому что давалъ мѣсто недовѣрчивости въ сношеніяхъ обоихъ главныхъ государствъ. Послѣ кровопролитной революціи, Аргосъ ввелъ у себя демократическій образъ правленія, триста аргосскихъ аристократовъ отвезены были на аѳинскіе острова и тамъ содержались подъ стражею. Но снова вспыхнула война лишь тогда, когда аѳиняне предприняли походъ въ Сицилію. Прежде, чѣмъ станемъ повѣствовать объ этомъ походѣ, имѣвшемъ такое роковое для аѳинянъ значеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, которыя предшествовали ему въ промежутокъ времени отъ 420 г. по 416, когда прибыли въ Аѳины послы изъ сицилійскаго города Эгеста.

Благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ храбраго царя лакедемонскаго, Агиса, Аргосъ и другіе отпавшіе отъ Спарты города не долго наслаждались надеждою на будущее величіе: битва при Мантинеѣ, гдѣ спартанское войско, подъ предводительствомъ Агиса, врасплохъ напало на аргивянъ, аркадцевъ и аѳинянъ, разрушила эти надежды; союзники были разбиты и бѣжали, Спарта возвратила прежній блескъ своему оружію и пріобрѣла прежнее значеніе въ Пелопоннесѣ; Аргосъ снова ввелъ у себя аристократію; Аѳины потеряли опору, пріобрѣтенную ими въ Пелопоннесѣ.

Въ это-то время явились послы изъ Эгеста просить помощи на сосѣдей своихъ, жителей города Селинунта. Еще во время пелопонесской войны, аѳиняне посылали флотъ къ берегамъ Сициліи, чтобы вредить тамошнимъ дорійскимъ колоніямъ, а черезъ то и могуществу Спарты, такъ какъ спартанцы, по торговому договору, заключенному съ Сиракузами, главнѣйшимъ изъ сицилійскихъ городовъ, могли покупать въ Сициліи жизненные припасы и военные снаряды.

Теперь Аѳины отправили въ Сицилію надежныхъ людей узнать положеніе тамошнихъ дѣлъ, на случай болѣе серьезнаго предпріятія противъ этого острова. Эгестяне такъ искусно умѣли скрыть свою бѣдность, такъ кстати обласкали и задарили пословъ и вручили имъ 60 талантовъ на сооруженіе аѳинскаго флота, что въ Аѳинахъ всѣ радовались новому союзу и готовились дѣятельно помогать Эгесту противъ Селинунта. Правда, Никій возсталъ противъ этого предпріятія, указывая на то, что еще и халкидскія колоніи не совсѣмъ

Отплытіе большаго флота.

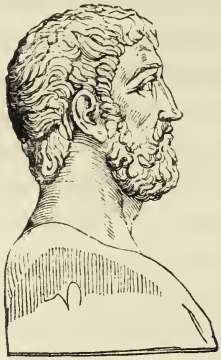
устроены послѣ войны, что Спарта и безъ того уже ждетъ лишь повода къ новой войнѣ съ Аѳинами, что наконецъ, едва ли можно ожидать хорошихъ результатовъ, если Аѳины впутаются въ борьбу съ могущественными Сиракузами. Никій заклиналъ своихъ согражданъ беречь славу и спокойствіе своего отечества и невести его на погибель изъ-за честолюбныхъ видовъ неболь-

шаго числа молодежи, которая, ослѣпивъ всю Грецію своимъ тщеславіемъ и пышностію, ищетъ, быть можетъ, подобнаго же счастія и въ чужой странѣ, съ пожертвованіемъ счастія своей родины.

Тогда всталъ въ собраніи Алкивіадъ, хорошо понявшій, на чей счетъ были сказаны Никіемъ послѣднія замѣчанія, и въ пламенной рѣчи старался оправдать, какъ свои собственныя прежнія дѣйствія, такъ и предстоящее предпріятіе. Онъ поставилъ на видъ согражданамъ, что пышностью и блескомъ въ своей офиціальной жизни онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ желалъ заявлять блескъ и славу Аѳинъ; что, добиваясь наградъ на олимпійскихъ играхъ, онъ думалъ о радости своего любезнаго отечества, что сами боги вручили Аѳинамъ ключъ ко владычеству надъ моремъ и сушей; что не Сиракузами только, со всѣми второстепенными сицилійскими городами, суждено имъ повелѣвать; но что, если-бъ вновь возгорѣлась пеллопонесская война, то во второй разъ они вышли бы изъ нея еще съ большею славой, чѣмъ въ первый. „Кто стоитъ за настоящее предпріятіе, воскликнулъ Алкивіадъ, тотъ стоитъ за могущество, счастіе, величіе Аѳинъ, а кто отвергаетъ его— въ томъ, стало быть, нѣтъ справедливаго, благороднаго довѣрія ни къ силамъ государства, ни къ себѣ самому".

Эта рѣчь до того воспламенила собраніе, что, когда Никій представилъ громадность средствъ, потребныхъ для исполненія задуманнаго предпріятія, всѣ, граждане, богатый и бѣдный, старый и молодой, спѣшили отдать въ распоряженіе правителямъ и деньги и личныя услуги. Почти единодушно рѣшенъ походъ. Никій, Алкивіадъ и храбрый Ламахъ избраны въ стратеги. Это было въ 415 году. Ни одно греческое государство не употребляло для исполненія какого-либо предпріятія столькихъ силъ, сколько собрано ихъ было въ этомъ случаѣ, а именно: 136 военныхъ триремъ, 5,100 гоплитовъ, 480 стрѣлковъ, 700 пращниковъ, 120 легко вооруженныхъ воиновъ и 30 всадниковъ въ походъ. За ними слѣдовали 30 триремъ съ съѣстными припасами и 100 съ другими необходимыми вещами; сверхъ того, множество купе-

ческихъ судовъ, приставшихъ къ флоту добровольно. На блестящемъ кораблѣ, окруженный многочисленной свитой, юный повелитель всѣхъ силъ сіялъ красотой и вооруженіемъ. Въ послѣдній разъ предъ отплытіемъ, онъ любовался Аѳинами и Акрополисомъ, и дивныя мысли, одна другой величественнѣе, одна другй заманчивѣе, смѣнялись въ пламенномъ воображеніи полководца. Обнимая взглядомъ все, что вокругъ и предъ нимъ такъ ясно говорило о его быстромъ, необычайномъ возвышеніи, онъ мечталъ о близкомъ грядущемъ и видѣлъ въ немъ лишь успѣхи и славу, а тамъ—Сицилія у ногъ его, Карѳагенъ—данникъ аѳинянъ, и—отъ Архипелага до столбовъ Геркулесовыхъ одна необъятная сила аѳинянъ, одно цвѣтущее, богатое, могущественное государство! Убаюканный сладкими грезами, Алкивіадъ не замѣчалъ ни облачка на своемъ свѣтломъ политическомъ небѣ. Скоро надвинулась цѣлая туча и разразилась надъ нимъ.



Алкивіадъ.

Въ ночь передъ отплытіемъ, весь городъ былъ встревоженъ страшнымъ происшествіемъ: большая часть *гермовъ* (каменные столбы, съ головою Гермеса на верхней оконечности, стоявшіе на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и улицахъ) была низпровергнута, и никто не зналъ, кто былъ виновникомъ святотатства. Въ то время еще очень строго наказывали за кощунство, ибо гражданскія постановленія такъ тѣсно связаны были съ религіею, что оскорбленіе боговъ было вмѣстѣ и уголовнымъ государственнымъ преступленіемъ. Много ходило различныхъ толковъ въ городѣ. Одни говорили, будто оскорбленіе святыни сдѣлано по проискамъ коринѳянъ, желавшихъ будто бы помѣшать войнѣ аѳинянъ съ Сиракузами (Сиракузы были коринѳскою колоніею). Многіе, впрочемъ, обвиняли Алкивіада съ товарищами. Алкивіадъ требовалъ, чтобы дѣло

было немедленно и строго изслѣдовано; но враги его желали прежде удалить его изъ Аѳинъ, и потому убѣдили народъ отложить разбирательство до возвращенія его изъ похода.

2. Походъ въ Сицилію.

Походъ начался подъ самыми счастливыми предзнаменованіями. Уже Алкивіадъ овладѣлъ Наксосомъ, занялъ Катану и въ самой Мессанѣ пріобрѣлъ партію, которая готова была предать городъ аѳинянамъ; уже совершили рекогносцировку къ Сиракузамъ и возвратились въ Катану, чтобы обдумать и составить планъ высадки у Сиракузъ и осады этого города съ сухаго пути и съ моря; но въ Катанѣ всѣ озадачены были появленіемъ аѳинскаго государственнаго корабля «Саламиніи.» Алкивіадъ долженъ былъ немедленно отправиться на немъ къ отвѣту въ Аѳины. На пути узналъ онъ, какъ тотчасъ по отплытіи флота изъ Аѳинъ представлено было на него множество обвиненій не только въ нечестіи, но даже въ заговорѣ противъ демократіи; какъ враги его успѣли любовь народа превратить въ смертельную къ нему ненависть; какъ многіе изъ почтенныхъ гражданъ поплатились уже жизнью за мнимое участіе во взводимыхъ на него преступленіяхъ. Предвидя, что предстать предъ такимъ изступленнымъ судомъ, каковъ тотъ, который теперь былъ учрежденъ въ Аѳинахъ для разсмотрѣнія дѣлъ противъ религіи, значило подвергнуть себя неизбѣжному осужденію, Алкивіадъ бѣжалъ на пути изъ города Ѳурія, куда корабль на время присталъ. Безъ отечества, безъ друзей, скитаясь въ чужой сторонѣ, Алкивіадъ не погибъ, но придумалъ страшное мщеніе. Когда, до него дошла вѣсть о томъ, что въ Аѳинахъ ему произнесенъ смертный приговоръ, онъ воскликнулъ: «Я покажу имъ, что я живъ.» (У Плутарха: *Vita Alciviadis, cap. 23)*. Всю свою изобрѣтательность, весь свой геній, всю свою силу и волю Алкивіадъ съ этихъ поръ

употребилъ на то, чтобы накликать на Аѳины всевозможныя бѣдствія, разорить, разстроить, унизить ихъ, довести до отчаянія, до неизбѣжной необходимости воззвать о пощадѣ къ виновнику всѣхъ этихъ бѣдствій и—тогда сдѣлаться спасителемъ своего отечества, возвести его снова на верхъ славы и могущества, овладѣть умами, сердцами согражданъ.

Алкивіадъ бѣжалъ въ Спарту и отсюда далъ почувствовать Аѳинамъ свое мщеніе. По его совѣту, спартанцы отправили на помощь Сиракузамъ отличнаго полководца, Гилиппа. На коринѳскихъ корабляхъ присталъ Гилиппъ къ эпизефирійскимъ Локрамъ и оттуда (414 г.), съ трехтысячнымъ войскомъ, смѣло совершилъ переходъ черезъ островъ къ Сиракузамъ. Помощь приспѣла какъ нельзя болѣе кстати, потому что сиракузяне, осажденные съ суши и съ моря, уже отчаявались въ защитѣ. Побѣды Гилиппа совершенно измѣнили положеніе дѣлъ подъ Сиракузами: чаще и чаще жители города дѣлали удачныя вылазки, а въ 413 г., собравшись съ духомъ, они построили нѣсколько кораблей съ крѣпкими носами и дерзнули въ двухъ небольшихъ стычкахъ одержать верхъ надъ аѳинянами на ихъ любимой стихіи. Въ этомъ же году, по просьбѣ Никія (онъ остался главнокомандующимъ по смерти Ламаха), аѳиняне, не смотря на вновь возгорѣвшуюся войну съ Спартою, послали ему на помощь опытнѣйшаго своего полководца, побѣдителя при Сфактеріи, Демосѳена, съ 75 триремами, 5,000 гоплитовъ и значительнымъ количествомъ легковооруженныхъ воиновъ. Демосѳенъ, привыкшій дѣйствовать быстро, тотчасъ сообщилъ движеніе военнымъ силамъ аѳинянъ; но рѣшительное ихъ нападеніе было вполнѣ неудачно, такъ что они положили снять осаду. Уже флотъ аѳинскій готовился отплыть вмѣстѣ съ осаждавшими; но тутъ случилось лунное затмѣніе, давшее другой оборотъ дѣлу. Суевѣрный Никій счелъ затмѣніе за дурной знакъ. Жрецы и оракулы, которыми онъ постоянно окружалъ себя, убѣдили его непремѣнно переждать на мѣстѣ 27 дней. Этимъ срокомъ воспользовались сиракузяне и

заперли большую гавань, въ которой находился аѳинскій флотъ. Теперь все зависѣло отъ исхода сраженія внутри самой гавани. И вспыхнуло сраженіе, одно изъ отчаяннѣйшихъ, которыя когда-либо происходилие , нна жизнь, а на смерть. Напрасно старались аѳиняне пробиться въ море сквозь цѣпь непріятельскихъ судовъ; напрасны были искусство и опытность, выказанныя при этомъ стратегами, напрасно аѳинскіе гоплиты и стрѣлки мужественно отбивали напоръ непріятеля,—сраженіе окончилось совершеннымъ пораженіемъ аѳинянъ. Они сами сожгли тѣ корабли, которые уцѣлѣли отъ битвы, и рѣшились сухимъ путемъ искать спасенія въ

Аѳинскій флотъ у Сиракузъ.

союзныхъ городахъ. Пораженіе аѳинянъ было такъ велико, что они не могли даже исполнить священнѣйшей обязанности—предать убитыхъ погребенію. Лишь на третій день послѣ битвы, войско аѳинское и всѣ, кто уцѣлѣлъ отъ пораженія, въ числѣ 4,000 человѣкъ, выбились изъ города, перешли черезъ рѣчку Анапосъ и стали отступать дальше; но половина ихъ погибла отъ неутомимаго преслѣдованія, голода и истощенія силъ. Оба стратега съ остатками вой-

ска были взяты въ плѣнъ, и сколько ни старался Гилиппъ спасти ихъ и приберечь въ числѣ трофеевъ для Спарты, но они были казнены въ Сиракузахъ. Прочіе плѣнные, около 7,000 ч., въ продолженіе 70 дней томились на каменоломняхъ, потомъ распроданы въ рабство. Весьма немногіе были ощажены и возвратились въ отечество.

Какъ громомъ поражены были Аѳины вѣстью о погибели всего войска и флота. Обезсиленные, безъ денежныхъ средствъ, они могли, вдобавокъ, всякую минуту ждать появленія побѣдоноснаго флота сиракузскаго. Флотъ этотъ не являлся, но зато мщеніе Алкивіада повергло Аѳины въ самое затруднительное положеніе. По его совѣтамъ, спартанцы вмѣсто ежегодныхъ вторженій въ Аттику, заняли въ ней укрѣпленныя мѣста; онъ же умѣлъ вовлечь въ эту войну персовъ и выпросилъ у нихъ денежную помощь спартанцамъ. Такимъ образомъ, Спарта могла теперь явиться и морскою державою. И дѣйствительно, флотъ этотъ былъ выведенъ въ 412 г. и привлекъ на Аѳины самыя печальныя послѣдствія: отпали Хіосъ, Лесбосъ, Милетъ, а за ними и Родосъ перемѣнилъ образъ правленія; отдаленная Византія и насупротивъ ея лежащій Халкедонъ признали надъ собою господство Спарты. Тѣ времена, когда флагъ аѳинскій господствовалъ на моряхъ, теперь миновали. Зато, наученный опытомъ, народъ аѳинскій сталъ недовѣрчивѣе къ ораторамъ и гадателямъ (послѣдніе предвѣщали столько счастія и славы Аѳинамъ отъ сициліскаго похода!), сталъ принимать совѣты только отъ людей благоразумныхъ. Послѣдняя тысяча талантовъ была употреблена на постройку новаго флота, чтобы можно было удержать вліяніе Аѳинъ на остальныхъ союзниковъ, чтобы попытаться возвратить утраченное могущество, а въ случаѣ новаго несчастія—погибнуть достойнымъ образомъ.

До сихъ поръ Алкивіадъ былъ душею предпріятія спартанцевъ противъ Аѳинъ. Необыкновенная изворотливость ума, красота, ловкость тѣлесная скоро сроднили его съ спар-

танцами. Первый призъ получалъ онъ въ воинственныхъ упражненіяхъ, а знаменитую черную похлебку ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ будто былъ настоящимъ сыномъ Эврота. Но отношенія его къ Спартѣ подъ конецъ пошатнулись: нѣжныя связи его съ прекрасной Тимеа, супругой царя Агиста, заставили спартанцевъ забыть недавнія услуги, полученныя отъ него. Суровые лакедемонцы видѣли лишь оскорбленіе своихъ законовъ и—эѳоры послали въ Милетъ (гдѣ въ то время находился Алкивіадъ), къ начальнику войскъ повелѣніе стараться удалить безпокойнаго аѳинскаго эмигранта.

Узнавъ объ этомъ, Алкивіадъ отправился ко двору Тиссаферна, того персидскаго сатрапа, котораго онъ недавно убѣдилъ помогать спартанцамъ деньгами и флотомъ. Отнынѣ Алкивіадъ сталъ чаще и чаще подумывать о спасеніи своего отечества, доведеннаго имъ до отчаяннаго положенія. Поэтому онъ понемногу охлаждалъ расположеніе Тиссаферна къ спартанцамъ, внушая ему, что выгоды персовъ требуютъ, какъ можно долѣе, тянуть войну между греками; а между тѣмъ велъ переговоры съ аѳинскими стратегами, которыхъ главная квартира была въ Самосѣ. Онъ обѣщалъ имъ и свое содѣйствіе и персидскую помощь, если Аѳины вызовутъ его въ отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнятъ у себя образъ правленія. Войско аѳинское отправило въ Аѳины Пизандра—представить требованіе Алкивіада. Легко можно вообразить себѣ, какое сопротивленіе оказали Пизандру враги Алкивіада, особенно жрецы и священные провозвѣстники Деметры, надъ таинствами которой онъ будто бы издѣвался; но Пизандръ на всѣ возраженія отвѣчалъ вопросомъ: „какимъ средствомъ они думаютъ спасти отечество?“ Когда всѣ замолчали въ недоумѣніи, Пизандръ прямо объявилъ, что нѣтъ другаго средства, кромѣ возвращенія Алкивіада. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пизандръ утѣшалъ народъ надеждою на лучшую будущность, когда имъ снова можно будетъ возстановить демократическій образъ правленія. Народъ

уполномочилъ его вести переговоры съ Алкивіадомъ и на мѣсто обоихъ стратеговъ, Фриниха и Скиронида, усердныхъ демократовъ, назначилъ приверженцевъ новой системы.

Такъ совершился нежданый, разительный переворотъ въ самомъ основаніи устройства аѳинскаго государства: глава демократическаго союза государствъ, Аѳины стали, по силѣ обстоятельствъ, аристократіей! Пизандръ составилъ въ Аѳинахъ *совѣтъ четырехъ сотъ*, которому подчинилъ *народное собраніе*. Сенаторамъ выдано годичное жалованье и велѣно молчать. Они удалились отъ дѣлъ правленія и замолчали, какъ покорные холопы. Насильственно-введенная олигархія не долго, впрочемъ, держалась Войско въ Самосѣ поставило начальниками своими двухъ рѣшительныхъ демократовъ, Ѳразибулла и Ѳразилла, и вызвало Алкивіада, потому что отъ него одного ожидало спасенія отечеству. Рѣшительный переворотъ, сдѣланный войскомъ, отозвался и въ Аѳинахъ: демократія снова введена почти въ прежнихъ формахъ; народъ вызвалъ Алкивіада съ тѣмъ, чтобы передать ему неограниченную власть—распоряжаться дѣлами правленія и войною.

Война въ это время съ перемѣннымъ счастіемъ гремѣла въ водахъ Геллеспонта. Въ одной упорной, но нерѣшительной битвѣ вдругъ явилась эскадра въ 20 кораблей. Она шла прямо къ аѳинскому флоту. Пурпурный флагъ развѣвался на передовой триремѣ; то былъ Алкивіадъ и съ нимъ побѣда. Непріятельскій флотъ былъ отброшенъ къ берегамъ, и здѣсь только содѣйствіе персидской конницы, подъ начальствомъ сатрапа Фарнабаза, спасло пелопоннесцевъ отъ совершеннаго пораженія.

Побѣда Алкивіада стоила ему дорого: когда онъ послѣ нея явился къ своему старому союзнику, Тиссаферну, и сталъ склонять его на сторону аѳинянъ, персъ заковалъ его въ оковы и отправилъ въ Сарды. Цѣлую зиму томился Алкивіадъ въ темницѣ; но вѣрный другъ его подкупилъ стражей, и Алкивіадъ опять устремился (410 г.) на помощь

аѳинянамъ, къ Геллеспонту. Притворнымъ бѣгствомъ онъ выманилъ непріятельскій флотъ изъ безопасной гавани, разбилъ его совершенно и, отплативши такимъ образомъ за недавно понесенныя аѳинянами, подъ начальствомъ Ѳразивулла и Ѳерамена, пораженія, овладѣлъ городомъ Кизикомъ (на Пропонтидѣ, нынѣшнемъ Мраморномъ морѣ), гдѣ пелопоннесцы утвердили было опорный пунктъ своихъ дѣйствій. Въ короткое время (въ три года) Алкивіадъ не только разстроилъ могущество Пелопоннеса на сушѣ и на морѣ, но снова покорилъ аѳинскому вліянію большую часть отпавшихъ городовъ, а именно: Тазосъ, Перинтъ халдійскій, Халкедонъ и Византію; Фарнабаза же принудилъ къ выгодному для аѳинянъ договору.

---

3. Возвращеніе Алкивіада.

Настало время возвратиться въ нѣдра давно покинутаго отечества. Изъ Азіи, мимо Пелопоннеса, Алкивіадъ направилъ путь свой къ предѣламъ благословенной Аттики. И снова какъ въ былое время, засіяли предъ нимъ Суніонъ съ своимъ мраморнымъ храмомъ, Акрополисъ все по-прежнему величественный и прекрасный, и золотые шлемъ и копье богини-покровительницы. Никогда еще не свѣтились ему такъ ярко этотъ шлемъ и это копье, и никогда не молили они его такъ привѣтливо отдохнуть въ объятіяхъ роднаго города. Пирей распахнулся предъ нимъ и, благопріятствуемый счастливымъ вѣтромъ, на пурпурныхъ парусахъ съ музыкой и пѣснями, съ 200 непріятельскихъ кораблей, нагруженныхъ добычей, вошелъ въ гавань тотъ, къ кому обращены были теперь взоры согражданъ, отъ кого одного чаяло отечество спасенія и славы. Какъ при походѣ въ Сицилію, такъ и теперь, на палубѣ передняго судна красовалась величественная фигура человѣка, въ рукахъ котораго, казалось, отнынѣ и счастіе и погибель Аѳинъ. Никто не сахранилъ намъ свѣдѣній о томъ, какія мысли волновались въ головѣ Алкивіада, когда онъ приближался къ берегу, усѣянному друзьями и приверженцами, а вдали яркая толпа народа стремилась привѣтствовать героя недавнихъ блестящихъ побѣдъ. Вспоминалъ ли онъ прошедшее и то, какъ непохоже оно вышло на былыя гордыя грезы; или, въ упоеніи радостной

встрѣчи и свиданія, онѣ ярче прежняго зашевелились въ немъ; или, наконецъ, пройдя такимъ долгимъ путемъ поучительныхъ испытаній, Алкивіадъ рѣшился съ этой минуты посвятить божественные дары генія на благо и славу отечества, а не на удовлетвореніе собственнаго тщеславія и мести? Не извѣстно.

Окруженный блистательной свитой адмираловъ, стратеговъ соратниковъ, сопровождаемый радостными восклицаніями народа, шествовалъ Алкивіадъ прямо къ сенату. Здѣсь онъ

Спартанцы, по приказанію Лизандра, ниспровергаютъ стѣны аѳинскія.

произнесъ свое оправданіе; но конечно, самымъ лучшимъ и краснорѣчивымъ оправданіемъ прежнихъ проступковъ Алкивіада служили недавнія побѣды, возстановившія на время значеніе Аѳинъ. Алкивіадъ снова сдѣлался въ Аѳинахъ средоточіемъ политической и общественной жизни, снова сдѣ-

лался идоломъ народа. Въ томъ же году онъ отправленъ стратегомъ въ Азію съ неограниченной властью во главѣ флота, состоявшаго почти изъ ста кораблей. Алкивіадъ двинулся къ Самосу, гдѣ въ безопасной гавани собраны были силы лакедемонянъ, около 90 кораблей.

Пока происходили описанныя происшествія, въ Малой Азіи совершились такія перемѣны, которыя были вовсе не въ пользу аѳинянъ: 1) на мѣсто Тиссаферна царь персидскій посадилъ любимѣйшаго изъ своихъ многочисленныхъ сыновей, Кира Младшаго, человѣка молодаго, дѣятельнаго и не испорченнаго еще серальною жизнью; 2) во главѣ спартанскаго войска явился потомокъ обѣднѣвшаго рода Гераклидовъ, человѣкъ съ необыкновенными военными дарованіями, предусмотрительностью въ предпріятіяхъ, энергіею въ исполненіи и съ рѣдкимъ умѣніемъ пользоваться обстоятельствами, однимъ словомъ—Лизандръ. Если въ геніальности соображенія, въ неистощимой изобрѣтательности касательно средствъ онъ и уступалъ аѳинскому военачальнику, зато превосходилъ его въ томъ, что, слѣдуя неуклонно путемъ честнаго служенія благу отечества, ни разу не поддавался соблазну золота и не приносилъ своей неутомимой дѣятельности въ жертву празднымъ удовольствіямъ жизни. Когда Киръ на обѣдѣ пилъ здоровье своего высокаго спартанскаго гостя и затѣмъ предоставилъ ему просить, чего хочетъ, то Лизандръ, пользуясь случаемъ, попросилъ „по оболу прибавки на каждаго воина на флотѣ.“ Такое необыкновенное безкорыстіе, и притомъ въ ту пору, когда эллины такъ часто выказывали наклонность къ наслажденіямъ и золоту, поразило Кира и послужило основаніемъ безграничнаго его довѣрія къ Лизандру. Лизандръ извлекъ изъ этого ту пользу, что еще болѣе скрѣпилъ союзъ Спарты съ малоазіятскими городами.

Алкивіадъ видѣлъ трудность своего положенія; но по недостаточности денежныхъ средствъ, не могъ помѣшать успѣхамъ непріятеля и долженъ былъ ждать болѣе счастливыхъ обстоятельствъ. Прежняя страсть къ разсѣянности и насла-

жденіямъ и тутъ погубила Алкивіада. Отправившись на берегъ поговорить и условиться въ дѣйствіяхъ съ Ѳразивулломъ, онъ увлекся удовольствіями веселаго общества, оживленнаго очаровательными іонянками, а въ это время тщеславный Антіохъ, которому Алкивіадъ передалъ на время начальство надъ флотомъ, съ строгимъ наказомъ избѣгать сраженія, завлеченный Лизандромъ, далъ битву и былъ пораженъ при Эфесѣ. Потеря была невелика, но впечатлѣніе, произведенное побѣдой Лизандра на персовъ, окончательно уронило въ глазахъ ихъ аѳинянъ. Гибельнѣе же всего для послѣднихъ было то, что, ожидая отъ Алкивіада побѣды за побѣдой и получивши вѣсть о пораженіи, народъ еще разъ послушался враговъ Алкивіада, и въ ту минуту, когда государство менѣе всего могло обойтись безъ его услугъ, низложило его. Изгнанный и своими и варварами, Алкивіадъ удалился въ свои помѣстья, во ѳракійскомъ Херсонесѣ, и тамъ оставался, въ выжиданіи, не вызовутъ ли его снова на политическое поприще какія-нибудь перемѣны обстоятельствъ.

Черезъ годъ и надъ спартанскими силами является начальникомъ, вмѣсто Лизандра, Каликратидъ, благороднѣйшее олицетвореніе спартанскихъ доблестей. Храбрый, справедливый, врагъ скрытности и низостей, Каликратидъ блистательно началъ свое поприще, но преждевременно кончилъ его. Быстрымъ движеніемъ онъ неожиданно напалъ съ моря на Киме и Фокею, взялъ ихъ, а потомъ овладѣлъ и Метимномъ лесбосскимъ. Когда послѣ этой побѣды полководцы убѣждали Каликратида продать въ рабство плѣнныхъ метимнянъ и аѳинянъ, военачальникъ отвѣчалъ: „Пока въ моихъ рукахъ власть, никто изъ моихъ собратовъ-эллиновъ не будетъ отданъ въ рабство!“ И онъ отпустилъ плѣнныхъ. Сраженіе при Метимнѣ служило лишь преддверіемъ къ другому, болѣе рѣшительному. Во главѣ 140 кораблей, Каликратидъ пустился за 70 аѳинскими, которыми начальствовалъ Кононъ, разбилъ ихъ и, загнавши въ лесбосскую гавань, самъ двинулся навстрѣчу аѳинской армадѣ изъ 150

кораблей, шедшей къ своимъ на помощь. При Аргинузскихъ островахъ, въ 406 г., произошло кровопролитное, упорное сраженіе. Каликратидъ палъ въ сраженіи; выиграли побѣду аѳиняне.

Какъ недостойны были теперешніе аѳиняне своихъ великихъ предковъ, видно изъ поступковъ ихъ съ побѣдителями аргинузскими. Вмѣсто награды, послѣдніе были обвинены въ томъ, что послѣ битвы не извлекли изъ воды труповъ убитыхъ. Не смотря на то, что имъ помѣшала въ томъ сильная буря, родственники убитыхъ настояли, чтобъ стратеговъ, начальствовавшихъ въ этой битвѣ, казнили смертью. Шестеро изъ нихъ, въ этомъ числѣ и Перикилъ, сынъ знаменитаго Перикла и Аспазіи, были дѣйствительно казнены; двое спаслись бѣгствомъ. Потомъ народъ раскаялся и такъ же несправедливо излилъ свое мщеніе на обвинителей. «Ясно было видно, говоритъ Ксенофонтъ въ своей исторіи (см. *Xenophont. Hellenic., lib. 1, cap. 7*), что народъ управляется не законами, а страстями.»

Послѣ пораженія при Аргинузскихъ островахъ, спартанскіе союзники снова добились возвышенія Лизандра, и его-то военнымъ и дипломатическимъ дарованіямъ дорійскій союзъ обязанъ счастливымъ окончаніемъ пелопоннесской войны.

Въ 405 г., съ 150 кораблями, Лизандръ быстро двинулся мимо Пирея, въ Геллеспонтъ. Послѣднее усиліе аѳинянъ (ибо аргинузская побѣда стоила имъ очень дорого)—сто восемьдесятъ кораблей—слѣдовали за нимъ. Пройдя надежный портъ Цестоса, аѳиняне расположились у Эгосъ-Потамоса, насупротивъ Лампсака, въ которомъ укрѣпился Лизандръ со всѣми своими силами. Здѣсь аѳиняне хотѣли въ генеральномъ сраженіи рѣшить судьбу войны. Лизандръ уклонялся отъ битвы и выжидалъ благопріятной минуты. Алкивіадъ, жившій недалеко отъ этого мѣста и слѣдившій за распоряженіями и планами хитраго Лизандра, предупреждалъ аѳинянъ и совѣтовалъ имъ укрѣпиться въ Центосѣ.

Берега Херсонеса у Эгосъ-Потамоса.

Его предостереженія были съ презрѣніемъ отвергнуты. И вотъ въ то самое время, когда аѳиняне менѣе всего видѣли опасности, экипажъ кораблей разсѣялся по берегу, а войско отдыхало или предавалось развлеченіямъ. Лизандръ нападаетъ на аѳинянъ и, какъ внезапная буря, разражается надъ ними. Войско, корабли, матросы, имущество—все или уничтожено, или дѣлается добычей спартанцевъ. Только одинъ Кононъ, не раздѣлявшій общей безпечности, спасся съ своими 12 триремами, но не въ Аѳины,—Аѳины онъ считалъ теперь погибшими,—а въ Кипръ. Пораженіе при Эгосъ-Потамосѣ (405 г. до Р. Х., олимпіады 93-й) уничтожило послѣднія силы Аѳинъ. Триста плѣнныхъ аѳинянъ Лизандръ представилъ предъ военный судъ, составленный изъ спартанцевъ и союзниковъ. Всѣ были осуждены и казнены. Изъ этого безчеловѣчнаго поступка видно, до какой степени ожесточенія дошли, подъ конецъ войны, обѣ враждующія стороны.

Эгосъ-потамосская битва была послѣднимъ великимъ событіемъ въ пелопонесской войнѣ: она рѣшила паденіе Аѳинъ. Города и острова, подчиненные аѳинянамъ, сдавались теперь Лизандру почти безъ сопротивленія. Черезъ 2 мѣсяца, въ ноябрѣ, Лизандръ съ флотомъ явился передъ Пиреемъ, а цари, Агисъ и Павзаній, осадили городъ съ суши. Нѣсколько времени аѳиняне мужественно выдерживали осаду, но скоро открывшійся въ городѣ страшный голодъ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Аѳины были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что, наконецъ, рѣшились послать въ Спарту Ѳермена съ полномочіемъ—заключить миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Спартанцы показали въ своихъ требованіяхъ болѣе умѣренности и сговорчивости, нежели какъ можно было ожидать въ такихъ обстоятельствахъ, но все-таки условія, предписанныя ими аѳинянамъ, были жестоки и унизительны: аѳиняне должны были разрушить стѣны вокругъ города и гавани Пирея, выдать всѣ военные корабли, кромѣ 12, возвратить всѣхъ изгнанниковъ и признать геге-

монію Спарты. По принятіи мирныхъ условій, Лизандръ въ маѣ 404 г., вступилъ въ Пирей. При звукахъ спартанской военной музыки стѣны были разрушены. Учредивши въ Аѳинахъ правленіе 30 мужей, по образцу спартанской герузіи, Лизандръ возвратился въ отечество. Это возвращеніе его было непрерывнымъ рядомъ торжественныхъ встрѣчъ и поздравленій, особенно въ Пелопоннесѣ, ибо повсюду думали, что насталъ часъ свободы всей Греціи.

Съ паденіемъ Аѳинъ совершилась и судьба Алкивіада. Отъ ненависти спартанцевъ онъ бѣжалъ въ Виѳинію и намѣренъ былъ оттуда отправиться ко двору персидскаго царя (Артаксерса II), но Киръ Младшій, убѣжденный Лизандромъ, послалъ отрядъ войска схватить его. Посланные нашли его въ фригійской деревнѣ и, не осмѣливаясь напасть открытою силою, хотя Алкивіадъ былъ одинъ и безоруженъ, ночью окружили и подожгли его домъ, а когда Алкивіадъ выскочилъ изъ пламени—поразили его стрѣлами. Никто не оплакалъ его, кромѣ прекрасной Тимандры, вѣрной подруги послѣднихъ лѣтъ его жизни. Такъ угасъ этотъ блестящій метеоръ, пронесшійся надъ Греціей и оставившій въ ней, особенно въ Аѳинахъ, одно лишь разрушеніе.

Аѳинское могущество рухнуло. Надъ Аттикою тяготѣло желѣзное правленіе 30 мужей, извѣстныхъ подъ именемъ *30 тирановъ*. Во главѣ ихъ были отважный, энергическій Критій и благоразумный, опытный въ государственныхъ дѣлахъ Ѳераменъ. Это было правленіе отравы и изгнанія, направленныхъ сначала противъ тѣхъ гражданъ, которыхъ тираны считали, по чему бы то ни было, опасными для олигархіи, а потомъ—и противъ всѣхъ, чье имущество соблазняло самодержавныхъ правителей. За оппозицію Критію въ жестокихъ мѣрахъ, Ѳераменъ сдѣлался его жертвою. Аѳиняне толпами бѣжали изъ роднаго города, особенно Мегара и Ѳивы были наполнены бѣглецами. Вскорѣ въ Ѳивахъ составился союзъ изгнанниковъ и подъ предводительствомъ мужественнаго Ѳразивула вторгнулся въ Аттику

и овладѣлъ Пиреемъ. Критій въ одной жаркой стычкѣ былъ убитъ. Ѳразивулъ собралъ вокругъ себя всѣхъ, на кого можно было разсчитывать для ниспроверженія олигархіи. Олигархи обратились за помощью къ Спартѣ, но ссора Лизандра съ Павзаніемъ спасла надежды усердныхъ демократовъ. Павзаній успѣлъ примирить обѣ враждовавшія стороны. По этому миру въ Аѳинахъ былъ возстановленъ Солоновъ образъ правленія (въ 403 году): архонты, совѣтъ пяти сотъ, агора, геліе, со всѣми учрежденіями, бывшими въ связи съ этими основными формами первой демократіи. Всеобщее прощеніе въ прежнихъ оскорбленіяхъ и несправедливостяхъ, изданное Ѳразивулломъ (это всепрощеніе не распространялось только на 30 тирановъ, изгнанныхъ изъ Аѳинъ, и на 11 исполнителей казни), подтверждено было торжественною клятвою правительственныхъ лицъ. Въ то же время, Никомаху поручено сдѣлать новое изданіе Солоновыхъ законовъ. Съ возстановленіемъ демократіи снова ожили земледѣліе, ремесла, художества и торговля; снова пошла жизнь аѳинская обычнымъ путемъ; но ужь никогда болѣе не возносились Аѳины на ту степень величія, богатства и славы, съ которой свела ихъ пелопонесская война.

---

4. Жизнь и образованіе въ этомъ періодѣ.

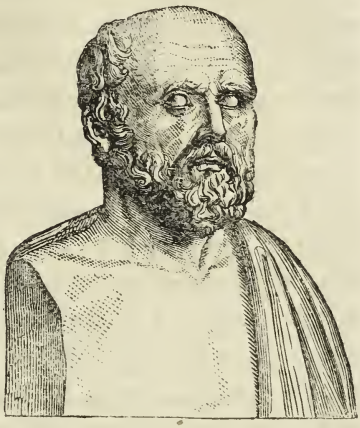
Роковая пелопоннесская война наложила руку на многое и въ общественномъ, и въ частномъ быту эллиновъ. Лишь оружейникамъ, кораблестроителямъ и т.п. личностямъ, занятія которыхъ совпадали съ потребностями войны, она была полезна; другіе же ремесленники, а въ особенности художники, совсѣмъ разорились. Торговля тоже прекратилась или съ большими затрудненіями должна была выискивать себѣ иные пути, далеко не столь выгодные, и довольствоваться ими. Только общественные праздники не прерывались войной, такъ какъ эти праздники тѣсно были связаны съ религіей народа греческаго, да драматическія представленія шли своимъ порядкомъ, ибо эти представленія возникли изъ служенія Діонисію.

Слѣдствія войны замѣтны были въ общемъ уменьшеніи народнаго благосостоянія. Прошло время уютной, пріятной жизни аѳинской. Граждане разорились; въ каждомъ семействѣ оплакивали потерю отца, брата, супруга. Правда, свѣтлая природа Греціи, веселый духъ народа, въ особенности аѳинянъ, а главное—время, верховный цѣлитель скорбей, изгладили понемногу рѣзкіе слѣды недавнихъ потрясеній; но переворотъ Аѳинъ въ государственномъ значеніи отозвался

и въ частномъ быту гражданъ. Жизнь безвозвратно утратила прежнюю ясность, простоту и пріятность, или же стала возрождаться въ другихъ формахъ, непохожихъ на прежнія. Такъ, свѣтлые, семейные пиры аѳинянъ стали болѣе похожи на попойки; прежній добрый, похвальный обычай пировъ смѣнился стремленіемъ лишь къ наслажденіямъ чувственнымъ. Много значило, что на мѣстѣ истинной, искренней религіозности отцевъ теперь осталась одна только форма ея. Теперь вошло въ обыкновеніе издѣваться надъ древними сказаніями о богахъ, а въ религіозныхъ обрядахъ видѣть лишь исполненіе формы. Вѣрованія самой массы гражданъ, какъ ни крѣпко, повидимому, послѣдніе держались ихъ (вспомнимъ исторію Алкивіада по поводу гермовъ), также утратили свое прежнее нравственное значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и прежнее глубокое вліяніе на жизнь. Гаданія и жертвоприношенія совершались еще прежнимъ порядкомъ, по формѣ, но теперешній грекъ не видѣлъ уже въ нихъ существенно важнаго для себя; въ важныхъ случаяхъ жизни онъ искалъ уже опоры въ своихъ собственныхъ силахъ и средствахъ, не безпокоя за этимъ блаженныхъ жителей Олимпа и предоставляя имъ наслаждаться невозмутимо нектаромъ и амвросіей.

Распространеніе въ обществѣ болѣе вѣрныхъ понятій о свойствѣ вещей служило самымъ твердымъ основаніемъ къ ослабленію существовавшихъ въ то время народныхъ религіозныхъ вѣрованій. Внимательнѣе вглядываясь въ природу, изучая ея силы и средства, изслѣдывая ея творенія, люди естественно стали доходить до такихъ заключеній, которыя трудно было примирить съ существовавшими дотолѣ религіозными представленіями о мірозданіи и объ отношеніи человѣка къ божеству и другъ къ другу. Первыми сподвижниками и проводниками здравыхъ понятій о натуральной философіи были Анаксагоръ, наставникъ Перикловъ, и Демокритъ, изъ Абдеры. Далѣе, врачи много содѣйствовали распространенію въ народѣ подобныхъ, болѣе здравыхъ понятій о природѣ вещей, ибо уже проходило время, когда вол-

шебства, заклинанія, таинственныя заговариванія и т. п. средства служили альфой и омегой медицины. Извѣстнѣйшій врачъ древности, Гиппократъ, родился на островѣ Косѣ, въ 456 г., умеръ въ 366 г. Онъ много путешествовалъ для пріобрѣтенія новыхъ и точныхъ свѣдѣній и расширенія своей опытности. Чума аѳинская не испугала его: онъ пріѣхалъ въ Аѳины за тѣмъ, чтобы изучать эту болѣзнь и по возможности бороться съ нею. Гиппократъ былъ того мнѣнія, что врачу прежде всего нужно внимательно изслѣдовать самого больнаго, его сложеніе, образъ жизни и т. п., потомъ изучить ходъ болѣзни и тѣ усилія, которыя природа организма дѣлаетъ для освобожденія себя отъ разстройства, и тогда уже, дождавшись благотворнаго перелома болѣзни (кризиса), содѣйствовать природѣ искусственнымъ пособіемъ. Правильная діета, здоровая пища, свѣжій, чистый воздухъ, какъ можно больше движенія—вотъ средства, которыя употреблялъ обыкновенно Гиппократъ, сколько возможно избѣгая порошковъ и микстуръ.



Гиппократъ.

Софисты.

Обыкновеніе, допускавшее всякаго изъ гражданъ присутствовать при общественномъ словесномъ судопроизводствѣ, при чрезвычайной пользѣ для развитія гражданъ, имѣло и большіе недостатки. Такъ оно послужило источникомъ празднаго препровожденія времени, ибо не всякій, участвовавшій въ общественномъ судопроизводствѣ, искалъ въ этомъ заня-

тіи для себя чего-нибудь поучительнаго, нравственнаго, а большая часть спѣшила ежедневно въ судилища—послушать изящныхъ рѣчей, принять участіе въ словопреніяхъ, подать свое мнѣніе, да притомъ получить еще за все это два обола (гдѣ было въ обычаѣ). Правда, что такое участіе гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ давало гражданамъ возможность близко узнать, какъ государственное устройство, такъ и гражданскіе порядки; но съ другой стороны благопріятствовало развившемуся въ послѣднее время въ Греціи стремленію къ тяжбамъ, страсти заговорить или запутать судью и, что еще хуже, благопріятствовало развитію въ народѣ безчестной продажности слова и мнѣнія. Только краснорѣчіе выигрывало на счетъ другихъ занятій въ обществѣ; ибо кто хотѣлъ играть какую-нибудь роль въ администраціи демократической или даже аристократической республики, все равно,—тому прежде всего надобно было умѣть хорошо владѣть словомъ. Мы говоримъ: все равно, потому что, хотя въ аристократіяхъ рѣшеніе дѣла въ судѣ и меньше зависѣло отъ мнѣнія случайныхъ участниковъ судопроизводства, чѣмъ въ демократіяхъ, однако-жъ все-таки зависѣло. Сначала краснорѣчіе проявлялось какъ естественный даръ оратора—изложить ясно, просто существо и подробности дѣла, развить его значеніе, указать слѣдствія и возбудить сочувствіе слушателей къ тому взгляду на дѣло, какой принадлежалъ самому оратору. Такими ораторами мы видѣли Перикла, возвышавшаго народъ до своихъ собственныхъ благородныхъ воззрѣній, и Клеона, низводившаго въ своихъ рѣчахъ этотъ же самый народъ до уровня своихъ собственныхъ грубыхъ понятій объ обществѣ и людяхъ. Теперь же искусство краснорѣчія приведено было въ систему, которая давала мѣсто всякой мысли, не исключала никакого побужденія, хотя бы и посторонняго дѣлу, а поэтому допускала всякое возможное вспомогательное средство для поддержанія этого побужденія. Явилась на помощь и философія, обнимавшая весь кругъ тогдашнихъ свѣдѣній. Наконецъ, составился цѣлый классъ учи-

телей краснорѣчія и философіи, и за извѣстную плату гражданинъ могъ разсчитывать, что сдѣлается до нѣкоторой степени и философомъ и ораторомъ. Въ Аѳинахъ, какъ средоточіи общественной жизни, открылось обширное поприще дѣятельности, какъ для этихъ учителей, такъ и для учениковъ.

При всемъ разнообразіи философскихъ воззрѣній въ приложеніи ихъ къ частной и общественной жизни, двѣ школы философскаго ученія преобладали надъ остальными. Это были школы іонійская и элейская. Обѣ онѣ ставили себѣ задачею —помощью принятаго основанія и рядомъ разумно-проистекавшихъ изъ него слѣдствій, уяснить себѣ общность порядка въ вещественномъ и нравственномъ мірѣ, по возможности удовлетворительно разрѣшить себѣ вопросы, которые естественно представляются уму при внимательномъ взглядѣ на міръ: изъ какихъ началъ составился міръ? Въ чемъ заключается основная, первобытная причина замѣчаемаго повсюду измѣненія? И что такое это измѣненіе? Есть ли оно произведеніе чего-либо новаго или слѣдствіе разрушенія чего-либо существовавшаго? Іонійская школа принимала начало *множества* основныхъ началъ и помощью ихъ взаимнодѣйствія или противодѣйствія (дружбы и непріязни) объясняла всякое совершающееся въ мірѣ движеніе и измѣненіе. Школа элейская, напротивъ, въ основаніи міра полагала какое-то *одно* воображаемое *нѣчто*, неуловимое для чувствъ, доступное лишь мысли, но тѣмъ не менѣе одно дѣйствительно существующее и дѣйствующее въ мірѣ начало, вѣчное неизмѣнное—*одно* и въ то же время *все*.

Изъ числа философовъ, которые путемъ преподаванія распространяли въ обществѣ свои понятія и взгляды на міръ, извѣстны болѣе всѣхъ: Эмпедоклъ, изъ Агригента, Парменидъ и наконецъ, наставникъ и другъ Перикловъ, Анаксагоръ, принимавшій отдѣльное отъ вещества міровое начало, существо разумное, отдѣлявшее хаосъ отъ атомовъ. Другіе, болѣе практичные учители, отвлекая отъ философіи то, что могло быть полезно для государства и гражданской жизни,

и присоединяя къ этому плоды собственнаго размышленія и опыта, старались въ кругу избранныхъ, любознательныхъ юношей и взрослыхъ, развивать свои взгляды и готовить слушателей къ просвѣщенному участію въ общественной жизни. Такіе учители извѣстны были подъ именемъ *софистовъ*. Въ кругъ преподаванія ихъ входили философія, діалектика, государственное право и обыденная жизнь. Вначалѣ софисты берегли свою добрую славу. Многіе изъ нихъ прославились возвышенностью ученія и чистотою правилъ, которыми руководствовались въ жизни; но зато многіе другіе, подъ покровомъ сладкой рѣчи, въ видахъ собственнаго эгоизма и корысти, проводили въ юношество понятія и убѣжденія, съ которыми человѣкъ становился понемногу равнодушнымъ къ тому, что оскорбляетъ чувство добра и уваженіе къ истинѣ и законности.

Одинъ изъ недостойнѣйшихъ софистовъ, Антиѳонъ, началъ свое поприще съ того, что, сидя въ своей лавочкѣ съ старымъ тряпьемъ въ Коринѳѣ, продавалъ между прочимъ и *утѣшенія философіи*. Должно быть, дѣло его пошло плохо, сластолюбивые коринѳяне не умѣли примѣнять къ жизни его философскія утѣшенія, ибо Антиѳонъ переселился въ Аѳины и основалъ здѣсь фабрику краснорѣчія. Въ Аѳинахъ онъ скоро пріобрѣлъ большую извѣстность: не только новички, но и ораторы приходили къ нему учиться. Въ его-то фабрикѣ подготовлялся подрывъ демократическому устройству Аѳинъ, ибо извѣстный аристократическій совѣтъ четырехъ сотъ, введенный въ Аѳины послѣ пелопоннесской войны и надѣлавшій столько зла государству, во многомъ опирался на содѣйствіе Антиѳона и Писандра. Антиѳонъ поплатился за это жизнью. Другіе софисты оказывали болѣе продолжительное вліяніе на общество. Таковы были, напримѣръ, Протагоръ и Горгій, у которыхъ, среди блистательнаго пустословія, нерѣдко проглядывала и полезная, здравая мысль. Этого нельзя сказать о Гиппіѣ, софистѣ во всемъ дурномъ значеніи слова. Съ рыночнымъ увлеченіемъ

онъ хвалился, что самъ себѣ шилъ платье и обувь, дѣлалъ драгоцѣнные пояса и перстни, и въ то же время производилъ цѣлыми десятками трагедіи, ораторскія рѣчи и всевозможныя литературныя творенія.

На этихъ философовъ-торгашей, ораторовъ-самохваловъ и учителей-шарлатановъ возсталъ во всеоружіи истины тотъ, кого человѣчество украсило неувядающимъ вѣнкомъ высокой мудрости и безукоризненной жизни. Этотъ человѣкъ былъ Сократъ. На немъ остановимъ наше вниманіе нѣсколько долѣе.

Сократъ.

Сократъ былъ софистомъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, потому что всю жизнь свою стремился къ тому, чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ человѣкъ на землѣ можетъ достигнуть прочнаго счастія, а во-вторыхъ потому, что всѣ поступки свои онъ соображалъ съ тѣми правилами, которыя считалъ лучшими для достиженія этого счастія. Онъ родился въ 469 г. до Р. Х., въ Аѳинахъ. Родители его не имѣли большаго состоянія: отецъ, Софронискъ, занимался скульптурой, а мать, Фенарета, была повивальною бабкой. Сократъ въ молодости пошелъ по слѣдамъ отца—и не безуспѣшно: группа Харитинъ, изъ мрамора, работы Сократа, долго и по смерти его была въ числѣ украшеній Акрополя аѳинскаго.

Сократъ.

Въ частной жизни Сократъ отличался необыкновенною простотою обращенія и несложностью потребностей. Одѣвался онъ просто, даже бѣдно; ходилъ безъ сандалій; пищу употреблялъ самую обыкновенную; если при торжественныхъ случаяхъ онъ не отказывался отъ вина, то никогда не предавался ему черезъ мѣру, вообще никогда не жертвовалъ

человѣческимъ достоинствомъ въ пользу наслажденія. По его мнѣнію, человѣкъ постоянно находится болѣе или менѣе въ зависимости отъ потребностей тѣлесной своей природы; ограничивая же эти потребности, онъ болѣе и болѣе освобождается отъ зависимости у людей, и приближается къ тому желанному состоянію, въ которомъ исчезаетъ всякое понятіе о нуждѣ, и въ которомъ пребываютъ лишь блаженные жители Олимпа.

Въ общественной жизни Сократъ еще больше заслуживаетъ уваженія. Строгое исполненіе обязанности своей онъ ставилъ для себя выше всего на свѣтѣ: въ точности исполнялъ предписанные обряды и жертвоприношенія, принималъ участіе въ торжественныхъ шествіяхъ и празднествахъ, не уклонялся отъ государственныхъ повинностей, насколько приходилось на его долю по малому его состоянію. Въ пелопоннесскую войну онъ въ нѣсколькихъ походахъ храбро сражался въ рядахъ гоплитовъ. Въ битвѣ при Потидеѣ раненый Алкивіадъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ щиту Сократа. Эту услугу Алкивіадъ имѣлъ случай возвратить своему любимому наставнику при пораженіи деліонскомъ, когда послѣдній съ горстью храбрыхъ прикрывалъ отступленіе аѳинянъ. Въ другой разъ Сократъ, изъ пылу схватки, вынесъ раненаго ученика своего, Ксенофонта, и спасъ ему жизнь. Таковъ онъ былъ какъ воинъ-гражданинъ. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, Сократъ никогда не добивался видныхъ мѣстъ и почетныхъ должностей; когда же пришлось ему однажды по жребію засѣдать въ числѣ членовъ совѣта пяти сотъ, и слушать обвиненія, которыя пристрастные судьи произносили надъ побѣдителями при Аргинузскихъ островахъ, Сократъ одинъ изъ всѣхъ съ безстрашною, благородною ревностью воспротивился несправедливому опредѣленію суда.

Проникнутый уваженіемъ къ высокой цѣли, которую поставилъ себѣ въ жизни, Сократъ, очевидно, не много могъ удѣлять вниманія домашнему своему быту. Заботы о немъ онъ почти совершенно предоставилъ своей женѣ, той Ксан-

типпѣ, которую часто приводятъ въ образецъ хлопотливой, сварливой домохозяйки. Дѣло въ томъ, что эта добрая женщина, родомъ аѳинянка, не получившая образованія, не могла съ своей точки зрѣнія видѣть никакой пользы въ занятіяхъ и стремленіяхъ своего мужа. Весь міръ для нея сосредоточивался въ домѣ, хозяйствѣ и дѣтяхъ; что было внѣ этого міра, того она не понимала, и потому,—не уступая въ этомъ многимъ и намъ современнымъ умнымъ людямъ,—считала нестоящимъ вниманія. Если припомнить, что Ксантиппа владѣла при этомъ обильнымъ запасомъ, свойственной всѣмъ женщинамъ, раздражительности, то намъ понятны будутъ тѣ частыя домашнія *ссоры*, которыя случались у Сократа съ супругой, и въ которыхъ послѣдняя давала обыкновенно полный просторъ своей вспыльчивости. Мудрецъ всегда въ подобныхъ случаяхъ оборонялся невозмутимымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, какъ бывало, онъ дѣйствовалъ въ пылу битвы, среди тысячъ копій. Въ одну изъ такихъ ссоръ, осыпавъ Сократа цѣлымъ градомъ упрековъ, Ксантиппа плеснула въ него водой изъ сосуда, который подвернулся ей подъ руку. «Я такъ и думалъ», сказалъ, улыбаясь и утираясь, мудрецъ, «что буря разразится дождемъ.»

Послѣдуемъ за Сократомъ на томъ пути, на которомъ онъ, человѣкъ незнатный и небогатый, нажилъ себѣ вѣчную славу.

Потребность уяснить себѣ свой міръ духовный и явленія міра внѣшняго такъ была присуща природѣ этого человѣка, что, казалось, онъ получилъ ее вмѣстѣ съ рожденіемъ. И для удовлетворенія этой потребности онъ сближался съ людьми, въ бесѣдѣ съ которыми чаялъ найти желанные матеріалы для своего умственнаго зданія. Онъ сблизился съ философами іонійской и элейской школъ, за знаменитымъ Зенономъ слѣдовалъ даже въ Самосъ, умѣлъ открыть себѣ входъ въ тотъ заповѣдный, семейный Перикловъ кружокъ, гдѣ, въ бесѣдѣ съ Аспазіей, Перикломъ, Анаксагоромъ, Фидіемъ

и другими избранными личностями, много почерпнуль новаго, свѣжаго о природѣ, объ искусствѣ, о человѣкѣ.

Сократъ любилъ бесѣды и у другой, не меньше знаменитой умомъ и красотою гетеры, Ѳеодоты. Мы видимъ, что и отборные умы понимали ту истину, что есть нѣчто особенное въ женскомъ воззрѣніи на миръ и жизнь, и, слѣдовательно, взглядъ на эти предметы тогда только можетъ получить возможную законченность и желанное совершенство, когда въ немъ сближены, наполнены другъ другомъ и примирены мнѣнія обѣихъ половинъ рода человѣческаго. Рѣчи въ собраніи агора, знаменательныя поэтическія произведенія на праздникахъ Діонисія Сократъ также не просто слушалъ, но изучалъ и углублялся въ нихъ. И воспринимая въ себя чуждыя мнѣнія и мысли, онъ ихъ перерабатывалъ въ умѣ, сближалъ съ своими собственными мнѣніями, изслѣдовалъ, сличалъ, пока не доходилъ до яснаго понятія о предметѣ, возбудившемъ его умственную дѣятельность. Плодомъ своихъ глубокихъ размышленій и умственнаго разбора Сократъ дѣлился съ тѣми избранными, которыхъ влекли къ нему съ одной стороны жажда познаній, а съ другой—обаятельная сила бесѣды философа.

Въ бесѣдахъ своихъ Сократъ дѣйствовалъ такимъ методомъ: возбуждалъ вниманіе собесѣдника вопросомъ, полученнымъ отвѣтомъ пользовался, чтобъ предложить новый вопросъ, и такъ далѣе, пока незамѣтнымъ образомъ не выдвигался на первое мѣсто именно тотъ предметъ, который отвѣчалъ намѣренію философа. Этотъ методъ изслѣдованія Сократъ прежде всего испыталъ на себѣ. Прочитавши изреченіе знаменитаго Хилона «*познай себя*,» Сократъ углубился въ изученіе самого себя и своихъ истинныхъ, важнѣйшихъ потребностей, и увѣрился, что знаетъ о послѣднихъ очень мало. Но, достигши въ этомъ отношеніи желанныхъ выводовъ надъ собой, Сократъ обратилъ ту же заботу и на своихъ соотечественниковъ, и здѣсь онъ умѣлъ пользоваться для своей цѣли самыми, повидимому, ничтожными обстоятельствами. Днемъ видѣли его

на улицѣ, на площади, передъ лавкою торговца, подъ портиками храма и гимназій, вездѣ, гдѣ можно было встрѣтить народную толпу. Съ простодушнымъ видомъ онъ приближался къ тому, къ другому, а чаще всего къ ораторамъ, учителямъ, философамъ, правителямъ народа, ко всѣмъ, кто считалъ себя разумнѣе и опытнѣе въ жизни, и спрашивалъ о чемъ-нибудь обыденномъ, простомъ: «скажи мнѣ, другъ, гдѣ здѣсь продаютъ оливки?» или что-нибудь подобное. И незамѣтно, рядомъ вопросовъ, наводилъ онъ вниманіе собесѣдника на желанный предметъ, а далѣе раскрывалъ предъ нимъ всю несостоятельность его понятій о томъ, что есть въ жизни существенно важнаго, и въ заключеніе обыкновенно говорилъ: «да, какъ же это, другъ, ты знаешь, гдѣ продаютъ оливки, ты знаешь, какъ и кожу обработать и лампу хитрую устроить, а не стыдишься, что о томъ, что можетъ послужить на благо государству, чѣмъ самъ ты можешь быть счастливъ,—ты ничего не знаешь?»

Проходимъ молчаніемъ не только тѣхъ, въ комъ подобные вопросы возбуждали недоброжелательство или презрѣніе къ незванному наставнику, но и тѣхъ, въ комъ добрыя сѣмена, посѣянныя и развитыя Сократомъ, заглушены были впослѣдствіи себялюбіемъ и тщеславіемъ (Алкивіады, Ѳерамены, Критіи); но скажемъ здѣсь, что много было и такихъ людей, въ которыхъ великій наставникъ умѣлъ вложить искру благородной страсти къ познаніямъ, въ которыхъ искра эта разгорѣлась благотворнымъ пламенемъ, освѣтившимъ и согрѣвшимъ послѣдовавшія поколѣнія. Въ числѣ этихъ счастливыхъ учениковъ Сократа первыя мѣста принадлежатъ Платону и Ксенофонту, а далѣе другимъ многочисленнымъ слушателямъ его, связаннымъ съ нимъ сердечною любовью и признательностію. Всѣ они—строгій Антисѳенъ, веселый Аристиппъ, пытливый Эвклидъ, Федонъ, Херефонъ и другіе—неразлучной любовью сопутствовали Сократу при жизни и приняли отъ него послѣднее назидательное предсмертное слово.

Какія же истины, какое ученіе, съ неотразимою силой влекли къ Сократу этихъ людей?

Естествознаніе со всѣми своими отраслями и астрономія были тогда еще въ младенчествѣ; тѣ же немногіе зачатки свѣдѣній въ области этихъ наукъ, которыя складывались понемногу, благодаря нѣсколькимъ, въ разное время явившимся возвышеннымъ умамъ, терялись во множествѣ заблужденій. Мудрецу, который стремился все привести къ ясному сознанію, такія свѣдѣнія представлялись чѣмъ-то въ родѣ ребяческихъ бредней; вникая въ свойство ихъ, Сократъ дошелъ до того заключенія, что боги отказали людямъ во многихъ и многихъ познаніяхъ, а потому безразсудно со стороны человѣка и стремиться къ этимъ познаніямъ. Другому предмету посвятилъ Сократъ свои размышленія; другой предметъ поставилъ онъ цѣлью своихъ глубокихъ изслѣдованій. Этотъ предметъ—человѣкъ во всѣхъ проявленіяхъ его дѣятельности, физической и нравственной, частной и общественной. Сократъ убѣжденъ былъ въ томъ, что человѣкъ долженъ всѣ свои силы, желанія, стремленія направлять къ тому, чтобы во всемъ сообразоваться съ волею боговъ, жить по правиламъ добродѣтели, если хочетъ достигнуть прочнаго счастія и сдѣлать счастливымъ свое отечество. Это убѣжденіе мудрецъ и проводилъ въ своемъ ученіи. Добродѣтелью же онъ называлъ не что другое, какъ ясное сознаніе въ союзѣ съ мудростью. «Жить по правдѣ—это единственный путь къ счастію,» говорилъ Сократъ: «всякій стремится къ счастію, но многіе изъ людей, попавши по невѣдѣнію на ложный путь, становятся порочными и тогда, думая устроить свое счастіе, разрушаютъ его. Лучшее и единственное средство предохранить себя отъ этого ложнаго пути заключается въ постоянномъ размышленіи объ основаніяхъ и слѣдствіяхъ своихъ поступковъ съ цѣлью достигнуть яснаго о нихъ сужденія. Но прежде всего нужно человѣку убѣдиться въ собственномъ невѣдѣніи, ибо въ этомъ невѣдѣніи, въ недостаточномъ пониманіи истиннаго свойства

своихъ обязанностей и заключается основная причина его неопытности, ошибокъ, пороковъ и — несчастія.“

Многіе ставили въ вину Сократу, что онъ, сосредоточивая все вниманіе человѣка на развитіи разума, упустилъ будто бы изъ виду волю и чувство и такимъ образомъ стѣснилъ кругъ понятій объ истинномъ назначеніи и обязанностяхъ человѣка. Это несправедливо: Сократовы идеи о *сознаніи* и *мудрости* обнимаютъ собою всю область духовной дѣятельности человѣка: опираясь на точное пониманіе своего назначенія и обязанностей, человѣкъ въ *волѣ* своей получаетъ могущественную союзницу для сдерживанія и для направленія нѣкоторыхъ врожденныхъ наклонностей, желаній и стремленій, а просвѣтленнымъ *чувствомъ* становится воспріимчивѣе къ тому духовному, высокому благополучію, которое онъ почерпаетъ въ добродѣтели. Вотъ почему великій наставникъ внушалъ своимъ воспитанникамъ—какъ можно болѣе ограничивать свои житейскія потребности и, не гоняясь за почестями и вещественными выгодами, стремиться лишь къ тѣмъ наслажденіямъ, которыя неразлучно связаны съ строгимъ исполненіемъ своей обязанности и съ сознаніемъ своего безостановочнаго нравственнаго совершенствованія. Такъ думалъ и дѣйствовалъ Сократъ, а тому онъ училъ и другихъ.

Политическія мнѣнія Сократа соотвѣтствовали его нравственнымъ убѣжденіямъ. Лишь тѣхъ людей считалъ онъ достойными правленія, въ комъ достаточно было пониманія и силы духа, чтобъ сдѣлать счастливыми людей, подчиненныхъ ихъ правленію. Какъ находить подобныхъ правителей—Сократъ не говоритъ, но кажется, что онъ склоняется въ пользу народнаго выбора, сравнивая правителя государства съ кормчимъ судна и напоминая, съ какою заботливостію обыкновенно избирается такой кормчій, ибо отъ него зависитъ благополучіе судна и плавателей. Правители, злоупотребляющіе своею властью, сами, по мнѣнію Со-

крата, лишаютъ себя лучшаго блаженства—устроить общее благоденствіе и счастіе.

Что касается религіозныхъ представленій, то Сократъ считалъ непозволительнымъ и даже дерзко-незаконнымъ входить въ подробныя изслѣдованія ихъ. Изъ наблюденій міра мудрецъ выводитъ однако-жь то заключеніе, что высочайшее въ мірѣ существо есть въ то же время и совершеннѣйшій разумъ, проявляющій себя въ дѣлахъ творенія, родоначальникъ и совершитель всякаго нравственнаго закона въ мірѣ. Изслѣдывая свойство духа человѣческаго и его внѣшнія проявленія, Сократъ уподоблялъ этотъ духъ божеству.

Сократъ постепенно дошелъ до убѣжденія, что онъ самъ въ числѣ тѣхъ немногихъ, которыхъ боги посылаютъ въ міръ для того, чтобы вести людей къ истинному счастію. Понятно поэтому, что мудрецъ служилъ своему дѣлу съ любовью и уваженіемъ, видя въ немъ исполненіе священнѣйшаго долга, божественнаго своего призванія. Понятна также та чистѣйшая радость, которую ощущалъ Сократъ каждый разъ, когда ему удавалось убѣдить человѣка въ необходимости перемѣнить принятый имъ ложный путь въ жизни, когда ему удавалось пробудить въ немъ благородную жажду познаній.

Сократъ пользовался большимъ уваженіемъ въ народѣ; привлекъ къ себѣ много сердецъ; но не мало возбудилъ зависти и ненависти. Долго эти чувства таились и ждали, не находя повода къ погибели человѣка, который всю жизнь шелъ неуклонно путемъ чести и законности; но, наконецъ годъ спустя послѣ того, какъ низвергнуты были 30 тирановъ и возстановлена демократія (тогда Сократу было уже 70 лѣтъ), трое явились предъ судъ съ обвиненіемъ учителя. Эти трое были: трагическій писатель Мелитъ, ораторъ Ликонъ и кожевникъ Анитъ. «Сократъ», говорили они, «не чтитъ нашихъ боговъ, а изобрѣтаетъ своихъ собственныхъ; Сократъ совращаетъ съ пути наше юношество; по закону онъ подлежитъ смертной казни.» Для подтвержденія перваго обвиненія доносчики ссылались на то, что Сократъ допу-

скалъ особенное божественное избраніе людей; относительно втораго пункта опирались на томъ, что ученики Сократа, Алкивіадъ и Критій, сдѣлали много зла республикѣ.

Мудрецъ и при ужасномъ приговорѣ оставался такимъ же спокойнымъ и невозмутимымъ, какимъ его привыкли видѣть подъ портиками и въ гимназіяхъ среди восторженной толпы, всегда за нимъ слѣдовавшей. Всѣ событія житейскія, самая жизнь и смерть казались мудрецу безразличными, и притомъ совершенно подчиненными тѣмъ верховнымъ благамъ, къ которымъ онъ постоянно стремился, то есть, истинѣ, законности и счастливому сознанію собственной правоты. Рѣчь, произнесенная имъ въ судѣ въ свою защиту, проникнута такою же величественною простотою, такимъ же возвышеннымъ безстрашіемъ, какими отличаются вся жизнь и всѣ поступки мудреца. Приводимъ изъ нея нѣкоторыя мѣста.

Упомянувъ о томъ, какъ оракулъ прославилъ его мудрѣйшимъ изъ людей въ то время, когда самъ онъ лучше всѣхъ сознавалъ всю степень собственнаго невѣдѣнія, мудрецъ сталъ развивать предъ слушателями ту мысль, что его собственныя стремленія къ познанію и совершенствованію неразлучно связаны съ потребностью служить для назиданія своимъ соотечественникамъ. «Какая бы здѣсь, граждане, ни предстояла мнѣ опасность, но я, сражавшійся при Потидеѣ, при Деліонѣ, не посрамлю себя преступнымъ страхомъ смерти и не покину дѣла, назначеннаго мнѣ богами,—служить для мудрости и назиданія своего и вашего. Со всѣмъ уваженіемъ къ судилищу, которому я предстою въ настоящую минуту, объявляю вамъ, сограждане, что божеству я долженъ быть послушнѣе, чѣмъ вамъ. Всю жизнь не уклонялся я отъ исполненія возложенной на меня обязанности—воспитывать себя и васъ; не уклонюсь отъ нея и до послѣдней минуты. Какъ прежде, такъ и послѣ, пока я буду видѣть въ васъ недостатокъ мудрости и правоты, я буду выставлять вамъ на видъ эти обличенія. Вы можете спросить: «Зачѣмъ, Сократъ, со всѣми нами не хочешь ты жить въ мирѣ и согласіи, какъ

другіе?» На это мнѣ трудно вамъ отвѣчать ясно; меня же вамъ понять еще труднѣе. Вы не повѣрите, когда я вамъ скажу, что часто я молчаніе считаю преступленіемъ передъ Богомъ, а если я васъ стану увѣрять, что въ добродѣтели и въ нравственности, въ правотѣ поступковъ скрывается величайшее благословеніе для людей; что жизнь безъ строгаго вниманія къ своимъ дѣламъ, безъ непрестанной мысли о своемъ усовершенствованіи не стоитъ и названія жизни — вы не поймете, не повѣрите опять. Все дѣло въ истинѣ, аѳиняне! Я къ ней стремился цѣлый вѣкъ и въ васъ искалъ поселить къ ней уваженіе и любовь. И здѣсь я защищаю дѣло не мое, но ваше; старайтесь въ вашемъ приговорѣ мнѣ не преступить законовъ божественнаго правосудія.

«Никто не знаетъ, что такое смерть. И большая часть людей боится смерти, какъ будто бы въ ней было величайшее зло. Вотъ самое вредное невѣдѣніе ваше. Я вашего мнѣнія о смерти не раздѣляю. Представляя себѣ, сколько дѣйствительнаго зла въ ослушаніи голоса правды и мудрости, въ преступленіи божественнаго устава, я не хочу посрамить себя страхомъ угрозы, не хочу навлекать на себя зла дѣйствительнаго для того лишь, чтобъ избѣжать зла воображаемаго, когда въ послѣднемъ, быть можетъ, скрыто готовое благо.

«Вы, кажется, не совсѣмъ благосклонно слушаете мое оправданіе. Вы, можетъ быть, ждали сожалѣній и плача, мольбы о пощадѣ, о жизни; вы, можетъ быть, готовились видѣть трогательныя сцены, слезы жены моей и дѣтей; но я не прибѣгаю къ этимъ пособіямъ, не изъ гордости, а для того, чтобъ сохранить незапятнанною добрую славу мою, ибо — заслуженно или незаслуженно — я пользуюсь доброю славою между вами. Къ тому же было бы незаконно стараться мнѣ усердными просьбами смягчить ваше рѣшеніе. Моя обязанность — раскрыть передъ вами основанія дѣла, убѣдить васъ въ моей невинности, если могу; вы же, давшіе клятву служить по закону, произносить судъ правый, не-

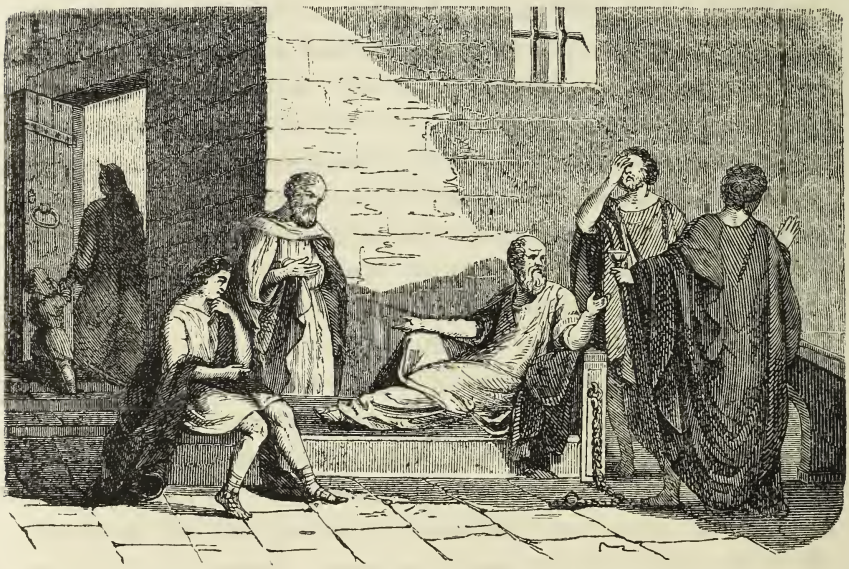
лицепріятный, рѣшите такъ, какъ внушаетъ вамъ голосъ разсудка и совѣсти, какъ говоритъ вамъ собственное ваше убѣжденіе, и это рѣшеніе да будетъ на благо и вамъ, и мнѣ.»

Такъ говорилъ человѣкъ въ защиту своего честнаго имени передъ современниками и передъ потомствомъ. Судъ, какъ можно было предвидѣть, произнесъ: «виновенъ.» Отправляясь въ темницу, гдѣ на другой день онъ долженъ былъ выпить отраву, Сократъ утѣшалъ своихъ учениковъ и въ послѣдній разъ обличалъ неправыя дѣйствія своихъ обвинителей. Навстрѣчу смерти онъ шелъ довѣрчиво, покойно. «Что такое смерть?» говорилъ философъ, «ночь счастливѣйшаго покоя, какой мы когда-либо вкушали здѣсь и въ самыхъ нашихъ сновидѣніяхъ, или свиданіе съ героями почтенной древности, гдѣ ужь ничто не помѣшаетъ намъ жить духомъ, и гдѣ откроется намъ путь удобный къ безконечному самоусовершенствованію.—Но не думайте, аѳиняне, чтобы съ моею смертью вы освободились отъ безпокойныхъ вопросителей и обличеній: смерть моя дастъ болѣе простора тѣмъ неотразимымъ юношамъ, которые давно уже кипятъ стремленіемъ къ истинѣ; они васъ пробудятъ отъ сна невѣдѣнія и поведутъ васъ къ мудрости и чести.»

Смерть Сократа отложена была на 30 дней, ибо случилось, что въ самый прежде назначенный день смерти отправилось священное судно изъ Аѳинъ въ Делосъ — принять участіе въ праздникѣ Аполлона. Исполненіе какихъ бы то ни было приговоровъ отложено было поэтому до возвращенія судна. Всѣ эти 30 дней любимые ученики Сократовы не покидали его. Какъ будто бы не предстояло печальной развязки, Сократъ весь предался бесѣдѣ съ ними о тѣхъ возвышенныхъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія, къ которымъ постоянно устремлялись умы избранниковъ—объ истинѣ, о благѣ, о прекрасномъ, о безсмертіи души.

Одинъ изъ учениковъ его, Критонъ, умолялъ Сократа бѣжать въ Ѳессалію, къ друзьямъ, и говорилъ, что онъ ужь подкупилъ тюремныхъ стражей. Мудрецъ отвергнулъ пред-

ложеніе, какъ несообразное съ его достоинствомъ и противное законамъ. Тутъ сердце Аполлодора преисполнилось тоской, и онъ воскликнулъ: «О боги всемогущіе! за что-жь ты долженъ умереть *невиннымъ?*» На это Сократъ съ улыбкой отвѣчалъ ему: «Ужели ты хотѣлъ бы, чтобъ я встрѣтилъ смерть *виновнымъ?*» Другой ученикъ спросилъ его, какого онъ хотѣлъ бы погребенія? Сократъ отвѣтилъ: «Какого вы хотите сами. Вы, вижу, все еще не убѣдились, что не Сократъ, не духъ его, а лишь холодное, безжизненное тѣло останется здѣсь послѣ моей смерти.»



Послѣднія минуты Сократа.

Въ день смерти посѣтила его жена съ младшимъ изъ дѣтей. Ея громкіе вопли поколебали было возвышенно-спокойное настроеніе духа Сократа. Онъ простился съ нею.—Послѣдняя бесѣда съ друзьями была опять о безсмертіи души. День склонился къ вечеру. Вошелъ тюремный служитель и возвѣстилъ роковой часъ. «Не кляни меня, какъ другіе,» го-

ворилъ служитель, «за то, что я долженъ исполнить мою суровую обязанность. Въ тебѣ узналъ я лучшаго, мудрѣйшаго изъ людей. Прости же и исполни, что велитъ необходимость.» Подали отраву. Сократъ взялъ чашу и со словами: «Молю боговъ благословить мое счастливое переселеніе въ вѣчность,» выпилъ ее всю.

«Въ эти минуты,» говоритъ Федонъ, «сломилась наша твердость. Слезы пробились ручьями; но не его, а себя мы оплакивали, теряя въ немъ нашего друга, надежду, опору. Сократъ упрекнулъ насъ въ слабости, неприличной мужамъ, и потомъ всталъ и, какъ было предписано, началъ ходить до тѣхъ поръ, пока ноги не отяжелѣли. Въ послѣдній разъ, уже лежа на смертномъ одрѣ, онъ снялъ покровъ съ лица и сказалъ: «Критонъ! не забудь принести Эскулапу обычную жертву.»—Выздоравливающіе обыкновенно приносили пѣтуха въ жертву этому богу въ благодарность за исцѣленіе. Сократъ, слѣдовательно, видѣлъ въ смерти — исцѣленіе.

Сократъ умеръ, но не такъ, какъ обыкновенные люди, которыхъ ежедневно житейскія волны смываютъ и сносятъ съ лица земли, и не остается послѣ нихъ ни слѣда, ни воспоминанія. Его ученіе и подвиги жизни неизгладимыми чертами врѣзались въ души его учениковъ и послѣдователей, и въ писаніяхъ ихъ перешли къ отдаленнѣйшимъ потомкамъ. Читая повѣсть о смерти ихъ учителя, съ негодованіемъ вспоминаешь, сколько жертвъ принесено на кровавомъ алтарѣ людской нетерпимости! И гдѣ же? не въ нѣдрахъ замкнутой, черствой, себялюбивой жреческой касты, не въ странѣ насилія и деспотизма, а въ свѣтлыхъ, веселыхъ Аѳинахъ, средоточіи наукъ и художествъ для всей остальной Греціи, для всего тогдашняго міра! И не одинъ Сократъ сдѣлался добычей нетерпимости и самолюбія: Аспазію спасло отъ погибели единственно краснорѣчіе Перикла; Анаксагоръ же—какъ впослѣдствіи и Аристотель—долженъ былъ покинуть городъ, чтобъ спастись отъ судебнаго преслѣдованія. Видно, во всѣ времена, толпа не прощаетъ тѣхъ преимуществъ воз-

вышенной мысли и горячаго чувства, которыми Провидѣніе отмѣчаетъ своихъ избранниковъ.

Ученики Сократа.

Предсмертныя предсказанія Сократа вполнѣ оправдались: ученики его продолжали дѣло своего наставника, хотя и другими, разнообразными путями.

Одинъ изъ послѣдователей Сократа, Антисѳенъ, не скрывалъ негодованія, глядя на необычайную роскошь и развратъ богатыхъ аѳинянъ. Онъ и словомъ, и собственнымъ примѣромъ доказывалъ, что человѣкъ при всѣхъ обстоятельствахъ можетъ обезпечить себѣ въ жизни честную независимость, если только рѣшится отказаться отъ лишнихъ потребностей и поставитъ себѣ цѣлью—не стремленіе къ житейскимъ наслажденіямъ, а безкорыстное служеніе истинѣ и благу. Тѣхъ людей, которые не видѣли и не жаждали въ мірѣ ничего, кромѣ богатства, почестей и наслажденій, Антисѳенъ, безъ околичностей, называлъ глупцами и рабами. Въ сокращеніи своихъ потребностей Антисѳенъ зашелъ гораздо дальше своего учителя, такъ что однажды Сократъ замѣтилъ ему: «Сквозь дыры рубища твоего, Антисѳенъ, глядитъ тщеславіе.» Всегда задумчивый, угрюмый, съ сумою за спиной, Антисѳенъ ходилъ по улицамъ въ Аѳинахъ; но чаще его видѣли въ Киносаргѣ (одна изъ гимназій), окруженнаго небольшою свитою своихъ послѣдователей и слушателей. Отъ Киносарга, любимаго мѣстопребыванія Антисѳена, назвали и школу его и послѣдователей *кинической (циническою)* философскою школою, философами-*киниками*, или просто *циниками*. Направленіе этой философской школы ни въ одномъ изъ послѣдователей ея не принесло такихъ, до крайности обильныхъ, плодовъ, какъ въ Діогенѣ. Объ немъ скажемъ въ свое время.

Изъ корня ученія Антисѳенова развилось впослѣдствіи и широко распространилось въ облагороженномъ видѣ ученіе *стоиковъ*.

Другой ученикъ Сократа, Аристиппъ, построилъ и развилъ ученіе, совершенно противоположное ученію Антисѳена. Сократъ не разъ выражалъ то убѣжденіе, что для полноты существованія, человѣку необходимо не упускать изъ виду развитія и тѣлесной своей природы и стараться, чтобъ духъ былъ въ мирѣ съ плотью. Основываясь на этомъ, Аристиппъ поставилъ себѣ цѣлью въ жизни—достиженіе какъ нравственнаго, такъ и физическаго благосостоянія; средствами же для этого избралъ правильное развитіе своихъ духовныхъ способностей и разумно-умѣренное пользованіе всѣми наслажденіями жизни безъ вреда здоровью и достоинству природы человѣческой. Свойство философіи Аристиппа, его личныя качества, дружелюбіе его обращенія пріобрѣли ему большое вліяніе въ кругу значительнѣйшихъ, богатѣйшихъ гражданъ Онъ пользовался уваженіемъ и любовью при дворѣ тирана Діонисія Сиракузскаго. Тамъ онъ словомъ и примѣромъ училъ, какъ можно съ чувственными наслажденіями мирить науку и искусство, не забывать житейскихъ радостей и съ тѣмъ вмѣстѣ не быть рабомъ страстей.

Многочисленные послѣдователи Аристиппа извѣстны были подъ именемъ *киренейцевъ* (отъ города Кирены, греческой колоніи въ сѣверной Африкѣ, гдѣ и родился Аристиппъ). Ихъ много было и въ Аѳинахъ, и на островѣ Эгинѣ, который, послѣ пелопоннесской войны, скоро опять, благодаря торговлѣ, процвѣлъ пышнѣе прежняго. Аристиппъ познакомилъ эгинитянъ и съ знаменитою коринѳянкою, гетерою Лаисою, тою самою, корорая по всей Греціи прославилась умомъ и красотой.

Послѣдователи Аристиппа вскорѣ утратили смыслъ его ученія. Упустивъ изъ виду божественное начало, разлитое во всей природѣ и проникающее существо человѣка, они низвели его ученіе на степень потворства однимъ чувственнымъ побужденіямъ и въ жертву отвратительной безнравственности принесли всѣ благороднѣйшія побужденія сердца. О томъ, какъ Эпикуръ извлекъ изъ грязи ученіе Аристиппа

и снова, по возможности, возстановилъ прежнее его значеніе, узнаемъ впослѣдствіи.

Ксенофонтъ. Платонъ.

И Ксенофонтъ, ученикъ Сократовъ, равно знаменитый, какъ философъ, историкъ и полководецъ, также былъ основателемъ особой философской школы, но еще болѣе прославился литературными трудами и громкими дѣлами на гражданскомъ поприщѣ.

Ксенофонтъ былъ годами двадцатью моложе своего учителя, сопровождалъ его въ походахъ и на полѣ битвы и много лѣтъ оставался въ числѣ самыхъ внимательныхъ его учениковъ. Съ 10,000 греческихъ воиновъ, посланныхъ на помощь Киру-Младшему при возстаніи послѣдняго на персидскаго царя, Ксенофонтъ проникъ въ самое сердце персидскаго государства и оттуда, среди тысячи опасностей совершилъ съ войскомъ знаменитое отступленіе въ Грецію. Впослѣдствіи, за военныя услуги, оказанныя спартанскому царю Агезилаю, Ксенофонтъ приговоренъ былъ къ изгнанію изъ роднаго города, Аѳинъ. Въ этомъ изгнаніи Ксенофонтъ и написалъ свои сочиненія.

Какъ всякій великій писатель, Ксенофонтъ въ своихъ произведеніяхъ служитъ вѣрнымъ зеркаломъ современнымъ понятій. Въ его сочиненіяхъ уже не замѣтно того, что одушевляло предшествовавшее поколѣніе. Ксенофонтъ презираетъ демократію, употребляемую во зло чернью, думаетъ, что олигархія, подобная спартанской, была бы спасительною для Аѳинъ, и что истинное воспитаніе—спартанское. Образъ мыслей этого времени всего яснѣе выражается въ Ксенофонтовыхъ «*Воспоминаніяхъ о Сократѣ*». Все умственное здѣсь уступаетъ мѣсто положительному; Сократъ здѣсь высчитываетъ въ предметахъ пользу и значеніе, какія они могутъ имѣть въ общественной жизни. Мораль, являющаяся здѣсь, хотя и основывается на чистыхъ и благородныхъ правилахъ,

однако не въ состояніи замѣнить недостатокъ религіозныхъ началъ. «*Киропедія*», повѣствующая исторію перваго персидскаго царя, Кира, есть болѣе политическій романъ, чѣмъ исторія. Съ особенною чувствительностью Ксенофонтъ восхваляетъ здѣсь Кира, котораго считаетъ первообразомъ хорошаго правителя. Въ «*Анабазисѣ*», содержаніемъ которому служитъ описаніе обратнаго похода 10,000 грековъ, Ксенофонтъ является истинно-великимъ, какъ писатель и какъ человѣкъ. Здѣсь греки съ такою увѣренностью сознаютъ свое превосходство надъ персами, что разрушеніе персидскаго царства не кажется имъ уже дѣломъ неисполнимымъ. Описаніе собствено похода отъ береговъ Тигра и Евфрата, черезъ страны, непріязненныя грекамъ, въ безпрестанной борьбѣ съ дикими горцами, съ недостаткомъ въ жизненныхъ потребностяхъ и съ самою природою, исполнено необычайной силы и занимательности. Тонъ Ксенофонтовой «*Всеобщей Исторіи Греціи*» проникнутъ рѣшительнымъ пристрастіемъ къ Спартѣ. Прочія сочиненія Ксенофонта: «*Разсужденіе объ аѳинскомъ и спартанскомъ образѣ правленія*», «*Жизнь Агезилая*», «*Разговоръ Гіерона съ Симонидомъ*», «*Апологія Сократа*», и др. также прибавляютъ къ изображенію этого времени нѣкоторыя характеристическія черты.

Ксенофонтъ.

Теперь остается еще сказать о Платонѣ, который вліяніемъ своего ума на развитіе человѣчества пріобрѣлъ— такъ же, какъ впослѣдствіи Аристотель—всемірное историческое значеніе. Онъ родился въ 429 г. до Р. Х., слѣдовательно, былъ гораздо моложе Ксенофонта. Платономъ его прозвали за широкую, сильную грудь: имя его было Аристоклъ. Послѣднія 8 лѣтъ жизни Сократа онъ былъ почти

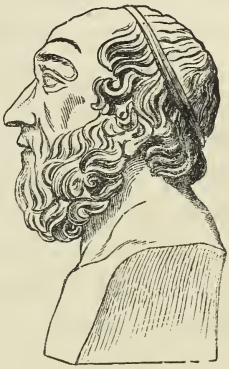
безотлучно при немъ и пользовался его ученіемъ. Послѣ того онъ внимательно изучалъ Аристофана и Софрона (также извѣстнаго драматическаго писателя); былъ членомъ таинственнаго пиѳагорейскаго братства въ Италіи; проникъ даже въ Египетъ и въ Азію, повсюду собирая дань свѣдѣній и стремясь постигнуть существо боговъ, сотвореніе міра, душу человѣка и ея назначеніе.

Въ Сиракузахъ, гдѣ Платонъ началъ преподавать свое ученіе, ему не посчастливилось: тиранъ Діонисій-Старшій продалъ его въ рабство. Кто-то изъ киренейскихъ друзей Платона выкупилъ его. Платонъ, послѣ своихъ неудачъ въ Сициліи, уже не покидалъ Аѳинъ. Здѣсь онъ основалъ философскую школу, извѣстную подъ именемъ *академической*, или *академіи*. (Впослѣдствіи *академія* съ своими садами и портиками, слышавшими ученіе Платона, превратилась въ учебное заведеніе для образованія ораторовъ, а подъ именемъ *академиковъ* разумѣли тѣхъ, которые не принимали ни одной безусловной истины, а только вѣроятность, которая можетъ быть больше или меньше, смотря по тому, больше или меньше приближается къ истинѣ). Особенность Платоновой философіи состоитъ въ направленіи къ духовному, сверхчувственному міру, въ возвышеніи сознанія въ область духовную, такъ что умственное принимаетъ видъ сверхчувственнаго, принадлежащаго мышленію. (*G. W. Hegel's Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*, Bd. 2. S. 170). Произведенія Платона заключаютъ философію не въ системѣ, а въ формѣ бесѣдъ свободныхъ и возвышенныхъ умовъ. Бесѣдующіе, начиная съ самыхъ простыхъ вещей, постепенно доходятъ до самыхъ глубокихъ мыслей и со всѣхъ сторонъ исчерпываютъ предметъ, составляющій содержаніе ихъ разговоровъ. Краснорѣчивѣйшія мѣста, сильныя чувствованія, глубокія мысли о государствѣ, законѣ, человѣкѣ и т. п., встрѣчаемыя читателемъ во всѣхъ произведеніяхъ Платона, дѣлаютъ эти творенія однимъ изъ драгоцѣннѣй-

шихъ сокровищъ, которыя достались намъ отъ древняго міра.

Извлекаемъ нѣсколько мыслей у Платона: о свойствѣ правленія, о воспитаніи человѣка, о свойствѣ души, о правосудіи божественномъ, о справедливости людей.

«Искусство управлять государствомъ дается не цѣлой толпѣ, а только не многимъ избранникамъ. Необходимые правителю таланты, духъ умѣренности и энергія соединяются лишь въ рѣдкихъ царственныхъ натурахъ, и такія натуры, опираясь на божественныя средства религіи и на человѣческія средства наказанія и награды, могутъ служить на благо государству и гражданамъ. Такихъ возвышенныхъ правителей и стражей государства должно избирать со всевозможными вниманіемъ и заботливостью, а не такъ, какъ мы въ послѣднія времена видали у насъ, въ Аѳинахъ. Всей же толпѣ гражданъ безразлично можно сказать: всѣ вы сдѣланы изъ одной и той же глины, и потому братья; золота же подложили боги въ составъ лишь тѣхъ, кого отмѣтили своимъ избраніемъ для правленія, серебра прибавили въ составъ способныхъ быть помощниками послѣднимъ, а мѣди и желѣза—въ составъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ.


Платонъ.

«Для правильнаго воспитанія человѣка нужна гармонія (науки и художества) развитія всѣхъ силъ его. *Одна* гимнастика (т. е. физическое воспитаніе) ведетъ къ огрубѣнію; *однѣ* науки и искусства ослабляютъ и изживаютъ.—Сознаніе людей, просвѣщенныхъ наукою, облагороженныхъ воспитаніемъ, находится въ такомъ отношеніи къ сознанію черни, вѣчно преданной чувственности, погруженной въ рабство собственныхъ страстей, въ какомъ находится свѣтъ къ отраженію и образъ къ тѣни. Съ душею возвышенно-сво-

бодною и чистой человѣкъ всегда ходитъ въ яркомъ свѣтѣ и отчетливо понимаетъ все, что внутри и внѣ его; но чья душа подъ властью низкихъ страстей, тотъ, какъ плѣнникъ, различаетъ предметы не иначе, какъ въ полумракѣ тюрьмы. Таковъ тиранъ: онъ не имѣетъ власти надъ собою, потому что самъ никогда не перестаетъ быть рабомъ своихъ льстецовъ и собственныхъ ненасытныхъ страстей.

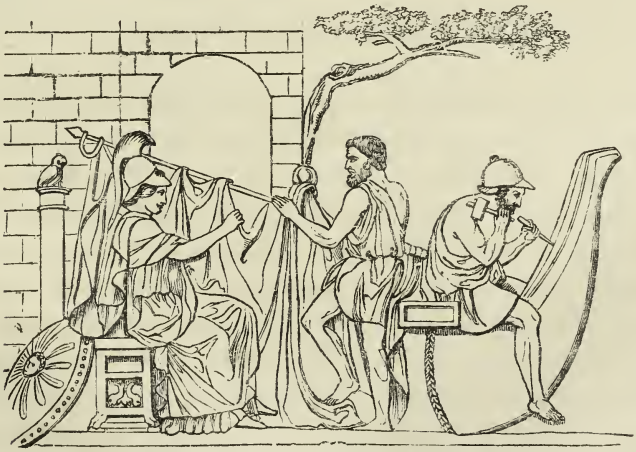
«Чтобъ составить себѣ понятіе о существѣ души, должно взглянуть на нее въ тѣ свѣтлыя минуты, когда, отбросивъ въ сторону, хотя на время, узы плоти и повинуясь своему возвышенному назначенію, она горитъ священнною жаждою познанія, стремится къ божеству и ищетъ слиться съ вѣчностью. Когда бы вдругъ нежданною волною смыло съ нея всѣ чуждыя ей нечистоты, и она, отрѣшившись отъ земли, вдругъ стала-бъ жить своею собственною жизнью, сколь прекрасною явилась бы она тогда!

«Изъ дѣлъ человѣческихъ ничто не скрыто предъ богами. Боги ненавидятъ всякое зло и неправду; благо тому, кого они любятъ. Если человѣкъ справедливый не испытываетъ въ жизни ничего, кромѣ бѣдности, болѣзней и всякихъ золъ, то и въ такомъ случаѣ его справедливыя дѣла не погибаютъ: если не въ жизни, то послѣ смерти боги воздадутъ ему за доброе, за его правду, ибо верховные блюстители правды не могутъ забыть или покинуть того изъ людей, кто, избравъ себѣ въ жизни путь добродѣтели, стремился, насколько то дано смертному, уподобиться божеству.»

Кто не чуетъ въ этихъ мысляхъ языческаго философа какъ бы предвѣстниковъ грядущихъ христіанскихъ идей? Какъ бы предвѣдѣніе христіанскаго воззрѣнія на вещи еще болѣе бросается въ глаза въ томъ мѣстѣ ученія Платона, гдѣ развивается мысль о справедливомъ воздаяніи. Изреченіе знаменитаго Симонида: «справедливость требуетъ воздавать каждому должное»—многіе принимали въ томъ смыслѣ, что за дружбу справедливость велитъ платить дружбою, а за вражду—враждою. Платонъ же, въ своихъ діалогахъ,

влагаетъ въ уста Сократу слѣдующія мысли: «Занятіе музыкой не дѣлаетъ музыканта невѣждою въ этомъ искусствѣ, верховая ѣзда не отнимаетъ у всадника умѣнія ѣздить;— какъ же можетъ справедливость превратить правду въ неправду? какъ же можетъ добродѣтель измѣнить добро во зло? Никакъ. Тепло не можетъ охлаждать, а сухость давать влагу; совсѣмъ напротивъ. Справедливость есть безспорно благо, слѣдовательно, она не можетъ быть во вредъ ни другу, ни врагу; иначе она стала бы зломъ. Поэтому, если кто утверждаетъ, что быть справедливымъ значитъ другу платить дружбою, а врагу—враждою, тотъ самъ несправедливъ, ибо одной несправедливости свойственно вредить кому бы то ни было и мы явно возстаемъ на тѣхъ, кто вздумалъ бы утверждать, что Симонидъ, Біасъ или другой кто изъ достойнѣйшихъ людей могли придавать своимъ понятіямъ о справедливости такой невѣрный смыслъ.»

Разстанемся на время съ философіею и обратимся снова къ политическимъ событіямъ. Насъ встрѣтятъ новыя потрясенія въ греческомъ мірѣ. Древнее величіе Греціи идетъ къ упадку.



Аѳина, научающая кораблестроенію.

Спартанская равнина и Тайгетъ (по Дуссо).

ГЛАВА VIII.

ПОПЕРЕМѢННОЕ ПРЕОБЛАДАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ РЕСПУБЛИКЪ.

1. Преобладаніе Спарты.

Послѣ пелопоннесской войны Спарта, возвеличенная, прославленная, является во главѣ всѣхъ греческихъ государствъ, но это новое положеніе Спарты въ то же время заключало въ себѣ зародышъ предстоявшаго паденія могущества. Спарта вышла изъ своихъ прежнихъ границъ и стала помышлять о внѣшнихъ завоеваніяхъ, совершенно противныхъ духу ея законодательства. Къ тому же на обширныя внѣшнія предпріятія ей нужны были и обширныя денежныя средства, а величіе, пріобрѣтенное пелопоннесскою войной, стоило ей дорого: теперь Спарта не въ состояніи была выставить болѣе 2,000 гражданъ, способныхъ носить оружіе.

Большая часть войска состояла поэтому изъ періековъ, неодамодовъ и даже гелотовъ (илотовъ), которымъ, ради государственной нужды, давали свободу. Являются даже иноплеменныя войска .

Впрочемъ, въ началѣ этого періода владычество Спарты кажется прочнымъ. Всѣ острова и приморскіе города, бывшіе до сихъ поръ въ подданствѣ Аѳинъ, теперь подчинились Спартѣ. Отъ Византіи до Милета и вдоль ѳракійскихъ и македонскихъ береговъ, Лизандръ учредилъ по городамъ правленіе изъ десяти мужей, подъ руководствомъ одного спартанскаго *армоста*. Правленіе облечено было неограниченною властью.

Вскорѣ подвластные союзники увидѣли, что спартанское иго несравненно тягостнѣе аѳинскаго. Армосты, по большей части грубые, властолюбивые, искали только обогащенія, а въ средствахъ къ достиженію этой цѣли были до крайности неразборчивы. Порабощенные союзники до времени молчали.

Отступленіе 10,000 грековъ.

Одинъ изъ спартанскихъ армостовъ, Клеархъ, за жестокое обращеніе съ Византіею и за ненасытное корыстолюбіе, лишенъ былъ своей должности. По дружбѣ съ Лизандромъ, онъ вошелъ въ связи съ Киромъ-Младшимъ. Въ это время Киръ задумалъ низвергнуть съ персидскаго престола брата своего, Артаксеркса Мнемона. Для вѣрнаго успѣха дѣла Киръ обратился за содѣйствіемъ къ Клеарху. Послѣдній, посредствомъ персидскаго золота, нашелъ много греческихъ охотниковъ до приключеній. Въ ѳракійскомъ Херсонесѣ набрались ихъ цѣлые полки. Обучивъ ихъ спартанскому военному искусству, Клеархъ двинулся съ ними въ Азію. Туда прибыли къ нему охотники-воины изъ Ѳессаліи, Віотіи и Пелопонесса. Всѣхъ собралось до 13 тысячъ. Соединившись съ войскомъ Кира, дружина двинулась къ Евфрату, на каждомъ шагу встрѣчая невиданныя чудеса: новые народы,

иные обычаи, пышные города, каналы, пальмовыя рощи, плоды, какихъ не видали до сихъ поръ, обширныя пространства—точно цѣлый новый міръ. И на равнинѣ при Кунаксѣ, часа на три не доходя до Вавилона, въ первый разъ страна услышала спартанскую воинственную пѣсню (пеанъ), и въ первый разъ персидскія полчища дрогнули предъ напоромъ грековъ, когда послѣдніе сомкнутыми рядами, съ копьями впередъ и съ громкимъ крикомъ *„алала!“*, ринулись на нихъ.

Равнина Равилона. Берега Евфрата.

Сраженіе было рѣшительное: персы разбиты на-голову, самъ Тиссафернъ (тотъ, котораго мы видѣли въ исходѣ пелопоннесской войны) не могъ остановить бѣгущихъ; но смерть Кира-Младшаго и разстройство его войска дали другой оборотъ дѣлу. Войско Кира покинуло грековъ на произволъ случайностей. Греки не погибли. Одни, среди непріятельской земли, въ виду многочисленнаго персидскаго войска,

они, однако-жъ, не сдались добровольно. Тиссафернъ лукаво заманилъ грековъ на лѣвый берегъ Тигра и, пригласивъ къ себѣ всѣхъ греческихъ полководцевъ, будто бы на совѣщаніе, захватилъ ихъ. Онъ надѣялся, что безъ вождей войско потеряетъ бодрость и сдастся ему безъ всякихъ условій, но къ удивленію, увидѣлъ, что изъ простыхъ воиновъ и вольнослужащихъ тотчасъ явились новые полководцы. Ксенофонтъ, бывшій въ ойскѣ охотникомъ, воодушевилъ грековъ на отважное предпріятіе — мечемъ проложить себѣ обратный путь въ отечество. И этотъ путь они пробили себѣ, какъ уже было упомянуто выше, когда говорилось объ «Анабазисѣ» Ксенофонта. Вдоль Чернаго моря, чрезъ греческія колоніи: Трапезунтъ, Синопъ, Гераклею и Халкедонъ, войско достигло наконецъ Византіи частью сухимъ путемъ, частью моремъ (400 г.). Около года длился этотъ походъ грековъ. Нѣсколько болѣе 8,000 человѣкъ вернулось въ Грецію. Часть ихъ разсѣялась, а часть вступила въ службу Спарты и приняла впослѣдствіи участіе въ новой войнѣ грековъ съ мало-азіятскими сатрапами.

Агезилай.

Утвердивъ свое владычество въ собственной Греціи, изгнавъ мессенянъ изъ Навпакта и силою возративъ себѣ отпавшихъ пелопоннесскихъ союзниковъ, Спарта обратила взоры на Малую Азію. Греческіе города, стѣсненные Тиссаферномъ, просили помощи у гегемоновъ Греціи. Спартанское правительство отправило къ нимъ вспомогательное войско (въ 400 г.), подъ начальствомъ Ѳимброна. Этотъ полководецъ велъ войну успѣшно, но поступалъ такъ жестоко, что спартанцы его отозвали и на мѣсто его (въ 399 г.) отправили Деркиллида, о необыкновенной хитрости котораго тогда носилась молва по всей Греціи. Деркиллидъ оправдалъ ее тѣмъ, что успѣлъ поссорить Тиссаферна съ другимъ сатрапомъ, Фарнабазомъ, и, безъ угнетенія союзниковъ,

такъ счастливо велъ войну, что Фарнабазъ принужденъ былъ заключить перемиріе, по которому персы признали независимость греческихъ городовъ въ Малой-Азіи. Во время перемирія Деркиллидъ возстановилъ согласіе между отдѣльными городами, снова построилъ разрушенныя укрѣпленія въ Херсонесѣ и смягчилъ многія постановленія Лизандра. Оскорбленный этимъ, Лизандръ, чтобы усилить свое вліяніе, старался сдѣлать военачальникомъ царя, который бы *ему* обязанъ былъ возвышеніемъ. Когда, въ 397 г., царь Агисъ умеръ, Лизандръ возбудилъ брата его, Агезилая, объявить права свои на престолъ вмѣсто сына Агисова, Леотихида, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, былъ плодомъ нѣжныхъ отношеній царицы съ Алкивіадомъ. Агезилай успѣлъ, но не успѣлъ Лизандръ. Получивъ начальство надъ войскомъ въ Малой-Азіи (въ 396 г.), Агезилай тотчасъ показалъ, что не будетъ подчиняться чужой волѣ. Онъ считалъ себя въ правѣ дѣйствовать рѣшительно и самостоятельно еще и потому, что чуждый всякаго своекорыстія и лести, онъ служилъ только пользѣ и славѣ своего отечества. Походы его въ Азіи увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Рѣшительная его побѣда надъ персами на берегахъ рѣки Пактола открыла ему путь въ самое сердце персидской монархіи. Агезилай готовился уже идти на Сузу, но въ это время сильная гроза собралась надъ Спартою въ самой Греціи. Персидское золото такъ удачно успѣло возбудить въ Греціи негодованіе къ Спартѣ, что многіе изъ ея невольныхъ союзниковъ снова отпали и, соединившись, рѣшились свергнуть съ себя желѣзное владычество лакедемонянъ. Вспыхнула война въ Пелопоннесѣ, извѣстная подъ

Агезилай.

Погребеніе воиновъ, павшихъ при Коронсѣ.

именемъ *коринѳской*. Спартанское правительство, не полагаясь на шаткую вѣрность и прочихъ своихъ союзниковъ, считало свое положеніе столь опаснымъ, что рѣшилось вызвать Агезилая.

Неохотно повиновался царь полученному имъ повелѣнію. Оставивъ четырехтысячный отрядъ для защиты греческихъ городовъ отъ персовъ, Агезилай выступилъ въ обратный путь. Онъ съ удивительною быстротою и порядкомъ въ войскѣ совершилъ этотъ походъ, пролагая путь оружіемъ чрезъ непріязненную Ѳессалію въ томъ самомъ направленіи, какимъ шелъ Ксерксъ. До самой Віотіи Агезилай легко преодолѣвалъ всѣ препятствія, но, приблизясь къ Коронеѣ, онъ встрѣтилъ соединенныя силы аргивянъ, аѳинянъ, эвбеянъ и ѳивянъ. Здѣсь (въ 394 г.) произошло кровопролитное сраженіе, которое, впрочемъ, не имѣло никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій, кромѣ лишь того, что Агезилай возстановилъ честь спартанскаго оружія. Зато могущество Спарты на морѣ, пріобрѣтенное въ пелопоннесскую войну, рушилось окончательно, и вотъ какимъ образомъ.

Послѣ пораженія аѳинянъ при Эгосъ-Потамосѣ, Кононъ съ своими кораблями отплылъ въ Кипръ и жилъ тамъ до тѣхъ поръ, пока открывшаяся война между Персіею и Спартою не дала ему случая то тамъ, то здѣсь, вредить по возможности врагамъ своего роднаго города — Аѳинъ. Незадолго передъ битвою коронейскою Кононъ предложилъ свои услуги персидскому царю. При искусномъ посредничествѣ Фарнабаза, услуга Конона была принята. Вскорѣ послѣдній получилъ возможность съ персидскимъ флотомъ явиться на морѣ. Спартанскій флотъ, подъ начальствомъ несвѣдущаго Пизандра, стоялъ у мыса Книда, къ сѣверу отъ Родоса. Здѣсь Кононъ истребилъ его. Слѣдствія этой побѣды были чрезвычайно знаменательны. Тотчасъ большая часть приморскихъ городовъ и острововъ отпала отъ Спарты; могущество послѣдней на морѣ уничтожено было навсегда, а главное то, что Кононъ сумѣлъ извлечь изъ обстоятельствъ огромную пользу

для Аѳинъ. Онъ увѣрилъ Фарнабаза, что Аѳины для персовъ могутъ послужить надежнѣйшимъ оплотомъ противъ Спарты, если снова будутъ такъ же укрѣплены, какъ были до пелопоннесской войны. Фарнабазъ далъ ему денегъ, и Кононъ весною 393 г. на 80 корабляхъ прибылъ въ Пирей. Персидскіе матросы, всѣ аѳиняне и 500 рабочихъ, присланныхъ ѳивянами, работали усердно, и въ короткое время

Жертвоприношеніе въ Спартѣ.

знаменитыя длинныя стѣны Пирея явились еще лучше, чѣмъ были до несчастія, разрушившаго ихъ. Вскорѣ, благодаря Конону и дружбѣ къ нему Фарнабаза, аѳиняне возстановили прежнее свое владычество на морѣ и, появившись въ Геллеспонтѣ, достигли того, что Византія, Лесбосъ, Тасосъ, Халкедонъ и другіе города и острова снова присоединились къ Аѳинамъ и ввели у себя демократію.

На сухомъ пути дѣла спартанцевъ шли лучше. Они разрушили коринѳскую гавань, Лехеонъ, и взяли бы самый городъ, еслибъ аѳинскій полководецъ Ификратъ не остановилъ ихъ успѣховъ.

Война продолжалась до 387 года съ перемѣннымъ счастіемъ; но что она не была въ пользу спартанцевъ, видно изъ того, что послѣдніе отправили Анталкида къ сатрапу Іоніи, Тирибазу, просить дружбы и денегъ. Анталкидъ, неуступавшій Лизандру въ хитрости, убѣдилъ Тирибаза въ томъ, что Кононъ имѣлъ въ виду единственно выгоды своего отечества, а не персовъ; обѣщалъ отъ имени спартанцевъ предоставить персамъ всю Малую-Азію и такъ ясно доказалъ ему всю необдуманность войны противъ Спарты, что Тирибазъ заключилъ Конона въ темницу (гдѣ онъ и былъ умерщвленъ), а самъ съ Анталкидомъ отправился въ Сузу, чтобы убѣдить и царя склониться на мирныя предложенія. Тирибазъ успѣлъ въ этомъ. Условія заключеннаго тогда мира, извѣстнаго подъ именемъ *анталкидскаго*, ясно показываютъ, что отъ Эллады отлетѣлъ тотъ духъ братства и народной славы, который недавно оживлялъ грековъ. Условія этого мира какъ будто бы написаны были подъ диктовку персовъ. Вотъ они: «Царь Артаксерксъ требуетъ, чтобы всѣ малоазіятскіе греческіе города принадлежали ему, также и острова Клазомены и Кипръ; всѣ другіе греческіе города большіе и малые, должны быть признаны самоуправляющимися (автономными), за исключеніемъ Лемноса, Имброса и Скироса, которые, какъ и прежде, должны оставаться подъ властью аѳинянъ. Кто не признаетъ сего договора, противъ того царь поведетъ войну на сушѣ и на водѣ.» *(Ксенофонтъ, «Hellenic.», lib. V., cap. 1, § 31).* Объявленіе мира происходило въ іюлѣ 387 г., во 2-й годъ 98-й олимпіады.

Этотъ постыдный для грековъ миръ былъ выгоденъ для персовъ. Сатрапы завели по греческимъ городамъ свои замки и гаремы, присвоили себѣ греческія морскія силы, вы-

жали изъ цвѣтущихъ колоній и деньги, и всѣ лучшіе соки. Изъ грековъ только спартанцы могли быть довольны анталкидскимъ миромъ, который далъ имъ возможность въ ущербъ праву упрочить свой перевѣсъ въ Греціи. Къ тому же они, какъ виновники мира, явились и строгими исполнителями условій его. Они, повидимому, старались какъ можно строже наблюдать самоуправленіе (автономію), объявленное въ договорѣ: съ этихъ поръ спартанцы не допускали нигдѣ соединенія нѣсколькихъ греческихъ государствъ (городовъ); даже, когда вокругъ Олинта, на Халкидійскомъ полуостровѣ, началъ образовываться союзъ городовъ съ цѣлью успѣшнѣе защищаться отъ нападеній дикихъ горцевъ Иллиріи и Ѳракіи, спартанцы вмѣшались и тамъ. По просьбѣ двухъ городовъ: Аканта и Аполлоніи, нехотѣвшихъ приставать къ этому союзу, спартанцы съ удовольствіемъ отправили туда войско, подъ начальствомъ Эвдамида (въ 362 г.), а за нимъ, для подкрѣпленія, другое, подъ начальствомъ Февида. Олинтъ былъ осажденъ, но мужественно отстаивалъ свою независимость. Эвдамидъ погибъ подъ стѣнами его; погибъ и преемникъ его, Телевтіадъ. Наконецъ, въ 380 г. посланный противъ Олинта, царь Агезиполидъ обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ, и хотя самъ умеръ отъ злокачественной лихорадки, но приготовилъ паденіе мужественнаго города: тѣснимые голодомъ, жители сдались Полибіаду, смѣнившему Агезиполида (379 г.). Спартанское управленіе, спартанскій армостъ смѣнили свободное устройство Олинта и обратили его въ послушнаго союзника Спарты. Съ паденіемъ главы союза, распался и союзъ халкидскихъ городовъ.

Нельзя умолчать объ одномъ несправедливомъ поступкѣ Спарты съ Ѳивами, который краснорѣчивѣе всего говоритъ въ пользу той жажды къ преобладанію въ Греціи, утоленія которой спартанцы искали даже на отдаленныхъ берегахъ ѳракійскихъ. На пути къ Олинту, Февидъ воспользовался раздорами въ Ѳивахъ сената, гражданства и даже обоихъ верховныхъ правителей (полемарховъ) и, по предложенію

одного изъ послѣднихъ, вошелъ съ войскомъ въ городъ, проникъ въ крѣпость Кадмею и овладѣлъ ею. Это случилось такъ неожиданно и быстро, что въ Ѳивахъ никто еще не успѣлъ и подумать о защитѣ; въ Кадмеѣ же въ это время ѳивянки совершали какой-то праздникъ, къ которому мужчины не допускались. Во всей Греціи поднялся голосъ негодованія на предательскій поступокъ Февида. Въ самой Спартѣ лишь немногіе оправдывали его, но въ числѣ этихъ немногихъ былъ Агезилай. Въ народномъ собраніи онъ сказалъ: «Здѣсь можетъ быть вопросъ только о томъ, будетъ ли государству нашему выгода или невыгода отъ распоряженія Февида? Въ первомъ случаѣ Февидъ исполнилъ свою обязанность, въ послѣднемъ онъ достоинъ наказанія.» Эфоры избрали средину: они лишили обвиняемаго его должности и наложили на него значительную денежную пеню; но крѣпость оставили за Спартой. Ѳивы присоединились къ свитѣ покорныхъ слугъ Спарты. Народъ, крѣпкій тѣломъ, но медленный въ мысли и преданный пирамъ и наслажденіямъ, свыкся понемногу съ своимъ рабствомъ; только въ немногихъ избранныхъ личностяхъ не умирала мысль объ освобожденіи своего отечества.

Теперь не оставалось въ Греціи ни одного государства, которое могло бы возстать противъ Спарты, не исключая и Аѳинъ; надъ всѣми тяготѣло желѣзное иго; но вскорѣ обстоятельства перемѣнились.

Ѳиванскій ландшафтъ съ горой Киѳономъ (по Вардевоту).

2. Преобладаніе Ѳивъ.

Пелопидъ.

Послѣ порабощенія Спартою своихъ союзниковъ и несоюзниковъ, все въ Греціи, казалось, успокоилось, но только казалось: это была тишина передъ бурей. Вскорѣ выступаютъ на поприще такіе люди и такія дѣла, которые хотя и не возстановили во всемъ блескѣ прошедшаго величія Греціи, но наполнили ее громкою славою побѣдъ. Духъ гордой независимости и свободы еще разъ, быть можетъ, въ послѣдній, яркимъ свѣтомъ озарилъ Элладу. Свѣтъ просіялъ среди того самаго народа, который, какъ мы недавно сказали, сталъ уже свыкаться съ игомъ спартанскимъ.

Въ Ѳивахъ, невозмутимо и не слишкомъ безпокоясь о законахъ, правили угнетеннымъ народомъ Леонтіадъ и товарищи его, Гипатъ и полемархи, Филиппъ и Архій. Правитель-

ство съ такою увѣренностью полагалось на свои распоряженія и спартанскій гарнизонъ, что и не думало что-либо подозрѣвать, а между тѣмъ точно такъ, какъ, вслѣдствіе пелопоннесской войны, изъ Ѳивъ вышли освободители Аѳинъ (см. выше: низверженіе Ѳразивуломъ 30 тирановъ), такъ теперь въ Аѳинахъ тайно готовилось освобожденіе Ѳивъ. Филлидъ, служившій секретаремъ при полемархѣ Архіи, составилъ съ Мелономъ и прочими изгнанниками планъ — умертвить олигарховъ и вооружить народъ. Въ числѣ изгнанниковъ былъ и пламенный Пелопидъ, убѣдившій товарищей отбросить всякій страхъ и недоумѣніе. Рѣшено было или все потерять, или все выиграть. Впрочемъ, заговорщикамъ была опора и въ самихъ Ѳивахъ: въ городѣ не мало нашлось усердныхъ патріотовъ. Тайно собирались они въ домѣ Харона, и здѣсь положено было воспользоваться, для исполненія задуманнаго дѣла, днемъ праздника Афротиды. Въ декабрѣ 379 г. Мелонъ съ шестью изъ сотоварищей, въ числѣ которыхъ былъ и Пелопидъ, пробрался въ Ѳивы и скрылся въ домѣ Филлида, а правители, не вѣдая приближающейся грозы, предвкушали уже радости праздника. На веселомъ пиру, увѣнчанный цвѣтами, Архій возлежалъ на мягкомъ ложѣ, и ни одна заботная мысль не возмущала его сладкаго покоя. Гонецъ изъ Аѳинъ отъ тайнаго друга подалъ ему письмо. Въ письмѣ было предостереженіе. Архій сунулъ письмо подъ изголовье, сказавъ: «дѣла на завтра,» и велѣлъ наполнить свою чашу, а товарищу напомнилъ о свѣтлыхъ гетерахъ, которыя обѣщали имъ въ праздникъ украсить ихъ пиръ. Вскорѣ явились и желанныя посѣтительницы съ опущенными покровами, но не на радость полемархамъ. По условленному знаку покровы были отброшены и — не гетеры, а пламенные мстители за свое угнетеніе устремились на безпечныхъ тирановъ. Всѣ погибли подъ мечомъ Пелопида и его товарищей. Оттуда патріоты бросились въ домъ опаснѣйшаго изъ тирановъ, Леонтіада, который, по всегдашней своей воздержности, не участвовалъ въ пирѣ. Леонтіадъ въ домѣ, а Гипатъ

на кровлѣ своего жилища, куда онъ надѣялся укрыться отъ мстителей, оба погибли позорною смертью. Патріоты, подъ предводительствомъ Филлида, проникли въ темницы, освободили узниковъ, въ ту же ночь подняли тревогу и стали призывать гражданъ къ оружію. На утро весь городъ, въ полномъ вооруженіи, пѣшкомъ и верхомъ, поспѣшилъ въ народное собраніе. Народу возвѣстили о недавнихъ событіяхъ;

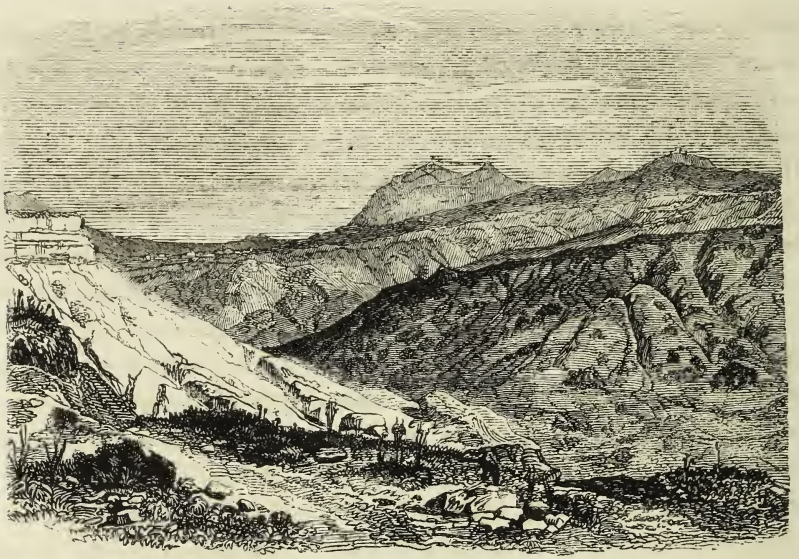
Пелопидъ съ товарищами освобождаетъ Ѳивы отъ тирановъ.

жрецы увѣнчали своихъ освободителей цвѣтами; общимъ приговоромъ избраны были въ беотархи Пелопидъ, Мелонъ и Харонъ. Этимъ актомъ Ѳивы дали знать всей Греціи (378 г.), что они снова становятся во главѣ свободной Віотіи (Беотіи). Спартанскій гарнизонъ, осажденный въ Кадмеѣ со всѣхъ сторонъ, не имѣя съѣстныхъ припасовъ, сдалъ крѣпость, выговоривъ себѣ свободный выходъ.

Какъ недовольны были спартанцы событіями въ Ѳивахъ—видно изъ того, что, когда кадмейскій гарнизонъ возвратился домой,—двое изъ армостовъ были казнены, а третій подвергся тяжелому денежному штрафу. Ѳивяне увидѣли, что имъ нужно готовиться къ войнѣ.

Немедленно царь спартанскій, Клеомбротъ, отправленъ былъ съ войскомъ въ Віотію. Слѣдствія этого похода были далеко не выгодны спартанцамъ, и вотъ отчего. Одинъ изъ поставленныхъ Клеомбротомъ армостовъ, — именно ѳеспійскій, Сфодрій — отважился такъ же коварно завладѣть аѳинскимъ Акрополемъ какъ прежде Февидъ овладѣлъ Кадмеей. Замыселъ его не удался. Зато аѳиняне стали усердно помогать ѳивянамъ на сушѣ и на морѣ. Въ два похода въ Віотію и Агезилай (въ 377 г.) не сдѣлалъ ничего важнаго: такъ умѣлъ одушевить союзное войско предводитель Хаббрій, аѳинянинъ; и раненый Агезилай возвратился въ отечество. Хаббрій и на морѣ подарилъ аѳинянамъ побѣду при Наксосѣ (376 г.), а сынъ Конона, Тимоѳей, присоединилъ къ аѳинскому союзу даже нѣсколько новыхъ городовъ и острововъ. Ификратъ, смѣнившій Тимоѳея, когда правительство отправило послѣдняго въ Ѳессалію и Эпиръ—поискать денежныхъ пособій, продолжалъ дѣло не менѣе храбро и успѣшно. Видно, что просвѣщеніе аѳинское и въ этотъ періодъ, когда доблестный духъ народа ослабѣлъ и отчасти смѣнился страстью къ наслажденіямъ, все еще приносило хорошіе, хотя и рѣдкіе плоды. Но замѣчательнѣе всего то, что грубые и лѣнивые, по природѣ, ѳивяне, обыкновенно служившіе желудку такъ же усердно, какъ аѳиняне служили музамъ, доблестями двухъ возвышенныхъ личностей скоро выдвинулись на первое мѣсто среди греческихъ государствъ. Пелопидъ вдохнулъ въ своихъ соотечественниковъ стремленіе къ славѣ родины и возбудилъ въ нихъ такое мужество, что даже спартанцы перестали быть для нихъ непобѣдимыми. Пелопидъ составилъ такъ называемый *священный отрядъ*. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 300 воиновъ, ѳиванскихъ гражданъ

благороднѣйшихъ фамилій. Воины, и самъ Пелопидъ съ ними, были связаны узами тѣснѣйшей дружбы, а на полѣ битвы, во главѣ колоннъ, старались превзойти другъ друга мужествомъ и самоотверженіемъ. Съ этимъ отрядомъ при Тегирѣ Пелопидъ разбилъ на́-голову двѣ спартанскія *моры*, то есть приблизительно 600 человѣкъ. Съ такими силами Ѳивы могли открыто противодѣйствовать Спартѣ и стать въ ряду первостепенныхъ греческихъ государствъ. Въ этомъ качествѣ ѳивяне и явили себя на конгресѣ, созванномъ въ Спартѣ въ 362 г. для заключенія всеобщаго мира. Въ числѣ главныхъ условій мира были слѣдующія: самостоятельность (автономія) всѣхъ греческихъ городовъ; удаленіе армостовъ и первенство Спарты на сушѣ, а Аѳинъ на морѣ. Когда дошла очередь до Эпаминонда, посла ѳивянъ, подписаться, то онъ потребовалъ, чтобы ему разрѣшено было сдѣлать это отъ лица всего союза віотійскихъ городовъ, чтобы такимъ образомъ Ѳивы явились представителями цѣлой Віотіи, какъ Аѳины являлись представителями Аттики, а Спарта—всей Лаконіи. Получивъ отказъ, Эпаминондъ не принялъ мира, и оставалось войнѣ примирить требованія.



Гора Иѳома съ развалинами мессенскаго ристалища.

Эпаминондъ.

Личностъ Эпаминонда ярко выступаетъ изъ ряда обыкновенныхъ. Въ то время, когда роскошь достигла высочайшей степени, а страсть къ наслажденіямъ сдѣлала людей крайне неразборчивыми въ способахъ для пріобрѣтенія богатства, Эпаминондъ отличался необыкновенною простотою жизни и непоколебимою неподкупностью. Ѳессалійскій тиранъ, Александръ, предлагалъ ему тысячу червонцевъ за союзъ, а онъ, отвергнувъ ихъ съ презрѣніемъ, остался такимъ же бѣднякомъ, какъ былъ, и занялъ у друзей 50 драхмъ на постройку какой-то машины. Народъ съ наслажденіемъ удовлетворялъ своимъ животнымъ позывамъ, удлинняя обѣды и забавляясь кровожадными кулачными боями, а Эпаминондъ искалъ удовлетворенія потребностямъ умственной природы. Физическія упражненія онъ ограничивалъ бѣганіемъ и борьбою въ гимназіи; остальное же время употреблялъ на музыку, поэзію и математику. Онъ отдыхалъ въ бесѣдѣ съ двумя

учениками Сократа и съ пиѳагорейцемъ, Лизисомъ, изъ Тарента. Съ Пелопидомъ онъ связанъ былъ самою тѣсною дружбой, хотя и не одобрялъ его въ убійствѣ тирановъ ѳивскихъ, ибо не одобрялъ и не позволялъ себѣ никакого дѣла тайнаго, а тѣмъ менѣе несправедливаго. Его отличныя свѣдѣнія въ математическихъ наукахъ дали ему средства сдѣлать важныя измѣненія въ военной тактикѣ и много содѣйствовали ему на полѣ битвъ. Эпаминондъ никогда не добивался государственныхъ должностей, но политическія обстоятельства скоро выдвинули его на первый планъ, и ему-то, преимущественно, при содѣйствіи Пелопида, грубые и лѣнивые віотійцы обязаны были своимъ временнымъ возвышеніемъ надъ образованными аѳинянами и твердыми спартанцами.

Эпаминондъ.

Эпаминондъ былъ въ числѣ семи полемарховъ, избранныхъ въ Ѳивахъ для начальствованія войскомъ (371 г.); но геній его и энергія естественно даровали ему среди ихъ первое мѣсто. Вскорѣ военныя дѣйствія открылись вторженіемъ въ Віотію Клеомброта съ сильнымъ войскомъ. Клеомбротъ дошелъ побѣдоносно до города Крезиса, взялъ его и истребилъ флотъ ѳиванскій, состоявшій изъ 12 триремъ. При Левктрахъ его встрѣтили главныя ѳиванскія силы. Здѣсь, не смотря на перевѣсъ непріятеля числительностью, — у него было 4,000 воиновъ, въ числѣ ихъ 700 спартанцевъ, кромѣ того 6,000 союзниковъ; у віотійцевъ же 6,000 тяжелой пѣхоты и 1,000 всадниковъ, — Эпаминондъ, благодаря придуманному имъ клинообразному боевому порядку, разбилъ лакедемонянъ на голову и обратилъ въ бѣгство (371 г.). Самъ Клеомбротъ, съ 400 спартанцевъ и 1,000 союзниковъ, палъ въ битвѣ. Спартанцы никогда еще не получали вѣсти о подобномъ пораженіи;

однако-жъ и въ этотъ разъ показали свою обычную твердость: эфоры строго запретили громкіе вопли и слезы.

Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣды для Ѳивъ было отпаденіе отъ Спарты самаго вѣрнаго до сихъ поръ союзника ея, города Орхомена. И повсюду спартанцамъ сдѣлалось труднѣе управляться съ подчиненными народами. Эпаминондъ замыслилъ возвысить Ѳивы надъ всею Греціей, соединить подъ властью ѳивянъ всѣ государства эллинскія и направить соединенныя силы на варваровъ; но для этого нужно было прежде разрушить иго спартанское, тяготѣвшее еще на многихъ. Эпаминондъ отважился перенесть войну въ самый Пелопоннесъ.

Въ 370 г. Эпаминондъ, съ многочисленнымъ войскомъ, перешелъ Коринѳъ. Аргивяне, аркадцы и др. толпами стремились къ нему и вскорѣ, во главѣ 40,000-й арміи, онъ явился на границахъ Лаконіи, а потомъ на берегахъ Эврота, еще ни разу не видавшаго враговъ Спарты. Вскорѣ блеснулъ на высотахъ и городъ, защищенный, вмѣсто стѣнъ, храбростію жителей. Эпаминондъ остановился въ раздумьѣ. Ни его недавнія побѣды, ни доброжелательство лакедемонскихъ гелотовъ и періековъ, искавшихъ теперь случая освободиться изъ-подъ ига, не ослѣпляли его: онъ не рѣшился напасть на спартанцевъ въ самой Спартѣ, а прошелъ мимо Амиклъ, на югъ, къ городу Гитіону, военной гавани спартанской. Отсюда, послѣ неудачной осады города, Эпаминондъ вступилъ въ Мессенію и тамъ совершилъ подвигъ, блистательный для Ѳивъ и унизительный для Спарты: онъ возстановилъ здѣсь политическое бытіе народа, который уже нѣсколько столѣтій былъ въ рабствѣ у спартанцевъ. На горѣ Иѳомѣ, знаменитой Иѳомѣ, онъ построилъ городъ Мессену и для защиты оставилъ въ немъ ѳиванскій гарнизонъ. Всѣ мессеняне объявлены были свободными, а земля, которую они обработывали для спартанцевъ, была раздѣлена поравну между ними самими. Узнавши, что аѳиняне по просьбѣ спартанцевъ и изъ страха чрезвычайнаго возвышенія Ѳивъ, по-

слали въ Лаконію вспомогательное войско, Эпаминондъ предпринялъ отступленіе. Въ Аркадіи онъ былъ принятъ съ торжествомъ, какъ величайшій полководецъ и освободитель народовъ. При немъ здѣсь основанъ Мегалополь, центральный городъ всего аркадскаго союза. Эпаминондъ двинулся, наконецъ,

Смерть Эпаминонда.

къ Коринѳу. Засѣвшій съ сильнымъ войскомъ на перешейкѣ, Ификратъ не отважился, однако-жъ, преградить путь тому, о комъ доблестный, хотя и престарѣлый Агезилай восклицалъ въ Спартѣ: «О удивительный человѣкъ!»

Весною 369 г. Эпаминондъ предпринялъ второй походъ въ Пелопоннесъ, чтобъ поддержать созданныя имъ государ-

ства. Аркадія такъ скоро достигла силы и значенія, что уже помышляла о независимости даже и отъ ѳивянъ.

Какъ успѣшно Эпаминондъ утверждалъ ѳиванское вліяніе въ Пелопоннесѣ, такъ же удачно дѣйствовалъ Пелопидъ въ Ѳессаліи и Македоніи. Онъ прислалъ въ Ѳивы заложникомъ Филиппа, молодую отрасль македонской царской фамиліи, не предвидя тогда, что этотъ Филиппъ, теперь еще отрокъ, впослѣдствіи подготовитъ порабощеніе всей Греціи.

Спарта, Аѳины и Коринѳъ особенно страшились преобладающаго вліянія Ѳивъ на дѣла пелопоннесскія. Спартѣ удалось склонить на помощь себѣ персовъ; но когда ѳивяне отправили отъ себя пословъ, Пелопида и оратора Исменія, въ Сузу, то имъ не трудно было пріобрѣсти неограниченное расположеніе персовъ. Послѣдніе всегда давали свое содѣйствіе тому изъ греческихъ государствъ, которое было сильнѣе. Изъ Сузъ послы ѳиванскіе возвратились, облеченные царскою волей, а эта воля была совершенно къ ихъ выгодѣ: Мессенія должна была остаться свободною; аѳинянамъ повелѣно обезоружить свой флотъ; въ случаѣ же отказа всѣ греки должны были идти противъ нихъ войною. Впрочемъ, царственныя предписанія такъ и остались одними предписаніями: греки не думали исполнять ихъ. Когда ѳивяне сами отправили пословъ во всѣ города, съ требованіемъ клятвеннаго подтвержденія условій, предписанныхъ царемъ, коринѳяне первые отвѣчали, что они не знаютъ, почему имъ нужно клясться въ исполненіи воли персидскаго царя, которому нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Итакъ, изъ этого посредничества персидскаго царя не вышло мира въ Греціи. Необходимо было опять обратиться къ мечу. Эпаминондъ, предпринявъ новый походъ въ Пелопоннесъ, заставилъ ахайцевъ пристать къ ѳиванскому союзу, но вскорѣ долженъ былъ удалиться изъ Пелопоннеса. Дѣла въ Ѳессаліи шли худо. Тиранъ Ферскій, Александръ, коварнымъ образомъ схватилъ Пелопида и бросилъ его въ тюрьму; войско ѳиванское, безъ вождя, потерпѣло нѣсколько пораженій. Эпаминондъ быстро

возстановилъ славу ѳиванскаго оружія, освободилъ Пелопида, и вмѣстѣ съ нимъ побѣдоносно прошелъ всю Ѳессалію; но въ одномъ сраженіи пламенный Пелопидъ, увлеченный желаніемъ отмстить Александру за его коварство, бросился одинъ на толпу, окружавшую тирана, и погибъ подъ мечами. Ѳессалія и Ѳивы выразили глубокую скорбь при вѣсти о смерти Пелопида, и мужественный духъ Эпаминонда потрясенъ былъ до основанія: онъ терялъ въ Пелопидѣ не только надежнаго друга, но и свою правую руку на полѣ битвы, пламенно-усерднаго, опытнаго исполнителя всѣхъ плановъ на благо и величіе Ѳивъ.

Пелопидъ умеръ въ то самое время, когда вліяніе Ѳивъ утвердилось въ Ѳессаліи, Македоніи и Пелопоннесѣ, а недавно сооруженный флотъ ихъ явился въ водахъ Геллеспонта (365 г.). Это былъ апогей ѳиванскаго могущества. Съ этихъ поръ дѣла въ Пелопоннесѣ стали измѣняться не въ пользу Ѳивъ. Ликомедъ, сдѣлавшись главою аркадскаго союза, старался рѣшительно освободить его отъ вліянія Ѳивъ, и для того вступилъ въ переговоры съ Аѳинами. Аѳины не только согласны были помогать аркадцамъ, но убѣдили и спартанцевъ въ томъ, что для нихъ было бы выгоднѣе, если-бъ Аркадія, отложившись отъ Ѳивъ, присоединилась къ Аѳинамъ. Замыслы Ликомеда рушились съ его смертью. Нѣкоторые аркадскіе города остались вѣрны ѳивянамъ, другіе же отошли къ врагамъ ихъ.

Для возстановленія ѳивянъ въ Пелопоннесѣ, Эпаминондъ, съ многочисленнымъ войскомъ, явился тамъ въ 362 году. Кромѣ віотійцевъ, съ ними пришли локридцы, эвбеяне, малійцы и конные полки ѳессалійцевъ; сверхъ того, въ самомъ Пелопоннесѣ, не мало присоединилось воиновъ изъ Аргоса, Аркадіи и Мессеніи. Опять подступилъ храбрый полководецъ къ Спартѣ, и на этотъ разъ городъ едва не погибъ. Престарѣлый царь Агезилай, съ женщинами, дѣтьми и старцами, успѣлъ однако-жъ отстоять его до вечера, когда подошло лакедемонское войско. Эпаминондъ отступилъ къ Тегеѣ, гдѣ былъ расположенъ его станъ. Узнавъ, что Мантинея оставлена непріятелемъ безъ гарнизона, Эпаминондъ по-

спѣшилъ къ ней, но случаю угодно было распорядиться такъ, что аѳинская конница заняла городъ нѣсколькими часами раньше его. Казалось, военное счастіе стало измѣнять своему любимцу. Для возбужденія духа своего войска и для того, чтобы однимъ ударомъ возстановить благопріятныя обстоятельства, Эпаминондъ далъ рѣшительную, общую битву. Эта знаменательная битва произошла на равнинѣ близъ Мантинеи, 4-го іюля 362 года (во 2 й годъ 104-й олимпіады). Ѳивяне побѣдили, но потеряли своего великаго полководца и съ нимъ свое величіе. Самъ Эпаминондъ понималъ вѣроятно, что со смертью его рушится значеніе его отечества: умирая, спросилъ онъ, кто побѣдилъ? (его унесли съ поля битвы до окончанія ея) и узнавъ, что побѣдили ѳивяне, что товарищи его, предводители Іоллидъ и Даифантъ, погибли славною смертью, онъ сказалъ слабымъ голосомъ: «Ведите же войско въ отечество и старайтесь, чтобы скорѣе былъ заключенъ миръ.»

При отсутствіи, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, великихъ людей, которые сумѣли бы продолжать, какъ слѣдуетъ, великую войну, естественно, что мантинейская битва не имѣла никакихъ рѣшительныхъ слѣдствій, ни для ѳивянъ, ни для лакедемонянъ. Думали, спорили, переговаривались и наконецъ, побуждаемые истощеніемъ силъ, заключили общій миръ. Положеніе дѣлъ въ государствахъ осталось почти въ томъ же видѣ, какъ было до войны; правда, Спарта была недовольна, что должна была отказаться отъ владычества надъ Мессеніей, но никто изъ грековъ не думалъ въ эту минуту помогать Спартѣ. Живой памятникъ прежняго величія и нынѣшняго униженія Спарты, Агезилай, отправился въ Египетъ, чтобы тамъ найти средства помочь своему отечеству. Съ наемными войсками онъ въ Египтѣ усердно помогалъ народу, который вздумалъ отложиться отъ персидскаго царя, и потомъ, съ богатою добычей и съ 230 талантами, воротился на родину, чтобы отдать правительству спартанскому все свое пріобрѣтеніе. Судьба не позволила Агезилаю насладиться плодомъ своихъ усилій: онъ умеръ (361 г.) въ Ливіи.

Равнина Мантинеи.

3. Равновѣсіе греческихъ государствъ.

Аѳиняне воспользовались миромъ, прекратившимъ кровавыя распри государствъ за первенство въ Греціи: они опять устремили взоры на Халкидскій полуостровъ, оттуда надѣялись они извлечь средства, чтобы поправить свои финансы (о славѣ и величіи своего отечества теперь ужь думали меньше, чѣмъ о деньгахъ), и потому отправили туда флотъ и наемное войско. Дѣйствія аѳинянъ противъ Олинта и Потидеи, къ радости македонскаго царя, Пердикки, были довольно успѣшны; но не такъ было съ Амфиполемъ и особенно въ Херсонесѣ. Царь ѳракійскій, Котисъ, соединявшій съ грубостью варвара изворотливость грека и роскошь перса, сильно препятствовалъ аѳинянамъ въ дѣйствіяхъ противъ Херсонеса, потому что самъ разсчитывалъ на него. Котиса тайно поддерживалъ зять его, уже извѣстный намъ Ификратъ, пріобрѣвшій во Ѳракіи независимое княжество. Лучшіе аѳинскіе полководцы, Хабрій, Тимоѳей и Харесъ,

истощили понапрасну все свое военное искусство: только по смерти Котиса аѳиняне овладѣли Херсонесомъ, нѣкоторыми городами и островами, и такимъ образомъ возвратили себѣ хотя тѣнь прежняго своего могущества. Впрочемъ, эти успѣхи нисколько не измѣнили общаго положенія Греціи, ибо теперь ни одно изъ греческихъ государствъ не имѣло перевѣса надъ остальными: Ѳивы, Спарта и Аѳины были довольно равносильны. Недавнія удачи аѳинянъ уравновѣсились въ предстоящія войны, извѣстныя подъ именами: *союзнической* и *священной*.

Война *союзническая* вспыхнула оттого, что аѳиняне опять начали поступать съ государствами, которыя присоединились къ нимъ во время войны Ѳивъ со Спартою, какъ съ подданными. Хіосъ, Родосъ и Византія, чтобъ избавиться отъ несправедливыхъ притѣсненій Аѳинъ, заключили (въ 358 г.) противъ нихъ союзъ съ карійскимъ царемъ Мавзоломъ. Аѳиняне послали на возмутившихся союзниковъ флотъ и войско, но ни Хабрій, ни Ификратъ, ни Тимоѳей, съ наемниками своими, не сдѣлали ничего важнаго. Харесъ, затрудняясь въ уплатѣ жалованья своимъ войскамъ, сталъ грабить азіятскіе берега, и этимъ такъ раздражилъ персидскаго сатрапа Артабаза, что послѣдній грозилъ Аѳинамъ войною. Аѳиняне поспѣшили примириться съ союзниками и признали ихъ независимыми.

Священная война была лишь продолженіемъ старой вражды ѳивянъ къ Спартѣ: религія служила только предлогомъ. Здѣсь нужно припомнить, что съ древнѣйшихъ временъ существовалъ въ Греціи союзъ 12 греческихъ племенъ, изъ которыхъ 7 жили внѣ Ѳермопилъ, именно: малійцы, эгейцы, ѳтіоты, ѳессалійцы, магнеты, пергебы и долопы, и пять за Ѳермопилами, именно: локридцы, фокейцы, віотійцы, дорійцы и іоняне. Союзъ назывался *Амфиктіоновымъ*. Центромъ его былъ храмъ Аполлона въ Дельфахъ. Въ собраніи каждое изъ союзныхъ племенъ имѣло два голоса. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами защи-

щать союзные города, а если кто захватитъ что-нибудь принадлежащее божеству и вообще нанесетъ какое-либо оскорбленіе храму—всѣмъ вмѣстѣ наказать виновнаго. Какъ ни часто поступали союзники противъ этихъ уставовъ, освященныхъ взаимною клятвою, но рѣдко дѣло доходило до суда и расправы. Теперь ѳивяне привели въ дѣйствіе амфиктіоновъ судъ, противъ Спарты и Фокиды. Спартанцевъ обвинили въ томъ, что они вѣроломно заняли Кадмею во время праздника и разрушили віотійскіе города; фокейцамъ же произнесли приговоръ за то, что они дерзнули обрабатывать для себя земли, принадлежавшія храму. Такъ какъ ни спартанцы, ни фокейцы не хотѣли платить наложенной на нихъ денежной пени, то судъ амфиктіоновъ предалъ ихъ проклятію, а землю ихъ объявилъ принадлежностью храма. Сначала фокейцы потерялись, но вскорѣ отважный Филомелъ вывелъ ихъ изъ недоумѣнія. Онъ нанялъ войско на деньги спартанцевъ и въ 356 году напалъ на дельфійскій храмъ, разграбилъ сокровища, собранныя тамъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, и съ такими огромными средствами смѣло пошелъ войною на Ѳивы. Преемникъ его, Ономархъ, искусно воспользовался безпорядками въ Ѳессаліи, два раза разбивалъ македонскаго царя Филиппа, но послѣ и самъ былъ пораженъ македонянами. Ни Фаилъ, ни Фалекъ, начальствовавшіе послѣ Ономарха, не поправили дѣла. Вмѣшательство Филиппа въ священную войну дало ей несчастный для фокеянъ оборотъ. Филиппъ проникъ въ сердце Фокиды, скупилъ у Фалека крѣпости, города разрушилъ, а жителей распродалъ въ рабство; у оставшихся же отнялъ все имущество и право голоса въ амфиктіоновомъ судѣ. Голосовъ лишились и спартанцы. Въ 346 году Греція приняла предписанный ей Филиппомъ миръ. Такъ кончилась священная война. Такъ начало быстро возрастать значеніе Македоніи, благодаря Филиппу, который уже лѣтъ за пять до окончанія священной войны, то золотомъ, то мечемъ, успѣлъ отнять у Аѳинъ лучшія ихъ владѣнія на Халкид-

скомъ полуостровѣ, навелъ грозу на Геллеспонтъ и Пропонтиду, твердою ногою сталъ въ Эвбеѣ и вообще подготовилъ рѣшительное вліяніе Македоніи на дѣла Греціи. Но прежде чѣмъ послѣдуемъ за Филиппомъ, намъ нужно заняться дѣлами человѣка, призваннаго дѣйствовать на другой почвѣ, но который во всемъ блескѣ проявилъ добродѣтели республиканца-патріота и личными достоинствами своими умѣлъ возвыситься надъ себялюбіемъ и крамолами согражданъ. Мы говоримъ о Тимолеонѣ.

Развалины дома Тимолеона.

4. Тимолеонъ. Положеніе дѣлъ въ Сициліи. Діонисій. Агаѳоклъ.

Изъ богатаго, процвѣтавшаго торговлею, пышнаго Коринѳа до сихъ поръ не выходило ни одной значительной личности, ни одного государственнаго мужа или великаго полководца, который содѣйствовалъ бы быстрому политическому возвышенію Коринѳа. Зато, хотя Коринѳъ и принималъ участіе, какъ въ пелопонесской войнѣ, такъ и въ послѣдовавшихъ за нею войнахъ, но военныя бури и потери Коринѳу были не такъ чувствительны, какъ прочимъ греческимъ государствамъ. Обширная, разнообразная промышленность и торговля, внутренняя и внѣшняя, доставляли Коринѳу громадныя матеріяльныя средства. Коринѳскіе товары, особенно же мѣдь, которую въ то время такъ обильно употребляли на статуи, оружіе и домашнюю утварь, всѣмъ были нужны, а потому городъ и граждане скоро оправлялись послѣ военныхъ потрясеній; за довольствомъ слѣдо-

вало богатство, а за послѣднимъ — роскошь и себялюбивая страсть къ наслажденіямъ. Впрочемъ, и изъ среды сластолюбивыхъ, изнѣженныхъ коринѳянъ проявилась теперь личность съ возвышеннымъ образомъ мыслей и съ благородными стремленіями. Это была личность Тимолеона.

Съ дѣтства уже Тимолеонъ (онъ родился между 411 и 400 годами) отличался какимъ-то особенно спокойнымъ и величественнымъ настроеніемъ духа, отсутствіемъ увлеченій и склонностью къ созерцанію и размышленію, и въ этомъ отношеніи вовсе не былъ похожъ на брата своего, Тимофана, пылкаго, нетерпѣливаго и предпріимчиваго. Впрочемъ, онъ нѣжно любилъ своего брата: въ битвѣ съ аргивянами (въ 368 г.), когда Тимофанъ, раненый, упалъ съ коня, Тимолеонъ вступился за него, накрылъ щитомъ и одинъ отстоялъ его отъ враговъ. Но выше родственной любви Тимолеонъ ставилъ любовь къ независимости и благополучію своего отечества, и въ этомъ отношеніи въ немъ видѣнъ человѣкъ, достойный лучшихъ временъ. Когда братъ его, достигшій вдругъ въ Коринѳѣ высокаго общественнаго положенія и избранный въ предводители многочисленнаго наемнаго войска, подалъ ему поводъ заподозрить его въ аристократическихъ стремленіяхъ, Тимолеонъ два раза предостерегалъ брата и убѣждалъ не измѣнять республикѣ. Тимофанъ издѣвался надъ предостереженіями и, надѣясь на свою силу, разсчитывалъ стать во главѣ государства. Демократы схватили опаснаго военачальника, а Тимолеонъ, полный скорби о бѣдѣ, грозившей брату, не сталъ однако-жъ защищать его, и Тимофанъ былъ убитъ. Сознаніе правоты своихъ дѣйствій не помѣшало Тимолеону глубоко страдать за то, въ чемъ упрекалъ его голосъ природы. Онъ успѣлъ избавить отечество отъ грозившаго ему тирана, но не могъ избавиться отъ мысли, что былъ причиною смерти брата. Особенно страдалъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ мать его, Демариста, отказалась его видѣть. Тимолеонъ покинулъ дѣла государственныя, замкнулся въ уединеніи, и наконецъ вовсе скрылся

изъ города въ пустыню, гдѣ и скитался многіе годы, одинъ съ безотвязною мыслью и горемъ. Эпаминондъ палъ на поляхъ Мантинеи; священная война разорила цвѣтущія страны; храмъ въ Дельфахъ былъ разграбленъ; царь Филиппъ лукавствомъ и насиліемъ одолѣвалъ Грецію; обезславлена Фокида, а съ тѣмъ вмѣстѣ заключенный миръ тяжелымъ бременемъ палъ и на Коринѳъ, бывшій въ союзѣ съ Фокидой. Тимолеонъ во всѣхъ этихъ событіяхъ не принималъ никакого участія, но политическія обстоятельства вызвали его изъ уединенія и заставили дѣйствовать на обширномъ поприщѣ. Въ 345 г. прибыли изъ Сиракузъ послы просить у Коринѳа помощи противъ домашней тираніи и на внѣшнихъ враговъ. Коринѳъ снарядилъ помощь своей колоніи, а начальникомъ ея избралъ Тимолеона, ибо въ немъ одномъ видѣлъ полный залогъ успѣшности дѣла.

Прежде чѣмъ скажемъ о дальнѣйшемъ развитіи вмѣшательства Коринѳа въ дѣла Сициліи, обратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ, что совершилось на этомъ островѣ со времени основанія на немъ греческихъ колоній.

Въ Сициліи, какъ и въ собственной Греціи, греки основали столько государствъ, сколько было колоній-городовъ. Древнѣйшею изъ греческихъ колоній въ Сициліи были Сиракузы. Этотъ городъ основанъ въ 735 г. коринѳяниномъ Архіемъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Сиракузы вскорѣ распространились, усилились и сами основали въ Сициліи (послѣ 665 г.) много колоній: Акры, Касмену, Камарину и др. Во время греко-персидскихъ войнъ сиракузскій правитель Гелонъ сдѣлалъ этотъ городъ главою всѣхъ греческихъ городовъ въ Сициліи. За блистательныя побѣды надъ карѳагенянами (особенно при Гимерѣ), которые въ 480 г. отправили было многочисленное войско, подъ начальствомъ Амилькара, для завоеванія острова съ его цвѣтущими городами, Гелонъ провозглашенъ былъ царемъ. Преемникъ его, Гіеронъ, котораго возвеличила муза Пиндара, распространилъ владычество свое даже въ греческой Италіи, а при дворѣ

своемъ въ Сиракузахъ, поощрялъ поэзію и искусства, ввелъ пышность и роскошь. Впрочемъ, онъ не пріобрѣлъ въ народѣ столько уваженія, какъ предшественникъ его, потому что основывалъ власть свою болѣе на страхѣ, чѣмъ на довѣренности и любви. Вслѣдствіе этого, по смерти Гіерона, вспыхнулъ въ Сиракузахъ (въ 467 г.) мятежъ. Одни стояли за сына Гелонова, другіе за Тразивула, дядю его; но болѣе всего стояли за введеніе въ республикѣ демократическаго образа

Тиранъ Діонисій-Старшій.

правленія, вмѣсто тираніи. Такъ и случилось, когда Тразивулъ долженъ былъ отказаться отъ удачно захваченной имъ власти.

По мѣрѣ возрастанія богатства и значенія сицилійскихъ греческихъ колоній, возрастало и въ Аѳинахъ желаніе утвердить надъ ними свое вліяніе. Воспользовавшись спорами, возникшими между сицилійскими городами, аѳиняне, по совѣтамъ софиста Горгія, отправили туда, на помощь іонійскимъ городамъ, значительный флотъ (427 г.), подъ начальствомъ Лахеса и Хорояда, а потомъ еще подкрѣпленіе (424 г.)

подъ предводительствомъ Эвремедона и Софокла. Война не принесла аѳинянамъ желанныхъ выгодъ: сиракузянинъ Гермократъ проникъ ихъ истинные замыслы. Онъ въ сильной рѣчи выразилъ, что іонійская народность служитъ аѳинянамъ только средствомъ прикрывать свои истинныя намѣренія—покорить Сицилію. По предложенію Гермократа, объявлена была автономія всѣхъ сицилійскихъ городовъ и вѣчный взаимный у нихъ миръ. Аѳиняне удалились. Мы видѣли уже, чѣмъ окончилось рѣшительное вмѣшательство Аѳинъ въ дѣла Сициліи при Алкивіадѣ и его преемникахъ. Послѣ погибели аѳинянъ въ Сициліи, вслѣдствіе того же самаго раздора Эгесты и Селинунта, снова являются на островѣ карѳагеняне. Призванные эгестянами, они обрадовались случаю сдѣлать новую попытку для овладѣнія богатымъ островомъ. Въ этотъ разъ дѣло пошло у карѳагенянъ иначе. Въ два похода (409 и 407) Аннибалъ, съ 200-тысячнымъ войскомъ разрушилъ Селинунтъ, уничтожилъ, для успокоенія тѣни своего дѣда, городъ Гимеры и жителей его, взялъ и разрушилъ знаменитый, процвѣтавшій торговлею и искусствами Агригентъ, и навелъ страхъ и смятеніе на всю Сицилію.

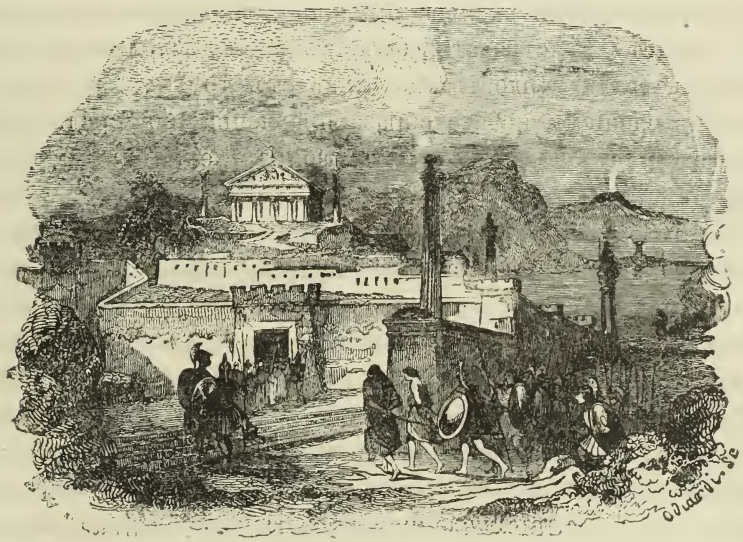
Въ это время, подъ покровомъ бури военной и раздоровъ внутри государства, возвышается въ Сиракузахъ и впослѣдствіи становится тираномъ Діонисій-Старшій. Его сорокалѣтнее правленіе республикой (406—368) ознаменовано было многими благодѣтельными для Сиракузъ дѣлами: онъ рѣшительно возвысилъ благосостояніе и величіе сиракузянъ надъ прочими городами острова, и если въ двухъ войнахъ, которыя онъ велъ съ Карѳагеномъ, ему и не удалось изгнать карѳагенянъ изъ Сициліи, и онъ долженъ былъ раздѣлить съ ними владычество надъ островомъ, поставивши рѣку Галикъ границею, зато онъ успѣлъ пріобрѣсть верховное владычество надъ греческими республиками въ Италіи.

Ненависть грековъ, вообще, къ тираніи отчасти причиною, что личность Діонисія представляется потомству въ самомъ

невыгодномъ свѣтѣ; но во всякомъ случаѣ онъ былъ гораздо лучше, нежели говорила о немъ молва. Хитрый, предпріимчивый, то кроткій, то жестокій, то довѣрчивый, то подозрительный, онъ то привязывалъ къ себѣ людей узами любви и признательности, то заставлялъ трепетать подъ вліяніемъ прихоти и деспотизма. Философъ Платонъ, прибывшій въ Сицилію для изученія системы пиѳагорейцевъ и для изслѣдованія тамошнихъ вулкановъ, сначала понравился Діонисію, но когда, не одобряя его политическихъ мнѣній, философъ сказалъ въ одной всенародной рѣчи, что «ни одинъ тиранъ не можетъ быть добродѣтеленъ, какъ ни одинъ несправедливый человѣкъ не можетъ быть счастливъ,» тиранъ велѣлъ его схватить и продать въ рабство.—Послѣ побѣды при Кавлоніи, въ южной Италіи (въ 389 г.), надъ предводителемъ союза греческихъ городовъ въ Италіи, именно надъ Гелоридомъ, Діонисій отпустилъ на волю 10,000 плѣнниковъ; за упорную же защиту города Регія, онъ, взявши городъ (387 г.), подвергъ начальника вооруженныхъ гражданъ, Пиѳона, такимъ ужаснымъ мученіямъ, что сами наемники-воины просили прекратить ихъ.—Получивъ извѣстіе, что на олимпійскихъ играхъ освистали его стихотворенія, Діонисій долго изливалъ на всѣхъ окружающихъ его ненависть оскорбленнаго авторскаго самолюбія; а узнавъ, въ 368 г., что наконецъ одна изъ его трагедій получила награду на праздникѣ Діонисія въ Аѳинахъ, тиранъ положилъ торжествовать свою побѣду въ продолженіе 90 дней. Въ ослѣпленіи радости Діонисій считалъ ее славнѣе рѣшительнаго пораженія карѳагенянъ, если-бъ это когда нибудь удалось ему. Неумѣренные восторги и наслажденія, которымъ при этомъ случаѣ предался всегда до тѣхъ поръ воздержный Діонисій, стоили ему жизни.

Діонисію-Старшему спокойно наслѣдовалъ сынъ его, Діонисій-Младшій. Въ немъ и взыскательный Платонъ находилъ многія изъ качествъ, нужныхъ хорошему правителю, а этими качествами философъ считалъ молодость, умъ, любознательность, мужество и врожденное благородство. Но придворные

льстецы умѣли развратить Діонисія, и онъ сталъ такимъ же ревностнымъ поклонникомъ ученія Аристиппа, какъ прежде былъ поклонникомъ ученія Платона. Вслѣдъ затѣмъ лучшіе люди подверглись преслѣдованію. Діонъ, дядя Діонисія, старался своимъ вліяніемъ и вліяніемъ Платона возвратить тирана на путь добродѣтели, но не успѣлъ въ этомъ. Оклеветанный въ глазахъ правителя, Діонъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Италію, а Платонъ уѣхалъ въ Грецію. Тогда стала свирѣпствовать въ Сиракузахъ ничѣмъ уже несдерживаемая



Тимолеонъ въ Сициліи.

тиранія. Многіе изъ гражданъ бѣжали къ Діону и умоляли его предпринять что-нибудь для избавленія Сиракузъ. Мольбы эти вполнѣ соотвѣтствовали намѣреніямъ изгнанника, и въ 357 году Діонъ, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Діонисій былъ въ Италіи, высадился съ войскомъ въ Сициліи. Войско его состояло всего изъ 800 пелопоннесскихъ наемниковъ; однако-жъ, какъ ни безразсуднымъ казалось съ такою незначительною силою думать о низверженіи тирана,

который повелѣвалъ 100,000 войскомъ и 400 кораблей, Діону удалось исполнить свое желаніе. Дѣло въ томъ, что, немедленно по прибытіи его въ Сицилію, всѣ греческіе города приняли его сторону, и самыя Сиракузы отворили ему ворота. Діонисій поспѣшилъ домой, но, видя, что дѣло его потеряно, удалился снова въ Италію.

Діонъ не могъ воспользоваться выгодами своего положенія, потому что, по своему надменному характеру, не умѣлъ сдѣлаться любимцемъ народа. Въ одномъ изъ писемъ къ нему Платонъ говоритъ: «Обдумай, что ты людямъ менѣе доступенъ, нежели сколько прилично. Не забывай, что тотъ, кто желаетъ дѣйствовать, долженъ нравиться людямъ, а самодовольство и гордость удаляютъ отъ другихъ.» Діонъ занялся введеніемъ новаго образа правленія, но среди этихъ занятій былъ убитъ другомъ своимъ, аѳинянином Каллипомъ, въ 355 году.

Смерть Діона повергла Сиракузы и весь островъ въ ужасное положеніе. Каллипъ не удержался; другіе послѣ него тираны быстро смѣняли одинъ другаго. Въ 346 году возвратился изъ Локръ Діонисій и снова овладѣлъ опустошеннымъ городомъ. Сицилія находилась тогда въ самомъ печальномъ состояніи: нѣкоторые города были разрушены и оставлены жителями или заселены варварами; на сиракузской площади расла трава, и, къ довершенію несчастія, въ 346 же году мночисленное карѳагенское войско высадилось на островъ. Казалось, потеря Сициліи и искорененіе на ней всѣхъ грековъ были несомнѣнны. Въ это-то время сиракузскіе послы прибыли (въ 345 г.) въ Коринѳъ, и Коринѳъ отправилъ имъ помощь, подъ начальствомъ Тимолеона.

Коринѳская эскадра бросила якорь у Мегапонта, въ Тарентской бухтѣ, а оттуда, освѣдомившись о положеніи дѣлъ на островѣ и не обращая вниманія на карѳагенскихъ пословъ, отклонявшихъ Тимолеона отъ войны, поспѣшно двинулась въ Регіумъ. Карѳагеняне старались всячески помѣшать переправѣ Тимолеона на островъ, но онъ, среди чрезвычайныхъ

опасностей, все-таки успѣлъ пристать въ Тавроменіонѣ. Здѣсь коринѳяне встрѣтили самый дружескій пріемъ и сильную поддержку со стороны тирана этого города Андромаха. Съ небольшими своими силами — у него было лишь 4 триремы и 700 человѣкъ войска - Тимолеонъ могъ здѣсь, подъ защитой дружбы и въ безопасной гавани, спокойно выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ. И эти обстоятельства представились вскорѣ. Подъ стѣнами Сиракузъ стояло въ это время сильное карѳагенское войско, городъ же самъ былъ занятъ - въ одной части республиканцами, въ другой — тираномъ городовъ Леонтина и Гелы, Гикетомъ и, наконецъ, въ третьей — Діонисіемъ. Къ счастію Тимолеона, между Гикетомъ и начальникомъ карѳагенянъ, Магономъ, не было никакого согласія; а осажденный въ своей части города (Ортигіи) Діонисій имѣлъ право ожидать и отъ Магона, и отъ Гикета всевозможныхъ для себя жестокостей. Тимолеонъ, пробравшись до Сиракузъ, успѣлъ соединиться съ республиканцами. Тогда Діонисій, со всѣми своими сокровищами, сдался совершенно на предложеніе Тимолеона, выговоривъ себѣ только право быть отправленнымъ въ Грецію. Въ 344 г., отказавшись отъ всякой власти, онъ отправился въ Коринѳъ, гдѣ и жилъ частнымъ человѣкомъ. Здѣсь онъ вскорѣ узналъ всѣ неудобства крутаго переворота въ жизни и дошелъ до такой крайности, что долженъ былъ добывать себѣ хлѣбъ тяжелымъ учительскимъ трудомъ.

По присоединеніи къ Тимолеону 2,000 воиновъ Діонисіевыхъ, средства коринѳскаго вождя вскорѣ еще болѣе расширились: нѣсколько греческихъ городовъ пристали къ нему, и въ томъ числѣ богатый и сильный г. Катана; вспомогательная эскадра, съ 2,000 воиновъ, высланная къ нему изъ Коринѳа, теперь уже стояла на якорѣ въ гавани Ѳурія. Надѣясь вскорѣ соединиться съ нею, Тимолеонъ смѣло двинулся къ Сиракузамъ. Здѣсь онъ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ, и война затянулась бы надолго, если-бъ карѳагеняне не стали недовѣрять своимъ союзникамъ и наконецъ не покинули

Гикета. Три части города, Тихе, Неаполь и Эпипола были заняты и укрѣплены Гикетомъ; но войско его упало духомъ; коринѳяне, напротивъ, горѣли желаніемъ сразиться, увѣренные впередъ въ побѣдѣ. Тимолеонъ назначилъ общій приступъ города (343 г.), и онъ удался, какъ нельзя лучше. Вѣсть: «Сиракузы свободны!» быстро облетѣла весь островъ. Тимолеонъ достигъ исполненія своего пламеннаго желанія, и слава его съ этихъ поръ навсегда утвердилась въ народѣ.

Первымъ дѣломъ по взятіи города было — уничтожить все, что напоминало недавнюю тиранію, а на мѣсто ея ввести умѣренную демократію. Потомъ нужно было оживить упадшій порабощенный духъ тѣхъ немногихъ гражданъ, которые уцѣлѣли еще въ Сиракузахъ, послѣ всѣхъ жестокостей тираніи, войнъ и выселеній. Тимолеонъ достигъ этого учрежденіями, сообразными съ духомъ дорійскихъ колоній, а именно учрежденіемъ *совѣта старѣйшинъ* (герузіи) и *народнаго собранія* (агора). При посредствѣ карѳагенянъ, Тимолеонъ разослалъ во всѣ страны объявленія, что всякій грекъ найдетъ въ Сициліи почетный пріемъ. Тогда возратились выходцы сиракузскіе, а изъ Греціи прибыло, въ разное время, до 10,000 гражданъ, такъ что, по словамъ Плутарха, число сиракузскихъ гражданъ опять возрасло до 60,000 человѣкъ; городъ обстроился и закипѣлъ снова дѣятельностью гражданскою и торговою.

Тимолеонъ, занимаясь Сиракузами, не оставлялъ безъ вниманія и другихъ частей острова. Онъ дѣятельно уничтожалъ тиранію по всѣмъ греческимъ городамъ. Самый сильный и упорный изъ тирановъ, Гикетъ, засѣвшій въ Леонтинахъ, стоилъ ему наиболѣе труда. Тимолеонъ осадилъ Леонтины, но неудачно; зато, когда Гикетъ отважился съ войскомъ подступить къ Сиракузамъ, Тимолеонъ разбилъ его наголову и принудилъ къ рѣшительному миру: Гикетъ долженъ былъ срыть повсюду свои укрѣпленія, а все войско передать во власть Тимолеона. Послѣ этого и по другимъ городамъ пали тираніи одна за другой.

Битва при Кримизѣ.

Для содержанія своего наемнаго войска, Тимолеонъ пользовался сосѣдствомъ карѳагенскихъ владѣній въ Сициліи, и, при удобномъ случаѣ грабилъ ихъ. Карѳагеняне вначалѣ смотрѣли на эти военные поборы довольно равнодушно, но могущество Тимолеона расло со дня на день: карѳагеняне стали опасаться за цѣлость своихъ владѣній. Въ 339 году значительное войско, состоявшее изъ 70,000 пѣхоты и 10,000 конницы, прибыло изъ Карѳагена и высадилось на островъ. Войско это было, впрочемъ, не такъ опасно, какъ казалось, потому что въ немъ было только 2,500 человѣкъ собственно карѳагенскихъ гражданъ, остальные же воины представляли смѣсь всякаго рода, собранную съ народовъ африканскихъ, подвластныхъ Карѳагену. Тимолеонъ, не медля ни минуты, двинулся навстрѣчу непріятелю. У Тимолеона было лишь 12,000 человѣкъ пѣхоты, и 1,000 конницы, но все это были, большею частью, воины опытные, привыкшіе глядѣть безстрашно въ лицо смерти въ фокидской войнѣ и послѣ, въ другихъ мѣстахъ.

Карѳагенское войско расположилось лагеремъ въ долинѣ горнаго потока Кримиза. Ночь застигла коринѳянъ на послѣднемъ переходѣ, они заняли холмы насупротивъ Кримиза. Ночь была грозная: мрачныя тучи ни на минуту не разрывали своего густаго покрова, молніи безпрестанно бороздили пространство, раскаты грома чередовались съ шумомъ дождя, который лилъ ливмя. И свистъ вѣтра, и гулъ грозы, и шумъ кипучаго потока раздавались всю ночь. Къ утру воды Кримиза вздулись рѣкою. Карѳагеняне двинулись цѣлыми массами. Тимолеонъ только выжидалъ, чтобъ первыя колонны непріятельскія перешли чрезъ потокъ, и, выждавъ, устремился на нихъ съ своею конницею; но замѣтивши, что тяжелыя колесницы непріятеля стѣсняютъ свободу его движеній, онъ сейчасъ смѣнилъ конницу гоплитами, и закипѣлъ ужасный бой. Какъ молнія блистали Тимолеоновы щитъ и копье, звучнѣе грома раздавался въ ушахъ грековъ одушевляющій голосъ вождя, и только слышалось въ войскѣ:

«впередъ! побѣда наша!» И каждый эллинъ дрался за десятерыхъ. Пораженіе карѳагенянъ было ужасное и общее, особенно, когда истребленъ былъ цвѣтъ войска; кто успѣлъ перебраться чрезъ потокъ, тотъ погибъ подъ мечами грековъ, тысячи потоплены въ Кримизѣ, немногіе успѣли спастись бѣгствомъ. (Іюль 340 г., 1-й годъ 110-й олимпіады). Лагерь, со всѣми принадлежностями и съ богатой добычею оружія, золота и серебра, достался побѣдителямъ.

Тимолеонъ въ народномъ собраніи.

Съ драгоцѣнными трофеями вступили побѣдители въ Сиракузы. Народъ ликовалъ и, украсивъ вѣнками голову предводителя своего и побѣдителей, готовъ былъ возложить на Тимолеона вѣнецъ царскій. Тимолеонъ отклонилъ эту честь, желая, по-прежнему, оставаться во главѣ свободнаго народа, по-прежнему, устраивать его благополучіе.

Пораженіе при Кримизѣ заставило карѳагенянъ сильно задуматься. Теперь стали они опасаться, чтобы Тимолеонъ

не перенесъ войны въ Африку. Поэтому, собравши новое войско, они отправили его на 70 корабляхъ въ Сицилію. Предводитель карѳагенянъ, Гесконъ, сильно старался возбудить ослабленную тиранію и успѣлъ составить союзъ, во главѣ котораго стали: Гикетъ Леонтинскій, Мамеркъ Катанскій и Гиппонъ Мессенскій. Это усиліе тираніи было послѣднимъ. Тимолеонъ возсталъ во всемогуществѣ своего вліянія и народной любви и сурово поступилъ съ упорными тиранами: города ихъ были разрушены, сами они попались къ нему въ руки. Гикетъ заплатилъ жизнью за свои жестокости. Карѳагенянъ принудилъ Тимолеонъ къ чрезвычайно выгодному для грековъ миру: карѳагеняне отказались отъ всѣхъ своихъ владѣній въ Сициліи, исключая лишь западной оконечности острова, и обязались не помогать больше никакому тирану.

При осадѣ Мессены, Тимолеонъ заболѣлъ глазами и вскорѣ совсѣмъ потерялъ зрѣніе. Это обстоятельство, впрочемъ, не прекратило его дѣятельности. Только за годъ до смерти своей (336 г.), онъ совсѣмъ удалился отъ дѣлъ правленія и жилъ, попеременно, то въ Сиракузахъ, то въ загородной своей дачѣ. И домъ, и дачу ему устроили благодарные сиракузяне. Въ отечество онъ не желалъ возвращаться, потому что въ это время уже пробилъ послѣдній часъ греческой независимости и могущества. Прежде свободные, эллины теперь гнулись подъ игомъ Филиппа Македонскаго.

Что сталось послѣ Тимолеона съ Сициліей, какъ возвысился изъ среды наемныхъ войскъ даровитый и энергическій Агаѳоклъ и прославился своими жестокостями и едва вѣроятными приключеніями — мы разскажемъ въ исторіи римлянъ.

Развалины храма эллинскаго Зевса.

5. Жизнь, образованіе и искусства въ этомъ періодѣ.

Въ древней республикѣ мужчина принадлежалъ государству, а женщина—домашнимъ дѣламъ. Собственно семейная жизнь какъ будто бы стиралась передъ жизнью общественною, ибо мысли и стремленія всѣхъ гражданъ, мужчинъ, и женщинъ, направлялись постоянно ко благу государства, его славѣ и величію; для него они жили, для него готовились ежеминутно принести въ жертву свое достояніе и самую жизнь. Теперь, въ періодъ упадка греческаго могущества и просвѣщенія, все это перемѣнилось: всеобщимъ лозунгомъ сдѣлались: «деньги и наслажденія, и снова деньги.» Къ нимъ единственно стали стремиться ремесла и промышленность, государственныя должности и военная служба. Аѳинскіе стратеги, лакадемонскіе и ѳиванскіе армосты для, того лишь и добивались должностей у союзниковъ, чтобы

обогатившись на счетъ ихъ городовъ, предаться потомъ наслажденіямъ.

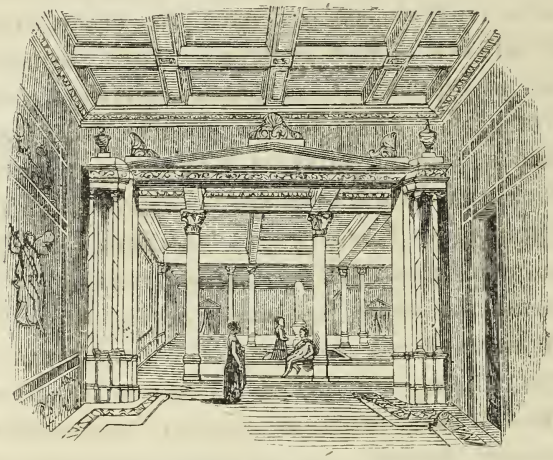
Пышность и невоздержность жизни въ Спартѣ все еще нѣсколько скрывались отъ дневнаго свѣта. Не то было въ Ѳивахъ и въ Аѳинахъ. Во всей Віотіи существовали особыя братства, для поощренія всевозможныхъ физическихъ наслажденій; дни праздниковъ и пировъ на весь годъ распредѣлялись впередъ. Въ Аѳинахъ эти наслажденія были не такъ грубы: аѳинянинъ умѣлъ придавать имъ нѣкоторую мягкость и достоинство, ибо прежде всего искалъ въ нихъ умственнаго или изящнаго элемента; вліяніе многочисленныхъ послѣдователей Платона (академиковъ) было еще живо въ обществѣ. Впрочемъ, и въ Аѳинахъ въ обращеніи гражданъ, видимъ въ это время странную смѣсь высокаго образованія и дикой загрубѣлости понятій: государственные люди то угощаютъ другъ друга публично пощечинами, то бесѣдуютъ (въ дошедшихъ къ намъ разговорахъ Платона) между собою такъ, какъ прилично просвѣщеннымъ людямъ; ораторы, въ народномъ собраніи, то являются школьными мальчишками, вырвавшимися на свободу, то вдругъ обращаютъ на себя вниманіе слушателей и увлекаютъ ихъ къ прекраснымъ, величественнымъ идеямъ.

Всеобщая страсть къ мотовству, къ пышности и многочисленность налоговъ на имущество были отчасти причиною, что богатыхъ фамилій въ Аѳинахъ сдѣлалось несравненно меньше. Пріобрѣтенное состояніе рѣдко достигало до внука. Многіе разорялись на то, чтобы какъ можно пышнѣе исполнить налогъ *хорагіи* или *трирархіи*, относительно: 1) содержанія хоровъ при праздникахъ и играхъ и 2) постройки государственнаго корабля (см. выше), ибо въ этомъ находили удовлетвореніе своему тщеславію. Зато военная служба, особенно внѣ отечества: во Ѳракіи, Персіи, Египтѣ, служила каждому средствомъ поправить свои разстроенныя дѣла. Такъ поступилъ, между прочимъ, и извѣстный Тимоѳей, о которомъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Онъ невоздержною жизнью

и безчестными поступками до того разстроилъ свои денежныя дѣла, что, когда къ нему явились въ гости какой-то эпиротскій князь и могущественный Язонъ Ферскій, Тимоѳею пришлось заложить и домъ свой, и вещи. Но Тимоѳей не унывалъ: съ толпою наемниковъ онъ самъ нанялся въ походъ въ Египетъ и оттуда возратился съ такою добычею, что построилъ себѣ домъ лучше прежняго. Духъ времени видѣнъ въ томъ, что Тимоѳей открекся отъ своего долга тому, кто ссудилъ его въ нуждѣ деньгами, хотя и подъ залогъ дома; когда же Демосѳенъ изложилъ передъ судомъ дѣло обиженной стороны, которой онъ взялся быть ходатаемъ, и когда Тимоѳей предложилъ принесть присягу для подтвержденія своихъ словъ, ораторъ всенародно объявилъ, что безполезно принимать присягу отъ человѣка, который уже столько разъ осрамилъ себя ложными клятвами.

Какъ наемникъ-воинъ продавалъ свою плоть и кровь, чтобъ послѣ насладиться за вкуснымъ столомъ или въ гнусномъ распутствѣ, такъ и вообще у всѣхъ гражданъ побужденія и дѣла отданы были на жертву мимолетнымъ сладостямъ жизни. Любовь къ отечеству потеряла значеніе, утратилась достойная цѣль жизни, не стало больше опоры духу въ вѣрованія. По разграбленіи храма дельфійскаго, драгоцѣнныя произведенія искусствъ, находившіяся въ немъ, пошли по рукамъ частныхъ лицъ, а золотые вѣнцы, кольца, ожерелья и другія священныя приношенія засіяли на гетерахъ, лиристкахъ и т. п. личностяхъ, сдѣлавшихся въ это время неизбѣжными спутницами всякаго общества. Исчезли послѣдніе остатки вѣрованій. Когда Ификратъ, послѣ одного: счастливаго похода, спрашивалъ своихъ наемныхъ воиновъ, что имъ дѣлать съ вещами, принадлежавшими храму, воины отвѣчали: «Пусть боги сами стерегутъ свои вещи, а ты подумай о томъ, чтобы намъ исправно выплатить жалованье наше.» Итакъ ясно, что отсутствіе религіозности, проявившееся прежде того лишь въ высшемъ классѣ общества, проникло теперь и въ низшіе. Вообще, весь тогдашній бытъ

Греціи представляется пустымъ, мелочнымъ, безжизненнымъ. Необходимы были новые, свѣжіе элементы, чтобы возродить греческую жизнь и дать ей болѣе благородныя стремленія. Эти элементы явились изъ Македоніи, которой суждено было распространить греческое просвѣщеніе на Азію.

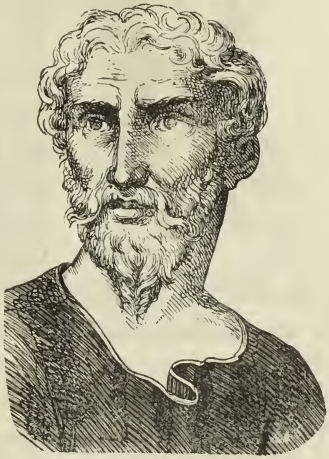


Внутренность жилища богатаго грека.

Группа Ніобидъ.

Искусства.

Духъ изящнаго сохранился въ эллинахъ, не смотря на бури безконечныхъ войнъ, не смотря даже на упадокъ нравственности и религіи; этотъ духъ составлялъ какъ-бы основную черту характера греческаго народа. Государственный мужъ и философъ, свѣтскій празднолюбецъ и ремесленникъ, полководецъ и мирный гражданинъ — всѣ чувствовали потребность и находили удовольствіе любоваться прекрасными формами и избѣгать того, что могло оскорбить изящный вкусъ. Въ этомъ чувствѣ нужно искать объясненія того, что греческое искусство уцѣлѣло отъ разрушительнаго вліянія варварства, поработившаго древніе народы. Направленіе греческаго искусства съ этой поры измѣнилось: такъ какъ религія обратилась въ одну лишь форму, то, на мѣстѣ идеально-божественнаго спокойствія и величія, служившихъ прежде того предметомъ вдохновенія для художника, теперь является мужеская сила, женская нѣжность и грація, движенія страстей



Пракситель.

человѣческихъ, а въ исполненіи — преобладаніе мягкости и прелести надъ прежнею силою и величавостью.

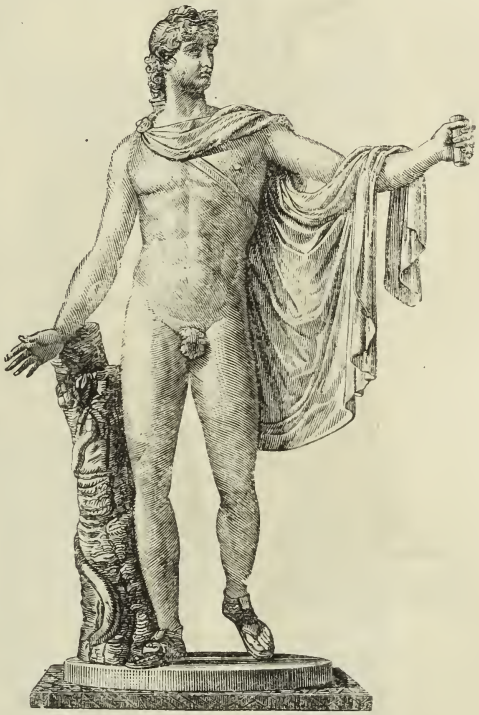
Представителемъ этого новаго направленія въ искусствѣ является Скопасъ Паросскій, знаменитый строитель храма Аѳины-Тегейской въ Пелопоннесѣ. Лучшія произведенія его рѣзца: мраморныя статуи Діонисія, Афродиты, группа морскихъ божествъ, на дельфинахъ и единорогахъ морскихъ, сопровождающихъ Ахиллеса, и наконецъ статуя Аполлона, въ длинной одеждѣ и съ лирой. Послѣдняя въ оригиналѣ — или быть можетъ, въ подражаніи — сохраняется въ Ватиканскомъ музеѣ, въ Римѣ.

Венера ватиканская.

Еще большею славою пользуются произведенія Праксителя Андросскаго. Его Афродита-Книдская считалась чудомъ искусства: изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ пріѣзжали любоваться ею. Венера Медицейская (или Ватиканская), произведеніе Клеомена Аѳинскаго, считается снимкомъ съ нея. Группа Ніобидъ, находящаяся во Флоренціи, считается также произведеніемъ его или Скопаса. Эта группа помѣщалась во фронтонѣ какого-то храма. Средняя фигура этой группы изображаетъ несчастную мать, Ніобу; направо и налѣво отъ нея сыновья и дочери, поражаемые стрѣлами разгнѣванныхъ боговъ. Пракситель же произвелъ еще двѣ статуи: юноши Аполлона Совроктона (умерщвляющаго ящерицу) и Фавна, съ флейтой, облокотившагося на стволъ дерева.

Къ числу художественныхъ созданій скульптуры относятся статуи Аполлона Бельведерскаго и Діаны Версальской. Одни полагаютъ, что это произведенія Скопаса или Праксителя, другіе—что онѣ изваяны Каламомъ Аѳинскимъ, гораздо

раньше, именно до 400 года. Названы онѣ (Бельведерскимъ и Версальскою) по мѣстамъ, гдѣ были выставлены послѣ того, какъ просвѣщенная рука вызвала ихъ на свѣтъ изъ-подъ праха развалинъ. Аполлонъ изображенъ въ тотъ моментъ, когда, пустивши послѣднюю стрѣлу, онъ побѣдилъ дракона Пиѳона, опустошавшаго Дельфы. Правая рука уже опустилась, лѣвая еще держитъ лукъ. Откинутая хламида, отброшенные назадъ волосы и изящная обувь, служатъ единственными украшеніями и безъ того прекрасной, стройной, могучей, фигуры. Чело еще сохраняетъ слѣдъ воинственнаго гнѣва, но на устахъ побѣдителя уже водворился божественный покой. — Фигура Артемиды (Діаны) направлена впередъ. Богиня бѣжитъ, завидѣвъ, быть можетъ, нечестивца, для котораго уже готова стрѣла. Взглядъ цѣломудренной богини выражаетъ гнѣвъ, чело открыто, діадема схатываетъ волосы, голова обращена въ сторону, правая рука готова выхватить стрѣлу изъ колчана, а лѣвая защищаетъ одно изъ тѣхъ животныхъ, которымъ богиня вообще служила покровительницею.



Аполлонъ бельведерскій.

Не менѣе художественнаго достоинства представляетъ статуя Діонисса (Бахуса), находящаяся тоже въ Версали.

Около этого же времени (330 г.), изъ процвѣтавшей въ Сикіонѣ художественной школы, вышелъ знаменитый Лизиппъ. Онъ отлилъ изъ мѣди болѣе 600 различныхъ статуй. Изъ нихъ въ особенности замѣчательна статуя, изображающая Геракла, отдыхающаго послѣ тяжелыхъ своихъ подвиговъ. Лизиппъ любилъ избирать предметомъ для своихъ произведеній Александра Македонскаго. Въ наклоненіи головы этого героя нѣсколько къ лѣвой сторонѣ, которое обыкновенно встрѣчаемъ въ изображеніяхъ Александра, Лизиппъ умѣлъ выразить величавость и отвагу, свойственныя характеру героя.

Діана версальская.

Не мало мастерскихъ произведеній ваянія вышло и изъ школы, процвѣтавшей, но гораздо позже, въ Родосѣ.

Всѣ эти и множество другихъ скульптурныхъ произведеній, сохранились до нашего времени или въ подлинникахъ, или въ хорошихъ гипсовыхъ снимкахъ. Изъ памятниковъ же эллинской живописи ничего не осталось, и самыя свѣдѣнія о ней, какъ и о живописцахъ древности, до крайности скудны и неудовлетворительны. Впрочемъ, всѣ свѣдѣнія сходятся въ томъ, что Апеллесъ, жившій въ Эфесѣ, около 330 годовъ, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ живописцевъ, какъ силою вдохновенія, такъ и художественностію исполненія.

Прелестнѣйшимъ изъ его произведеній считалась Афродита-Анадіомена, изображенная въ тотъ моментъ, какъ она возникаетъ изъ моря и выжимаетъ пѣну изъ роскошныхъ волосъ. Подвиги Александра Македонскаго часто одушевляли

Апеллесъ.

художника и доставляли ему матеріалъ для мастерскихъ произведеній кисти.

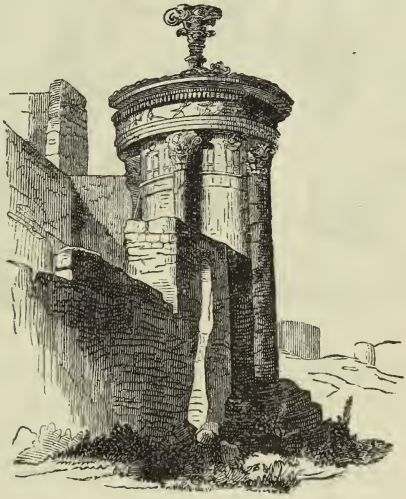
Не смотря на славу, которою Апеллесъ пользовался въ

Греціи, художникъ показывалъ необыкновенную снисходительность къ менѣе талантливымъ своимъ собратьямъ и всѣмъ, чѣмъ могъ, содѣйствовалъ ихъ трудамъ. Такъ онъ заплатилъ 50 талантовъ, что составляло тогда огромную сумму, за картину мало извѣстнаго живописца, Протогена Родосскаго, и этимъ возвысилъ славу послѣдняго и привлекъ къ нему заказы. О своихъ собственныхъ произведеніяхъ Апеллесъ отзывался съ необычайною скромностью. На выставкѣ ихъ онъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ углу сидѣлъ и слушалъ замѣчанія публики. Случилось однажды, что какой-то сапожникъ замѣтилъ въ картинѣ неправильности въ расположеніи ремешковъ обуви. Когда, на слѣдующій день, онъ увидѣлъ поправки, это позволило ему высоко думать о своихъ артистических способностяхъ, и онъ тутъ же сообщилъ еще кое-что невыгоднаго о картинѣ. Тогда Апеллесъ не выдержалъ и, обратясь къ импровизированному знатоку, сказалъ: «сапожникъ, оставайся сапожникомъ!»

Дѣятельность Апеллеса равнялась развѣ только его таланту: смерть застигла художника за неоконченной картиною Афродиты.

Итакъ, не мало драгоцѣннѣйшихъ произведеній доставляло греческое искусство и этого періода; измѣнилось только употребленіе ихъ. Въ былое время такими произведеніями украшали храмы и святилища, а теперь стали украшать ими собственныя жилища. Въ частной жизни нынѣшнему эллину они стали нужны для усиленія скоро проходящихъ радостей земнаго существованія. Науки и искусства служили ему приправой къ чашѣ наслажденій, за которыми онъ старался забыть пустоту и безцѣльность жизни и стремленій. Скульптура и живопись сдѣлалась украшеніями его пріемныхъ залъ и пышныхъ пировыхъ покоевъ. Театральная сцена доставляла ему удовлетвореніе въ заманчивости драматической завязки; пѣніе и музыка облагороживали наслажденія пира; архитектура ставила себѣ задачею удовлетворять не только прихотливый вкусъ, но и изнѣженную потребность удобства

и роскоши. Въ особенности расточала архитектура свои сокровища на надгробные памятники, гимназіи и, преимущественно, бани. Не мало было воздвигнуто памятниковъ въ честь побѣдителей на играхъ. Монументъ Лизикрата (о немъ скажемъ далѣе), въ Аѳинахъ, до сихъ поръ свидѣтельствуетъ объ архитектурѣ того времени.



Монументъ Лизикрата.

Рѣчь Демосѳена противъ Филиппа Македонскаго.

Краснорѣчіе. Демосѳенъ.

Просто, съ достоинствомъ истины говорили древніе ораторы въ сенатѣ и народномъ собраніи. Декламацію и сильную мимику Периклъ считалъ умѣстными на театральной сценѣ, но несообразными ни съ величіемъ цѣли оратора, ни съ достоинствомъ собранія. Но съ тѣхъ поръ, какъ руки кожевниковъ управляли кормиломъ государственнаго правленія, и въ ораторскихъ рѣчахъ явились сильныя размахиванія руками, трагическія движенія и всякаго рода преувеличенія. Впослѣдствіи, благодаря стараніямъ софистовъ, рѣчь, хотя и изукрасилась различными риторическими формами, но съ тѣмъ вмѣстѣ обогатилась содержаніемъ возвышенныхъ жизненныхъ идей. Средства оратора такимъ образомъ еще болѣе расширились и, проникнутый благородными стремленіями, просвѣтленный истинными взглядами на вещи, онъ еще вѣрнѣе могъ дѣйствовать на умъ и сердце слушателей

и увлекать ихъ блистательнымъ словомъ. Въ этомъ отношеніи полнаго вниманія заслуживаютъ знаменитѣйшіе изъ ораторовъ аѳинскихъ этого періода: Лизій, Исократъ, Исей, Эсхинъ и Демосѳенъ.

Лизій избиралъ предметами своихъ рѣчей преимущественно такіе вопросы, которые имѣли большое практическое значеніе для слушателей. Его рѣчи, направленныя противъ тридцати тирановъ, противъ произвола Спарты и позорнаго анталкидскаго мира, кипятъ жизнью и увлеченіемъ. Въ рѣчахъ Исократа греки удивлялись необычайной чистотѣ и обработанности слога, пріятности и изяществу выраженія, хотя и не могли не замѣчать, что рѣчи его не такъ сильно затрогивали мысль и воспламеняли чувство, какъ живое слово Лизія. Это обстоятельство объясняется свойствомъ предметовъ, которые Исократъ любилъ обыкновенно избирать для своихъ рѣчей. Исей, такъ же какъ и Лизій, всегда устремлялъ вниманіе слушателей къ какой-нибудь положительной, близкой для нихъ цѣли и потому на слушателей оказывалъ вліянія болѣе, чѣмъ Исократъ.

Эсхинъ и Демосѳенъ жили и дѣйствовали въ то время, когда приближался уже послѣдній часъ свободы древней Греціи, когда, при упадкѣ основныхъ началъ государственной жизни, эта свобода напрасно усиливалась отстоять себя отъ преобладавшаго съ часа на часъ вліянія Македоніи. Эсхинъ не раздѣлялъ убѣжденія тѣхъ, которые, какъ Демосѳенъ, видѣли въ настоящемъ положеніи дѣлъ причины паденія Греціи; потому-то, въ своихъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, онъ проводилъ правило, которое можно бы выразить слѣдующею формулой: «живи и жить давай другимъ». Возбуждая вниманіе согражданъ къ состоянію общества, онъ не скрывалъ преувеличенія опасностей, грозившихъ самостоятельности Греціи. За это — можетъ быть, и не безъ основанія — Эсхинъ заслужилъ отъ Демосѳена укоръ въ подкупности.

Теперь обращаемъ наше вниманіе на Демосѳена, величайшаго изъ ораторовъ Греціи, тѣмъ болѣе, что это одна изъ

тѣхъ рѣдкихъ личностей, которыя, избравъ себѣ возвышенную цѣль, стремятся къ ней всею своею дѣятельностью, во всю свою жизнь, не смотря ни на какія препятствія со стороны людей и обстоятельствъ. Если Демосѳенъ и ошибался, стремясь къ своей цѣли—возродить государство, уже потрясенное въ самыхъ существенныхъ основахъ,—если онъ упускалъ духъ времени и, главное, нравственное извращеніе общества, въ этомъ только его несчастіе, а не вина.

Демосѳенъ потерялъ отца въ дѣтствѣ. Безсовѣстные опекуны разстроили состояніе, оставленное ему родителями. Остатокъ средствъ Демосѳенъ употребилъ на то, чтобы пріобрѣсти, по возможности, лучшее образованіе. Онъ рачительно посѣщалъ академію Платона и въ ней-то, быть можетъ, почерпнулъ тотъ запасъ привязанности къ прославленнымъ нѣкогда Аѳинамъ, который не покидалъ оратора весь вѣкъ. Книги, рукописи онъ доставалъ дорогою цѣною. Впослѣдствіи онъ былъ прилежнымъ ученикомъ Исократа, а потомъ Исея, и наконецъ пользовался наставленіями лучшихъ актеровъ, замѣчая, какъ много значили въ глазахъ тогдашней публики удачныя тѣлодвиженія и мимика не только на сценѣ, но и въ ораторскомъ искусствѣ. Говорятъ даже, что Демосѳенъ, получивъ отъ природы какой-то недостатокъ произношенія, умѣлъ достигнуть того, что помощью камешковъ, которые набиралъ себѣ въ ротъ, и тому подобныхъ искусственныхъ пособій пріобрѣлъ наконецъ ясную, звучную рѣчь. Не удивительно, что послѣ такикъ энергическихъ приготовленій въ себѣ умственныхъ и физическихъ способностей молодой ораторъ вскорѣ заслужилъ въ агорѣ общее одобреніе и пріобрѣлъ громкую извѣстность. Но не къ этому стремился Демосѳенъ: онъ поставилъ себѣ задачею въ жизни—зажечь въ народѣ сочувствіе къ его политическимъ мнѣніямъ и стремленіямъ, стряхнуть съ него оковы праздности и самодовольства и возбудить въ немъ силы къ противодѣйствію Филиппу Македонскому. Онъ прежде всего напалъ на партію, которая спокойно ожидала обстоятельствъ, и во главѣ кото-

рой стоялъ Эсхинъ. Громомъ своихъ рѣчей онъ безвозвратно заклеймилъ позоромъ предателей отечества; но одушевленіе, пробужденное имъ въ массѣ общества, держалось недолго; обуявшая всѣхъ жажда удовольствій, роскоши и игрищъ скоро заглушила голосъ болѣе возвышенныхъ стремленій; о жертвахъ на пользу общественнаго блага нечего было и говорить.

Была въ Аѳинахъ еще одна партія честныхъ людей, которые, видя приближавшуюся для своего очечества опасность, въ то же время убѣждены были, что Аѳины уже не въ силахъ существовать свободнымъ государствомъ, а потому было бы для нихъ счастіемъ отдаться подъ покровъ благонамѣреннаго и надежнаго монарха. И Фокіонъ, извѣстный уже намъ своимъ счастливымъ походомъ въ Византію, для защиты ея отъ Филиппа, былъ на сторонѣ этой партіи.

Демосѳенъ.

Демосѳенъ не измѣнилъ своихъ стремленій, не отказался отъ надеждъ и подъ вліяніемъ этой партіи благонамѣренныхъ гражданъ. Рѣчами своими онъ побудилъ аѳинянъ послать Олинту помощь, которая, конечно, была недостаточна для спасенія ѳракійскихъ колоній Греціи. Своими *филиппиками* (рѣчами противъ Филиппа) ораторъ хотя и не отвратилъ отъ Греціи грядущихъ событій, но, по крайней мѣрѣ, нѣсколько

затруднилъ путь македонскому царю. Вотъ нѣсколько сильныхъ мѣстъ изъ его Филиппикъ: «Взгляните, какъ *онъ* шагъ за шагомъ, изъ отдаленныхъ странъ, подходитъ къ намъ все ближе; ни эллинскія земли, ни земли варваровъ уже *его* не насыщаютъ; а мы бездѣйствуемъ, мы распадаемся, мы не придумываемъ, не рѣшаемъ ничего для нашего спасенія!» — «Какъ буря собирается надъ мѣстомъ, и вотъ она уже вдали гремитъ, и всякій думаетъ, тревожится, не тронетъ ли она его полей и нивъ, такъ вы теперь предъ *тою* бурей: и видите, и, кажется, страшитесь. Что-жъ медлите предпринимать разумныя средства? Кто же, если не вы сами, отвратитъ отъ васъ грозящее зло?» — «Безчестно, когда при грядущей бѣдѣ гражданинъ говоритъ: кто могъ бы подумать, что это случится! Пока корабль на водѣ, матросы и кормчій должны быть за дѣломъ; но когда уже увлечетъ судно въ потокъ,— напрасны тогда всѣ старанія. Такъ и мы, граждане аѳинскіе, пока мы стоимъ еще неколебимо, мы можемъ, мы должны быть готовы къ борьбѣ. Тогда и союзники наши не напрасно будутъ искать въ насъ опоры. Граждане! намъ предки наши завѣщали славное право: быть покровителями слабымъ. Это право куплено кровью. Мы должны, ради чести нашего имени, свято хранить и держать это право; мы должны думать, какъ и чѣмъ защитить нашихъ союзниковъ и себя самихъ.»

Такъ говорилъ, такъ дѣйствовалъ послѣдній великій ораторъ древней Греціи.

ПЕРІОДЪ МАКЕДОНСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

Паденіе греческой самостоятельности.

Филиппъ Македонскій.

Изъ Македоніи, страны, бывшей долго въ презрѣніи у грековъ, послѣдовалъ ударъ, уничтожившій самостоятельность Греціи. Ударъ этотъ, послѣ многихъ приготовленій, нанесъ ей царь македонскій, Филиппъ.

Филиппъ велъ родъ свой отъ Геракла. Хотя этого доказать нечѣмъ, но тѣмъ не менѣе справедливо, что предки его непрерывно, въ теченіе столѣтій, владычествовали въ Македоніи. Македоняне были одного происхожденія съ эллинами, но съ теченіемъ времени пріобрѣли не мало отличій отъ послѣднихъ. Это объясняется двумя обстоятельствами: смѣшеніемъ съ разными народами, чуждыми эллинскому происхожденію, и особеннымъ ходомъ развитія государственнаго и умственнаго.

Государственное устройство Македоніи представляло во многомъ такія черты, какія мы видѣли во всѣхъ греческихъ государствахъ въ первое время ихъ существованія, т. е. въ геройскій періодъ. Цари къ дворянству и вельможамъ стояли приблизительно въ такихъ же патріархальныхъ отношеніяхъ, въ какихъ видимъ въ средневѣковой Европѣ отношенія королей къ рыцарству и баронамъ. Простой народъ былъ болѣе или менѣе свободенъ. Умственное развитіе страны было задерживаемо безпрестанными войнами съ полудикими, воинственными ѳракійцами и иллирійцами, а въ особенности тѣмъ, что греческія колоніи отрѣзывали ей доступъ къ морю. Долго Македонія платила дань персамъ, а при знаменитомъ Язонѣ Ѳессалійскомъ—Ѳессаліи.

О нерѣшительномъ царѣ Пердиккѣ мы уже говорили, описывая пелопонесскую войну. Сынъ его, Архелай, строилъ города и старался о распространеніи въ Македоніи греческаго образованія. Послѣ него наступили въ этой странѣ жестокіе безпорядки. Овдовѣвшая царица, Эвридика, съ двумя сыновьями своими, Пердиккою и Филиппомъ, умоляла аѳинскаго военачальника, Ификрата, содѣйствовать удержанію за ея домомъ владычества надъ Македоніею. Ификратъ исполнилъ желаніе ея, не подозрѣвая, что въ Филиппѣ онъ такимъ образомъ сохраняетъ будущаго поработителя Греціи.

Мы видѣли уже, какъ Пелопидъ отправилъ Филиппа въ Ѳивы, гдѣ царевичъ получилъ отличное образованіе, которое впослѣдствіи направилъ противъ Греціи. Время несовершеннолѣтія Филиппа было самымъ тяжелымъ временемъ для

Македоніи: аѳиняне и олинтійцы забирали всѣ приморскія мѣста; ѳракійцы и пеонійцы вторгались съ сухаго пути; иллирійцы, въ одной кровопролитной битвѣ, истребили все войско и убили царя. Послѣднее обстоятельство возвело на престолъ македонскій Филиппа.

Получивъ престолъ благодаря неожиданно-благопріятнымъ обстоятельствамъ, Филиппъ утвердился на немъ собственными дарованіями администратора, полководца и тонкаго политика. Золотомъ онъ купилъ у полудикихъ сосѣдей спокойствіе пограничнымъ мѣстамъ, а аѳинянъ склонилъ на свою сторону обѣщаніемъ отдать имъ Амфиполь. Затѣмъ, собравъ и устроивъ по греческому образцу войско, изъ 6,000 конницы и 10,000 пѣхоты, Филиппъ разбилъ на́-голову страшныхъ до тѣхъ поръ иллирійцевъ. Обезпечивъ границы государства, царь неутомимо старался укрѣпить и расширить свое владычество. Онъ вызывалъ изъ Греціи и покровительствовалъ художникамъ, ученымъ и поэтамъ, строилъ города, увеличивалъ и улучшалъ войско и вообще пользовался, какъ нельзя лучше, богатыми золотыми рудниками въ Пангейскихъ горахъ. Безостановочно, не смотря на потерю глаза, Филиппъ разбивалъ безпокойныхъ варваровъ на сѣверѣ, ослаблялъ на западѣ, забиралъ греческія колоніи на югѣ, а между тѣмъ при дворѣ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ увѣрялъ аѳинянъ въ своемъ къ нимъ доброжелательствѣ, пословъ угощалъ и ласкалъ сладкою, вкрадчивой рѣчью, а аѳинянъ ловко поддерживалъ въ усыпленіи и недѣятельности. Не одному изъ дальновидныхъ государственныхъ мужей аѳинскихъ Филипповы пиры и золото отводили очи отъ настоящихъ его на-

Филиппъ Македонскій.

мѣреній относительно Греціи; только Демосѳенъ видѣлъ ихъ насквозь и потому гремѣлъ своими *филиппиками*.

Неудачи Филиппа подъ Перинтомъ и Византіею не помѣшали ему скоро собрать и устроить новое войско и съ нимъ двинуться за Дунай, въ страну скиѳовъ. Филиппъ возвратился оттуда съ богатой добычей, пробившись сквозь толпы враждебныхъ трибалловъ, но еще не успѣлъ совсѣмъ оправиться отъ полученныхъ ранъ, когда торжественное посольство, отправленное амфиктіонами, явилось во второй разъ просить, именемъ дельфійскаго бога, о вмѣшательствѣ царя въ дѣла Греціи. Просьба эта была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Эсхинъ разсказываетъ, что жители локридскаго города, Амфиса, вспахали землю, принадлежавшую дельфійскому храму. Жрецы разрушили жилища баззаконныхъ амфисцевъ и приказали взрыть землю; но когда дошло дѣло до исполненія приказанія, локридскіе земледѣльцы сбѣжались защитить свои нивы и, вооружившись, кто чѣмъ могъ, избили и съ позоромъ изгнали служителей Аполлона. Общее собраніе амфиктіоновъ присудило ихъ заплатить въ пользу храма ужасную пеню. Локридцы напрямикъ отказались. Тогда явились послы къ Филиппу.

Эта минута казалась македонскому царю какъ нельзя болѣе благопріятною для приведенія въ исполненіе его видовъ на Грецію.

Прежде, чѣмъ послѣдуемъ за Филиппомъ въ его походѣ, взглянемъ на устройство, данное имъ македонскому войску. Основаніемъ войску служили 6 *фалангъ* или *таксовъ*, въ каждой фалангѣ около 4,000 человѣкъ. Это были ополченія свободныхъ македонскихъ землевладѣльцевъ. Ихъ можно сравнить съ дружинами греческихъ гоплитовъ. Мечи у нихъ были такого устройства, что ими можно было и колоть, и рубить; щитъ такъ великъ, что могъ закрывать почти всего человѣка; но главнымъ оружіемъ была такъ называемыя *сарисса*, копье, въ 16 фут. длины *Гипаспистъ*, въ холщевыхъ латахъ, македонскій національной шляпѣ, съ круглымъ щитомъ и

короткимъ копьемъ, были вооружены легче, но лучше были приспособлены къ быстрымъ атакамъ. Гипасписты состояли изъ государственныхъ крестьянъ, образуя отрядъ въ 6,000 человѣкъ; впрочемъ, въ составѣ ихъ же были и волонтеры, быть можетъ, изъ мелкопомѣстнаго дворянства. Кромѣ этого была еще пѣхотная гвардія. Она составляла собственно тѣлохранителей царя. Впослѣдствіи, подъ именемъ *аргираспидовъ* (т. е. *среброщитныхъ*), она достигла большой славы. Не менѣе пѣхоты знаменита была македонская конница, въ особенности тяжелая, такъ называемое войско *гетеровъ (друзей царскихъ)*. Оно состояло, по образцу ѳессалійскаго, изъ однихъ представителей благороднѣйшихъ фамилій дворянскихъ и гордилось службой царю и отечеству. Конь и всадникъ были въ латахъ. Пѣхота и конница были обучены такъ, чтобы производить атаку и массами, и разсыпнымъ строемъ. Одна изъ *илей*, или эскадроновъ дружины гетерской, состоявшая изъ отборнѣйшихъ воиновъ, называлась царскимъ эскадрономъ и находилась безотлучно при особѣ царя. Кромѣ этихъ войскъ были еще ѳракійскіе всадники и эскадроны *сарисофоровъ* (т. е. вооруженныхъ сариссами), агріанскіе копьеносцы, македонскіе стрѣлки и другіе.

Итакъ, по просьбѣ пословъ, Филиппъ съ 30,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи явился въ Ѳессаліи и потребовалъ отъ всѣхъ греческихъ городовъ содѣйствія для наказанія нечестивыхъ локридцевъ. Присоединивъ къ своему войску присланныя греческія дружины, Филиппъ занялъ Ѳермопилы и направилъ путь вдоль цѣпи горъ. Казалось, что онъ двинулся къ храму дельфійскому; но тутъ вдругъ обнаружилось, что царь имѣлъ въ виду не Амфисъ и не Дельфы. Быстрымъ поворотомъ къ югу, царь двинулся въ Фокиду и занялъ городъ Элатею, открывшій ему путь въ Ѳивы и Аѳины.

Какъ громомъ поражены были Аѳины вѣстью о нашествіи Филиппа. Всю ночь городъ глухо волновался; съ самаго утра были заняты скамьи въ народномъ собраніи. Въ ясной, пламенной рѣчи возбуждалъ Демосѳенъ гражданъ къ единодушію

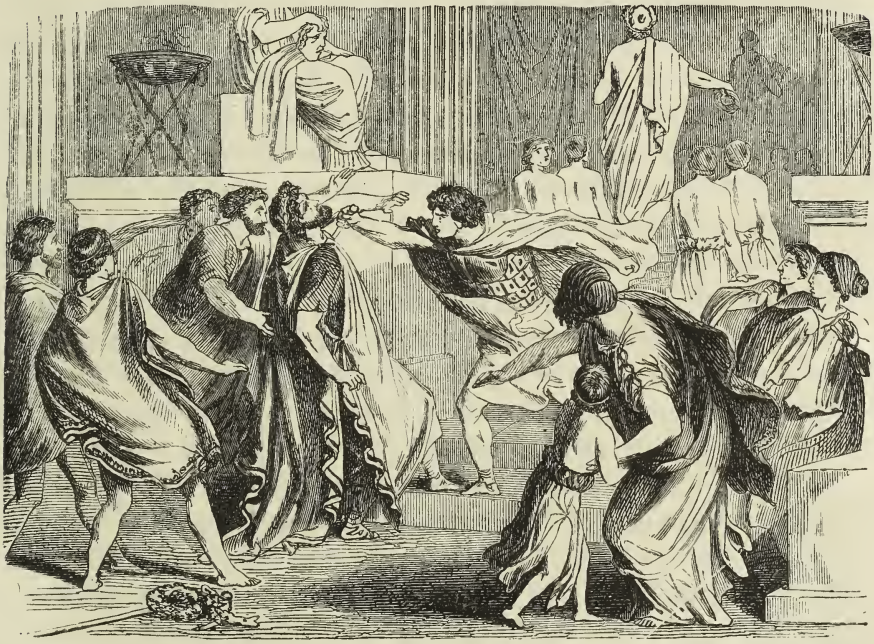
и отпору, требовалъ склонить ѳивянъ къ союзу и убѣждалъ не въ наемныхъ силахъ полагать спасеніе отечества.

Народъ сочувствовалъ оратору, но тѣмъ не менѣе Аѳины однѣ не могли предпринять ничего рѣшительнаго. Осень и зима прошли въ переговорахъ съ Ѳивами. Лишь къ веснѣ (338 г.) войско аѳинское двинулось въ Элевзисъ. Демосѳенъ склонилъ, наконецъ, къ союзу Ѳивы, Коринѳъ и нѣкоторые другіе полопоннесскіе города. Собралось всего до 50,000 человѣкъ; но граждане давно уже отвыкли отъ оружія, и хотя македонянъ было меньше, зато это было опытное, побѣдоносное войско, подъ начальствомъ полководцевъ Филиппа, Антипатра, Парменіона, Александра, съ которыми греческимъ военачальникамъ, Харесу и Лизиклу, трудно было мѣряться. Скоро это подтвердилось на дѣлѣ: на равнинѣ херонейской 2-го августа 338 года произошло кровопролитное сраженіе, рѣшившее судьбу Греціи. Греки дрались мужественно, зная, что отстаиваютъ свою независимость; но свѣжій отрядъ, выведенный Филиппомъ къ концу битвы, а главное, пораженіе царевичемъ Александромъ священнаго ѳивскаго полка, до тѣхъ поръ еще ниразу не побѣжденнаго, рѣшили исходъ сраженія. Греки были разбиты на́-голову, тысячи ихъ легли на полѣ, остальные взяты въ плѣнъ. Побѣда до того была совершенна, что царь самъ остановилъ стремительное преслѣдованіе остатковъ греческаго войска македонскою конницей. Онъ искалъ не уничтоженія Эллады, а того, чтобы съ помощью ея силъ сокрушить владычество варваровъ и на развалинахъ ихъ основать новое могущественное, просвѣщенное государство.

Еще и теперь на равнинѣ херонейской журчитъ тотъ самый ручей, на берегу котораго бились за свободу Греціи; но обширныя, тучныя нивы, зеленые, цвѣтистые луга покрываютъ собою все пространство, сколько можетъ охватить глазъ путешественника, и изглаживаютъ въ воображеніи послѣдняго воспоминаніе минувшихъ стоновъ и страданій. Время, всеобщій цѣлитель бѣдствій, и природа, вѣчноюная, вѣчнопрекрас-

ная, простираютъ надъ этою равниной свое успокоительное, миротворное вліяніе.

Народъ эллинскій отжилъ свое самостоятельное существованіе. Мелкіе, своекорыстные правители, граждане, поглощенные безнравственными наслажденіями, продажа и чести, и отечества за деньги, безконечные внутренніе раздоры въ ущербъ общественному благосостоянію—вотъ что представ-



Смерть Филиппа Македонскаго.

ляетъ Эллада въ этомъ періодѣ. И благо было ей, что явилась сильная рука, подъ державою которой она, хотя съ утратою самостоятельности, могла возродиться къ новой жизни, окрѣпнуть новыми силами.

Впрочемъ, Филиппъ воспользовался своею побѣдой чрезвычайно умѣренно. Онъ не измѣнилъ существенныхъ основаній греческихъ государствъ и ни въ одной мѣрѣ не показалъ,

чтобы онъ смотрѣлъ на Грецію, какъ на провинцію своего царства. Какъ грекъ, онъ остался только гегемономъ (верховнымъ правителемъ) во всей Греціи. Всѣхъ военноплѣнныхъ аѳинянъ онъ отпустилъ безъ выкупа, земли аттической не коснулся, даже не потребовалъ выдачи Демосѳена. Хотя онъ и оставилъ въ Ѳивахъ свой гарнизонъ, но тѣмъ не менѣе въ поступкахъ своихъ съ греками онъ дѣйствовалъ больше убѣжденіемъ, нежели силою. Перемѣна, которая сдѣлалась съ Греціею послѣ херонейской побѣды, обнаруживалась главнымъ образомъ тѣмъ, что греческія государства соединились подъ одною властью, наложенною на нихъ перевѣсомъ силы, и что отнынѣ политическое направленіе ихъ дѣйствій находилось въ рукахъ царя. Филиппъ воспользовался этимъ для возобновленія замысловъ спартанцевъ противъ Персіи.

Весною, 337 г., въ Коринѳѣ было общее собраніе греческихъ государствъ. Филиппъ былъ единогласно избранъ стратегомъ всѣхъ грековъ въ предположенную войну, для отмщенія персамъ за нанесенныя ими когда-то оскорбленія греческимъ храмамъ. Филиппу предоставлено было право опредѣлить, что долженъ доставить каждый городъ. Онъ послалъ сперва въ Азію своихъ полководцевъ, Аттала и Парменіона, чтобы открыть себѣ путь освобожденіемъ греческихъ городовъ въ Малой Азіи; въ слѣдующемъ году и самъ готовился въ походъ, но среди торжественнаго шествія на праздникѣ бракосочетанія своей дочери Клеопатры съ Александромъ царемъ эпирскимъ, былъ убитъ Павзаніемъ. Пазваній отмстилъ, такимъ образомъ зато, что не могъ добиться отъ царя удовлетворенія за обиду, нанесенную ему Атталомъ.

Филиппъ македонскій былъ безспорно основателемъ могущества Македоніи. До него Македонія не имѣла ни политическаго, ни умственнаго, ни промышленнаго, ни торговаго значенія. Цѣною своихъ талантовъ и неутомимой дѣятельности во всю жизнь, Филиппъ далъ ей это значеніе. Дѣла Фи-

липпа такъ значительны, что государь этотъ далеко выступаетъ изъ ряда обыкновенныхъ; впрочемъ, великимъ, въ высокомъ значеніи этого слова, едва ли можно его назвать. Истинно великіе характеры въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся единственно законами божественной и человѣческой справедливости. О Филиппѣ Македонскомъ не всегда можно сказать это: во многихъ случаяхъ онъ, безъ околичностей, избиралъ такія средства, какими удобнѣе можно было дойти до предположенной цѣли, не заботясь о томъ, каковы эти средства сами по себѣ—хороши и благородны, или коварны и унизительны?

Но если Филиппа нельзя сравнить съ Эпаминондами и Тимолеонами, то ни въ какомъ случаѣ нельзя поставить рядомъ съ тѣми алчными, тщеславными завоевателями, которые, для насыщенія собственнаго славолюбія, являются повременамъ для потрясенія міра. Филиппъ возвелъ свое государство разомъ на много ступеней на пути развитія его и положилъ прочное начало новому порядку вещей. Новая Исторія представляетъ еще болѣе разительный примѣръ личности, подобной Филиппу. Это — великій преобразователь Россіи. Правда, что въ дѣйствіяхъ Петра не видно тѣхъ ухищреній, къ которымъ часто долженъ былъ прибѣгать Филиппъ; но это вполнѣ объясняется тѣмъ, что первый имѣлъ для исполненія своихъ обширныхъ замысловъ и безграничную власть, а послѣдній, видя необходимость часто оглядываться на македонское дворянство, безъ союзниковъ, стоя лицомъ къ лицу съ сильной Греціей, долженъ былъ для достиженія великихъ цѣлей пользоваться мелкими средствами и обстоятельствами.

Александръ и Діогенъ.

2. Александръ Македонскій.

Въ самый тотъ день, когда Филиппъ овладѣлъ Потидеею, а полководецъ его, Парменіонъ, одержалъ блистательную побѣду надъ иллирійцами, а въ Малой Азіи тщеславный Геростратъ, желая увѣковѣчить свое имя, сжегъ знаменитый храмъ Діаны Эфесской,—жена Филиппа, Олимпія, родила сына, Александра Великаго. Это было 22 іюля 356 года до Р. Х.

Воспитаніе его, нравственное и умственное, Филиппъ поручилъ знаменитому ученику Платона, Аристотелю, физическое же развитіе своего сына предоставилъ благородному Леониду, человѣку строгихъ правилъ и суроваго характера. Подъ руководствомъ такихъ наставниковъ, въ Александрѣ въ раннихъ лѣтахъ развилось сочувствіе ко всему прекрасному и возвышенному. Съ другой стороны, не обошлось и безъ нѣкоторыхъ плевелъ, которыя заронены были ему въ душу

льстецами (напр. Лизимахомъ) и софистами (напр. Каллисѳеномъ). Уже въ юности проявились въ Александрѣ непреодолимая жажда славы и сила воли въ побѣдѣ надъ препятствіями. Когда однажды Аристотель разсказывалъ ему о множествѣ небесныхъ тѣлъ, наполняющихъ вселенную, Александръ воскликнулъ: „а я еще и земли не покорилъ!“—„Право, отецъ ничего не оставитъ для меня,“ сказалъ онъ, задумавшись при вѣсти о новыхъ завоеваніяхъ Филиппа.

На сколько Александръ любилъ науки и искусства, особенно поэзію—онъ всюду носилъ съ собой Гомера,—на столько же чуждался онъ всякихъ мелочныхъ или безполезныхъ занятій. Ему однажды случилось увидѣть, какъ толпа удивлялась какому-то искуснику, который очень ловко и на далекомъ разстояніи попадалъ горошинами въ отверстіе большой иглы. Александръ съ презрѣніемъ отошелъ отъ искусника, приказавъ слугѣ своему выдать артисту въ награду мѣшокъ гороху.

Обстоятельства вызвали Александра на престолъ македонскій въ то время, когда юношѣ еще не исполнилось 20 лѣтъ. При дворѣ были партіи, грозили крамолы и разстройства. Отецъ его мачихи, Клеопатры, Атталъ (Филиппъ женился на ней, разведшись съ Олимпіею), замышлялъ сбросить съ себя зависимость отъ Македоніи; на сѣверѣ и западѣ государства снова подняли тревогу воинственные трибаллы, геты и иллирійцы; на югѣ громозвучныя рѣчи Демосѳена и другихъ ораторовъ возбуждали духъ эллиновъ къ свободѣ.

Прежде всего Александръ устремился въ Грецію. Одно появленіе македонянъ подавило всякую мысль о движеніи грековъ. Въ общемъ собраніи греческихъ государствъ въ Коринѳѣ, молодой царь, какъ прежде отецъ его, былъ избранъ въ стратеги всѣхъ греческихъ войскъ. Когда отсюда Александръ двинулся къ сѣверу, занялся усмиреніемъ взбунтовавшихся народовъ и даже проникъ съ побѣдоноснымъ войскомъ за Дунай, въ неизвѣстныя степи, въ Греціи разнесся слухъ, что Александръ умеръ. Греческіе союзники, и во главѣ ихъ

Ѳивы, взялись за оружіе; но у нихъ недоставало единодушія и энергіи, и прежде, нежели они на что-либо рѣшились, Александръ стоялъ уже въ Ѳермопилахъ. Войско, шедшее изъ Пелопоннеса на помощь ѳивянамъ, воротилось; и Ѳивы должны были положиться только на свои силы. Подъ стѣнами города ѳивяне бились съ отчаяннымъ мужествомъ, но были разбиты Городъ взятъ приступомъ (335 г.) и разрушенъ до основанія; пощажены были только дома гостепріимцевъ македонянъ да тотъ, въ которомъ жилъ поэтъ Пиндаръ; 36,000 ѳивянъ, неуспѣвшихъ спастись бѣгствомъ, проданы были въ рабство. Эта строгость устрашила грековъ; они униженно, чрезъ посланниковъ, изъявили свою покорность. Послѣ того Александръ во второй разъ, въ собраніи въ Истмѣ, провозглашенъ былъ архистратегомъ греческихъ войскъ въ войнѣ противъ персовъ.

Въ видѣ отдыха, послѣ недавнихъ тревогъ и подвиговъ, Александръ посѣтилъ знаменитаго философа, циника Діогена. Лежа у своей бочки, циникъ развивалъ предъ героемъ основную мысль своей философіи — возможно полное уничтоженіе человѣческихъ потребностей. На предложеніе Александромъ услугъ своихъ, Діогенъ отвѣчалъ просьбою не заслонять ему солнца. При этомъ царь не могъ удержаться отъ восклицанія: «Если-бъ я не былъ Александромъ, то сталъ бы, пожалуй, Діогеномъ.» Въ словахъ этихъ какъ будто слышится то убѣжденіе, что для счастія человѣка необходимо одно изъ двухъ—или безграничное владычество, или возможно-полное отсутствіе нуждъ. Но, кажется, великій герой упустилъ изъ виду, что Діогенъ и всѣ послѣдователи его, циники, были среди людей чѣмъ-то въ родѣ того, что развалины среди живыхъ городовъ: обветшалые, безполезные, утратившіе всякую благородную цѣль въ жизни, уничтожившіе свои природныя дарованія вмѣсто того, чтобы употребить ихъ на благо людей, существа безъ стремленій, безъ сознанія. Какимъ скучнымъ и безцвѣтнымъ сдѣлался бы міръ, если-бъ всѣ

Александръ и наставники его, Леонидъ и Аристотель.

люди забрались къ себѣ въ бочки и стали думать, какъ Діогенъ!

Александру не могли нравиться циническія химеры: онъ былъ человѣкъ дѣла, по преимуществу. Возвратившись изъ Греціи, онъ сталъ готовиться къ походу въ Персію.

Силы, съ которыми Александръ приготовился покорить персидское царство, простирались всего до 35 тысячъ человѣкъ, считая въ этомъ же числѣ 7,600 человѣкъ союзнаго греческаго войска и 5,000 человѣкъ наемниковъ; но онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что, передавая Антипатру дѣла правленія на время своего отсутствія, освободилъ македонянъ отъ многихъ налоговъ и большую часть царскихъ имѣній роздалъ военачальникамъ и дружинамъ. Пердикка спросилъ: что́ же (ему) самому остается. Александръ отвѣчалъ: «надежда». Впрочемъ, на сторонѣ македонскихъ силъ были значительныя преимущества: побѣдоносное войско, геніальный предводитель, такіе полководцы, какъ Парменіоны (отецъ и сынъ), Филотъ и Кассандръ, и величіе цѣли — распространить на Азію свѣтъ греческаго образованія. Въ Персіи же, вслѣдствіе долгихъ внутреннихъ безпорядковъ, ослабли связи отдѣльныхъ провинцій; цари, одинъ за другимъ, были возводимы и убиваемы подъ вліяніемъ серальскихъ интригъ; дѣлами государства распоряжались не государи, а наложницы ихъ и гаремные евнухи. Во время похода Александра, на престолѣ персидскомъ сидѣлъ Дарій III Кодоманъ, родственникъ царствовавшей фамиліи (Ахеменидовъ) по боковой линіи. Дарій возведенъ былъ на престолъ евнухомъ Багоемъ на мѣсто имъ же убитаго (336 г.) царя Арзеса. Дарій имѣлъ надъ предшественниками своими то преимущество, что, по крайней мѣрѣ, былъ воспитанъ не въ сералѣ. Онъ и царствованіе свое началъ очень благоразумно, именно казнью Багоя, убійцы столькихъ царей; но не могъ возстановить давно уже ослабѣвшее, могущество персидской монархіи. Во всякомъ случаѣ, монархія при немъ пала съ бо́льшею честью и досто-

инствомъ, нежели какъ можно было бы ожидать при правителѣ, воспитанномъ въ сералѣ.

Въ 20 дней Александръ, чрезъ Амфиполь, Стримонъ и Гебросъ, прибылъ въ Цестосъ, на Гелеспонтѣ, и на 160 корабляхъ и многихъ плоскодонныхъ судахъ, самъ правя своею триремой, совершилъ переправу въ Азію.

Съ перваго шага Александръ показалъ, что онъ на походъ македонянъ и грековъ въ Азію смотритъ, какъ на чисто національное для всѣхъ грековъ дѣло. Прежде всего онъ оживилъ всѣ соединенныя съ Гомеромъ воспоминанія торжественными играми и жертвами на могилахъ гороевъ, павшихъ подъ Троею. Онъ самъ увѣнчалъ могилу Ахиллеса, а другъ его, Гефестіонъ, — могилу Патрокла. Сатрапы передней Азіи собрали войско въ 40 тысячъ, въ томъ числѣ почти на половину конницы и 12 тысячъ греческихъ наемниковъ; но сначала были въ недоумѣніи, что дѣлать. Грекъ Мемнонъ давалъ имъ мудрый совѣтъ — отступить, опустошить страну, укрѣпиться въ приморской мѣстности, отрѣзать такимъ образомъ македонянъ отъ Греціи, въ самой же Греціи произвести возмущеніе, что, при шаткости умовъ въ Греціи и при помощи золота персидскаго, сдѣлать было бы не трудно. Гордость персидскихъ сатраповъ отвергла этотъ совѣтъ. Сатрапъ Фригіи, Арситъ, объявилъ, что для такого ничтожнаго непріятеля, какъ Александръ, не стоитъ терять ни одной хижины. Войско персидское, занявъ очень выгодную позицію на берегу рѣки Граника (течетъ въ Мраморное море), ожидало непріятеля съ намѣреніемъ дать битву. И битва эта произошла въ 334 г., въ маѣ. Блистательнѣйшей побѣдой Александръ обезпечилъ себѣ отсюда путь внутрь персидскихъ владѣній. Теперь Малая Азія подпала подъ власть македонянъ, ибо сатрапы не имѣли средствъ собрать вторую армію на мѣсто первой, совершенно истребленной при Граникѣ. Александръ показалъ себя достойнымъ своего счастія. Плѣнныхъ грековъ онъ, въ наказаніе за измѣну своему отечеству, отправилъ въ Македонію, въ рабочіе дома; множество драго-

цѣнныхъ предметовъ изъ добычи—посуду, ковры и т. п.—послалъ своей матери, Олимпіи; а 3,000 трофеевъ-щитовъ въ даръ Аѳинамъ. Онъ приказалъ знаменитому Лизиппу вылить изъ мѣди изображенія двадцати пяти воиновъ изъ своей дружины, которые пали въ самомъ началѣ битвы, освободилъ ихъ потомковъ отъ всѣхъ налоговъ и самъ посѣщалъ раненыхъ. Греческіе города въ Малой Азіи, принявшіе Александра какъ освободителя, получили прежній образъ правленія. Только Милетъ и Галикарнасъ упорно защищались, и то потому, что у нихъ былъ Мемнонъ, избранный Даріемъ для начальства надъ всѣми сухопутными и морскими силами персовъ. Видя, наконецъ, что при настойчивомъ дѣйствіи македонскихъ осадныхъ орудій придется уступить, Мемнонъ зажегъ городъ, а съ жителями удалился на корабли и отплылъ къ острову Косу. Мемнонъ задумалъ сдѣлаться владыкою всего Архипелага, золотомъ персидскимъ поднять Элладу, и съ соединенными силами вторгнуться въ Македонію. Уже овладѣлъ онъ Хіосомъ, Тенедосомъ и частью Эвбеи, но смерть положила предѣлъ его обширнымъ замысламъ.

Александръ продолжалъ побѣдоносный путь свой въ Карію, Ликію, Памфилію, Писидію; во Фригіи соединился съ свѣжимъ войскомъ, пришедшимъ изъ Македоніи и Греціи, и, предоставивъ своимъ намѣстникамъ усмиреніе солимнянъ и другихъ горцевъ, самъ поспѣшилъ чрезъ Кападокію въ Киликію, чтобы до прихода Дарія завладѣть тѣснинами киликійскими, единственнымъ проходомъ, который велъ черезъ горы въ эту сатрапію. Александръ совершенно успѣлъ въ своемъ намѣреніи: персидскій гарнизонъ оставилъ проходъ безъ защиты. Въ главномъ городѣ Киликіи, Тарсѣ, Александръ опасно заболѣлъ, но оправился во-время, и успѣлъ самъ принять начальство надъ войскомъ и двинуться навстрѣчу Дарію, который, съ 600,000 азіятцевъ и 30,000 грековъ, шелъ изъ Сиріи въ Киликію. Здѣсь суждено было Александру второю блистательной побѣдой сокрушить персидское царство. На плоскости тѣсной и изрѣзанной отраслями Аманскаго

хребта при Иссѣ, въ октябрѣ 333 г., произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ пало больше, нежели шестая часть персидскаго войска; остальное войско разсѣялось въ безпорядочномъ, дикомъ бѣгствѣ. Только 12 тысячъ греческихъ наемниковъ вышли изъ битвы въ порядкѣ, и, пробившись къ морю, сѣли въ Триполи на корабли и поплыли— 4 тысячи въ Египетъ, а остальные въ Критъ, откуда впослѣдствіи вступили въ службу къ спартанскому царю, Агису. Самъ Дарій едва не попался при Иссѣ въ плѣнъ, семейство же его: мать, Сигизамба, жена, Статира, двѣ дочери и сынъ достались побѣдителю въ числѣ прочей добычи.

Вслѣдствіе побѣды при Иссѣ сдались македонянамъ сначала Сидонъ, а потомъ и другіе финикійскіе города, одни безъ сопротивленія, другіе послѣ упорной обороны. Особенно много усилій и крови стоилъ македонянамъ Тиръ: этотъ городъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ на островѣ, въ четырехъ стадіяхъ отъ твердой земли, семь мѣсяцевъ защищался, и только послѣ отчаянныхъ усилій, благодаря аттакѣ съ моря, хитрымъ осаднымъ снарядамъ и приступу съ сухаго пути по построенной македонянами плотинѣ, удалось взять храбрый городъ. Но и въ самомъ городѣ горсть храбрецовъ билась съ отчаяннымъ мужествомъ. Кто изъ жителей не успѣлъ спастись на корабляхъ въ Карѳагенъ, палъ подъ мечомъ раздраженныхъ побѣдителей или проданъ былъ въ рабство.

Вслѣдствіе побѣды при Иссѣ, персы потеряли свое значеніе на морѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ и замыслы въ самой Греціи противъ македонскаго владычества приняли болѣе скромные размѣры. Впрочемъ, предпріимчивый спартанскій царь, Агисъ, съ недовольными пелопоннесцами и съ 8 тысячами тѣхъ греческихъ наемниковъ, о которыхъ мы упомянули, успѣлъ составить войско въ 22 тысячи, двинуться въ Аркадію и осадить Мегалополь. Но возстаніе грековъ не увѣнчалось для нихъ желаннымъ успѣхомъ. Послѣ того, какъ раздались побѣдные клики при Гавгамеллѣ (см. ниже), Антипатръ усми-

рилъ домашнее возмущеніе. Агисъ умеръ геройскою смертью въ битвѣ съ македонянами. Послѣ этого, до самой смерти Александра, вся Греція была спокойна.

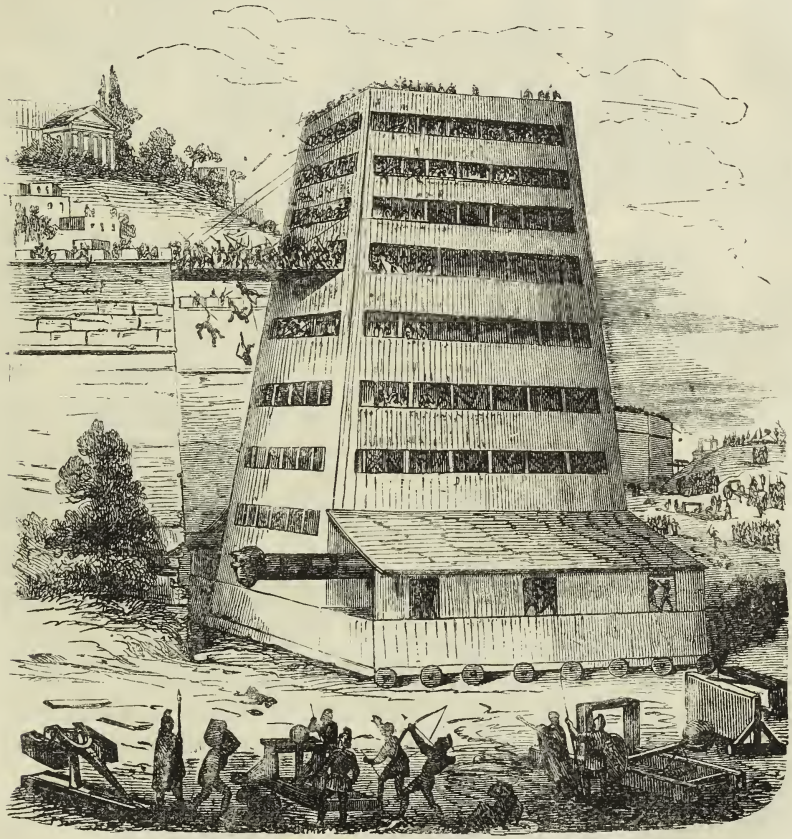
Два раза Дарій присылалъ къ Александру пословъ, прося мира, уступая земли до Галиса, наконецъ до Евфрата, обѣщая 10,000 талантовъ выкупа за свое семейство и предлагая Александру дочь свою въ супружество и дружественный союзъ. Два раза Александръ отвергнулъ эти предложенія, объявивъ, что онъ еще не совсѣмъ отплатилъ персамъ за вражду ихъ къ его отцу, и что виды его простираются не на часть персидской монархіи, а на всю Азію. Дарію оставалось думать о защитѣ.

Во время осады Тира покорилась Александру Іудея, бывшая подъ управленіемъ сирійскаго сатрапа. Александръ обошелся милостиво съ народомъ израильскимъ, посѣтилъ храмъ іерусалимскій и оставилъ народу тотъ же образъ правленія, т. е. правленіе первосвященника вмѣстѣ съ синедріономъ. Впрочемъ, здѣсь Александръ поступилъ такъ же, какъ поступилъ онъ и во всѣхъ покоренныхъ имъ персидскихъ провинціяхъ.

Покоривъ Финикію и Палестину, Александръ двинулся въ Египетъ и на пути взялъ пограничную крѣпость Газу, съ начальникомъ которой поступилъ весьма невеликодушно. Вдохновенный воспоминаніемъ объ идеалѣ своемъ, Ахиллесѣ, и поступкѣ его съ Гекторомъ, Александръ велѣлъ привязать къ своей колесницѣ храбраго защитника Газы и въ такомъ видѣ промчался вокругъ крѣпости. Кажется, уже съ этихъ поръ, упоенный счастіемъ и славой, Александръ сталъ позволять себѣ поступки, которые впослѣдствіи отвратили отъ него сердца македонянъ.

Въ Египтѣ Александръ не встрѣтилъ сопротивленія: народъ былъ радъ избавиться отъ персидскаго ига. Александръ дошелъ до самаго Мемфиса и, желая польстить египтянамъ, принесъ жертву Апису. Спустившись внизъ по Нилу, онъ замѣтилъ мѣсто, весьма важное въ торговомъ отношеніи, и основалъ тамъ Александрію. Городъ этотъ, дѣйствительно,

скоро сдѣлался средоточіемъ греческой и египетской учености и складочнымъ мѣстомъ товаровъ Востока и Запада. Изъ Египта Александръ предпринялъ путешествіе, чрезъ Ливійскія степи, къ храму Зевса-Аммона. Невиданныя пустыни, жаркій климатъ, изумрудомъ засіявшій на песчаномъ морѣ



Осадныя орудія и снаряды древнихъ: *катапулты* и *балисты* для стрѣльбы стрѣлами и для метанія камней; *тараны* для пробиванія брешей.

оазисъ Аммонскій, таинственные обряды и т. п. — все это способно было удовлетворить поэтической наклонности македонскаго героя ко всему необыкновенному и чудесному. Льсти-

вый жрецъ храма Аммонова умѣлъ въ привѣтствіи своемъ Александру очень кстати назвать его сыномъ Зевса, по плоти, и такимъ образомъ заслужить не одну благосклонную улыбку. По возвращеніи въ Египетъ, Александръ обезпечилъ за собой обладаніе этою страной тѣмъ, что областными правителями поставилъ природныхъ египтянъ, финансы поручилъ чиновникамъ изъ туземныхъ грековъ, а начальниками оставленнаго здѣсь войска назначилъ двухъ македонянъ.

Въ то время, какъ Александръ устроивалъ Египетъ, Дарій собралъ многочисленное войско и расположился лагеремъ у рѣки Бумада, притока Тигра, возлѣ городка Гавгамелы, въ 15 миляхъ отъ Арбелъ. Черезъ перешеекъ и Сирію устремился Александръ, радуясь, что предстоящее сраженіе должно быть рѣшительнымъ. И дѣйствительно, оно рѣшило участь Персіи. Въ сраженіи при Гавгамелѣ (331 г.) Дарій потерялъ все и бѣжалъ въ Экбатану, въ Мидіи, но тамъ тщетно старался собрать новыя силы.

Александръ, предоставивъ Дарія собственной судьбѣ, двинулся къ югу, чтобы докончить завоеваніе Персіи съ этой стороны. Вавилонъ принялъ его съ торжествомъ. Входъ побѣдителя въ этотъ городъ служитъ предметомъ знаменитаго произведенія Тордвальдсена (см. приложенныя таблицы и объяснительный къ нимъ текстъ въ концѣ книги). Въ Вавилонѣ Александръ возстановилъ древнее богослуженіе, приказалъ снова выстроить разрушенный Ксерксомъ храмъ Ваала и опять возвысилъ угнетенное персами сословіе халдейскихъ жрецовъ. Такимъ уваженіемъ къ духовной собственности каждаго народа и царскими наградами Александръ повсюду пріобрѣталъ расположеніе побѣжденныхъ, не мѣшая, впрочемъ, нисколько распространенію греческаго духа и просвѣщенія. Во время пребыванія Александра въ Вавилонѣ одинъ изъ его полководцевъ взялъ Сузу и въ ней несмѣтныя сокровища царскія. Въ Персиду, отечество господствовавшаго въ персидской монархіи племени, Александръ самъ проложилъ себѣ путь и лично овладѣлъ городами Пасаргадою и Персеполемъ

Битва при Гавгамелѣ.

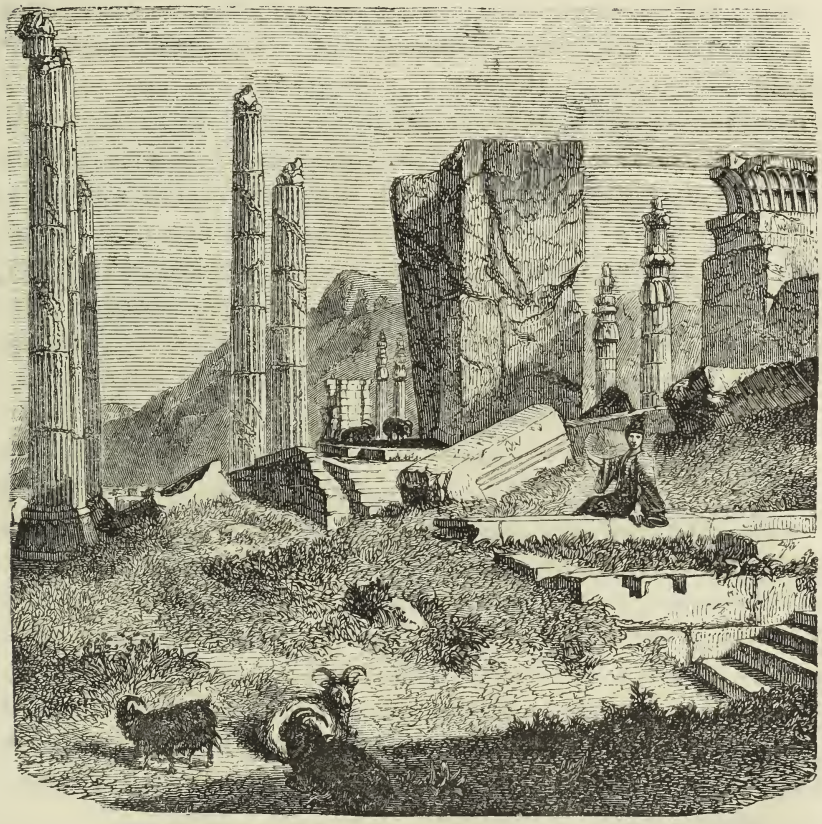
Не мало дивился онъ величію и богатству царскаго дворца въ Персеполѣ, и убѣдился по немъ, что и на отдаленномъ востокѣ, у варваровъ, были извѣстны изящныя искусства. Говорятъ, что на одномъ пиру, исполняя желаніе аѳинской гетеры, Ѳаисы, Александръ самъ зажегъ персидскій дворецъ въ отмщеніе персамъ за то, что Ксерксъ разрушилъ храмы аѳинскіе.

Четыре мѣсяца провелъ Александръ въ древней Персидѣ; наконецъ, торжественно объявивъ перемѣну царствовавшей въ Персіи династіи, онъ, какъ новый царь Персіи, двинулся въ сѣверо-восточныя провинціи царства, для окончательнаго покоренія ихъ и для изгнанія Дарія.

Дарій, избѣжавъ врага великодушнаго, попалъ въ руки враговъ коварныхъ, бывшихъ сатраповъ своихъ, Бесса, Набарзана и Браза. Израненный, истомленный, несчастный царь влачился за ними въ оковахъ. Преслѣдуемые Александромъ, злоумышленники бросили Дарія. Бессъ объявилъ себя царемъ бактрійскимъ. Дарій былъ найденъ македонянами въ самомъ жалкомъ положеніи и въ 330 г. умеръ на рукахъ своихъ побѣдителей. Александръ послалъ трупъ Дарія въ Пассаргаду и велѣлъ положить его тамъ же, гдѣ покоился прахъ Кира, основателя персидской монархіи.

Покоривъ область Арію и Арахозію и основавъ въ нихъ македонско-греческія колоніи, въ первой Александрію-Арійскую (Гератъ), во второй Александрію-Арахозійскую (Кандагаръ), и далѣе, у подошвы Паропамизскихъ горъ (Гинду-Ку) заложивъ Александрію-Кавказскую, Александръ проникнулъ за Оксъ (Аму-Дарью) въ Согдіану (Бухару). Здѣсь Бессъ выданъ былъ герою сатрапами, Эпитаменомъ и Датаферномъ. Александръ казнилъ его, какъ цареубійцу, и притомъ, въ угоду персамъ, казнилъ по ихъ законамъ и обычаямъ. Въ 328 г. Александръ прошелъ до Мараканда (Самаркандъ), до Яксарта (Сыръ-Дарья или Гигонъ), при устьяхъ котораго заложилъ новую Александрію, и даже проникъ въ Скиѳію. Въ странѣ между Оксомъ и Яксартомъ Александръ пробылъ

около полутора года, усмиряя отдѣльныхъ персидскихъ намѣстниковъ, которые здѣсь еще держались. При этомъ случаѣ взята была, въ числѣ плѣнницъ, и прекрасная Роксана, которую Александръ избралъ себѣ въ супруги. Пребываніе его въ Яксартѣ служило въ то же время и приготовленіемъ



Развалины Персеполя.

къ походу въ Индію. Между тѣмъ сопротивленіе македонянъ, возникшее здѣсь же, выказывалось все съ бо̀льшею силой противъ Александра. Поводомъ къ этому сопротивленію было то, что, сдѣлавшись царемъ персидскимъ на дѣлѣ, замысливъ

соединить въ одно Западъ и Востокъ, желая съ одной стороны дать персамъ греческое образованіе, а съ другой — многое принять отъ нихъ, Александръ началъ приближать къ себѣ и ласкать знатныхъ персовъ и, въ угоду имъ, началъ окружать себя такой пышностью, въ какой они привыкли видѣть своихъ царей. Палатка его, утвержденная на вызолоченныхъ столбахъ, отличалась обширностью и богатствомъ убранства. Сидя на золотомъ тронѣ, царь принималъ посѣщенія и пословъ. Почетная стража стояла при особѣ его безотлучно, но кромѣ ея, тутъ же, вблизи, располагались 500 персидскихъ чиновниковъ, въ желтыхъ и пурпуровыхъ одеждахъ, 1,000 стрѣлковъ, въ военной одеждѣ огненнаго цвѣта, и 500 македонянъ-аргираспидовъ. За палаткой — вооруженные слоны, 1,000 македонянъ, составлявшихъ почетную стражу, и тысячное персидское войско для охраны царя. Хотя Александръ, по-прежнему, былъ близокъ и доступенъ своимъ старымъ соратникамъ, товарищамъ его подвиговъ и славы, но многимъ македонянамъ казалось невыносимымъ, что персы получаютъ одинакія съ ними права, что Александръ отличаетъ тѣхъ, кто, по его примѣру, сближается съ персами, изучаетъ ихъ языкъ и т. п., какъ это дѣлали, напримѣръ, Гефестіонъ, Леоннатъ и Певкестъ. Между недовольными особенно отличался гордый сынъ Парменіона, Филотъ. Еще и прежде онъ разными поступками показывалъ явное неуваженіе къ царю, теперь же открылось, что онъ былъ участникомъ въ заговорѣ, составленномъ противъ Александра. По македонскому праву, Филотъ былъ представленъ предъ судей изъ своего сословія, уличенъ въ томъ, что, зная о заговорѣ, не донесъ царю, и казненъ.

Чаще и чаще пошли въ палаткѣ царской пиры и угощенія. Чаша и шумная рѣчь шли въ круговую за царскимъ столомъ, какъ между равными. Собесѣдники восхваляли доблести Александра и ставили ихъ выше баснословныхъ подвиговъ древнихъ героевъ. На это Клитъ, который спасъ Александра при Граникѣ, замѣтилъ, что счастливы тѣ, которые

дѣйствовали съ великимъ Филиппомъ и умерли заблаговременно, чтобъ не видать, какъ теперь царь македонскій наслаждается рѣчью персидскихъ льстецовъ. Когда разгоряченный виномъ, Александръ гнѣвно взглянулъ на него, Клитъ отвѣчалъ: «впередъ не приглашай лучше къ столу своему свободныхъ людей, а принимай лишь бездушныхъ холоповъ, привыкшихъ гнуться предъ пурпуромъ.» Александръ бросился къ оружію, но оружіе предусмотрительными людьми

Мѣстность у Персидскаго залива.

заранѣе было убрано изъ палатки. Клита увели изъ палатки; онъ вошелъ съ другой стороны и далъ полную волю своему раздраженію. Гнѣвъ и вино отуманили голову великаго Александра: вырвавъ копье у одного изъ тѣлохранителей, онъ пронзилъ имъ своего спасителя. Но въ ту же минуту возвратилось къ Александру сознаніе. Раскаянію его не было предѣловъ; много трудовъ стоило приближеннымъ удержать царя отъ самоубійства. И долго послѣ этого царь не могъ приняться за дѣла; еще болѣе казался онъ задумчивымъ и мрачнымъ.

Какъ ни глубоко и чистосердечно было раскаяніе царя въ поступкѣ съ Клитомъ, но тѣмъ не менѣе видно, что Александръ потерялъ уже способность сносить возраженія и противорѣчія. Впрочемъ, стоя такъ высоко надъ всѣмъ, что его окружало, и надъ духомъ своего времени, Александръ все же былъ человѣкъ, хотя изъ политическихъ разсчетовъ, желая внушить къ себѣ болѣе уваженія со стороны подданыхъ, онъ и выдавалъ себя за сына божества. Къ раздраженію Александра часто стали представляться поводы въ самыхъ поступкахъ его приближенныхъ. Такъ, философъ Каллисѳенъ, родственникъ и ученикъ Аристотеля, сначала не отстававшій въ лести отъ придворной челяди, впослѣдствіи, изъ зависти къ тому, что Александръ сталъ оказывать благоволеніе философу Анаксарху, сдѣлался злымъ порицателемъ царя. Кромѣ того Каллисѳенъ оказался замѣшаннымъ въ заговорѣ пажей противъ царя и потому былъ казненъ.

Весною 327 года, изъ мѣстности, составляющей нынѣшній Кандагаръ, Александръ со стотысячнымъ войскомъ двинулся къ сѣверо-востоку, въ Кабулъ, а тамъ далѣе по теченію рѣки Кофена (Кабула) къ Инду. Страна, въ которую тогда вступилъ Александръ, была раздѣлена между мелкими владѣтелями, или раджами, зависѣвшими отъ одного могущественнаго князя или верховнаго царя. Въ верхней Индіи такихъ царей было два: Таксилъ и Поръ, враждовавшіе между собою за владѣнія. Александръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и вступилъ въ союзъ съ Таксиломъ. Съ помощью Таксила Александръ благополучно прошелъ до р. Гидаспа, притока Инда. Гидаспъ, составлявшій границу владѣній обоихъ индійскихъ царей, сильно разлился отъ бывшихъ дождей; но ни опасный потокъ, ни большое войско, собранное Поромъ на противоположномъ берегу, не остановили Александра. Онъ перешелъ черезъ рѣку и въ кровопролитной, упорной битвѣ, въ которой понадобились всѣ силы его военнаго генія, разбилъ Пора и самого его взялъ въ плѣнъ. Когда плѣнника привели къ Александру и спросили, какого

онъ ожидалъ обращенія съ нимъ?—храбрый плѣнникъ отвѣ-«чалъ: царскаго.» И не напрасно онъ ожидалъ того: Александръ не только возвратилъ ему свободу, но и утвердилъ за нимъ прежнія его владѣнія, даже прибавилъ новыя. Основавъ на Гидаспѣ двѣ колоніи, Букефалу и Никею, Александръ отправился далѣе, но дойдя до Гифазиса, долженъ былъ возвратиться: войско, встревоженное разными слухами о чудовищныхъ опасностяхъ, предстоявшихъ на пути, рѣшительно отказалось идти далѣе. Четыре дня прошло въ недоумѣніи; наконецъ, Александръ велѣлъ принесть жертвы богамъ, и когда жрецы нашли эти жертвы неблагопріятными, царь рѣшилъ обратный походъ. Можно представить, какъ велика была радость войска, когда оно увидѣло, что желанія боговъ *сошлись* съ его собственными желаніями! Поставивъ здѣсь 12 алтарей, наподобіе башенъ, въ ознаменованіе того, какъ далеко прошелъ Александръ, покоряя вселенную образованію грековъ, онъ отправился со всѣмъ войскомъ къ Гидаспу. Колоніи и гарнизоны македонскіе достаточно обезпечивали Александру его завоеванія въ Индіи. Отъ Гидаспа Александръ раздѣлилъ войско на три части: одну повелъ Кратеръ, по правому берегу рѣки, другую Гефестіонъ—по лѣвому, самъ же Александръ, съ 80 триремами и множествомъ тутъ же построенныхъ плоскодонныхъ судовъ, двинулся внизъ по рѣкѣ. При соединеніи Гидаспа съ Акезиномъ плаваніе сдѣлалось такъ неудобно, что Александръ вышелъ на берегъ. Еще ниже пришлось имѣть дѣло съ воинственными прирѣчными маллами. При осадѣ главнаго города этой страны Александръ чуть не погибъ, самъ бросившись на стѣну по штурмовой лѣстницѣ. Лѣстница подъ нимъ подломилась, и пораженный издали копьемъ, Александъ упалъ безъ чувствъ. Певкестъ прикрывалъ его щитомъ, пока македоняне не подоспѣли къ его спасенію. Горесть и уныніе войска были невыразимы, когда увидѣли бездыханное тѣло царя: но и радость была безпредѣльна и доходила почти до обожанія, когда въ первый разъ, по выздоровленіи, Александръ пока-

зался войску. Приближаясь къ Инду, Александръ отправилъ Кратера съ арміей его прямо къ западу, черезъ Арахозію, рѣку Стимандръ (Гельмундъ) и озеро Арію (Цархъ), прокладывать путь въ Караманію и покорять по дорогѣ дикихъ горцевъ. При впаденіи Гидаспа въ Индъ основанъ былъ городъ Александрія-на-Индѣ. Неархъ со всѣмъ флотомъ отправленъ былъ къ устьямъ Тигра и Евфрата. Самъ Александръ съ Эфестіономъ спустился по Инду и, построивъ крѣпость, гавань и верфь въ томъ мѣстѣ, гдѣ Индъ раздѣляется на два рукава, скоро приблизился къ высотамъ, съ которыхъ могъ взглянуть на развернувшееся предъ нимъ Индійское море. Здѣсь были принесены жертвы богу морей, и все войско двинулось черезъ пустыни Гедрозіи (въ 325 г.), или нынѣшнято Белуджистана, къ предѣламъ Караманіи.

Всѣ лишенія и трудности похода черезъ Гедрозію вознаградились радостью соединенія, въ Караманіи, съ побѣдоноснымъ войскомъ Кратера. Отсюда, черезъ Пасаргаду до самыхъ Сузъ, походъ обратился въ праздничное шествіе. Пиры и обильныя возліянія Діонисію слѣдовали одни за другими. Не смотря на это, гимнастическія упражненія, благодарственныя жертвоприношенія богамъ, устройство новыхъ странъ и праведный судъ надъ чиновниками, во зло употребившими довѣріе царское, также не были забыты.

Въ Сузахъ Александръ праздновалъ свадьбу, которая, кажется, имѣла видъ супружества Европы съ Азіей. Александръ избралъ себѣ супругою старшую дочь Дарія, Статиру (или Барзину), на меньшой женился Эфестіонъ. Въ то же время 90 знатнѣйшихъ македонскихъ вождей и множество простыхъ воиновъ сочетались бракомъ съ персіянками. Пять дней продолжались при этомъ случаѣ пиры и увеселенія; наконецъ двинулись въ Вавилонъ, избранный Александромъ столицей царства.

Въ великолѣпномъ дворцѣ, окруженный всѣми своими вождями, сатрапами и вельможами, царь возложилъ золотые вѣнки на Певкеста и Леонната, защитившихъ его въ битвѣ

съ маллами, на Эфестіона, Пердикку, Птоломея, отважнаго Неарха и другихъ храбрыхъ своихъ сподвижниковъ. Здѣсь же онъ великодушно уплатилъ всѣ долги своихъ воиновъ, и сумма, истраченная имъ на это, простиралась, по словамъ Арріана, больше чѣмъ на 20 тысячъ талантовъ. Вышедшимъ

Боевой слонъ.

въ отставку выдано все оставшееся жалованье, поденная плата до прибытія на родину, хотя они во всю дорогу имѣли вездѣ безденежное содержаніе, и наконецъ каждому воину въ подарокъ отъ царя—талантъ. Еще до похода въ Индію, Александръ велѣлъ сдѣлать наборъ изъ персовъ и набранныхъ вооружить и обучить по всѣмъ правиламъ македонскаго воен-

наго искусства. Теперь онъ сдѣлалъ смотръ 30 тысячамъ такихъ новобранцевъ и такъ былъ доволенъ ими, что далъ имъ мѣсто въ войскѣ непосредственно послѣ фаланги. Это отличіе, въ особенности же то, что въ число своей почетной гвардіи Александръ принялъ многихъ не-македонянъ, оказавшихъ блистательные подвиги въ походахъ, возбудило сильный ропотъ въ войскѣ. Когда на большомъ смотру близъ Тигра, Александръ объявилъ, что хочетъ отпустить ветерановъ домой, войско приняло это объявленіе за обиду и неблагодарность. Поднялось сильное волненіе; многіе кричали объ увольненіи, прибавляя язвительно: «пусть онъ идетъ въ походъ съ отцомъ своимъ, Аммономъ, пусть съ своими новонабранными азіятскими плясунами покоряетъ свѣтъ!» Тутъ Александръ показалъ все величіе и самостоятельность своего духа. Когда воины подняли такой шумъ, что ничего нельзя было разобрать, онъ твердыми шагами вошелъ въ толпу мятежниковъ, указалъ на тринадцать человѣкъ, которые кричали громче всѣхъ, и велѣлъ ихъ казнить на мѣстѣ. Такою твердостью возстановивъ тишину, Александръ произнесъ къ войску рѣчь, въ которой доказалъ, что македоняне до него и до отца его ходили въ звѣриныхъ шкурахъ и съ трудомъ защищались отъ иллирійцевъ и трибалловъ; настоящимъ же своимъ значеніемъ обязаны тому, кто умѣлъ дать имъ просвѣщеніе, богатство и славу. Три дня не выходилъ Александръ изъ палатки и не принималъ никого. Наконецъ, желая показать, какъ можно ему обойтись и безъ македонянъ, онъ составилъ изъ персовъ свой придворный штатъ и гвардію и многихъ изъ нихъ удостоилъ названія своихъ родственниковъ. Македоняне въ раскаяніи столпились вокругъ царскаго шатра. Тогда Александръ вышелъ къ нимъ, объявилъ прощеніе и примиреніе и былъ принятъ съ неописаннымъ восторгомъ.

Кратеръ отправленъ былъ съ 10,000 ветерановъ въ Европу, а самъ Александръ отправился въ Экбатану, гдѣ провелъ лѣто 324 года и гдѣ потерялъ преданнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга своего, Эфестіона. Онъ былъ сильно пора-

женъ этою потерей: другія величественныя военныя предпріятія стояли теперь на очереди. Александръ хотѣлъ объѣхать Аравію, покорить земли на западѣ Африки и Европы и посмотрѣть чудеса на Гангѣ. Уже онъ велѣлъ закладывать гавани, строить корабли, рыть каналы (для соединенія Тигра съ Евфратомъ); но судьба распорядилась иначе. Въ то время какъ Неархъ изготовился въ дальній путь, ждалъ повелѣнія поднять паруса на своемъ побѣдоносномъ флотѣ и двинуться, —смерть того, кто былъ душею всѣхъ предпріятій, въ комъ одномъ лежало все величіе и слава Македоніи, остановила всѣ дѣла. При работахъ на каналѣ Александръ часто оставался довольно долго и не бралъ никакихъ предосторожностей отъ вредныхъ испареній, которыя поднимались на низменностяхъ и болотахъ. Здѣсь онъ схватилъ злокачественную лихорадку, которая въ 12 дней прекратила его жизнь. Передъ смертью онъ выразилъ предчувствіе раздоровъ, которые могутъ возникнуть послѣ него между его сподвижниками, пожалъ руку окружавшимъ его товарищамъ, и передалъ управленіе храброму Пердиккѣ. Александръ умеръ 11 іюня 323 г., на 33 году жизни, въ цвѣтѣ силы и славы, какъ и любимый герой его—Ахиллесъ.

Много свѣжести, дѣятельности, творческаго генія отлетѣло вмѣстѣ съ одною жизнью. Вдругъ, безъ подготовки, сошелъ съ своего поприща удивительный человѣкъ, державшій въ рукѣ судьбы міра, смѣло разрушавшій обветшалыя формы гражданственности и созидавшій на мѣсто ихъ новыя, животворныя. Не было и не предвидѣлось равносильнаго ему генія, который былъ бы способенъ довершить начатое. Самое царство Александра, составленное изъ столькихъ разнородныхъ началъ, держалось только сильною рукою завоевателя. Теперь оно пошатнулось въ своихъ основаніяхъ, и неизвѣстно было, что выйдетъ изъ раздоровъ, которые тотчасъ по смерти великаго царя обнаружились между его преемниками. Но—возратимся къ событіямъ.

Битва въ царскихъ чертогахъ при гробѣ Александра.

3. Діадохи, или преемники Александра.

Пердикка. Антипатръ. Эвменъ.

Ночь, послѣдовавшая за смертью Александра, полна была смятенія и страха для жителей Вавилона. Граждане и войско громко оплакивали великаго правителя; для всѣхъ, казалось, погибла надежная опора славы и благополучія; никто безъ трепета не могъ взглянуть въ будущее: такъ нежданно застигла царство кончина великаго вождя и покровителя. Наутро собрались главнѣйшіе предводители, ближайшіе и надежнѣйшіе товарищи умершаго царя. Между ними особенно возвышались пріобрѣтеннымъ значеніемъ: Пердикка, Птоломей, сынъ Лага, и Леоннатъ. Въ тронной залѣ, гдѣ были выставлены смертные останки Александра, а на золотомъ престолѣ сіяли нѣмые свидѣтели недавняго величія его и

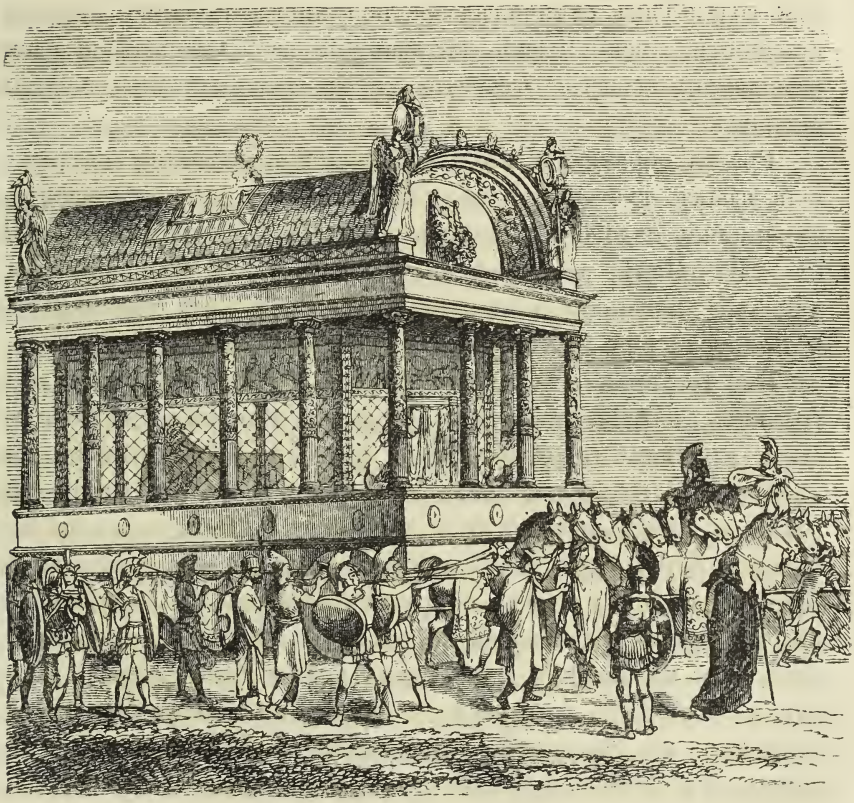
славы: пурпурная мантія, діадима и доспѣхи, къ собравшимся первостепеннымъ стратегамъ присоединились и другіе полководцы и сановники, облеченные въ лучшее военное убранство, со всѣми внѣшними знаками своего достоинства. Въ самые чертоги царскіе доносился стукъ копій и бряцаніе щитовъ въ фалангахъ, окружавшихъ дворецъ и выставлявшихся то здѣсь, то тамъ на заднемъ планѣ тронной залы.

Мнѣнія вождей о наслѣдникѣ Александру расходились: одни предлагали Геракла, сына Александра и Барзины, другіе—Филиппа-Аридея, сына Филиппа Македонскаго и какой-то гетеры ѳессалійской; наконецъ, нѣкоторые предлагали объявить наслѣдникомъ престола дитя, имѣющее родиться отъ царицы Роксаны, если дитя будетъ мальчикъ, а до совершеннолѣтія его—регентство предоставить тому, кого Александръ отличилъ на смертномъ одрѣ своемъ, т. е. Пердиккѣ. На послѣднемъ рѣшеніи помирились вожди совѣта. Но тогда ворвался въ залу Мелеагръ, начальникъ фаланги, и подкрѣпляемый войскомъ, требовалъ возведенія на престолъ Филиппа Аридея. Страшное, небывалое побоище разразилось въ присутствіи безмолвнаго, почившаго владыки. Моментъ былъ рѣшительный. Лучшіе изъ вождей могли бы погибнуть въ неравной битвѣ съ изступленнымъ войскомъ. Благонамѣренные своимъ посредничествомъ успѣли прекратить битву и склонить вождей на волю Мелеагра. Итакъ, войско назначило преемникомъ Александру Филиппа-Аридея, не опредѣливъ отношеній, въ которыхъ онъ долженъ находиться къ ожидаемому сыну Александра отъ Роксаны. Пердикка и Мелеагръ назначены ему соправителями; Антипатру и Кратебу поручено управленіе Македоніею и Греціею; Птоломей получилъ Египетъ, Леоннатъ—Фригію на Геллеспонтѣ, Антигонъ—Памфилію и Ликію, Эвменъ—Каппадокію и Пафлагонію, Лизимахъ—Ѳракію. Прочіе сатрапы, Пиѳонъ, Певкестъ, Селевкъ, утверждены были въ своихъ сатрапіяхъ—Мидіи, Персидѣ и др. Пердикка вскорѣ успѣлъ совершенно овладѣть расположеніемъ войска, велѣлъ умертвить Мелеагра и его

приверженцевъ и такимъ образомъ одинъ сдѣлался соправителемъ Аридея. Все, по виду, казалось въ монархіи спокойнымъ и устроеннымъ, но только казалось. Какъ грозныя силы природы, направляемыя разумною и твердою волей, покорно служатъ человѣку, но, потерявъ это надежное руководство, устремляются на него же самого, и рушатся предъ напоромъ ихъ созданія долгаго и внимательнаго труда человѣка: такъ вожди македонскіе, руководимые волею Александра, дружно содѣйствовали ему къ утвержденію великой монархіи, къ осуществленію возвышенныхъ цѣлей; теперь же, одушевляемые каждый единственно личными выгодами, готовы были, при первомъ удобномъ случаѣ, ринуться другъ на друга и дать полную волю страстямъ.

Народы Азіи спокойно подчинились введенному порядку, потому что онъ былъ не новостью въ персидской монархіи. Не то произошло въ Греціи при вѣсти о смерти Александра. Почти вся Греція возстала; только Коринѳъ, Спарта и Віотія остались въ сторонѣ; одни потому, что въ городахъ ихъ стояли македонскіе гарнизоны, другіе же (Спарта и Віотія) изъ гордости и ненависти къ Аѳинамъ и Ѳивамъ, откуда раздался призывный сигналъ. Собрано было до 30 тысячъ войска, наемниковъ и гражданъ. Начальникомъ этого союзнаго войска сдѣланъ отличный полководецъ—Леосѳенъ. Но и въ этотъ разъ Греціи такъ же мало посчастливилось. какъ и во время борьбы съ Филиппомъ и Александромъ. Правда, Антипатру съ 19-тысячнымъ войскомъ не удалось усмирить возстаніе, онъ проигралъ битву при Ѳермопилахъ и заперся въ крѣпости Ламіи (отчего и война эта извѣстна подъ именемъ *Ламійской*); но съ приходомъ изъ Азіи Леонната и въ особенности Кратера, съ 10,000 ветерановъ, дѣла приняли другой оборотъ. Аѳиняне показали себя достойными своихъ предковъ; Антифилъ, преемникъ Леосѳена, разбилъ Леонната; но, въ 322 г., при Кранонѣ, въ Ѳессаліи, греки потеряли все свое дѣло и должны были какъ милость принять отъ Антипатра весьма невыгодныя условія мира. Аѳиняне обя-

зались содержать у себя македонскій гарнизонъ и измѣнить образъ правленія. Гражданинъ, имѣвшій меньше 2,000 драхмъ, около 480 р., исключался отъ участія въ правленіи. Если вѣрить сказанію, то изъ 30 тысячъ гражданъ 21 тысяча лишилась своихъ политическихъ правъ. Изъ этого видно



Погребальная колесница Александра.

какъ пало древнее благосостояніе Аѳинъ, и какъ богатство все болѣе и болѣе скоплялось въ рукахъ немногихъ. Когда во время элевзинскаго празднества вступилъ въ Аѳины македонскій гарнизонъ, граждане увидѣли, что миновало время ихъ свободы и смѣнилось временемъ подданства. Теперь

Антипатръ пустился преслѣдовать обоихъ ораторовъ, Демосѳена и Ипирида, всю жизнь противоборствовавшихъ владычеству македонянъ. Послѣдній былъ захваченъ и казненъ въ самомъ городѣ. Демосѳенъ скрылся въ храмѣ Посидона, на островѣ Калавріи. Македоняне окружили храмъ. Демосѳенъ, видя невозможность спасенія, принялъ яду и умеръ въ ноябрѣ 322 года. Такъ окончилъ свое поприще величайшій ораторъ древности, всю жизнь ратовавшій за благородную идею возвышенія своего отечества на прежнюю степень величія и славы.

Греція обратилась въ македонскую провинцію; но греческій языкъ, греческіе нравы, искусства, просвѣщеніе распространились далеко за предѣлы собственной Греціи и колоній ея. На Нилѣ, въ Македоніи, въ цвѣтущей передней Азіи, въ Азіи нагорной и въ Индіи греческія идеи утвердились и принесли благородные, хотя и немногіе плоды.

Въ то время, какъ въ Греціи было задушено возстаніе грековъ, въ Азіи отношенія Пердикки и прочихъ намѣстниковъ приняли такой видъ, что война была неизбѣжна. Въ дѣйствіяхъ Пердикки ясно обнаруживалось стремленіе перейти за предѣлы ввѣренной ему власти. Впрочемъ онъ искусно прикрывалъ свои дѣйствія интересами царственной фамиліи. Раздоры между соправителями начались такимъ образомъ. Эвмену досталась во владѣніе сатрапія каппадокійская, еще не совсѣмъ покоренная и при Александрѣ. Пердикка повелѣлъ Антигону и Леоннату ввести Эвмена во владѣніе, но Леоннатъ, какъ сказано выше, отправился на помощь къ Антипатру, гдѣ и умеръ, а Антигонъ не хотѣлъ исполнять повелѣнія. Пердикка самъ помогъ Эвмену покорить Каппадокію и утвердиться въ ней, Антигона же потребовалъ къ отвѣту. Гордый сатрапъ Памфиліи и Ликіи, уклоняясь отъ суда, бѣжалъ въ Европу и у Антипатра и Кратера нашелъ гостепріимство и опору.

Птоломей-Лагъ дѣйствовалъ противъ Пердикки рѣшительнѣе, нежели Антигонъ. Предлогомъ къ открытому разрыву

между ними послужила великолѣпная золотая колесница, сдѣланная для перевезенія въ Европу останковъ Александра. Пердикка отправилъ ее съ драгоцѣннымъ прахомъ, по назначенію, а Птоломей выѣхалъ къ ней навстрѣчу, въ Сиріи, и обратилъ ее въ Египетъ, на томъ основаніи, что царь передъ смертью выразилъ желаніе покоиться въ храмѣ Зевса-Аммона. За такое самовольное измѣненіе воли правителя Пердикка положилъ наказать Птоломея и немедленно сталъ готовиться къ походу въ Египетъ. Онъ даже отложилъ теперь свою свадьбу съ Клеопатрою, дочерью царицы Олимпіи, какъ ни сильно желалось ему войти въ родственныя отношенія съ царственнымъ семействомъ. (До этого времени Пердикка обрученъ былъ съ Никеею, дочерью Антипатра, но послѣ покровительства, которое послѣдній оказалъ Антигону, нарушилъ свое обѣщаніе.) Возбуждаемые Кинаною (дочерью Филиппа Македонскаго и какой-то иллиріянки), матерью воинственной прекрасной Эвридики, сдѣлавшейся супругою царя Филлиппа-Аридея, а также Антигономъ, оскорбленные Антипатръ и Кратеръ выжидали только удобнаго случая, чтобы вторгнуться въ Азію. Пердикка понималъ это и потому отправляясь въ Египетъ, обезпечилъ себя съ тыла тѣмъ, что далъ полномочіе и войско надежному и признательному другу своему Эвмену. Пердикка не ошибся ни въ ожиданіяхъ, ни въ другѣ своемъ. Не смотря на грозныя силы Антипатра и Кратера, явившіяся изъ-за Геллеспонта, не смотря даже на то, что силы эти увеличились еще содѣйствіемъ Неоптолема, сатрапа Арменіи, Эвменъ разбилъ союзниковъ къ кровопролитной битвѣ, въ которой пали Неоптолемъ и Кратеръ.

Пердикка въ Египтѣ не такъ былъ счастливъ, какъ Эвменъ въ Малой Азіи. Онъ проникъ въ Египетъ, но, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ перейти черезъ Нилъ и послѣ безуспѣшной осады какого-то города, который защищалъ самъ Птоломей, былъ умерщвленъ раздраженнымъ войскомъ (321 г.). Регентство предложено было Птоломею, но онъ отказался, предпочитая остаться владѣтелемъ Египта, гдѣ онъ надѣялся

основать независимое государство. Тогда избрали Пиѳона, сатрапа Мидіи, но онъ, чувствуя себя слабымъ для дѣлъ правленія, передалъ власть Антипатру, лишь только послѣдній прибылъ въ Азію. Всѣ приверженцы Пердикки, и въ особенности Эвменъ, объявлены были достойными изгнанія. Антипатръ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ раздѣлѣ намѣстничествъ въ Сиріи и между прочимъ Селевку, предводителю конной дружины, далъ сатрапію вавилонскую. Послѣ этого онъ потребовалъ было къ отвѣту Клеопатру, но, когда она спросила, кто далъ Антипатру право судить ее, онъ, боясь приверженцевъ дома Александрова, оставилъ ее въ покоѣ и удалился въ Македонію, увезши съ собою царя Филиппа-Аридея, супругу его, Эвридику, и юнаго Александра (Эга) съ матерью его Роксаною. Въ западной Азіи Антипатръ поставилъ полномочнымъ намѣстникомъ Антигона для преслѣдованія и совершеннаго истребленія Эвмена. Съ 60,000 войскомъ Антигонъ такъ стѣснилъ храбраго противника, что послѣдній долженъ былъ запереться въ крѣпости Норѣ (на границѣ Каппадокіи съ Ликаоніею). Такимъ образомъ Антигонъ сдѣлался въ дѣйствительности обладателемъ всей Малой Азіи. Птоломею удалось между тѣмъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Палестину, Финикію и среднюю часть Сиріи. Въ это время переселено было отсюда въ Александрію Египетскую много іудеевъ, которые получили на новомъ мѣстѣ значительныя привилегіи. Съ этихъ поръ средоточіе торговли Востока съ Западомъ сдѣлалось и средоточіемъ іудейской литературы. Отсюда же вышелъ переводъ Ветхаго Завѣта на греческій языкъ. Это такъ называемый переводъ 70 толковниковъ.

Антигонъ. Антипатръ умеръ въ 320 году. Смерть его произвела большія перемѣны, какъ во взаимныхъ связяхъ важнѣйшихъ лицъ того времени, такъ и въ отношеніи ихъ къ членамъ царской фамиліи. Антипатръ назначилъ преемникомъ своимъ не сына своего, Кассандра, а стараго соратника и друга, Полисперхона. Кассандръ, недовольный этимъ, соеди-

нился съ Антигономъ. Такимъ образомъ, естественно было Полисперхону возвысить Эвмена. Такъ онъ и сдѣлалъ. Это было самымъ лучшимъ средствомъ противодѣйствовать преобладавшему вліянію Антигона. Не такъ удачно дѣйствовалъ Полисперхонъ въ Европѣ. Для ослабленія и униженія Кассандра, который успѣлъ утвердить свое вліяніе въ Греціи, онъ вызвалъ изъ Эпира Олимпію, удалившуюся туда по непріязни къ Антипатру, и отъ имени царя издалъ декретъ, ко-

Борьба Эвмена съ Неоптолемомъ.

торымъ объявлялась автономія греческихъ государствъ. Этотъ декретъ (318 г.) не произвелъ для Полисперхона желанныхъ результатовъ. Македонскіе гарнизоны слишкомъ сильно утвердились въ греческихъ городахъ. Такъ, въ Аѳинахъ, начальникъ гарнизона, Никаноръ, другъ Кассандровъ, не только не очистилъ городъ, но, вскорѣ ожидая Кассандра съ войскомъ, занялъ еще и Пирей. Демократы возстали. Жертвою возстанія былъ прежде всего престарѣлый Фокіонъ, поставленный

Антипатромъ во главѣ правленія, въ Аѳинахъ. Почтенный старецъ, весь вѣкъ свой безукоризненно служившій благу своихъ согражданъ, былъ отравленъ изступленною чернью. Кассандръ, одолѣвъ возстаніе, уничтожилъ прежній образъ правленія и поставилъ надъ Аѳинами Димитрія Фалерейскаго. Этотъ замѣчательный мужъ, и въ то же время писатель, десять лѣтъ (318—308) пользовался своей должностью и значительно содѣйствовалъ благу своего отечества. Аѳины тогда были еще большимъ, важнымъ городомъ: въ нихъ считалось 21 тысяча гражданъ, 10 тысячъ неимѣвшихъ полнаго права гражданства и 440 тысячъ рабовъ (въ городѣ, предмѣстьяхъ города и на фабрикахъ).

Вызовъ въ Македонію Олимпіи имѣлъ для Полисперхона также гибельныя слѣдствія. Старая, мстительная царица возвратилась въ свое царство во главѣ войска и тотчасъ приняла подъ свое покровительство внука, Александра-Эга, и мать его, Роксану. Супруга Филиппа-Аридея вышла противъ нея также съ войскомъ, но македоняне перешли отъ Эвридики на сторону Олимпіи. Оставленнная Эвридика съ супругомъ, была взята въ плѣнъ и брошена въ темницу. Тамъ Филиппъ былъ убитъ по приказанію Олимпіи, а Эвридика повѣсилась на своемъ поясѣ (31 г.). Сто знатныхъ македонянъ также сдѣлались жертвою мести царицы. Кассандръ, узнавши объ этомъ, поспѣшилъ въ Македонію и, не успѣвъ пробиться черезъ Ѳермопилы, сѣлъ въ Локридѣ на корабли и изъ Ѳессаліи, гдѣ онъ не нашелъ Олимпіи, устремился въ Пидну куда она бѣжала. Напрасно она ждала помощи отъ Полисперхона: войско его передалось Кассандру. Предоставленная собственнымъ силамъ, Олимпія должна была сдаться Кассандру. Судъ войска приговорилъ ее къ смерти: царица была побита камнями (31 г.). Роксана съ сыномъ была отправлена плѣнницею въ Амфиполь. Юный Александръ безъ опоры, безъ приверженцевъ не представлялъ Кассандру никакихъ опасностей, Кассандръ былъ теперь владыкою Македоніи и Греціи.

Посмотримъ, что дѣлалось въ это время въ Азіи.

Эвменъ, узнавъ о томъ, что Полисперхонъ назначилъ его царскимъ стратегомъ, вышелъ изъ крѣпости, въ которой до сихъ поръ оставался, и, привлекши къ себѣ аргираспидовъ и запасшись деньгами изъ царской казны, находившейся въ киликійской крѣпости Квиндѣ, смѣло пошелъ съ 12,000 войскомъ противъ Антигона. Онъ сначала успѣлъ усилиться союзомъ съ нѣкоторыми восточными сатрапами, успѣлъ даже овладѣть Финикіей, построить себѣ флотъ и одержать нѣсколько побѣдъ надъ войсками Антигона, но, въ 316 году, въ битвѣ при Габіенѣ, гдѣ Эвменъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ (между Персидою и Мидіею), потерялъ все. Певкестъ его покинулъ, Антигонъ овладѣлъ его обозомъ и семействами аргираспидовъ. Эти коварные воины, чтобы возвратить себѣ имущество, женъ и дѣтей, выдали своего полководца въ руки непріятеля. Антигонъ старался спасти плѣннику жизнь, чтобы пользоваться его дарованіями для своихъ властолюбивыхъ цѣлей, но, по настоянію прочихъ полководцевъ, долженъ былъ произнести ему смертный приговоръ. Въ Эвменѣ домъ Александра потерялъ послѣдняго, искренняго и даровитаго своего защитника.

Послѣ пораженія Эвмена бывшіе союзники его должны были или вынести на себѣ гнѣвъ Антигона, или спасаться бѣгствомъ. Певкестъ получилъ прощеніе, но лишился сатрапіи (Персиды) и, прежде горделиво отказывавшійся отъ союза съ кардіанскимъ героемъ (Эвменъ былъ родомъ грекъ, изъ города Кардіи, въ Херсонесѣ), теперь долженъ былъ довольствоваться унизительнымъ положеніемъ—въ толпѣ свиты слѣдовать за счастливымъ побѣдителемъ. Полкъ аргираспидовъ былъ распущенъ; распредѣленные по другимъ полкамъ, аргираспиды съ этихъ поръ потеряли навсегда всякое значеніе. Безспорно, теперь Антигонъ сдѣлался могущественнѣйшимъ между полководцами Александра. Онъ, однако-жь, не долго пользовался невозмутимо своимъ полновластіемъ. Онъ утвердилъ Пиѳона сатрапомъ Мидіи, Асклепіодора—сатрапомъ Персиды, но отъ Селевка не полу-

чилъ отчета, котораго требовалъ. Селевкъ не хотѣлъ ему подчиниться и, не имѣя силъ сопротивляться, бѣжалъ въ Египетъ, къ Птоломею. Въ Египтѣ хорошо взвѣсили опасность отъ полновластія Антигона. Кассандръ и Лизимахъ, убѣжденные послами Птоломея, пристали къ нему и Селевку, и такъ составился грозный союзъ. Антигонъ рѣшительно отринулъ требованія союзниковъ— уступить Кассандру Карію, Каппадокію и Ликію, Лизимаху Фригію, на Геллеспонтѣ, Селевку Вавилонію, а Птоломею всю Сирію, — и такимъ образомъ открылась новая упорная война. Она должна была быть тѣмъ упорнѣе, чѣмъ возможнѣе казалось Антигону достигнуть царской діадемы. Впрочемъ, этотъ замѣчательный человѣкъ искалъ власти ради власти, а не для достиженія богатства, роскоши и удовлетворенія чувственности. Онъ былъ врагомъ всякой пышности, праздныхъ пировъ и въ особенности лести. Когда какой-то льстецъ, въ стихотвореніи, поднесенномъ ему, величалъ его *сыномъ Солнца*, Антигонъ напрямки отвѣчалъ ему, что рабы, которымъ приходится видѣть его въ минуты отправленія кое-какихъ невыразимыхъ физическихъ потребностей, знаютъ гораздо лучше, *какого* онъ происхожденія. Въ сынѣ своемъ, Димитріѣ, Антигонъ находилъ всѣ свои радости. Двадцатилѣтній юноша, прекрасный собою, отважный, талантливый, беззаботно кидался въ океанъ жизни и наслажденій. Счастіе едва поспѣвало за нимъ, то въ пылу битвы, то въ тиши кабинетныхъ трудовъ, то въ объятіяхъ друзей, то среди бурь на невѣрной стихіи. Полный сознанія своихъ силъ, онъ никогда не смущался, если на пути жизни являлись преграды, а горизонтъ омрачался зловѣщими тучами: въ другихъ условіяхъ, съ иными людьми, онъ быстро устраивалъ себѣ новое благо, пожиналъ плоды новыхъ побѣдъ. И разумный, дальновидный отецъ никогда не обуздывалъ этой вольной, счастливой природы; онъ зналъ, что довольно одного его слова—и, гдѣ бы ни былъ, чѣмъ бы ни занимался его возлюбленный Димитрій, онъ все покинетъ, помчится въ объятія отца и раздѣлитъ съ нимъ радости и

горе. Въ предстоящую войну Димитрій является правою рукой своего 66-ти-лѣтняго, но мужественнаго и дѣятельнаго отца. Мы увидимъ скоро, за что Димитрій получилъ прозваніе *Поліоркета*, подъ которымъ онъ извѣстенъ въ исторіи.

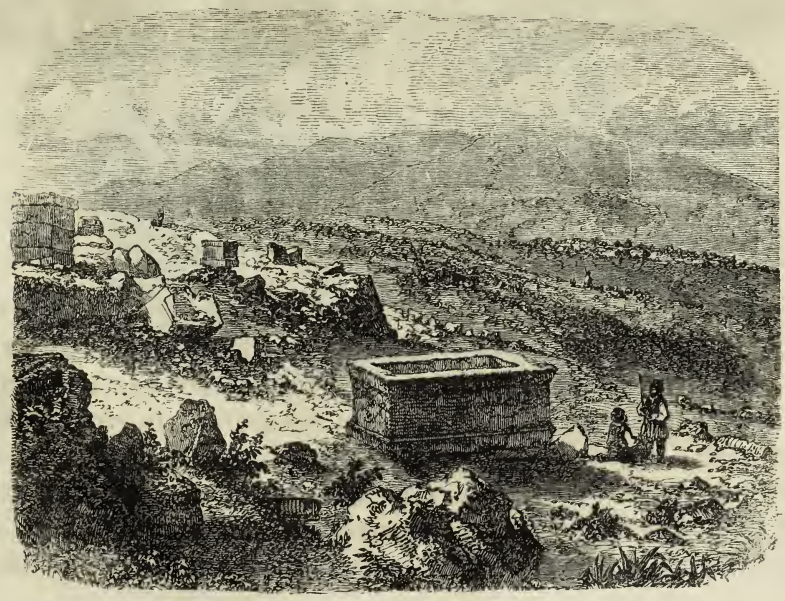
Чтобы поддержать Полисперхона, который много утратилъ въ Европѣ изъ своего прежняго значенія, и чтобы отвлечь отъ Азіи силы Кассандра, Антигонъ послалъ въ Пелопоннесъ войско и объявилъ автономію греческихъ государствъ; самъ же снова овладѣлъ городами Сиріи и Финикіи (хотя Тиръ сдался только послѣ 15-ти-мѣсячной осады), построилъ съ удивительною быстротой значительный флотъ и заготовилъ множество осадныхъ снарядовъ. Весь 312 годъ прошелъ безъ рѣшительныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ; но лишь только, съ многочисленнымъ войскомъ, Антигонъ двинулся въ Малую Азію, чтобы оттуда черезъ Геллеспонтъ вторгнуться въ Македонію и Грецію, въ тылу у него дѣла быстро приняли неблагопріятный для него оборотъ. Птоломей счелъ время отсутствія Антигона самымъ удобнымъ для выполненія своихъ намѣреній. Войско его явилось подъ стѣнами Газы. Это была новая Газа, построенная подлѣ старой, лежавшей въ развалинахъ съ тѣхъ поръ, какъ ее разрушилъ Александръ Македонскій. Южныя провинціи своей державы Антигонъ поручилъ защищать Димитрію-Поліоркету. На этотъ разъ судьба не была благосклонна къ своему любимцу: Димитрію пришлось стать лицомъ къ лицу съ полководцемъ Александра, посѣдѣвшимъ въ побѣдахъ. Сраженіе при Газѣ, не смотря на всю пылкость Димитрія и на храбрость его войска, одушевляемаго примѣромъ своего юнаго, мужественнаго вождя, было рѣшительно проиграно. Слѣдствія побѣды при Газѣ были весьма значительны: всѣ завоеванные Антигономъ финикійскіе города сдались Птоломею; Селевкъ же, не теряя счастливой минуты, устремился къ Вавилону. У него было только 1,300 человѣкъ войска, но онъ разсчитывалъ на сочувствіе македонянъ и на пріобрѣтенную имъ прежде привязанность

вавилонянъ. Селевкъ не ошибся: непріятельскіе посты на пути сдавались ему почти безъ сопротивленія, вавилоняне съ радостью отворили ему городъ. Впослѣдствіи, побѣдивъ персидскаго сатрапа и отразивъ нападеніе Димитрія-Поліоркета, Селевкъ такъ утвердился въ Вавилонѣ, что могъ расширить свои владѣнія до Инда. Такимъ образомъ образовалось царство Селевкидовъ. Время утвержденія Селевка въ Вавилонѣ такъ важно, что впослѣдствіи въ царствѣ Селевкидовъ отъ этого событія стали вести лѣтосчисленіе. Селевкидская эра соотвѣтствуетъ 30 октября 312 года эры христіанской. У арабовъ она извѣстна подъ именемъ *тарикъ-руми*. По этой же эрѣ ведется лѣтосчисленіе въ книгахъ Маккавеевъ. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ она была въ употребленіи у сирійскихъ христіанъ; сохраняется ими и теперь.

Только для одного Селевка и была успѣшна и богата послѣдствіями эта война. Послѣ пораженія Димитріемъ части египетскихъ войскъ въ Киликіи, а главное послѣ появленія Антигона въ Сиріи, осторожный Птоломей отступилъ въ Египетъ; Антигонъ опять сдѣлался обладателемъ всѣхъ своихъ владѣній, исключая Македоніи. Въ 311 г. заключенъ былъ миръ, на которомъ еще разъ, какъ бы въ насмѣшку, произнесено было слово о правахъ царскаго семейства. Полководцы положили—каждому изъ нихъ оставаться при своемъ, до совершеннолѣтія *наслѣдника* престола, юнаго Александра. Ему было теперь 12 лѣтъ. Попечительство надъ царевичемъ и матерью его оставлено, попрежнему, въ рукахъ Кассандра. Это ясно говорило о томъ, какъ сильно заботились соперники-полководцы о возстановленіи правъ Александрова семейства. Вскорѣ устранены были послѣднія препятствія безграничному простору для властолюбивыхъ цѣлей діадоховъ. Подосланные злодѣи умертвили Александра и мать его, нѣкогда, въ блескѣ красоты и любви, раздѣлявшую престолъ и славу съ великимъ обладателемъ міра. Братъ Александра, Гераклъ, сынъ Барзины, получилъ теперь нѣкоторое значеніе. Полисперхонъ, до

сихъ поръ ничѣмъ не запятнавшій своего имени, поддерживалъ права Геракла. Собралось не мало приверженцевъ на сторонѣ царевича. Въ Ѳессаліи расположились они лагеремъ, насупротивъ войска Кассандрова, но подкупленный обѣщаніями золота и власти, Полисперхонъ не выдержалъ искушенія, и самымъ безчестнымъ образомъ предалъ семнадцатилѣтняго юношу убійцамъ. За предательство Полисперхонъ дѣйствительно получилъ сотню талантовъ и должность стратега въ Пелопоннесѣ, но до самой смерти былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія.

Таковъ же былъ и конецъ Клеопатры, сестры Александровой. Послѣ обрученія съ Пердиккой царевна жила безвыѣздно въ Сардахъ и упорно отвергала искательства всѣхъ діадоховъ, кромѣ Птоломея-Лага. Во время переговоровъ и приготовленій къ свадьбѣ съ послѣднимъ, царевну нашли убитою въ постели. Хитрый Антигонъ велѣлъ казнить, чтобъ не было слѣдовъ, и самихъ исполнительницъ-рабынь; царевну же приказалъ предать погребенію со всѣми царскими почестями (309 г.).



Антигонъ на пути въ Вавилонъ.

Птоломей, Кассандръ, Лизимахъ, Селевкъ и Димитрій-Полиоркетъ.

Истребленіе членовъ царскаго семейства позволяло теперь полководцамъ Александра спокойно раздѣлить между собою его владѣнія; но этому мѣшало то, что каждый изъ нихъ желалъ себѣ одному *всѣ* эти владѣнія. Поэтому война между діадохами была снова неизбѣжна. Поводъ къ ней былъ готовъ въ Греціи. По послѣднему трактату объявлена была независимость греческихъ городовъ въ Европѣ и въ Азіи. Сначала Птоломей явился въ Грецію съ цѣлью,

будто бы содѣйствовать освобожденію этой страны отъ владычества македонскаго, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ впослѣдствіи самому стать во главѣ союза греческихъ городовъ. Войны въ Киренаикѣ отозвали Птоломея въ Африку, и Антигонъ былъ очень радъ этому обстоятельству: онъ немедленно отправилъ въ Грецію сына своего, Димитрія.

Дмитрій-Поліоркетъ.

Въ 106 году, на 250 корабляхъ, съ многочисленнымъ войскомъ и богатой казною, прибылъ молодой герой изъ Эфеса въ Пирей. Аѳиняне приняли его съ неслыханнымъ торжествомъ, какъ освободителя. Димитрій Фалерейскій долженъ былъ удалиться изъ города. Гарнизонъ македонскій, послѣ упорнаго сопротивленія, сдался Димитрію-Поліоркету. И Мегара была освобождена и сдѣлана

Птоломей послѣ побѣды при Газѣ.

самостоятельнымъ государствомъ. Аѳиняне боготворили своего освободителя и наперерывъ другъ передъ другомъ при-

думывали, чѣмъ бы выразить ему свою признательность. Празднествамъ въ честь его не было конца, дошло до того, что Димитрію и отцу его стали воздвигать алтари и приносить жертвы, и самъ Димитрій понемногу дошелъ до убѣжденія въ томъ, что ему, какъ Діонисію, назначено, подъ сладкимъ чадомъ упоенія, пѣсни и любви, покорить весь міръ своему владычеству. Вдругъ является посолъ изъ Азіи: отецъ зоветъ его на помощь противъ Птоломея. По-

Мѣстность возлѣ Саламиса.

корный волѣ отцовской, Димитрій покидаетъ шумныя Аѳины и спѣшитъ къ Антигону.

Антигонъ послалъ сына къ Кипру, незадолго передъ тѣмъ занятому Птоломеемъ и обращенному имъ въ египетскую провинцію. Съ многочисленнымъ флотомъ, кораблями въ 5 и 7 ярусовъ, придуманными Димитріемъ, разными осадными орудіями и отборнымъ войскомъ, Димитрій Поліоркетъ явился у береговъ Кипра, взялъ нѣсколько крѣпостей и двинулся къ главному городу острова, Саламису.

Въ рѣшительной битвѣ подъ городомъ, Димитрій на голову разбилъ войско и флотъ, бывшіе подъ начальствомъ Менелая, брата Птоломеева, и потомъ осадилъ его въ Саламисѣ, куда побѣжденный едва успѣлъ скрыться съ остаткомъ своихъ силъ. При осадѣ Димитрій развернулъ всѣ свои механическія пособія. Самыя разнообразныя машины, самые хитрые снаряды, или усовершенствованные Димитріемъ, или придуманные имъ самимъ, были употреблены при этомъ случаѣ. Въ особенности много бѣды наносилъ городу такъ называемый *гелеполисъ (тѣснитель города)*, изобрѣтеніе, давшее Димитрію названіе *Поліоркета*, т. е. *градорушителя*. Этотъ гелеполисъ былъ не что иное, какъ огромная, девятиярусная осадная башня, футовъ въ 75 въ длину и ширину, футовъ въ 150 въ вышину. на прочныхъ колесахъ. Съ обѣихъ сторонъ, внизу, подъ крѣпкими навѣсами работали два огромные тарана, такъ что, когда придвигали башню къ крѣпостнымъ стѣнамъ, то въ одно время, съ верхнихъ ярусовъ, громили осажденныхъ и перебрасывали съ башни въ крѣпость мостъ, а внизу долбили въ стѣнѣ проломъ.

Птоломей-Лагъ.

Птоломей, которому Кипръ былъ необходимъ по своему строевому корабельному лѣсу, самъ поспѣшилъ на помощь къ острову. Димитрій пылалъ желаніемъ отплатить Птоломею за Газу и отплатилъ. Хотя у Димитрія было только 108 кораблей, у Птоломея же 140, и сверхъ того 200 транспортовъ съ военными снарядами и съѣстными припасами, но зато на половину *гептеръ* (т. е. семиярусныхъ) находилось во флотѣ Поліоркета. Сраженіе было упорное и кончилось совершеннымъ пораженіемъ Птоломея. Сорокъ его кораблей захвачены въ плѣнъ, 80 потоплены, съ остальными Птоломей бѣжалъ къ городу Китіону, а оттуда въ Египетъ.

Флотъ, бывшій въ гавани Саламиса, и самый Саламисъ, и весь островъ сдались побѣдителю, послѣ этого замѣчательнаго сраженія. Милетецъ Аристодемъ, привезшій Антигону извѣстіе о блистательной побѣдѣ Димитрія, привѣтствовалъ стратега словами: «радуйся, царь Антигонъ! Птоломей побѣжденъ!» И войско, и народъ возглашали вмѣстѣ съ посланнымъ: «радуйся, царь Антигонъ! Да здравствуетъ царь!» Антигонъ принялъ корону, предложенную ему знатнѣйшими представителями народа, и, возлагая ее на себя, дѣйствительно радовался, что сильнѣйшій изъ его противниковъ низложенъ, что вскорѣ исполнятся его завѣтныя желанія сдѣлаться царемъ не только передней Азіи, но и всѣхъ бывшихъ владѣній Александра. Въ благодарственномъ письмѣ къ сыну, Антигонъ и его называлъ царемъ Димитріемъ. По примѣру Антигона, и Птоломей, и Лизимахъ, и Селевкъ стали называться царями тѣхъ странъ, которыми, до сихъ поръ, управляли въ званіи намѣстниковъ.

Послѣ завоеванія Кипра, Антигонъ вздумалъ совершенно задавить Птоломея. Пока дѣлались обширныя приготовленія къ походу въ Египетъ, Димитрій беззаботно предавался наслажденіямъ на прекрасномъ островѣ, въ кругу друзей и товарищей. Блиставшая красотою и умомъ, плѣнная египтянка Ламія на этотъ разъ совершенно завладѣла его сердцемъ. Но, вѣрный своей сыновней любви, по первому призыву Антигона, онъ явился къ войску и, во главѣ побѣдоноснаго флота, получилъ назначеніе съ моря содѣйствовать отцовскому войску въ Египтѣ. Войско это состояло ни болѣе, ни менѣе какъ изъ 80 тысячъ пѣхоты, 8 тысячъ конницы и 80 слоновъ; но Птоломей умѣлъ искусно пользоваться выгоднымъ естественнымъ положеніемъ своей страны, и Антигонъ долженъ былъ отказаться отъ всякой надежды на успѣхъ съ сухаго пути.

Въ это время процвѣтало на Средиземномъ морѣ небольшое государство греческаго происхожденія, именно островъ Родосъ. Въ немъ пріютились греческій духъ, гре-

ческія учрежденія и свобода въ то время, какъ въ метрополіи, на мѣстѣ древней доблести, явились себялюбіе и беззаконіе. Не заботясь о ссорѣ своихъ могущественныхъ сосѣдей, родосцы дѣятельно вели торговлю на Средиземномъ морѣ, и даже черезъ Египетъ и Аравію—съ отдаленною Индіей.

Антигонъ, не успѣвши одолѣть Птоломея на сухомъ пути, задумалъ вытѣснить его съ моря, уничтожить египетскую торговлю и запереть египетскимъ кораблямъ всѣ гавани. Для того ему необходимо было содѣйствіе Родоса, но такъ какъ послѣдній рѣшительно отказался прерывать сношенія съ Египтомъ, то Антигонъ положилъ однимъ ударомъ покончить съ самонадѣянною республикой. Димитрій явился въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ отъ материка, съ флотомъ въ 200 кораблей, со множествомъ лодокъ и судовъ всякаго рода, и высадилъ 40 тысячъ отборнаго войска. Столица республики обложена была со всѣхъ сторонъ. Граждане могли выставить лишь 7 тысячъ свободныхъ воиновъ и нѣсколько тысячъ рабовъ, тогда какъ на сторонѣ Поліоркета были и числительность войска, и всевозможныя придуманныя имъ осадныя орудія; но—странное дѣло! всѣ усилія знаменитаго градорушителя сами рушились о крѣпкія стѣны свободнаго города. Какъ въ началѣ осады малая республика желала какъ-нибудь примириться съ могущественнымъ врагомъ, такъ теперь Димитрій охотно снялъ бы осаду, если бъ могъ это сдѣлать подъ благовиднымъ, почетнымъ предлогомъ. Вскорѣ обстоятельства доставили такой предлогъ, къ счастію и осаждавшихъ и осажденныхъ. Этолійцы прислали просить у Димитрія помощи противъ Кассандра. Тутъ же Аѳины и другія греческія государства явились ходатаями за родосцевъ, да и сами родосцы дѣлали все, что могли, чтобъ прикрыть стыдъ Димитрія, настроившаго понапрасну столько хитрыхъ машинъ, потерявшаго столько денегъ и людей. Заключенъ былъ миръ. Родосъ признанъ государствомъ независимымъ и нейтраль-

нымъ, но выдалъ сто гражданъ въ залогъ того, что не предприметъ ничего противъ Антигона и Димитрія. Въ память геройской своей обороны, родосцы поручили Харесу воздвигнуть знаменитую статую, причисляемую къ семи чудесамъ свѣта (колоссъ родосскій).

Теперь Димитрій снова очутился на родной стихіи. За нимъ, и передъ нимъ, разстилалось безграничное, свободное море, вокругъ—300 побѣдоносныхъ триремъ и гептеръ, а впереди—далекая, любезная цѣль—Аѳины. Онъ летѣлъ къ нимъ полный надеждъ на успѣхъ, и не напрасно. Онъ нашелъ дѣла Греціи въ плохомъ состояніи. Кассандръ завладѣлѣ Эвбеей, Віотіей и уже подступалъ къ Аѳинамъ. Димитрій, высадившись въ тылу македонянъ, быстро занялъ одинъ городъ за другимъ, отрѣзалъ 6-тысячный отрядъ Кассандровъ и уже готовился поразить главныя силы. Кассандръ успѣлъ спастись бѣгствомъ съ главными силами, въ Ѳессалію. Аѳиняне приняли своего избавителя еще съ большимъ торжествомъ, чѣмъ прежде, провозгласили его младшимъ братомъ своей покровительственной богини и отвели ему жилище въ грамѣ дѣвственной Аѳины-Паллады. И въ продолженіе зимы, которую Димитрій провелъ въ Аѳинахъ, Парѳенонъ не переставалъ оглашаться буйными кликами оргій младшаго брата богини. Аѳиняне до того изощрялись въ лести и униженіи предъ Димитріемъ, что наконецъ утратили въ глазахъ его всякое достоинство. Когда однажды послѣ шествія, совершеннаго въ честь его, послѣ кажденій и жертвоприношеній, ему, какъ живому богу, подателю всякихъ благъ, граждане поднесли въ даръ 250 талантовъ. живой богъ тутъ же отдалъ ихъ своей пріятельницѣ Ламіи, сказавши: «Вотъ тебѣ на румяны.»

Весною 302 года Димитрій двинулся съ 50-тысячнымъ войскомъ въ Ѳессалію. Силы Кассандра далеко не могли равняться съ силами Димитрія. Кассандръ отправилъ пословъ къ Антигону—просить мира. Антигонъ объявилъ чрезъ пословъ, что онъ единственный наслѣдникъ Александра, и

требовалъ отъ Кассандра безусловной покорности. Тутъ прочіе цари увидѣли, что это объявленіе относится и къ нимъ, и потому поспѣшили принять свои мѣры. Кассандръ, Птоломей, Селевкъ и Лизимахъ заключили союзъ противъ Антигона. По зову отца, Димитрій, какъ обыкновенно, покинулъ всѣ свои дѣла и удовольствія и устремился въ Азію. Птоломей былъ въ это время уже въ Сиріи, Кассандръ

Осада Родоса. (Осадныя орудія того времени.)

проникъ до Сардъ, Лизимахъ со всѣми своими силами стоялъ во Фригіи; но главная гроза надвигалась съ востока. То былъ Селевкъ, обладатель странъ отъ Ефрата до Аральскаго моря, отъ Окса и Яксарта до Персидскаго залива и Инда, Селевкъ мужественный, справедливый, любимецъ народовъ. Съ 30 тысячами испытанныхъ воиновъ и 400 слоновъ онъ шелъ на западъ, чтобы дать перевѣсъ союзникамъ своимъ въ предстоящей борьбѣ.

При Ипсѣ, во Фригіи, сошлись съ одной стороны Антигонъ и Димитрій, съ другой Лизимахъ и Селевкъ. Это былъ Антигонъ не прежній, непобѣдимый, но старецъ 81-лѣтній, полагавшій всю надежду на сына. Сраженіе при Ипсѣ, въ 301 году, рѣшило судьбу азіятскихъ государствъ. Оно для Антигона было совершенно проиграно; самъ Антигонъ палъ въ битвѣ, сынъ же его бросился на корабли и уплылъ въ Европу. Побѣдители раздѣлили между собою Азію, оставивъ нѣсколько владѣній подъ управленіемъ туземныхъ царей (Арменію, Каппадокію, Понтъ), для избѣжанія столкновеній и раздоровъ. Птоломей долженъ былъ довольствоваться своими пріобрѣтеніями въ Финикіи, а Кассандръ — надеждою на завоеваніе Греціи. Въ такомъ распоряженіи, конечно, скрывался поводъ къ новымъ войнамъ между союзниками. Этого тѣмъ болѣе можно было ожидать, что боязнь Антигона, сдерживавшая до сихъ поръ стремленія остальныхъ діадоховъ, со смертью его разсѣялась, и каждый изъ нихъ, видя въ остальныхъ полководцахъ своихъ соперниковъ, могъ открыто стремиться къ тому, чтобы, такъ или иначе, удалить ихъ съ своего пути къ единовластію. Самъ Птоломей, при всей своей осторожности и желаніи утвердиться въ Египтѣ, тоже былъ не прочь протянуть руку къ Азіи и къ Европѣ, видя, какъ случайныя обстоятельства раздаютъ и отнимаютъ царства и короны. Но еще живъ былъ человѣкъ, наиболѣе способный воспользоваться запутанными обстоятельствами, и этотъ человѣкъ былъ Димитрій-Поліоркетъ.

Бѣгство Димитрія.

Египетскіе стрѣлки.

Послѣ сраженія при Ипсѣ, Димитрій, съ остатками своего нѣкогда побѣдоноснаго флота, поплылъ въ Эфесъ, гдѣ у него оставлена была эскадра, чтобы оттуда уже, со всѣми силами, отправиться въ Аѳины. Въ это время изъ Аѳинъ пришла непріятная для него вѣсть: народъ опредѣлилъ соблюдать между воюющими сторонами строгій нейтралитетъ, и потому просилъ Димитрія не вступать въ Аѳины: тѣ Аѳины, которыя недавно боготворили его, какъ спасителя, теперь отказывали ему въ защитѣ и даже въ пріютѣ. Это глубоко потрясло Поліоркета, но онъ не долго оставался въ недоумѣніи. Теперь, пока, отечествомъ ему служилъ его флотъ, царствомъ—открытое море, широкое и безграничное, какъ его геній и надежды.

Прежде всего отправился Димитрій на Кипръ и, отдохнувъ у супруги своей, Псилы, которая, не смотря на разсѣянность и невниманіе къ ней мужа, по-прежнему, любила его, онъ двинулся къ берегамъ Греціи и Македоніи. Къ серьезнымъ предпріятіямъ онъ не былъ готовъ, но, пользуясь отсутствіемъ Лизимаха съ войскомъ въ Азію, онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ нѣсколько прибрежныхъ опорныхъ пунктовъ. Имя и золото Димитрія привлекали къ нему не

мало охотниковъ до приключеній. Тутъ случились еще обстоятельства, благопріятныя для Димитрія. Селевкъ, для своихъ дальнѣйшихъ намѣреній, заискивалъ дружбы отважнаго царя морскаго и для этого просилъ и получилъ въ супружество дочь героя, Стратонику, жившую при матери своей, Псилѣ. И Птоломей, желая обезпечить себѣ сочувствіе Димитрія, заключилъ съ нимъ миръ. Для упроченія мира, Птоломей выдалъ за Поліоркета одну изъ своихъ дочерей, а послѣдній послалъ ко двору въ Александрію Пирра, претендента на эпирскій престолъ. До сихъ поръ Пирръ повсюду сопровождалъ Димитрія, дрался возлѣ него при Ипсѣ и раздѣлялъ съ нимъ опасности послѣднихъ морскихъ странствованій.

Смерть Кассандра, въ 298 г., открыла Димитрію путь въ Грецію. Старшій сынъ и преемникъ Кассандровъ, Филиппъ, умеръ черезъ годъ послѣ отца. Двое младшихъ его сыновей, Антипатръ и Александръ, спорили о наслѣдствѣ Антипатръ взывалъ о помощи къ Лизимаху Ѳракійскому, Александръ же обратился къ Димитрію-Поліоркету. Послѣдній явился въ 296 году подъ стѣнами Аѳинъ; послѣ упорной обороны, взялъ городъ, поставилъ въ немъ гарнизонъ и сдѣлалъ Аѳины средоточіемъ новаго царства, которое готовился основать. Потомъ по умерщвленіи Александра и изгнаніи Антипатра, Димитрій, воспользовавшись тѣмъ, что Лизимахъ попался въ плѣнъ къ дикимъ гетамъ, овладѣлъ всею Македоніею. Такимъ образомъ, Димитрій вдругъ возвысился до трона Александра Великаго, и лишь только вступилъ на него, какъ почувствовалъ стремленіе соединить подъ своею державою всю его монархію. Онъ, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ, если-бъ не явился освобожденный изъ плѣна Лизимахъ, и не возникли безпокойства въ Греціи. Кромѣ того, прежній соратникъ Димитріевъ, Пирръ Эпирскій, считая минуту благопріятною для себя, прибылъ въ свою наслѣдственную землю и собралъ значительное войско. Дружины Димитрія охладѣли къ нему, потому что пышность двора и многочисленность шутовъ и скомороховъ, окружавшихъ его, отдаляли его отъ войска.

Димитрій затѣялъ построить новый флотъ, съ кораблями въ семь, одинадцать и даже пятнадцать ярусовъ, собрать многочисленное войско и привести въ исполненіе планы отца своего—завоевать Азію и Африку. Уже 500 судовъ и 100 тысячъ войска были готовы, когда составился у прочихъ царей тѣсный союзъ противъ Димитрія. Опасность отовсюду надвинулась на него: Птоломей и Селевкъ изъ Египта и Азіи, Лизимахъ съ сѣвера и Пирръ съ запада. Димитрій поздно узналъ о неудовольствіи на него войска и страны. Онъ надѣялся еще на своихъ македонянъ, но и они, въ битвѣ съ Пирромъ, перешли на сторону послѣдняго. Преслѣдуемый угрозами, Димитрій бѣжалъ въ Элладу, гдѣ Аѳины уже отпали отъ него. Но владычество надъ міромъ—мечта его юности, цѣль всей жизни Димитрія—и теперь еще манило его своимъ обманчивымъ, призрачнымъ величіемъ. Оставивъ въ Пелопоннесѣ сына своего, Антигона Гоната, и собравъ кое-какое войско, Поліоркетъ, съ значительнымъ флотомъ, устремился въ Малую Азію (287 г.). Здѣсь онъ нашелъ еще много приверженцевъ своей славы и съ ними отважно предпринялъ походъ внутрь страны. Онъ надѣялся взять Сарды и потомъ черезъ Арменію, проложить себѣ путь въ верхнюю Азію. Агаѳоклъ, сынъ Лизимаха, заградилъ ему дорогу. Димитрій бросился къ югу, въ пустыни и ущелія Таврскихъ горъ и оттуда просилъ у Селевка мира и позволенія пройти черезъ его владѣнія, на сѣверовостокъ, къ варварамъ, гдѣ онъ надѣялся основать себѣ царство. Селевкъ прислалъ отвѣтъ благосклонный и, вслѣдъ за отвѣтомъ, двинулся самъ, съ многочисленнымъ войскомъ и слонами. Теперь, потерявъ надежду на счастіе, Димитрій кинулся, очертя голову, изъ горныхъ ущелій, разрушая, убивая и уничтожая все, что ни попадалось ему на пути. Народъ въ трепетѣ бѣжалъ передъ дикими, разбойничьими набѣгами шайки Димитріевой; ужасъ предшествовалъ его появленію. Столкнувшись возлѣ Исса съ войскомъ Селевка, Димитрій одержалъ побѣду надъ передовымъ отрядомъ его;

но когда самъ Селевкъ, снявши шлемъ, обратился къ воинамъ Димитрія и обѣщалъ имъ службу и золото, если они покинутъ своего дикаго предводителя, почти всѣ они перешли къ нему. Димитрій бѣжалъ въ лѣса и горы, но не долго могъ держаться противъ Селевка, тѣснившаго его отвсюду. Видя, что нѣтъ спасенія, Димитрій сдался на великодушіе врага.

Изъ горъ Ливанскихъ течетъ къ сѣверозападу рѣчка Оронта. Въ десяти миляхъ отъ устья ея процвѣла впослѣдствіи великая и знаменитая Антіохія (нынѣ Антакія). Повыше ея среди плодоносныхъ полей, луговъ и рощъ, Селевкъ основалъ городъ Апамею, выстроилъ дворецъ, укрѣпилъ городъ надежными стѣнами и оставилъ сильный гарнизонъ. Въ этомъ-то городѣ помѣстилъ Селевкъ своего плѣнника, окружилъ его всѣмъ вниманіемъ, удобствами, всѣми пріятностями жизни, исключая только свободы. Но это единственное благо было важнѣе всѣхъ прочихъ. Димитрій истомился въ своемъ легкомъ заточеніи еще скорѣе, чѣмъ это случилось съ другимъ знаменитымъ невольнымъ отшельникомъ новыхъ временъ, на островѣ Св. Елены. На третій годъ своего заточенія Поліоркетъ умеръ (284 г.), на 54 году жизни.

Около этого времени умеръ и 84-хъ-лѣтній Птоломей-Лагъ, назначивъ своимъ преемникомъ не старшаго своего сына, Птоломея, прозваннаго за суровый нравъ *Керавномъ (молніеноснымъ)*, а младшаго—Птоломея-*Филадельфа* (т. е. *братолюбца)*.

Теперь оставалось лишь двое полководцевъ, изъ школы великаго Александра, Лизимахъ и Селевкъ, но и они не умѣли подѣлиться владѣніями Александра. Семьдесятъ лѣтъ жизни еще не научили ихъ искать спокойствія. Еще разъ видимъ битвы между соперниками-претендентами на всю македонскую монархію; еще разъ летятъ копья изъ престарѣлой руки, и развѣваются впереди воинства сѣдые волосы изъ-подъ шлема предводителей. Битва при Корупедіонѣ, во

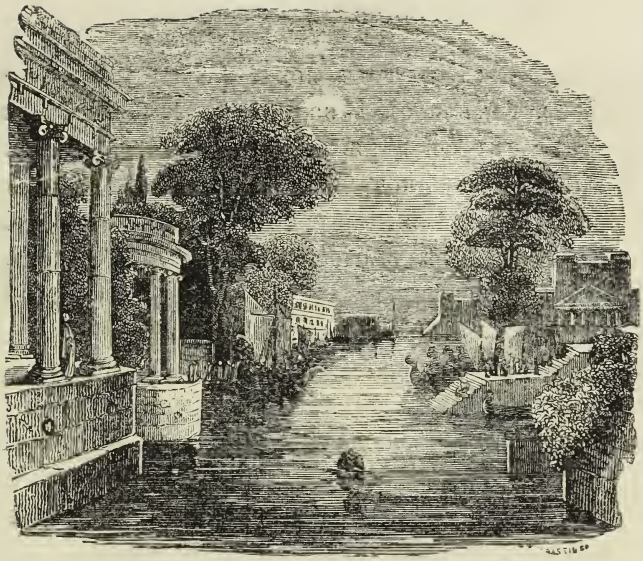
Фригіи, рѣшила вопросъ между соперниками. Лизимахъ разбитъ былъ на голову и самъ палъ въ битвѣ (282 г.).

Казалось, Селевкъ достигъ исполненія своихъ желаній. Онъ предоставилъ сыну своему Антіоху правленіе народами отъ Геллеспонта до Инда, а самъ, съ многочисленнымъ вой-

Селевкъ склоняетъ воиновъ Поліоркета къ отпаденію.

скомъ двинулся въ Европу, въ надеждѣ отдохнуть, наконецъ въ своемъ отечествѣ. На пути въ Лизимахію, главный городъ Ѳракійскаго царства, онъ былъ убитъ Птоломеемъ-Керавномъ, бывшимъ въ свитѣ его съ тѣхъ поръ, какъ Птоломей-Филадельфъ сдѣлался царемъ египетскимъ. Убійство

это, совершенное подъ личиною дружбы и признательности, вѣроятно, было не безъ подготовки, ибо коварный Керавнъ тотчасъ получилъ начальство надъ войскомъ Селевка и съ нимъ овладѣлъ Ѳракіей и Македоніей. Но убійца не успѣлъ утвердиться на македонскомъ престолѣ. Сначала его безпокоили нападенія Пирра и Антигона-Гоната, а потомъ новые, неожиданные враги. Орды галловъ и другихъ дикарей, кельтійскаго происхожденія, вторглись съ сѣвера во Ѳракію и Македонію. Керавнъ встрѣтилъ ихъ и погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ (279 г.). Вслѣдствіе этого, въ Македоніи произошла совершенная анархія. Въ слѣдующемъ году галлы, подъ предводительствомъ Бренна, устремились въ Грецію, но благородный Сосѳенъ нанесъ имъ нѣсколько пораженій въ Македоніи, а въ Ѳермопилахъ греки, собравшись подъ предводительствомъ аѳинянина Каллипа, задержали ихъ. Черезъ Эту галлы, измѣною, пробрались въ Грецію и устремились прямо къ Дельфамъ, гдѣ чаяли большой добычи, въ храмѣ Аполлона. Тутъ сами боги, казалось, явились союзниками грековъ. Неожиданное землетрясеніе такъ устрашило варваровъ, что они безпорядочными толпами бросились къ сѣверу и большею частью были перебиты въ этомъ бѣгствѣ. 20,000 галловъ, оставшихся во Ѳракіи для разоренія этой страны, узнавъ о несчастіи своихъ единоплеменниковъ, удалились въ Азію, и тамъ стали служить на жалованьѣ, у сосѣднихъ царей или же собственными силами промышлять на счетъ безопасности сосѣднихъ народовъ.



4. Города и государства.

Послѣ паденія всѣхъ полководцевъ школы Александра, распалась и монархія его въ Европѣ и въ Азіи. Македонія, вслѣдствіе послѣднихъ войнъ, была теперь въ самомъ печальномъ положеніи: лучшее дворянство пало въ битвахъ; поля разорены, народъ утратилъ свободу и прежній воинственный духъ. Кто являлся въ Македоніи съ наемными толпами, тотъ и завладѣвалъ престоломъ македонскимъ: наконецъ, въ 226 году, Антигонъ-Гонатъ одержалъ верхъ надъ Пирромъ и другими хищниками, утвердивъ на престолѣ родъ своего отца.

Могущественное царство Селевка распалось при Антіохѣ и преемникахъ его. На счетъ его возвысились и процвѣли нѣкоторыя мелкія государства туземнаго азіятскаго происхожденія; напримѣръ: царство Понтійское у Чернаго моря, достигшее большаго значенія при царѣ Митридатѣ (или Митрадатѣ); царство Виѳинское, лежавшее по Пропонтидѣ (Мраморному морю), до самаго Геллеспонта, и достигшее наибольшаго блеска при царѣ Никомедѣ, основавшемъ городъ этого же имени. Небольшая область Пергамская пріобрѣла

нѣкоторую важность съ тѣхъ поръ, какъ правитель ея, Атталъ, послѣ многихъ побѣдъ надъ галлами и сирійскими царями, принялъ титулъ царя. На отдаленномъ Востокѣ, гдѣ теперь татарскія орды кочуютъ по степямъ или сидятъ незначительными городами, Бактрія отдѣлилась отъ сирійскаго царства и при Ѳеодотѣ, образовала царство самостоятельное. Послѣ многихъ перемѣнныхъ успѣховъ оружія, парѳяне завладѣли всѣми землями до самаго Тигра. По берегамъ Средиземнаго моря по-прежнему процвѣтали древніе греческіе города, Смирна, Эфесъ, Милетъ и другіе, то подъ сирійскимъ или египетскимъ владычествомъ, то независимо. О значеніи Родоса мы уже говорили. Византія и, на Черномъ морѣ, Гераклея и Синопъ цвѣли не только торговлею, но имѣли и довольно значительные военные флоты.

Не мало значительныхъ городовъ построили сирійскіе цари: Селевкію, на Тигрѣ, куда переселилась большая часть жителей Вавилона; Апамею, на Оронтѣ, далѣе—Антіохію, и наконецъ, другую Селевкію, недалеко отъ устья Оронта.

Вся мѣстность на Оронтѣ славилась необычайнымъ плодородіемъ и пріятнымъ климатомъ, особенно же душистые сады и рощи, въ окрестностяхъ Антіохіи и Дафны, восхищали посѣтителей этихъ странъ. Тутъ казалось, боги чувственныхъ наслажденій помѣстили свои алтари. Цари и сильные земли пили здѣсь полную чашу радостей житейскихъ и охотно мѣняли заботы правленія и дѣлъ на сладкіе пиры и упоенія.

Въ Египтѣ Птоломей-Филадельфъ и сынъ его, Птоломей-Эвергетъ, болѣе заботились о славѣ государства и о благосостояніи народа. Благодаря сильнымъ флотамъ, цари египетскіе расширили владѣнія своего царства въ Азіи—въ прибрежныхъ мѣстахъ, по Средиземью, въ Африкѣ—до Киренаики, къ югу до Эѳіопіи. Разработаны были золотые рудники, находившіеся повыше нильскихъ водопадовъ, изъ глубины Африки шли караваны, съ золотымъ пескомъ; купеческій флотъ Чермнымъ моремъ доставлялъ драгоцѣнныя произведенія Индіи, а тысячи кораблей торговали по Среди-

земью. Отвсюду потокомъ лились сокровища въ Александрію, сдѣлавшуюся теперь столицею египетскихъ царей.

Къ этому обозрѣнію городовъ, возникшихъ на развалинахъ Александровой монархіи, должно прибавить, что повсюду въ нихъ, не смотря на различіе языковъ и нравовъ жителей, преобладало вліяніе эллинскихъ учрежденій, эллинскаго образованія. До предѣловъ Инда, въ степяхъ внутренней Азіи, въ самой Галатіи, образовавшейся въ томъ мѣстѣ Малой-Азіи, гдѣ засѣли прибывшіе изъ Европы галлы, чувствовалось эллинское вліяніе, эллинскія искусства и науки, ученыя и художественныя школы, гимназіи, храмы и оживленная общительность, сближавшая народы.

Духъ эллинскій, проникшій въ міръ варваровъ, былъ однако же не тотъ, который наполнялъ сердца героевъ Саламина и Платеи. Чувство религіозное, то возвышенное вѣрованіе въ боговъ, олицетворявшихъ собою для древняго грека идеалъ вѣчно-прекраснаго и совершеннаго, на Востокѣ превратилось или въ неутѣшительное безвѣріе, или въ презрѣнные предразсудки. Той прекрасной, свободной Эллады, которой граждане при случаѣ съ радостью несли на жертву за отечество имущество и жизнь, теперь уже не существовало. Поэзія и искусства повсюду стали униженно служить господствовавшей страсти къ наслажденіямъ, обратились въ орудія для подстреканія чувственности и для прикрытія благовиднымъ покровомъ постыдныхъ наслажденій. Краснорѣчіе и философія раболѣпными льстецами пресмыкались у царей и ихъ любимцевъ; исторія и географія сдѣлались сухимъ, безжизненнымъ изложеніемъ фактовъ или—напыщенною повѣстью разныхъ приключеній и историческихъ сказокъ.

Упадокъ греческаго образованія видимъ не только въ чуждыхъ странахъ, куда силою обстоятельствъ и историческихъ событій проникъ эллинскій духъ, но и въ самой Греціи. Въ Спартѣ, лишь для вида, держалось законодательство Ликурга, но это законодательство только путало всякое жизненное движеніе, и нисколько не исцѣляло нравственныхъ наро-

стовъ, обезображивавшихъ больное государственное тѣло. Земли и правленіе государствомъ находились въ рукахъ немногихъ уцѣлѣвшихъ фамилій свободныхъ гражданъ. Только эти граждане, для успокоенія совѣсти, и являлись къ общественнымъ обѣдамъ, упражненіямъ и праздникамъ; но за суровую спартанскую похлебку вознаграждали себя послѣ того изысканными блюдами, роскошными банями и всевозможными чувственными наслажденіями, безъ всякой стыдливости и воздержности. Остальное населеніе обѣднѣло, измельчало и потеряло всякое общественное значеніе. Сколько у гелотовъ, столько и у этого населенія осталось привязанности къ отечеству, отнявшему у него гражданскія права и честь. Не удивительно, что спартанцы толпами сходились на Тенарскій мысъ, мѣсто пріема солдатъ въ чужеземную службу, и равнодушно покидали родину, отправляясь наемниками искать счастія въ чужой странѣ. Иногда и цари спартанскіе пускались въ подобныя дѣла: имъ любезнѣе казалось рыскать по свѣту вольными добычниками, во главѣ наемной дружины, чѣмъ сложа руки сидѣть дома и, подъ деспотизмомъ жалкихъ эфоровъ, довольствоваться пустымъ титуломъ, утратившимъ свое прежнее значеніе.

Въ Аѳинахъ держался еще, по имени, демократическій образъ правленія; но это была одна карикатура той демократіи, подъ вліяніемъ которой государство достигло въ прежнее время высшей силы и славы. Праздность и наслажденія—вотъ къ чему теперь стремились граждане аѳинскіе, и знатные, и простые.

Впрочемъ, помимо всѣхъ сожалѣнія достойныхъ слабостей выродившагося поколѣнія, вѣялъ еще аттическій духъ, тотъ духъ, которымъ въ лучшія времена проникнутъ былъ гражданскій бытъ въ Аѳинахъ, который возбуждалъ гражданъ на всякаго рода подвиги и воодушевлялъ ихъ къ безсмертнымъ созданіямъ искусства. Въ гимназіяхъ и подъ портиками храмовъ встрѣчались не одни учители софистики, но и ревностные служители науки. Краснорѣчіе и поэзія, утра-

тили, правда, свое возвышенное содержаніе, сдѣлались болѣе средствомъ къ пріятному препровожденію времени, но все-таки чистота выраженія, обработанность діалоговъ, блиставшихъ остроуміемъ, рѣзко отличали и на этомъ поприщѣ аттическое образованіе отъ неуклюжей или напыщенной витіеватости варваровъ. Тонъ, обходительность и живость ума были болѣе или менѣе свойственны всему аѳинскому народу. Какъ прежде Аѳины были средоточіемъ греческаго міра, благодаря своимъ государственнымъ людямъ, полководцамъ, художникамъ и философамъ, такъ теперь они блистали ловкими софистами, даровитыми актерами и остроумными гетерами. Цари и вельможи добивались поэтому отличія и лести у аѳинскаго народа; но что Аѳины, при такихъ обстоятельствахъ, потеряли политическое значеніе—также понятно. Зато пріобрѣли теперь немалое значеніе этолійцы и ахайцы (или ахеяне). Этолійцы съ незапамятныхъ временъ извѣстны были народомъ полудикимъ, разбойничьимъ. Городовъ значительныхъ у нихъ не было: народъ жилъ деревнями и селами, а въ случаѣ непріятельскаго нападенія, скрывался въ лѣса и благодаря мѣстности, велъ долгую, утомительную для непріятеля, партизанскую войну. Благодаря этому же обстоятельству, этолійцы могли безнаказанно совершать набѣги на сосѣднія страны. До македонскаго владычества, связи, скрѣплявшія этолянъ, были очень слабы и держались преимущественно личными выгодами. Когда цари македонскіе стали грозить суровымъ горцамъ въ ихъ лѣсахъ и ущельяхъ, они скрѣпили свой союзъ надежными учрежденіями, составили прочное государственное единство, ввели въ предпріятія свои планъ и порядокъ и, подчиняясь умѣренной демократіи достигли вскорѣ значительнаго военнаго вліянія за предѣлами своей небольшой республики. Не только сосѣди, но и отдаленныя племена греческія искали дружбы этолійцевъ или допущенія ихъ въ союзъ. Городъ Термонъ или Терма, построенный на крутой горѣ, съ храмомъ Аполлона, былъ главнымъ городомъ союза.

Союзъ ахайскихъ городовъ имѣлъ другую цѣль. Онъ составился для того, чтобы взаимною опорою обезпечить себѣ свободу и независимость. Ахаія, съ своими двѣнадцатью городами, занимала сѣверную частъ Пелопоннеса, по Коринѳскому морю. И эта область Греціи въ числѣ прочихъ переходила изъ рукъ въ руки у діадоховъ Александра. То занимали ее войска Димитрія-Поліоркета, то попадала она подъ власть Кассандру или туземнымъ тиранамъ (276). Наконецъ большая часть городовъ, освободившись отъ тираніи, составила крѣпкій союзъ. Вначалѣ избирали, на общемъ собраніи весною и осенью — двухъ правителей союза для внѣшнихъ дѣлъ государства, и одного для внутреннихъ дѣлъ; потомъ правленіе дѣлами союза вручено было одному верховному стратегу, съ однимъ помощникомъ. Въ обыкновенныя народныя собранія каждый гражданинъ одного изъ союзныхъ городовъ имѣлъ доступъ и право голоса при рѣшеніи дѣлъ. Впрочемъ, дѣла, конечно, рѣшались такими гражданами, которымъ состояніе позволяло посвящать труды свои и время занятіямъ государственными дѣлами; земледѣльцамъ и ремесленникамъ нельзя было покидать своихъ ежедневныхъ занятій, чтобъ пускаться въ политику. Въ помощь стратегу существовалъ еще особый совѣтъ (можетъ быть, избирательная герузія), съ мнѣніемъ котораго онъ долженъ былъ совѣтоваться въ случаяхъ чрезвычайной важности. Этимъ *совѣтомъ* какъ бы накладывалась узда на произволъ стратега республики, обезпечивалась свобода и благоразумная демократія. Сначала города ахайскіе, по своей бѣдности, не возбуждали въ сосѣдяхъ ни зависти, ни особеннаго уваженія; когда же присталъ къ союзу Аратъ Сикіонскій—дѣла перемѣнились.

Сикіонъ издавна славился въ Греціи своею художественною школою. Много лѣтъ городъ терпѣлъ отъ угнетенія тираніи. Аратъ, еще въ дѣтствѣ, спасся отъ нея въ Аргосъ.

Въ сердцѣ его созрѣла ненависть къ угнетенію и деспотическому произволу. Со многими изъ отважнѣйшихъ своихъ

соотечественниковъ, подобно ему прожившихъ нѣсколько лѣтъ на чужбинѣ, Аратъ ночью перебрался черезъ стѣны Сикіона, овладѣлъ роднымъ городомъ и выгналъ тирановъ (252 г.). Присоединившись къ ахайскому союзу, Аратъ, по своему высокому происхожденію и богатству, достигъ въ Греціи большаго значенія. На 26-мъ году, избранный стратегомъ

Ахайскій ландшафтъ.

союза, Аратъ распространилъ вліяніе его на Коринѳъ, Мегару и большую часть Пелопоннеса; къ нему присоединись и Аѳины. Напрасно этолійцы соединились съ Македоніей, чтобы противодѣйствовать ахайскому союзу: Аратъ умѣлъ, съ большимъ благоразуміемъ, сдѣлать тщетными всѣ нападенія. За

то задержало его одно государство, которое до сихъ поръ оставалось въ большомъ презрѣніи.

Почти забытая Спарта вдругъ проснулась изъ ничтожества и еще разъ выступила на политическое поприще, въ блистательной роли. Царь спартанскій Агисъ, простивъ гражданамъ многія отяготительныя недоимки и равномѣрнѣе раздѣливъ между ними государственныя земли, создалъ новое гражданство и умѣлъ возвратить Ликурговымъ законамъ ихъ прежнее значеніе. Но напрасно великодушный царь пожертвовалъ на благо народа собственнымъ имуществомъ, напрасно группировалось вокругъ него молодое поколѣніе, сочувствовавшее его видамъ и намѣреніямъ; онъ не могъ одолѣть старой партіи и самъ сдѣлался жертвою ея ненависти. Царь Клеоменъ, послѣ него, устремился къ той же цѣли, но избралъ, для достиженія ея, другія насильственныя мѣры. Сначала велъ онъ войну противъ ахайцевъ, которые силились соединить въ свой союзъ всю Аркадію, и пріобрѣлъ въ нѣсколькихъ стычкахъ рѣшительныя выгоды. Аратъ, не взирая на числительное свое превосходство, долженъ былъ всюду отступать, обнаруживая мало воинственной способности, такъ что даже въ Ахаіи былъ осмѣянъ.

Покрывъ себя, такимъ образомъ, славою и пріобрѣтя довѣріе своего войска, Клеоменъ устремился на Спарту, врасплохъ напалъ на эфоровъ, низвергнулъ ихъ и объявилъ самое званіе ихъ уничтоженнымъ навѣки. Пользуясь обстоятельствами, озадачившими старую партію, Клеоменъ принялся за древніе, обветавшіе роды. Болѣе 80 представителей этихъ древнѣйшихъ спартанскихъ фамилій должны были искать спасенія въ бѣгствѣ; остальные подчинялись всѣмъ распоряженіямъ отважнаго царя. Спарта, казалось, помолодѣла: во главѣ 4.000 свѣжихъ гражданъ стоялъ юный, энергическій предводитель съ неограниченною властью, какъ въ войскѣ, такъ и въ герузіи и народномъ собраніи. Въ слѣдующемъ году (225) онъ вторгнулся въ самую Ахаію и, въ битвѣ при Димѣ, совершенно разбилъ союзныя силы. Здѣсь Клеоменъ

предложилъ его въ стратеги, поставляя на видъ союзу, что такимъ образомъ весь Пелопоннесъ составитъ могущественное, самостоятельное государство. Ахайцы не хотѣли этого и обратились за помощью къ македонскому царю Антигону-Дозону.

Клеоменъ успѣлъ между тѣмъ завоевать Аргосъ, Коринѳъ, Мегалополь и съ помощью денегъ и другихъ средствъ, навербовать нѣсколько новыхъ шаекъ. Появленіе Антигона съ войскомъ заставило Клеомена отступить, тѣмъ болѣе, что тогда Аргосъ вдругъ отпалъ отъ него. У Селасіи, близъ Эврота, онъ остановился и далъ рѣшительную битву (222 г.). Смѣлое нападеніе Филопемена, начальника ахайской конницы, разстроило войско Клеомена. Онъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ и умеръ.

Филопеменъ.

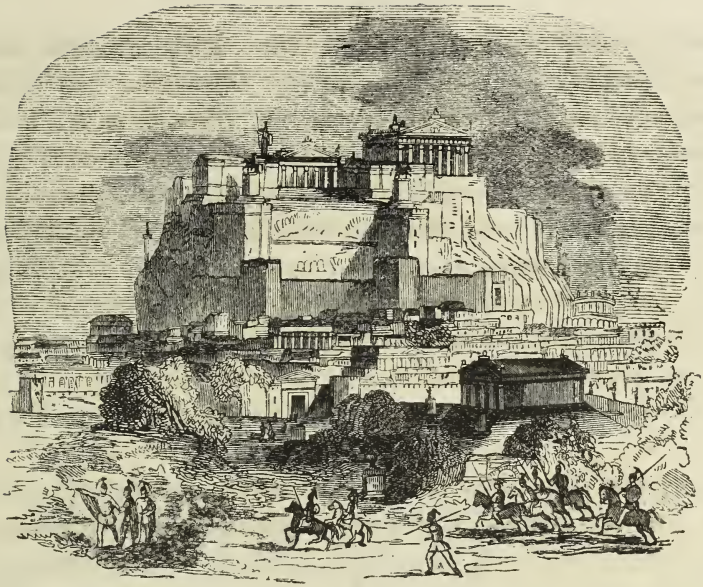
Побѣда при Селасіи доставила Антигону-Дозону владычество надъ всею Греціей, но не надолго: онъ вскорѣ умеръ, и Греція снова получила свободу, кажется, для того только, чтобы внутренними междоусобіями скорѣе привести собственную гибель. Лаконія обратилась въ разбойничій станъ. Цари грабили сосѣдей и дѣлились добычею съ своими шайками. Въ это время доблестный Филопеменъ избранъ былъ стратегомъ ахайскаго союза. Подъ мечемъ его палъ, въ кровопролитной битвѣ, спартанскій тиранъ Маханидъ. Та же судьба постигла преемника его, Набиса. Послѣ этого Филопеменъ присоединилъ къ Ахайскому союзу Спарту, Мессенію и почти весь Пелопоннесъ.

Въ это время могущество Рима гремѣло уже во всемъ тогда извѣстномъ мірѣ. Царь македонскій чувствовалъ тя-

жесть римскихъ мечей. Римскіе полномочные рѣшали споры народовъ. Они дѣятельно разжигали междоусобія грековъ, чтобы легче можно было поработить своему владычеству эти прекрасную страну. Надѣясь на Римъ, Мессенія отпала отъ Ахайскаго союза. Динократъ, богатый и почтенный гражданинъ, вздумалъ, что онъ можетъ пріобрѣсти себѣ такое же значеніе, какимъ пользовался Филопеменъ. Онъ навербовалъ не мало наемнаго войска, а народъ мессенскій успѣлъ прельстить призракомъ гегемоніи въ Пелопоннесѣ. Семидесятилѣтній Филопеменъ лежалъ въ то время больнымъ въ Аргосѣ. Узнавъ объ угрожающей союзу опасности, онъ съ юношескимъ жаромъ устремился утушить возстаніе въ самомъ началѣ. Онъ поспѣшилъ къ Мегалополю, но болѣзнь, старость и малочисленность войска, заставили его отступить передъ Динократомъ. Въ одной изъ стычекъ, онъ самъ попался въ плѣнъ. Его заставили принять ядъ. Послѣдній доблестный грекъ умеръ съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ видѣли его въ бурныхъ народныхъ собраніяхъ и на полѣ битвы, среди тысячъ непріятельскихъ копій (183 г.)

Въ пантеонѣ исторіи Филопемену вполнѣ принадлежитъ мѣсто на ряду съ Эпаминондомъ, котораго онъ избралъ себѣ въ жизни идеаломъ. Съ Филопеменомъ умерла надежда возвратить прежнее значеніе союзу греческихъ государствъ. Хотя преемникъ власти Филопемена, храбрый стратегъ Ликортъ, отмстилъ мессенянамъ за смерть своего предшественника, но послѣдовавшіе за нимъ предводители союза были, большею частію, лица безцвѣтныя, незначительныя.

Разрозненныя и ослабленныя племена греческія быстро пошли теперь къ паденію. Политическое поприще ихъ было кончено. Самое имя эллинское должно было исчезнуть съ лица земли. Эллада, подъ скромнымъ названіемъ Ахаіи, должна была войти въ составъ Римскаго государства. Повѣсть объ этихъ событіяхъ принадлежитъ уже къ Римской Исторіи.



Аѳины.

5. Искусства и науки.

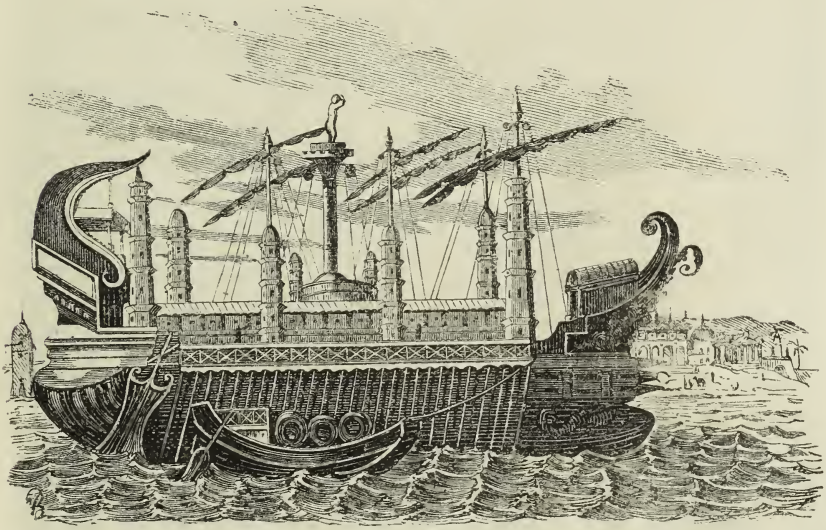
При общемъ разслабленіи и упадкѣ греческаго міра внутри и внѣ Греціи, въ области науки и художества, все еще видимъ проявленіе дѣятельности, достойной удивленія: такъ много еще оставалось жизни въ разностороннемъ, неистощимомъ духѣ эллинскомъ, и такъ жизнь эта стремилась вырваться изъ оковъ мелкаго эгоизма и ничтожества всей обстановки гражданскаго быта, опутавшихъ ее!

Ремесла, производившія предметы для удобства и украшенія ежедневнаго быта гражданъ, получили необыкновенное развитіе. Пурпуровыя ткани, царскія одежды, обувь, поражаютъ роскошью и изяществомъ отдѣлки. Домашняя утварь, драгоцѣнные сосуды, благовонныя чаши изъ обожженной глины, мирры, мастики, муравленныя подъ серебро, блистаютъ удивительнымъ разнообразіемъ формы, рисунка и вкуса. Оружейное дѣло, въ это время, было также необык-

новенно усовершенствовано, но еще замѣчательнѣе были разныя осадныя машины и орудія. Очевидно, что судьба сраженій стала зависѣть теперь не отъ одной храбрости воиновъ и навыка предводителей. Особенную важность стратегическую пріобрѣтаетъ конница, которая въ прежнія времена у грековъ играла роль подчиненную. Въ войнахъ діадоховъ конница часто являлась рѣшительницею судьбы сраженій. Кажется даже, что пѣхота утратила прежнее значеніе; иначе—какъ бы объяснить, что ни греческая храбрость, ни усовершенствованное оружіе, ни искусство въ движеніяхъ не могли устоять передъ натискомъ кельтійскихъ ордъ.

Не менѣе осадныхъ машинъ удивительны огромные корабли этого времени. Мы уже упоминали, что Поліоркетъ строилъ корабли въ 5, 7 и болѣе ярусовъ. Сдѣлавшись царемъ македонскимъ, онъ построилъ нѣсколько кораблей въ 16 ярусовъ, т. е. въ 16 рядовъ веселъ однихъ надъ другими, но весьма сомнительно, чтобы такія чудовища могли отличаться не только быстротой, но даже удобоподвижностью. У города Гераклеи былъ одинъ восьми-ярусный корабль, «*Левъ*». Онъ въ какомъ-то сраженіи одинъ рѣшилъ побѣду. Съ каждой стороны этого огромнаго судна работали у веселъ, по 800 рабовъ; на палубѣ находилось 1,200 воиновъ. Слѣдовательно, на этомъ кораблѣ находилось экипажа и войска больше, чѣмъ на нынѣшнихъ линейныхъ. — Во флотѣ Птоломея-Филадельфа были, между прочимъ, два корабля о 30 ярусахъ веселъ, одинъ о 20-ти, четыре о 13-ти, два о 12-ти, четырнадцать объ 11-ти, тридцать о 9-ти и множество мелкихъ судовъ. Великолѣпно было судно, подаренное царемъ Гіерономъ Сиракузскимъ. Это былъ двадцати-ярусный корабль, построенный коринѳяниномъ Архіемъ, съ помощью знаменитаго Архимеда. Въ то время не такъ строили корабли, какъ теперь: верфей и штапелей не знали, строили судно по частямъ, а потомъ на водѣ эти части соединяли и приводили въ цѣлое. Для передвиженія огромныхъ тяжестей

употребляли Архимедомъ изобрѣтенный *безконечный винтъ*, который, въ настоящее время, имѣетъ въ механикѣ столько разнообразныхъ примѣненій. Внутри корабля были великолѣпныя залы, библіотеки, купальни, конюшни, кухни, водоемы для сбереженія рыбы и т. п. Вокругъ палубы шла желѣзная стѣна, для защиты воиновъ отъ стрѣлъ. Двѣ огромныя башни возвышались въ носовой части корабля, столько же въ кормовой, и четыре посрединѣ, а надъ всѣми ими господствовали три необыкновенно высокія мачты. На ко-



Корабль Гіерона Сиракузскаго.

раблѣ были припасены всевозможные снаряды и орудія. Одна баллиста бросала бревнами въ 20 футовъ длины, и камнями, пуда въ три. Впрочемъ, колоссъ этотъ не покидалъ Нила, и неизвѣстно, употреблялись ли подобные ему корабли въ сраженіяхъ и какую бы они могли тамъ принести пользу.

Какъ военная, такъ и вообще архитектура имѣла не мало занятій у пышнолюбивыхъ царей и временниковъ. Храмы и дворцы сіяли золотомъ, серебромъ и мѣдью. Кромѣ колоннъ различныхъ архитектурныхъ стилей, теперь вошли

въ употребленіе *каріатиды*, т. е. человѣческія фигуры, назначенныя служить опорами зданію: женскія фигуры поддерживали красивыя капители коринѳскаго стиля, мужскія колоссальныя статуи гнулись подъ тяжестью дорійскихъ капителей. Это украшеніе очень шло къ тому времени, когда сами народы гнулись подъ игомъ чужеземнаго владычества. Киріатидами возвышалась пышность зданія, но не замѣнялась первоначальная, величавая простота, которая такъ шла къ древнимъ храмамъ. Многочисленностью и огромностью пышныхъ построекъ египетскіе владыки превзошли всѣхъ прочихъ: средства на это давали имъ необычайныя богатства, отвсюду приливавшія въ страну. Богатства эти накопились въ слѣдствіе необыкновеннаго плодородія Египта, обширной торговли, фабричнаго производства, золотыхъ рудниковъ и наконецъ счастливыхъ походовъ Птоломея-Эвергета. Въ государственной казнѣ, гово-

Каріатиды Пандрозія

Фаросскій маякъ въ Александріи.

рятъ, было въ это время около 740,000 талантовъ, т. е. болѣе 1,000 миліоновъ рублей серебр. Количество это, вѣроятно, преувеличено, какъ думаетъ Шлоссеръ, въ своей «*Исторіи древняго міра*,» съ которою мы иногда совѣтовались въ нашемъ повѣствованіи. Впрочемъ, описанія празднествъ, торжественныхъ шествій, военнаго могущества египтянъ, могутъ отчасти дать понятіе о бывшемъ необыкновенномъ изобиліи въ этой странѣ благородныхъ металловъ, драгоцѣнныхъ камней, статуй и разныхъ художественныхъ произведеній.

Группа Лаокоона.

Изъ городовъ египетскихъ, особенно славилась богатствомъ построекъ Авександрія. Широкія и прямыя улицы, многочисленные каналы, пышные дворцы и храмы придавали ей необыкновенное архитектурное значеніе. Двѣ гавани кипѣли судами всѣхъ націй. Въ южной части города — Брухіонѣ — сосредоточены были нѣсколько храмовъ, театръ, гимназія, форумъ, *сома* или *сема* (мавзолей Александра Великаго) и, наконецъ, музей. Послѣдній былъ знаменитъ въ древности, какъ средоточіе учености того времени. При музеѣ не мало находилось портиковъ, аллей и аудиторій. Со всѣхъ сторонъ стекались сюда желавшіе послушать чтеній. При музеѣ же было нѣсколько отдѣленій, гдѣ, на общественномъ

Статуя бога солнца въ Родосѣ (Колоссъ-Родосскій).

содержаніи, жили знаменитые ученые и философы. Огромное пространство занимала библіотека: здѣсь не только собраны были сотни тысячъ рукописей и свитковъ, но еще постоянно работали многія сотни переписчиковъ, справщиковъ и тому подобныхъ лицъ. Здѣсь же приготовлялось все, что нужно было для книжныхъ свитковъ. Очевидно, что въ этомъ музеѣ было цѣлое населеніе. Еще замѣчательнѣе была та часть города, которая служила собственно царскою резиденціею. Тронныя залы, пріемныя палаты, бани, бесѣдки, помѣщенія для придворныхъ служителей, царскія конюшни, царскіе звѣринцы поражали обширностью и пышностью.

Еще важнѣе этихъ произведеній, въ архитектурномъ отношеніи былъ знаменитый фаросскій маякъ, построенный на выступѣ скалы, которая находилась между обѣими гаванями Александріи. При первомъ Птоломеѣ маякъ начатъ, а при Птоломеѣ Филадельфѣ оконченъ (въ 12 лѣтъ). Сначала знаменитый архитекторъ, Состратъ Книдскій, обрѣзалъ скалу, и далъ ей приблизительно пирамидальную форму, а потомъ воздвигъ пятиярусное, красивое зданіе маяка. Говорятъ, онъ былъ въ 300 локтей вышиною, слѣдовательно, выше пирамидъ; вѣроятно, въ 300 локтяхъ включена и скала, на которой стоялъ маякъ. Надъ зажженнымъ костромъ сіяло зарево на небѣ, и изъ-за семи нѣмецкихъ миль мореходецъ видѣлъ уже путеводный огонь, и зналъ, какъ избѣжать опасности у скалы и какъ попасть въ ту или другую гавань.

Отъ архитектуры перейдемъ къ ваянію и живописи. Здѣсь мы остановимся не надолго, потому что о многихъ произведеніяхъ этого періода мы слегка упомянули уже въ предъидущей главѣ.

Еще процвѣтали художественныя школы въ Сикіонѣ, Родосѣ и Аѳинахъ. При всей зависимости отъ желаній царей и богатыхъ людей, въ угоду которымъ искусство должно было спѣшить производствомъ, техника достигла въ это время такого развитія и законченности, что, при помощи ея, рѣзецъ

и кисть могли доставлять много мастерскихъ произведеній. Неистощимый греческій геній умѣлъ находить прекрасному новые и новые образы выраженія, сообразные съ духомъ времени и требованіями обстоятельствъ. Въ созданіяхъ знаменитыхъ древнихъ художниковъ видимъ точно воплощенными божественное величіе и невозмутимое, блаженное спокойствіе; въ произведеніяхъ же этого періода видимъ преобладаніе идеи человѣческихъ слабостей, находящихся подъ вліяніемъ высшей силы, и—то выходящихъ побѣдоносно изъ этой борьбы, то падающихъ подъ гнетомъ напрасныхъ усилій. Статуи самихъ боговъ, относящіяся къ этому, какъ и къ предъидущему періоду, скорѣе выражаютъ идеализированныхъ, но не лишенныхъ слабостей людей. Вспомнимъ Аполлона, поразившаго дракона; Артемиду, гнѣвно обратившуюся въ ту сторону, гдѣ она завидѣла дерзкаго нечестивца; Геракла, отдыхающаго послѣ тяжелыхъ подвиговъ. Еще яснѣе выказывается эта идея въ статуяхъ умирающихъ бойцовъ, въ группѣ Лаокоона и въ фарнезскомъ быкѣ. Два послѣднія произведенія представляютъ колоссальныя мраморныя группы. Мысль послѣдняго изъ нихъ—наказаніе злобной мачихи Диркеи: двое пасынковъ ея, Цетъ и Амфіонъ, привязываютъ ее къ рогамъ быка, который яростно мчится, чтобъ растерзать ее. Группа эта находилась прежде въ Фарнезскомъ дворцѣ, въ Римѣ, а потомъ въ Неаполѣ. Группа Лаокоона вышла изъ Родосской школы; это — произведеніе рѣзцовъ Аѳенодора, Агесандра и Полидора. Содержаніе исполнено силы; выраженіе соотвѣтствуетъ ему вполнѣ. По преданію, жрецъ Лаокоонъ дерзнулъ пробить копьемъ деревяннаго коня, построеннаго греками подъ Троей и посвященнаго богамъ, и за то былъ наказанъ разгнѣванными божествами: змѣи задушили его и двухъ его сыновей. Лаокоонъ представленъ въ отчаянной борьбѣ съ чудовищами; одинъ изъ сыновей его уже близокъ къ погибели, другой еще не теряетъ надежды спастись и стремится выпутаться изъ ужасныхъ объятій змѣи. Много изящнаго вкуса въ группѣ,

много умѣнья въ расположеніи частей и въ исполненіи; но духъ времени выказывается въ блестящемъ эфектѣ, въ нѣкоторой театральности выраженія, которой не встрѣчается въ произведеніяхъ славной поры греческаго искусства. Группа Лаокоона открыта въ Римѣ, въ 1506 году, тамъ же обновлена и выставлена.

Извращеніе вкуса этой поры греческаго искусства видно, между прочимъ, по необычайности размѣровъ въ произведеніяхъ скульптуры. Укажемъ на знаменитую статую бога солнца, отлитую Харесомъ, по заказу родосцевъ, и поставленную въ гавани города республики. Говорятъ, что статуя была ростомъ въ 70 локтей; корабли могли проходить подъ колоссомъ. Лѣтъ 50 простояла статуя, потомъ, вслѣдствіе землетрясенія, статуя рухнула и, своими обломками, разрушила цѣлую часть города. Девять столѣтій спустя, какой-то промышленникъ скупилъ себѣ куски этого колосса; для перевозки ихъ понадобились ему нѣсколько сотъ верблюдовъ.

Искусство рѣзать на камнѣ доведено было въ этотъ періодъ до высокой степени совершенства. Употребляли для рѣзьбы одноцвѣтные, прозрачные или волокнистые, съ прожилками, камни: аметистъ, топазъ, агатъ и ониксъ. До сихъ поръ сохранились памятники этого искусства древнихъ, необыкновенно замѣчательные, какъ по драгоцѣнности матеріала, такъ и по изяществу вкуса и отдѣлки: изображенія боговъ, различныя головки, маски и т. п.

Произведенія живописи той поры не заслуживаютъ вниманія: всѣ они носятъ отпечатокъ торопливости и угодливости чувственнымъ проявленіямъ. Много, много, если они служили прикрасою торжественному пиру, заданному по поводу какого-либо важнаго событія. — Мозаика стала болѣе и болѣе входить въ употребленіе: мозаическими картинами выкладывали полы въ пріемныхъ комнатахъ, баняхъ и спальняхъ.

Развитіе механики дало возможность производить небы-

валыя вещи. Таковы были, напримѣръ, употреблявшіеся на праздникахъ египетскихъ искусные автоматы, которые поднимались, кланялись, подавали разныя вещи и т. п. Но гораздо важнѣйшія услуги механика оказала военному искусству—вспомнимъ множество осадныхъ орудій и снарядовъ—и наукѣ. Благодаря механикѣ, придумали орудія для опредѣленія положенія мѣстъ, пространства земель, движенія, величины и отдаленія небесныхъ тѣлъ. Архимедъ устроилъ глобусъ и вокругъ—движенія звѣздныхъ группъ.

Литература.

И въ литературѣ этого періода видимъ бездну искусства, начитанности, знанія, но мало естественности. Измѣнились побужденія людей: не подвижная жизнь народа, не потребность сердца, а стремленіе понравиться знатности, заслужить благосклонную улыбку сильныхъ міра или получить мѣстечко въ александрійскомъ музеѣ, одушевляли литераторовъ этой поры. Поэтому, среди общества ученыхъ и философовъ александрійскаго музеума, не мало было и такихъ, которые, вѣроятно, вполнѣ заслужили названіе «книжныхъ крысъ, воспитанныхъ въ курятникахъ музея», какъ отзывался о нихъ ѣдкій сатирикъ Тимонъ. Подобно александрійскому, были ученыя общества и библіотеки въ Пергамѣ, въ Селевкіи-Сирійской и въ другихъ городахъ. Поэты этого времени, изучая поэтовъ древнихъ, подражали имъ, но, относительно возвышенной истины, величія и красоты, между сочиненіями этихъ и тѣхъ поэтовъ легла цѣлая бездна. Въ числѣ написанныхъ въ это время гимновъ, элегій, дидактическихъ сочиненій и эпопей, конечно, можно бы найти и хорошее, но только и это хорошее было бы для насъ не очень занимательно, а тѣмъ менѣе могло бы служить источникомъ поучительныхъ, свободныхъ и возвышенныхъ идей. Поэтому мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ дѣятелей этого періода на литературномъ поприщѣ.

Однимъ изъ плодовитѣйшихъ поэтовъ этого времени былъ Каллимахъ Александрійскій. Онъ писалъ гимны, элегіи и эпиграммы. Изъ гимновъ его славится тотъ, въ которомъ

воспѣты волосы царицы Вереники. Молодая супруга Птоломея-Эвергета, Вереника, желая склонить боговъ на покровительство ея возлюбленному, обѣщала посвятить богамъ свои чудные волосы, если царь возвратится съ побѣдою изъ сирійскаго похода. Она сдержала свое слово; но — вдругъ волосы исчезли изъ храма. Всѣ поиски были напрасны. Тогда Кононъ, извѣстный въ то время астрономъ, объяснилъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ, куда скрылись волосы. Онъ объявилъ, что такъ какъ волосы принадлежатъ богамъ, то боги и дали имъ мѣсто среди своихъ созвѣздій. Кононъ указалъ любопытнымъ это созвѣздіе. Эта остроумная и, вѣроятно, небезвыгодная спекуляція была воспѣта Каллимахомъ. Болѣе поэтическаго достоинства представляетъ то его сочиненіе, въ которомъ онъ воспѣваетъ купаніе богини Аѳины-Паллады. Извѣстно, что въ Аргосѣ каждый годъ отправлялись, въ опредѣленный день, торжественнымъ ходомъ, къ рѣчкѣ Инаху, и купали въ ней колесницу и изображеніе этой богини.

Нельзя не упомянуть о счастливомъ подражателѣ Гомера, Аполлоніѣ. Аполлоній отбросилъ вычурный и тяжелый стихъ александрійскій, и образовалъ для своихъ эпическихъ стихотвореній гекзаметръ, наиболѣе подходившій къ складу рѣчи Гомеровой. Кромѣ того, Аполлоній не мало содѣйствовалъ къ уясненію темныхъ мѣстъ, встрѣчающихся у знаменитаго поэта древности. Нельзя сказать того же про трагическаго поэта этого времени, Ликофрона, который, въ своей «*Кассандрѣ*», дотого вычуренъ, что трудно его понимать. Есть у него мѣста, въ которыхъ говорится о томъ, какъ слышна молнія, какъ видѣнъ звукъ, и т. п.

Изъ другихъ трагедій этого періода, изъ которыхъ сохранились только отрывки, нѣтъ ни одной, которая не страдала бы такими же недостатками, какъ и «*Кассандра*» Ликофрона.

Удачнѣе трагедій были комедіи. Впрочемъ, и здѣсь нечего ожидать Аристофана, котораго могучія созданія не только возбуждали олимпійскій хохотъ на сценѣ и въ театрѣ,

но, въ то же время, служили народу и руководствомъ къ возвышеннымъ цѣлямъ и стремленіямъ. Въ комедіяхъ Менандра, Дифила и другихъ, писанныхъ для большаго свѣта, видна остроумно завязанная интрига, дѣйствіе живо; діалоги чисты, и вообще піесы подходятъ къ весьма многимъ такимъ піесамъ, которыя, въ настоящее время, обыкновенно даются на сценахъ подъ именемъ комедій. Жаль, что изъ этихъ греческихъ комедій дошли до насъ только отрывки.

Въ древнѣйшія времена часто бывало въ обычаѣ прерывать хоровое пѣніе, въ честь Діонисія и Деметры, смѣшными пантомимами или другими веселыми народными представленіями; шутки и остроты возвышали значеніе праздника. Послѣ трагедіи давали, для заключенія спектакля, какую-нибудь сатирическую піесу. Въ александрійскомъ періодѣ такими заключительными піесками являются мимическія или такія, въ которыхъ немногими сценами очерчивалось какое-либо состояніе, характеръ личности, нравы и обычаи извѣстнаго мѣста и т. п. Къ послѣднему роду принадлежатъ *буколическія*, или пастушескія идилліи Θеокрита. Этотъ поэтъ жилъ то въ Сиракузахъ, во время Гіерона, то въ Александріи, при первыхъ Птоломеяхъ, только не въ «курятникѣ музея», какъ говорилъ Тимонъ, а странствуя свободно повсюду, посѣщая и другія страны, и другіе народы. Въ его идилліяхъ много жизни, много истины и природы. Онѣ безъискусственны, хотя въ нихъ много искусства; онѣ просты и естественны, хотя и нѣтъ въ нихъ ничего ни грубаго, ни пошлаго. Герои его, преимущественно, сицилійскіе пастухи, но являются и рыбаки, и горожане, и воины. Приводимъ въ образчикъ одинъ отрывокъ изъ XXI идилліи Θеокрита: «*Сиракузянки или праздникъ Адониса*» въ переводѣ Гнѣдича.

(Дѣйствіе въ Александріи. Къ Праксиноѣ приходитъ подруга ея, Горго, и приглашаетъ ее пойти взглянуть на праздникъ Адониса. Поговоривъ о своихъ сосѣдяхъ и сосѣдкахъ, о мужьяхъ и дѣтяхъ, Горго напоминаетъ подругѣ, что время отправиться на праздникъ.)

Горго. Надѣвай же ты платье и плащъ свой съ застежками, новый;
Время, пойдемъ-ка въ палаты царя-богача, Птоломея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица говоритъ
Много прекраснаго.

Праксиноя. Давно ли? *все у богатыхъ богато.*
Ты жь, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видалъ.

Горго. Время, однако, отправиться: *празднымъ всякій день праздникъ.*

Праксиноя. Эвно! воды ключевой, и поставь по срединѣ; скорѣе жъ!
Ахъ, ты, нѣженка!.. *спать покойно хотятъ ужи и кошки.*
Двигайся жъ! мигомъ воды! Вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держитъ кувшинъ! Ну, давай, безтолковая; тише,
На руки лей мнѣ, несчастная; ты мнѣ хитонъ обливаешь.
Полно.—Ну, вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась.
Ключъ отъ шкатулки, большой! Поскорѣе, сама принеси мнѣ

Горго. Ахъ, Праксиноя! Какъ пристало тебѣ это платье,
Съ частыми сборами! Прелесть! А что оно стоитъ, съ работой?

Праксиноя. Лучше не спрашивай; чистымъ серебромъ поболѣе мины,
Или и двѣ, о работѣ молчу, приложила всю душу.

Горго. Вышло за то по желанію.

Праксиноя. Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу: приладь же, смотри, хорошенько;
Такъ. *(Къ ребенку.)* А дитя не возьму я; тамъ бука; тамъ лошадь кусаетъ...
Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калѣкой.
Горго! идемъ.—Ну, возьми же дитя, забавляй его, няня;
Въ домъ позови собаку и двери сѣнныя запри ты.
Боги! какая толпа!.. Неужели должны перейти мы
Эту бѣду? Муравьи неисчетные, нѣтъ и конца имъ!..
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птоломей, для народа ты сдѣлалъ,
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель! Злодѣи
Путникамъ болѣе не страшны, египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти,
Всѣ на единую стать, негодяи, разбойники, воры...
Милая Горго! что съ нами будетъ? Воины сзади,
Конники царскіе скачутъ... Другъ мой! меня ты задавишь..
Сталъ на дыбы его рыжій!.. Онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!..
Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?.. убьетъ этотъ конь человѣка!
Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

Горго. Ну, ободрись, Праксиноя! Теперь позади мы всѣхъ конныхъ:
Строй ихъ пошелъ на площадь.

Праксиноя. Теперь я, мой другъ, оживаю.
Змѣя да лошади пуще всего я на свѣтѣ боюся
Съ самаго дѣтства.—Пойдемъ, приближаются волны народа.
(Къ старухѣ идущей на встрѣчу.)
Ты изъ дворца, моя матушка?

Старуха. Да, мои дѣти.

Горго. Легко ли
Будетъ войти вамъ?
Старуха. Съ попыткою въ Трою вошли аргивяне:
Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.
Горго. Слышишь? Старуха уходитъ и словно оракулъ бормочетъ!
Праксиноя. Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.
Горго. Ахъ, Праксиноя! взгляни ты, какая толпа предъ дверями!
Праксиноя. Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя,
Руку возьми, и держися ее, чтобъ отъ насъ не отстала.
Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися же насъ ты, Эвноя.

По этому образчику видно, что въ идилліяхъ Θеокрита не мало, такъ сказать, tableaux de genre, привлекательныхъ своей безъискусственной простотой и естественностью, но далеко не выдерживающихъ сравненія съ грандіозными созданіями древней поэзіи.

Кромѣ Θеокрита, славились своими идилліями Мосхосъ и Віонъ.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію движенія въ наукахъ: здѣсь мы болѣе всего остановимся на томъ ученомъ и философѣ, который, совмѣстивъ въ себѣ всю предшествовавшую науку, мощнымъ геніемъ двинулъ ее, всѣми путями, къ быстрому развитію. Этотъ всеобъемлющій геній былъ Аристотель.

Философія.

Аристотель. Эпикуръ. Зенонъ. Эвклидъ. Архимедъ. Гиппархъ. Аристотель родился въ Стагирѣ, на Халкидійскомъ полуостровѣ, въ 384 году. Онъ сначала пошелъ было по слѣдамъ отца, который служилъ врачемъ при Филиппѣ Македонскомъ. На семнадцатомъ году онъ прибылъ въ Аѳины, и тамъ 20 лѣтъ сряду слушалъ Платона. Открылась война съ Македоніей. Аристотель переселился въ Малую-Азію. Оттуда вызвало его письмо Филиппа Македонскаго. Царь звалъ его къ себѣ, поручалъ его воспитанію сына своего, Александра, и говорилъ, что онъ радуется возможности избрать своему сыну такого наставника. Аристотель снова явился въ Аѳинахъ, и здѣсь, въ тѣнистыхъ аллеяхъ лицея (Ликеона), утромъ и вечеромъ, собирались ученики его и всѣ желавшіе слушать философа (334 г.). Аристотель, во время бесѣдъ своихъ, обыкновенно гулялъ со слушателями взадъ и впередъ, по аллеямъ лицея, за что и школу его назвали школою *перипатетиковъ*, т. е. гуляющихъ, странствующихъ. Александръ любилъ наставника своего какъ отца, только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ дружбы съ Антипатромъ, онъ нѣсколько охладѣлъ къ Аристотелю. По смерти Александра нашлись въ Аѳинахъ люди, которые, изъ религіознаго ли фанатизма, или изъ презрѣнной зависти и эгоизма, едва не подвергли глубокомысленнаго философа судьбѣ Сократа, но Аристотель успѣлъ спастись въ городъ Халкиду, на Эвбеѣ, гдѣ и прожилъ спокойно, до конца жизни (322 г.).

Изъ сочиненій Аристотеля очень много потеряно. Всѣ свои рукописи онъ оставилъ любимому ученику своему, Θеофрасту. Этотъ передалъ ихъ въ наслѣдство другу своему, Пелею, въ потомствѣ котораго онѣ и хранились, какъ драгоцѣнность. Но видно, что не всѣ потомки одиноково часто пользовались своимъ кладомъ: долгое время рукописи оставались гдѣ-то, подъ каменнымъ сводомъ, и когда ихъ снова вызвали на свѣтъ, большая часть ихъ была попорчена сыростью и насѣкомыми. Въ твореніяхъ Аристотеля фантазія и поэтическія продставленія уступаютъ мѣсто опыту и положительному изслѣдованію; отсутствіе обворожительной Платоновой поэтичности вознаграждается у Аристотеля несомнѣнною практичностью воззрѣнія и цѣли. Въ особенности знаменательны его матемаческія сочиненія; на нихъ основываются послѣдующіе успѣхи въ этой наукѣ. Аристотель первый отдѣлилъ чистую математику отъ прикладной, и механикѣ, физикѣ, астрономіи, химіи посвятилъ особыя, самостоятельныя сочиненія.— Замѣчательно, что движенія небесныхъ тѣлъ Аристотель объяснялъ стремленіемъ этихъ тѣлъ приблизиться къ извѣстному центру, и стремленіемъ снова отъ него отдалиться. Эти объясненія во многомъ совпадаютъ съ принятыми теперь въ наукѣ силами центростремительною (centripéte) и центробѣжною (centrifuge). Отсюда Аристотель развиваетъ мысль о необходимости шарообразной формы небесныхъ тѣлъ и, въ особенности, земли. Шарообразность земли онъ доказывалъ также тѣнью ея, замѣчаемой на лунѣ при затмѣніяхъ послѣдней.—Въ ученіи о душѣ Аристотель говорилъ, что душа хотя, по свойству своему, существо безплотное, не можетъ, однакоже, быть безъ тѣла;

Аристотель.

о душѣ онъ имѣлъ представленіе, какъ о дѣятельности и совершеннѣйшей сущности извѣстнаго опредѣленнаго тѣла.

Въ сочиненіяхъ о различныхъ отрасляхъ естествознанія, о краснорѣчіи и въ особенности о государственномъ устройствѣ Аристотель поражаетъ проницательностью наблюденія, удивительною ясностью воззрѣнія на предметы и точностью выводовъ. Съ этими сочиненіями въ тѣсной связи состоятъ и другія, именно—о нравственности.

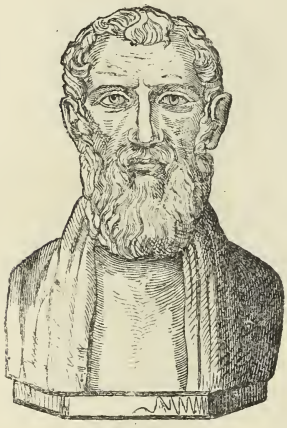
О томъ, какое истинно-возвышенное понятіе имѣлъ этотъ философъ о жизни и назначеніи человѣка, можно судить по слѣдующему мѣсту изъ его сочиненій: «Люди стремятся къ богатству, могуществу, славѣ, а не къ добродѣтели; послѣдней каждый находитъ въ себѣ самомъ довольно, какъ бы ни мало было ея въ немъ на самомъ дѣлѣ. Еслибъ люди были внимательнѣе къ себѣ и къ другимъ, то легко замѣтили бы, что не богатствомъ и славой сохраняется добродѣтель, а напротивъ — добродѣтелью сохраняются всѣ остальныя блага. Люди замѣтили бы тогда, въ чемъ заключается истинное счастіе жизни — въ добродѣтели, или во внѣшнихъ признакахъ благополучія? Они бы увидѣли, наконецъ, что истинно-счастливыхъ людей мы чаще встрѣчаемъ тамъ, гдѣ прекрасныя качества ума и сердца преобладаютъ надъ внѣшними благами, нежели тамъ, гдѣ этихъ послѣднихъ принадлежностей слишкомъ много, а первыхъ мало или вовсе нѣтъ.»

Эпикуръ.

Аристотель не считалъ, что міръ произошелъ отъ слѣпаго случая или отъ какой-нибудь безсознательно дѣйствующей причины: въ созданіи и устройствѣ его онъ видѣлъ природу, вѣчно юную, вѣчно дѣйствующую, благодаря сокрытой въ ней сознательной силѣ. Основаніемъ этой созна-

тельной, зиждущей силы Аристотель полагалъ божество, блаженнѣйшее и совершеннѣйшее, ибо оно одно наслаждается совершеннѣйшею дѣятельностью.

Тѣсные предѣлы этого сочиненія не позволяютъ намъ подробнѣе ознакомиться съ философіей Аристотеля; но изъ немногаго, приведеннаго нами, можно отчасти видѣть, что этотъ философъ, силою своего всеобъемлющаго генія и необычайной умственной дѣятельностью, пріобрѣлъ для науки новый, обширный, прекрасный міръ, точно такъ, какъ его царственный питомецъ оружіемъ добылъ новую монархію, которую, впрочемъ, не успѣлъ совершенно одушевить и проникнуть просвѣщеніемъ. Царство Александра Великаго распалось, но Аристотелево созданіе уцѣлѣло и драгоцѣннымъ наслѣдствомъ перешло къ отдаленнѣйшимъ потомкамъ.



Зенонъ.

Въ одно время съ Аристотелемъ и позже его жили еще двое философовъ, имѣвшихъ большое вліяніе какъ на современниковъ своихъ, такъ и впослѣдствіи на мировладычныхъ римлянъ. Это были Эпикуръ и Зенонъ. Первый училъ въ саду, принадлежавшемъ ему въ Аѳинахъ. Онъ сохранилъ невозмутимую ясность души до самой смерти, не смотря на долгую, жестокую болѣзнь, медленно разрушавшую его здоровье. Въ основаніи ученія Эпикура лежала та мысль, что для достиженія совершеннѣйшаго счастія необходимо благополучіе духа и тѣла, и что къ этому ведетъ одинъ путь — путь мудрости и добродѣтели; порокъ же, какъ несовмѣстимый съ благополучіемъ, заслуживаетъ поэтому полнаго презрѣнія. Приверженцы Эпикура постарались поудобнѣе для себя примѣнять ученіе философа къ жизни: лучшей цѣлью человѣческихъ стремленій они поста-

вили наслажденія, просвѣтленныя наукой, облагороженныя искусствомъ.

Противъ *эпикуреизма* возсталъ Зенонъ (уроженецъ Китіона, въ Кипрѣ). Въ *стоа* или портикахъ *Пекиле*, въ Аѳинахъ, собирались къ нему (260 г.) мночисленные слушатели. Оттуда и названіе *стоиковъ*. По ученію Зенона, матерія міра проникнута и одухотворена божествомъ; оттуда и законы природы не что иное, какъ законы божественные. Назначеніе человѣка—познавать ихъ и соображать съ ними свою жизнь и поступки. Поэтому, единственное *благо* на землѣ есть нравственность, единственное *зло* — безнравственность; все остальное: чувственныя наслажденія или страданія, самая смерть, не заслуживаютъ названія ни того, ни другаго. Ученіе Зенона имѣло особенное вліяніе на позднѣйшихъ римлянъ, и потому, въ исторіи этого народа, мы скажемъ о стоикахъ подробнѣе.

Эвклидъ.

Ученые александрійской школы развили еще болѣе труды Аристотеля въ математикѣ и естествознаніи. Медицина получила научное основаніе. Предразсудокъ относительно разрѣзыванія и изслѣдованія человѣческихъ труповъ въ это время миновалъ: во многихъ мѣстахъ Греціи, особенно же въ Александріи Египетской, усердно занимались изученіемъ анатоміи. Занятія ботаникою и другими отраслями естествознанія получили также раціональныя основы. Въ Египтѣ, Малой Азіи, на островѣ Косѣ и другихъ мѣстахъ возникли постепенно цѣлыя медицинскія школы.

Математическія науки приняли широкое развитіе и получили такой основной методъ изложенія, который навсегда сохранитъ свое значеніе. Знаменитый Эвклидъ, изъ Алексан-

дріи, ввелъ этотъ методъ въ науку. Въ его сочиненіяхъ о геометріи и ариѳметикѣ каждое послѣдующее предложеніе развивается изъ предъидущихъ, доказательства отличаются строгою точностью. Когда Птоломей Лагъ пожелалъ болѣе легкой методы, при занятіи математикой, Эвклидъ отвѣчалъ ему: «Для царей нѣтъ особенныхъ путей въ геометріи.»

Другой ученый, Аратъ, составилъ описаніе звѣзднаго неба. Твореніе его было настольною книгой у всякаго образованнаго человѣка того времени. Не смотря на неполноту и несовершенство сочиненія Арата, оно имѣло немало просвѣщенныхъ толкователей. Одинъ изъ нихъ, Эратосѳенъ, старался, измѣреніемъ разстоянія между Александріей и Сіеной, опредѣлить окружность земли. Хотя, по несовершенству инструментовъ, нельзя было ему получить точную мѣру градуса параллели, но, тѣмъ не менѣе, попытка этого ученаго, какъ первая въ своемъ родѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Архимедъ.

Еще болѣе прославился своими трудами наменитый Архимедъ, родственникъ царя Гіерона Сиракузскаго, членъ александрійскаго общества ученыхъ. Математика, механика, статика и гидростатика обязаны ему весьма важными открытіями и примѣненіями ихъ. Между прочимъ, Архимедъ нашелъ отношеніе діаметра круга къ окружности. Онъ принималъ отношеніе это какъ 7 къ 22, что, въ большей части примѣненій къ жизни, очень достаточно. Съ неменьшею проницательностю онъ опредѣлилъ, что объемъ шара составляетъ $^3/_2$ объема описаннаго вокругъ него цилиндра. Архимедъ развилъ и указалъ примѣненія теоріи блока, рычага и винта. Онъ говорилъ, что если-бъ можно было найти надежную точку опоры, то можно было бы рычагомъ сдвинуть землю съ ея мѣста. Гіеронъ пожелалъ знать, сколько примѣшано серебра къ его золотой коронѣ.

Архимедъ долго думалъ надъ этимъ вопросомъ и, однажды, сидя въ ваннѣ, открылъ, что два тѣла, занимая въ какой-нибудь жидкости, которой они тяжелѣе, одинаковое пространство по объему, теряютъ въ ней одинаковое количество своего вѣса. Архимедъ такъ былъ доволенъ своимъ открытіемъ, помогавшимъ ему разрѣшить вопросъ Гіерона, что какъ былъ, съ восклицаніемъ: *Эврика! эврика!* (нашелъ! нашелъ!) бросился изъ ванны къ себѣ въ комнату и принялся за разрѣшеніе задачи. На 75 году Архимедъ дѣятельно защищалъ, осажденный римлянами, свой родной городъ, придумывая для этого разныя машины. Но городъ не устоялъ противъ штурма, и Архимедъ палъ подъ невѣжественной рукой какого-то римскаго солдата, ворвавшагося къ нему въ комнату въ ту минуту, когда великій механикъ, углубившись въ размышленія, обдумывалъ созданіе какой-то новой оборонительной машины.

Почетное мѣсто подлѣ этихъ знаменитыхъ математиковъ принадлежитъ астроному Гиппарху, жившему въ Родосѣ и Александріи. Опираясь на изслѣдованія предшественниковъ своихъ, Гиппархъ оказалъ весьма важныя услуги изученію тригонометріи, хотя развитіе, данное имъ этой отрасли математики, и не могло получить въ то время всѣхъ важныхъ своихъ примѣненій, по затруднительности системы счисленія древнихъ. Онъ вычислилъ путь (орбиту) солнца, т. е. вѣрнѣе—путь земли, вычислилъ орбиту луны и опредѣлилъ солнечный годъ такъ вѣрно, что ошибся только на одну секунду; открылъ средство предузнавать лунныя и солнечныя затмѣнія и показалъ, наконецъ, что неподвижныя звѣзды хотя и не измѣняютъ относительнаго между собою разстоянія, однако-жь, кажется, подвигаются съ запада на востокъ. Благодаря этому открытію, сдѣлалось возможнымъ—звѣзды, которыя однажды уже были наблюдаемы и опредѣлены, снова отыскать, хотя бы и черезъ нѣсколько столѣтій. Необыкновенно важны были наблюденія Гиппарха надъ широтою и долготою отдѣльныхъ звѣздъ, такъ

же какъ и приложеніе этой долготы и широты къ опредѣленію положенія городовъ и земель на поверхности нашей планеты. Послѣ этого можно было составлять географическія карты. Мореходецъ на морѣ, караванъ въ пустыняхъ африканскихъ ужь не блуждали на-удачу: звѣзды стали служить имъ довольно вѣрными путеводителями. Люди опытные, опираясь на изслѣдованія и открытія Гиппарха, умѣли теперь замѣчать время восхожденія и захожденія звѣздъ и время прохода ихъ на меридіанѣ даннаго мѣста.

Еще до Гиппарха нѣкоторые отважные умы пытались измѣрить разстоянія небесныхъ тѣлъ отъ земли. Гиппархъ нашелъ методъ, помощью котораго можно было разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ же первый опредѣлилъ разстояніе солнца отъ земли. Для опредѣленія этого, Гиппархъ представилъ себѣ треугольникъ, котораго вершиною было свѣтило, основаніемъ служила половина діаметра земли, а сторонами — линія, проведенная изъ центра, и другая линія, проведенная отъ мѣста наблюденія. Уголъ, образующійся между этими послѣдними линіями, называли и называютъ *параллаксомъ*. По величинѣ угла опредѣлялъ Гиппархъ отдаленіе отъ земли солнца или другаго наблюдаемаго свѣтила. Уголъ этотъ дѣлается наибольшимъ при наблюденіи звѣзды, находящейся на горизонтѣ; тогда уголъ называютъ *горизонтальнымъ параллаксомъ*. Понятно, что вообще, чѣмъ уголъ меньше, тѣмъ, значитъ, наблюдаемая звѣзда дальше. У неподвижныхъ звѣздъ онъ вовсе исчезаетъ: эти звѣзды находятся на такомъ невообразимо-далекомъ разстояніи отъ земли, что стороны параллакса ихъ обращаются въ линіи параллельныя. Лишь въ недавнее время, благодаря усовершенствованію инструментовъ и тонкости наблюденій, нашли параллаксъ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ къ намъ неподвижныхъ звѣздъ. Гиппархъ полагалъ въ параллаксѣ солнца три минуты, а въ настоящее время полагаютъ въ немъ только 8 секундъ; слѣдовательно, по мнѣнію Гиппарха, солнце въ $22^1/_2$ раза было ближе къ землѣ, нежели какъ дѣйствительно есть. Не смотря на эту

ошибку, полная, однако-жь, заслуга въ этомъ дѣлѣ остается за Гиппархомъ: онъ первый показалъ путь для опредѣленія разстояній небесныхъ тѣлъ отъ земли. Почти 2,000 лѣтъ довольствовались въ наукѣ результатами, добытыми этимъ знаменитымъ астрономомъ. Только съ Коперникомъ, Кеплеромъ и Ньютономъ расширились и утвердились на прочныхъ основаніяхъ астрономическія свѣдѣнія; въ новѣйшее время сдѣлано также не мало успѣховъ въ области этой науки. Такъ, въ зданіи науки геній человѣческій постепенно и неизмѣнно приготовляетъ матеріалы для грядущихъ поколѣній; ничто изъ однажды пріобрѣтеннаго здѣсь не теряется, какъ бы долго ни оставалось оно въ сторонѣ и въ забвеніи. Придетъ время — и плодъ мысли и соображенія снова явится на свѣтъ и станетъ опорою для новыхъ трудовъ и изслѣдованій. Каковы были энергія и многосторонность греческаго генія, видно изъ того, что и въ періодѣ упадка греческаго значенія ученые александрійской школы, своими трудами на поприщѣ науки, оставили потомству такой капиталъ свѣдѣній, который для науки и жизни даетъ все большіе и большіе проценты. Много было и другихъ ученыхъ александрійскаго періода: мы упомянули только о главнѣйшихъ.

Заключеніе.

Теперь мы достигли цѣли, предположенной въ началѣ нашего повѣствованія: мы прослѣдили жизнь эллинскаго народа во всѣхъ фазахъ ея развитія. Подобно тому, какъ національный греческій герой (Гераклъ), побѣдоносно вышедши изъ трудной борьбы, предалъ себя потомъ пламени за человѣческія слабости, народъ эллинскій прошелъ длиннымъ путемъ борьбы, побѣдъ, страданій, и на всякомъ поприщѣ человѣческой дѣятельности оставилъ по себѣ неизгладимые памятники мысли и творчества. Наконецъ — одряхлѣлъ эллинскій міръ; давно отлетѣли свѣжія силы и вдохновеніе юности; въ жестокую прозу обратилась поэзія жизни. Блѣдныя, недѣятельныя, утративъ возвышенныя побужденія, которыя составляютъ душу жизни и стремленій, еще нѣсколько времени греческія государства влачили больное существованіе, пока толчокъ извнѣ не опрокинулъ ихъ одного за другимъ.

Невольно приходитъ здѣсь въ голову мысль о сходствѣ современности нашей съ отживавшимъ греческимъ міромъ. И теперь, какъ тогда, эгоизмъ, явный или скрытый, сдѣлался безотрадной основою жизни; корыстолюбивое искательство и раболѣпная ложь давно и у насъ дерзаютъ облачаться въ правду и великодушіе; и теперь, какъ тогда, поэзія стала празднымъ препровожденіемъ времени, а изящныя искусства, при всемъ своемъ механическомъ развитіи и совершенствѣ, какъ будто утратили внутреннюю святость, проявлявшуюся нѣкогда въ ихъ созданіяхъ; напротивъ, науки

точныя и техника искусствъ достигли до небывалаго развитія, дали удивительные полезные результаты.

Не будь дѣло такъ серьезно, мы могли бы еще болѣе продлить, еще нагляднѣе сдѣлать наше сравненіе. Мы могли бы указать и въ политической жизни современныхъ народовъ много такого, что напоминаетъ всеобщій пожаръ, охватившій греческій міръ послѣ Александра Великаго и приведшій его къ порабощенію.

Какой же исходъ предстоитъ нашей современности?—спрашиваемъ Всемірную Исторію, наставницу царствъ и народовъ. Не предстоитъ ли и Европѣ, въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, всеобщее ниспроверженіе? Нѣтъ, это не вѣроятно. Въ массѣ броженія, въ которомъ видимъ современныя намъ общества, не мало того освѣжающаго, вѣчно обновляющаго элемента, отъ котораго мы въ правѣ ожидать утѣшительнаго будущаго. Этотъ элементъ—христіанство. Въ немъ залогъ вѣры въ прекрасное и возвышенное, въ немъ идеалъ совершеннѣйшей любви и прочной надежды на лучшее. Возстановится ли христіанство въ своей первоначальной, высокой простотѣ, и нынѣ разрозненные народы соберутся ли и станутъ всѣ подъ его святое знамя? Представители науки, углубленные въ таинственную область изслѣдованія существованія и кончины, возвратятся ли на свѣтлый путь вѣры? Погрузившись въ внимательное изученіе творенія, постигнутъ ли, сознаютъ ли они всю безпредѣльность и любовь Творца, и, вѣрные своему назначенію, проведутъ ли христіанство въ убѣжденія и жизнь народовъ? Вотъ вопросы. Но, опираясь на уроки исторіи, есть полное основаніе надѣяться, что, изъ современной кажущейся сбивчивости и неурядицы мнѣній и стремленій, идеи эти возсіяютъ ярче, чѣмъ когда-либо, и приведутъ человѣчество къ лучшему и совершеннѣйшему.

Греческимъ государствамъ недоставало такого обновляющаго начала, слѣдовательно, самъ изъ себя эллинскій міръ возродиться не могъ; необходимы были новыя дѣйствующія

силы и иное поприще дѣйствія. Съ запада послѣдовалъ толчокъ, изъ страны Гесперидъ, гдѣ, по греческому преданію, зрѣли золотые плоды безсмертія. Тамъ, въ суровой борьбѣ, окрѣпъ и развился до небывалаго могущества желѣзный родъ римлянъ. Ничтожный вначалѣ, этотъ родъ скоро достигъ большаго значенія и сталъ оказывать вліяніе не только на сосѣдей, но и на отдаленные народы. Въ то время, на которомъ мы остановились въ исторіи древней Греціи, Римъ, во всемъ значеніи силы и единства, возсталъ противъ ослабленнаго и раздробленнаго эллинскаго міра. Собственная Греція, истощенная долгими внутренними безпорядками, разъединенная, обезсиленная, неминуемо должна была сдѣлаться легкой добычей для римлянъ. Македонія не страдала отъ разъединенія, но, порабощенная деспотизмомъ, утратившая народную жизнь, и она не могла имъ долго сопротивляться. Богатая Малая Азія, Сирія и Египетъ томились подъ игомъ сатрапскаго правленія; богатства, которыя приливались въ города, благодаря дѣятельной промышлености и обширной торговлѣ, поглощались роскошью правителей и плохо прикрывали внутреннюю порчу государственнаго организма. Цари, воспитанные съ дѣтства въ школѣ лести и порока, были совершенно глухи къ нуждамъ народовъ и служили не своему высокому назначенію, а лишь безумному угожденію собственнымъ страстямъ. Изъ-за клочка земли затѣвали другъ съ другомъ войны, и не видѣли приближавшейся съ запада опасности своему владычеству до тѣхъ поръ, когда мечъ римскій не сверкнулъ у порога.

Итакъ, греческій міръ созрѣлъ къ паденію; съ другой стороны, созрѣлъ для рѣшительнаго удара и римскій желѣзный народъ. Не долго оставался римлянинъ подъ вліяніемъ юношескихъ грезъ фантазіи; вскорѣ онъ выступилъ изъ предѣловъ сказочнаго міра, въ которомъ нѣдрились созданія греческаго искусства, и созналъ свое двойное назначеніе въ жизни—какъ гражданина, служить внутреннему благосостоянію и славѣ своего отечества, а какъ воина — одолѣвать

всякое сопротивленіе и упрочивать внѣшнее значеніе своей родины. Изъ занятій только тѣ казались ему достойными свободнаго человѣка, которыя прямо готовили способнаго гражданина и храбраго воина: законодательство, ораторское и военное искусства; остальныя онъ предоставлялъ рабамъ, чтобъ было чѣмъ господамъ ихъ позабавиться въ часы досуга. Когда, послѣ долгихъ гражданскихъ тревогъ и бури военной, римлянинъ обратился, наконецъ, къ искусству и наукѣ, его собственная оригинальная особенность уже исчезла подъ вліяніемъ греческаго искусства и греческой науки. Римлянину, въ этомъ случаѣ, выпало на долю — быть подражателемъ, снимкомъ уже готоваго оригинала. Отсюда римское искусство и римская литература являются только отблескомъ или какъ-бы продолженіемъ искусства и литературы эллиновъ, а потому и не имѣютъ уже такого огромнаго значенія, при всемъ ихъ разнообразіи и занимательности. Но люди, съ которыми встрѣчаешься, на каждомъ шагу, въ исторіи Рима, поражаютъ необычайною силою воли и дѣятельности. Они отвергаютъ всякую поэзію, украшающую жизнь, но сами запечатлѣны потрясающей поэзіей могучести воли и дѣлъ. Въ ихъ образахъ и въ самомъ существѣ ихъ, кажется, воплотились легенды о битвахъ титановъ, о подвигахъ Геракла, обо всѣхъ ужасахъ въ домѣ Тантала и Пелопса (см. «*Олимпъ*», *миѳологія древнихъ грековъ, римлянъ, египтянъ, германцевъ, и индійцевъ, соч. Петискуса, перев. Евстафіева*).

Мы предположили себѣ, за исторіей Эллады, разсказать, въ возможно непродолжительномъ времени, исторію Рима, и разсказать такъ, чтобы читателю сдѣлалось нагляднымъ то величественное, которое проникаетъ собою все развитіе римскаго государства, проявляется въ герояхъ и во всѣхъ разрушительныхъ войнахъ его, внѣ и внутри Италіи. Мы представимъ тогда и картину послѣднихъ событій въ Греціи, предшествовавшихъ безславному порабощенію этой страны римлянами.

Итакъ, заканчиваемъ исторію Эллады научными изслѣдованіями и открытіями ученыхъ александрійскаго періода. Эти дѣятели такъ же высоко стоятъ въ древней наукѣ, какъ высоко въ области пластическаго искусства и поэзіи стоятъ творенія Фидія, Эсхила и Софокла.

Заключеніе Тордвальдсенова барельефа.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ

КЪ ПРИЛОЖЕННЫМЪ ВЪ ЭТОМЪ СОЧИНЕНІИ ТАБЛИЦАМЪ,

ИЗОБРАЖАЮЩИМЪ

ВХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЪ ВАВИЛОНЪ.

(Извлечено изъ *Convers. Lexic.*, см. Bildene Kunst, I, стр. 270 и далѣе.)

Подъ именемъ «*Входа Александра въ Вавилонъ*» извѣстно знаменитѣйшее изъ созданій новой скульптуры. Имъ обезсмертилъ свое имя Торвальдсенъ. Когда, въ 1811 году, Наполеонъ избралъ себѣ лѣтнею резиденціей дворецъ Квиринала, Торвальдсенъ и многіе римскіе художники получили предложеніе украсить залы этого зданія скульптурными работами. Торвальдсенъ выбралъ для себя обширный фризъ, чтобъ изобразить на немъ входъ Александра Великаго въ Вавилонъ, какъ бы намекая на подвиги французкаго завоевателя и на папскій Вавилонъ. Художникъ произвелъ барельефъ изъ гипса. Въ три мѣсяца дѣло было готово. Такая быстрота еще удивительнѣе, если вспомнить, что барельефъ наполняетъ собою пространство въ 160 футовъ длины и въ 5 вышины, на стѣнахъ залы. Этимъ произведеніемъ, въ которомъ такъ ярко

отразился прекрасный античный стиль, Торвальдсенъ доказалъ, что и художникъ нашего времени, проникшись духомъ простой, античной красоты, можетъ со славой выдержать соперничество съ созданіями пластики классической старины. По просьбѣ графа Соммаривы, Торвальдсенъ, на загородной виллѣ графа, на Комскомъ озерѣ, повторилъ свой барельефъ изъ мрамора, и прибавилъ къ нему еще двѣ фигуры, свою и фигуру графа. Впослѣдствіи, знаменитый датскій художникъ получилъ еще одно подобное приглашеніе, именно отъ датскаго короля; и еще разъ, въ городѣ Христіанборгѣ, повторилъ свое произведеніе, на великолѣпномъ и обширномъ мраморномъ фризѣ.—При произведеніи своемъ, Торвальдсенъ пользовался историческими данными изъ извѣстной, хотя нѣсколько романтичной, *Біографіи Александра Македонскаго, Курція-Руфа (De rebus gestis A. M.)* Въ 4-й книгѣ Курція описанъ входъ Александра въ Вавилонъ. Послѣ побѣды при Арбеллахъ, Александръ двинулся къ великолѣпной столицѣ. Сюда скрылся, пораженный при Арбеллахъ, полководецъ персидскій, Мазасъ. При приближеніи Александра къ Вавилону, Мазасъ вышелъ къ нему на встрѣчу и молилъ о великодушіи и пощадѣ. Александръ, радуясь, что пріобрѣтаетъ удивительный городъ безъ осады и меча, принялъ Мазаса очень благосклонно и затѣмъ, во главѣ своихъ боевыхъ фалангъ и конницы, двинулся въ городъ. Народъ усѣялъ стѣны и улицы желая увидѣть того, чье имя такъ громко звучало недавними побѣдами. Здѣсь встрѣтилъ побѣдителя, съ новыми мольбами о милости, начальникъ города и государственный казначей Дарія, Багофанъ. Онъ усыпалъ путь побѣдителю цвѣтами, а по сторонамъ разставилъ серебряныя жертвенныя курильницы, съ которыхъ клубами несся, на встрѣчу Александру, привѣтственный дымъ ладана и мирры. Въ даръ Александру Багофанъ привелъ стада отборнѣйшихъ овецъ, быковъ и лошадей; за ними — въ клѣткахъ, лучшіе экземпляры пантеръ и львовъ. Далѣе, длинной вереницей, тянулись волхвы, воспѣвавшіе славу новаго своего повелителя, халдейскіе астрологи,

сопровождавшіе свои пророчества игрою на лирѣ, и, наконецъ, конница вавилонская, въ праздничномъ видѣ. Торжествующій Александръ, стоя на своей побѣдной колесницѣ, велѣлъ всей этой почетной встрѣчѣ примкнуть къ его войскамъ. Вотъ какъ Александръ, окруженный покорными толпами народа; сопровождаемый войскомъ, жрецами и пышными вольможами Дарія, вступилъ въ царственный городъ. Самые знаменательные моменты этого событія, въ связи съ главными мыслями его, художникъ выразилъ пластически, въ своемъ дивномъ барельефѣ. Барельефъ прежде всего ведетъ зрителя на берега Евфрата, къ стѣнамъ Вавилона *(табл. 1, фиг. 1)* Тюки товаровъ и верблюдъ, готовый идти съ ними въ дальній путь, напоминаютъ пышный азіятскій торговый городъ. Погонщикъ верблюда и товарищи его забыли о дѣлѣ и устремились глазами къ приближающейся въ городъ процессіи, а мальчикъ даже взобрался на шею важному животному, чтобъ удобнѣе разсмотрѣть заманчивое зрѣлище. Совершенный контрастъ съ этими лицами, оживленными ожиданіемъ, представляетъ молодой рыбакъ, сидящій у самаго берега Евфрата. Осторожно, на нѣжной лѣсѣ, онъ тянетъ свою добычу, и боится, какъ бы не упустить ее. Въ этомъ рыбакѣ художникъ скрылъ, быть можетъ, намекъ на то, какъ часто у завоевателей богатство и слава, легко нажитыя, такъ же легко исчезаютъ, не оставляя по себѣ ничего, кромѣ воспоминанія, не всегда утѣшительнаго. По утвержденію Торвальдсеновыхъ друзей въ Римѣ, художникъ въ этомъ рыбакѣ намекнулъ на Наполеона, который, въ одно и то же время, хитрый ловецъ людей и отважный завоеватель, овладѣлъ въ ту пору престоломъ святаго рыбака Петра въ Римѣ. — Продолженіе фигуры 1-й показываетъ, что весьма благоразумно укрывать свое добро отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей. Купецъ спѣшитъ, съ своими тюками, убраться за Евфратъ, прежде прибытія побѣдителя. Въ разговорѣ съ гребцомъ, онъ выразительнымъ жестомъ впередъ, вѣроятно, передаетъ ему нѣкоторый страхъ на счетъ своего имущества; лодочникъ,

кажется, болѣе занятъ блистательнымъ вдали шествіемъ, чѣмъ своимъ скуднымъ, обычнымъ дѣломъ. Направо статуя божества рѣки. Невозмутимо-покойно взираетъ божество на человѣческія дѣла и ощущенія. Въ этой статуѣ, конечно, выражена идея всегда неизмѣнной, во всѣхъ треволненіяхъ человѣческихъ одинаково-свѣжей, природы. Божество увѣнчано водяными растеніями; въ лѣвой рукѣ у него пукъ колосьевъ, символъ благословеннаго плодородія страны. Обратившійся къ фигурѣ бога тигръ, кажется, возвѣщаетъ ему, что тамъ; вдали у моря, Евфратъ и Тигръ уже празднуютъ свое соединеніе. Круглое зданіе сзади напоминаетъ вавилонскую башню (столпотвореніе).—Далѣе зритель чувствуетъ себя уже вблизи Вавилона *(таб. 1, фиг. 2):* пальмы и кипарисы напоминаютъ о висячихъ садахъ Семирамиды. И здѣсь восходитъ ѳиміамъ съ курильницъ; жители Вавилона съ нетерпѣніемъ ожидаютъ приближенія шествія. У воротъ стѣнъ пастухъ придерживаетъ стадо, пригнанное въ даръ ожидаемому побѣдителю. Эта подробность барельефа, быть можетъ, назначена художникомъ, чтобъ выразить ту необыкновенную готовность къ миру, которую Александръ встрѣчалъ на каждомъ шагу въ безсильномъ и роскошью изнѣженномъ Вавилонѣ. У самыхъ воротъ, возлѣ курильницы, два наемные вавилонскіе воина глядятъ, какъ кажется, съ негодованіемъ на то, что происходитъ. Въ совершенной противоположности съ этими ощущеніями видимъ равнодушіе и беззаботность мальчика, обнявшаго голову овцы, между тѣмъ какъ во взглядѣ хорошенькой пастушки, съ ребенкомъ на рукахъ, и въ позѣ пастуха, возлѣ нея, ясно выражено ожиданіе.—Вотъ и волхвы и жрецы выходятъ изъ города на встрѣчу къ побѣдителю; *(табл. 1, фиг. 3)*. Передній жрецъ держитъ въ рукѣ глобусъ и указываетъ созвѣздіе, подъ которымъ, по его мнѣнію, совершается вшествіе Александра. Лукаво спрашиваетъ онъ длиннобородаго волхва, опирающагося на него, нравится ли ему созвѣздіе, и какимъ созвѣздіемъ можно будетъ удовлетворить тщеславіе побѣдителя? Третій жрецъ, слѣдующій за ними,

кажется, уже занятъ обдумываніемъ гимновъ и пророчествъ. Красивые кони съ гораздо большей охотой стремятся присоединиться къ великолѣпному шествію: конюхи съ трудомъ удерживаютъ порывы ихъ, вызванные, вѣроятно, предшествующей имъ музыкой и разставленными по дорогѣ куреніями. И кони, и львы, и пантеры, которыхъ ведетъ на цѣпи мальчикъ, назначены въ даръ побѣдителю. — Далѣе *(табл. 2, фиг. 4)* развивается это шествіе. Впереди музыканты съ трубами, рожками, треугольниками и флейтами; одни, серьезно занятые игрою, другіе забавляются и трубятъ во всю мочь. Слѣдуетъ самъ виновникъ пышной встрѣчи Александру, Багофанъ. Съ жезломъ, знакомъ своего начальства, онъ распоряжается установкою тяжелаго серебрянаго жертвенника. Двое работниковъ заняты съ нимъ, юноша поднялъ высоко сосудъ съ зажженнымъ уже ѳиміамомъ: мальчикъ, съ ящикомъ мирры, готовъ еще подложить на огонь драгоцѣннаго благоуханія. Направо видны молодыя вавилонянки, разбрасывающія по пути цвѣты и вѣнки. По оживленнымъ движеніямъ ихъ надо думать, что побѣдитель не далеко. Малютка съ корзиной цвѣтовъ спѣшитъ, но, кажется, не раздѣляетъ общаго одушевленія. — Слѣдуетъ теперь *(1-е отдѣленіе фигуры 5-й)*, въ раболѣпномъ униженіи, начальникъ города, Мазасъ. Онъ толкаетъ впередъ дѣтей своихъ, которыя, вѣроятно, твердятъ заученныя на встрѣчу Александру привѣтствія. У самого Мазаса за спиной персидскій колчанъ со стрѣлами, но въ настоящую минуту единственныя стрѣлы покорнаго градоправителя — его раболѣпные взгляды къ Александру. Двое воиновъ, сопровождающихъ Мазаса, одушевлены не одинакими чувствами: одинъ, глядя на дѣтей, думаетъ, что только ради ихъ начальникъ города сдѣлался предателемъ; другой, устремившись на отца, не можетъ скрыть своего негодованія. Впереди шествуетъ фигура, изображающая богиню мира, съ рогомъ изобилія въ одной рукѣ (это сокровища Азіи, теперь во власти побѣдителя) и съ оливковой вѣтвью въ другой (это — символъ мира, прошеніе

милости побѣжденнымъ). Побѣдною колесницей Александра правитъ богиня побѣды. Въ движеніи ея какъ нельзя лучше выражается, съ какою быстротой она мчитъ своего любимца отъ побѣды къ побѣдамъ. Итакъ, въ этомъ мѣстѣ и побѣжденные, и побѣдители встрѣчаются одни съ другими — оба подъ божественнымъ покровомъ. За колесницей Александра начинается свита его. Вотъ, впереди другихъ, два оруженосца, одинъ—фригіецъ, съ метательными копьями и со щитомъ, другой—эллинъ, съ колчаномъ и лукомъ и въ капюшонѣ изъ львиной шкуры (намекъ на изображеніе головы Александра, на древнихъ македонскихъ монетахъ). Привыкшій къ сраженіямъ, любимый конь Александра, Букефалъ (Буцефалъ), поднимается на дыбы, рвется, и негодуетъ, что его господинъ оставилъ его въ этотъ торжественный день. Трое полководцевъ, въ блестящемъ вооруженіи, слѣдуютъ далѣе, также на коняхъ. Любимецъ Александровъ, Эфестіонъ, скачетъ впереди. За нимъ, съ покойнымъ чувствомъ удовольствія побѣды, Парменіонъ. Третій, недовольный своимъ положеніемъ властолюбивый Амынтъ, осаживаетъ коня и посылаетъ какое-то повелѣніе къ слѣдующимъ за ними всадникамъ. Ближайшій изъ нихъ *(табл. 2, фиг. 6)*, кажется, не обращаетъ особеннаго вниманія на повелительное движеніе Аминта. Должно быть, въ этомъ ближайшемъ юномъ вождѣ представленъ строптивый сынъ Парменіона, Филотъ, который, одинъ изъ первыхъ, поднялся противъ Александра. Слѣдующіе за нимъ вожди сдерживаютъ коней, поправляютъ нарушенный строй. Радость написана на лицахъ этихъ вождей. За ними еще не мало македонскихъ всадниковъ, въ различномъ вооруженіи. На лицахъ ихъ важность, или также, какъ и у предъидущихъ — удовольствіе, возбуждаемое побѣдою и торжествомъ. Далѣе — легковооруженный луконосецъ и воинъ, съ копьемъ, замыкаютъ движеніе войска. Луконосецъ обращается къ слѣдующей за всадниками пѣхотѣ и—кажется ему, что мечи, щиты и дротики не обѣщаютъ ничего успокоительно-пріятнаго. Изъ

двухъ заднихъ воиновъ одинъ — тотъ, который къ зрителю оборотилъ щитъ и спину — глядитъ назадъ, гдѣ начинается шествіе слоновъ (см. начальную виньетку при этомъ *объясненіи)*. Передній слонъ гнется подъ тяжестью драгоцѣнной добычи: копій, мечей, колчановъ, щитовъ, скиптровъ и сатрапскихъ золотыхъ шапокъ; поверхъ всего выставляется красивый, золотомъ украшенный, ящикъ, который отнятъ былъ у Дарія и который Александръ удержалъ для себя изъ всей добычи, розданной другимъ. Это — ящикъ, въ которомъ впослѣдствіи Александръ повсюду возилъ рукопись Гомера. По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ историческое преданіе. Рядомъ со слономъ идетъ печальный и согнутый побѣжденный сатрапъ. Позади слона видѣнъ всадникъ, который спѣшитъ присоединиться къ переднимъ. Барельефъ замыкается двумя личностями, одна изъ нихъ представляетъ воина, оборотившагося назадъ, другая—самого Торвальдсена. Прикрывшись щитомъ и знаменательно избравъ себѣ мѣсто подъ пальмой мира, художникъ внимательнымъ взглядомъ провожаетъ пышное побѣдное шествіе.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ „ЭЛЛАДѢ“.

1. *Фата-Моргана.* Миражи, къ которымъ относится и фата-моргана, были наблюдаемы и въ древнія времена; но Монжъ (участвовавшій въ экспедиціи Наполеона I въ Египетъ) первый далъ имъ удовлетворительное объясненіе, указавъ причину ихъ въ особенной преломляемости лучей свѣта въ нижнихъ слояхъ атмосферы, нагрѣтыхъ неодинаково и поэтому представляющихъ для солнечныхъ лучей средины различной плотности.

2. *Паликаръ* значитъ *удалецъ*, *витязь*. *Паликарами* или *армоталами* назывались воинственные греческіе горцы *(клефты)*, прославившіеся своей борьбой съ турками въ то время, когда иго послѣднихъ тяготѣло надъ Греціей.

3. *Понтъ Эвксинскій.* Во время Гомера греки еще не смѣли плавать по Черному морю. Тогда смотрѣли на это море какъ на океанъ, границу обитаемой земли, считали его самымъ большимъ изъ всѣхъ обитаемыхъ морей (какъ отчасти видно это на Гомеровой картѣ міра. Эллада, часть I, стр. 338), а потому и называли его *Понтомъ*, т. е. моремъ по преимуществу. Долго берега Понта считались негостепріимными, по дикости ихъ народонаселенія, и море слыло ἄξεινος *аксиносъ (негостепріимнымъ)*, пока Іонійскія колоніи, около 750 г. до Р. Х., не заставили перемѣнить это имя на пріятнозвучащее: εὔξινος, *эвксиносъ (гостепріимное)*. Во времена Гезіода свѣдѣнія грековъ о Понтѣ расширились: сѣверные берега этого моря выдвинулись въ отдаленіи, покрытые туманами, представлявшими воображенію древнихъ странные образы: то была для нихъ баснословная область, хранилище драгоцѣнностей, обитель существъ необыкновенныхъ. Поэзія и поэтическіе миѳы завладѣли новою мѣстностью. По тогдашнимъ географическимъ свѣдѣніямъ объ этихъ мѣстахъ, видно, что по берегамъ Понта жили кимеріане, къ сѣверу отъ нихъ скиѳы, за скиѳами исседоны, потомъ — начинались чисто сказочныя свѣдѣнія: за исседонами жили къ сѣверу одноглазые аримаспы; за ними—грифы, стерегшіе золото, а еще далѣе на сѣверъ — блаженные гипербореи.

Геродотовы извѣстія относительно страны, гдѣ жили скиѳы, нѣсколько точнѣе, но страны къ сѣверу отъ нихъ остаются и у него странами вымысловъ.

Завоеванія Александра Македонскаго въ Азіи сдѣлали много для географіи тѣхъ странъ, но это нельзя отнести къ Скиѳіи. При наслѣдникахъ Але-

ксандра сдѣлано больше. Тимей подробно говорилъ о скиѳахъ и Сѣверномъ океанѣ; Клеархъ, ученикъ Аристотеля, написалъ сочиненіе о скиѳахъ; все, что до сихъ поръ было извѣстно о сѣверѣ, собралъ Эратосѳенъ.

Въ такомъ видѣ греки передали римлянамъ географическія свѣдѣнія о берегахъ Чернаго моря. Во время войнъ съ Мидридатомъ римляне ближе ознакомились съ этими мѣстностями; но хотя въ числѣ народовъ, населявшихъ эти мѣста, и упоминаются ими (у Овидія) геты, скиѳы, сарматы, языги, бастарны, однакожь страны къ сѣверу отъ Понта остаются до самаго Р. Х. неизслѣдованными съ точностью. Страбонъ приводитъ этому слѣдующія причины: «по Танаису (Дону), говоритъ онъ, мало что можно узнать выше устьевъ: такъ страна холодна и бѣдна. Туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріязненный климатъ; но иностранцы этого не въ состояніи; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы, дики и не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ.»—Вотъ почему Овидій называетъ ее *pars ultima mundi*, *quam fugere homines deique* (украйна міра, которую покинули люди и боги).

4. *Оболъ* равнялся 4 коп. сер., *діаболъ*—8 коп. сер., *тетроболъ*—16 коп. сер., *драхма*—24 коп. сер., *дидрахма*—48 коп. сер., *тетрадрахма*—96 коп. сер.— Это были серебряныя аттическія монеты. Кромѣ монетъ, были еще единицы *счетныя* не вещественныя: большая аттическая *мина* равнялась 24 руб. 3 коп., большой аттическій *талантъ* равнялся 1,442 руб. сер.

5. *Тартаръ*. См. «*Олимпъ*» Петискуса: «Тартаръ или мѣсто казни для нечестивыхъ. Гдѣ именно, въ какихъ предѣлахъ Гадесова царства расположены были эти отдѣленія, различныя преданія говорятъ различно, но господствующее мнѣніе было то, что блаженные обитатели пребывали на дальнѣйшемъ западѣ, а Тартаръ такъ глубоко подъ землей, какъ высоко небо надъ нею. Въ обитель блаженныхъ попадали не столько обыкновенные добрые люди, сколько особые счастливцы, избранники безсмертныхъ боговъ, и въ ней пребывали они подъ кроткой державой Хроноса, наслаждаясь благами безконечнаго *золотаго вѣка*. Вѣрованіе позднѣйшихъ временъ позволило надѣяться достигнуть блаженнаго безсмертія и всѣмъ добрымъ людямъ, особенно тѣмъ, которые посвящены были въ Элевзинскія таинства. Тартаръ же былъ, какъ сказано, мѣстомъ безотрадной ссылки всѣхъ, за свою нечестивую жизнь на землѣ утратившихъ всякое благоволеніе безсмертныхъ боговъ».

6. *Медимнъ* былъ у грековъ основною мѣрою сыпучихъ тѣлъ. Онъ составлялъ $1,_{982}$ четверика. Медимнъ дѣлился на три *трита* или третника, на 6 *эктовъ* или шестниковъ, 12 *полуэктовъ*, 42 *хиниксовъ*, 192 *котиля* и потому содержалъ 3,175 куб. дюймовъ.

И такъ *медимнъ*$=1,_{982}$ четверика,

тритъ $=5,_{270}$ русск. гарнц. $=$ 0,661 четверика.

эктъ $=2,_{642}$ русск. гарнц. и т. д. по пропорціи. Слѣдовательно, доходъ гражданъ 1-го класса былъ приблизительно $123^3/_4$ четвертей.

Д. г. 2-го класса $74^1/_4$

Д. г. 3-го класса 49.

ВХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЪ ВАВИЛОНЪ.

(По рисунку Торвальдсена.)

Фиг. 1.

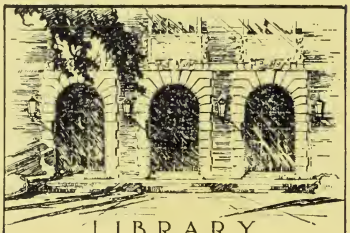
Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Фиг. 5.

Фиг. 6.



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 072546283